От автора

Доброго времени суток! Если ты, дорогой читатель, держишь в руках эту книгу, то прежде, чем ты решишь ее прочесть, давай определимся с тем, стоит ли тебе это делать?

То, что я написал ниже по тексту идет в ущерб рекламе, пиару и прочему в том же плане касательно ее продвижения, но тем не менее… Данная книга – это компиляция моих мыслей и размышлений, книг, игр, фильмов и всем прочим, чем я вдохновлялся, плюс личный жизненный опыт и переживания. Книга имеет смешанный жанр и исполнена в таких как: фантастика и научная фантастика, постапокалипсис, философия, драма и психология. В силу выбранных жанров, книга местами мудреная, местами унылая и депрессивная, местами даже скучная... Поэтому, если тебе такое не интересно, то не трать свое время впустую. В этой книге ты не найдешь ничего нового или свежего, ничего уникального или оригинального. Все написанное уже кем-то придумано, кем-то создано, кем-то описано… Я лишь взял уже созданное и соединил все это так, как было интересно именно МНЕ! Нет! Я не пытался нарочно плагиатить что-то. Нет! Я не пытался скопировать стиль или образ, или атмосферу какого-нибудь произведения. Нет и нет… Я просто использовал все, чем богата современная литература в плане воображения, как инструмент. Так что все это можно назвать одним словом – постмодернизм! Материалом или сырьем послужила собственная жизнь. Но сразу отмечу, что не в сюжетном плане. Потому, если вам попадутся, а они попадутся! Знакомые термины, с которыми вы познакомились в других книгах, играх, фильмах и прочих способах передачи воображения – не удивляйтесь!

Даже если и теперь мои слова тебя не остановили от попытки прочесть эту книгу, то прежде всего я бы хотел перед тобой оправдаться, но уже в ином ключе. Ибо написанное в книге имеет много спорных моментов, из-за которых ты, читатель, можешь неверно понять мои мысли.

Посему во-первых – *политика!* Я не сторонник каких-либо партий, движений, взглядов и тому подобное. Я пацифист.

Во-вторых – *религия*. Книга имеет тесную связь с религией, но… В целом, я - атеист. Но я не против веры в Бога. Я когда-то был религиозным человеком, но позже утратил веру…

В-третьих – *неверное восприятие*. Как я уже сказал, в книге будут спорные моменты и потому спешу оправдаться – я не имею намерений кого-то оскорбить, унизить или показать, что я сторонник… Скажем так «плохой политики» или что я какой-то «еретик». В книге я использовал Гитлера, в качестве яркого примера. Я не сторонник как фашизма, так и нацизма, я вообще стараюсь в это не лезть. Однако пример с Гитлером неоднозначен, а потому у вас может сложиться неверное восприятие обо мне, потому-то я и оправдываюсь… Вы в праве упрекнуть, что я мог взять иной пример или даже выдумать, но зачем изобретать колесо? Придумывать столь же простой и яркий пример для сравнения… Проще взять готовый. Все написанное – это лишь книга и все писалось в рамках сюжета, без призмы моей реальной жизни, где она выступала лишь как источник и инструментарий для более приближенного к реалии описания. Книга – это не отражение моих взглядов, а просто результат фантазии.

В-четвертых – *я не писатель*. Я не заканчивал каких-либо учебных учреждений, курсов или чего-либо касательно писательской деятельности. У меня нет ни таланта, ни опыта. Я не хочу писать в уже созданных писательских стилях, если таковые имеются… Я хочу написать книгу именно так, как я ее вижу! В своем стиле! Я хочу экспериментировать и писать то, что мне самому будет интересно прочесть! Книга должна быть такой, что прочитав ее задумаешься. Не революционной! Нет… Идея не должна осесть в фундаменте, но быть кирпичиком! Я не считаю себя писателем… Я простой любитель и потому это оставляет свой отпечаток качества на книге.

В-пятых – *дыры*. Я большой любитель фантастики и люблю научную тематику. В своей книге я не упустил возможности впихнуть науку, а потому и тут, да-да опять… Спешу оправдаться. Дело в том, что в книге есть вещи, которые у приличного ученого вызовет лишь приступ смеха от бездарности написанного. Любой здравомыслящий критик, как профессиональный, так и любитель, прочитав книгу так же посмеется над тем, как некоторые вещи звучат бездарно. Но! Потому жанр и называется «научная фантастика», что позволяет коверкать науку в угоду создаваемой вселенной. Плюс, некоторые откровенные неточности, какие я говорить не буду, были допущены намеренно! Мои познания в науках не выше среднестатистических знаний современного человека, но сюжет книги не ограничен одной книгой. Да, я планирую написать цикл и раскрыть всех карт в первой же книге я не могу. Но могу заверить, что некоторые допущения будут иметь свой смысл, но в будущем! А вот что является намеренным допущением, а что банальным невежеством, я пока оставлю в тени.

В-шестых – *пропаганда*. В книги есть сцены убийства, жестокость, суицидальные наклонности, каннибализм, алкоголь и наркотики. Я не сторонник разрушительного образа жизни и не в коем случае не склоняю и не пропагандирую к насильственным действиям и употреблению вредных и опасных веществ. Нет, нет и нет!

Седьмое и последнее – *пасхалки*! Я большой любитель разного рода пасхалок и отсылок, и само-собой я не упустил возможности запихнуть в свою книгу немного пасхалочек из разных прочитанных книг, просмотренных фильмов и пройденных игр, ну и не только. Я даже вел список этих пасхалок и насчитал чуть более шестидесяти штук, и это, не считая пасхалок на карте Тейи! В каждой главе, и не только, я постарался оставить минимум одну пасхалку. Правда в книге есть, за одну я ручаюсь точно, пасхалки, которые получились ненамеренно. Я не ставил цели сделать пасхалку, но теория вероятности выдала фортель, от которого даже я, когда один из первых читателей мне указал на это, удивился. Короче говоря – удачного поиска и да прибудет с тобой сила!

Заключение. Если ты дочитал до сюда и моя тягомотина не убила твое желание прочесть книгу, то все, что мне остается, так это пожелать тебе *приятного чтения*!

Пролог

Питер. Невский проспект.

Погода на улице чисто по-Питерски – пасмурно и прохладно. Человек шел по улице и направлялся в сторону адмиралтейства. Человек шел без всякой цели, просто гулял. Но при это этом, из-за сильного чувства пунктуальности, прогулка его выглядела как спешка неведомо куда. Миновав Зеленый мост, человек задержался на углу дома, что стоял на набережной реки Мойки. Дело было в том, что далее тротуар был узким, а проспект всегда имел плотный поток людей. Плюс один из прохожих, что шел и считал в руке мелочь, засмотрелся и не заметив наткнулся на другого прохожего. Крики, звон рассыпаемых монет и человеческая пробка. Пока человек стоял и ждал, пока пробка рассосется, его кто-то одернул и он обернулся. К слову, человека звали Александром, а человек, который одернул Александра… Впрочем Александр страдал от склероза на имена и несмотря на то, что одернувший его человек представился, имя выветрилось из памяти уже на второй секунде. Человек был молодой, одет неброско и по погоде, и имел располагающую внешность. В руках он держал книгу, а в рюкзаке, на котором Александр разглядел застежку в виде Лориэнского листа, лежало еще несколько книг. Решительно положительный молодой человек, если судить по внешности. Однако после своего приветствия, расположение начало гаснуть, ибо парень сказал:

- Простите! В вашем сердце есть вера?

Александр задумался и первое, что пришло в голову – это Бог. Однако человек спросил именно о вере, без конкретики, и потому Александр ответил просто:

- Да есть.

- И во что же вы верите? – произнес парень, вежливо улыбаясь.

- А какая разница? – удивился Александр.

- Ну как какая? – удивился парень.

- Простите, а Вы во что верите? – перебил Александр.

- Я верю в Бога! – гордо и по-прежнему улыбаясь, произнес парень.

- Ясно, - заключил Александр, пытаясь покинуть парня.

- Простите! – остановил его парень. – Вы не ответили, во что Вы верите?

- Я ответил: «Какая вам разница?», - несколько раздраженно ответил Александр.

- Мне это интересно.

- У меня своя вера, своя религия, своя философия.

- Ну, у каждого человека так, каждый верит по-своему!

- Нет, Вы неправильно поняли. Я не верю в Бога, хоть и не отрицаю его. Моя вера заключается в том, что если Бог где-то и есть, то он выглядит далеко не как седовласый старец в белом балахоне с сиянием и нимбом над головой. Моя вера – это религия и наука в едином целом.

- Разве так может быть? – недоуменно произнес парень.

- Ответьте на вопрос – сколько сторон у монеты?

Парень подумал и ответил:

- Две.

- Вы, как и большинство - не угадали, - улыбаясь, ответил Александр. – В самом простом минимуме, если не углубляться в грани и детали, их три – орел, решка и ребро! Не забывайте, что мы живем в трехмерном пространстве!

- А при чем тут это? – крайне недоуменно спросил парень.

- Я верю, что в нашем мире все возможно и все относительно, главное не стремиться как Вы – к конкретной крайности, а держаться середины, чтобы видеть обе стороны и делать вывод, а не выбор.

- Хм… - задумчиво вздохнул парень. – Все равно, как-то я Вас плохо понимаю…

- Не берите в голову, - улыбаясь, произнес Александр. – Моя вера – это моя вера. Делиться ею я не очень горю желанием, а потому не пытайтесь понять. Скажу просто – я верю в Бога, но, - Александр ухмыльнулся. - В тоже время я в него и не верю.

- Но как так можно? – обалдело произнес парень. - Верить в Бога и не верить в Бога? Какая-то у вас неправильная вера…

- Вот я и говорю – не берите в голову. Само существование нашего мира, если обращаться к науке – парадоксально, но если обращаться к религии, то неправдоподобно. До тех пор, пока нет доказательств подтверждения или опровержения, любая чушь вписывается в рамки нормы. Лично я это называю суперпозицией веры.

- Простите… - неуверенно произнес парень. – А как ваша вера называется?

- Как? – задумчиво произнес Александр. – Да вообще-то ни как… Но я думал над этим. Если хотите «Инфинитизм», от английского инфинити, то есть бесконечность. Только не путайте с инфинитИЛизмом и к тем более с инфАнтИЛизмом!

- Язык сломать можно…

- Да, есть немного.

- А при чем здесь бесконечность?

- При том, что число вариантов, число путей, крайностей и так далее - бесконечное множество. В нашем мире уживаются такие крайности, что волосы дыбом встают. А раз они уживаются, то отрицать Бога или соглашаться с его существованием – выбор сугубо личный. Я же выбрал путь золотой середины и инфинитизм – это как раз путь веры и не веры в едином флаконе. Я в Бога не верю, как атеист, но верю, что он может существовать, только в иной форме, которую можно описать научно. Я верю в… - Александр задумался. – В Бога-человека. Это Бог, который творит, но слеп из-за высоты своего взгляда и потому не видит нас и следовательно - не слышит, как и мы не замечаем насекомых под ногами. Этот Бог не владыка и не хозяин, он просто некая сущность.

Александр поглядел на парня с ухмылкой, видя, как он пытается понять.

- Ладно, - заключил Александр. – Приятно было поболтать, но я, пожалуй, пойду дальше. Напоследок лишь скажу – не стоит приравнивать веру и религию. Всякая религия – это вера, но не всякая вера – это религия. Верить можно в людей, в себя, в знания и силу. Да во что хотите… Как говориться: «Каждому воздастся по вере его». Ладно, еще раз. Удачи вам.

- И вам удачи, - произнес парень нерешительно. - С вашим инф… Инфинити… - неуверенно произносил парень, припоминая слово. - Змом.

- Инфинитизмом! – поправил Александр. - А вам с вашим Богом! – произнес Александр, уходя в сторону адмиралтейства.

Парень еще какое-то время постоял, провожая взглядом Александр. Подумал над сказанным и продолжил то, чем занимался прежде.

- Простите! В вашем сердце есть вера? – произнес парень, останавливая очередного прохожего.

Часть 1. Решка

"Я не знаю, каким оружием будет вестись Третья мировая война,

но в Четвертой будут сражаться палками и камнями!"

А. Эйнштейн.

Глава 1. Война

Ценность вещам каждый человек определяет сам.

Ценность жизни почему-то определяют другие…

Молодой парень в чине сержанта выводил немногочисленную группу таких же, как и он сам, бойцов. Все они были юны, а в глазах каждого был страх. Однако некоторые прятали страх за масками раздутой отваги или напыщенного веселья. Кто-то прятал страх и за маской бесчувственности, хладнокровно глядя в «никуда» и слепо следовал приказам. Были и другие маски, но у Святогора маски не было. Он словно один из тех, лишних бойцов, до которых очередь дошла, а вот еще одного противогаза не досталось. Так он и стоял с лицом, на котором страх был написан большой кистью.

- Разобрались, разобрались! Живей! Живей! Мясо бесполезное!

Сержантик, еще прыщавый парень, строил роту. Новобранцы, наскоро прошедшие КМБ (курс молодого бойца), нелепо и неуклюже, топчась и что-то выкрикивая, кое-как сообразили строй.

Сержант прошелся вдоль строя, оглядывая бойцов. На нем была военная форма, которая явно была не из одного комплекта и явно не была изначально его. За спиной был завернут конверт, а на ногах разношенные и отполированные до блеска берцы, в то время как у молодых были еще деревянные берцы, форма не по размеру и строго заправленная в штаны.

К строю подошел человек в офицерской форме и капитанскими погонами. Это был капитан Цымбал, командир данного недоразумения под названием «рота». Между капитаном и сержантом прошел ритуал приветствия, в котором сержант сообщил, что рота построена, а Капитан, после обоюдного отдания чести, повернулся к бойцам и произнес речь:

- Бойцы! – произнес Цымбал звучным голосом. - Вас призвали на службу, дабы вы продемонстрировали врагам свой патриотизм! Свою силу и отвагу! Не стану врать, шансов пережить у нас ВСЕХ мало. Но он есть! Но главное – это дорогие нам люди, люди которых мы защищаем. Люди, ради которых…

Капитан пичкал молодых бойцов нудной тягомотиной. Его голос был фальшив, а пафосная речь местами была нелепа и насквозь пропитана изжеванными цитатами.

После того, как капитан закончил свою пафосную речь, бойцам начали выдавать и закреплять личное оружие. Капитан параллельно с этим сообщал всем куда и для чего всех отправляют.

После получения личного оружия, у многих изменились выражения лиц. Их общая перспектива – это война и смерть, на которую их отправят уже завтра, а пока – остаток дня и последняя ночь в казарме.

Вечер прошел вяло. Кто-то, чтобы не думать, вызвался в наряд, желающих было хоть отбавляй. Кто-то уткнулся в старые книги, в которых, ввиду нехватки туалетной бумаги, недоставало страниц. А кто-то до самой ночи просиживал в курилке. Святогор тоже сидел в курилке, в нее забилось человек десять. Курилка была на улице и представляла собой деревянную ротонду, а в центре был, вкопанный в землю, бак для окурков. В центре людского круга сидел парень с гитарой, сам сержант, и распевал типичные армейские песни. В песнях говорилось о дембеле, о духах и стариках, о войне в горах, и так далее.

Солнце уходило за горизонт, сгущались сумерки и песни этого неумелого, но сейчас самого востребованного барда, были все печальнее и печальнее.

Святогор слушал, развалившись на деревянной скамье, с сигаретой во рту и разглядывая темнеющее небо, на котором уже начали проявляться первые звезды. Послышался голос дневального и сержант скомандовал всем строиться. Нехотя, но все собрались на последнее построение, на котором была лишь перекличка. Потом подготовка ко сну и долгая, мучительно-тягучая ночь перед началом.

Заснуть Святогор не смог. Всю ночь он ворочался с боку на бок и поглядывал на часы, висевшие над дневальным. Длинный освещенный коридор с несколькими дверями, баночка с документами и папками, с бессмертным тапиком, задремывающим дневальный, и часы…

Тик-так… Тик-так…

Время неумолимо близилось к страшной цифре шесть. Святогор пытался заставить себя заснуть, но все было втуне… Стоило заснуть и ему снился дом, семья и друзья. Ему снилось, как его дом взрывает бомба, а он пытается добежать. Ноги не желали его слушаться, а дом словно бы отдаляется все дальше и дальше. Он бежал и бежал, а огонь пожара горел все ярче и ярче…

Просыпаясь в страхе, Святогор отгонял эти мысли, заставляя себя думать, что все хорошо и война до дома не дошла. И каждый раз он глядел на проклятые часы.

Последнее пробуждение было как раз перед подъемом. Святогор глядел на часы, считая каждую секунду. Когда стрелки заняли свои боевые позиции, дневальный прокричал: «Рота подъем!»

***

Сколько времени прошло, знал лишь Капитан. Но ехали они долго, пункт назначения – Владивосток.

От города мало что осталось, постоянные бомбежки со стороны Кореи камня на камне не оставили, но наши не сдавали город ни на километр. Город был похож на огромную песочницу белого и серого песка, а над всем этим возвышались останки «Золотого моста», который соединял два берега бухты «Золотой Рог».

Рота Святогора расположилась в уцелевшем здании недалеко от вокзала, сам вокзал удалось разглядеть лишь мимолетно. Все что Святогор знал о вокзале, так это то, что он был конечной станцией легендарной «транссибирской магистрали», которая тянулась от Москвы до Владивостока.

Вокзал не был особо примечательным на вид, хотя и сильно выделялся на общем фоне, но Святогору больше понравился потолок, на котором, как ему показалось, была изображена Москва, а в середине было Солнце, внутри которого красовался двуглавый орел.

Вокзал и вся ближайшая территория кипела жизнью. Всюду сновали грязные солдаты и офицеры, и постоянно разносился рокочущий грохот боевых машин. Порядок и хаос в одном флаконе. Отовсюду веяло порохом и гарью, железом и чем-то паленым. Даже земля была в движении. В такой вот каше рота Святогора провела два дня, а после, ничего и никому не говоря, всех забросили в бухту «Перевозная». Лишь на подходе командир рассказал, что от них ждут.

Как описать войну? Страх, кровь, ужас, крики и боль? Нет… Этого мало. Война – это кухарка, готовящая свиные котлеты. Своей мозолистой рукой она брала свежие куски мяса, запихивала их в мясорубку и с натугой прокручивала, превращая мясо в фарш. Этой кухарке все равно, что чувствовала свинья, прежде чем попасть к ней. Этой кухарке плевать, она готовит фарш! Но это лишь начало, ведь дальше этот фарш еще надо приготовить. И вот она берет камни-картофелины, молотит их и добавляет в фарш и лепит будущие котлеты. Вот она берет бомбы-яйца и смазывает котлеты. Потом она берет песок-муку, валяет котлеты и бросает их на сковороду, прожаривая до янтарного цвета.

Чтобы вы чувствовали, окажись на месте котлеты?

Всюду рвались бомбы. Свистели пули. Крики и ругань! И не было всему этому конца и края! Свои, чужие… Кто? Где? Куда? Царил сплошной хаос. Рота, с которой прибыл Святогор, влилась в общую массу людей, подобно молоку в кофе и все стало серым.

В глазах мелькали кровавые пятна, звуки оглушали, а царившее безумие сводило с ума.

Святогор забыл последние слова командира. Слова эти были о цели, но Святогор не мог их вспомнить, как ни силился и тогда он ринулся с общим потоком, надеясь, что его не подстрелят.

Все бежали прямо. Впереди тянулась равнина, а справа, у горизонта, виднелась высота. Не то холм, не то гора, но с этой высоты по прибывающим кораблям стреляли тяжелые орудия.

Впереди были окопы и сооружения, из которых постоянно шел огонь. Не сразу, но Святогор вспомнил, что побережье принадлежит нам, а ту высоту отбил противник и ее нужно отбить обратно. Иначе весь берег будет потерян.

Людская масса двигалась на окопы. До возвышенности было прилично и просто так, напрямик, не попав под пули, к возвышенности не подойти. Однако, равнина и высота были соединены сетью туннелей, траншей и окопов. Туннели с переменным успехом держали обе стороны, но наши наваливали и под общим напором позиции врага сдавали.

Ближе к высоте, когда масса людей и Святогор добрались до удерживаемой позиции, появились первые офицеры. Офицеры распоряжались и направляли людей. То тут, то там сновали солдаты, раненные, а на земле лежали тела убитых. Шум, кровь, грязь… Казалось, будто вся боевая позиция – это один сплошной гнойник, который уже созрел и готовится прорваться. Святогора и еще нескольких солдат остановил офицер. Офицер вручил одному из солдат рюкзак и приказал отнести его в, указанную пальцем, бойницу. Со словами: «Пошел! Пошел! Пошел!» офицер подгонял солдат.

Святогор ощутил странное чувство. Он словно оказался лишним в этой мясорубке. Словно он забрел сюда случайно – заблудился. Что ему-то делать? Все происходило слишком быстро, слишком стремительно. Его не спрашивая забрали в армию. Его наспех учили держать автомат. Его наспех отправили на войну и наспех закинули в круговорот событий. Что делать? Ему забыли сказать. Он как школьник в первом классе, который пришел на урок, и знать не знает, что и как. А

весь класс уже хоть что-то умеет. Но не он… А кругом мертвые и живые. Живые и мертвые. И грязь. И запах. Этот запах въедался в мозг. Он был и приятен и омерзителен. В нем было что-то будоражащее аппетит и заставляющее трястись от страха.

Из омута раздумий Святогора вырвал солдатик.

- Леха! Леха! – кричал солдат. – Что нам делать?! Кому ее отдать?!

Святогор ошалело посмотрел на измазанного грязью солдата и перевел взгляд на содержимое его рук. В руках он держал тот самый рюкзак, а сами они уже были в бойнице.

- А... А… Отдай его, это… - Святогор запнулся.

- Кому?! – воскликнул солдат. – Тут все мертвы! Мертвы! Понимаешь?! Кому отдать?!

- Не знаю! – воскликнул Святогор в ответ.

Прогремел взрыв. По стенам что-то звякнуло и посыпалось. Святогор упал на землю. Рядом что-то упало и звуки стали тише. Святогор поднял голову, оглядываясь, и увидел солдата. Тот лежал на спине с широко открытыми глазами и ртом. Все его тело было усеяно красными пятнами, которые становились все больше. А в руках солдата был зажат рюкзак.

С трудом соображая, Святогор взял рюкзак и раскрыл его. Там лежал брусок чего-то с проводами. «Бомба, - подумал Святогор. – Господи, и куда мне ее девать?!».

Святогор водрузил рюкзак и попытался дойти до другой бойницы, но его перехватил какой-то офицер.

- Куда?! – взревел офицер. – Что это?

Офицер отнял рюкзак и заглянул вовнутрь.

- А! Отлично! – радостно воскликнул офицер. – За мной, - приказал он Святогору.

Присутствие Святогора получило толчок к чему-то осмысленному. Офицер дал четкое указание того, что ему, Святогору, надобно сделать с рюкзаком.

Впереди был бункер. Дверь в него была заперта, а из самого бункера постоянно вели огонь. Нужно было пробраться к двери и заложить бомбу, чтобы иметь возможность попасть вовнутрь. Роль бомбоносца выпала Святогору.

Группа Святогора пробиралась к цели. Враг нещадно поливал огнем, и группа Святогора понемногу таяла, но до цели они дошли. Дверь была металлическая, и в ней было окно. Из окна постоянно стреляли и, лишь под прикрывающим огнем, Святогору удалось подобраться к двери.

Дойти, Святогор дошел. Но что делать дальше он не знал. Он извлек бомбу и пристроил ее между петель двери. Святогор обернулся, с целью спросить, что делать дальше? И получил в ответ неразборчивое махание руками. Не сразу, он все же понял. На бомбе был таймер с уже выставленным временем. Оставалось лишь нажать кнопку и вынуть некое подобие чеки. Святогор нажал кнопку, выдернул чеку и, что было сил, рванул прочь от двери.

Разразилась стрельба. Что-то просвистело совсем рядом. Земля взметалась фонтанчиками и грохот! Мощный металлический скрежет, крики людей и оглушающее забвение.

Святогора привели в чувства. Он был в отключке совсем немного. Но за это время люди из его небольшого отряда заняли бункер. Кто-то прокричал: «Снайперов сюда!». В бункере царила возня и сумятица. Все вокруг кипело и двигалось. Все было быстрым и стремительным. Отовсюду

летела бетонная крошка, в воздухе весела пылевая взвесь и ужасный смрад горелого мяса и паленых волос.

Святогор забился в угол и пытался отдышаться. Все вокруг плавало и двоилось. Кто-то подошел к нему и приказал:

- Встань у двери! Семецкий! Ты тоже. Вы двое прикрываете вход.

Семецкий занял боевую позицию и держал вход под прицелом. Святогор, очухавшись, тоже занял позицию.

В двери показались люди и Семецкий, не дрогнув, дал очередь. Человек пал замертво. Вслед за ним метнулись еще пара людей. Семецкий вновь срезал их очередью, а после, перезаряжаясь, закричал на Святогора:

- Стреляй! Фигли ты расселся?!

Показались еще люди. Они бежали с криками и стреляли в вывороченный дверной проход. Очередь прошила Семецкому ноги, и он вскричал от боли. Святогор впал в ступор, но руки машинально нажали на спусковой крючок и автомат в руках дал очередь. Глаза Святогора расширились до предела. Сейчас он с полной отдачей для себя осознал, что убил человека. Именно – намеренно убил! Не случайно или не осознанно, а намеренно.

Семецкий кричал от боли. Кровь из бедра хлестала фонтанами. Даже за слоем грязи было видно, как он бледнел на глазах. Кто-то подошел и сказал:

- Жгут! Жгут наложи, я прикрою!

Солдат стал стрелять в проход, а Святогор подобрался к Семецкому и попытался сообразить жгут.

Жгутом послужил ремень Семецкого. Святогор сорвал рукав с формы убитого и закрыл рану Семецкого, дабы она не кровоточила. Ремень он затянул выше раны. Получившийся жгут был на скорую руку и совсем неумелый. Семецкий еле дышал, а его лицо уже было как мел. «Господи! Господи! Господи! Да как же это?! Я же… Я… Нет… Нет! Я не могу! Я… Я боюсь! Боже нет!», - судорожно соображал Святогор, весь измазанный в крови и грязи.

Послышался голос:

- Ай… Брось его! Сюда иди!

Святогор, на грани истерики и уже плача, бросил умирающего Семецкого. Подобрав автомат, Святогор подобрался к солдату у двери и тот продолжил:

- Держи позицию! Когда я прикажу, огонь больше не открывать! Все ясно?

Святогор судорожно закивал.

- Сейчас прибудут снайперы и мы выкурим этих гадов!

Святогор, в слезах и с трясущимися руками, держал позицию. Солдат, отдавший ему приказ, корпел над радиоприемником и подавал позывные. Ему отвечали. После короткого разговора, солдат радостно начал кивать в тон своих слов. Бункер рокотал автоматными очередями. Святогор прикрывал вход. Один солдат у радио и еще трое стреляли через бойницы.

Послышался хриплый голос из радиоприемника и солдат ответил что-то невнятное. Не отрываясь от приемника, тот показал жестом, дабы Святогор более не стрелял. А через некоторое время в бункер прошло несколько людей со снайперскими винтовками.

- Отлично! Ну, ща мы им покажем!

Спустя час или два, близлежащая территория была отбита. Лишь высота еще удерживалась противником, и тот не желал отдавать орудия.

При решающем наступлении, Святогор был в первых рядах. Однако, не по своей воле. Повинуясь стадному инстинкту, он ввалился на захваченную позицию и ввязался в резню. Противник рьяно наступал и брыкался. Не щадя себя, противник бросался на верную смерть. Крики боли и отчаяния, отваги и ярости. Никаких правил. Лежачие, стоячие, в спину… Мораль никого не волновала. Каждая сторона имела свою истину и гнула свою линию. Враг – должен быть истреблен.

На Святогора бросился один из захватчиков и повалил наземь. Ошалело, с безумными глазами и крепко стиснутыми зубами, молодой азиат пытался заколоть Святогора. Святогор сдерживал его автоматом, и лишь шальная пуля усмирила разъяренного пса войны. Его тело обмякло и осело на Святогора. От страха он откинул его в сторону, но тут же возник еще один и Святогор, дрогнув, открыл огонь. Тело врага кубарем пало на землю. С каждым новым убитым, сам процесс отнятия жизни становился проще. Это оставляло осадок, но что-то внутри, словно некий комок, становился все мягче. Грубый ком в груди опускался ниже и уже не мешал раз за разом нажимать на спусковой крючок. Сложнее было с холодным оружием. Лишь раз Святогору довелось заколоть врага и лишь по причине того, что иного оружия не было. Святогор не хотел убивать, но каждый раз он повторял: «Либо он, либо меня». Заезженная отговорка труса или храбреца? Неужели все настолько черное и белое? Неужели иного пути нет?!

Как оказалось, иной путь был, но их, всех их, его лишили. Черную и белую мазню неизвестного художника всем насильно навязали. Чтобы люди не задавали вопросов, ибо приказы выполняют, а не обсуждают. Военный – это раб. Раб правителя страны, в которой он живет. Патриотизм – это величественный или горделивый самообман. Патриотизм – это маска слепой веры в то, что страна, в которой ты родился лучше, чем все другие, неугодные ей. Патриотизм – это промывка мозгов, делающая из солдата раба. И сейчас, рабы двух сторон режут и стреляют друг друга во имя… Во имя чего? А какая разница? Приказы выполняют, а не обсуждают…

За короткое время высота была взята. Святогор и другие стреляли, кололи, резали и душили врагов, чтобы остаться в живых самим и продолжить убивать врагов дальше.

Когда весть о взятии высоты пронеслась по округе, все радостно кричали. Все радовались как дети. Стоя, сидя и лежа на грязной земле, усеянной телами. Все ликовали маленькой, но ценной победе. Святогор, грязный и оборванный, в слезах и крови, вышел на улицу и оглядел все с высоты. Он проделал путь от бухты и до высоты словно бы в бреду. Небеса были затянуты дымом и пеплом, а земля - это громадная песочница…

Все люди – дети. Даже когда человек вырастает, он не взрослеет. Человек становится большим, но продолжает играть, правда, уже в другие игры и с другими игрушками. В новых играх нет понарошку. Лидеры этой игры – это большие мальчики и девочки, кто не наигрался в войнушку.

Святогор, не желая больше лицезреть пляску живых на останках павших, вернулся обратно в захваченный бункер с мощным зенитным орудием на крыше. 2047 год, человек основал колонию на Марсе, а до сих пор воюет по старинке… Все новое, страшнее и смертоноснее. Но война, о которой Святогор слышал от своего деда, описанием неотличима от современной войны. Почему? Куда мы катимся? Что не так с миром? Если прогресс идет нога в ногу с войной.

Святогор прислонился к стене и сполз на пол. Руками он закрыл лицо и заплакал.

***

Через несколько часов начали поступать сигналы о том, что противник начал сдавать позиции. Наши наступали. Свежее пополнение или вернее будет сказать – свежее мясо, давило противника числом.

После взятия высоты Святогора и многих других молодых солдат вернули обратно во Владивосток. К исходной позиции. Все молодые ждали распоряжения на переброску к новой боевой точке. Прошел слух, что будут брать штаб. Но так ли это или нет, а рота Святогора была направлена в другое место – точка связи противника. Взятие точки могло обеспечить всеми необходимыми данными о противнике в интересующем высший офицерский состав участке.

Снова война и резня. Вот только не было грязи и пыли. Но всего остального хватало с избытком. Как говорится – из огня да в полымя.

Толком не отдохнувшие, еле-еле стоящие на ногах солдаты, за несколько часов были доставлены к точке связи противника. Где она? А на кой черт солдату это знать? Солдат – это мясо. Роль солдата – умереть за страну и прихватить с собой как можно больше врагов. Все остальное – мяса не касается.

Мясо шло на бой, шло на смерть. Холодный и горячий металл. Одно мясо давило другое и ни одного вопроса, ни одного слова поперек. Наши напирали, а враг не сдавался. А ведь они такие же! Как и мы, они тоже выполняют приказ! Тоже защищают родных и близких. Да неужели никто в этой людской массе больше не задается теми же вопросами? Неужели все так слепы?! Или все как раз зрячи и потому так рьяно напирают? Неужели человек действительно настолько злое создание? Неужели человек готов прикрываться выдуманной и навязанной правдой, чтобы не сожалеть о своих действиях? Много, очень много вопросов роилось в голове Святогора, но он то отгонял их, то затыкал силой, то замещал их чем-то еще. Он пытался найти оправдание своим же собственным действиям! Против своей воли, щадя собственную жизнь, он отнимал чужие жизни. Он осознавал это, но продолжал дальше, а вопросов становилось все больше, как его злость и ярость. Откуда она взялась? Что с ним случилось? Почему ему теперь так легко стало отнимать чужие жизни?

Враг напирал. Вот один выскочил и Святогор уже не думая, а смиряясь с неизбежным, ударил по врагу очередью. Вот еще один и снова, и снова… Потом снова и снова, и так пока не закончились патроны. А когда патроны закончились, не успевая перезарядиться, Святогор сразил врага ножом, откидывая автомат. Он всаживал лезвие снова и снова, и видел, как враг захлебывается кровью.

Что-то внутри Святогора звонко тренькнуло и мучавшее его чувство пропало. Если раньше он плакал, забивая человека как животное, то теперь этого не хотелось. Это чувство испугало его. Но враг не давал послабления.

На войне всегда так. Вчера ты пацан, с детскими амбициями и мечтами, а уже завтра ты на войне и убиваешь таких же пацанов. День. Всего один день! И ты уже другой. Новые чувства и эмоции захватывали и топили. Черное и белое стирало серость и цветность бытия. На войне ты лишь на одной стороне.

Вот он – переломный момент. Момент, когда человек становиться другим. Ребенок становится взрослым. Не смерти позади, делают из вчерашнего пацана взрослого парня, а момент осознания!

Смертей было много. Десятки, сотни и тысячи на каждого, такого как Святогор.

Пришлось положить десятки, а то и сотни вражеских тел на этот мост, что соединит и позволит пройти захватчикам в лице «наших» к кладезю знаний тех, кого называют «враг». И десятки мальчиков, что еще не стали мужчинами, за короткие часы обратились в оных.

Очередная победа. Очередные пляски на поле брани, среди тел своих и чужих. Важный, вражеский, объект захвачен. Укрепление позиции. Ночь и разбор на месте.

Рота Святогора расположилась недалеко от входа на объект. Вход лишь с дозволения, по поручениям и с новостями. Задача – охрана. Вот так просто.

Многие хвастались и бравировали. Мерились достижениями: кто, сколько убил и как; у кого какие раны и от чего… Святогора мутило от всей этой расхлябанности и напыщенности. Ему хотелось уединения. Ему хотелось одиночества!

Далеко не уходя, Святогор отошел к пруду и в лунном свете разглядывал свое отражение. Святогор был невеликого роста, не тощ и не полон, средненький. У него было округлое лицо и ярко выраженная лопоухость. Нос пуговкой и выразительные, но черные глаза. Его бритая голова делала его лицо похожим на сказочного колобка, вот только взгляд был далеким от сказок. Во взгляде читалось многое, и многое Святогор мечтал забыть.

Позади раздался голос:

- Лех! Ты че там, уснул?

Святогор обернулся.

- Я, это… Лицо умыть. Грязный весь… - мягким, но с хрипотцой, голосом ответил Алексей.

- Ааа… Ну ты это! Умоешься, давай к нам, там пожрать принесли.

- Да-да, сейчас…

Это был Макс, хотя кому, какое дело до его имени. Святогор, или вернее Алексей-Святогор, а проще Леха, окунулся в пруд и как есть вышел на пост.

Пост был укреплен, горел костер и все под общий гомон ели трофейные припасы.

Святогор подсел к общей компании и стал слушать. Говорили уже о девушках и о доме. Вдруг, кто-то спросил:

- Лех! А как тебя правильно звать?

- Что? – Непонимающе ответил Святогор вопросом на вопрос.

- Говорят у тебя имя странное?

- Ааа… Да нет, простое - Алексей-Святогор, - ответил Святогор, с чувством, словно данная тема ему не по душе.

- Ого! Это кто же тебя так обозвал?

Все заржали.

- Родители, кто же еще…

Солдата, что спрашивал Алексея, звали Александром или просто Санек. В роте он был что-то вроде батьки или пахана, ну то есть негласный лидер.

- Странное имя – Святогор… - Санек пожевал, пробуя словечко на вкус. – Что хоть значит?

- «Святогор» - значит святая гора, так звали богатыря великана в русских сказках.

- Во как! – Воскликнул Санек. – Так ты у нас богатырь значит?

Санек упер руки в бока, выпячивая грудь и плечи. Все снова стали ржать.

- Да какой там, богатырь… - Святогор опустил взгляд. - Я и драться то не умею.

- Ага! – воскликнул Санек. – Узкоглазый, которого ты заколол, иного мнения!

Все захихикали. Не ржали, как до этого, а просто – хихикали.

- Проехали, - констатировал Санек. – Девка то есть? Ждет кто дома?

- Нет, то есть, уже нет, - неуверенно ответил Святогор.

- Бросила? Вот сука…

- Нет…

Святогор замолк. Он не знал, какой ответ будет правильным и не стал гадать.

- Я бросил. Думал… Так… Лучше будет, я ведь… Могу и не…

- А думать не надо, - твердо и уверенно перебил Санек. - Умрем или нет – плевать! Дома должны ждать. Либо ждать, либо хоронить. Не решай за других. Любит – люби и ты! А не любит – гони шкуру нахер!

Смеяться никто не стал. Все сидели и слушали. Взгляд у всех был устремлен в костер и все словно бы пытались разглядеть в огненных языках что-то свое.

- А меня вот дома ждет дочь, - вдруг разорвал тишину чей-то голос. – Годик всего, а уже так резво катается по полу, а улыбка! Боже, все бы отдал, чтобы снова увидеть.

- Сколько ж тебе лет? – ответил кто-то другой.

- Двадцать, моей девятнадцать… Улыбка у дочи… Ее. С ямочками на щеках такая…

Глаза солдата заблестели и по щекам потекли слезы. К нему подсел Санек и похлопал по плечу.

- Ну-ну, не раскисай, - ободряюще произнес Санек.

- А тебя, ждет кто? – спросил кто-то у Санька.

- Меня? Нет… Я сирота, рос в детдоме, кто там может ждать?.. – Санек усмехнулся. – Но вот когда война закончится, приеду в родной город, найду там самую-самую! И сходу: «Выходи за меня!». А на груди у меня медали будут и форма, вся такая ровная, красивая. И все чин по чину! Лепота. Не устоит и сразу скажет мне «да».

Раздался голос:

- Или пошлет!

Все загоготали!

- Ты ж военный, фу! – продолжал пискучим голосом. - Уйди противный!

Все ржали пуще прежнего.

- Да пошли вы… - отозвался Санек.

- А я вот, после войны, дом хочу построить! И чтобы у моря!

- А мне бы…

Они еще долго говорили о доме, о своем будущем после войны. Много смеялись и мечтали. Кто-то плакал, вспоминая что-то, с чем пришлось расстаться или что, или кого потеряли. Спорили и ругались.

Кто-то сказал, что каждый из нас внутри себя носит машину времени. Воспоминания уносят нас в прошлое, а в будущее наши мечты. Но одна машина времени всегда несет всех в неизбежное и суровое будущее – само время. Мечты – это розовые очки, скрывающее реальность, наркотик, вызывающий привыкание. Мечты должны идти изнутри в мир и валить реальность, как топор валит дерево. Мечта не должна уходить внутрь и позволять реальности придавить тебя. Мечта – это надежда, а надежда – должна умирать последней.

В веселую компанию ворвался твердый голос:

- Смирно!

Все как есть встали по струнке и отдавали честь. В солдатскую группу, словно бы из ниоткуда, вписались несколько офицеров.

- Младший сержант Соколов!

Короткая тишина.

- А… Я! – неуверенно выкрикнул Санек.

- Проследуйте за нами.

Дверь распахнулась и офицеры, вместе с Саньком, проследовали внутрь. Повисла тишина.

- Младший сержант? – неуверенно кто-то произнес.

Все гадали: что и как? А через час все вопросы, вернее большая часть, разрешились.

Когда дверь распахнулась, и из нее вышел Санек, все налетели на него с вопросами.

- Ну, че там?

- Ковалев, Алексеев и Сенюк. Собирайте пожитки и за мной.

Святогор встрепенулся, услышав свою фамилию.

- Так че? – нетерпеливо насаждал кто-то.

- Меня повысили, – немного неуверенно ответил Санек. – И приказ: доставить в штаб документы. Все. Первостепенный приоритет.

- А мы? – послышался недоуменный голос.

- А вы остаетесь держать позицию. Все. Так, вы трое, живее.

Через десять минут вся четверка двигалась к побережью. Там уже ждали. Их погрузили и отправили к Владивостоку и уже через несколько часов они были в штабе.

Что было в документах, никто не знал, но документы были важны, ибо их не отправили через каналы связи, а банально из рук в руки, через посыльного. А уже в штабе, когда документы были доставлены, какой-то сержант беспардонно выхватил их из рук Санька и исчез за дверьми.

Возник резонный вопрос: «А на кой ляд были нужны мы?». Санек – посыльный, а остальные? Ответ не знал и Санек. Ему приказали – он исполнил. Сказали – важно и взять еще троих бойцов. Все.

Через пару часов ожиданий в штабе начало что-то происходить. Весь вокзал оживился. Все куда-то заторопились, шли нервные разговоры. Четверка нервно оглядывалась. И дураку становилось ясно, что что-то произошло, что-то очень и очень серьезное. Потом в общий гомон втерся радостный возглас, и цепная реакция радости распространилась по всему штабу. Все ликовали. Все бежали куда-то, и четверка решила последовать за толпой. В толпе спрашивали: «Что случилось?» А на вопросы отвечали: «Победа! Они отступают!»

Да. Чуть позже все подтвердилось. В переданных Саньком документах были координаты. За те пару часов, что четверка ждала, по данным координатам был нанесен удар и противник пал. Битва была выиграна. Нет, не война, всего лишь битва, всего «один» враг. Но сколько радости!

Весь штаб радовался. Столько счастья, словно наступил новый год. Радовались и солдаты, и офицеры, все! Счастью не было границ. Пить спиртного, правда, было не разрешено, а вот еды было вдоволь! И вкусного питья было тоже не мало. Нет алкоголя, ну и ладно. И так хорошо.

Святогор сидел и разглядывал людей. Ведь лишь один противник повержен, а сколько их еще? Святогор посмотрел на свои руки. Они были испещрены линиями и бороздами. Зияли царапины и порезы, а сама кожа была грязной и в рассвете казалась старческой. Святогор чувствовал себя не пацаном, а увядающим стариком. Он глядел на веселящуюся толпу и подобно старику брюзжал себе под нос. Мелкий лицемер засел у Святогора внутри. Ему не хотелось веселиться, ему хотелось – забыться! Выкинуть все пережитое из головы и потому он выдергивал из памяти хорошие и чистые воспоминания, а когда картины насилия вдруг всплывали и наваливались на воспоминания, он с еще большей силой давил и выдавливал все хорошее. Святогор не желал сдаваться. Святогор не желал становиться как все эти хвастуны. Слабость это или сила? Если я жалею врага – это слабость или сила?! Если я ценю жизнь, и само насилие мне претит, что я - слабый? В чем гордость убийства?

Святогор решил не думать больше… Философия не его конек. Как сказал его отец: «Философ – это самоубийца. Простым людям могилу роет смерть. А философ роет себе могилу сам».

Клонило в сон, и Святогор решил пойти спать, но дойти он не успел. Штаб взорвала чудовищная новость!

Да. Враг был разгромлен, он не ожидал удара, но отступать они начали еще до удара! Противник покидал позиции по невыясненной причине и разбор добытых данных дал понять, что противник намеренно направлялся к определенной цели. В ходе дальнейшего разбора были получены и другие данные. Америка, Канада, Германия, Китай и многие другие стремились добраться до кораблей-ковчегов. Высшие чины, предчувствуя неладное, отдали распоряжение на отступление ближайших, к ковчегу нашего государства, войск. На короткое время война прекратилась и все ждали ответа. А ответ был – пустышка! Пустышка! БРОСИЛИ ВСЕХ!

Пока все воевали, главы государств, ученые и кто там еще покинули Землю и отправились к Земле-2 – Тейе, а всех остальных (15 миллиардов человек) бросили! Не было сказано ни слова. Под шумок. Ковчеги – это пустышки. Они не то, чтобы к другой планете не способны добраться, они даже от земли оторваться не могут. Все главы государств объединились, развязали войну и пока мы воевали – бросили… Отвлекли внимание «недостойных» и бросили!..

Все. Абсолютно все люди на планете Земля замерли от ужасной новости. 15 миллиардов людей…

- Как же… Как это?! А… А мы?! – звучал общий вопрос.

Ответы на все вопросы получили позже.

Все знали, что Земля гибнет, перенаселение и нехватка ресурсов, а Марс – это и вовсе гиблое дело. Все знали и то, что ученым удалось найти способ быстро перемещаться в космическом пространстве и разведка потенциально «пригодных» экзопланет дала «один» положительный результат. Экзопланета по имени «Тейя» должна была стать Землей-2. Люди строили ковчеги и готовились к переселению, но главы государств развязали войну за возможность первыми населить Тейю. Из-за войны многим стало не до ковчегов. Строительство продолжилось, но уже в полной секретности. Вернее, там делался вид, что что-то строилось, а учитывая то, что сбежали все главы, было ясно, что война – это шумиха. Записали себя в круг избранных, собрали пожитки и бросили. Вот так просто. Кто-то взял и решил за всех. Кто-то взял и определил ценность каждой человеческой жизни.

Но война на этом не закончилась. В отчаянии и гневе, многие развязали свою войну. Больше не было государств, более не было правителей. Были только люди – брошенные на произвол судьбы люди! Человек превратился в животное, которое более не сдерживал ошейник морали, лжи и надежды. Все осознали, что они все еще просто «трепыхающиеся мертвецы». Зачем сдерживаться? В руки людей без морали и надежды попали орудия войны всех видов. Человечество превратилось в двуглавого орла: в одной руке был фобос, а в другой деймос. Этот орел получил полную власть над всеми видами смерти. Хочешь заколоть? Коли! Хочешь застрелить? Стреляй! Хочешь отравить? Бомбу атомную бросить? Вирус опасный выпустить? Забить или изнасиловать? Ради Бога! Все виды смерти! Все! Не желаешь убивать – дичь. Желаешь – охотник.

Мир дрожал. Тень нового всадника апокалипсиса войны «Человек» опустилась на мир. Переступая тела, он шагал и рокочуще, с надрывом и грохотом, смеялся!

Глава 2. Отправная точка

Всякий человек - человек.

Но не всякий человек – человечен.

Атланты покинули мир, оставив его потребителям. Человек должен был быть венцом природы, ее райским плодом, а человек оказался скверной! Порочные, грешные создания поглощали все подле себя подобно опухоли. Метастазы этой опухоли проникали во все уголки мира, не давая покоя всем и вся.

Чуть больше года военные удерживали Владивосток. Оборона держалась ровно столько, сколько это позволяли продовольствие и боеприпасы. Но как только запасы подошли к концу: кто-то остался и пал вместе с городом, а прочие бежали, пока была возможность. Святогор не был героем и его путь был очевиден. Он, Санька и еще несколько военных покинули Владивосток и направились в сторону столицы – домой. Вначале был транспорт, но его пришлось бросить еще у Хабаровска, техника не справлялась с дорогой, ибо в новой – последней войне, дороги были роскошью. Роскошью было все! Остатки лесов сгорели, оставив после себя скелеты обугленных коряг. Озера и реки обратились ядом. Земля была испещрена нарывами, шрамами и ожогами. По земле и в земле копошились паразиты, а человек шествовал, добивая умирающую Землю.

Так было недолго. Смерть – это начало новой жизни. Человеку понадобился год, чтобы убить и отравить былую природу. Природе понадобился год, чтобы подобно фениксу, восстать из могилы в новом обличии. Жизнь – сильная и упрямая, ее просто так не сломить. Человек не живет без природы, а вот природа без человека процветает. Когда последняя война пошла на убыль и лишь горстки людей, самых ярых и упорных, старались добить друг друга, Земля запустила очищение. Природа бушевала. Земля обернулась коконом и менялась на глазах. Через год из кокона вылупилась бабочка и начала расправлять свои крылья. Однако эта бабочка не была прекрасна! Эта бабочка не питалась нектаром цветов и не радовалась Солнцу. Этой бабочке была по вкусу кровь! Земля не погибла. Ее жизни угрожал человек, а человек себя, пусть и не совсем, но почти истребил. Теперь Земля брала свое и брала силой!

С момента бегства из Владивостока прошло чуть более двух лет. Первый год небольшая группа военных, вначале на транспорте, а после пешком, двигалась на Запад, стараясь, после потери транспорта, держаться как можно дальше от границ бывшего Китая, захваченной ими Монголии и Казахстана.

Дорога была суровой. Земля бушевала. Невероятной силы ураганы, землетрясения и Бог знает, что и где еще обрушивалось на осквернённую человеком землю и путников. На пути порой встречались такие диковинные и странные вещи и явления, что от одного вида волосы вставали дыбом. Но на пути встречались, и люди… Голодающие, страдающие и умирающие люди. Кто-то сторонился, кто-то угрожал и требовал, а кто-то просился присоединиться. За год пути, отряд сильно изменился. Были те, кто покинул их, а были и те, кто примкнул. И одной руки хватит, чтобы посчитать тех, кто был в отряде с самого начала. Цели всех растворились в едином направлении – запад. Каждый шел по своей причине и лишь Святогор с Саньком хотели попасть на Родину, в надежде, что там хоть кто-то уцелел.

Если первый год пути был борьбой со стихией, то второй год пути был подобен ходьбе по раскаленным углям и битому стеклу. Припасы иссякали, находить новые становилось не то, чтобы сложнее, а опаснее! В новом мире завелись твари, нечета прежней живности. Если раньше можно было бояться всего, что было большим и сильным или маленьким и ядовитым, то теперь бояться, приходилось всего! Неблагоприятные условия и борьба за жизнь превратила всякую, прежде

безобидную, тварь в хищника. Каждый хотел одного – есть! Человек по своей природе консерватор. Человек не любит изменения, и вливаться в новый мировой строй не жаждет. Человек потому и создал вторую «человеческую» природу, дабы избежать эволюции. Человек хочет остаться человеком, а все чуждое – уничтожить. Но жизнь – это сила, которая противится смерти, а потому готова на любые изменения. Жить – ради жизни. Новый мир – новая жизнь. Все старое, что не способно и не желает жить в таких условиях – стереть. Разум человека – это единственное, что противится, но природа упряма, а воля человека не безгранична.

За второй год будущие леса поднялись из пепла, что остался от катаклизма войны и природы. Лес рос быстро и упрямо, словно сорняк! А твари, что упорно обживали новый мир, яростно защищали будущий дом. Кем все они были? В последней войне чего только не было. Были излучения всех видов, были все возможные химикаты, были вирусы и бактерии, были!.. Было все. Никто не сдерживал себя. Лишь вначале человечество робело, но войдя во вкус, не сдерживало и не ограничивало себя ни в чем. Что именно породило то или иное создание, ведает лишь Бог. Если таковой есть?! Было и то, что люди называли «аномалии». Вот что их породило?! Воистину, лишь Богу ведомо. Последняя война уже велась не между людьми, а между жизнью и смертью. Борьба велась за право унаследовать будущее. Человек тоже хотел жить, но вот только жизнь в своем будущем человека не видела…

2050 год близился к концу, о чем поспешно сообщали холода и верный счет прожитых дней. Позади пять с половиной, а может и шесть тысяч километров, а впереди еще тысячи четыре, а то и больше. Их путь был извилист, а цифры были, как говорится, на глазок. Кривой дорогой люди миновали Красноярск. Через сам город пройти не удалось, ибо от города остался лишь фонящий радиацией кратер, покрытый чем-то стекловидным. Их путь, в основном, лежал далеко от дорог, а порой, приходилось идти даже вдоль рек или через болота. Останавливались в небольших городах и селах, но гораздо чаще приходилось разбивать палатки. Всякий средний и крупный город приходилось держаться стороной.

По словам Санька, Красноярск – это город, после которого начинается цивилизация. Что это значит? А то, что дальше идут скопления городов, сел, дорог и всего того, чем богата была цивилизация. Ибо до Красноярска весь отряд двигался, в основном, по пересеченной местности, а дальше путь, по идее, должен быть легче, но… Все видели город, видели, что от него осталось и какая гадость расплодилась вокруг города. Отряд двигался в сторону Томска, и у многих не было подозрений, что там такая же ситуация, у всех была убежденность в этом.

Обойдя Красноярск, отряд сделал привал недалеко от села или деревни на реке Большой Кемчуг. Что тут было раньше? Село или все же деревня? Что бы тут ни было, а теперь тут грибное поле, под которым похоронены дома и дороги. Лишь маленькая церквушка выделялась, да и та обросла так, что была похожа на пару гигантских поганок. Бывшее человеческое обиталище было как белая плешь среди черной и бурой растительности. От этой плеши тянуло как от компоста, но главное, рядом не было живности. Живность, вероятно, сторонилась этой грибницы. Сами грибы напоминали поганки, но все покрыты были нитями, очень напоминавшие паутину. А в паутине виднелись скелеты местной живности, а может и не местной… Были и людские кости, среди которых особенно выделялся один скелет в очках и с монтировкой, облаченный в странный комбинезон. Грибница имела четкую границу, это как раз было плюсом, но минусом было то, что она затрагивала реку, поэтому расположиться пришлось выше по течению.

Лагерь состоял из пяти палаток. Эти пять палаток вмещали в себя девять взрослых человек, трех детей и пару младенцев. Палатки стояли звездой, а в центре был костер. Женщины собирали все, что могло гореть, а мужчины искали все, что можно было съесть. Дети сидели с младенцами. Ближе к вечеру в лагере готовился ужин: два больших и три маленьких шестилапых, голых как египетские кошки и безглазых, создания. Их тела походили на сморщенную сосиску, а морда

походила не то на крота, не то на зайца. В отряде была собака, которую держали как дегустатора, а потому первый кусок всегда доставался ей. Перед тем как готовить, пищу проверяли на радиацию, а уже после готовки, по поведению и состоянию собаки после первого куска, принималось решение – есть или не есть.

Пойманная дичь прошла проверку и все, с облегчением, принялись ужинать. Мясо было жестким, словно резина, а вкус был как у бумаги. Но никто не морщил нос, никто не возникал или жаловался. Все ели, ибо чувство голода сильнее любых капризов.

Новым миром правил древнейший инстинкт – самосохранение. Фундамент инстинкта – утоление голода и жажды. Ради утоления голода, все прочее, что человек взрастил в себе от сытой, ленивой жизни, было убито и закопано глубоко в недрах понятия - комфорт.

Ужин был в тишине. Последнее время, что ужин, что обед или завтрак - все ели молча. Разговаривать не хотелось. Все погружались в себя и что-то вспоминали, что-то обдумывали или о чем-то мечтали. Даже дети ели тихо. Был отчетливо слышен треск костра. Пламя приятно грело и словно бы создавало атмосферу былого времени. Времени, когда компания друзей выбиралась на природу, чтобы посидеть у костра, поесть шашлыков, просто отдохнуть. Быть может, все сейчас представляли именно это?

После ужина все принялись за свои дела. Санька, как негласный начальник отряда, корпел над картами, думая и размышляя как лучше проложить маршрут. Трое мужчин и Святогор были караульными. Поочередно, каждые два часа караул сменялся. Четыре женщины занимались по хозяйству: стирали тряпки и чистили посуду в плохо отфильтрованной воде, латали дыры на защитных комбинезонах и нянчили младенцев. Дети либо помогали им, либо проводили время с караульными. Ночь была тихой и спокойной, но не уютной. Небо затянуто облаками и свет луны, проходящий через мутно-желтые и серые облака, слабо освещал землю. Света городов давно уже нет, и ночи были особенно темные. Святогор, стоя в карауле, вглядывался в небо. Караульный – это глаза и уши лагеря. Но следит караульный в первую очередь не за той угрозой, что может прийти, а за той, что может выпасть. С неба. Всякие там мутанты, это конечно страшно и опасно, но дожди страшнее. Особенно сейчас – осенью! Дожди часто идут радиоактивные, а порой и кислотные. Палатки способны защитить от дождя, даже от кислот в нем, но от радиации защищает стратегический запас антирадиационных препаратов. Использовать этот запас можно только в крайнем случае, ибо пополняется он редко и только за счет мародерства.

Святогор стоял спиной к лагерю и разглядывал реку. Как и все вокруг, река была черной, от нее веяло приятной прохладой, а сама река была чертовски грязной, но не зараженной. Пить было можно, предварительно потратив несколько часов на ее фильтрацию. Однако вкус отдавал чем-то масляным, но слабо. Оглядев округу, Святогор обернулся к лагерю и обратил взор на детей, что помогали женщинам с младенцами. Святогор, да и другие, давно уже потеряли брезгливость и отвращение к уродствам. На своем пути они встречали много людей, искалеченных всяческой гадостью. Они встречали калек и уродов, с не хватающими и лишними конечностями и органами. С кожей всех возможных цветов. С чешуей вместо кожи, с рогами и копытами. И Бог знает, кого им еще предстоит увидеть и кого им посчастливилось не увидеть. Пара младенцев в руках женщин были словно пара агнцев подстать Новому Эдему. Трехглазый Адам и четырехногая Ева. Первое поколение – будущее новой эры. Их не чурались, их нянчили, их холили и лелеяли, их любили и не желали бросать. Трое детей, лет по пять или шесть, на вид, были нормальными, вот только… Один был похож на старика, у другого кожа была словно не по размеру, а девочка - тощая словно живой скелет! Лишь взрослые выглядели более или менее нормально. Но каждый из них скрывал свой недуг. Страшную язву на теле, прикрывающий чем-либо горб или зоб, кровавый кашель, сыпь или… Новая эра оставила свой след на всех. Но, не смотря на все, человек продолжал жить… Нет, выживать! И бороться!

К Святогору подошел Макс. Его подобрали недалеко от села Талое. Макс постоянно был в балаклаве и в тряпках, не снимая ходил в очках и перчатках. Причина была проста. На всем его теле не было ни единого волоска, на руках и ногах не было ногтей, а кожа покрыта родимыми пятнами всех размеров и форм. Он скрывал это не от других, а от себя. Макс боялся своего тела и потому прятал.

- Моя очередь, - просипел Макс. – Там тебя Александр звал.

- Хорошо, - отозвался Святогор.

Святогор прошел к палатке Санька и, отгибая полог, произнес:

- Звал?

- Да-да, проходи.

Святогор зашел внутрь палатки. Палатка вмещала до четырех человек. Сама палатка была прямоугольной и без окон, а материал палатки напоминал прорезиненный брезент, но Святогор знал, что то была не резина. Внутри, за импровизированным столом из валуна, сидел Санек - сержант Соколов Александр Дмитриевич. Рядом с Саньком дремал пес, который коротко глянул на Святогора и продолжил дремать дальше. На валуне лежала папка, а в ней были карты. Карандаш, резинка, рация и навигатор, напоминающий рыболовный сонар (устройство чуть больше рации с большим экраном и набором кнопок). Карты в папке были старые, еще довоенные, покрытые блеклыми пятнами зелени и голубизны, с паутиной тонких голубых и толстых оранжевых нитей рек и дорог. На карте было множество отметок, вроде: опасно; обход; что-то странное? И так далее. Был отмечен и их путь, который тянулся от Владивостока и до их точки привала. Санек сидел над картой и хмуро вглядывался в линии, водя пальцем то по одной линии, то по другой. Санек выглядел как усталый отец. Его волосы сильно поседели, а его поджатые губы теперь постоянно искажены печалью. И глаза – узкие щелочки с сетью морщин на скулах, превращали, в его-то двадцать шесть лет, в старика.

- Глянь, - произнес Санек и жестом указал на навигатор.

Святогор подошел и посмотрел в прибор. Изображение было черно-белым и показывало местность в радиусе пятидесяти километров.

Прибор этот – навигатор, был военной игрушкой. До войны все гражданские пользовались допотопной системой навигации GPS, которая использовала спутники. Система эта морально и технически устарела, а у военных уже вовсю использовались навигаторы нового поколения. Эти навигаторы использовали магнитное поле Земли и требовали лишь немного электричества, которое добывалось небольшой динамо-машиной с обратной стороны прибора. Крутанул ручку и наслаждайся. В памяти устройства заложены карты с привязкой магнитных полюсов или линий, или чего-то там… Короче! Когда человек движется, движется и прибор, чувствительный датчик реагирует на поле и ориентируется по нему, как компас! Но при этом, прибор выдает точное местоположение, но в ограниченном радиусе. Санек использует его не только как навигатор в их путешествии, но и как детектор аномальных возмущений поля. Как только в радиусе появляется такое возмущение, на карте, в той точке возмущения, начинает происходить черти что. Прибор отображает эти возмущения в виде некоего клубка линий, которые постоянно движутся.

Святогор глядел в прибор и видел два больших возмущения, а между ними шла дорога.

- А… Не понял? – недоумевающе спросил Святогор.

- Приглядись внимательнее, - посоветовал Санек, указывая на карту.

Святогор глянул в карту и нашел отметку их привала. Мысленно накладывая карту из навигатора, он продолжил их путь по дороге и уперся в два приличных города. Первая мысль – идти в обход, но тут же отогнал ее, так как мысленное представление местности из навигатора рисовали приличные возмущения. Святогор удивленно расширил глаза.

- Предлагаю делать крюк, - произнес Санек шепотом, видя глаза Святогора.

Святогор перевел безумные глаза на Санька и произнес:

- Ты ебнулся что ли? – шепотом ответил Святогор.

- А что ты предлагаешь? – возмущенным шепотом парировал Санек. – Через город идти? Нет уж, увольте!

- Да ты сам посмотри! Тут же крюк километров двести!

- И что? Мы и раньше крюк давали.

- Но не двести же километров! Пятьдесят или даже сто еще ладно, но двести!

- Ой… Двести, да хоть и триста! Какая, к черту, разница? Мы сколько уже прошли, а сколько еще идти? А ты тут из-за жалких двух сотен ноешь. Я через город не поведу. Точка! Я позвал тебя, чтобы обсудить - как именно будем обходить. Вот гляди.

Санек указал пару путей на карте. Святогор возмущенно уткнул лицо в ладони, прикрывая правый глаз. Он недовольно и хмуро смотрел в карту, разглядывая и обдумывая указанные пути.

- Не-не-не… Давай без рек, смотри преимущественно дороги.

Из нескольких путей был выбран путь вокруг Ачинска и Назарово, чтобы наверняка. Крюк выходил внушительным, но куда деваться?

- Когда? – спросил Святогор.

- Припасы нужны: воды и мяса. Да и отдых не помешал бы. День или два тут еще побудем и пойдем. Кто там караульный?

- Макс.

- А после него?

- Серега.

- Передай Сереге, как заступит, чтобы разбудил меня. Все… Не могу больше, голова раскалывается…

- Хорошо. Таблеток дать?

- Нет, перетерплю.

Святогор вышел из палатки и направился к своей. Можно и поспать.

Все палатки были одинаковые, все, если можно так выразится, были - трофейные, достались при бегстве из Владивостока. Хорошие и надежные, но громоздкие… Но тащить их – тащили все! Ибо из химзащиты у отряда были только эти палатки и противогазы с кустарными фильтрами. Единственный минус – не было своего дна, то есть дном в палатке служила сама земля или постеленный поверх брезент.

Святогор лег на брезентовый коврик, накрывшись пледом, связанным из разных кусков материи, положил под голову рюкзак и попытался заснуть. Сон приходил с трудом и Святогор

забивал голову мыслями. В палатку зашли дети и тоже легли спать. Они, в отличие от Святогора, заснули очень быстро. Детский организм гибок и быстро приспосабливается к условиям, особенно когда сон – это одна из роскошей этого мира. Для детей нет такого места, где они не смогли бы уснуть. А вот Святогор все больше и больше думал. Он переключался с темы на тему. Мысли плавно сменяли друг друга. В этом потоке первая мысль терялась в последующих, и с чего были начаты размышления вспомнить уже не было возможным. Святогор не видел снов. Его несвязные мысли перед самим сном сплетались в психоделическую картину, которая заменяла ему сновидения. Он думал много и о многом, но уже очень давно не думал и даже не мог задуматься о том, каким он был раньше и каким стал. Мысли подобного рода уже просто не могли зародиться в его голове. Война делает из ребенка мужчину, а конец света делает из всякого старика. Этот старик отягощен иными мыслями… Все свои сны Святогор творил сам и потому всякий сон был его маленькой утопией. Когда же он засыпал, то погружался в темное и мрачное забытье. Святогор не видел ни чего кроме тьмы, которая была осязаема и мимолетные осознания этого вызывали дискомфорт, от которого он просыпался с чувством паники. Реальный мир охлаждал его чувство и Святогор отправлялся творить свою утопию вновь. Пограничное состояние между здравым смыслом и шизофренией. Наркотик для тех, кто еще хочет спать живым.

Утопия – это миф. Утопия не может существовать, ибо сложная система упирается в неразрешимые тупики, которые разваливают всю систему. Утопия возможна лишь для кого-то конкретного, лишь для одного! Одного эгоиста! Но сон на то и сон. Во сне, в созданном сне! Эгоизм простителен, а потому там всегда должно быть хорошо. Вот только сейчас в утопии Святогора не хорошо. Странное чувство дискомфорта рушило творимый мир. От этого чувства Святогор проснулся. В палатке было чуть светло и пахло как-то неприятно. Рядом сопели дети и Святогор сонно оглядел палатку. Неуверенными движениями он приблизился к выходу и поднял полог. Замутненный взор разглядел молочно-желтую дымку и еле-еле различаемые палатки.

- Туман… - вялым, еще сонным голосом произнес Святогор.

Мозг перезагружался и Святогор не сразу понял. В палатке стоял отчетливый запах нашатыря, а глаза слезились отнюдь не со сна. Когда мозг закончил загрузку и первая порция адреналина ударила в голову, Святогор заорал дрожащим голосом во все горло, осознавая, что видит:

- ТУМАН! ТУМАН! ТУМАААААААН!

Святогор запер палатку и принялся трясущимися руками закрывать щели. От крика все трое детей подскочили, словно их кипятком ошпарили. Они не сразу поняли, но видя, как Святогор закрывает все щели, опережая свои мысли, ринулись помогать. С трудом владея руками, все четверо затыкали каждую маломальскую щель. Послышались голоса:

- Мать вашу! Закрывай! Закрывай!

- ААА! Фу! Что это?!

- Черт! Черт! Черт!

- Давай! Давай!

В лагере царила паника. Потревоженный пес зашелся лаем. На короткое время паника стихла и в лагере повисла тишина, нарушаемая коротким лаем собаки. Санек отозвался первым:

- Все целы?! Отзовитесь?

- Я цел. Ковалев. Со мной трое детей, все целы, - отозвался Святогор.

- Со мной… Да цыц ты! – гаркнул Санек на лающего пса. - Мария Евдокимова, мы целы.

- Матросов и Захарова - целы, - просипел Макс.

- Я и Женечка - целы, - тонким голоском пролепетала Клавдия Михайловна.

- Мы тоже! – послышался тяжелый голос. - Зубарев и Владыкова с мелким.

Короткая пауза.

- А где Шелепин? – произнес Санек. – Шелепин! – закричал Санек. - ШЕ-ЛЕ-ПИН!

- Он… Он же караулил, - отозвался Сергей Зубарев.

- Твою ж… - послышался голос Санька.

Все вдруг осознали, что Шелепин не отзовется, сколько его не кричи. А на вопрос: почему? Всем был красноречивый ответ. Снаружи был туман и его острый нашатырный запах говорил о том, что он был кислотным.

Ожидания затянулись на два часа.

Поднявшееся Солнце рассеяло туман, давая всем возможность выйти наружу. В дымке серых облаков зияли просветы голубого неба, из которых на землю падал утренний свет. Туман рассеялся, но запах нашатыря все еще висел в воздухе и, во избежание риска, все были в повязках на лицо. Весь лагерь искал несчастного Шелепина. Лишь через час его обнаружил Макс.

- Сюда! – сипло прокричал Макс.

Он был у реки. Все сбежались посмотреть. Но как только все увидели тело, девушки, издав испуганный стон, затыкая руками рты, отворачивались или уходили. Дети глядели молча, не отрываясь, а мужчины задумчиво разглядывали тело. Лишь собака недоумевала.

Шелепин лежал на животе в неестественной позе. На его задеревенелом теле был изъеденный кислотой комбинезон. Его левая рука держала горло, а правая корявой культей тянулась в сторону лагеря. На его лице была гримаса жуткой боли, а все тело было покрыто химическими ожогами и язвами. Но самым странным было то, что его штаны были спущены. Но Санек сказал, что это как раз не странно. По всей видимости, он отошел по нужде, и туман накрыл его. Видимо он пытался закричать, но от боли в горле не смог. Вдыхая все больше и больше кислот, он заметался, упал и попытался ползти в сторону лагеря, но… Не сумел. Легкие полные кислоты разъелись, заполнившись кровью, и он захлебнулся.

- Сергей, - произнес Санек. – Отведи детей в лагерь.

Сергей кивнул, собрал детей, которые не могли оторваться от тела, и повел назад, подзывая за собой собаку. Санек и Святогор принялись обыскивать тело. Когда все ценное было извлечено, Макс произнес:

- Его бы, это… Похоронить что ли, хоть как-нибудь… Хотя бы по реке сплавить.

- Да. Стоит, - произнес Санек.

Все трое аккуратно подцепили тело палками и спустили в грязную воду. Руками касаться не хотелось, а потому тело скорее даже бросили в воду. Слабое течение подхватило и понесло вниз, к грибам.

- Надо пополнить припасы и валить отсюда. Проведем тут еще ночь. Караульным ни на шаг от лагеря! – строго произнес Санек. – Ссать и срать на виду! Срам прикрывать, а стыд нахер посылать!

- Расслабились… - просипел Макс.

- Да… - подтвердил Святогор. – Погодка-то… Распогодилось, уже не то, что раньше.

- А может это затишье? – сипнул Макс.

- Сплюнь! А то клюв обломаю, - пригрозил Санек. – Мало нам, что ли…

- Да я… Вспомнил тут, в прошлом году. Ну, когда все небо было чистое. Господи… Как же потом все грохотало…

- СПЛЮНЬ! Тебе говорят, - уже не сдержавшись, пригрозил Святогор.

Санек и Святогор ушли в лагерь и только Макс остался проводить уплывающее тело. Он что-то пробубнил себе под нос, окрестил ладонью воздух в направлении мертвеца и тоже вернулся обратно.

День прошел в легкой суете. О мертвеце уже забыли. Все давно привыкли. Многие сменили не один отряд, кочуя с места на место. Кто-то привязался и остался, как Макс, а кто-то присоединился и по достижению своей остановки, покинет отряд. Вот только где будет истинная остановка и как именно член отряда покинет его, не известно. Дошел живым – чудо. Умер в пути – простая рутина. И все привыкли к этой рутине настолько, что чья-то смерть это… Ну умер, и что? Неприятно, это да! Может, кто и всплакнет даже, но это быстро проходит. Одно плохо: общий груз остался прежним, а носильщиков теперь на одного меньше, а выбросить или потерять что-то из имеющегося инвентаря – Боже упаси!

Женщины занимались водой. Надо было отфильтровать воды на весь лагерь. Мужчины искали то, что можно было съесть. Ну, а дети сидели с младенцами. Все были заняты. В монотонной работе прошел день, а за тишиной и покоем прошла и ночь. Лишь утро было неуютным. Воздух становился все холоднее и с каждым днем зима все больше и больше заявляла о своих правах.

Утром на Святогора навалилась «жаба». Его тошнило и рвало, а левое плечо ныло. На плече было вздутие, словно небольшой горб. Обычно он редко болел, но сейчас что-то ему не нравилось. Горб ныл, и боль отдавала в руку. Лекарства, даже не лекарства, а скорее паллиатив, были, но Святогор не хотел тратить ценный запас. Однако его все же заставили принять несколько таблеток и через какое-то время боль стихла.

Сборы заняли немного времени, ибо все действия были отточены многими днями практики. Теперь их ждал крюк, на преодоление которого должно было уйти несколько дней.

Содержимое лагеря несли все. Каждому досталось по силам. Мужчины несли палатки, оружие и рюкзаки с необходимым и полезным снаряжением. Женщины несли припасы, тряпки и младенцев. Детям же досталось немногое, но ценное – медикаменты. Лишь пес был налегке. Вот ведь беспечное создание…

Их путь лежал преимущественно по старой дороге, но порой приходилось даже сходить с нее. Асфальт всюду был разбит. Везде торчала и колыхалась сухая трава. Молодые деревца тянулись кривыми стволами к небу, а старые походили на чучела. Молодые деревья весной ждет новая жизнь, а вот старые деревья превратились для молодых в источник сил. Сухие коряги были облеплены нитями древесных паразитов, и казалось, что они все еще цветут, но блеклыми и серыми цветами. Мир напоминал типичное село. Вот только порой попадались уж очень странного вида деревья, а дорогу перебегали не ежи, олени или какая еще живность, а бестия под стать фантазии самого Лавкрафта. Попадались расселины, ямы и рытвины. Остовы брошенной

техники, гражданской и военной. Но не попадалось ни единого человека. На многие километры они были единственными.

Они двигались парами, друг за другом. Трое мужчин были облачены в военные комбинезоны, а на ногах изношенные до дыр берцы. На их головах были балаклавы, поверх которых капюшоны и защитные очки. Только Макс был, словно луковица, укутан в плотные ткани, вместо комбинезона, но и он носил балаклаву с очками, а на ногах были пара разных ботинок. Все женщины и дети были под стать Максу, только закутаны были сильнее, а на груди у пары женщин висели рюкзачки с младенцами.

Весь путь отнял у них пять дней. Их припасы сильно иссякли, а сами они изрядно утомились. На своем пути им несколько раз попадалась военная техника. Все, что фонило они обходили и даже не прикасались, а прочую обшаривали в поисках полезного. Мародерство или даже вернее сказать – стервятничество, давно уже не грех. Раз морали больше нет, к чему тогда сдерживаться? Их улов за эти пять дней составил: пара рожков патронов, новые ботинки для Макса и Клавдии Михайловны (они умудрялись изнашивать обувь быстрее всех), несколько банок с консервами, пара карандашей и фляга с водкой. Пес сумел поймать недокролика (с виду заяц, но с пятью лапами и ушами, сросшимися с телом). Пожалуй, самым примечательным был пейзаж. Что там было не понятно. Может бомба упала какая, а может и землетрясение, а может и что еще похуже. Но город Ачинск и ближайший к нему Назарово были словно на дне чудовищной впадины. Эту впадину удалось увидеть и разглядеть лишь, когда отряд дошел до Сереуля. Навигатор Санька выдавал несуразицу. Радиуса прибору хватало, чтобы достать центра этой впадины, то есть до самого Ачинска. Там творилось что-то с чем-то. Даже с расстояния в пятьдесят километров, и без бинокля, было видно, что в воздухе висят куски земли. Маленькие и большие, все парили в воздухе без видимой поддержки. Что там творилось? Чем это вызвано? Искать ответ никто не желал. Все хотели только одного - убраться подальше. Особенно с учетом того, что их подхлестывало жгучее ощущение. От возмущений пот становился горяч и жгуч как кислота, а металлические предметы, стоило к ним лишь прикоснуться, больно кололи. Возмущения влияли и на собаку. Та недовольно скулила и постоянно жалась к людям и земле, словно бы боясь чего-то. Одно только было приятно – воздух! Он был невероятно сладок и свеж. Воздух бодрил и пьянил. Но Санек говорил, что это как раз очень плохо. Стоило зазеваться, и пьянящий воздух затуманивал взор. Являлись видения и звуки. Когда кто-то косел, Санек подходил и бил, по чему попало, приводя в чувства. Таким вот образом, все добрались до Боготола, где им удалось пополнить только запасы воды, а дальше лежал Тяжинский. Если бы кто знал, то выбрал бы путь по железной дороге, прямо через город, но главное правило – не соваться в город без острой нужды, определило их путь через не то село, не то поселок - Нововосточное.

- Что там? – спросил Святогор у Санька.

Отряд стоял недалеко от дороги, стараясь, в случае чего, не привлечь к себе внимания.

- Не понятно… - неуверенно ответил Санек, задумчиво глядя в сторону деревни и держа в руках бинокль. – Коряги мешают и этот чертов холм…

Нововосточное лежало на небольшом холме и было недалеко от дороги. Меньше пяти сотен метров. Но перед дорогой и Нововосточным стояла стена старого леса. Мертвые и перекошенные деревья стояли словно забор, закрывая большую часть обзора.

Рядом с Саньком стоял пес и тяжело дышал. Этот пес, без имени и клички, мог бы быть более полезным, чем простой дегустатор, но пес в свое время пострадал от огня. В пожаре пес начисто потерял нюх, слух, левый глаз и половину хвоста, получив сильные ожоги. Пес выжил и превратился в беспечное создание, ожидающее своего часа. Часа, когда очередная трапеза станет для этого дегустатора последней.

- Долго еще стоять будем? – послышался женский голос.

Санек и Святогор обернулись. Говорила Наталья Захаровна. Небольшого роста бабулька с пестрым шарфом, обмотанным вокруг шеи, словно ортопедический корсет.

- Мы устали, - продолжала Наталья. – Поесть бы, сил нет…

После небольшой паузы, Санек дал ответ:

- Я на разведку. Алексей - за старшего.

После того как Санек ушел, женщины заговорили о чем-то своем. Заскучавшие Макс и Серега подошли ближе к Святогору и стали обсуждать что-то свое. Сам Святогор был рядом, но при этом оставался один. Через полчаса ожидания, Святогор начал волноваться. Санек не возвращался и это был повод для беспокойства. Когда Святогор хотел уже отправиться на помощь, послышался голос:

- Не дергайтесь.

Голос был твердым словно камень. Все обернулись в сторону голоса.

- Руки. Дернитесь – пристрелю, - продолжил неизвестный.

Все подняли руки. Только пес стоял и оглядывал всех с недоумением.

Перед людьми стоял человек, взявшийся чуть ли не из воздуха. Он был облачен в драные тряпки и больше напоминал снайпера, вот только в руках он держал автомат. Дуло автомата было нацелено на Святогора. Неизвестный стоял не как какой-то вольный стрелок, а как опытный, как человек, хорошо знающий оружие.

- Здрасьте… - произнес Макс своим сиплым голосом.

Человек ничего не ответил, а лишь отнял от автомата одну руку и коснулся плеча, чуть приблизив к плечу голову. Неизвестный что-то буркнул и вернулся в прежнее положение.

Через короткое время, со стороны Нововосточного послышался голос, и Святогор едва обернул голову. К ним приближались люди и вели за собой Санька с поднятыми руками. Когда все были в сборе и можно было хорошо и отчетливо слышать друг друга, один из новоприбывших неизвестных произнес:

- Ну! И кто же мне из вас, господа, - произнес неизвестный гнусавым голосом. - ответит: кто вы, мать вашу, такие?

- Туристы, - грубо и с сарказмом ответил Сергей.

- Ага, на шашлыки вот выбрались, - просипел Макс в поддержку.

- Я вас щас выпотрошу и собакам скормлю, - зло и грубо оборвал шутников неизвестный. – Еще одна такая шутка, - он приставил пистолет к голове Санька. – И ваш приятель откроет в себе третий глаз.

- Мы путники, - произнес Святогор. – Просто кочевники. Ни более, ни менее.

Святогор заметил, что Санек нахмурился и едва-едва покачал головой.

- Простите, но мы…

- Молчать! – резко перебил неизвестный, пытавшуюся заговорить Марию Евдокимовну. – На вашем приятеле, да и на вас двоих, армейская форма, а это говорит мне, что вы либо военные, либо убили их и надели их форму. Что из этого хуже?

- А может они ее просто нашли? – вмешался Макс.

Святогор замотал головой, говоря Максу своим жестом, чтобы тот не вмешивался.

- Может, - выдавил гнусавый своим самым противным тоном. - Но в таком случае – вы вонючие мародеры! Которых надо пристреливать!

- А если мы военные, что тогда? – произнес Святогор.

- Такая же петрушка.

- Хороший у вас выбор… - буркнул Макс.

- Ага и конкурсы у нас интересные! – добавил гнусавый.

- Димон! – вмешался кто-то из стоящих неизвестных. – Рыжий приказал их не убивать.

- Знаю… - с сожалением произнес гнусавый. – Ладно, ведите их.

Всех повели в Нововосточное. Оказалось - это был когда-то поселок. От него, правда, мало что осталось, но местные окопались основательно. Местные жили больше не в самих домах, а под ними, используя сам дом как заслон. Сам поселок казался пустым и необитаемым, но все изменилось, как только все спустились в подвал одного из домов. Под поселком была сеть туннелей. Каждый дом – это камера. Каждая камера имела свое назначение. Люди сновали по туннелям как муравьи и жили своей жизнью и, похоже, что эта жизнь не жаловала любого рода пришельцев. Все косились на идущих с поднятыми руками. Их взгляды были странными. В их глазах читалось не то презрение, не то возбуждение. Они смотрели на идущих, как смотрят на подозрительно знакомого человека.

- Заходите, – приказал гнусавый, жестом поторапливая людей. - Живее!

Все прошли в темное помещение, освещаемое плошками с чем-то коптящим. Мужчины стояли перед столом, за которым сидел человек. Позади стояли женщины и баюкали младенцев. Дети стояли, прижавшись к женщинам, и старались не смотреть на взрослых. Вдоль стен стояли люди с оружием и просто ждали.

- В новой эре нет слова - доверие, в новой эре есть слово – предусмотрительность, - глухим, тихим и спокойным голосом заядлого курильщика проговорил человек за столом. – Кто вы?

- Вообще-то, по правилам этикета, первым представиться должны Вы, - проговорил Макс.

Кто-то из охраны ударил Макса в затылок.

- Вы в нашем доме и по правилам этикета я могу вас пристрелить! – продолжил человек за столом. – Смолянюк! Вы их обыскали?

Гнусавый сделал виноватый вид и робко выдавил:

- Ой…

- Дебил, - улыбаясь произнес человек за столом.

- Согласен… - виновато ответил гнусавый.

- Обыскать, - твердо продолжил человек.

Охрана принялась грубо и бесцеремонно обыскивать и выкладывать все ценное. Женщины стали жаловаться, дети плакать, пес гавкать, а гнусавый кричать и приказывать заткнуться. Кто-то лягнул женщину и та издала болезненный вздох. Святогор попытался заступиться, но его ударили прикладом. Рука, ухватив его за шиворот, опрокинула на стол. Рядом с ухом Святогора воткнулся нож.

- Стоять! – заорал человек, сидевший за столом. – Будете сопротивляться, и я вскрою глотку этому…

Человек за столом умолк, удивленно вглядываясь в лицо Святогора. В темноте было плохо видно и лишь у самой плошки лицо Святогора было хорошо различимо, как и лицо человека за столом.

- Леха? – странным и удивленным голосом проговорил человек.

- Матвей? – так же странно отозвался Святогор.

- Мать твою! Леха! – продолжал своим хриплым голосом Матвей. – Ха! Братан, живой!

Все в помещении стояли в некотором ступоре и недоумевали.

- Матвей, ты… Ты… Ты какого хера творишь?! – вырвалось у Святогора.

- Ха-ха! Леха, черт!

Святогор встал и, обошедший стол Матвей, принялся обнимать его.

- А я-то думал вас всех… Ну, бомбой…

- Нет, мы ушли раньше, - ответил Святогор, отвечая на объятия тем же.

- Простите! – вмешался Макс.

- Пасть закрой! – взревел гнусавый.

- Сам закрой! – вмешался Матвей оборачиваясь.

- Стой-стой-стой! Матвей, какого черта? – поспешно спросил Святогор.

- Что? – не понимая ответил Матвей. – А… Прости не признал, а правила – есть правила!

- Простите! – вновь вмешался Макс более настойчиво.

- Чего?

- Я, собственно, дико извиняюсь, – недовольно вмешался Санек. – Но какого портупея тут происходит? Вы тут индийское кино снимаете? Может еще станцуем?

Матвей заржал. Охрана неуверенно хихикнула.

- Руки-то опустите, - произнес Матвей. – Вещички им верните, - обратился он к охране.

- А… Простите, но, - вмешался гнусавый. – Кажется, я буду солидарен с нашим пленником. Что тут происходит?

- Это, - Матвей обнял Святогора за плечи. – Это Леха! Мой брат по малой родине. Мы вместе росли, вместе на войну пошли, правда воевать вместе не вышло. Но вот пообщаться, пока связь позволяла, довелось. Черт, я, когда узнал, что Владивосток разбомбили, я думал все…

- Нет, там… Короче мы бежали. С тех пор вот - идем.

- Так вы что, все с самого Владика топаете?

- Не все.

- Простите, - бесцеремонно вмешалась Валентина Владыкова. – У нас дети плачут.

- Смолянюк! – Матвей сделал манящий жест рукой.

Гнусавый подошел к Матвею.

- Накормить и напоить. Найти койки и расположить. Все понял?

- Так… Так точно, - покорно ответил гнусавый.

- Пшел… - Матвей вяло прогнал его жестом. – Черт… Как ты похудел-то.

Из потенциальных врагов все обернулись в друзей. С позволения Матвея всех расположили и накормили, однако кормили мало, ибо Матвей распорядился устроить званый ужин.

На ужине было мясо. Гостей принимали по первому разряду и кормили, словно на убой. Дети и женщины уплетали за обе щеки и старались больше есть, чем вмешиваться в разговоры мужчин. А мужчины обсуждали прошедшее. Как оказалось, Матвей Серов, он же Рыжий, рос в одном городе с Святогором. Ходили в один садик, учились в одной школе, вместе поступили на службу и проходили КМБ. С самого детства они были очень близкими друзьями. После КМБ их пути разошлись. Святогора отправили в одну часть под Москвой, а оттуда во Владивосток, Матвея в другую часть под Москвой, а оттуда в Красноярск. Потом война, за ней другая - последняя, а дальше все были сами по себе. Святогор, со своими держали Владивосток, а Матвей Красноярск. Потом попытки выйти на связь с другими частями. Святогор в то время стал связистом и имел полный доступ. Случайная волна и два друга находят друг друга. Месяцы общения и тишина. Потом побег Святогора и других из Владивостока, потом бомбежка и все… Новость о бомбежке Владика раскатилась по просторам радиоэфира, а потом эфир заглох. Красноярск и многие другие крупные города тоже подверглись бомбежке, но рассказать об этом уже не было возможным. Два года. Каждый прошел свой путь. Если Святогор еще в пути, то вот Матвей остановился. Они остановились в поселке и занялись им вплотную. Поселок превратился в убежище, в котором все живут вот уже второй год. Еда и вода есть, но поначалу приходилось питаться всем, что подворачивалось. Что поделать… Времена были трудные. Что касается их встречи, то она скорее была даже неизбежной, ибо их поселение расположилось в таком месте, что всякий шедший с востока обязательно проходил по этой дороге.

После ужина, когда все разместились на ночлег в одной из подземных камер для сна, Санек подошел к Святогору и заговорил:

- Ты ничего не заметил? – спросил Санек шепотом.

- Не заметил? – непонимающе ответил Святогор тем же шепотом вопросом на вопрос.

- Да, странного в людях.

- Ну… - Святогор задумался. – Выглядят как-то забито.

- А ужин тебе как?

- Хороший, я давно такого вкусного мяса не ел.

- Вот-вот…

- Что? По-твоему, тут что-то не так?

- Я не видел детей и стариков. Много мужчин, женщины есть, но как-то их мало. И смотрят так… Ох, не знаю, чем нас кормили, но что-то тут явно не так.

- Ты думаешь?..

- Я не думаю, я подозреваю.

- Я Матвея хорошо знаю, он…

- А мы два года дичь жрали, - перебил Санек. – Скажи-ка мне, что из того, что мы ели, было вкусным?

- Так приправы. Может запасы, какие остались, что тут странного?

- Не знаю… Не спокойно мне.

- Уймись. Хотели отравить, давно бы сделали.

- Два года Леха. Два! Мы с тобой какой только хрени не повидали. Пожалуйста, держи ухо в остро…

- Ладно-ладно… - перебил Святогор. – Включаю паранойю и ложусь спать.

Ночь прошла просто отлично. Все спали как убитые и просыпались свежими и отдохнувшими. Первыми поднялись Клавдия и Валентина, чтобы покормить малышей. Макс и Санек проснулись следом. Макс больше общался с местными, а Санек осматривался. Когда встали все, их позвали на завтрак. Завтрак проходил в кругу общины и было видно какие все жалкие и забитые, однако, сытые и здоровые. На завтрак снова подавали мясо. Ели все, кроме Санька. Что-то смутило его и накал его подозрения возрос. Санек странно косился на Матвея. У Санька был вид, словно бы он желал наброситься на Матвея с вопросом: «Что вы затеяли?!», и избивать его, пока не устанут руки. Однако Санек сидел сдержанно.

После завтрака все отправились по своим делам, и только Санек продолжил все обнюхивать. Святогор принялся следить за Саньком, надеясь, что тот не учудит чего. После некоторого времени, его слежку прервала Наталья Захарова и поинтересовалась:

- Леш, а ты Пашу со Светой не видел?

Святогор задумался. После подъема он мало кого успел застать. А на завтраке… Святогор задумался сильнее. Он силился вспомнить, кого он видел из своих на завтраке. Его донимали подозрения Санька и потому он не особо обращал внимания на других, учитывая, что народу было много.

- Не… Нет… Не видел. Может они с Максом?

- Я уже подходила к нему.

- А Сергей?

- Сергей… Да… Да! Наверное. Ладно, извини.

Они расстались и Святогор, вернувшись к мысли о Саньке, понял, что упустил его.

На обеде вновь было мясо. Святогора посетила мысль о Саньке и его подозрениях. Уж больно часто тут балуют мясом. Ладно часто, но не в таком количестве. У Святогора засосало под ложечкой. Как назло, на обеде не было Санька, а после, Святогор потратил час, чтобы его отыскать, вернее, это Санек его отыскал.

- Тихо! – приказал Санек, прикладывая палец к губам. – Иди за мной.

Святогор повиновался.

- Что было на обеде? – поинтересовался Санек, ведя Святогора куда-то в лес.

- Мясо.

- Снова… - констатировал Санек. – Не обратил внимание на вкус мяса?

- Я обратил внимание на его количество, а вкус… Не знаю, собачатиной какой-то отдавало.

- Собачатиной говоришь… - Санек остановился задумываясь. – А ты пса нашего видел?

- Пса? Ну… - Святогор задумался. – Нет…

- Хм…

Это «Хм…» напугало Святогора, но Санек продолжил путь, поторапливая его.

Они вышли к заболоченной речушке. Весь берег был усыпан чем-то белым и напоминал берег озера, засыпанный ракушками.

- Что это? - поинтересовался Святогор.

- Я думаю – это кости, дробленые.

- И чьи же они? – Святогора все сильнее пугала подступающая мысль.

- Трудно сказать, но их тут так много и вот…

Санек зачерпнул горсть и показал Святогору. В горсти были осколки костей и… Пара зубов. Форма была схожа, но сказать точно трудно…

- Я думаю – валить нам надо.

Послышался треск. Санек и Святогор обернулись. Последовал удар. Святогор упал и отключился.

Что было дальше, Святогор не знал. Он пришел в себя уже позже, прикованным к стулу.

- Матвей?.. – ломаным голосом выдавил Святогор. – Что… Что тут происходит?

- Ооо… Леша, - радостно произнес Матвей. – Ты прости меня брат, но… Твой друг стал совать свой нос не в свое дело.

- Какого черта?! – воскликнул Святогор.

- Тише, тише… - успокаивал Матвей.

- Где Санек? Что тут происходит?! Развяжи меня! – кричал Святогор.

- Я развяжу-развяжу! Не переживай. Но сначала ты должен решить: брат ты мне или не брат?

- Что? Что за хрень ты мне втираешь?! Развяжи меня, черт тебя дери!

- Леш… Хватит. Дураком надо быть, чтобы не понять, а ты вроде не дурак. Решай.

- Чем вы нас кормили? – зло произнес Святогор.

- Леша… - огорченно произнес Матвей. - Не огорчай меня.

- Господи… Что же вы… Почему?! – не желая услышать ответ, все же произнес Святогор.

- А ты как думаешь? Людей много, кушать все хотят. Но хорошими людьми мы не раскидываемся. Но вот прочих… Зачем они?

- Господи… Господи… Господи! Ты обезумел! Нет, ты озверел! Да ты… Ты спятил! Ты!..

- Выжил! Лешенька. Просто выжил! Сейчас иначе нельзя. Это простой выход. Не слабость, а простой и естественный – выход!

- Знаешь, что, Рыжий?! – зло выдавил Святогор. – Иди ка ты нахер! Брат спрашиваешь? Нахую я вертел такого брата, людоед сраный!

Последние слова Святогор произнес, словно бы плюя в лицо. Матвей оскорбленно ответил:

- Ну… - Матвей похлопал Святогора по плечу. – Прости, ты сам выбрал.

Матвей сделал жест рукой, стоявшему рядом гнусавому и тот, подойдя к Святогору, заткнул ему рот кляпом. Поднимая Святогора, гнусавый потянул воздух носом. Пахло гарью.

- Во! На ужин сегодня будет шашлычооок! – приятно протянул гнусавый.

Открыв дверь, перед Святогором развернулась картина Репина «не ждали». В двери стоял Санек и держал в руке автомат. Гнусавый удивленно воззрился на Санька. В следующий момент его тело прошивает очередь и мертвым кулем он падает на землю. Матвей дернулся в сторону, но Санек пустил очередь и по нему. Туннель позади Санька заволакивало густым дымом. Санек подобрался к Святогору и разрезал здоровым тесаком веревки.

- Что… - Святогор закашлялся. – Что происходит?

- Огонь! Валим от сюда!

Санек дал Святогору автомат и они побежали по туннелю. Санек открывал огонь по всем, кто выскакивал.

- Ты что творишь? – кричал Святогор. - А если кто наш выскочит?

Туннель заволакивало дымом. Стоял гул, были слышны крики и ругань.

- Их нет! – кричал Санек.

- Что? Что значит - нет? – не понимал Святогор.

- Мертвы! На шашлыки, собаки, их пустили. Бежать надо, не то и мы сгорим.

- А что горит?

- Все горит! Горит этот блядский гадюшник!

Когда они выбрались, на улице уже была ночь. Тьму рассеивал лишь свет полыхающего поселка, но чем дальше Санек и Святогор удалялись, тем темнее становилось, пока не остались позади лишь оранжевое зарево и крики.

Спастись удалось лишь Саньку и Святогору. Из пожитков удалось утащить пару автоматов с двадцатью пятью патронами на двоих, один рюкзак с половиной палатки и немного тряпок. Санек и Святогор оказались в очень тяжелом положении. Чуть позже Санек рассказал, что произошло.

Когда Святогора вырубили, Саньку удалось отбиться и сбежать через болото. Видимо, нападавшие решили, что Санек сгинул в болоте и потому мертв. Святогора они доставили

обратно, а Санек ждал. Ближе к вечеру он сумел проникнуть обратно, завладел автоматом и попытался найти других. Но других уже разделывали, и Санек не стал сдерживаться. Дабы не привлекать внимания, он схватил тесак и порубил извергов, что надругались над его товарищами. Поняв, что среди убитых нет Святогора, он решил, что его могли не убивать. Ища Святогора, он нашел один из рюкзаков и смог раздобыть еще один автомат. Ну, а после уже известно.

- Вот тебе и лучший друг… - горько произнес Санек.

Человек – это в первую очередь животное. А всякое животное подчиняется инстинктам. Разум – это то, что способно бороться с инстинктами. Вопрос лишь в том: что окажется сильнее? Кто кого пересилит? Где та грань человечности, что разделяет человека и животное? Что делает человека человеком? Просто родиться человеком - мало. Вырасти человеком – это тоже мало! Всякий человек – это человек, но не всякий человек – человечен! Человечность – это умение разделять добро и зло. Человечность – это умение не пасть во тьму, а хранить и нести свет. Человечность – это умение не быть животным, не быть диким и первобытным созданием, что потакает низменным желаниям.

Трое суток Санек и Святогор брели по дороге. Их силы иссякали, а желание идти дальше угасало, но они, подбадривая друг друга, продолжали путь. Погода становилась все хуже. Становилось холоднее и с неба начал падать снег. Святогор вспомнил, что скоро новый год и мыслями уносился в воспоминания. Он представлял себе теплый дом, елку и стол с салатами, неизменное шампанское, мандарины, оливье и обращение президента. Бессмертная классика минувшей эпохи.

Где-то после Постникова, Санек и Святогор устроили привал. Идти уже не было никаких сил, хотелось спать. Однако спать им не дали. Стоило им пристроиться в одной из машин, со счастливым, по мнению Санька, номером 451, как на дороге, с той стороны, откуда они шли, показался эскорт машин. Бежать было поздно и сил уже не было. Санек и Святогор решили, что это либо за ними, либо мародеры. Понимая свое положение, они решили уйти достойно.

- Твою… - с трудом выдавил Санек. – Напомни мне, пожалуйста, - обратился он к Святогору. – Если выберемся, чтобы мы держались и от дорог подальше. Лучше я по болоту буду пиявок и клещей кормить, чем…

- Да ты, блин, - перебил его, уставшим голосом, Святогор. – Оптимист.

- Ну так, помирать надо с улыбкой. Слыхал о таком?

Санек и Святогор заняли оборону. Подъехавшие машины остановились, светя дальним светом.

- Автоматы опустите и выйдите с поднятыми руками, - послышался голос из машины.

- Ага, щас! – возразил Санек. – Может еще машину вам помыть и стекла протереть?

- У вас всего два автомата и патронов, дай Бог, по полному рожку. Лучше сдавайтесь.

- Нет уж, спасибо, я лучше сдохну, но мародерам не сдамся.

- Мы не мародеры.

- А мне почем знать? Нынче и друзьям верить нельзя.

- Господи… - послышался женский голос. – Ребят! Может, хватит уже письками мериться? Вы взгляните на них, какие они бандиты-мародеры?

- Уйди! – возразил мужской голос. – Какого черты ты вечно лезешь?

Свет погас и Санек со Святогором смогли разглядеть лица.

- Эй, вы! Вылезайте. Если вы не бандиты, мы вас не тронем.

- Я тебе не верю, - возразил Санек.

- Хватит ломаться, Станиславский, если вы не бандиты, значит просто путники. Можно договориться.

- И о чем же?

- Как насчет - присоединиться?

- Заманчиво… А вдруг вы нас сожрете?

- Я тебе что, животное какое? Имея оружие и людей, питаться можно и охотясь, в округе полно дичи.

- Что скажешь? – шепотом спросил Санек у Святогора.

- А есть выбор? Откажемся – мы трупы. Если они нас обманывают – мы трупы.

- Так-то оно так, но сдохнуть я бы хотел не мучаясь.

- А мы и так сдохнем в мучениях, я устал…

- Черт… Ладно, - обреченно вздохнул Санек. – Хорошо! Мы принимаем предложение.

Санек и Святогор вышли и подняли руки. К ним подошли трое с автоматами и тот, что посередине заговорил:

- Руки-то опустите.

Санек и Святогор опустили руки.

- Автоматы придется сдать.

Нехотя, Санек и Святогор отдали свои автоматы.

- Хорошо. Меня зовут Вячеслав Матросов, я тут главный. Куда путь держите?

***

Во дворе стояла елка. Украшений на ней, правда, было мало, да и сама она была искусственной и потрепанной, но главное – хоть такая! Дети, которые почти и не знают о таком празднике как Новый год, радовались и веселились. Веселились и взрослые, но за видимой маской радости, скрывалась невидимая для детей тревога.

С тех пор как Святогора и Санька подобрали, прошло полтора месяца. Они преодолели около трех тысяч километров. Мертвые руины больших городов, старались проезжать как можно быстрее насквозь или в объезд, а мелкие поселения обшаривать в поисках чего полезного. Не раз приходилось отстреливаться от местных тварей, как животных, так и людей. Не раз приходилось задерживаться и пережидать, искать иной путь и принимать серьезные решения, ибо дорога не позволяла. Приходилось часто охотиться и порой даже рыбачить. Люди старались не задерживаться и уехать на запад как можно дальше, пока позволяла дорога. Все стремились попасть в Москву. Резонный вопрос: а зачем? Крупные и средние города мертвы. Если «правда»

заведомо известна, то какой от этого толк? Но ведь, у Москвы был щит и огромное метро, каков шанс, что Москва уцелела? Ведь войну Москва выстояла и первый год после устояла. Что если, вопреки всему, этот величественный город, в отличие от прочих, выдержал и бомбежку, и там уцелели люди?.. Были только вопросы и ни единой возможности получить ответ раньше положенного срока. Беда лишь в том, что до положенного срока не часы, а километры. Обилие снега на дороге вынудило людей остановиться и окопаться на время зимы. Многие все же порывались и не желали ждать, ибо до Москвы оставалось всего ничего, чуть больше одной тысячи километров и только-то! Но останавливали себя и обреченно сокрушались, осознавая, что дорогу уже изрядно занесло, топлива мало, а замерзнуть у самого финиша…

На носу был новый год и взрослые решили устроить детям праздник. И все бы было хорошо и замечательно, но огненные зарева на юге не давали покоя. Южный горизонт полыхал словно рассвет. Порой доносился грохот и содрогалась земля. Эхо войны… Даже спустя несколько лет, нашлись те, кто не успокоился. Иногда, очень редко, грохотало и трясло так сильно, что люди уже подумывали плюнуть на все и убраться подальше на север, просто на всякий случай, но дорогу заносило все сильнее и сильнее.

Деревня, в которой они остановились, давно уже была нежилой. В самом центре зияла огромная и глубокая воронка, а дома были либо выворочены до основания, либо стояли, основательно покосившись в сторону от воронки. Несколько более или менее сносных домов подлатали и приспособили для жилья. Жить приходилось в тесноте, но никто не жаловался, а напротив – очень даже радовался. Особенно в этот день, ибо сегодня уже 31-е декабря и все готовились к празднику. Увы, но праздничный стол был скуден, зато веселья было хоть отбавляй. Дети бегали и резвились, женщины кухарили, а мужчины готовили самодельные салюты, чтобы хоть как-то порадовать всех. Жизнь кипела и вселяла приятную уверенность. Что праздники дарили раньше, никто не знал, праздник и праздник, что тут такого? А сейчас, праздник – это чудо, вселяющее надежду и в первую очередь в души детей.

Все собрались в ожидании заветного часа. Мужчины и женщины произносили тосты и пожелания, старались рассказывать веселые и забавные истории и предавались воспоминаниям. Все мечтали о будущем и уверенно ставили цели. Меланхолии и пессимизму не было места. «Мир может и погиб, а мы вот целы», - говорилось за столом. Да и мир, собственно, не погиб! Шарик по имени «Земля», все еще крутится. Может жизнь уже и не та, но… Нельзя сдаваться! Плевать! Может нам уже и не жить в уюте и комфорте прежних домов, но наши предки жили так же, чем мы хуже? Раз мы – дети технологий, попавшие в мир камней и палок, то должны просто опустить руки? Нет… Мы должны смирить свою гордыню и брезгливость.

Бравурные речи текли рекой. Святогора замутило от всего и нутро остро потребовало одиночества. Он не знал почему, но одиночество доставляло ему удовольствие. Святогор часто гулял вдоль края воронки и размышлял о своем. Вот и сейчас, в самый разгар празднования, он просто взял и ушел погулять. Час или два он просто прогуливался и думал, разглядывая пламенеющий горизонт. Увы, но его единство с самим собой было потревожено.

- А ты что не со всеми? – поинтересовался Санек.

- Да… Просто хочется побыть одному, - тоскливо ответил Святогор.

- Оу, извини. Я тогда уйду?

- Да можешь остаться, если хочешь.

- Там сейчас салюты пускать будут, пойдешь?

- Не, я и отсюда увижу.

- Да… - сладостно протянул Санек. – Как тебе Света?

- Ни че такая, попка у нее классная.

Святогор и Санек помолчали и вдруг разом заржали.

- Ты учти, я на нее первым глаз положил! – произнес Санек.

- Ну, это мы еще посмотрим, - улыбаясь, парировал Святогор.

Позади Святогора и Санька раздались голоса, и они разом обернулись. Народ выходил на улицу и готовился лицезреть новогоднее чудо.

- Спорим? – предложил Санек.

- На что?

Земля дрогнула и все голоса стихли. Стояла гробовая тишина и все смотрели на горящий горизонт, который засиял ярче. Что же там творилось?..

Тишину взрезал резкий свист. Все очухались и устремили взор в небо. Хлопок и небо озарилось снопом ярких искр. Дети и женщины восторженно глядели в небо, а мужчины запускали салюты. Ядовитые цвета искр разрезали тьму и тонули в огне горизонта. Святогор и Санек стояли на краю обрыва и вглядывались в небо. Один из зарядов бабахнул особенно сильно и не высоко, так что толпа в страхе разбежалась в сторону. Часть салюта устремилась в Святогора с Саньком и те повалились на землю, прямо на дно кратера. Стоял смех и детский визг. Святогор и Санек копошились в снегу и пытались встать. Они, смеясь и матерясь, помогали друг другу подняться, как вдруг, небо озарило ярким светом. Послышался крик боли. Святогор и Санек умолкли.

- Что это? – испуганно спросил Санек.

Они попытались выбраться из ямы. Санек взобрался наверх, а Святогор оступился и повалился обратно. Со дна кратера он увидел Санька, который стоял на самом краю, устремив взгляд на восток. Он смотрел на что-то с ужасом.

- Боже… - с трудом выдавил Санек.

Небо становилось все ярче. Земля дрожала, а все звуки стихли. Потом мощный грохот и чудовищной силы ветер обрушился, снося все на своем пути. В глазах Святогора резко потемнело, стало трудно дышать и он потерял сознание. Пришел Святогор в себя с чувством сильной боли в груди. В воздухе стоял неприятный металлический запах. Святогор, с трудом, выбрался из ямы и увидел чудовищную картину. Всю деревню смело, а на востоке возвышалось огромное грибообразное облако дыма. Вся деревня выглядела как перепаханное поле. Снег и земля, дома и машины, все было в единой массе, только людей не было видно. Святогор, сиплым голосом, принялся кричать и звать, но на его крики никто не отзывался. Святогор бродил и пытался отыскать хоть кого-то глазами и наткнулся на изорванные тела. Мужчины, женщины, дети… Все они представляли собой месиво запекшегося мяса. Послышался кашель. Святогор устремил взор на источник кашля и замер. Когда кто-то снова закашлял, Святогор ринулся на звуки и увидел Санька. Санек, вернее его половина, лежал в снегу, часто и тяжело дыша. Его тело было сильно обожжено.

- Са… Санек, - с трудом выдавил Святогор, сокрушенно падая на колени рядом с Саньком.

- Ло… Ле… Леха… - с большим трудом произнес Санек. – По… Погано то как…

Святогор опасливо прикасался к Саньку, осторожно придерживая его голову и силился что-то сказать, но ком в горле не давал произнести ни звука.

- А… А я ведь… А ведь… - Санек с трудом силился что-то сказать, но говорить было больно и тяжело. – П… Погано… Как же все погано вы… Вышло… - произнес Санек, захлебываясь и с трудом сглатывая. - А… А ведь как все было… Х… Хо…

С неба падал черный снег, засыпая собой страшную картину случившегося, и укутывая, сидящего у изголовья Санька Святогора. Санек еще силился закончить сказанное, но наполнившая рот кровь не дала произнести ни слова. Последние порывы угасающей жизни. Тишина. Покой и пустой взгляд в никуда, сквозь черную пелену. Внезапное и нежеланное одиночество, чудовищным грузом повисло на шее Святогора, а проникающий в душу холод разрезали стекающие по щеке черные слезы.

Глава 3. Метаморфоза

Бог не играет в кости.

Костями балуется жизнь и смерть.

Святогор лежал в кровати, покрытый с ног до головы тряпками и тканями, и тихонечко стонал. Все его тело ныло, болело и зудело. В его теле бушевал огонь, но он не согревал, а словно бы вытягивал остатки тепла. В помещении было темно, ибо свет причинял нестерпимую боль. В помещении стоял смрадный дух сырости и болезни. Святогор лежал и медленно истлевал. Все его тело покрывали язвы и сыпи, ожоги и вздутия, некрозы и струпья. Уродовавшие тело болезни медленно пожирали Святогора. Если бы не накрывающие тело ткани, его чудовищный вид и смрад заставил бы пасть в обморок даже самого крепкого и подкованного на такие вещи.

В помещение вошел коренастый человек.

- Как твое здоровье, Лешенька? – спросил человек мягким и приятным голосом.

- Хорошо, - шепотом ответил Святогор. – Сегодня уже лучше.

- Хорошо, - улыбаясь, ответил человек. - Воды дать?

- Да… И…

- Хорошо, - перебивая, ответил человек, все так же улыбаясь.

Человек хорошо говорил по-русски, но произносил слова, делая странные и неверные ударения. Человек был крупным и имел внешность южанина, особенно во внешности выделялся его горбатый нос. Человек поднес ко рту Святогора стакан с водой, аккуратно и с заботой приподнимая его голову. Святогор пил воду с трудом, делая скупые глотки. После питья, человек достал чашу с какой-то жидкостью и стал смачивать ею покрывавшие Святогора ткани. Тихие стоны Святогора стихали и боль постепенно уходила.

- Джа… - все тем же шепотом произнес Святогор. – Кто ты?

- Что? – не понимая, ответил вопросом на вопрос человек.

- Имя у тебя странное…

- А что в нем странного?

- «Джа»… Ты часом не индус?

- Нет, «Джа» - это просто сокращение, от Джашарбек. Вот и все.

- Вот как… А кто ты по национальности?

- Кто? Не знаю…

- Как это? – в голосе Святогора были нотки удивления.

- Я только имя свое знаю. Кто я и откуда, даже какая у меня фамилия, я тоже не знаю.

- Странный ты…

- Почему это?

- Кругом говно, а ты улыбаешься и цветочки нюхаешь…

- Самый красивый и сладко пахнущий цветок растет именно на говне, - улыбаясь, вдохновенно произнес Джа.

- Вот я и говорю – странный…

- Нет, Леша, странный – это ты, - добрым, но поучительным тоном, произнес Джа. - Я человек простой и не многословный, а ты меня уже десять лет знаешь, а спрашиваешь по поводу моего имени только сейчас.

- Просто стеснялся…

- Десять лет?..

Это «Десять лет» Джа произнес с таким ярким акцентом, что это было похоже больше на сарказм.

- Лекарство заканчивается… - риторически произнес Джа. - Скоро снова идти…

- Зачем? Мы вот тут дохнем, а ты о нас печешься…

- Ну, а если не я, то кто?

- А нафиг мы тебе сдались? Позволил бы сдохнуть и все, а ты нет… Мотаешь за своими цветочками, только зря жизнью рискуешь.

- Если бы ты хотел умереть, ты бы не боролся. Я же вас не лечу, а лишь помогаю пережить боль. Живете вы по своей воле.

Джа все время улыбался, даже когда говорил что-то грустное и печальное. Его не убиваемый оптимизм и улыбка были красноречивее любых слов и песен этого мира. Настоящий «Данко», жертвующий собой ради других.

- Господи… - едва улыбаясь, сонным голосом, проговорил Святогор. - Ты не исправим…

Джа что-то ответил, но Святогор уснул, так и не услышав его слов.

Джа был местным врачевателем, а еще плотником, сиделкой, лесником, агрономом, рыбаком, охотником, мастером на все руки и просто «золотым человеком». Все его любили и ценили, и в любом доме он желанный гость. Джашарбек или просто Джа, был очень аскетичным и простым. В общине, что в поселке Белореченск, было много больных и страдающих, многие, как Святогор, были прикованы к постели. Многие были одиноки и лишь Джа заботился обо всех. Святогор попал на попечительство Джа несколько лет назад, когда особенно скверная зима серьезно подкосила здоровье и приковала к постели. В общину Святогор попал десять лет назад. Одинокий, замерзший, исхудавший и обессиленный, Святогор лежал на дороге и уже готовился к смерти. Однако на него наткнулся Джа и приволок в общину. К весне, Джа поднял Святогора на ноги. Святогор уже думал прощаться, но понял, что его снаряжение себя исчерпало, а без нового ему до своей цели не дойти. Сборы затянулись. Потом то погода оттягивала, то время года, то напасть какая и Святогор задержался в общине на несколько долгих лет. Потом злополучная зима, когда поселок посетила тварь, получившая имя «Лис» (ибо жрала местных по ночам, словно лисица кур в курятнике) и все… Здоровье Святогора, после сражения с Лисом (которое тварь пережила и бежала), дало трещину. Скверная погода той зимы усугубила положение и надежда на завершение своего пути угасла. Десятый год жизни в этом славном месте миновал и шанс прожить в общине еще хотя бы одни, уже не светил. Над Святогором нависла смерть, которая была неизбежна и вопрос был лишь в том, как именно: тихо и мирно, в мучениях или от гнусного Лиса, что, словно бы в наказание, вернулся в поселок.

Когда-то, кто-то сказал: «Бог не играет в кости». Да, Бог костями не балуется, ему вообще наплевать на людей. Костями балуется жизнь и смерть. Ни ангел, ни демон, а простая жизнь и смерть, два заядлых игрока. Они по очереди бросают кости. Победитель тот, у кого наберется двадцать одно! В минуты мнимого триумфа жизни боль отступала и наступал покой, и наслаждение. Но когда вперед вырывалась смерть, боль становилась нестерпимой. В конечном счете, смерть всегда выигрывает, но пока была шаткая ничья и эти игроки, войдя в раж, жаждали сорвать куш!

- Леша, я пошел, - неизменно улыбаясь, бодрым голосом проговорил Джа. - Я передал Сонечке, чтобы она проведывала тебя. Надеюсь, я вернусь скоро.

Святогор не ответил.

Джа собирался в поход за сырьем для лекарства. Лекарство, собственно, лекарством и не было, скорее паллиатив. В природе не было такого лекарства, которое могло бы исцелить недуги больных этой общины. Джа каждый раз ходил налегке и всегда один. Ему порой предлагали составить компанию, но каждый раз, с улыбкой на лице, Джа отказывался. И никто не возражал, поскольку его улыбка гипнотическим образом вселяла уверенность, что ему виднее и все будет хорошо, можно не волноваться. Из вещей Джа взял лишь небольшой, отлично заточенный, серп, вещмешок с припасами на несколько дней и несколько разнокалиберных, небольшого объема, емкостей. Болотного цвета брезентовый плащ, вещмешок за плечами, серп на поясе и шерстеная фуражка на голове. Типичный Кузьмич, даже борода на месте, только седая как молоко. Джа покинул поселок в тишине и покое и по железной дороге направился в сторону города Омутнинск. Джа предстоял часовой поход до города и несколько часовое блуждание по руинам до водохранилища. А потом сутки через лес и болота. Найти растение, собрать необходимое количество и вернуться обратно. Звучит просто, но на словах всегда все просто. До войны, Белореченск был типичным поселком, с домами и огородами. После, когда Омутнинск бомбили, сам поселок не пострадал, но превратился в кладбище и кунсткамеру.

Джа переступил условный порог разделяющий город и лес. Город лежал в руинах и был испещрен мелкокалиберными кратерами. Всего за десять лет лес вокруг города вымахал в настоящие джунгли. Радиации и токсинов в городе не было, как и высоких домов, а потому лес, без особого труда поглощал город. Прямой дороги через город не было, завалы, ямы и растительность превратили город в лабиринт и потому, чтобы выйти к воде, приходилось петлять по улицам. Порой на пути показывалась местная живность, размерами от крысы и до собаки, но кинув взгляд на идущего человека, поспешно бросались в укрытие и исчезали. Водились и крупные создания, живущие преимущественно ночью, потому, что днем в городе живут или вернее даже растут! Древы - человекообразные растения. Издали, древы напоминали человека: тело, руки и ноги, голова. Вблизи же, они походили на живой куст из кучи туго переплетенных между собой вьющихся растений. Этот куст, хоть и медленно, двигался и совершал действия, имитируя человека. Город был мертв в человеческом понимании, но жил своей, особенной жизнью, в своем собственном понимании. Древы, словно души погибших людей, нашедшие себе новое тело, пытались продолжать жить дальше. Древы гуляли по городу, сидели на краю чего либо, кто-то даже обнимался, а кто-то сидел или лежал и глядел в небо. Когда наступала ночь Древы как и люди тоже ложились спать. Город жил в полной тишине и только ветер, да мелкая живность вносила звуки в этот маленький мир. Возмутителей этой тишины не жаловали, всякий возмутитель строго наказывался, и потому в городе было лишь одно правило. Негласное, но всеми хорошо понимаемое правило. Джа превосходно следовал этому правилу и потому, всякий раз, шел через город без опаски, всей душой погружаясь в этот мир.

Джа хорошо знал город, и потому выход из лабиринта ему найти не составило труда. Впереди простиралось обширное водохранилище с чистой водой, в которой было полно птиц и

крупных животных. Увы, нынешние животные имели новые представления о прекрасном. Сейчас красота была вне идеальности. Сейчас красота не требовала жертв, жертв - требовала практичность. Все ради жизни. Красота еще придет, будет время…

***

Святогор лежал на кровати и тяжело дышал. Боль, словно морская волна, накатывала и обрушивалась на скалы бренного тела Святогора. С каждым разом все сильнее и сильнее, порой боль отходила, но потом вновь возвращалась и Святогор принимался стонать и слабо бредить. Иногда он просыпался, но реальность и сон смешивались в единую массу, и все казалось не реальным. Порой с улицы доносились звуки свистка, от которых Святогору чудилось, что весь воздух в помещении вибрировал и все вокруг расходилось волнами. Звуки и образы превращались в фантастический калейдоскоп. Святогор видел дерево, которое извивалось как тысячи змей. Листья на кроне этого дерева копошились подобно рою бабочек. Порой все внезапно исчезало, но потом так же возвращалось.

- А правда, что ты делал людям плохо? – ворвался в бред чей-то голос.

- Что?.. – не понимая, с трудом и тихим голосом ответил Святогор.

- Мама говорит, что ты был… Как это… Зеленый человек, который делает плохо.

Святогор смог отличить фантастический бред сна от реальности и увидел маленькую девочку.

- Солдат… Я был солдатом.

- Значит ты уб… - девочка замолчала, прикусив губу, не желая произносить слово.

- Да…

- Значит ты плохой?

- Я… Я не знаю…

- Мама говорит, что со… - девочка задумалась. - Зеленые дяди плохие.

- Наверное…

- Хотите пить?

- Да…

Девочка налила в стакан воды и неумело влила немного в рот Святогору. Святогор закашлялся, с трудом сглотнул и отвернулся.

- Иди… Иди домой. Мама ругаться будет…

Девочка постояла еще какое-то время, разглядывая Святогора, а потом, наверное, молча ушла, потому, что Святогор снова погрузился в сон.

***

Джа двигался вдоль песчаного берега к устью реки Омутная. Город позади, а впереди ждал лес. В водохранилище виднелся остров, из которого торчал самолет странной формы. Его носовая часть была вытянутой, а крылья были чуть ли не у самого хвоста. Сам самолет был воткнут носом в остров и больше напоминал вонзенный клинок. На одном крыле была отчетливая надпись белой краской «Здесь был Артур Семенов». Наверно только человек, среди прочей живности, желает оставить в мире хоть какой-то след, пусть даже свое имя или отпечаток руки на какой-нибудь стене. Что это? Зачем человеку такая особенность? Человек с древнейших времен желает оставить после себя след, оставить после себя память! Ученые умы говорили, что человек и все вокруг – это звездная пыль. Пыль – это память о прошлом вселенной. Когда звезда гаснет, от нее остается пыль – память. Когда человек умирает, от него останется – память, память о том, что он сделал. Почему это так важно? Зачем мир и человек стремиться оставить после себя память о себе?..

Водохранилище перешло в реку и Джа свернул в сторону, намеренно направляясь вглубь леса. Деревья в лесу были высокими, а их подножье все еще хранили память прошлого. Лес казался старым, но таковым не был. Выдавала особая чистота. Старый лес грязен, но не загрязнен, а этот хранил чужую грязь - грязь войны. Своей «лесной» грязью этот лес еще не обзавелся. Но лес обзавелся жителями. На земле и под ней, в самих деревьях и в кронах жили свои жители, которые галдели круглые сутки. Днем одни, ночью другие и так постоянно. Бесконечным круговоротом жизни лес обживался и уже давно потерялся тот момент, когда в нем раздался первый звук, оповестивший начало нового цикла жизни. Человек – это избыточное давление. Не спусти его, мир бы погиб. Война – это рычаг, сбрасывающий давление. Война – это рычаг, возвращающий баланс и равновесие. Увы, цена этому - откат к самому началу. Человек не желал этого, но в итоге сам же и привел в действие механизм неизбежности. Теперь старый мир обращен в удобрение, на котором взойдет нечто новое. Нечто, что, быть может, превзойдет человека.

Джа прервал свой путь на ночлег. В нескольких километрах лежало болото и лучше там идти днем. Ночью Джа чувствовал себя в безопасности именно в лесу потому, что болото, идущее дальше, было не во власти лесных жителей. Лесные обитатели не трогают Джа. Джа давно стал частью этого леса. А вот болото… Болота – это обиталище старой и на все и всех обиженной, вечно голодной и одинокой твари. Увы… Но обойти болото нельзя, ибо необходимое лежит именно на этом болоте. Но это завтра, а пока сон.

Джа достал сверток брезента и расстелил на земле. Подушкой ему служил мшистый корень дерева, а покрывалом собственный плащ. Сон пришел быстро. Во сне Джа видел плодоносный сад, в котором было множество яблонь и груш, сливовых и вишневых деревьев. Каждое дерево богато украшали плоды и сад наполнял сладкий аромат фруктов. В саду были птицы и животные, а в небольших прудах плавали рыбы. Плоды деревьев манили соблазнительной сочностью. Джа одолевало сильное желание отведать хотя бы один плод. Но в этом райском саду все плоды были запретны, ибо стоило сорвать и вкусить хоть бы один плод, и все… Этот чудесный сон растаял бы, оставив лишь воспоминание. Но сон в любом случае растает, зачем сдерживать себя? Затем, чтобы остаться в нем дольше и Джа оставался в нем и наслаждался идиллией.

На сад надвинулась серость и цвета поблекли. Запахи и живность пропали. Джа печально оглядывался, понимая, что пришло время пробуждения. Сад обратился темным лесом, тьму которого разрезал утренний свет. В пограничном состоянии между сном и реальностью Джа увидел в дали фигуру животного. Лес заволакивал легкий туман и фигура казалась нереальной. Животное приблизилось ближе и сквозь дымку тумана проступили черты оленя. Этот олень был могучим исполином, в несколько человеческих ростов. Его рога напоминали пышно цветущее дерево, в кроне которого сидели птицы, а его тело покрывал мох и лишай, в котором кто-то копошился. Олень приблизился к Джа почти вплотную и Джа разглядел его темно-зеленые, с

металлическим блеском глаза. Олень остановился и посмотрел Джа прямо в глаза. Какое-то время олень смотрел, не отрываясь и Джа сделал легкое движение головой, словно бы делая поклон. Олень ответил тем же и продолжил свой путь дальше. Пока не растворился в дымке тумана. Джа и олень уже не раз встречали друг друга. И каждая их встреча сулила для Джа удачу. Это уже была своеобразная традиция, словно встреча давних друзей. Для Джа олень был Хозяином этого леса и он верил, что олень этот не просто животное. Джа верил, что он разумен и превосходно понимает все, а быть может, знает и понимает гораздо больше, чем любой из людей.

Впереди лежало болото и обещанная удача была как нельзя кстати!

***

Усиливавшаяся боль превращала сны в кошмары и Святогор просыпался в холодном поту, со слезами и желанием, чтобы все прекратилось. Святогор не был религиозным, но в минуты отчаяния, хотелось верить во что угодно. Вот и сейчас, терзаемый страшной болью, Святогор, плача, молил и просил прощения за все у неведомо кого. Святогор вспоминал все плохое в своей жизни, все моменты, когда он оступился, когда поступил не так, как велит благая людская мораль. Святогор через совесть обретал свою человечность. Его сны, рожденные болью и совестью, испытывали его волю. Каков был соблазн сдаться! И Святогор уже желал это совершить! Но нет… Что-то, все равно держало его, заставляло жить! Мучило и терзало, словно играющая с мышкой кошка.

Одним из таких «снов совести» был сон о людях, что когда-то были со Святогором. Святогор всегда стремился к одиночеству, но обстоятельства складывались всегда иначе и люди, словно бы специально, навязывались и Святогор ощущал странную ответственность. Любая потеря терзала совесть, заставляя Святогора думать, что это его вина. Но ведь это не так! Всякий человек отвечает за свою жизнь и жизнь близких, а все прочие – мясо. Если ты не навязался оберегать своего попутчика, то он не более чем мясо! Пришел и ушел, вот и все. Такие люди – это как массовка в жизни человека, временные знакомые, третичные герои, что служат фоном и первыми идут в расход в какой-нибудь книге. Их судьба важна кому-то другому, но не тебе! Но почему их смерти терзают совесть?! Почему они порой являются в кошмарах и мучают? Хороший вопрос… И вот, сам Святогор стал таким вот «третичным» героем. Мясо, которое ждет свою смерть. Смерть, которая будет мучать чью-то совесть. И хорошо, если Святогор умрет во сне - тихо и мирно, и чья-то совесть кого-то будет терзать куда меньше.

Святогор погрузился в очередной сон и даже не заметил, как покрывавший его пот стал вязким и тягучим. Во сне Святогор видел себя словно бы со стороны. Быть может, это был и не он, а кто-то выглядящий как он. Этот Святогор стоял и держал в руках чаши. На одной было написано «Я», а на другой «все». Этот Святогор порывался испить из одной из чаш, но все никак не мог решить из какой отпить. Каждый раз, когда он пытался сделать выбор и все же не делал его, он начинал злиться. Его злость росла и тогда он с гневом и яростью разбил чаши, и на его лице проступила печаль. Его глаза выражали усталость, опыт прожитых лет и чудовищную тоску. Этот Святогор растворился и на его месте появился другой Святогор. На его лице была ненависть. Рядом появился еще один Святогор с лицом счастья, потом еще один с лицом скорби, а затем и еще один со своим лицом, а потом еще и еще, пока Святогоров не стало целое полчище, и у всех свои лица. Эта толпа вдруг начала говорить. Все говорили одновременно и в стоящем гуле нельзя было различить ни единого слова. Потом все начали трясти руками, пытаясь жестами что-то объяснить. Кто-то кого-то ударил и вся эта толпа начала драку. Все били друг друга и галдели. А потом, все исчезло. Густая тьма окутывала сознание и Святогор ощущал ее, словно бы она была

осязаема. Он, осознавая сон, попытался вырваться из него, но все было тщетно. Мрак не отпускал и словно бы сжимался. Святогор пытался бежать, но куда? Во сне нет понятий о пространстве и бежать было некуда, да и бессмысленно.

Тело Святогора начало меняться, а сознание было погружено в последний сон, из которого ему уже не выбраться. Святогор чувствовал, как его тело преображалось, но не понимал этого. Эти чувства находили выход в фантасмагорических видениях. Очередным видением был радужный свет, что мириадами светлячков наполнял пространство, рассеивая тьму. Светлячки то вспыхивали, то гасли и их становилось все больше и больше. В этом свете проявлялись фигуры людей и все они стояли и просто смотрели на Святогора, а Святогор пытался дотянуться до них и одна из фигур сделала шаг и протянула руку. Святогор тянулся и изо всех сил старался взяться, ухватиться! За эту руку. Фигуры говорили, но Святогор их не понимал, а на душе наступало странное спокойствие. Что-то внутри теплело и уже не хотелось ни чего! Хотелось лишь дотянуться! Стать одним из этих вот фигур! И вот! Одина из фигур, что тянула руку Святогору, вдруг прояснилась лицом и явила прекрасный девичий лик. Фигура девушки улыбалась и что-то шептала, но Святогор смог услышать лишь: «Пора». Она коснулась его и все нутро наполнило теплом и блаженной пустотой…

Содрогавшееся, еще буквально мгновение назад, тело Святогора обмякло и застыло. Кровь более не бежала по венам, воздух по легким, а стекленевшая кожа была тверда и холодна. В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Ангел смерти, молча сидевший рядом со Святогором, глядел на него с нежностью и заботой, как глядит мать на родное дитя, когда то ложится спать. Подобно все той же матери, ангел прикоснулся губами ко лбу Святогора нежно целуя и произнес слова, услышать которые не дано ни живым, ни мертвым:

- Пора.

***

Джа осторожно ступал по кочкам, все глубже и глубже углубляясь в болото. Сперва вокруг были деревья, чьи корни торчали из-под воды и были покрыты чем-то бурым и зеленым, а потом пошла водная равнина, испещренная травянистыми кочками. Крепкие и еще здоровые деревья сменились на мертвые коряги и пни, и болото очертилось четкой гранью. Расстояния между кочками становились все больше, а вода местами была покрыта зеленым ковром и Джа пришлось найти длинный шест, чтобы прощупывать путь впереди. На болоте не стоял привычный фон из квакающих и стрекочущих звуков, а стоял стук, треск и угуканье, словно стая сов и дятлов устроили концерт. Иногда раздавались булькающие звуки, вода при этом разбегалась кругами, а в воздухе усиливался неприятный запах. Порой, попадались странные пузыри и ямы, словно бы вода пытается притянуться к чему-то или оттолкнуться от чего-то в воздухе. Такие пузыри и ямы Джа обходил, и старался внимательнее тыкать, прощупывать дорогу впереди себя. Эти пузыри и ямы были болотными ловушками. Где-то в центре болота сидело «оно» и именно это «оно» создавало эти ловушки. Словно паук, Болотная тварь без тела и лика сидела в центре своей водяной паутины и ждало любую неосторожную добычу. Однако телом твари можно считать само болото, только вот как сильно власть создания распространяется на местные воды, было не ясно, но ловушки – это верный знак его владений. Растение, за которым пришел Джа, находилось в центре, где и сама тварь. Связь между тварью и растением очевидна и Джа даже принялся думать, что это растение и есть Болотная тварь, вернее его часть, как гриб! Грибы ведь как устроены? Есть гриб и

есть грибница. Грибница – это и есть сам гриб, то есть организм в виде множества нитей, которые располагаются под землей и могут занимать огромные территории земли. А то, что обычно растет на поверхности и часто именуемое как «гриб» - это плод, который появляется в местах скопления нитей грибницы. По мнению Джа, тварь – это как гриб, а растение – это его плод. И плод этот очень ценен. Настойка из этого растения – это мощное обезболивающее. Впервые Джа нашел его лет семь назад. Принял он его за, просто, очень красивое растение, который больше нигде, кроме как в этом болоте, да в одном лишь месте и не растет! Принес домой и поставил на стол в банку. Растение высохло, а листья опали и один из листов попал в одну кучу с сушеными растениями для настоек. Лечебная настойка, которой он лечил кожные язвы, не должна была давать обезболивающий эффект, а даже на оборот! Джа, недолго думая, перерыл всю кучу отработанных трав и нашел среди них лист растения. Его посетила идея, которая, после проверки, оправдалась и Джа стал ходить на болото чаще, становясь все больше и больше частью леса. Кого еще можно Джа лечил, а для кого лечение было бесполезно, тому помогал пережить боль и уйти в покое, ну а растение с болота отлично в этом помогало.

Впереди, слева показалось большое озеро, без единого островка, кочки и деревца. Вся вода в озере была взбаламучена и покрыта пузырями с ямами, а над водой, местами, поднимался легкий дымок, который расстилался по воде. Озеро тянулось на запад, в сторону города Кирова, и заворачивало вправо, где виднелся небольшой островок, покрытый корягами мертвых деревьев. Именно этот остров и был нужен Джа. Чтобы попасть на него, Джа пришлось обойти озеро по правую сторону и выйти на естественную переправу из поваленных деревьев. Взойдя на остров, Джа направился к небольшой проплешине, где и росло растение. Растение напоминало крапиву, но синего цвета, с голубыми полосками и твердыми листьями. Растение или вернее растения, занимали всю проплешину, на которой могло бы разместиться человек двадцать, и приятно источали, напоминающий орех и яблоко, аромат. Джа достал свой серп, емкости и принялся срезать растения, бережно укладывая в емкости то, что успел нарезать. Как только аромат сменился на неприятный запах тухлого мяса, Джа сразу же прекратил резать и стал поспешно собирать вещи. Того, что он успел срезать, должно хватить на пару недель, а сейчас нужно было срочно уходить. Его миссия выполнена и болото не потревожено.

***

В помещении, где лежало раздутое тело Святогора, раздался глухой звук удара. Помещение пустовало и за дверью никого не было. Звук раздался вновь, но уже настойчивее, а следом пошла серия ударов. Кто-то настойчиво молотил и звук напоминал удары сердца, но это сердце не знало ритма. Это сердце молотило в невидимой груди, словно запертый в комнате человек по неведомой двери, требуя, чтобы его выпустили. От очередного удара, лежащее тело содрогнулось. Последовал еще один удар и тело сдвинулось. Удары продолжались до тех пор, пока тело не упало на пол. Тело Святогора походило на гигантский кокон и сейчас из этого кокона кто-то настойчиво пытается выбраться. Что бы там ни было, но вылупиться стремится не прекрасная бабочка. Раздались еще удары и скорлупа дала трещину. От последующих ударов кокон вскрылся и из него вывалился сгусток желтой слизи. Сгусток закопошился и издал тяжелый глубокий вздох. Сгусток, неуклюже, начал ползать по полу. Часто дыша и мечась из стороны в сторону, разбрасывая свою слизь, сгусток начал обретать форму. Проявились черты человеческих рук, головы и тела. Тело размахивало руками, периодически хватаясь за голову, либо сжимая руками тело. На голове проступили черты лица. Это было лицо Святогора. Повалившись на пол, совершенно голый и покрытый тонкой пленкой слизи, он принял позу эмбриона и, трясясь от холода, застонал. Какое-то время Святогор не понимал ни кто он, ни где он. В голове царил хаос и

мысли не могли сформироваться хоть во что-то осознанное. Стимулом стал холод. Святогор понял, что должен согреться и стал искать что-нибудь, чем бы накрыться. Эта мысль стала опорной и от нее он уже начал отталкиваться. Мысли и воспоминания росли, словно кристаллы льда на крошечной песчинке. Святогор нашел плед на стуле. Дотянувшись дрожащей рукой, Святогор снял и укутался в него, словно в костюм химзащиты. Святогор, оглядываясь по сторонам, вспомнил свое имя и место где он находится. Его взгляд упал на покрытый слизью кокон, похожий на разорванное тело толстяка. Святогора посетило воспоминание об увиденном сне. В нем он видел человека, даже не просто человека, а именно девушку, прекрасную и милую. Святогор пытался вспомнить больше подробностей, но чем больше он пытался, тем больше деталей ускользало. Он помнил, что та девушка сказала ему что-то очень важное, что-то… Но вспомнить никак не удавалось. Святогор извлек из-под пледа свои руки и взглянул на них. Руки были чисты. Святогор принялся осматривать остальные части тела и с удивлением для себя обнаружил, что на его теле нет ни ран, ни язв, нет несвойственных телу выпуклостей или вогнутостей, все тело было в полном порядке. Что же это? Чудо? Дар Божий? От этой мысли Святогора посетило видение и его ослепило прозрение. Быть может это шанс? Быть может Бог, или кто там, дали ему второй шанс? И сейчас он словно бы родился заново, для новой «чистой» и «праведной» жизни. Тогда та девушка во сне, она – это ангел?

Святогор поднялся и на трясущихся ногах вышел на улицу. На улице стоял ясный день. Яркий свет ослепил Святогора и он зажмурился. Святогора посетило блаженное чувство и глубокий вдох свежего и чистого воздуха подарили небывалую сладость. Святогор, чуть ли не на ощупь, обошел дом, подальше от Солнца. Стоя у стены, Святогор слушал и глубоко дышал. До уха донесся звук ветра и птиц, разговоры людей, скрип деревьев и шелест травы и листвы. Святогор стоял с закрытыми глазами и слушал, словно бы слышал впервые. Гамма новых чувств захватывала его и пьянила. Когда Святогор открыл глаза, то свету предстали его, некогда черные, а ныне золотые глаза, а его взору предстал яркий, словно в свете множества прожекторов и цветных ламп мир. Святогор видел такое буйство цветов и красок, какое не видел никогда в своей жизни прежде. Небо было не просто голубым, в нем были нотки зеленого и оранжевого. Лес впереди и вовсе казался палитрой, словно безумный психоделический авангард. И самое главное – это яркость! Все сияло и было не просто цветным, все вокруг словно бы излучало цветной свет. Сознание Святогора помутнело и ему захотелось вернуться обратно в дом, в прохладу и тьму.

Святогор занавесил все окна, чтобы ослепительный свет ни проникал внутрь, оставив лишь не большую щель, чтобы в комнате не царил абсолютный мрак. Этого света было достаточно, чтобы не слепить и не причинять боль. Тончайший луч света в глазах Святогора, был словно луч прожектора, а рассеянный свет, наполнявший всю комнату, позволял отлично разглядеть даже самые темные углы. Святогор сел на стул и стал разглядывать помещение. Из-за пыли в воздухе, тот словно бы блестел и мерцал, подобно переливам алмаза. В этом мерцании порой проскальзывали образы и фигуры и спустя время, когда глаза привыкли, Святогор сумел разглядеть фигуры людей. Сперва они были тусклыми, но потом наполнились чем-то зыбким и становились все яснее и яснее. В помещении находилось, помимо Святогора, еще несколько человек, но то были не люди, ибо их тела были призрачны, не осязаемы, и пропускали свет. Святогор припомнил сон и протянул руку к фигурам и те протянули свои руки в ответ. Рука Святогора проходила сквозь их руки и те рассеивались словно дым, а потом восстанавливались обратно. На лицах этих призраков проступили добрые черты и в сердце Святогора поселился покой.

Послышался стук и в помещение, рассеивая видение Святогора, вошла девушка.

- Леша! Это я – Соня. Я… - произнесла девушка очень приятным голосом и замолкла на полуслове.

Соня остановилась на пороге. В помещении царила кромешная тьма, которую разрезал слабый лучик света.

- Господи, тьма-то какая! - удивленно произнесла Соня. – Леш! Леш – это ты? – проговорила Соня, увидев в слабом свете чей-то силуэт.

Святогор молчал.

- Я это… Покушать принесла, ты кушать будешь? Леша?..

Святогор поверну голову и увидел Соню. Соня видела лишь силуэт и ярко золотые глаза во тьме. При виде глаз, Соня содрогнулась и замерла. Глаза были не просто желтые или золотистые, а именно золотые! С металлическим блеском. Словно бусинки или два металлических шарика вместо глаза. Соню посетила всего одна мысль – Лис! Она выронила корзинку, что принесла с собой и из нее вывалилось и покатилось содержимое. Соня, цепенея от страха, стояла и не шевелилась. Святогор видел Соню как при свете и видел, что та вот-вот закричит.

- Да, - отозвался Святогор не своим, но очень спокойным голосом.

Соня побледнела. Голос Святогора она не узнала и страх, что это прямо перед ней и есть тот самый Лис, только усилился. Видя это, чтобы успокоить Соню, Святогор произнес:

- Не бойся, - тем же спокойным голосом произнес Святогор. - Это Я – Святогор.

Соня, не веря и от страха, судорожно сглотнула. Святогор, чтобы рассеять сомнения, отодвинул штору и в комнату хлынул яркий свет. Свет описал черты лица Святогора. Он сидел и щурясь глядел на Соню. Соня, увидев лицо Святогора, судорожно выдохнула и нервно задышала. Соня никогда не видела увечий Святогора, ибо познакомилась она с ним еще до того, а уже после, все его уродства скрывали ткани и потому здоровый вид Святогора не вызвал никаких мыслей.

- Господи… Напугал! Я ж чуть Богу душу не отдала! – недовольно пискнула Соня.

- Богу говоришь… - странно удивленным голосом произнес Святогор, задумываясь и отводя взгляд в окно.

- А ты чего там сидишь? – спросила Соня, собирая корзину. – С тобой все хорошо?

- Да, - сухо и как-то недовольно, но спокойно ответил Святогор. – Легче… Легче вот стало.

- Ааа… - подозрительно протянула Соня. – Ну, я это… Корзинку тут оставлю, ты тогда поешь сам, хорошо? Сам ведь сможешь? А то Джа говорил ты…

- Да, смогу, - все тем же сухим и спокойным голосом отвечал Святогор.

- Ну и хорошо… Я это… Пойду тогда.

Эта девица или вернее даже девочка, семнадцати лет, была альбиносом. Ее бледная кожа и серые глаза подчеркивали ее альбинизм. Соня не входила в число пугливых, но сейчас она всем своим видом говорила, что задерживаться не желает. Что же, ее страх был понятен. Лиса, если считать тех, кто пережил встречу с ним, видели единицы и все как один говорили о горящих во тьме желтых газах. Как тут не перепугаться, если учесть то, что на Лиса натыкались так же, как на Святогора наткнулась Соня. Гораздо чаще натыкаются лишь на обескровленных жертв Лиса, с гримасами ужаса на лице. Откуда приходит Лис? Как Лис проникает в поселок незамеченным? И как он умудряется без единого звука убивать своих жертв при наличии вооруженных людей? Вот загадка…

Святогор, перекусив и набравшись сил, вновь вышел из дома. Он гулял по поселку, меланхолично разглядывая деревянные дома с чахлыми огородами и такими же чахлыми обитателями. Люди в поселке жили за счет того, что удавалось взрастить на своих огородах. Старые, сохранившиеся с довоенных времен культуры, росли очень плохо, но люди упорно желали выращивать именно их. Культуры нового мира многие не жаловали, из-за вкуса и пресловутой веры в то, что они вредны для человека. В поселке было не много людей и все знали друг друга в лицо, а потому новости расходились по поселку быстро. Все знали Святогора и знали, что его свалила болезнь, которая грозила ему смертью, а потому удивленно глядели на него, когда он проходил мимо. Кто-то даже останавливал и, не веря своим глазам, спрашивал, задавая, в сущности, один и тот же вопрос: «Как это?». Кто-то даже умудрялся шутить, говоря, что Святогор нашел эликсир молодости и не мог бы он им поделиться? От таких взглядов, вопросов и колкостей Святогор ощутил сильнейший позыв к одиночеству. Покидая огороды и людей, Святогор направился во вторую – западную, половину поселка, что лежал за железной дорогой. Эта половина была одним большим кладбищем. Сперва людей хоронили, но потом просто заворачивали во что-нибудь и складывали в дома, чтобы не утруждать себя рытьем. Каждый дом здесь был склепом. Святогор смотрел на это кладбище своим новым взором и видел то, что не мог видеть раньше. Каждый дом слабо сиял, словно в них еще жили, и чем ниже опускалось Солнце, тем ярче и отчетливее было это сияние. Святогор стоял и смотрел - наблюдал! И лишь когда Солнце скрылось за краем лесного горизонта, он увидел, что за ним тоже наблюдают. Маленький город-кладбище с домами-склепами жил своей – флегматичной жизнью. Некоторые жители стояли, не смея покинуть своего обиталища и смотрели на Святогора пустыми глазами. Любой другой, если бы мог это видеть, бежал бы в страхе, но Святогор ощущал покой и такое же флегматичное чувство, которым жила странная община. Обитатели этого кладбища не были людьми, они были такими же призраками, что являлись Святогору чуть ранее. Железная дорога, что делила поселок, лежала тут, словно граница между двух государств, граница между царством жизни и царством смерти. Ни одна из сторон несмела переступать эту границу и могла лишь наблюдать. О чем думают жители царства смерти? Тревожит ли их что-то? Святогор об этом даже не задумывался, ибо его тревожили свои мысли. Его место там, по ту сторону границы, но нет, его оставили тут, дали второй шанс. Для чего? Неужели он смог доказать, что имеет право на вторую попытку? На новый – истинный путь?

Сознание Святогора словно взорвалось. Новое видение мира пролило свет и дало осознание. Не имевший веры, словно прозревший слепец, Святогор обрел ее. Угасшая надежда загорелась вновь, осветив новую дорогу и цель Святогора.

***

Джа возвращался тем же путем, что и пришел. Озеро, которое теперь лежало по правую руку, затянуло туманом с гнилостной вонью, но Джа не обращал на это внимания, ибо его нос давно привык не замечать подобное амбре. Туман переходил на болота и поднимался вверх, закрывая собой дорогу и лес впереди. Джа прибавил шаг, чтобы обогнать туман, но гул, напоминавший глухой рев зверя, со стороны озера заставил его остановиться и приглядеться. За туманом было скрыто все озеро и уже даже остров был не виден. Туман полз очень быстро и Джа пришла в голову мысль, что туман ему все же не обогнать. Джа продолжил путь, погружаясь в густой и вонючий туман. Эти болота Джа знал хорошо и потому туман не сбил его с пути и даже не испугал. Пугали звуки, которые издавало озеро. Туман двигался, словно бы переваливаясь, в нем мелькали тени деревьев, а некоторые из теней, словно бы двигались и бродили с места на место. Джа торопился и некоторые тени, в этой спешке, стали принимать причудливые, но знакомые

формы. Тени походили то на громадное дерево, то на огромного человека или нечто вроде, а то и на слона или лошадь… Слышались угуканье и ауканье, и неразборчивая речь. До уха Джа донеслось невнятное, словно издали и отовсюду:

- Где же ты был? Я тебя звал, звал, а ты не откликался…

Джа поразил этот голос. На этом болоте, за все годы, он ни разу не встречал других людей. Даже он сам сюда приходит лишь по делу и не задерживается надолго. Кому принадлежит этот голос? Джа стоял и зачарованно вслушивался. Голосов больше не было, лишь озеро стало издавать булькающие звуки все чаще и интенсивнее. Джа опомнился и прибавил шаг. В дымке тумана уже проявлялся силуэт леса, когда Джа понял, что болота начали наполняться водой. Мелкие кочки вода уже скрыла и иногда Джа путал и сбивался с дороги. Что-то потревожило болото. Быть может это те, чей голос он слышал? Зашли по незнанию и потревожили? А может, те голоса ему почудились? Если да, то, как же тогда он мог потревожить болото?

До леса оставалось всего ничего, но дорога путалась и Джа несколько раз заходил в тупик. Туман вокруг стал словно бы гуще и в нем виднелись другие «жуткие» и «страшные» тени. Джа уже не сомневался, что попал в капкан местного хозяина и только не понимал по чьей же вине. Безобразные тени то возникали, то пропадали, стараясь заставить Джа потерять самообладание, сбиться с пути и забрести в тупик, где его будет поджидать болото. Но Джа – это один из тех людей, у которых мир отнял все кроме жизни. Потому Джа до сих пор и жив. Все попытки болотной твари заставить Джа потерять голову были словно волнами, что разбиваются о скалы. Свободное место, что когда-то занимало самообладание, сейчас занимает флегматичное спокойствие и радость. Условный девиз Джа: если проблему можно решить – решим, если нет – ну и что? Но тварь не понимала и с настойчивостью голодного комара наседала на Джа, все сильнее и сильнее наваливаясь, все больше и больше желая свежей добычи. Раздался неприятный гул, который разнесся эхом по всей округе. Болотная тварь была обеспокоена тем, что ее добыча ускользает. Воды прибавилось и Джа уже с трудом разбирал дорогу на ощупь.

Впереди виднелся силуэт леса и радости Джа прибавилось. Но Болотная тварь не желала отпускать. Туман начал сгущаться и подниматься, скрывая собой все вокруг. Туман наполнялся чем-то темным и свет с трудом проникал в эту завесу. Раздался протяжный гул и болота содрогнулись. Гул этот был иным и доносился не с озера, а со стороны леса. Болото вновь содрогнулось и раздался тревожный гул со стороны озера. Туман начал проясняться и словно бы отступать. Показался лес и у границы леса и болота показалась фигура гиганта. Джа увидел его – Хозяина леса. Гигантский олень стоял и, задрав голову, издавал тот самый протяжный гул. Он бил копытом и каждый удар вызывал содрогания болота. Хозяин леса и Хозяин болота – два правителя на границе своих владений. Болотная тварь явно была слабее и боялась могучего создания из леса. Вместе с туманом отходила и вода, обнажая дорогу. Не теряя времени, Джа воспользовался ситуацией и покинул болота. В лесу, под покровительством Хозяина, Джа ни что не угрожало. Все болото, словно бы разом, издало тяжелый гул и ветер, разгоняющий туман, обрушился на лес, заставляя деревья истошно скрипеть.

Болота были позади. Джа шел в сторону дома, а Хозяин леса, словно путеводная звезда, шел далеко впереди и все больше, и больше исчезал из виду, пока полностью и бесследно не исчез за деревьями. Вечером, ближе к ночи, Джа уже был недалеко от водохранилища. Нужно было поесть, поспать и утром направляться в поселок.

Лежа на брезенте, Джа думал о лесе. Этот молодой, но отчаянно жаждущий казаться старым, лес стремился заполнить собою все. С уходом человека ушла и угроза миру, но человек не сгинул и доказательство тому - он, поселок в котором он живет и все те путники, что порой появляются. Джа часто задавал себе один и тот же вопрос: «Что же МЕНЯ ждет?». Джа никогда не унывал, даже когда думал о грустном. Его веселое настроение и вечная улыбка всегда были

искренние. Но Джа терзал выбор между людьми и лесом. Его разум заставлял оставаться с людьми, а сердце тянулось к природе. Джа не боялся своего будущего, потому, что ему хорошо в обоих мирах, но пограничное состояние причиняло боль. Словно между молотом и наковальней, Джа порой взывал к кому-то, чтобы тот сделал выбор за него.

- А буду ли я доволен выбором? – засыпающим голосом, произнес Джа слова, которыми отвечает себе на свой вечный вопрос.

***

Святогор лежал на земле, у опушки леса и смотрел в ночное небо. Ясное, чуть тронутое редкими облаками и усеянное звездами небо разрезала линия млечного пути. Мириады звезд сияли тысячами цветов, а рядом с млечным путем сильно выделялось одно большое и размытое пятно. Некоторые звезды мерцали и переливались радугой, другие двигались, становясь то ярче, то тусклее. Святогор закрыл глаза и вслушался. Он слышал звуки леса и его обитателей. Он слышал звуки воды, травы и людей. Святогор даже слышал звуки неба и звуки, что приходили из ниоткуда. Эти непонятные звуки приходили, словно бы отовсюду и Святогор как будто ощущал их кожей. Подул ветер и Святогор ощутил невероятную гамму запахов. В этой гамме присутствовали нотки живительной сырости, душистой растительности, терпкой земли и древесины, крепкий аромат старых домов. Запахи вызывали тактильные ощущения и Святогор погружался в мир чувств. Крепкие запахи вызывали ощущения крахмала на руках, резкие запахи походили на жжение снега, а мягкие напоминали прикосновение воды. Но в эту фантастическую гамму чувств вмещался один запах, вызвавший у Святогора боль как от ножа. Мерзкий, тошнотворно-сладковатый запах резал, словно писклявый голос в хорошо поставленной пьесе. Святогор, возмущенный и встревоженный, открыл глаза и сел. Запах шел со стороны поселка и вынуждал узнать причину его столь вульгарного появления. Святогор встал и направился к источнику этого зловония. Поселок уже спал и лишь часовые стояли на постах, вооруженные кто луками, кто арбалетами. Часовые разговаривали на тему «чего бы пожрать?» и запаха совсем не ощущали, а дозор несли по принципу: увидел – кричи. Один из часовых, еще совсем пацан, со словами: «Я в толчок», ушел в сторону леса. Для часовых ночь была глухой, но для Святогора весь поселок был как на ладони. Пройдя мимо часовых, не вызвав у них и тени беспокойства, он направился к источнику этой гнусной вони. Чем ближе был источник, тем омерзительнее становился этот странно знакомый запах. Когда Святогор дошел до одного из крайних домов на юге поселка, он прямо-таки увидел, как этот дом светится, но то был не свет, а удушающая вонь! Святогор вошел внутрь, и, пройдя в спальню, увидел. На кровати лежало тело или вернее то, что от него осталось. Тело словно, до костей, обглодали крысы, а все нутро начисто было выжрано. В помещении было открыто окно и дул легкий ночной бриз, но этот бриз не освежал стоявшую вонь. Святогор выскочил на улицу и, добегая до часовых, переполошил всех своим внезапным появлением.

- Мать твою Иисусе в окорок! – выругался бородатый часовой. – Леха! Совсем охренел?!

- Там тела, в доме! – строгим, но спокойным голосом произнес Святогор.

- Что? Какие тела? – не понимая спросил бородач.

- В доме! Тела! Мертвые! – с надрывом и тяжестью в голосе произнес Святогор.

Бородач удивился. Он явно не понимал Святогора.

- Мы тут весь вечер сидим, никого и тишина полная! Так что ты Леша, завязывай давай, а то твой эликсирчик молодости тебе в голову, походу, ударил, - бородач заржал.

Вслед за бородачом заржали и другие часовые.

- Я тебе сейчас в голову ударю этим элексирчиком! – недовольно произнес Святогор. – У вас людей прямо под носом жрут, а вы тут ржете!

Все прекратили смеяться. В воцарившейся тишине раздался крик. Со стороны, со спущенными штанами и диким ужасом на лице, крича и выкрикивая: «Там! Там! Там!», бежал, путаясь в штанах, молодой часовой. Бородач озабоченно вперился взглядом в бегущего парня и после того, как тот выкрикнул: «Оно там! Тварь там!», витиевато выругавшись, засвистел в свисток, поднимая тревогу.

В поселке закипела жизнь. Часовые, поднятые свистком, начали осматривать и обыскивать дома, где была поднята тревога. Кто-то из жителей, потревоженный часовыми, вышел посмотреть. Объявившуюся в поселке тварь хотели спугнуть и заставить выдать себя. Но все старания были безуспешны. Только Святогор, доверяя своему носу, смог уловить тот самый запах и пасть на след. Пока все шумели и старались выкурить тварь, Святогор, следуя прочь от часовых, вышел на очередной дом, который светился той самой вонью. Подойдя к входной двери Святогор остановился, сжимая ручку. Входить через парадную дверь было нельзя и тогда Святогор пошел в обход, находя открытое окно, которое вело на кухню. Он осторожно проник вовнутрь и огляделся. На столе лежал нож и Святогор взял его, держа в руке лезвием вниз. Святогор, следуя за запахом, прошел в спальню и увидел его. Тощая, ростом под потолок, покрытая редкой шерстью, с длинными лапами и двумя парами ушей-локаторов, тварь стояла, сгорбившись над телом местного обитателя. Он больше походил на громадную собаку или скорее даже оборотня, за исключением одной детали. Тварь стояла с раскрытой пастью, и из нее торчало множество языков-щупалец, которые обгладывали тело человека. Святогор с ужасом смотрел на тварь, крепче сжимая рукоять ножа. Ненавидя тварь всем своим нутром, Святогор, бесшумно обходя сзади, вкладывая в удар всю злость и ярость, всадил нож по самую рукоятку твари прямо под левую лопатку, в надежде пронзить сердце. От неожиданности и боли, тварь взбрыкнулась и сбила Святогора с ног. Обернувшись, тварь окинула Святогора взглядом своих желтых глаз. Тварь не закричала от боли, а лишь грозно зашипела, словно угрожающая змея. Святогор пошарил рукой, в поисках чего-нибудь, чем можно обороняться. Ощутив металлическую прохладу, Святогор схватил предмет. То были ножницы. Когда тварь метнулась на Святогора, тот перекатившись, всадил ножницы в лапу, которой тварь махнула, в попытке ударить Святогора. Тварь, от боли, отдернула лапу и вновь зашипела. Тварь бросилась на Святогора, но тот успел увернуться. Зверюга изгибалась в три погибели, чтобы достать Святогора, но ее габариты в ограниченном пространстве были большим минусом и огромным плюсом для Святогора. Святогор искал все, чем можно было бы пырнуть тварь и изувечить ее, а тварь пыталась изловить прыткого Святогора. В руки Святогора попала спица для вязания, которую он всадил твари прямо в глаз. Сражение Святогора и твари, проходившее в удивительной тишине, вдруг разрезал чудовищный рев боли! Тварь ревела и махала лапищами, стараясь вслепую задеть Святогора. Шум, доносившийся с улицы, прекратился. Люди снаружи поняли, что ревел зачинщик тревоги, тварь по имени – Лис. Святогору открылся момент. Пытаясь вытащить спицу, которая причиняла невыносимую боль, Лис открылся для решительных действий Святогора и Святогор воспользовался этим моментом. Бросившись на тварь, Святогор оседлал ее, перехватывая горло твари левой рукой для удушения. Лис начал брыкаться и трясти телом, стараясь скинуть Святогора, но тот держал мертвой хваткой. Послышались голоса, топот ног и в пороге спальни показались люди. Видя беснующуюся тварь и Святогора верхом, все разом ахнули от страха и кто-то, видимо машинально, выпустил в тварь стрелу, которая угодила в брюхо. Тварь одним махом лапы снесла подвернувшегося под горячее человека, который отлетел в стену. От удара о стену, голова человека взорвалась как помидор! Тварь ревела от боли, а люди кричали от страха. Почуяв легкое дуновение свежего воздуха, тварь, не разбирая пути, сметая и топча людей насмерть, ринулась на

улицу. Вышибая дверь, с ревом и шипением, со Святогором на спине, тварь явила себя всем, кто собрался у входа. Поднялся гвалт людских криков. Тварь сметала случайно подвернувшихся и пыталась сбежать. Кто-то, очухавшись, открыл огонь. Повинуясь стадному чувству, прочие часовые тоже начали стрелять. Тварь брыкалась и лягалась, извивалась и всеми силами пыталась уничтожить назойливых, как облепившие жука муравьи, обидчиков. Святогор сильнее и сильнее сжимал руку на горле твари. Тварь, которая от стрел уже походила на дикобраза, хрипя и трудно дыша, упала на усеянную трупами землю. Извиваясь из последних сил, тварь пыталась уползти прочь. Но Святогор перехватил свободной рукой пасть твари и на глазах всех оставшихся людей, словно знаменитый Петергофский Самсон, разрывающий пасть льва, начал раздвигать пасть Лиса. Пытаясь не дать Святогору этого сделать, Лис, извиваясь, попытался скинуть Святогора. Но сил было мало, а Святогор крепко и надежно сидел верхом. Несколько усилий и пасть твари, с диким хрустом и треском разрываемой плоти, с фонтанами крови и криками Святогора, разрывается, обнажая содержимое мерзкого тела. Тело твари забилось в смертельной агонии, возвещая конец чудовища.

Святогор возвышался над поверженной тварью и глядел на кровавое месиво. Стояла гробовая тишина и люди, кому удалось пережить и лицезреть все произошедшее, смотрели на кровавую картину со страхом. Но их страх был адресован Святогору, а сам Святогор, тяжело дыша, рассматривал окровавленные руки.

***

Ближе к обеду в поселок вернулся Джа. В поселке все были на взводе, а у южного прохода, через который пришел Джа, бросалась в глаза картина кровавой бани. Когда Джа узнал, что произошло, то он, сильно встревоженный, незамедлительно направился к дому Святогора. Святогора Джа застал за уборкой в доме. Святогор, в одних штанах и тапочках, стирал вещи в тазике. На вымытом полу, рядом, лежали швабра с тряпкой и стояло ведро с грязной водой. На лице Святогора была счастливая безмятежность, а сам он мычал какую-то песенку. Джа поразился тому, что он видел. Он видел тело Святогора и знал, что в мире нет того, что бы могло излечить его недуги или хотя бы просто поднять с постели. Однако тело Святогора сияло своей чистотой, как и вымытый пол, и не было ни единого намека на хоть какое-то недомогание. Святогор, видя стоящего на пороге Джа, меланхолично уставился, ловя его взгляд.

- Ле… Леша… Как это? – страшно удивленно спросил Джа.

Святогор не ответил, а просто встал и уставился на Джа.

- Как это возможно? – продолжал Джа.

- Ты о чем? – сухо ответил Святогор.

- Люди говорят, ты… Там… - Джа неопределенно махнул рукой, не отрывая взгляда от Святогора. - Это ты сделал?

- Ты про Лиса? Да, – тем же сухим голосом продолжал Святогор.

- Но как?!

- Сам не знаю, - улыбаясь и с легким смешком ответил Святогор. – Кажется, я излечился и стал сильнее.

- Невозможно… - просипел Джа. - Я ведь видел! Собственными глазами видел! Такое невозможно вылечить! – испуганным шепотом отвечал Джа.

- Чудо, - просто и сухо ответил Святогор, поведя плечом.

- Какое еще чудо?! Такого быть не может!

- Наверно, - глубоко вздыхая, ответил Святогор. - Но как видишь - я здоров и более того!

- Чушь! – чуть ли не крича произнес Джа.

- Я же говорю – чудо.

- Бред! Таких чудес не бывает!

- А откуда ты знаешь?

- Потому, что такое лишь Богу под силу!

Повисла тишина.

- Ну, значит – это Бог и видимо он решил дать мне второй шанс.

Джа уронил рюкзак, что держал в руке и молча смотрел на Святогора с открытым ртом. В голове Джа словно взорвалась бомба, разметав мысли, а Святогор подошел к Джа и обнял его.

- Не бойся, - ласково и спокойно произнес Святогор.

Джа аккуратно отстранил Святогора и недоверчиво поглядел на него.

- В прошлой жизни я натворил много зла… - задумчиво, опуская взгляд, произнес Святогор. - Уж не знаю, за какие заслуги, но видимо второй шанс мне был дан на искупление.

Чуть успокоившийся Джа смог произнести лишь:

- Смерть жизнью, так не искупают…

Глава 4. Изгнание

Бояться надо не «библейского» ада.

Бояться стоит ада «людского».

Пять лет… Прошло пять лет, с тех пор как Святогор, скажем так, переродился. Переродился и его облик. Из прежнего тощенького парня он превратился в двух с половиной метрового великана. Его тело покрылось короткой, но очень жесткой бурой шерстью, а на голове было некое подобие гривы. В сочетании с ростом и внушительным весом он походил на что-то среднее между медведем и львом. Только вот лицо было более человеческим или скорее помесь человеческого со звериным, да и кисти рук и ног тоже были скорее человеческими, во всяком случае без длинных и острых когтей. От простой, в силу габаритов, одежды пришлось отказаться. Святогор носил сшитый из разных, но однотонных, тканей темный балахон, делаясь похожим, особенно в капюшоне, не то на монаха, не то на друида. Образ монаха-друида дополнял, сделанный Джа посох, на который Святогор, хоть и изредка, но опирался, чтобы не гнуть спину и больше походить на нормального человека. Святогор, в отличие от жителей, словно бы не замечал своего преображения. Нет, то, что он изменился внешне, он, разумеется, замечал, но Святогор не видел в этом ничего плохого и потому не придавал значения. Он с искренней добротой и уважением относился к местным и взгляды людей не воспринимал как что-то плохое. А вот обитатели Белореченска видели в облике Святогора некую угрозу. На него смотрели как на ручного льва. Лев, который хоть и был ручным, но по природе своей остается хищником, который в любой момент может поддаться инстинктам. Масло в огонь подливали и такие вещи, и события как: пугливые тетки, вспышки гнева Святогора, и само собой нечеловеческая сила. А учитывая, что последние полгода Святогор пристрастился к алкоголю, страхи только усиливались.

За пять лет поселок ожил. По чьей-то воле почти все больные умерли, тем самым сняв груз ответственности с шеи живых, у которых от этого появилось больше времени на рутинные занятия. Люди стали чаще ходить в лес на охоту и какое-то время охотникам помогал Святогор. Джа, потеряв почти всех своих мучеников, тоже зачастил в лес и уходил туда все чаще и оставался там все дольше, пока в одно прекрасное время, когда в поселке не стало последнего больного, не ушел и более не возвращался. Многие думали, что Джа сгинул в лесу, но только Святогор знал правду, которую поведал ему сам Джа.

- Меня тут больше ничего не держит, - безмятежно спокойным, но очень счастливым голосом говорил Джа. – Я люблю людей, но сердце и душу тянет туда.

С уходом Джа поселок преобразился, словно вместе с Джа ушло и то, что держало здешнюю жизнь в ежовых рукавицах. С уходом Джа изменилось и отношение людей к Святогору. При Джа Святогор старался угодить людям во всем. Помогал охотникам, помогал Джа с врачевательством, помогал местным в быту и так далее. А с уходом Джа превратился в ненужную вещь. Люди, хоть и с любезностью, но прогоняли Святогора.

- Прости Леш, но… Не подумай, просто и сами справимся. Спасибо.

Когда Святогор был не в духе, то в порыве гнева, не соразмерив силу, мог что-нибудь сломать или швырнуть далеко и надолго. Такие вспышки гнева с каждым месяцем учащались и Святогор порой мог вспылить от какой-нибудь мелочи. В такие моменты, если кто-то был рядом, старался забиться в угол, а дети порой подстерегали Святогора, чтобы увидеть, как тот что-нибудь сломает или швырнет. В основном под горячую руку попадались деревья и пни, увесистые булыжники и мусор. Бывало, что под руку попадались и более ценные вещи, но их поломка или

потеря, под гневными взглядами, прощалась Святогору. Порой, когда Святогор уходил к себе, а карауливших детей у его дома видели взрослые, то те принимались их бранить.

В последние пару лет в поселке стали появляться странники, которые рассказывали невероятные и фантастические истории о мире, который они повидали. В те же пару лет, не смотря на свой вид и размеры, Святогор превращался в невидимку. В какой-то момент, оставленный людьми и Джа, Святогор ощутил одиночество, с другой стороны, Святогор любил одиночество. Но сейчас он испытал его иначе, сейчас он чувствовал себя – брошенным! Святогор погрузился в депрессию, которая переросла в апатию и тогда Святогор начал пить. С учетом того, что алкоголь в поселке было из чего гнать и этого добра было в избытке, хоть на землю лей, алкоголизм Святогора ни что не сдерживало. В дни особенно острой апатии, Святогор заливал в себя алкоголь чуть ли не силой, пытаясь заполнить бездонную дыру одиночества.

Святогор жил там же где и раньше у северной опушки. В поселке он стал появляться все реже, больше проводя времени наедине с самим собой. Чаще он выходил лишь за тем, чтобы пополнить запасы еды и алкоголя. Из мученика он превратился в отшельника и порой его даже посещали мысли, особенно после разговоров странников о мире, бросить все и уйти, куда глаза глядят. Но время шло, а Святогор оставался в поселке. Просто так покинуть насиженное место нелегко, даже если ты понимаешь, что тут тебе нет места. Разум все равно старается зацепиться за что-то, даже если это и не имеет смысла, в отчаянии любая нелепость может его обрести.

Святогор лежал в своей кровати и разглядывал потолок захмелевшими глазами. С улицы доносились звуки людей, в воздухе помещения висела слабая пыльная взвесь и стоял крепкий запах пота, шерсти и перегара. Голова была пуста и мозг отказывался родить хоть какую-то мысль. Периодически Святогор прикладывался к фляге, не отрываясь от созерцания потолка. Вдруг, за окном послышался детский смешок и Святогор буркнул что-то неразборчивое. Детишки за окном шептались и хихикали, и в окно прилетело что-то, что со звоном ударило в стекло. Святогор чуть привстал и сочным басом рявкнул в сторону окна неразборчивым матюгом. Дети лишь засмеялись еще громче, а Святогор, кое-как встав с кровати, швырнул в стену флягу, которая с металлическим звоном ударяется о стену, заставляя детей замолчать. В попытке подойти к окну, Святогор задевает ногой за ножку стола и с глухим грохотом падает. За окном послышался сдавленный смех. В Святогоре вскипел гнев и, не контролируя себя, он схватил стол за ножку и швырнул его в окно словно топор. Со звоном стекла и треском дерева, окно и стол, под аккомпанемент из детских криков, разлетелись вдребезги!

- Катитесь к черту, малолетки хреновы! – львиным басом ревел Святогор.

За окном послышались встревоженные голоса взрослых, которые крепко ругали детей, бежавших в страхе от окна Святогорова дома.

Да, дети боялись Святогора, как и все взрослые, но взрослые не просто боялись, а опасались Святогора. Детский же страх – это лишь инстинкт, который не имеет под собой почвы. То есть дети бояться инстинктивно, но они не испытывают осознанного ужаса, внушаемого другим чувством - инстинктом самосохранения. Они боятся, но этот страх не откладывается, а забывается и вспоминается только с шутками. Этот страх вызывает прилив адреналина, который приятно пьянит их глупые головы, а потому они возвращаются вновь и вновь, не смотря на ругань и запреты взрослых.

Святогор сидел на полу, напротив разбитого окна. Пустая голова старалась выдать хоть какую-то мысль, но алкоголь начисто выветривал любые мысли и силы. Проведя в таком состоянии какое-то время, Святогор увидел флягу, лежащую на полу. Подобрав ее, Святогор с огорчением осознал, что она пуста. Не обращая внимания на сотворенный бедлам, словно все так и было, Святогор встал и вышел на улицу. Свежий воздух прояснял голову и навевал мысли. Он

шел в сторону вокзала, мимо обжитых и пустующих домов. Дневной свет слепил и Святогор брел с накинутым на глаза капюшоном. Поселок жил размеренной жизнью и людей совершенно не волновало прошлое и будущее, их волновало лишь настоящее. На Святогора косо глядели, но тут же отводили взгляды, делая вид, что даже не заметили. У вокзала Святогор остановился и вгляделся в старые дома-склепы. Сейчас они были пусты. Святогор чувствовал себя как один из этих домов, таким же пустым. Еще пять лет назад, он даже не надеялся прожить и года, но потом – о чудо! Святогор, вместе с новой жизнью, открыл в себе веру. Вера помогла ему, подарила цель в жизни, но сейчас эта цель начала гаснуть и Святогор не понимал почему? Что же он не так делает? Неужели все то, что он делал для людей – это не то? Или может недостаточно? Да разве того, что он сделал мало?! Почему его бросили? Почему?! Из-за чего пустота внутри становиться все больше?.. Святогор пытался высмотреть хотя бы одного призрака на заросшем кладбище, но все хранило тишину и пустоту. Даже они бросили…

- Может, - глубоко вздыхая, тяжелым и тихим голосом проговорил Святогор. – Я сбился с пути?

Святогор напоследок кинул тяжелый взгляд на дома и направился к южной окраине поселка. В одном из домов жил старичок, который был местным самогонщиком. Постучав в дверь, из глубины дома Святогор услышал старческое брюзжание:

- Хто там еще?! Хакого лешего забыли?!

- Это я, - отозвался Святогор.

Последовала тишина, а затем нарастающий шум шаркающих шагов. Дверь открылась и на пороге показался совершенно седой старик с густой бородищей и мощными морщинами на лице, из-за которых складывалось впечатление, что перед вами волосатый Шарпей.

- Шо, опять? – недовольно буркнул старик.

Старик сильно картавил, из-за неполного зубного комплекта и от того его старческий вид еще больше становился стереотипным.

- Как будто к тебе за чем-то другим ходят? – пробасил Святогор.

- Давай сюды флягу.

Святогор протянул ему свою флягу. Старик резким движением выхватил ее из рук Святогора.

- Дров мне тохда ноколи.

Старик запер дверь, а Святогор направился отрабатывать самогон.

Раньше, Святогор просто помогал людям даром. Он мог и дров наколоть, и воды принести и много чего еще сделать и все даром. Словом – чистый альтруизм. Но теперь альтруизм почти что иссяк. Делать что-то за так не вызывало у Святогора чувство нужности и радости, а потому он помогал лишь в оплату, как например сейчас, за что-нибудь.

Валентин Иванович Йова был хоть и не особо приветливым стариком, но самогон он гнал отменный, а потому брали у него все. Но за даром он никогда не давал, а в уплату всегда просил что-нибудь сделать по хозяйству. Даже если этого хозяйства было вдоволь и с большим запасом, все равно. Порой Святогору казалось, что Валентин Иванович еврей, потому как сам он лишь самогон гонит, а по его хозяйству работает половина поселка. Вот и сейчас, дров в хозяйстве было хоть второй дом из них строй, а все рано, пока не наколешь столько, сколько нужно, дабы он был доволен, самогона не видать.

Святогор, за полчаса работы, наколол гору в половину своего роста и наколол бы еще, да колоть было уже нечего. Валентин Иванович, видя из своего окна, что Святогор закончил работу, вышел и вручил Святогору полную флягу. Не дожидаясь пока Валентин Иванович уйдет обратно в дом, Святогор отвинтил крышечку и присосался к фляге. Самогон острым ножом потек по горлу. Словно безумный барабанщик, градус ударил в голову и мир, вместе с телом приятно поплыл. Трезвенники утверждают, что алкоголем горю, депрессии и прочим нервным недугам не помочь. Да, проблему это не решает, но зато алкоголь дарит абсолютную безмятежность. Проблемы отходят на второй план и на все становиться наплевать. Одиночество? Пустота? Плевать…

Крепчайший алкоголь заметно ударил по разуму Святогора и тот вялым шагом побрел обратно. Всякий раз, когда Святогора начинали посещать мысли о том, что же не так стало с его жизнью, он прикладывался к фляге и алкоголь выветривал их, заменяя приятным дурманом.

За грозной внешностью Святогора пряталась жалость. Его прежняя сила исчезла. Одиночество, которое он любил, предало его, ибо одиночество не учит, не поддерживает, не делает сильнее, а в трудную минуту, оно как Брут всаживает нож в спину Цезаря. Одиночество – это лопата, которой человек роет себе яму. Нет, в небольших количествах оно полезно, помогает подумать о многом, но передозировка смертельно опасна, ибо рождает слишком много мыслей и вопросов. Одиночество сеет семена депрессии, а депрессия, если дать ей волю взойти, заставляет грызть самого себя. Когда депрессия перерастает в апатию, то градус самокопания возрастает и теряется воля. Именно поэтому многие и ищут утешения на дне бутылки, потому, что алкоголь глушит мысли. Единственное лекарство – это поддержка близких. Вот только… У Святогора не осталось тех, кто бы мог его поддержать, а потому его скоростной экспресс сейчас гнал без тормозов с вершины горы.

Сквозь хмель, Святогор смог разобрать лай собак. Местные собаки не лаяли без причины и чаще всего причина тому – кто-то извне, кто-то кто пришел из-за поселка.

Очередные странники пришли с севера. Они шли по железной дороге и их перехватили у входа в поселок. В целях безопасности, местная охрана проводила их для допроса. Странников продержали около часа и после того, как все были убеждены, что странники угрозы не представляют, были переданы на попечительство местного, скажем так, куратора вопросов о странниках. Эта условная должность подразумевала, в пределах мер безопасности, заботу о гостях. В заботу входило: предоставление временного жилья для отдыха, и возможность, не бескорыстная, разумеется, восполнения припасов. Всякий странник – это дорогой гость, но дорогой он лишь условно, ибо уже был случай, когда один захудалый гость, с виду – совершенно безобидный, после отдыха привел друзей. К счастью, дружки его не были грозными бандитами-мародерами, а были банальными и жалкими ворами. Этот гость осмотрелся и разведал что и как. Ушел, а потом ночью вернулся с друзьями и попытался ограбить склад продовольствия. Увы, для них та ночь была последней, ибо один из часовых поймал одного с поличным, ну и поднял тревогу. В попытке оказать сопротивление, все были убиты, а тех, кто попытался сбежать догнал, нашел и добил Святогор. С тех пор каждый гость дорог лишь пока оправдывает свою цену. В новом мире нет денег, в новом мире правит старый добрый – бартер. Ты - мне, я – тебе. Хочешь еды? Поработай! Хочешь спать? И снова – поработай! Труд – это самая весомая валюта, которая была в обиходе всю человеческую историю. Если есть что другое предложить – замечательно! Чаще всего, весомую цену имеет информация, а странники ею богаты. Именно благодаря странникам жители Белореченска узнали, что в мире еще есть люди и они не одиноки. Увы, но средняя численность общин не превышает и ста человек, а разброс между общинами может составлять от пары сотен, до нескольких тысяч километров! Как пример, ближайшая община на севере – это город Нарьян-Мар, который, если напрямик, то в тысячи километрах. Вот только напрямик там ни как, ибо эта община в прямом смысле живет на болоте в плавающих домах. Собственно, половина всего севера покрыта либо лесами, либо болотами. В основном, странники

приходят с востока, редко с юга и вот первые с севера. Единственное направление, откуда еще никто и ни разу не приходил – это запад.

Гостей пристроили в бараке в восточной части поселка и там же им нашли работу, чтобы окупить запрошенные припасы. Из пяти странников работали лишь трое. Один был не трудоспособен, а еще один, по всей видимости их лидер, провел остаток дня, беседуя с начальником охраны. В поселке не было таких понятий как: главный, лидер, начальник, совет и тому подобное. Жизнь тут была демократичной и все решалось голосованием. Единственный, кто выступал в роли гласа народа – это начальник охраны, который, при необходимости, выступал на публике и произносил речи, но власть имел лишь над часовыми и патрульными. Из беседы с лидером странников, этот начальник – Сергей Виссарионович, узнал, что странники держат путь в Краснодар. Свой путь они начали после того, как в их общине случился бунт. Чтобы не попасть под раздачу, сбежали подобру-поздорову. Они шли несколько месяцев и было их вдвое больше. По поводу самой дороги, то северные болота больше опасны ядовитыми водами, чем какой-нибудь опасной тварью, но и такой там хватает.

В бараке было что-то вроде скотного двора, в котором содержали имевшихся коров. Коров было мало и потому держали их не для мяса. Вообще странным было то, что эти коровы пережили первые годы, но факт оставался фактом, а ради молока этих коров охраняли лучше, чем жителей поселка. Работы в бараке всегда было в достатке и лишние руки всегда были не лишними. Скотный двор также, негласно, называли пьяным или скотским двором, потому, что желающие выпить собирались именно там. Ко всему прочему, начальница двора или как ее все звали – баба Глаша, всегда имела у себя запас спиртного, ибо из чего гнать было в избытке и всегда рада угостить, разумеется, не задаром. У бабы Глаши даже было отдельное помещение или как в народе – скотный клуб, где желающие выпить, собственно и собирались. Однако в нынешний вечер в скотном клубе был аншлаг. После окончания рабочего дня, желая пропустить по рюмочке крепкого, все странники собрались в этом клубе. Народ, желая позадавать вопросов, также навалился в клуб.

- Ооо… А с бабами у вас там как было? – спрашивал местный мужичок, с кучерявой бородой, у одного из странников.

- Бедно, но безотказно, - чуть насмешливо отвечал один из странников, что помоложе.

- И что? Прям так безотказно, что, типа подошел, сказал и даст?! – удивленно переспросил мужик.

- Ну, не совсем так уж и прямо, у нас ведь со жрачкой туго. У нас как: ты ей рыбы, по дому чего, а она и это, того.

- Ааа… - мужик махнул рукой. - Ясно, ну у нас почти так же, только вот у нас все бабы как жены! Ты для нее пахаешь как конь, а она: «Ой, я чета не в духе…» – произнес мужик писклявым голосом, хлопая парня по плечу и переходя на конский ржач.

В клубе стоял веселый и хмельной дух. Все пили и болтали, а один из странников, что на вид старше всех остальных, рассказывал историю.

- Ну, дело было лет так тринадцать или двенадцать назад. Мы тогда отправились на восток, на разведку. Кругом одна голая степь! Ни деревьев, ни кустов, даже травы нет! Так вот! Шли мы три месяца и ни единого человека или зверя какого, лишь брошенные вигвамы попадались, да деревянные сани, Бог знает кем брошенные. Дошли мы значит до какого-то поселения, там штук сорок этих вигвамов натыкано. Ну, мы значит сразу типа: «О! Соседи!». Сунулись, а там! – странник сделал паузу и продолжил притушенным голосом. - Все словно бы и живые, и мертвые!

Все уставились выпученными глазами на странника с разинутыми ртами.

- Как… Как это: и живые, и мертвые?

- А вот как: они все были словно восковые фигуры, только из живых людей. Целая община таких вот фигур. Все были в своих позах, словно что-то делали, а потом раз! – странник хлопнул кулаком в ладонь. – И застыли! И все!

- Ого! - произнеслось разом.

- А дальше?

- Ну, а что дальше… Мы осмотрелись, но потом… - странник прикрыл рот ладонью и на короткое мгновение, выпученными глазами, уставился в никуда. – Потом мы услышали звук! Словно все эти люди еще были живы, но пошевелиться не могли! Все статуи словно мычали изнутри, силясь что-то сказать. Ох… - странник тяжело вздохнул. – Как же мы перепугались… И на секунду лишнюю не задержались, деру дали, так что пятки сверкали.

Повисла тишина.

- Ни хрена себе… - донеслось от кого-то из слушателей.

- Да… Наши потом еще раз ходили туда, несколько лет спустя и все было иначе! Степи снова стали степями, но… Там все какими-то непонятными травами поросло, да они и сейчас там растут, и вроде не опасные, только вот озера, там столько мелких озер и все ядовитые…

Все странники охотно пили и рассказывали истории из своей жизни и быта. За спиртным и разговорами время летело быстро, и захмелевший народ даже не заметил, как в клубе появился Святогор. Святогор сидел за неким подобием барной стойки, больше похожей на веранду внутри комнаты, и глушил дармовой самогон. Один из странников подсел, чтобы выпить и увидел Святогора. Сквозь хмельные глаза странник смог разглядеть могучее тело. Недоумевая над тем, что видит, странник хмельным голосом вопросил:

- Простите… Вы это… Вы живое или я разговариваю сам с собой?

Святогор повернул голову и лениво ответил:

- Живое.

- Да?! – радостно воскликнул странник. – А я-то, уже испугался, что до чертиков упился… Славно тут у вас! – странник вяло похлопал Святогора по спине. – А пффф… Почему вы такой большой?

- Не курил в детстве.

- Ха-ха-ха! – странник смеялся с надрывом. – Верно! Это верно… Курить – это… Это вредно! Мне мать всегда говорила: «Будешь курить – не вырастишь!». Ааа… - странник с наслаждением глубоко вздохнул. – А не знаете, ну мало ли, у кого папироску можно стрельнуть?

- Нет, - сухо ответил Святогор.

- Пффф… - странник негодующе развел руками. – Славно побеседовали, приятель… Я аж устал.

Всякий, кто пытался говорить со Святогором, натыкался на его сухость. В этот вечер он испытывал недовольство и какое-то призрение ко всем веселящимся.

Клуб постепенно пустел, пока в нем не остались те, кто был лишен чувства меры и те, кто этих безмерных пытался привести в чувства. Среди всего этого выделялась маленькая девочка, которая приставала к выпившим и клянчила у них, что не жалко. Захмелевшие люди, по-дурацки улыбаясь, награждали малютку желаемым. После того, как все безмерные покинули клуб, в помещении остались лишь странники, которым сие помещение было выделено под ночлег. Появившаяся девушка, просила странников покинуть помещение, дабы она могла прибраться и устроить подобие постелей для сна. Периодически девушка бранила маленькую девочку, которая была ей дочерью и пыталась ее выпроводить, чтобы не мешалась и не приставала к дядям. Двое из странников были во вполне здравом состоянии и пытались привести в чувства тех, кто это состояние потерял. Один из странников, видя молодую девушку, толком не соображая, попытался завести с ней диалог.

- А что это такая красота забыла в столь чудном месте?

- Я тут убираюсь, - застенчиво и сухо ответила девушка.

- О! А давайте я вам помогу, а вы потом поможете мне, а? Как вам?

- Нет, спасибо, я сама справлюсь.

- Да брось, - парень широко улыбнулся. – Я же это… Че хош сделаю! Серьезно! У меня же руки во – золотые! – парень неуклюже продемонстрировал свои руки.

- Извините, но мне помощь не нужна.

- Да брось! – настойчиво продолжал парень, подходя к девушке.

Сидевшего, в позе творческого кризиса, Святогора потревожила маленькая девочка, одернув его за его балахон.

- Дядь Леш! А дайте хлебушка.

Святогор, с заспанным взглядом, поднял голову и воззрился на девочку.

- Что? – тяжелым и непонимающим голосом проговорил Святогор.

- Хлебца не дадите?

Девочка была еще совсем маленькой и ее пухлые щечки, и губы с большими сияющими глазами вызывали умиление. Святогор поискал глазами и нашел недоеденный кусок хлеба, от которого разило чем-то странным и солоноватым. Святогор взял и отдал его девочке, которая приняла его с улыбкой и со счастливым видом принялась уплетать за обе щеки.

Святогор, приходя в себя и еще туго соображая, увидел разворачивавшуюся картину. Один из странников приставал к молодой девушке, а другой пытался его успокоить. Молодой парень все настойчивее и настойчивее приставал к девушке, а та недовольно и явно без особого усилия, отстраняла незадачливого кавалера. Вдруг, парень, видимо почуяв прилив сил, схватил девушку и уже, не осознавая своих действий, стал перегибать палку. Другой странник, тот, что был их условным лидером, вмешался и силой отнял девушку. Парень вспылил и начал толкаться. Между двумя странниками возникла небольшая потасовка, в которую подключились остальные и попытались усмирить распоясавшегося парня. Дело начало набирать обороты и заходить слишком далеко. Странники ругались и девушка, вмешавшись, пыталась их успокоить. Лидер странников уговаривал ее уйти и кричал на пьяного товарища, который разошелся не на шутку. Святогор, видя происходящее, порывался вмешаться, но что-то заставляло его не лезть не в свое дело. Молодой парень, совершенно потерял голову от выпитого и уже начал бросаться на своих с кулаками. Парня пытались угомонить, но лишь сильнее разжигали его ярость. Когда парень вышел из себя и

ударил в лицо своего же товарища, отправляя того в технический нокаут, в потасовку вмешался Святогор.

- А ну уймись! – грозно рявкнул Святогор, пытаясь унять драчуна.

- Ах, вы так! – заорал парень, видя Святогора. – Ну, я вас сейчас! – парень стал бить себя кулаком в грудь. – Ща я вам всем покажу, какие у меня руки!

Парень замахнулся на Святогора и ударил его в челюсть. Святогор даже не шелохнулся, а парень больно схватился за ушибленную руку.

- Ах так!

Парень попытался ударить Святогора ногой, но лишь неуклюже плюхнулся на спину.

- Угомонись, придурок, - грозно пригрозил Святогор, поднимая драчуна за грудки.

Но драчун и не думал успокаиваться. Алкоголь и адреналин конкретно ударили по мозгам, и парень уже не соображал ни где он, ни что происходит, ни что творит. Сейчас парню чудилось, что его окружили неведомые создания и пытаются его куда-то утащить. Святогора же он принимал за какое-то злобное создание, впрочем, страха он не испытывал, а испытывал азарт. Несмотря на свои габариты, парень был прытким и силы ему было не занимать. В своре уже участвовали все и даже, неведомо каким образом, маленькая девочка. Все кричали друг на друга и копошились в одной большой куче, ядром которой был молодой драчун. Вдруг, послышался детский визг. Потасовка остановилась. Все уставились на маленькую девочку, которая лежала на полу и из ее рта капала кровь. Видимо кто-то случайно задел ее. Видя кровь, мать девочки бросилась успокаивать ее. Девочка плакала и держала руку на ушибленном месте. Видя это, Святогор вспылил и поднял парня над собой. Желая наказать, Святогор, с грозным ревом, швырнул парня в стену, словно мешок с картошкой. От увиденного, прочие странники в страхе отступили в стороны, а парень, которого Святогор швырнул в стену, встал и, схватив подвернувшуюся бутылку, сделал себе стеклянную розочку. С криком гнева, парень бросился на Святогора, но его попытались остановить товарищи. В итоге, увернувшись от всех товарищей, парень бросился на Святогора, не имея перед собой никаких преград. Его рука с горлышком битой бутылки, готовясь к удару, взметнулась в воздухе, как вдруг, на его пути к обидчику появилась преграда. Девушка бросилась наперерез, пытаясь остановить парня и тот, неловким движением всаживает ей розу прямо в грудь.

Повисла пугающая тишина. Парень и девушка стояли друг напротив друга. Девушка смотрела на свою грудь, из которой торчало горлышко бутылки. Красное пятно на груди быстро росло и на пол стали капать алые капли. Парень стоял и совершенно не понимал, что произошло, а его товарищи в ужасе лицезрели произошедшее. Святогор, видя, что произошло, потерял голову. Ярость вскипела, затуманивая разум. Святогор, грозно рыча, одарил молодого убийцу взглядом своих золотых глаз. Без предупреждения, словно скоростной локомотив без тормозов, Святогор метнулся на парня и нанес мощный удар ему в челюсть. От удара, с жутким хрустом, голова парня вывернулась назад более чем наполовину. Что было дальше, Святогор не помнил. Он помнил лишь жгучую ярость и безудержный гнев, который он выплескивал, словно лаву вулкан.

В чувства Святогора вернул детский плач. Святогор пришел в себя, сгорбившись над телами и тяжело дыша. Детский надрывный рев отрезвлял. Святогор поискал глазами и увидел девочку, которая в ужасе ревя и плача, забилась в угол. Святогор попытался успокоить ее, но увидел окровавленные руки. Осмотрев помещение, Святогор узрел то, что натворил. В живых в помещении были лишь он и маленькая девочка, а все прочие лежали разорванные на куски. Святогор с ужасом осознавал страшную картину, понимая, что она скажет другим. Труп девушки и

пяти странников, невнятный лепет маленькой девочки и он – громадная туша с окровавленными руками. Какой бы ни была правда, ей не суждено будет спасти судьбу Святогора, а потому Святогор принял всего одно логичное решение – бежать! Срочно бежать!

Не понимая, повинуясь лишь инстинктам, Святогор бросился прочь из клуба. Через раскрытую дверь плач маленькой девочки разнесся по поселку словно сирена, заставляя людей встревоженно выйти посмотреть. Святогор бежал в сторону леса надеясь скрыться. До уха донесся женский визг и множество голосов. Голоса становились громче и тверже, слышалась ругань и призывы. Святогор бежал на юг, в сторону города, преодолевая русла рек Большой и Малой Бисеры. Святогор бежал, совершенно не заботясь о том, что после себя оставляет явный след. Адреналин и страх, придавая силы, гнали его прочь, как можно дальше. А когда запал иссяк, Святогор, тяжело дыша и нервно содрогаясь, сделал первую остановку, хотя разум и твердил ему бежать дальше. Святогор даже не заметил, как вышел на дорогу, бывшую улицу Юных Пионеров, которая вела в Омутнинск. Дорога была разбитой и заросшей, но в ночной темноте дорога больше походила на плешь посреди леса. Святогор стоял на дороге и жадно дышал, стараясь прочистить мозги избытком воздуха. Через несколько минут, когда тремор ушел, а разум прояснился, Святогор стал думать над тем, куда ему бежать. Он не обременил себя мыслями о своей невиновности, ибо хоть он и не убивал девушку, а смерть странников лежала на нем, а жители, видя кровавую баню, устроенную Святогором, и думать не будут, как так вышло. Все шишки должны были пасть на него, а потому он думал лишь о том, куда *именно* ему бежать. В голову пришла лишь одна мысль – болото! Туда не сунутся. Хоть Святогор и понимал, что и ему туда лучше не соваться, но сейчас уж лучше туда, чем обратно. Послышался лай собак и человеческая речь. За Святогором отправилась погоня, а значит от него так просто не отстанут.

Не щадя сил, Святогор бежал через лес, словно слон через джунгли, облегчая охотникам погоню. Силы Святогора иссякали. Преследовавшие охотники не отставали, а небо озаряли предрассветные сумерки, делая погоню для охотников с каждой минутой все легче. Не в силах больше бежать, Святогор сделал остановку, пытаясь отдышаться и набраться сил. Голову посетило видение лица девочки. Всего мгновение назад в его памяти она улыбалась, поедая кусок хлеба, а после плакала и пыталась спрятаться от Святогора. Святогор в ее глазах увидел отражение себя. Он увидел себя чужими глазами, увидел себя настоящего! Он видел себя так, как его видят все – страшное чудовище. Святогор даже представил себе картину того, как ее спрашивают взрослые о том, что произошло и та, с зареванными глазами, сквозь слезы и страх лепечет: «Страшный дядя! Страшный дядя Леша!». Ужас в ее глазах отпечатался на всю ее жизнь.

Послышались крики и лай собак и Святогор нехотя поднялся, чтобы продолжить путь, как вдруг, перед ним возникли люди. Пара охотников с добычей возвращались домой с охоты. Они стояли с ужасом глядя на Святогора разинув рты. В свете сумерек они отчетливо видели огромное тело, измазанное кровью. Святогор своим видом внушал колоссальный страх. Как только Святогор сделал шаг в сторону один из охотников, от ужаса, попятившись назад упал и судорожно с заиканием выкрикнул:

- Чу… Чу… Чууу… Чудовище!

Второй охотник выхватил свой арбалет и выпустил болт в Святогора. Болт вонзился Святогору в правое плечо. Святогор взревел и набросился на охотника, наградив его напоследок ненавистным взглядом золотых глаз. Одним ударом своей массивной руки он отправил незадачливого охотника в дерево. От удара, с хрустом, позвоночник охотника ломается, вешая на шею Святогора дополнительный груз вины. Другой охотник свернулся калачиком, пытаясь закрыться от Святогора, но он не обратил на него внимания и выдергивая болт из плеча бросился бежать. Подхлестываемый криками и лаем собак, выбиваясь из сил, Святогор вышел к болоту. Стараясь не думать, Святогор скакал по кочкам, надеясь, что не оступится и не собьется с пути.

Прыгая с кочки на кочку, Святогор надеялся, что переберется на другую сторону до того, как охотники выйдут к болоту и побоятся сунуться. Однако, вонзившаяся в одну из кочек рядом стрела, заставила Святогора обернуться и увидеть охотников, которые уже были на границе леса и болота. Охотники стреляли и не решались отправиться вслед, а Святогор все дальше и дальше отдалялся. Понимая, что их цель уходит, охотники, пересилив страх и опьянев от желания возмездия, ступили на болота.

Крепкое зловоние и набегающий туман дал Святогору четко понять, что болото потревожено и теперь нужно было как можно быстрее покинуть его, пока еще не поздно. Однако до края болота было далеко, вода и туман прибывали, а охотники догоняли. Ветер подхватил туман и поднял его вверх, скрывая весь обзор. Святогор сбавил скорость. Каждый шаг теперь был более осмысленным и осторожным. В тумане замелькали силуэты, а позади, где должны быть охотники, раздались крики и ругань. Силуэты то появлялись, то исчезали, то проносились словно молнии. Святогор взглянул на туман иными глазами и не увидел ничего, кроме светящейся дымки тумана. Туман сгущался и во взоре золотых глаз Святогора свечение было невыносимым. Глаза были бесполезны, а без них туман наполняли зловещие силуэты. Через какое-то время пропали и звуки, словно туман глушил все вокруг. Повисшую тишину разрезал лишь слабый и тяжелый гул, от которого все нутро закипало гневом. Святогору хотелось броситься на эти силуэты и разорвать их, но остатки здравомыслия останавливали его. Святогор брел, стараясь не потерять самообладание, пока не наткнулся на громадную тень. Эта тень занимала все пространство, словно впереди стояло огромное создание. Раздался тяжелый гул, за которым последовали крики людей. Святогор краем сознания понимал, что это кричали охотники, которые попали в ловушку. Болото поглощало их и Святогор понимал, что и он попал в ловушку, из которой ему так просто не выбраться. Тень колоса поднималась, словно готовилась нанести по Святогору удар, как вдруг! Раздался пронзительный рев, от которого все болото содрогнулось, сбивая Святогора с ног. На короткое мгновение в тумане образовалось окно и Святогор увидел очертания леса. В тумане появилась тень похожая на человека, которая словно бы звала за собой. Необъяснимое чувство заставляло Святогора подчиниться и пойти за силуэтом. Туман прояснялся и Святогор мог уже различить отдельные деревья. Впереди, на границе болота и леса, Святогор увидел две фигуры. Он видел фигуру человека и громадного оленя с деревом на голове. Человек манил Святогора рукой, а олень бил землю копытом. От каждого удара содрогалась земля, а туман судорожно рассеивался, словно и не туманом он был. Ярость испарялась вместе с туманом, оставляя после себя странную немощь. Сознание Святогора начинало темнеть и каждый шаг становился все труднее.

Как он покинул болото, Святогор не помнил. В себя он пришел в какой-то землянке, где резко пахло сыростью, землей и плесенью. Святогор, с перевязанным плечом, лежал на застеленном брезентом лежаке и разглядывал помещение. В помещении хозяйничал человек, который что-то готовил.

- Где я?.. – с трудом выдавил Святогор.

- Ты у меня дома, - бодрым голосом ответил человек, не оборачиваясь.

- У тебя? А кто ты?

Человек обернулся. Это был Джа. Все такой же седовласый и с неизменной улыбкой.

- Джа! – воскликнул Святогор. – Господи!

Святогор, пытаясь встать, искал слова, которые затерялись у него в голове.

- Да-да – Я. Ты бы полежал еще, а то туман сильно по мозгам бьет.

- Да я в порядке.

- Всякий больной, почувствовав облегчение, говорит так же, даже не зная, что облегчение – это лишь начало, а не конец выздоровления. Ты мне лучше расскажи, что за чертовщина была на болоте?

Повисла тишина. Святогор тупо смотрел на Джа, не зная, что ответить, а Джа смотрел на Святогора ожидая его ответа.

- Так и что же стряслось? Какой черт дернул тебя и охотников на болото? Вы на кого-то нарвались в лесу?

- Да… - выдавил Святогор. – На меня.

- Прости, не понял?

- На меня, - повторил Святогор. – Они за мной гнались.

Святогор поведал историю последней ночи. От услышанного Джа присел, пытаясь собрать мысли в кучу. История Святогора поразила его, но словно бы не удивила. Словно Джа ожидал чего-то похожего, но не в таком свете.

- Вот тебе и раз… - произнес Джа, ставя точку в истории Святогора.

- Что мне делать?.. – сокрушенно, словно в пустоту, спросил Святогор.

- Ну, явно не возвращаться назад. И дураку ясно, что обратный путь тебе заказан.

- Да, я и сам это понимаю.

- Да и тут тебе лучше не оставаться. Они так просто не забудут и в покое тебя не оставят.

- Что тогда делать?

- Ну, эту ночь можешь побыть у меня, а потом прости… Потом тебе придется уйти. Ты угроза не только для себя, но и для меня.

- Извини… - сокрушенно произнес Святогор.

- Да ладно… Не переживай, я попробую что-нибудь придумать.

Остаток дня Джа и Святогор провели в каком-то одиночестве. Они почти не разговаривали. Каждый занимался чем-то своим, а ближе к вечеру, когда Святогор пришел в норму, Джа, со словами: «Я вернусь утром, а ты ложись и поспи. Тебе это будет полезно», покинул Святогора, оставив его наедине с самим собой и своей совестью.

Святогор пытался уснуть, но буря и шквал мыслей начисто отбивали желание спать. Святогор ворочался и тяжело дышал, пытаясь силой заставить себя заснуть. В какой-то момент, ворох мыслей понес сознание бурным потоком и Святогор не заметил, как сон навалился и погрузил в себя. Сон совести рождает кошмары. А сейчас совесть Святогора горела адским огнем, выжигая душу. Святогор видел жуткий кошмар, в котором он пытался убежать, но, сколько бы он не старался, каменные ноги еле-еле волочились, а его преследователи догоняли его, пока не догнали и не схватили. Его били и истязали, а Святогор пытался бить в ответ, но все его истязатели словно бы из тумана, пропускали удары Святогора сквозь себя. Удары сопровождались хоровым криком. Толпа кричала одно и то же слово «Чудовище! Чудовище! Чудовище!». Ужас поглощал Святогора сковывая движения. Толпа, крича и беснуясь, стала расступаться. Святогора подхватили и куда-то понесли. Его крепко держали, не давая возможности двинуться. Его несли под ревущий хор к какой-то яме. Подойдя ближе, Святогор увидел открытый гроб на дне ямы. Словно мешок с

картошкой, его скинули на дно этой ямы. В рокочущей толпе показалась девушка – мать той самой девочки, которая держала в руке лопату. Толпа бесновалась и все громче, и громче ревела, выкрикивая одно и то же слово. Мать глядела на Святогора ненавистными глазами, а толпа словно клубок змей начала сплетаться в единую массу.

- Это ты виноват! – гневно прокричала девушка. – Чудовище!

Святогор с ужасом смотрел в ее глаза, а девушка принялась орудовать лопатой, засыпая Святогора землей. Святогор, засыпаемый землей, под рокочущий гомон, закричал в ужасе, осознавая неизбежное.

В холодном поту, с диким тремором во всем теле и чудовищным ревом ужаса, Святогор вернулся в реальный мир, все еще видя перед собой жуткий кошмар. Какое-то время Святогор сидел, безумно трясясь от страха и тяжело дыша. Ощущение реальности постепенно возвращалось. Святогор схватился за голову, издав крик душевной боли. Какое-то время он сидел так, схватившись за голову, и силой прогонял стоявший перед глазами сон. Вскочив как ужаленный, он вылетел на улицу и принялся, грозно ревя, крушить все, что попадалось под руку, выпуская гнев и ярость. Святогор, не щадя рук, драл стволы деревьев, сносил и вырывал молодые деревца, метал булыжники и все, что попадалось, до тех пор, пока не выбился из сил. Пав на колени перед небольшой лужей, Святогор тяжело дышал, не в силах более крушить. Гнев понемногу стихал и сквозь пелену ярости Святогор разглядел в отражении воды свое лицо. Он, сгорбившись, сидел на коленях, опустив окровавленные руки и глядел на свое отражение, собираясь с мыслями.

- Ты думал, - произнес Святогор, обращаясь к своему отражению. - Что получил шанс искупить свое зло? Это зло не искупить, потому, что это порочный круг. Сделав выбор, ты замыкаешь этот круг на себе! Круг блядской человеческой морали! – выкрикнул Святогор, ударяя по отражению, и расплескивая во все стороны воду. - Круг, из которого не выйти, - сквозь зубы произнес Святогор, видя, как возвращается вода и его отражение. - Потому, - продолжил Святогор сквозь зубы. - Что совесть – это убийца, которого ты сам взращиваешь внутри себя, принимая эту сраную мораль! – Святогор ударил по отражению другой рукой и когда отражение вернулось, начал кричать на отражение. - У жизни нет морали! Жизнь ценит лишь жизнь, а ты ее только отнимаешь! – Святогор ударил обеими руками. - Вот она и наказала тебя, обременив этой тушей… - ревел Святого, видя, как его отражение вновь возвращается. - Человеческая мораль - это когда: сбежал – трус! – удар по отражению. - Нанес удар – убийца! – еще удар по отражению. - Дал себя убить – ничтожество! – удар обеими руками по отражению. - И все… При любом раскладе ты не прав! Либо люди буду казнить тебя, либо ты сам себя… Человеческая мораль – это путь поперек самой жизни. Ты мечтал об одиночестве, ну так на! Пожалуйста! Подавись! – Святогор несколько раз ударил отражение. – Ты искал в одиночестве спасения? - тяжело дыша продолжил он. - Теперь это не спасение, а бремя… Бремя, которое ты возложил на себя сделанным выбором! – Святогор пристально глядел на свое отражение, вглядываясь в золотеющие глаза и продолжал сквозь зубы, раскаляясь от гнева. - Ты слушал людей и избрал их мораль, а теперь ты чудовище! И не люди сделали тебя им, а ты сам! Сам! Сам превратил себя в чудовище, своим выбором! Жизнь лишь завернула тебя в соответствующую пачку, дабы все видели! Ты сам виноват!

Святогор заколотил отражение, желая его уничтожить. Он все бил и бил, ревя и выкрикивая: «САМ! САМ! САМ!». Когда вода в луже превратилась в грязь, Святогор, рыдая, с огромным трудом выдавил:

- Откуда мне было знать?! Почему я должен был для этого прожить такую жизнь?! Кто-нибудь! Господи! Я был слеп… Я не мог знать! Я был наивен… Я был дураком! Что я мог сделать?! А?! – Святогор, ожидая какого-то ответа, зло и горько плюнул. – Катись ты! Есть ты там или нет,

катись! – кричал Святогор сквозь слезы. – Я не хотел таким быть! Почему меня заставили таким быть?! Почему?!

Святогор, сгорбившись над лужей, рыдал, роняя слезы в воду…

***

Утро. Джа, неся за спиной здоровенный рюкзак, возвращался в свой дом. У порога он остановился, разглядывая побоище. Порог дома выглядел так, словно тут стадо слонов прошло. Джа поразился. Предчувствуя беду, он поспешил внутрь дома. Но нутро дома было, почти, в полном порядке. Святогор, мокрый и в грязи, лежал на полу и спал. Джа не стал его будить, а лишь взял плед и накрыл им Святогора.

Пробуждение Святогора было от крепкого запаха, напоминавшего сырую древесину. Словно медведь после спячки, Святогор приподнялся и сел, оглядывая помещение. Одно большое куполообразное помещение переходило в небольшую комнатку, в которой возился Джа. На двери висел огромный рюкзак, который, видимо, принес с собой Джа.

- Чай будешь? – произнес Джа.

Святогор обернулся на Джа и ответил тугим, задумчивым голосом:

- Чай?.. Буду.

Джа предложил Святогору железную кружку с каким-то варевом, от которого шел тот самый запах. Сделав глоток, Святогор, словно кит, с отвращением сплюнул чай, разбрызгивая его по полу.

- Что это за гадость?! – сдавленным голосом проговорил Святогор. – Это даже крепче самогона.

- Это чай. Правда варю я его не из чая, а из трав и кореньев, да и это скорее отвар, чем чай, но ведь и чай – это отвар. Просто отвар или вернее напиток, из чая получил когда-то такое же название, благодаря тому, что его варят из чая.

- Гадость…

- Зато полезно. Всяко лучше самогона.

Повисла тишина.

- Что тут произошло?

Святогор задумался.

- Откровение пришло… - сокрушенно произнес Святогор.

- Хорошо, что это откровение в дом не зашло, а как оно выглядело?

- Ужасно… - меланхолично ответил Святогор.

- Все так плохо?

Тишина.

- Взгляни на меня, - произнес Святогор, глядя на Джа. – Ты видишь во мне человека?

- Вижу.

- А вот другие нет! – чуть ли не выкрикивая произнес Святогор. – И я в себе не вижу человека!

Повисла тишина. Джа прищурено глянул на Святогора и произнес:

- Я вот смотрю на тебя и вижу душу, которая узрела правду. Не казни себя.

- А что мне еще делать?! – продолжил сокрушаться Святогор.

- Взять себя в руки, разумеется! – воскликнул Джа. - Самый страшный ад – это ад, созданный не Богом, а человеком! Все грешат, все! Вот только те, у кого есть совесть – варятся в котле, а у кого ее нет, те стали чертями этого ада. Если ты узрел ад – ты узрел правду! А правда всегда горька, главное – не поддаться этой горечи, вылезти из котла и узреть истину! Ты видел свой котел?!

- Видел.

- Вылез из него?

- Не знаю…

- Значит, нет. Значит, истину ты не узрел. Хочешь узреть?!

- Да.

- Тогда будь добр, соверши еще одно убийство и убей в себе истеричку, которая заливает тебе глаза какой-то дрянью, убей и возьми себя в руки!

Повисла тишина, которую нарушил нарастающий смех Святогора.

- Спасибо, - улыбаясь произнес Святогор. – Попробую.

- Запомни, - с легким смешком произнес Джа, ласково и тоже улыбаясь продолжил далее. - Ад – это творение людей, массы! Война калечит тело, а совесть душу. Не ты создал этот ад, так и не тебе жить по его правилам. Если ты понял это, то найди свой, именно *свой* путь. Нашел - иди по нему!

- Постараюсь, - улыбаясь и приободряясь, произнес Святогор.

- Ладно, - спокойно произнес Джа. - Тут это… По поводу тебя.

Вновь повисла тишина.

- Ам… Короче, до вечера ты можешь у меня еще побыть, но дольше не советую, потом тебе лучше уйти.

- Да, я помню… - меланхолично ответил Святогор.

- Могу предложить одно место, это…

Святогор перебил Джа:

- Домой хочу…

- Прости? – не понимая произнес Джа.

- Помнишь, как ты меня нашел?

- Да, ты… Ааа… Ясно. А почему туда? Это же далеко.

- И что? Ни чего другого мне на ум не пришло.

- Ну, я могу предложить спокойное место.

- Нет, спасибо, я хочу туда. Это, скажем так – мой путь. Путь, который я когда-то не закончил.

- Ты надеешься там что-то найти?

- Ха… Сколько лет прошло? На что я могу надеяться?

- А вдруг?

- Нет… Просто там родина, мой дом, дом и все… Вернее был когда-то им.

- Зов родного дома?

- Что-то вроде. Может, я там покой найду?..

- Значит надеешься! Это хорошо. Ну, в любом случае, не мне судить, домой, так домой. Вот еще - он твой.

Святогор не понимая посмотрел на Джа, который отхлебывая чай, указал на рюкзак.

- Что это?

- Снаряжение, которое ты собирал когда-то. Я за ним ходил, переложил в подходящий для тебя рюкзак и добавил еще из того, что было в моих запасах. Думаю, что того, что там сложено, тебе хватит и ты не заблудишься.

- Спасибо.

- Да не за что, - улыбаясь, проговорил Джа.

***

- Может тебя все же проводить чуть дальше? – произнес Джа, сидя верхом на создании, напоминавшем лошадь, но сильно пушистую и с рогами как у коровы.

- Нет, я дальше сам, спасибо, - произнес Святогор, слезая со своего пушистого коня.

- Ну, смотри сам, а то могу попросить и до города подкинуть.

- Нет, еще раз спасибо тебе и этому… Оленю или лосю, кто он там.

- Хозяин леса. Он олень, - улыбаясь, ответил Джа.

- Короче. Я сам, спасибо.

- Ладно. Удачи!

- Спасибо.

- Ах да! – Джа хлопнул себя по ляхе. - Чуть не забыл! Тебе просили передать, чтобы ты не боялся зеленого света.

- Что прости? – недоумевая произнес Святогор.

- Света. Зеленого.

- Это твой Хозяин леса просил передать? Он еще и говорить умеет?

- Умет, - улыбаясь, ответил Джа. – Но не словами, как люди.

- Ладно, учту.

- Удачи тебе, еще раз, Святогор!

Впервые Джа назвал его именно Святогором, ни Алексеем, ни Лешей, а Святогором! От чего Святогор испытал странное, но приятно чувство. Джа, провожаемый взглядом Святогора, ускакал на своей пушистой лошади с рогами, а за ним ускакала и лошадь Святогора, оставив его на пути в мир.

Святогор поправил капюшон своего балахона, потрогал проверяя плечо, затянул лямки рюкзака, проверил содержимое карманов и извлек маленькую машинку с ручкой и большим экраном. Святогор покрутил ручку и экран загорелся, показывая карту местности. По карте, впереди, в паре десятков километров, лежал город Киров, а за ним долгие месяцы пути.

«Есть ли шанс, что город уцелел и еще обитаем? - думал Святогор. – Неважно как, пусть даже и на грани жизни и выживания? А? Хотя нет… Глупая надежда. Что же тогда мне ожидать? – Святогор, нахмуриваясь, задумался. - А не все ли равно? Чтобы меня не ждало, дойду и увижу, куда деваться. Так что, будь добр, возьми себя в руки и вперед!»

- Вперед! – глубоко вздыхая, твердо и уверенно произнес Святогор и, не оборачиваясь, зашагал вперед.

Глава 5. Мир

Можно жечь и травить, можно бить и давить.

Погубишь себя, а жизнь не сломить.

Святогор ступал уверенным шагом по битой дороге. Если верить истрепанному атласу авто и ж/д дорог России, который Джа любезно отдал Святогору, то эта дорога ни что иное как шоссе Энтузиастов. Лишь остатки асфальта, ржавое железо барьерного ограждения, редкие, словно пустые коробки без крышки, небольшие постройки, говорили о том, что тут проходила дорога. Природа словно дотошный художник, что не любит оставлять на своей картине пустых пятен, заполняла свои пятна растительностью. И растительности было много. Эта растительность уничтожала все человеческое, словно женщина из клуба бывших жен, что уничтожает все то, что ей напоминает бывшего мужа. Святогор, пройдя путь до Москвы, почти от самого города Кирова, надеялся увидеть, даже нет, не так… Скорее почему-то верил, что город будет пустым, покрытым руинами и излучающий радиацию, яды и черт его знает, что еще. Но все было иначе. Увиденное не должно было удивить Святогора, ибо такое он уже видел в Омутнинске и в Кирове, только Владимир был почти таким, каким представлял себе Святогор Москву. Владимир был пустым и безжизненным, а по ночам он сиял зеленым светом. Лишь у самого города Святогор припомнил слова, которые ему передал Джа от Хозяина леса: «Не бойся зеленого света». Святогор просто принял эти слова и не удосужился узнать, что это значит, но у Владимира он понял или скорее поверил, что эти слова относились к чему-то подобному. Однако уже в самом городе Святогор задумался о природе этого света и ответ пришел на пути в Костерево. Точно такой же свет излучали некоторые предметы, особенно металлические и такой же свет излучают призраки, которых Святогор часто видит. Что может излучать зеленый свет и быть губительным для живых существ? Радиация! Осознание этого на какое-то время переполошило Святогора, ведь он прошел через фонящий радиацией город! Какую же дозу он схватил? Но время успокоило Святогора. Город он преодолел за двое суток, за это время он должен был схватить такую дозу, что там же и остался бы, но… Он все еще цел и не вредим и продолжает путь. Какой бы сильной доза ни была, Святогору она не навредила. Однако Святогора встревожил тот факт, что доза эта должна была быть поистине чудовищной! Флора и фауна открыто плюет на радиацию, она ей не вредит, но места, где фон неимоверный, любая жизнь держится на расстоянии, а потому предел терпимости к излучению у жизни есть. Вопрос?! Каков же предел у Святогора?.. Мысли об этом еще долго его терзали и гипотезы, что выдавал его мозг, были одна безумнее другой. Но одна мысль, которая родилась в раздумье, показалась Святогору интересной. Кто же такие эти призраки? Почему они испускают такой же свет, что и радиация? Неужели эти призраки – это просто бредовые галлюцинации, которые создает радиация? А может это настоящие привидения, которые излучаю радиацию, а раз Святогор может ее видеть, то он может видеть и их? Или… Вопросы, одни лишь вопросы… Хоть бы кто дал ответ на хоть один вопрос!

Вероятно, именно Владимир и повлиял на то, каким себе представил Москву Святогор. Но нет, Москва была мертвой лишь в людском смысле, но живой во всяком ином. Все людское в Москве было облюбовано природой. Святогор знал, что шансы у Москвы, у ее жителей, были равны нулю, но какая-то доля надежды все же была. Увы, но пригород Москвы был словно заголовком или эпилогом, который парой слов описывал всю книгу в целом – не надейся. Маленькая надежда жила лишь за счет того, что Святогор знал, что люди в мире еще живы. Да, не в больших городах, но пригород, деревня или село! Однако, увы… Дорога от Кирова и до Москвы была пуста на людей. Быть может Святогор просто проходил их мимо? Или их пути просто не успевали пересечься? А может, их просто нет? Что если это, как называли некоторые странники – мертвая зона, то есть место, где людей нет, хоть ты все вдоль и поперек изойди. Как оно было на

самом деле, Святогор не знал, но знал одно: Москва – это не конец ЕГО пути. Почему? Потому, что родной дом Святогора находится в городе, который основал Петр I и наградил могучим, как и он сам, именем *Санкт – Петербург*. А раз путь Святогора еще не закончен, то и надежде угасать не стоит.

МКАД – рубеж между городом и прочим миром, словно стена крепости между ее нутром и всем остальным. Сейчас этот рубеж был не более чем метафорой, неровным кругом на карте, что опоясывает Москву. Развязка МКАДа и шоссе Энтузиастов, словно выбитые тараном ворота, зияла широкой тропой, проложенной кем-то большим и сильным. Святогор прошел по этой тропе, словно бы входя в чрево разоренной крепости. Все чрево походило на мастерскую скульптора, что создает произведения искусства из подручных материалов. Этот скульптор брал бетон, железо, камень и растения, а потом лепил из них аллюзию на человеческий дом. Всякий такой дом стал прибежищем для какой-нибудь живности и жизнь тут кипела.

Святогор, спустившись с небольшого моста, прошел дерево, из которого торчал вросший кусок чего-то белого с отчетливо различимой буквой «М». Буква давно выцвела, но в ней еще угадывалась красная краска. В ствол дерева вросли и рельсы, которые спиралью закручивались по стволу, делая его похожим на громадное сверло. Если верить карте, то тут была станция метро Авиамоторная. Если продолжать путь так и дальше, то после улицы Сергея Радонежского будет Николоямская, которая выведет к Астаховскому мосту, а за ним и центр Москвы. Святогор подумал, что неплохо было бы и на Красную площадь заглянуть, посмотреть, что с ней стало. Однако путь закончился у эстакады. Вместо эстакады был огромный завал, а из-за домов справа и всей растительности вокруг, место превращалось в тупик. В надежде найти проход, Святогор свернул на Старообрядческую улицу и двигался вдоль старого третьего транспортного кольца, ставшего стеной камня, асфальта и растений, пока не дошел до станции метро Автозаводская. Третье транспортное кольцо шло бороздой, словно кто-то прошелся по нему огромным плугом. Мосты разрушены, а переходы обвалены, но у станции Автозаводская, которая вела на МЦК, переход длинной кишкой шел поверх борозды. Через этот переход Святогор вышел к станции метро и понял, что этот путь вел в тупик. Однако, кроме обратного пути, был еще один – вниз. Подземный спуск, который вел в метро, не был завален, из него ничего не росло и там никто не жил. Спуск был обыкновенным спуском и Святогор, особо не надеясь, разглядывая карту, решил проверить. Если верить карте и если туннели уцелели, то от Автозаводской можно попасть к Павелецкой, потом Новокузнецкой, а за ней и Театральная. Если все будет хорошо, то можно выйти прямиком к Красной площади! А если нет? Что же, всегда можно вернуться назад. Но все это завтра, а пока станцию надо приватизировать под ночлег.

Святогор спустился к платформе по небольшому проржавевшему эскалатору. Платформа была погружена во мрак, но глазам Святогора для осмотра платформы было достаточно того света, что шел с поверхности. И все же, Святогор извлек небольшой фонарик. Этот фонарь работал от динамо-машины и давал слабый лучик света. Для обычного человека этого света мало. Этого света едва хватает, чтобы осветить землю под ногами, но для Святогора этот свет был как от сотни таких фонарей. Освещенная платформа была полной и пустой одновременно. Под множеством высоких колонн лежали части потолка и ламп. На путях стояли брошенные вагоны поезда. Часть мрамора со стен и колонн лежали на платформе и путях и все покрывал толстый слой пыли. Тут не было ни растений, ни плесени, ни какой-либо еще растительности. Тут все было сухим и пыльным, как в старой кладовке. На стенах еще угадывались мозаики и барельефы, а на полу у одного из выходов лежал расколотый камень со списком фамилий. На верхней, отколотой, части была надпись: «Вечная память жертвам террористического акта в Московском метрополитене 6 февраля 2004 г.».

- Шестьдесят два года назад… - шепотом проговорил Святогор.

Святогор оглядел список фамилий на нижнем куске и недоуменно замер на одной фамилии. Святогор протер камень рукой и облегченно сделал глубокий вздох. Ему почудилась собственная фамилия «Ковалев», но приглядевшись, увидел «Киселева».

Святогор оставил мемориал и направился в один из вагонов. Все двери были распахнуты, а каждый из вагонов пустой и пыльный. Нутро вагонов источало неприятный запах, который Святогор учуял еще у спуска в метро, но именно в самих вагонах он был особенно крепким. Неприятный аромат заставил Святогора расположиться прямо на платформе. Брезент, вместо простыни, сшитые воедино тряпки, вместо одеяла и рюкзак, вместо подушки. Аскетизм с налетом комфорта. Святогор лег поперек платформы, чтобы можно было видеть оба входа. Он лег поудобнее и принялся разглядывать уцелевшую мозаику, ожидая сон. На мозаике Святогор различил танк и людей, которые с ним что-то делали. Мужчины, женщины и машины. Сотни маленьких кусочков, часть которых давно осыпалась, все еще пытались сохранить некую память, некое событие ушедшего прошлого. В голове Святогора мелькали мысли о том, что с ней, с мозаикой, будет потом, когда потолок обвалится и в эту кладовую памяти ворвется хозяин мира – мать природа. Все человеческое ей чуждо и потому вопрос скорее в том, как долго эта память еще будет здесь храниться?

Размышления становились все более и более тягучими и сон, подобно болотной трясине, все сильнее и сильнее засасывал в себя. Сон превращал реальность в фантасмагоричный, но почему-то такой нормальный и не вызывающий вопросов бред. Но запомнить сон Святогор не сумел, ибо внезапный грохот разбудил его, а сон швырнул прочь, словно мокрую тряпку. Не сразу, но Святогор пришел в себя. Выбравшись наружу, он осознал, что снаружи уже наступает утро, а причиной грохота послужила громадная птица. Эта птаха, размером с автобус, схватила одну из пасущихся на дороге тварей, которые походили на помесь свиньи, коровы и барана, поднялась с ней в воздух и унеслась куда-то прочь, крепко держа добычу. В пользу того, что на улице было утро, а не все еще вечер, говорило Солнце, которое вставало с той стороны, откуда держал путь Святогор, то есть – востока.

- Завтрак… - сонно пробубнил Святогор и мысленно бубня о том, что сон пролетел столь незаметно.

Собрав свои пожитки, Святогор решил перекусить на свежем воздухе, так как после завтрака ему предстояло спуститься обратно и попытаться пройти препятствия по туннелям.

Завтраком служили плоды какого-то дерева, которое Святогор нашел на своем пути в городе Балашиха. Плоды походили на высохшие яблоки фиолетового цвета. Кожура этих плодов была пупырчатой как у огурца, а пахли они как картофель. Однако плоды были сочные и сладкие, на вкус как тыква с яблоком. Помимо этих яблок у Святогора были грибы – самые обыкновенные шампиньоны. Святогор нашел их во все той же Балашихе и удивился тому, что это не какие-нибудь безобразные грибы-мутанты, а самые простые шампиньоны, которые росли прямо у обочины. Долгие скитания приучили Святогора к сыроедению, ибо разводить костер, потом еще готовить… Проще съесть так, в сыром виде. Да, поначалу желудок Святогора протестовал против подобной пищи, но быстро привык. Святогор ел, разглядывая пасущихся свинокоров. Огромные туши с телом коровы, клочками покрытые кучерявой шерстью, с головой свиньи и рогами барана, мирно жевали все, что попадало в их пасть. Массивные рога закрывали им глаза, а потому все, что было сверху, было вне их поля зрения. И когда крылатая тварь вновь прилетела, заставив Святогора прекратить завтрак и спрятаться, они даже не увидели, откуда прибыла угроза. Твари разбежались, но через какое-то время все равно вернулись обратно и продолжили есть. А вот Святогор завтракать прекратил. Нужно было идти.

Проверив рюкзак и приготовив фонарь, Святогор спустился на платформу, а с нее на пути. Туннель уходил в плотный мрак, в котором свет фонаря тонул, словно в недрах черной дыры.

Даже взор Святогора не мог пробиться через этот мрак и Святогор испытал легкий дискомфорт, который заставил его сделать шаг назад. Впервые за долгое время у него сосало под ложечкой и он уже хотел плюнуть и продолжить путь по поверхности, даже если для этого придется сделать крюк через весь город. Однако вспомнив про птицу, нежелание делать крюк стало сильнее страха темного туннеля и Святогор, сделав шаг вперед, направился в черноту.

Святогор двигался по путям, освещая туннель слабым лучом фонаря. Края туннеля покрывали кабели и металлические крепления. Туннель был цел, но порой попадались обвалившиеся части и массивные трещины. Туннель казался бесконечным, а тьма осязаемой. Сколько времени у Святогора ушло, дабы дойти до Павелецкой, он не знал, но, когда показалась платформа, Святогор не остановился, чтобы осмотреть станцию, а направился к выходу. Он хотел как можно быстрее выбраться. Однако выход со станции был закрыт, что собственно и не удивляло Святогора. Чтобы не терять время, он вернулся в туннель и продолжил путь.

Одна платформа сменяла другую и выхода все не было. Туннели то раздваивались, то сходились. Порой приходилось возвращаться и идти иным путем. Многие станции были завалены, а порой попадались и станции-склепы. На таких станциях горы скелетов в истлевших одеждах лежали друг возле друга. Эти люди искали в метро убежища, а наши вечный покой. Кто-то когда-то рассказывал, что метро – это хорошее бомбоубежище. Какая ложь… Ни одно бомбоубежище не способно поддерживать жизнь длительное время и все эти люди, запертые здесь с надеждой на спасение, обрекли себя на верную смерть. Святогор старался проходить подобные станции мимо. После пятой или седьмой платформы Святогор насторожился. Что-то было не так, но вот что именно Святогор понял, лишь дойдя до очередной платформы, где смог прочесть «Профсоюзная».

- Идиот… - произнес Святогор, ударяя себя полбу. – Надо было читать названия станций, идиот!

Святогор, плутая по туннелям и платформам, умудрился уйти в совершенно противоположную сторону. Перед Святогором встал выбор: вперед или назад? Идти назад не хотелось, а путь вперед вел в неизвестность. После размышлений, Святогор решил пойти дальше, ибо вернуться назад можно всегда. К счастью, выход нашелся уже через станцию.

Святогор, дойдя до станции Калужская, наткнулся на типичный склеп. На станции были эскалаторы и лестница, которые были завалены костями. Поднимаясь наверх, Святогор задался вопросом: «А почему станции и туннели открыты?». Святогор остановился, дабы оглядеть станцию. Все эти люди когда-то погибли, пытаясь спастись, но погибли они не от той причины, от которой погибают запертые в бомбоубежищах, а просто потому, что станции не защищали их!

- Как это? – спросил Святогор не то у самого себя, не то у скелетов.

Все метро – это древний загашник человеческой цивилизации. Эти катакомбы должны били быть сейфом со скелетами, а не шкафом с хлипкой дверцей. Неужели у людей, что тут нашли свою смерть, не было ни единого шанса? Или все они просто пришли сюда умереть, как слоны, которые чувствуя близкую кончину, отправляются умирать на слоновье кладбище?

Святогор смотрел на скелеты и не понимал. Их тела даже не съели, они просто истлели. Некоторые имели непринужденную позу, словно те знали, что их ждет и просто ждали. Пятясь и разглядывая это древнее кладбище, Святогор поднялся наверх. Дверь не была забаррикадирована, она была просто закрыта, даже не заперта, а просто закрыта. Лишь ржавчина мешала открыть ее, но ничего более. Со страшным скрипом Святогор отпер дверь и вышел на белый свет. Оставлять дверь открытой Святогор не пожелал и закрыл ее обратно, словно бы

повинуясь древней заповеди сталкера – на объекте сталкер лишь гость! Объект должен остаться таким, каким он был до сталкера.

Местность вокруг станции была похожа на лабиринт и блуждания по этому лабиринту вывели Святогора на проспект Вернадского. Проспект был широким и покрыт множеством остовов старых машин. Некоторые из машин хранили в своем чреве человеческие кости, а некоторые походили на металлическую клумбу, из которой росли деревья, кусты и прочая растительность. Проспект вывел Святогора к Воробьевым горам, с которых открывался завораживающий вид на Москву. С одной стороны, Святогор был недоволен тем, что умудрился заблудиться и уйти так далеко со своего маршрута, но с другой стороны – вид на Москву! Увы, но от былой Москвы не осталось прежнего величия. Небоскребов Москва-сити не было, на их месте красовался кратер, который отчетливо был, различим с высоты. Лужники, которые были у основания Воробьевых гор, превратились в бассейн с какой-то галдящей живностью. Над городом не возвышались трубы, высокие дома или башни, все было на одном уровне в несколько этажей. Бывшие парки превратились в настоящие джунгли, из которых непрерывно доносился галдеж. А достопримечательность самих гор – здание МГУ, превратилось в античные руины. Растительность их почти не трогала, а центральная часть выглядела так, словно в нее угодило огромное ядро из пушки. Москва стала памятником человеческой сущности. В последней войне, человек давил, жег, травил и всячески искоренял все вокруг, но в итоге – жизнь уцелела, а сам человек погубил лишь себя и свой мир.

Блуждания по метро отняло много времени и как бы Святогор не хотел посмотреть на Москву еще, нужно было идти дальше. У Парка Культуры пришлось свернуть на Зубовский бульвар, а следом и Смоленский, которые вывели на Старый Арбат. В прошлом, Московский Арбат сравнивали с Питерским Невским, но сейчас от Арбата почти ничего не осталось. Память этого культового места выцвела и затерлась, оставив после себя лишь брусчатую тропинку. Дорога от Арбата вывела к библиотеке имени Ленина и вот тут было на что посмотреть. Если издали было не ясно, то вблизи все представало в жестких и твердых красках. Кремль впереди сиял своим красным кирпичом, но от него осталась лишь изувеченная стена. Над библиотекой высилась плоская крона дерева, что росло из недр библиотеки, а отростки похожие на лианы, что спускались с кроны, обвивали колонны. Лишь памятник Достоевскому стоял непотревоженный, грязный и зеленый от времени.

Кремль – это не просто главное достояние Москвы, а его центр! Центр, который спешили посетить миллионы туристов в годы, когда город еще был цел. Сейчас же кремль – это античные руины двадцать первого века. Красный кирпич усеивал все вокруг, делая всю округу похожей на кровавую баню, которую разбавляла неуместная зелень. Сама же площадь была разбита на две части, где сторона ГУМа, вместе с половиной храма Василия Блаженного лежала на дне обрыва, а сторона Мавзолея – это хвойное месиво растительной биомассы. Москва – это город контраста высот. Город, где редко можно встретить прямую дорогу, но сейчас тут контраст выкручен на максимум. Площадь – это в прямом смысле нулевой километр, ибо отсюда и далее на север шла зона острого контраста. На пути попадались то обрывы, то возвышенности и часто приходилось обходить, возвращаться и даже делать крюк, от чего путь на север и вывел Святогора к ВДНХ.

Потратив остаток дня на блуждания по городу, Святогор, выбравшись к бывшему выставочному центру, решил устроиться на ночлег. В качестве ночлега Святогор избрал павильон станции метро, которая хоть и пострадала, но в виду своей конструкции и малых габаритов, не рассыпалась как здание гостиницы «Космос». Павильон больше пострадал от падения памятника «Покорителям космоса», который пробил крышу и забаррикадировал вход к платформе. Павильон никем не был занят и потому Святогор расположился со всем возможным для себя комфортом. Ужин был скуден, ибо в черте города найти что-то, что мог бы съесть Святогор, не отравившись при этом, было трудно. Однако, он был не плохим охотником, так как за годы жизни

в Белореченске, помогая охотникам и многому научился. Мяса в городе было вволю, а потому главное – это изловить.

Святогор не любил спать, но спать было необходимо. Сон был неприятен из-за сновидений, в которых Святогор часто видел неприятные вещи. Сны будоражили и вызывали не страх, а неприязнь. Сознание можно приучить не бояться, но тело, сломанное когда-то множеством психологических травм, словно склеенная ваза, вроде и все в порядке, но хрупкость не стала меньше. Порой, Святогор спал, не видя снов, что доставляло удовольствие, но чаще сны были и очередной сон был не исключением. Однако сейчас сон был «сном мысли». Когда-то говорили, что перед сном и во время сна голову посещают гениальные или просто интересные мысли, но стоит поспать, проснуться и все забывается. Но в этот раз, Святогор запомнил, нет, не сам сон, но его суть! Интересная мысль, которая заставила Святогора задуматься.

Проснувшись посреди ночи от мучавшего его сна, Святогор вышел по нужде, перебирая в голове сон. Среди вороха мыслей Святогор выловил одну: «Где все?». Метро – это кладбище, но на этом кладбище Святогор не встретил ни единого призрака, хотя их там должно быть целое столпотворение. Метро оказалось просто подвалом с костями и не более.

- Где же тогда они? – произнес Святогор, справляя нужду.

Сколько бы Святогор не перебирал этот вопрос, а ответа не находил. Очевидно, что это был один из вопросов, ответ, на который Святогору не суждено найти, но факт осознания этого все равно не давал покоя.

Закончив с житейской потребностью, мучая себя вопросом о призраках, Святогор вернулся обратно и, укладываясь на свою лежанку, отвлекся от вопроса на небо, которое было видно сквозь пробитую дыру. Небо было таким же, как и всегда, но с каждым годом для Святогора оно было все богаче и богаче на цвета. Черное, с мазками синего и фиолетового, усеянное мириадами сияющих точек с невообразимой палитрой цветов и широкая полоса млечного пути. Млечный путь разделял небо, словно поток реки, в которую пролили тонны краски. Разглядывая небо, Святогор заметил надпись, которую кто-то нацарапал на фрагменте памятника: «Здесь был А.Н. Ренгарт. 03.05.2049. Однажды, красота неба станет на вес золота…».

- Однажды… - прошептал Святогор.

Святогор вернул свой взгляд на небо и испытал некое чувство жадности. Эта надпись, сделанная неким Ренгартом, вызвала у Святогора желание впитать в себя образ неба. Странно… Святогор ни разу не испытывал этого чувства. Вроде и простое небо, что в нем такого? Но что-то было! Что-то, что хотелось запомнить.

Небесный калейдоскоп баюкал и Святогор, погруженный в размышления, потерял нить реальности и погрузился в сон, из которого его вырвал глухой и протяжный звук. Подорвавшись, Святогор выбежал наружу, почему-то думая, что это памятник над его головой вот-вот упадет. Спросонья Святогор не сразу понял, что его ночлег хоть и неказист, но крепок и обрушиться просто так не может. Адреналин смешивал сон и реальность, заставляя видеть не то, что есть на самом деле, но повторившийся звук отрезвлял. Звук доносился со стороны не то ВДНХ, не то Ботанического сада. Понимая, что на открытой местности лучше долго не стоять, Святогор вернулся обратно. Звук доносился с некоей периодичностью и почему-то вызывал панический страх. Святогор не понимал, почему от этого звука так страшно, но с каждым разом хотелось забиться в какую-нибудь щель. Кроме этого глухого и протяжного звука доносились и крики, визг, рычания, лай, рев и что-то еще, словно кто-то кого-то бил, кромсал, грыз и рвал на части. Святогору даже показалось, что он услышал неразборчивую человеческую речь. Но если то и была человеческая речь, то она казалась дико искаженной и скорее даже имитацией, нежели

полноценной речью. Ни один из звуков не внушал страха, кроме глухого и протяжного вперемешку с неразборчивой речью. Лишь от них все тело цепенело. Все это продолжалось пару часов, а после стихло. Спать не хотелось. Святогор чувствовал себя словно выжатый лимон и потому, когда Солнце взошло, с трудом перебирая ноги, он поспешил покинуть ночлег от греха подальше.

Держа путь на север, минуя выставочный центр, Святогор прошел через Останкино. Телебашня лежала поперек дороги, а ее верхняя часть, словно набалдашник на длинной палке, где была смотровая площадка, лежала в пруду. Башня была изрядно заросшей, а смотровая площадка превратилась в птичье гнездо, которое больше напоминало осиный улей. Из этого улья вылетали птицы, а сам улей галдел, словно от десятков голодных ртов. Несмотря на то, что башня лежала поперек дороги, которая напоминала скорее брусчатку из асфальта, проход все же был.

Святогор чувствовал себя Дороти из сказки «Страна Оз». Вот только не то Дороти, не то Элли направлялась в Изумрудный город и шла она по дороге из желтого кирпича, тогда как Святогор пытался покинуть этот город, да и дорога была не из желтого кирпича, а из битого черного асфальта. Черная дорога Святогора, петлями и кривыми, вывела его на финишную прямую – трасса М-10. Какие-то семьсот, может чуть больше, километров отделяют Святогора от его родины.

- Эх, жрать охота… - глубоко вздыхая, произнес Святогор.

Поправив ношу, он ступил на путь и двинул в сторону Химок, надеясь на то, что хоть там ему удастся найти еды.

***

Святогор, жуя какой-то сочный фрукт, стоял у лежащего на земле дорожного знака, на котором было написано «Безбородово». Машинально прочтя выцветшую надпись, Святогор погладил свою растительность на лице и усмехнулся. Переведя взгляд, Святогор уставился в туман, что был впереди его пути. Если верить навигатору, который в Москве отказывался адекватно работать, от чего приходилось полагаться на бумажную карту, то впереди должен быть мост. Но было одно большое «но» – мост этот длинный и существует шанс, что он может быть разрушен. Если так, то придется делать неимоверно огромный крюк. Святогор, несмотря на то, что не является суеверным, даже сплюнул на всякий случай. Если мост разрушен, то лезть в воду не хотелось. Черт его знает, что там может водиться, однако крюк делать не хотелось еще больше. Да еще и туман… Густой как молоко, метров тридцать и все, дальше одна лишь дымка. Но делать нечего – только вперед.

Святогор достал еще один фрукт, который больше походил на детскую игрушку «неваляшка», но цветом и вкусом как груша. Рюкзак был набит этими грушами, но среди фруктов было и жареное мясо, которое Святогору удалось добыть и приготовить на пути между Зеленоградом и Химками. Но мяса не хотелось, ибо от него уже изрядно воротило, а хотелось сладкого, потому Святогор с аппетитом налегал на добытые фрукты. Сочно хрустя фруктом, он последний раз посмотрел в навигатор. Навигатор этот не показывал истинной картины, как в прочем и бумажная карта, но Святогору хотелось надеяться, что это маленькая черточка на экране, будет такой же прямой и целой в действительности. Убирая прибор, Святогор зашагал вперед, погружаясь в густой туман.

Туман заволакивал все, так что и вытянутой руки было не видно. Дорога была покрыта мхом и травой, а редкие остовы машин были словно единым целым с дорогой. Машины были словно стальными валунами на этой равнине. Святогор шел медленно, ощупывая каждый шаг. Туман пожирал любые звуки и порой Святогору казалось, что он не шел, а плыл под водой. Он попытался взглянуть на туман своим взором, но картина была такой же, как и без него. Туман чувствовался кожей и чувство это было похоже на давление, словно бы действительно вокруг толща воды. Святогор шел так час или два, а мост все не кончался. Машины уже не попадались, а растительности словно бы становилось меньше. Через какое-то время дорога словно преобразилась и если бы не туман, то она могла показаться в отличном состоянии. В тумане начали слышаться глухие звуки, что-то вроде протяжного «блоб», «блуб» или «булфф». Звуки эти были и как будто привычны и в тоже время, словно слышимые впервые. Звуки не вызывали никаких тревожных чувств, но слышать их не хотелось. Иногда в тумане что-то мелькало, словно бы медленно проплывало над головой, накрывая туман своей тенью и раздавался прерывистый, словно многократно отраженное эхо, глухой и протяжный звук. В этом звуке были металлические и стеклянные нотки, словно скрежет или звон. Чем дальше продвигался Святогор, тем чаще и громче были звуки, а мелькающая тень начинала появляться все чаще. В какой-то момент впереди пути появилась тень, которая просто зависла над дорогой и никуда не исчезала. Эта тень не становилась меньше или больше, но она издавала те глухие звуки. В чертах той тени Святогор разглядел некий образ огромного кита, который словно повис в тумане и ждал. Святогор даже не заметил, что давно уже идет к этой тени завороженно, словно мотылек летящий на свет. Дорога уже не казалась чем-то важным, хотелось просто дойти и прикоснуться к этому неведомому. Окружение постепенно начинало контрастировать. Туман начинал становиться ярче, а тень все темнее. Дорога превратилась в длинный туннель и под неведомо чьи звуки Святогор шел, теряя волю. Туман начинал звенеть и сиять. Все окружение словно бы трансформировалось, но Святогор не обращал на это внимания. Воля и внимание Святогора были захвачены тенью, которая тоже начала преображаться. Все окружение начало походить на длинный туннель со светом в конце, но Святогор видел все словно бы в негативе. Светлый туннель с мраком в конце. Все вокруг звенело и шелестело металлическими и стеклянными звуками. Святогор шел, полностью потеряв волю. Тьма впереди завораживала и гипнотизировала! Сознание постепенно заполнялось светом и звуками и все вокруг словно бы сливалось в безумный круговорот. Святогор потерял чувство твердости под ногами. Все вокруг кружилось, закручиваясь в водоворот, набирая обороты. В какой-то момент окружение озарила вспышка и! Все внезапно оборвалось.

Сознание вернулось внезапно. Что произошло, Святогор не помнил. Не понимая где он оказался, Святогор, ориентируясь на навигатор, понял, что миновал Тверь и прошел Заволжский поселок. Как он умудрился пройти шестьдесят километров, миновав при этом целый город, Святогор не понимал. Память об этом просто исчезла из его памяти. Возвращаться назад, чтобы узнать, Святогору не хотелось ни за какие богатства мира. Единственное, что пришло на ум – аномалия.

Аномалии – это действительно странные вещи. До войн в мире хватало своих аномалий и словечко далеко не новое. В старом мире были свои аномалии, которые никто не мог объяснить, как пример: дорога вниз, а мячи, машины и даже вода катились вверх; долины и равнины где постоянно что-то издает звуки; леса, руины, реки и что там еще, где все поголовно мрут и так далее в том же духе. Но аномалии нового мира – это вот настоящая чертовщина! Летающие города, поющие леса, живые болота, застывшие во времени степи, леса без времени года, живые-мертвые города (нет, тут это не тавтология) и это далеко не все. Что это?! Откуда такие выверты? Дать ответ на хотя бы один вопрос было не кому. Видимо и это место – это тоже какая-нибудь аномалия. Главное – не погубила и ладно.

Двигаясь дальше, размышляя об аномалиях, Святогора вновь вернуться к мысли о Московском метро. А что если и в мире призраков есть свои аномалии? Ведь как иначе объяснить то, что это огромное хранилище людских душ пусто. Только кости и не более того.

- Да что же это такое… - недовольно произнес Святогор. – Какого черта меня так волнует этот вопрос?!

А потом, его словно бы осенило. Кости! Их позы говорили о том, что все они умерли, словно бы по своей воле. Да и метро! Оно же было открыто! Словно люди и не хотели спасаться. Словно все пришли в надежде, но поняли, что тут они и погибнут, а потому и не стали сопротивляться. А ведь призраки, которых видит Святогор – это люди, которые умерли в муках или не желавшие умирать, а тут ЦЕЛЫЙ ГОРОД! Тысячи людей, которые просто взяли и смирились с неизбежным… Как такое возможно?

Эта мысль пронзила Святогора, словно раскаленная игла. На мгновение Святогор испытал боль, от которой он даже остановился.

- Столько людей… Просто взяли и приняли смерть. – сокрушенно произнес Святогор.

«Уж лучше бы я не обращал на такое внимание» - думал Святогор, возобновляя свой путь.

С трудом ему все же удалось прогнать мысли, а не возвращаться к ним помогла короткая дорога, трасса М-11, которая огибала такие города как Торжок и Вышний Волочёк.

Несколько дней пути по трассе, что шла подобно Великой Китайской стене, разделяя болота и леса, прошли в тишине и покое. Такое не редко, чтобы путь был простым и скучным, словно мир такой же, как и прежде, как и до всех этих войн. Такие дни были самыми хорошими. Скука – это не плохо, скука – это знак того, что все хорошо, что бед нет и нет нужды чего-то опасаться.

Болота вокруг трассы не были пустыми. Болота были богаты на грибы, ягоды и фрукты. Хоть эти богатства были и не слишком приятны на вид, но на вкус были вполне сносными. Однако Святогор рисковал, когда пробовал эти богатства болот, ибо не знал съедобны они или нет. Но раз он все еще жив, то все же вполне съедобны. Вот только с мясом тут было туго. Закусить земноводными Святогор не рискнул, а птиц и зверей, даже мелких, почти не водилось. Зато водилось множество насекомых, а аромат гнилой растительности бил в нос, словно профессиональный боксер.

Трасса вывела Святогора на прежний путь и впереди ждал город Валдай, который Святогор хотел так же обойти. Он бы и обошел город, но в Новой Ситенке, где Святогор устроил привал, его потревожили гости.

Святогор расположился в одном из придорожных сооружений, избрав для ночлега здание старого местного магазин. На окнах здания сохранились решетки, но начисто выбиты двери и стекла. Вывеска «магазин», все еще была на своем месте, но начисто выцвела. Магазин давным-давно неведомо кем разграблен, а растительность, пользуясь свободным входом, нагло присваивала свободные помещения.

Святогор, используя имевшуюся мебель, забаррикадировал двери, оставив лишь входную. Сам же Святогор расположился ногами к двери, дабы незваные гости, не застали врасплох. День был ветреным, а набежавшие серые облака словно бы намекали на близящиеся дожди. Однако вечер и ночь были хоть и такими же пасмурными, что делало их невероятно темными, но совершенно тихими и лишь легкий бриз приятно уху шелестел листвой деревьев. Но безмятежный сон Святогора потревожил посторонний шум. Звуки шаркающих шагов и тихое перешептывание заставили Святогора проснуться. Кто-то шел по дороге. Судя по звукам, то были люди, пара

человек, не больше. Эти люди что-то обсуждали, но их речь была невнятной и тихой. Святогор, встрепенувшись, осторожно, но очень шустро подобрался к окну и выглянул наружу, надеясь разглядеть незваных гостей. Но на дороге их уже не было, а были они уже у входа и когда те, крайне неуклюже, вошли внутрь помещения, то удивлены были абсолютно все. Люди, увидев могучую громаду Святогора, разинули рты, а Святогор, от неожиданности, уставился на гостей с выпученными глазами. Повисла тишина. Люди таращились на Святогора, а Святогор на людей. Из-за темноты, Святогор больше походил на страшное чудовище, от чего люди потеряли дар речи. Выходя из ступора, Святогор метнулся на незваных гостей и, схватив их за горло, пригвоздил обоих к стенке, одаривая их испуганные лица видом своих золотых глаз. Люди завопили от ужаса и боли, а Святогор гневно выпалил, не придумав ничего кроме:

- Вы еще кто такие?!

- Люди! Люди! Мы люди! – вопил человек в левой руке. – Алексей, прошу! Не убивай нас!

Святогор на мгновение оцепенел, услышав свое имя.

- Откуда ты знаешь мое имя?! – орал Святогор, сильнее сдавливая горло второго, заставляя его кряхтеть от боли.

- Я все скажу! Все! – истерично вопил человек зажатый в левой руке. - Но умоляю - успокойся! Господи! Христом Богом прошу!

Святогор ослабил хватку, но не отпустил людей. Он приблизил свое лицо к лицу человека в левой руке, заглядывая своими золотыми глазами в глаза совершенно ошалевшего человечка.

Люди видели лишь глаза Святогора и его могучий силуэт, в то время как сам Святогор видел людей во всех подробностях. Оба человечка были закутаны в тряпки, а открытые участки тела покрывали шрамы от ожогов, рубцы и следы старых язв. Люди были совершенно лысыми, а их глаза бесцветными.

- Нас сюда прислал Горец, он все знает! – лепетал человек в левой луке.

- Он сказал нам, прийти сюда в определенный день, - продолжил человек в правой руке.

- Он сказал, что тут будет человек по имени Алексей-Святогор, рассказал, что у Вас золотые глаза, что Вы идете в Санкт-Петербург и…

- Откуда он все это знает? – перебил Святогор.

- Он все знает! Он умеет предсказывать будущее и он хочет с Вами поговорить, потому он нас и послал за Вами, - произнес человек в правой руке, криво ухмыляясь.

Лица людей начинали затекать и Святогор отпустил их, дабы те ненароком не потеряли сознание. Освободившись от хватки Святогора, люди принялись кашлять и тяжело дышать.

- Допустим, - произнес Святогор. – Допустим, вы говорите правду. Но я и склоняюсь верить в то, что вы просто очень долго идете за мной. Все это время вы за мной следили, отсюда и ваши знания. С чего же тогда мне верить вам на слово и где гарантии, что вы не парочка людоедов?

- Да упаси Боже! – произнес человек справа, неуклюже крестясь. – Какие же мы людоеды, мы просто старые и больные люди, у нас и в мыслях такого нет. Господи… Людоеды…

- Да, Вы правы, - продолжил человек слева. – Гарантий у нас нет и все наши доказательства можно объяснить иначе, но уважаемый Горец, зная, что вы не поверите, заставил заучить для Вас следующее послание: «Алексей. Тебя так назвала твоя мать в честь своего дедушки. Но твое

второе имя ты получил от отца, который назвал тебя в честь могучего и крепкого, словно гора, богатыря, за твою волю к жизни. Ибо родился ты на пятом месяце и, несмотря ни на что, выжил».

Святогор стоял совершенно ошеломленный. Это никто не мог знать, да даже сам Святогор слышал это от отца лишь раз в своей жизни и никогда и никому, даже в бреду, этого не рассказывал.

Какое-то время Святогор стоял, переваривая услышанное. Объяснить это он не мог. Эти слова просто не укладывались в голове.

- Где этот ваш Горец? – тяжело произнес Святогор.

***

Троица переступила черту города Валдай. Валдай является один из древнейших городов, который в прошлом славился своими колоколами. Сейчас же город был пристанищем убогих и юродивых. Каждый житель этого места, включая детей, имел страшный вид, словно местные жители жили на могильнике радиоактивных отходов. Все взрослые и старики были искалечены и изуродованы, а немногочисленные дети, имея схожий с взрослыми вид, помимо всего прочего, нередко имели лишние конечности, органы или что-то, что не принадлежит человеческому организму.

День близился к полудню и потому улицы были полны людей. Когда в городе показался Святогор, всякий обитатель, бросая взгляд на идущую троицу, коротко удивлялся, но тут же возвращался к своим делам. Внешность Святогора не вызывала бурю эмоций и удивлений. Так, лишь короткое удивление, какое бывает при виде нового лица. Святогор в компании этой парочки был словно очередным юродивым, которого привели в это место как очередного бедолагу.

Троица прошла к причалу и села в лодку, с помощью которой они добрались до острова в озере Валдайское и уже по нему добрались до старинного монастыря. Монастырь был окружен стенами и имел обширный двор, в глубине которого стоял собор, из центрального купола которого возвышалось внушительное дерево. Пара человек, которые представились Святогору пока они шли в город как Михаил и Вячеслав, проводили к собору, где, уже внутри, довели до двери в недрах подвала. У этой двери Михаил и Вячеслав оставили Святогора, сказав напоследок, что за дверью покои Горца.

Михаил и Вячеслав покинули Святогора, оставив его наедине с дверью. Дверь была самой обыкновенной, не старинной, а обычной, с металлической круглой ручкой. Святогор приблизился к двери и заколебался. Он размышлял: «Войти или сперва постучать?» Но его размышления прервал голос, раздавшийся из недр помещения, скрытого дверью.

- Ты войдешь сюда в любом случае, независимо от того постучишь ты или нет. Но от этой банальности зависит то, кем именно ты войдешь сюда: воспитанным человеком или невоспитанным животным.

Святогор оторопел, но определился с решением в пользу предварительного стука.

- Входи, - благодушно раздался голос из-за двери.

Святогор отпер дверь и вошел. Его взору предстал фантастический вид. Все помещение покрывали сплетения древесных корней, а в центре всего сплетения находилась верхняя

половина седовласого старца, кожа которого больше походила на древесную кору. Старец пил бурую жидкость из граненого стакана и прищурено смотрел на вошедшего Святогора.

- Присаживайся, - любезно предложил старец сухим голосом, указывая на стоящий рядом стул.

Святогор прошел в помещение, направляясь к стулу, настороженно оглядывая окружение.

- Да не бойся ты так, есть тебя никто не собирается, - усмехаясь произнес старец. – Я Горец, - представился старец. – И нет, меня прозвали так не потому, что я житель гор или какая-нибудь бессмертная сущность. Горец, в моем случае – это игра слов, то есть «горестный старец» или просто «Горец». А ты значит Святогор – утвердительно произнес Горец.

- Откуда?..

- Откуда я *все* о тебе знаю? – перебил Горец. – Что же, я отвечу. Но прежде, уважь старика. Я стар, а для этих людей я чуть ли не Бог. Общение с ними сводится к моему созерцанию. Я давно ни с кем не общался. Мне не хочется разговаривать с человеком, давая ответ прежде вопроса. Хочется самого обыкновенного общения, по которому я истосковался. Я многое тебе расскажу, но прежде предостерегу. Не торопись с выводами, не повышай голос, даже если возникнет желание и принимай мои слова на веру.

Повисла тишина.

- Что же, спрашивай, - произнес Горец, отхлебывая из стакана.

- Откуда Вы все знаете? – несколько безразличным голосом спросил Святогор.

- Я умею предсказывать, - слегка улыбаясь ответил Горец.

- Вы типа экстрасенса что ли? – скептически произнес Святогор.

- Нет, - шире улыбаясь ответил Горец. - Я вроде тебя, но гораздо сильнее.

- Что? – не понял Святогор.

- Твои глаза, - старец указал на Святогора. – Ты умеешь видеть призраков, я тоже. Но ты обрел свой дар, а я с ним родился. Твой дар ограничился лишь глазами, а мой пошел дальше.

- Значит, - задумался Святогор. - И я могу видеть будущее?

- Нет, - как-то равнодушно ответил Горец.

- Тогда как глаза и возможность предсказывать вообще связаны?

Горец допил содержимое стакана и протянул его к Святогору.

- Гляди, - произнес Горец, обращая внимание Святогора на стакан. – Это граненый стакан. Что будет, если я разожму пальцы?

- Он упадет, - ответил Святогор, подумав.

- Верно! – воскликнул Горец. - А дальше что?

- Ну… Скорее всего, - Святогор подумал. - Разобьется.

- А я так не думаю, - произнес Горец, выпуская стакан из рук.

Стакан со звоном упал на каменный пол, описал небольшой круг и остался лежать.

- Видишь, - улыбаясь, ответил Горец. – Ты предсказал половину будущего этого стакана, а я предсказал все будущее, а знаешь, как?

- И как же?

- С помощью физики! – воскликнул Горец.

- Что? – совершенно не понимая ответил Святогор.

- Держа в руке стакан, именно Я решал его судьбу, а значит, я точно мог знать – упадет он или нет. Это, во-первых. Во-вторых, чтобы знать разобьется стакан или нет, надо знать сколько нужно приложить энергии, чтобы он разбился. Энергия – это произведение массы на скорость. Я знаю массу стакана и знаю какую скорость он разовьет при падении, а значит я знаю и с какой силой он ударится об пол. Я знаю сколько нужно энергии, чтобы он разбился и знаю, что при падении ее будет недостаточно. Если энергия меньше той, что требуется для того, чтобы он разбился, очевидно, что он уцелеет. Все просто.

- А глаза то тут причем? – недоумевая произнес Святогор.

- Глаза – это инструмент, - начал пояснять Горец. - Ты видишь больше, чем простые люди, а значит ты можешь знать больше, чем простые люди. Но представь себе, что у тебя все тело – это инструмент по сбору информации. Свой дар ты приобрел после войны, мой был дарован мне до. Твой дар ограничился возможностью видеть призраков, а мой дар развился в умении экстраполировать настоящее в будущее, поскольку у меня были развиты все органы чувств, а не только один. Мое тело собирало информацию, а мозг обрабатывал ее. Я не вижу решения уравнений будущего, но я вижу ответ этого решения.

- Хорошо, допустим, - заключил Святогор. - А прошлое?

- Еще проще! – воскликнул Горец. - Если ты знаешь ответ и есть формула, по которой был получен ответ, значит можно произвести обратный расчет и найти исходные данные. Умение найти прошлое и предсказать будущее, один писатель древности, Артур Конан Дойл, назвал это «дедукцией». Но его персонаж, который пользовался дедукцией, Шерлок Холмс – это гений, который ловко пользовался своим мозгом и памятью, а вот я делаю это так же, как двигаю рукой – машинально или неосознанно. Вот и все.

- Но Шерлок собирал данные под названием «улики», - недоверчиво произнес Святогор. - А как же Вы собираете эти улики, будучи прикованными к одному месту?

- Будь так добр, подай стакан, - ласково произнес Горец.

Святогор нехотя встал со стула, подошел к стакану и поднял его. Горец протянул руку и Святогор вложил стакан в его ладонь. Горец лишь улыбнулся и продолжил:

- Вот стакан, - Горец указал на стакан в своей руке. – Я использую его на все сто процентов. Но я могу использовать стакан не по назначению, расширив его возможности – это называется потенциалом. Мозг и тело тоже можно использовать не по назначению, расширив возможности. Шерлок – не брал улики из воздуха. Я-то же не беру их из воздуха в метафорическом смысле, но именно в воздухе эти улики и живут. Любые действия, любые события и все, все, все… Храниться в мире и никуда не исчезает. Мое тело и мозг – это инструмент, с помощью которого, за счет моего дара, я невольно проникаю в хранилище этих улик и извлекаю все, что нужно, чтобы видеть, как будущее, так и прошлое. Для этого мне не нужно куда-то ходить. Для меня время – это не только прошлое и будущее. Я вижу время иначе.

Святогор задумался, а Горец, ухмыляясь, смотрел на Святогора в ожидании вопроса.

- Вы сказали, что Ваш дар у вас с рождения?

- Да.

- Значит, Вы знали о войне? – недовольно произнес Святогор.

- Когда я открыл свой дар - нет, но когда начал его развивать - да… - печально произнес Горец. - Я увидел в будущем войну. Война – это невероятно грандиозное событие, чтобы даже с малыми возможностями умения видеть будущее не заметить ее.

- Вы могли ее предотвратить? – натянуто произнес Святогор.

Голос Святогора становился тверже и чувствовалось острое недовольство.

- Я повторю еще раз – не повышай голос, даже если возникнет желание! – строго ответил Горец.

- Так могли или нет? – смягчаясь, но также недовольно произнес Святогор.

- Технически? Да мог. Но как видишь - не стал.

- Почему? – сухо спросил Святогор.

- Потому, что знания – это очень страшная сила, друг мой, – сокрушенно произнес Горец. - Знания, полученные не в то время и не в том месте – несут лишь разрушение и смерть. Порой приходится жертвовать многим, очень многим, чтобы спасти малое, но бесценное! Предотвращение войны – это ошибка выжившего.

- Столько людей – это цена… Чего?!

- Того, что ценнее миллиардов жизней. Я мог предотвратить войну, но не мог спасти, а лишь затянул бы агонию.

Святогор стоял, глядя на Горца с видом полного непонимания.

- Не бери в голову. Сейчас ты не поймешь. Сейчас мои слова – это тарабарщина для твоего разума. Но я пригласил тебя именно ради этих слов, потому, что сейчас, мои слова – это знания, которым самое время и место. Мои слова – это ключ к твоему будущему. Ключ, который ты должен был получить. Не торопись с выводами и прими мои слова на веру.

- И каково же мое будущее? – тихо и сухо произнес Святогор.

- Увы, всех ответов я дать не могу, ибо как я уже сказал: «Знания не в то время и не в том месте – это смерть и разрушения». Не волнуйся. Придет время и ты ВСЕ поймешь. Обещаю, - улыбаясь, произнес Горец.

Святогор обреченно смотрел на Горца.

- А…

- Да, - перебил Горец. – Мог. Но такова моя роль, потому я и остался, и из-за чего я превращаюсь в дерево. Я не боюсь смерти, ибо такие как Я, смерть не бояться, а просто ждут, как любое событие, не более того.

- А мы? – угрюмо произнес Святогор.

- Люди? – Горец ухмыльнулся. – А как ты сам думаешь? Человечество разбито на три лагеря. Первый лагерь – это обычные люди, все те, кого жизнь не пощадила. Людей мало и сколько бы они не плодились, непримиримая сущность человека в итоге сведет его в могилу. Лет

сто и все. Я знаю… А вот таким как Я и всем жителям этого города повезло меньше. Мы больны, мы искалечены, жизнь нас пожевала и выплюнула, чтобы мы сгнили заживо. Наши дети так же искалечены и внуков у нас не будет. А вот такие как ты, Леша – это те, кем жизнь подавилась. Вы выжили и продолжаете бороться, принимая правила жизни. Но если ты и такие как ты еще хранят в себе человека, то ваши дети будут этого лишены.

Святогор силился сказать хоть слово, но не мог…

- Да… Все мы, люди планеты Земля – это последний вздох. Все попытки вернуть прежнюю жизнь – это иллюзия.

Святогор, с сокрушенным видом, вернулся к стулу и сел.

- Вы передали послание, помните.

- Да.

- Это не правда, - произнес Святогор. – у меня нет воли к жизни.

- Ошибаешься, - ответил Горец.

- Я много раз мечтал о смерти, какая же это воля к жизни? А после ваших слов только сильнее хочется умереть!

- Знаю.

- Господи… Да моя воля – это просто трусость! Я столько раз хотел умереть, но боялся смерти!

- Да, порой мы совершаем зло, совершаем гнусные поступки и многое другое. Что поделать… Но важно другое – хотел ли ты это совершать? Нет! Знал ли ты об ином пути? Нет! – голос Горца грубел. - Геройство и подлость определяется не долгом. Если ты убиваешь без мук совести – ты подлец! Бегство с поля брани, лишь потому, что ты не желаешь отнимать чью-то жизнь – это не подлость! Ты испытывал муки совести?

Тишина.

- Испытывал?! – грозно произнес Горец.

- Да…

- Желание смерти – это не трусость, а всего лишь муки совести. Ты прошел через людской ад, не поддался слабости и выжил потому, что боролся за жизнь, так как знаешь ей цену!

- А стоило ли все это усилий? Если мы – это последний вздох, то на кой черт мы все еще трепыхаемся?!

Горец улыбнулся.

- Если представить мир в виде монеты, то мы – это решка. Мы – это цена, номинал этого мира. Ты, не видя всей картины в целом, судишь о мире видя лишь одну сторону монеты. Как я уже сказал – придет время и ты все поймешь, а пока – не давай своей воле угаснуть, - улыбаясь, произнес Горец.

***

С момента разговора Святогора и Горца прошло двое суток. Горец более не приглашал Святогора к себе, а каждый раз, когда Святогор хотел сам прийти к Горцу, его что-то останавливало. За эти двое суток Святогор не единожды убеждался в способностях Горца. Все сказанное Горцем о ближайших, пусть и не особо значимых, событиях сбывались с абсолютной точностью, а потому желание поговорит и получить ответы на некоторые вопросы росло. И все же…

За двое суток Святогор успел познакомиться со многими, но дружбы не заводил, так как знал, что со дня на день покинет этот город. Помимо Горца в городе была еще одна влиятельная личность – Рустам. Рустам владел заведением, которое было что-то вроде кафе или столовой. Заведение именовалось как «ШаУВЕрма». Когда Святогор познакомился с Рустамом, то первым делом поинтересовался о названии. Рустам объяснил так: «ШаУВЕрма – это сочетание слов «Шаурма» и «Шаверма». Вот и все». Святогор не понял, но Рустам пояснил: «Шаурма и Шаверма – это в сущности одно и тоже. «Шаверма» – это питерское название, а «Шаурма» – Московское. Дело в том, что исторически так сложилось, что в обоих городах, некоторые вещи, являющиеся в сущности одним и тем же, но называли по-разному. Как пример: в Питере «поребрик», а в Москве «бордюр»; в Питере «парадная», а в Москве «подъезд». Примеров много, шаурма и шаверма в их числе. Так как Валдай – это город посередине, между Питером и Москвой, то свое заведение хотелось назвать символически. Так вот и появилось название». Однако, не смотря на символическое название, в меню не было ни шавермы, ни шаурмы, ибо ингредиентов для данного блюда не было. Тем не менее то, что как раз было в меню, было невероятно вкусным и сытным.

- Святагор! – воскликнул Рустам, при виде Святогора. - Дабро пажаловать дарагой, чаго кушать будэшь?

Рустам был очень высоким и донельзя добрым и душевным человеком. Святогору он напоминал Джа, вот только внешностью Рустам сильно отличался. Большой у Рустама был не только рост, но и телосложение. Его толстая лоснящаяся покрытая складками кожа с зеленоватым оттенком, делала его похожим на жабу. Рядом с Рустамом постоянно суетился его сын, у которого было четыре руки, две из которых были рудиментарными, а сам он имел вид очень низкого старика с герпесом по всему телу. В прочем, примерно так же выглядели все в городе, но никого это не пугало, не отталкивало и не вызывало отвращения, страха или чего еще в том же духе. Порой, Святогор чувствовал себя в этом городе своим, ибо никто не боялся его внешности, а скорее относился с пониманием. Но, все же, оставаться в этом городе Святогору не хотелось.

- Удиви, - произнес Святогор.

- Харашо брат! Удивить, так удивить! – радостно проговорил Рустам.

Вообще-то, Рустам был русским, а его манера говорить, его манера картавить слова, словно бы он говорил с акцентом, сам Рустам объяснял просто: «Образ! Раньше сие чудесные блюда, в честь которых было названо заведение, готовили, в основном, люди восточной национальности. Поэтому вот».

- А щто это ты такой грюсный брат? Щто не день, а ты все более и более кыслым становишса – поинтересовался Рустам, стоя у печи.

- Да так, не важно… - уклончиво ответил Святогор.

- Да брось, я же вижу, щто тэбя щито-то беспокоит, поведай старому Рустаму о своей беде, можэт совэтом памагу.

- Горец, вот моя беда, - несколько сокрушенно произнес Святогор.

- А щито такое? – недоуменно произнес Рустам.

- Скажите мне, Рустам, вы не боитесь смерти?

- А щито ее баяца? Мы все умрем, от этого нэ куда нэ дэтса.

- Вы, правда, не боитесь?

- Взгляните на мэня, - Рустам повернулся и взглянул на Святогора. – Чего мнэ еще бояца? Ни я, ни мой сын, никто в этом городе не боица смерти, патаму, што ждет ее. Мы живем, патаму, щито жизнь била дана нам на што-то. Нэ важно, как и када ви умрете, как и где праживете, а что успеите сдэлать!

- И что же Вы успели сделать?

- Своего сына, - ответил Рустам, возвращаясь к готовке.

- А он что успел сделать?

- Это знает толко он.

- Что?

- Ви, мой друг, ищете смисл своей жизни, словно у нее есть некое высщее предназначенье. Разве у дерева есть смисл жизни? Разве у кролыка есть смисл жизни? Или у кого еще? Нет… Смисл жизни – это ее цель, судба! Но цели ставят, а не ищут. А патаму и судьбу надо не искать, а тварить!

- Какой-то пафос… - произнес Святогор.

Рустам и Святогор улыбнулись.

- Ванильные цитатки парой дэйствительно харащо звучат, - произнес Рустам, шумя металлом сковороды. – Не бэрите в голову. Жизнь всегда била той еще сукой. Ви живете, щто бы есть или едите, щито бы жить?

- Что? – не понимая спросил Святогор.

- Ви живете, щто бы есть или едите, щито бы жить? – повторил Рустам, ставя перед Святогором тарелку с яичницей.

- Не знаю, - ответил Святогор.

- Тогда живите, щто бы есть.

- Почему?

- Патаму, што еда – это щасье. А щасья в жизни, далжно быть много! – улыбаясь, произнес Рустам.

«А счастья в жизни, должно быть много!» - мысленно повторил Святогор.

Эти слова застряли в памяти. Когда Святогор покинул город и продолжил свой путь, эти слова еще не раз всплывали, даря необъяснимый покой.

***

Позади были: Валдай, Крестцы, Великий Новгород, Чудово, и небольшой крюк, из-за болота, вокруг Тосно, а также множество сел и деревень. Путь от Валдая до Санкт-Петербурга был лишен, каких-либо событий, кроме разве что нескольких дней, что Святогор провел в крепости Великого Новгорода, пережидая грозу. Все города были пусты, разрушены, разграблены и, в конечном счете, захвачены природой. Все было однообразным и даже скучным. Удивил лишь старый Питер, который был словно противовесом всему этому скучному однообразию. Святогор ожидал увидеть тоже, что и в Москве – царство природы, но увидел белый скелет города, к которому природа отказывалась прикасаться. Старый Питер сровняли с землей. Все вокруг было серым, словно город – это каменный карьер. В воздухе висел металлический запах и не было ни малейшего намека на хоть какую-то жизнь. Святогор бродил по лабиринтам руин улиц, проспектов, аллей и набережных, пока не добрался до места, где когда-то был его родной дом - Канонерский остров. На острове, Святогор отыскал останки дома, в котором он жил и рос. От дома осталось лишь несколько этажей, но в куче кирпича и бетона, Святогор без особого труда отыскал блок, который был окном его комнаты. Он узнал свое окно, так как на куске уцелевших обоев, под навесом из бетонных плит, был выцветший, но еще различимый детский рисунок – водный горизонт залива и заходящее Солнце. Именно из этого окна, Святогор когда-то в детстве наблюдал, как садится Солнце. Святогор присел и осторожно, словно бы боясь испортить рисунок, прикоснулся к нему и тихо произнес:

- Я дома…

Глава 6. Осознание

Уставший жить - ищет смерть, ибо только смерть

Может заставить почувствовать жизнь.

Святогор сидел на краю бетонной плиты, которая когда-то была частью дороги, проходившей над островом. Эта дорога брала свое начало в Белоострове и тянулась почти до самого аэропорта, соединяя северную и южную части КАДа, деля его пополам. Дорога уже многие годы как была разрушена, но несколько опорных колонн, на которых держалась дорога, все же уцелели. Пара таких колонн возвышалось над островом. Святогор, найдя способ забираться на них, любил там проводить время, созерцая открывающийся взгляду вид. Одна из колонн стояла у самого пляжа и с высоты, чуть более пятидесяти метров, открывался фантастический вид на залив и руины старого Питера. Серые каменистые равнины города. Ржавые заросли портовых кранов и ржавые туши кораблей. Безмятежная темно-синяя гладь залива. Серое как город небо и темные, такие же безмятежные, как и залив, облака. Если погода позволяет, то в минуты рассвета и заката, вся эта серость и безмятежность преображается. Алые, рыжие, пурпурные, голубые и розовые цвета рассвета и заката заливают собой все видимое пространство. «Однажды, красота неба станет на вес золота…» - слова, которые Святогор вспоминал каждый раз, когда поднимался на колонну, чтобы встретить рассвет или закат. Прошло десять лет, с тех пор как он достиг своей цели. Святогор думал, что, дойдя до дома, он обретет некий покой, найдет свое место в этом мире. Но дойдя до финиша, душевный груз, что висел на шее, стал лишь тяжелее. С каждым годом Святогор угасал. Жизнь превращалась в серую однообразную муть. Тоска, одиночество и депрессия сводили его с ума. За эти годы Святогор не раз думал уйти в другое место, но куда? Да и зачем?! Он, понимая, что раз уж он здесь не чувствует покоя, то он не найдет его где-то еще. Мысли и самокопание душили. Бывали дни, когда Святогор напивался и плакал, проклиная себя неизвестно за что. Мысли о смерти посещали все чаще и чаще и даже били дни, когда Святогор пытался наложить на себя руки. Но находились силы, которые останавливали его и вытаскивали из лап смерти. В подобные моменты Святогор начинал ненавидеть себя еще больше, не то за слабость, не то за трусость.

Жил Святогор недалеко от пляжа. Домом Святогору служила пара уцелевших этажей одного из домов. Когда-то Святогор расчистил их, обустроил и обжил. Место было хорошим: с одной стороны – мертвый город, через который никто не ходил; с другой – залив, принадлежащий тварям. Остальное пространство, в основном, занимал Пулковский лес, который тянулся от Петергофа и почти до Колпино. На обоих концах леса были поселения. В городе Ломоносов, за Петергофом, и в поселке имени Свердлова, что лежало на правом берегу Невы. В Ломоносовской общине проживало около сотни человек, а в Свердловской чуть более тридцати. Где-то были еще общины. Где-то на юго-западе, но Святогор никогда не был в них, да и не интересовался где они именно. Но знал, что эти общины сообщаются с Ломоносовской общиной и даже торгуют между собой. А вот Свердловская община жила в полнейшем неведении что, относительно недалеко, есть еще люди. В этой общине жило много калек, а из-за Колпинских болот и водящихся в них тварей, это была скорее не жизнь, а выживание. Прочих общин Святогору обнаружить не довелось. Святогор жил охотой и собирательством, что обеспечивало его пищей и теплыми шкурами. Несколько раз в месяц Святогор отправлялся в одну из общин и обменивал излишки на что-нибудь полезное. Порой приходилось задерживаться и Святогор не брезговал даже работать в общине, благо работы везде хватало. Когда он впервые появился в каждой из общин, приняли его с большим неодобрением. Имел он тогда странный вид – огромного горбатого человека, закутанного с ног до головы, даже лицо было замотано в драные тряпки. На вопросы «кто он» и «откуда», Святогор отвечал уклончиво, а порой и

недоброжелательно. Однако, шкуры Святогора, которые он вскоре начал приносить в общины, добывая охотой на севере Питера, люди ценили и обменивали с большой охотой. Именно ценность его шкур заставляла людей закрывать глаза на его скрытность. Добываемые Святогором шкуры и вправду были очень ценны, ибо добывать приходилось в Северном лесу, а не в Пулковском, что под самым боком. Ибо Пулковский лес был неприкасаемым и любой человек, даже самый последний дурак, знал эту простую истину. Неприкасаемым он был по одной простой причине – Страж леса. Кто такой этот Страж или вернее даже – что он или оно такое, не знал никто. Всякий ушедший в лес, мог либо пройти через него как ни в чем не бывало, а мог уйти и с концами. Но одно хорошо было известно всем – убил зверя из этого леса и Страж придет за тобой, где бы ты ни прятался. Самой большой загадкой было и то, что Страж убивал так называемых «меченных смертью», буквально у всех под самым носом. Жертву, а порой даже жертв, находили уже мертвыми. Всякий кто пытался защитить такого меченого, так же погибал. Святогора данная участь обошла стороной, ибо о Страже он узнал до того, как начал промышлять шкурами.

В доме Святогора в избытке было сушеного мяса и рыбы, но вот с овощами и фруктами была беда. Запасы сильно обеднели, а, чтобы не страдать от нехватки витаминов зимой и весной, эти запасы следовало восполнять. Осенняя погода с каждым днем становилась все более и более холодной, сырой и ветреной. Из-за погоды Святогор, хотел он того или нет, был вынужден пользоваться абсолютно любой доступной возможностью, дабы сходить в одну из общин и обменять мясо и шкуры на овощи и фрукты. Сегодня погода была как раз подходящая для похода и потому Святогор собирался в дорогу. Несколько свертков со шкурами, пара мешков с мясом и почти сорок километров или, с учетом габаритов и выносливости Святогора, около трех-четырех часов пути до Ломоносовской общины.

За долгие годы Святогор сумел расчистить более половины разрушенного дома. Большая часть битого кирпича и бетона пошла на возведение стены вокруг дома. Правда Святогор и сам не понимал, для чего он ее строит, ибо жил он на отшибе, который даже твари из залива не посещают. Но Святогор строил и строил. Домом Святогору служили несколько крайних квартир первого и второго этажа, ибо всех прочих этажей не было. Третий этаж был чем-то вроде крыши, на которой Святогор часто работал, сушил мясо и обрабатывал шкуры. За долгие годы, устоявшийся запах или вернее вонь от мяса и шкур стала Святогору привычной и попросту незаметной. Подвал дома, который Святогор углубил, превратился в погреб, в котором он тоже порой работал, а также там хранилось все нажитое. Нажитого было много, гораздо больше, чем Святогору было нужно. Но он продолжал набивать погреб содержимым, словно бы боясь, что однажды может случиться что-то и чего-то может не хватить. Нажитого становилось так много, что Святогор даже начал строить нечто вроде сараев во дворе, для хранения все новых и новых запасов. Чем больше, тем лучше! Как говорится: «Лишь голодный знает истинную ценность еды».

Святогор как всегда завернулся в свои тряпки, взял вещи и отправился в путь. Путь лежал по берегу залива, между двух крайностей – лес и вода. Воды залива и дебри леса были полны опасностей, лишь на границе двух этих фантастических государств было спокойно. Воды залива вздымались от ветра, поднимая волны, которые разбивались о берег. Этот же ветер, словно исполинская расческа, расчесывал лес, который уже тронула осень. Деревья колыхались и гнулись, они истошно скрипели и шелестели листвой. Недра обоих государств исторгали звуки и голоса своих обитателей. Залив был полон протяжных, томных, глухих и шипящих звуков, а лес полнился короткими, резкими и звенящими звуками. Словно Инь и Ян два этих мира прибывали в состоянии баланса и Святогор шел по линии равновесия двух этих сил.

В районе бывшего Южно-Приморского парка Святогор увидел собаку. Собака стояла на опушке леса, которая тянулась вдоль проспекта Ветеранов. Собака была совершенно черной и должно быть ростом в метр или около того. Собака стояла и смотрела на идущего Святогора. Когда Святогор остановился и взглянул на собаку, та мотнула головой в сторону леса, словно кем-

то позванная, после чего бросила взгляд на Святогора и скрылась в лесу. «Черный пес Петербурга… - подумал Святогор. – К беде или удаче? Черные кошки вроде к беде, а как с собаками?». Какое-то время Святогор еще смотрел на то место, надеясь, что собака вновь покажется, но она не показалась и тогда Святогор продолжил свой путь.

Впереди показался Константиновский дворец. Дворец был полем брани между водой и лесом. Парк превратился в галерею, где картины отображали былую битву морского Левиафана с великаном. Все было словно бы вывороченным и раскиданным в стороны, а сам дворец был похож на дом из детских кубиков, который кто-то ударил ногой, разметая кубики в разные стороны. Петергофу, что был дальше, повезло больше. Дворец уцелел, но превратился в обитель земноводных тварей, которые облюбовали давно заброшенные пруды и фонтаны. Летом твари обожали выбираться и греться на Солнышке, а вот осенью они устраивали концерты, заполняя все вокруг протяжными утробными стонами. Но оставаться на концерт Святогор не собирался.

Миновав Петергоф, Святогор вышел к мартышкиной или обезьяньей заставе. Свое название она получила из-за названия железнодорожной станции - Мартышкино, на которой располагалась застава. Когда Святогор приблизился, люди на заставе оживились, но привычный всем местным вид Святогора, остудил их намеренья. Святогора встретили равнодушными взглядами. Его слишком хорошо все знали и потому его даже не осматривали, а просто пропускали. Для всех Святогор был безобидным великаном в уродливом прикиде, который торгует мясом и шкурами. За долгие годы он ни разу не проявил себя враждебно. Быть может когда-нибудь он и бывал груб, но… В общем, для всех он был просто чудаком «откуда-то» с востока. После десятков неудачных попыток проследить, откуда он приходит, это дело забросили и более не пытались.

Основная часть общины располагалась в городе между заливом и Красным прудом. Жил город за счет сельского хозяйства, выращивая овощи и фрукты. Здешняя община была похожа на Белореченскую. Правда, Белореченцы жили, пытаясь выращивать прежние культуры, а вот Ломоносовцы выращивали нынешние. Все овощи и фрукты, которые кем-то и когда-то были найдены и доставлены в общину, выращивались за пределами города и даже делались попытки селекции. Однако все попытки селекции приводили к созданию и без того страшных на вид уродцев растительного мира. Все же удачные варианты, главным образом съедобные, оставляли и пытались выращивать. Как говориться: главное не то, что снаружи, а то, что внутри. Именно за тем, что было внутри этих растительных уродцев, Святогор и пришел обменять мясо и шкуры. Свои мешки мяса и свертки шкур Святогор смог выменять на мешок корнеплодов, мешок яблокообразных фруктов и мешок чего-то вроде гибрида свеклы и моркови. Корнеплоды, которые местные называли – бабата, был чем-то вроде картошки, но ярко рыжего цвета и на вкус что-то среднее между редькой и редиской. Яблокообразные фрукты – карбонавка, имели лишь вид яблока, мякоть у них темно-красная, словно свеклу ешь, а на вкус и запах они как грибы, но сладкие. А вот свекломорковь – это свекломорковь, то есть морковь со свекольной внутренностью и вкусом свеклы и моркови.

Часть шкур Святогор выменял на спирт и на несколько билетов. Билеты – это что-то вроде местных денег или вернее заверенные авторитетным лицом документы на что-то, что может предоставить община. Хочешь выпить в местном баре – заплати трудом или чем-то весомым в казну и получи билет. Берешь билет и тратишь его там, куда ты его попросил выписать. Собственно, именно в бар Святогор себе и попросил выписать пару билетов.

Бар располагался в старом вокзале станции Ораниенбаум-1 и назывался этот бар просто «Вокзал». Святогору это название взбудоражило память и вытащило наружу воспоминание из детства. В этом воспоминании был один магазин, который так и назывался «Магазин». Не какой-нибудь рыбный там, или мясной, овощной, да хоть «самый лучший» или еще какой магазин, а

просто «Магазин». Магазин «Магазин». Все. Вот и бар на вокзале был баром на вокзале. Бар «Вокзал». В этот бар Святогор заходил всякий раз, когда посещал общину, пропустить несколько стаканчиков перед уходом или ночевкой. Местный бармен был хорошо знаком со Святогором, хоть и не знал Святогора в лицо. Собственно, его в лицо не знал никто. Никто не знал и того, что под всеми тряпками скрыто тело похожее не то на медведя, не то на льва. Все считали Святогора чудаком и уродцем, а потому и не особо допытывались до его внешности.

Просиживая в баре за крепким, Святогор слушал краем уха то, что говорят в баре. Бар был эдаким… Раньше было такое выражение «сарафанное радио», то есть слухи, и бар был радиостанцией этого радио. Основной поток этого радио был ни о чем. Люди просто пили и общались на свои темы, но порой проскакивали и слухи, новости и что-нибудь необычное.

После третьего стакана Святогор уловил разговор о странных людях.

- А слыхали, че в Котлах говорят? – раздался голос.

- Ты про марсиан что ли? – дали ответ равнодушным голосом.

- Ну так, а кто это еще может быть, а?

- Да чушь это. Марс вымер еще во время войны, сам подумай, - все тем же равнодушным голосом отвечали.

- А вдруг нет?! Вдруг кто-то там выжил и решил вернуться, а? И ведь тогда все сходится! – с энтузиазмом продолжал кто-то.

- Это у тебя глаза от выпивки уже сходятся.

Послышался громкий смех.

- Сам подумай, на чем бы они сюда прилетели?

- А вдруг сами построили и прилетели, а? Люди то эти странные говорят, ведут себя странно, вопросы странные задают и говорят так, словно бы и не с Земли они, - с тем же энтузиазмом продолжил кто-то.

- А может это и не люди вовсе? Может это действительно Марсиане?! Ну эти, человечки зеленые, а?! – с сарказмом ответили энтузиасту.

Все снова заржали.

- Да иди ты… - недовольно ответил энтузиаст.

Все стали ржать еще больше.

- Э-э-э! Ну не надо, ну э! – протестовал кто-то.

- Пшел от сюда! – грозно рычали на протестующего.

- Ну что я сделал? Не шалю, никого не трогаю, починяю, понимаешь, примус…

- Я тебе щас этим примусом по твоей башке дам! Пшел тебе говорят!

Грозным был охранник бара, который выдворял одного из пьяных посетителей по прозвищу «Вася Кот» (завсегдатай бара).

В бар вошло несколько человек в черно-желтых одеждах. С их появлением в баре воцарилась тишина, ибо люди эти были из банды «Саламандра». Эта банда обосновалась где-то в районе Соснового Бора. Люди этой банды были единственными во всей округе, кто имел в своем

распоряжении огнестрельное оружие и, что очень важно, имели к ним боеприпасы. Любой спор, конфликт или что еще неугодное членам банды, вело к страшным последствиям. Благодаря своему положению они держали под собой все общины в своем районе и собирали с общин дань. Все просто: не хочешь проблем – плати. Все члены банды вели себя вульгарно и нагло, но всегда держали меру своим действиям, ибо лидер их банды Ксандр, был очень грозным человеком и любое недостойное поведение членов своей банды он наказывал. Все члены банды имели один общий отличительный знак, являющийся символом их верности и стойкости – шрам от сильного ожога на лице. Такие шрамы были не только на лице у членов банды. Такие ожоги было можно заметить и на руках, на шее и теле. Эти шрамы были иным символом – символом того, что человек провинился перед главой банды. Любой ожог, кроме лица – это самое низкое из наказаний. Прочие, более страшные шрамы – срезанная кожа, отрезанные пальцы или части конечностей, вырезанные куски мяса, глаза, нос, уши и тому подобное – это следы более серьезных провинностей. Все прочее, еще серьезнее, каралось смертью.

Члены банды прошли через зал к барной стойке и потребовали спирту. Один из членов банды скосил взгляд на Святогора. Святогор заметил этот взгляд и увидел в нем столько презрения, словно бы человек жаждал убить его, но сегодня все они были не в том расположении духа, чтобы даже просто материться на кого-то. На их лицах было выражение, словно бы они кого-то потеряли. Они расположились в темном углу бара. Лишь спустя минут десять в бар вернулась человеческая речь.

Святогор краем уха ловил стандартные для данного места разговоры: о Страже леса, о Мотыле похитителе, о каких-то странных тварях на болоте, снова о странных людях и даже о себе. Но вслушиваться Святогор не стал. Наличие членов банды подбило Святогора удалиться, подобру-поздорову. Потратив последний билет, он побрел в обратный путь.

На улице уже была середина дня. Появившиеся в городе члены банды оживили его, от чего на улице стало очень людно. Взрослые и старики общались. В разговорах слышались вопросы: «Что случилось? Это правда, они тут? Говорят, что они за кем-то, это так? Где они? Все хорошо?..» Словом – взрослые волновались. А вот подростки такого же волнения не проявляли. Напротив, они обсуждали с жаром. Кто-то говорил, что надо просто собраться и перебить их всех, а кто-то говорил, что хочет в их банду. Лишь маленькие дети, не старше шести лет, совершенно не понимали, что происходит, да и не желали понимать, ведь им это не интересно.

Святогор шел мимо людей и порой до него доносились слова о нем самом. Порой кто-то говорил: «Какой здоровый, он бы их одной правой мог, чего он их…». Но Святогору было совершенно безразличны слова, как, впрочем, и проблемы этой общины. Святогора волновала лишь его жизнь и всякий раз, когда проблема начинала нависать над его головой, Святогор просто уходил.

Ближе к вечеру Святогор был уже дома. От проделанного пути болели ноги, а настроение было скверным. Чтобы хоть немного скрасить вечер, Святогор взяв бутылку крепкого и отправился на свое любимое место. Небо было затянуто тяжелыми свинцовыми облаками, а закатное Солнце окрашивало все в темные пастельные тона, постепенно сменяясь на огненные. Ветер с залива, что гнал металлический воздух мертвого города на восток и топил его в Павловском лесу и Дальних болотах, приятно дул в лицо. Святогор сидел на краю бетонной плиты и созерцал чернеющий горизонт. Где-то там, за всей этой водой, приближалась ночь – тьма и холод. Святогор то и дело прикладывался к бутылке и размышлял. Порой мысли исчезали и оставалась лишь пустота.

- Что же не так?.. – хмельным голосом проговорил Святогор. – Чего же я хочу?

Когда мысли отчаяния захватывали его, Святогор вставал, приближался к краю и глядел вниз. Все его нутро словно бы кричало зловещим, шипящим словно змея, шепотом - прыгай!

Святогор не ощущал страха, а испытывал невероятно притягательное чувство. Порой чувство захватывало его и Святогор вот уже решался, но! Нет… Что-то удерживало. Разум Святогора был зажат в тиски противоречий. Его мозг боролся с двумя крайностями, которые лишь заставляли задуматься, но не давали ответа. В голове Святогора сновали истины Горца, Рустама и даже Джа. Каждый давал что-то понять. Горец – в жизни нет смысла. Рустам – твори свой смысл. Джа – избери свой путь… Святогор хотел жить, но не видел в жизни смысла. Святогор хотел иметь смысл, но не мог его придумать. Святогор хотел иметь свой путь, но он уже на финише!

- Да что мне делать?! – закричал Святогор. – ЧЕГО Я ХОЧУ?! ЧЕГО?!

Святогор со всей дури швырнул бутылку в залив, а по его щекам потекли слезы. Все нутро разрывало от злости и печали. Пав на колени, Святогор принялся молотить бетон кулаками, разбивая руки в кровь. Мысли сводили с ума и Святогор все кричал «Нет!».

Святогор ревел, словно раненый зверь и рев его тонул в заливе, и не было никого, кто бы мог его услышать…

***

Ночь была беспокойной. То и дело Святогор вставал и выходил то по нужде, то просто от того, что не мог заснуть. Святогор вышел на крышу своего дома, когда в очередной раз приспичило в туалет. Ночь была ясной. Молодая луна ярко освещала все вокруг и Святогор даже без своего взора мог хорошо различить местность. Справляя нужду, он обратил внимание, что у залива кто-то стоит. Святогор справившись с нуждой, протер глаза, пытаясь понять бредится ли ему это, или он видит это на самом деле? У залива стояла фигурка, но света была мало, дабы хорошо разглядеть. Казалось даже, что это не что-то живое и походящее силуэтом на человека, а просто игра света и тени, но фигурка несколько раз шевельнулась и при виде этих движений, Святогор стал часто моргать, словно бы, не веря своим глазам. Хмель в крови, сонливое состояние и скудный свет могут сотворить любой образ, а на деле это может быть, чем угодно. Святогор взглянул на фигурку своим взором и увидел. Кто бы это ни был, оно тоже видело Святогора. Оба смотрели друг на друга и не шевелились. «Человек?» - подумал Святогор. Не один человек не ходит В или ЧЕРЕЗ мертвый город. Город мертв и там даже растительности нет, что лишь подогревает страх местных.

- Кто ты? – шепотом проговорил Святогор.

У Святогора засосало под ложечкой, от чего он решил спрятаться. Если это действительно человек, то он знает, что тут живут. А если это кто-то из банды? В общинах они редко кого-то трогают, но вот за пределами, всякий, особенно если ты больной или страдаешь уродством, автоматом мишень! Святогор сидел и судорожно думал. Через пару минут активных мыслительных процессов, Святогор выглянул и ужаснулся. Человек пропал! «Боже! - думал Святогор. – Только не это!». Но вдруг! В глаза бросилось быстрое движение. Святогор тут же кинул взгляд и увидел его. То был тот самый чело… «Что это?» - мысленно произнес Святогор. Фигура вновь стояла неподвижно, но уже была гораздо ближе к Святогору. Теперь фигура лишь походила на человека, но человеком не была. Это было какое-то существо и сейчас оно пристально глядело на Святогора. Оно глядело на него сияющими как у кошки глазами. Взгляд этого создания вселял страх даже в Святогора. Он перебирал в голове идеи и каждый раз, как очередная идея упиралась в тупик, проклинал себя. В его доме полно еды, а сам дом неплохо защищен, но нет оружия! Святогор уже много лет, не использовал никакого оружия, да и зачем? Святогор сам оружие – быстрое и сильное. Но вот сейчас было бы неплохо иметь хоть какое-то стрелковое оружие или

пусть даже метательное. Но ничего из этого не было. Святогор охотился, используя ловушки… «Ловушки! - мысленно воскликнул Святогор. – Нет… - обреченно подумал, понимая, что создание не позволит воспользоваться хоть одной, да что там, даже просто поставить хотя бы одну ловушку!». Существо не двигалось. Оно словно бы гипнотизировало взглядом. Внезапно, послышался детский, немного писклявый голосок:

- Мама! Мама! А купи мороженое!

Святогор оцепенел от ужаса. В ушах звенело. Голос доносился не от существа, а словно бы позади. Святогор мгновенно покрылся холодным потом, сердце стучало как двигатель самосвала, а дыхание было тяжелым и прерывистым. Все тело сковало и Святогор с огромным трудом обернулся. Но за спиной никого не было! Святогор быстро вернул взгляд и увидел, что создание пропало! Стремительное движение и Святогор вновь видел существо. Оно было уже совсем рядом, почти у самых стен! Оно стояло и смотрело. Создание сверлило безумными глазами! Взгляд существа словно бы стремился влезть в душу. Святогора била дрожь. Он не мог понять, что с ним! Все тело окаменело, а сам он чувствовал дикий страх и ужас! Страх и ужас, который он не испытывал никогда в своей жизни. «Что же это? Что со мной происходит?» – думал Святогор. Вновь раздался голос, но уже женский, с хрипотцой, словно у больного туберкулезом:

- Что случилось? Где ты? Я ничего не вижу, Шура…

Повисла тишина. Святогор слышал, как в венах бежит кровь. Кровь стучала, словно табун лошадей. Туду-туду… Туду-туду… Туду-туду…

- Василий Петрович, я отчеты принес, куда их вам положить? – раздался мужской, тяжелый, прокуренный голос.

Голоса раздавались с разных сторон. То позади, то справа, то слева и возникали словно бы в пустоте, словно бы прямо в голове!

- Мама! Я сделал! Я сделал ей предложение! – раздался бодрый, мягкий голос молодого человека.

- Сыночек! – ответил кто-то женским голосом, глубокой старухи.

Святогор не спускал взгляда с создания. Он не мог шевелиться. Святогор понимал, кто именно говорил и был чудовищный соблазн встать и бежать! Бежать! Сломя голову, но Святогор не шевелился. Голоса раздавались вновь и вновь, давя на психику, но Святогор не шевелился и не сводил взгляда с создания.

- Владислав Петрович! Сколько можно? Как вы умудряетесь это делать?

- Юра! Юра! Я… Я… Ты… Ты будешь отцом!

- А я вот завтра в Москву еду, там…

- Ба ба га ва… Пппррр гааа… Ма-ма… Ба… - раздавался детский лепет.

Святогор боролся с чувствами. Всю ночь он просидел, не сводя взгляда с существа. Между Святогором и существом была ментальная битва – кто кого. Святогор смотрел и не шевелился, словно бы сдерживая создание, а создание давило и заставляло сдаться. Победило Солнце. С первыми лучами Солнца, существо прекратило борьбу и ретировалось. Святогор, психически и физически истощенный, рухнул на пол. Лежа на холодном бетоне, он осознавал, что существо придет вновь и второй раз он такой борьбы не перенесет. Мысль о ловушках все еще была свежа и Святогор понял, что надо подготовиться к следующей ночи. После какого-то времени лежания на полу, Святогор, с огромным трудом, встал и отправился вниз, дабы набраться сил и обдумать

свою стратегию. Святогора мучал голод, жажда и сон, но пережитый ужас придавал мотивации и заставлял забыть о таких потребностях. Какая-то тварь вышла на охоту на Святогора, а потому, все потребности, которые нельзя было удовлетворить здесь и сейчас, отодвигались на потом.

Святогор расставил силки, несколько ям превратил в капканы и сделал несколько сигналок из веревок и металлической утвари. Расположился Святогор на втором этаже своего дома. Первый этаж и вход на третий (крышу) были забаррикадированы. Святогор сделал запас продовольствия и устроился в своем укрытии как в настоящем боевом доте, только вместо автомата была арматура. На подготовку ушел почти весь день, а потому Святогор, голодный и не выспавшийся, сидел в своем убежище и ел, пытаясь побороть сон. Ближе к вечеру, когда Солнце начало скрываться за горизонтом, Святогор, как бы сильно ни старался бороться со сном, от унылого ожидания клевал носом. Реальность сливалась со сном и Святогору порой являлись зрительные и слуховые галлюцинации. От некоторых он вскакивал, но потом возвращался обратно, понимая, что это просто мерещится. Бдительность Святогора падала и в итоге Святогор все же заснул. Момент, когда реальность стала сном, был безнадежно упущен. Святогор видел фантасмагорический бред, который он принимал за действительность. Святогор видел людей, видел животных, видел людей-животных. Все шли, бежали, плыли и летели и все было таким естественным, таким обычным. Святогор видел, как человек-змея разинул огромную пасть и вывернулся наизнанку, а огромная собака, гоняясь за своим хвостом, закружилась как уроборос и съела себя. Мир взрывался красками и светом и все плыло, словно масляная картина, облитая керосином. Вот очередной человек-змея подошел к Святогору и пристально вгляделся своими змеиными глазами, а после чего произнес какую-то тарабарщину и начал открывать свою пасть. Святогор смотрел на это и испытывал смешанные чувства. Вдруг, он осознал, что видит сон. Редкое, но такое захватывающее чувство осознания сна. Святогор смотрел на раскрывающуюся пасть и поражался дивности сна. Но, несмотря на осознание сна, Святогор все еще испытывал безмятежность, словно бы одурманенный, он воспринимал весь бред за норму. Человек-змея оказался у Святогора под ногами и начал втягивать, словно зыбучий песок. Святогор пытался бежать, но превратившийся в зыбучий песок человек-змея не давал двинуться с места. Странное чувство, которое бывает во сне, когда хочешь бежать, но не можешь. В Святогоре возросла тревога. Зыбучий песок пропал, а Святогор падал. Падение вызвало страх и Святогор чувствовал, словно бы он с ног до головы мокрый. Он падал вниз, все ближе и ближе приближаясь к земле. Трах! Святогор со всей дури ударился о землю и в этот момент он проснулся.

Тварь ревела от боли. Святогор сидел на полу, покрытый холодным потом и нервно дышал. Тварь рядом ревела, держась за правую часть головы. Чувство падения разбудило Святогора, от чего он, машинально, от страха и неожиданности, с силой махнул своей арматурой. Пока Святогор спал, тварь подобралась к нему и уже заглатывала его, словно змея, а когда Святогор проснулся, удар пришелся прямо по голове твари. От боли и неожиданности, тварь вскочила, выпустив из своей пасти Святогора.

Ошалевший Святогор смотрел горящими золотом глазами, как тварь корчилась. Тварь корчилась и извивалась, словно оглушенная змея. Тварь была почти точь-в-точь как человек-змея из сна. Когда тварь справилась с болью, она бросила ненавидящий и гневный взгляд на Святогора. Тварь зашипела, раскрывая голову, словно мешок. Святогор испытал страх и ужас, точно такой же, как и прошлой ночью. Цепенящее чувство, от которого парализует тело. Святогор боролся с чувством и бороться было тяжело. Тварь бросилась на Святогора, а Святогор только и смог, что перекатиться и закатиться под стол. Молниеносная зверюга ударом своей пасти разнесла стол. Святогор неуклюже попытался выскочить из-под обломков, но тварь нанесла удар хвостом. Святогора откинуло, а тварь уже тут как тут. Она обвила Святогора и принялась душить. Зажатый в тиски Святогор взревел от боли, а немногочисленные кольца сдавливали все нутро. Голова твари нависла над Святогором и начала раскрывать пасть словно огромный мешок. Тварь готовилась

проглотить Святогора. В голову пришла мысль и Святогор не побрезговал ей последовать. Он вцепился в тело твари зубами, откусывая от него кусок мяса. Тело твари содрогнулось от боли и Святогор смог высвободить руки, однако высвободиться полностью тварь не дала. Левой рукой, сильно сжимая, Святогор ухватил ту часть тела, которая напоминала человеческое горло, а правой принялся молотить почему попало. Тварь брыкалась и билась в истерике. В какой-то момент, одна из рук полоснула Святогора когтями, нанося глубокие раны. Брызнула кровь и Святогор взревел от боли. Тварь отплатила Святогору за откушенный кусок мяса, но выпустила добычу из смертельного захвата. Святогор и тварь встретились взглядами. Очередной раунд, но на сей раз, этот бой обещает быть коротким. Тварь и Святогор впились друг в друга взглядами. Тварь пыталась сломить Святогора, а Святогор боролся. Сил у Святогора было мало и потому он сдавал этот бой, а тварь наседала. Тварь приближалась, давя Святогора взглядом, страхом и ужасом. Святогор чувствовал безумие и желал лишь сбежать, но разум твердо стоял и не давал сделать этот фатальный шаг. В какой-то момент тварь уперлась в барьер Святогоровой воли и тогда она применила свою вторую уловку.

- Кто-нибудь из ваших хищников вспомнил старые привычки? – произнесла тварь с шипением.

Слова были словно ударом молота о наковальню. Святогор испытал сильнейший удар ужаса. Воля Святогора дала трещину и тварь это почувствовала. Святогор сделал шаг назад, а тварь два шага вперед.

- Не-ет, говорю, милый, с этим от меня поди прочь, - прошипела тварь.

Удар! Разум Святогора помутнел. Сил было мало и каждое слово твари было стопудовой гирей. Святогор сделал еще шаг назад, а тварь уже приблизилась на три шага. Святогор не сводил взгляда, а тварь продолжала:

- А вот вчера, мы зажарили молодого кабанчика, вкусно! Пальчики оближешь!

Голос доносился отовсюду и давил как пресс. Святогор сдавал оборону, а тварь прорывалась. Святогор пал на колени, а тварь резким движением метнулась на Святогора, чтобы обвить его и тут! Святогор бросил руку с арматурой в сторону. От неожиданности, тварь не успела среагировать и с огромной скоростью наткнулась на арматуру. Металлический прут вонзился в глаз зверя. Тварь взревела и принялась корчиться и извиваться, словно червь на сковороде. Тварь истошно ревела и крушила все. Святогор, пользуясь моментом, с трудом, придерживая рану, раскидал баррикаду на крышку и когда тварь справилась с болью, Святогор уже поднимался наверх. Морщась от боли и придерживая кровоточащую рану, он приблизился к краю. Внизу, там где у убежища Святогора был задний двор, под окнами была яма для потрохов. В эту яму Святогор насажал арматуры как колья. Святогор ждал на краю. Ждал, когда тварь поднимется. Зверюга разметала проход и выбралась на крышу. Видя Святогора, она, не соображая от боли, ринулась на него, а он прыгнул в сторону, но рана не позволила успеть. Тварь сверзилась со Святогором вниз. Тело твари угадило прямо на колья, а Святогор пал сверху. Одно из кольев пробило левый бок Святогора в опасной близости от почки. Тварь и Святогор взревели от боли. Крик Святогора перешел в стоны, а тварь начала издавать захлебывающиеся звуки и забилась в судороге.

С нечеловеческим трудом, Святогор выбрался из ямы, покрытый с ног до головы кровью, потрохами и бетонной пылью пополам с землей. Святогора мутило, в глазах темнело, а руки и ноги сводило. Руки и ноги словно бы вибрировали и каждый шаг, каждое прикосновение к чему-либо вызывало странное чувство. Святогор сумел дойти до входа в подвал и, не имея сил идти дальше, повалился и с грохотом скатился по небольшой лестнице. Святогор прижимал открытую рану, но кровь неудержимо вытекала, ослабляя Святогора с каждым граммом. Святогор не желал

умирать. он боролся со смертью и прикладывал неимоверные усилия, дабы выжить. Разбитый разум, почти побежденного, борющегося за жизнь Святогора обрел голос и заговорил:

- Ну и зачем ты мучаешься? Зачем борешься? – произнес голос нежным и ласковым мужским баритоном, словно это говорила само ее величество Смерть.

- Я… Я… Не знаю. Я… Я хочу жить, - с трудом, чуть ли не плача, прохрипел Святогор.

- Ты ведь столько раз желал, столько раз пытался. И вот! Когда ты в шаге! В шаге от не минуемого! Ты борешься?! Зачем?!

- Я… Я хочу жить! – с трудом выдавил Святогор.

- И что это тебе даст? Ты ведь знаешь, что у жизни нет смысла, к чему тебе такая бесполезная вещь как жизнь?

- Уйди… Уйди… Уйди! – хрипел Святогор.

- Хватит, - равнодушно произнес голос. – Хватит бороться. Это того не стоит.

- Сгинь! – прокричал Святогор.

Святогор полз, не разбирая куда. Тьма и слезы в глазах мешали видеть.

- Я понятия не имею, зачем я живу! Я не знаю, зачем я борюсь за жизнь! – хрипел Святогор. – Но я знаю, что хочу жить! В моей жизни нет смысла! Я хочу жить, хочу найти смысл!

- Его нет, - сухо ответил голос.

- Я придумаю его!

- Иллюзия. Это будет не смысл, а самообман.

- Тогда я хочу обмануть себя! – безнадежно произнес Святогор.

- Дурак… - меланхолично произнес голос.

- Сгинь! – грозно прохрипел Святогор.

Голос исчез, а Святогор все полз и полз. В погребе была еда, были тряпки, всякая утварь и инструменты. Святогор думал. Святогор пытался соображать, но потерянная кровь лишала сил даже думать. В голову лезли неразборчивые голоса, звуки, а перед глазами всплывали видения, вспышки света и темные пятна. Святогор вспомнил: «Спирт!». Раны нужно продезинфицировать. «А что дальше? - думал Святогор. - Закрыть рану. Как? Спирт… Спирт… Спирт горит! Прижечь! Точно, прижечь!». Мысли судорожно, в такт дыханию, метались и уже казались бредом. Святогор с трудом поднял бутыль со спиртом стоявшую на полу у мешков с овощами и попытался открыть. Сил откупорить горлышко бутылки не было, и тогда Святогор принялся бить бутылку горлышком об пол. Бутылка не поддавалась, но Святогор прикладывал все больше и больше оставшихся сил, пока горлышко не откололось. Мутная жидкость, с резким запахом, выплеснулась на пол и Святогора. Не думая, а машинально действуя, Святогор выплеснул часть содержимого бутылки на раны. Резкая и острая как лезвие ножа, жгучая как пламя боль пронзила Святогора. Святогор взревел от боли. Все тело сжалось. Святогор ревел, тратя остатки сил. Рев сменился болезненными стонами. Трясущейся рукой, Святогор ударил по табурету, что стоял рядом и тот опрокинулся. Все, что стояло на табурете: чашки, вилки, ножи, кружки и тряпки, повалились на пол. Святогор взял чашу и вылил туда спирт. На поясе Святогора висел небольшой, покрытый бороздами, камень – кусок кремния, который Святогор когда-то нашел на берегу залива. Взяв нож, Святогор принялся чиркать им по камню над чащей со спиртом, высекая искры. Спирт не

загорался и Святогор чиркал сильнее. Когда спирт вспыхнул, Святогор положил нож на край чаши, чтобы огонь раскалил металл. Святогору дико хотелось спать. Реальность уплывала, в теле ощущался дикий холод. Кружилась голова и казалось, что Святогор на борту корабля, угодившего в шторм. Страшно мутило, но боль отступала, словно ее парализовало вместе со всем телом. Когда нож раскалился, Святогор взял его и поднес к ране. Святогор боролся с чувством предстоящей боли и поборов чувство, приложил раскаленный металл. Дикая боль заставила Святогора взреветь. Слезы били из глаз без остановки. Святогор повторил процедуру несколько раз, пока раны не были полностью закрыты. Святогор разбил еще одну бутылку со спиртом и облил ожоги. Боль от спирта уже была не такой сильной и куда слабее боли от ожогов. Он, тратя последние крохи сил, смог лишь накинуть на себя какую-то ветошь и позволяя реальности растаять, погрузился в сон.

Святогору снилось, как он тонет в болоте. Болото затягивало, а Святогор пытался выкарабкаться. Каждое движение сильнее и сильнее сковывалось, но Святогор продолжал бороться и рваться из пут тягучих вод. Святогор погружался и вот под воду ушла грудь, потом шея, а следом и голова. Что-то попалось в руку и Святогор потянул. Словно цепляясь за соломинку он тянулся. Что-то дернуло, быстро и стремительно и Святогор уже был не в болоте, а летел. Что-то подхватило его и несло. Мир перевернулся и Святогор уже не летел, а падал. Сон жевал его, словно жвачку. Когда мир перевернулся вновь, Святогор бросился бежать, но воздух превратился в тягучую массу. Святогор рвался, пытаясь прорваться сквозь эту массу. Святогор уперся в невидимый барьер, который прогибался словно резиновый. Святогор бился в барьер подобно мухе, что бьется в стекло. Святогор прикладывал усилия, дабы прорвать барьер и в какой-то момент барьер поддался и лопнул, словно мыльный пузырь. Святогора захватило волнение и радость! Святогор бросился бежать по дороге, которая уходила в высоту, в горы, что возвышались над горизонтом. Святогор был опьянен и бежал! Но конец этой дороги упирался в очередной тупик. Миг счастья оборвался вместе с дорогой. Но рядом была еще одна дорога. А кроме нее была еще и еще, и эти дороги спутывались, переплетались и уходили куда-то за горизонт. Дорог было много, их были тысячи и тысячи, но все они упирались в тупик. Тьма и чувство печали захватывали Святогора и покрывали словно плесень. Святогор пытался избавиться от этой плесени, но она не сдавалась и сопротивления Святогора лишь делали хуже. В отчаянии Святогор взглянул в небо и увидел многогранную, яркую и сверкающую бесконечность. В этой бесконечности Святогор узрел путь, путь по которому он хотел пойти. Тьма отпустила и Святогор ступил на этот путь. У этого пути было начало – первый шаг, но не было конца, ибо, сколько не иди, а конец этого пути где-то там, где-то в бескрайнем просторе бесконечности. Где-то там, в самом конце этого пути виднелось сияние, свет которого дарил покой. Святогор тянулся, силясь прикоснуться к сиянию, но приблизиться не мог. Свет сияния заполнял все вокруг. Боль, печаль, тоска и тленность уходили, а когда свет заполнил все вокруг, нежный поцелуй мягких губ разрушил сон, который плавно перетек в реальность. Святогор открыл глаза и увидел чашу, нож с обгорелыми частицами мяса, тряпки, мешки, запекшуюся кровь и грязный пол. Святогор медленно встал и огляделся. Подвал, в котором Святогор боролся за жизнь, пребывал во все том же виде. Святогор чувствовал себя избитым. На улице стояли сумерки и Святогор, с трудом выбираясь из подвала, направился к заливу. Ковыляя и тяжело дыша, добравшись до пляжа, Святогор рухнул на колени. Вода била волнами о берег, а над водой, на западе, висело закатное Солнце. Небо было окрашено в красные и рыжие тона и было покрыто свинцово-черными облаками. Святогор – громадная, покрытая шерстью, туша боли и печали сидел и смотрел, как Солнце гаснет, скрываясь за горизонт. Солнце погружалось и залив словно бы кипел от его жара. Слезы хлынули из глаз Святогора и чувства захватили все нутро. Святогору хотелось молотить землю от избытка чувств, но сил хватало лишь на слезы. Прямо сейчас в разуме Святогора взорвалась атомная бомба осознания. Святогор не просто понял, а осознал! Понимание – это аксиома, а осознание – разрушение принятой аксиомы. Понимание – есть вера, а осознание – ее

разрушение. Сейчас Святогор испытывал на себе всю разрушительность осознания, но это разрушение было во благо и не несло гибельности, а напротив – жизнь! Святогор видел начало своего пути. Святогор видел сам путь. Святогор видел завершение своего пути. Святогор видел и то, что все это давало. Начать путь – это значит поставить цель и сделать первый шаг. Путь – это дорога к цели. Завершение пути – это достижение цели. Все вместе – это жизнь! Смысл жизни – это поставленная цель. Любую цель можно достичь. Любая цель может быть смыслом! Всей жизни. Но если цели нет, то жизнь пуста. Но в чем разница между полной жизнью и пустой? Разницы нет! Ни один микроб, ни одно животное, птица, таракан или растение не задается вопросом о смысле жизни, лишь человек! Осознание бессмысленности жизни ведет к смерти и разрушению. Достигнув поставленной цели, человек теряет волю к жизни. Осознание того, что жизнь – это повторение одних и тех же действий: жрать, срать и ржать! Ведет к потере вкуса жизни. Человек начинает искать спасение в смерти и поиски – это хождение по канату. Не справился – смерть! Но справившись – обретение нового осознания. Только чувство смерти, может заставить испытать волю и жажду жить. В жизни нужна не цель, а идеал! Если Иисус действительно жил, то он был не сыном Божьим, а всего лишь философом. Красноречие и собственная философия позволила ему сотворить идеал, к которому можно было в то время стремиться. Идеал, в силу того времени, был грубым, но глубоко заседал в печальных душах людей. Бог – это идол, созданный красноречивым философом, который потерял вкус к жизни, который понял, что у нее нет смысла! Этот философ создал смысл, для которого не требовались знания, а требовалось лишь то, что было у всех – вера!

Святогор сидел на берегу, испытывая чудовищное желание – жить. В голове Святогора носились мысли и все они крутились вокруг одной – создать себе идеал! Создать себе смыл, цель, к которой можно идти вечно, но не достичь ее, ибо начало и конец – это всегда разрушение и не важно, во благо или зло. А путь! Путь между началом и концом – это и есть счастье! Всегда идти к недостижимой цели. Вот только, Бог – это идеал прошлого. Какой идеал может придумать человек в умирающем мире?

Святогор сидел и смотрел на горизонт. Последняя полоска Солнца скрылась за горизонтом, озарив на миг зеленым лучиком света. Мысли в голове Святогора растаяли и всего одна, но такая тяжелая, мысль сорвалась с тяжелых губ:

- Я – живой…

Глава 7. Извне

Мы можем научить обезьяну говорить,

Но обезьяна никогда не задаст вопрос.

Зима. Холод и снег сковали воды залива. Лед был толстым и прочным, а по нему брела массивная фигура, плотно закутанная в тряпки и шкуры. Снег стоял стеной, которую двигал ветер, а фигура с трудом пробиралась сквозь эту стену. Слева от фигуры попадались бетонные скалы, которые торчали из-подо льда. Эти скалы были когда-то дорогой, которая возвышалась над водами залива. Впереди виднелись очертания острова, к которому и двигалась фигура. Фигура, которой был Святогор, тащила тушу зверя, которая была чуть больше него самого. Святогор остановился и повернул голову вправо. Вдалеке виднелся силуэт большой собаки и человека рядом с ней. Силуэты двигались в сторону Лисьего Носа. Силуэт собаки остановился, а следом за ней остановилась и фигура. Оба силуэта словно бы смотрели на Святогора, который смотрел на них. После нескольких секунд, силуэт человека развернулся и побрел дальше, а силуэт собаки последовал за ним. Святогор глядел на них, пока тех не скрыл из виду снег. «Кто это мог быть?» - думал Святогор. Ему порой уже доводилось видеть собак и возможно, что все это была одна и та же, тогда человек – это ее хозяин? Такой же отшельник, как и Святогор, где же тогда он живет? Почему они, если и пересекаются, то только так – далеко на расстоянии и мимолетно?

Ветер усилился и холод начинал пробирать даже сквозь толщу тряпья и шкур. Святогор возобновил свой путь. Путь лежал на родной остров – домой. Святогору предстояло разделать тушу: слить кровь, снять шкуру, извлечь органы, срезать ценные куски мяса, а все прочее либо выкинуть, либо приспособить в хозяйство. За последний год дом Святогора превратился из дома в берлогу. Человечность Святогора покидала его, делая его более агрессивным, более диким, более похожим на животное. Житейские проблемы более не коробили его, а чувства все больше и больше отмирали и черствели. Жизнь превратилась в монотонный поток существования.

Достигнув своей берлоги, Святогор свалил тушу зверя в подвал. Разделывать окоченевшее тело пока было бесполезно, нужно было ждать, пока хоть немного оттает. Чтобы согреть тушу и согреться самому, Святогор растопил печь, больше походившую на грубый камин из кирпича и гранитных валунов. Тепло печи быстро заполнило подвал, которое пошло вверх, прогревая закупоренные помещения (каждую зиму дом превращался в берлогу).

Когда подвал прогрелся, Святогор смог раздеться. Морозный воздух, которым был полон дом, был изгнан теплом и гаммой кислых запахов костра и пота. Трудно было понять кто пах, даже не пах, а буквально разил вонью, сильнее: Святогор или туша убитого зверя? Святогор вздернул под потолок, над ванной в углу, рядом с печью, тушу зверя головой вниз и вскрыл горло. Кровь тугой струей потекла вниз и через пару часов половина ванны была полна крови. За эти пару часов Святогор сообразил себе нечто вроде чая, из добытых прошлым летом и осенью трав. Эти два часа Святогор провел сидя в драном кресле. Кресло было сделано из костей, связанных сухожилиями и старого матраса. За пару часов помещение прогрелось и все то, что когда-то пахло и воняло, перестав пахнуть и вонять от холода, стало источать удушающее амбре. Но Святогор запаха не замечал. Дом Святогора всегда был полон неприятных запахов. Даже когда подвал превращался в разделочную и вонь была не просто вонью, а концентрированной, Святогор все равно ее не замечал. Уж такова природа любой жизни: если тебя бьют и ты не можешь этому помешать – адаптируйся. Вот и Святогору пришлось адаптироваться. Вот уже тридцать с малым лет Святогора мучала боль, с которой он не мог ничего поделать, пришло время адаптироваться. Но боль Святогора была душевной, а потому и адаптация была душевной. Святогору многое становилось безразличным. Порой боль все же возвращалась, но Святогор затыкал ее и продолжал свое

безразличное существование. За последние годы Святогор перестал посещать свое излюбленное место. Он перестал думать о том, чтобы покончить с собой. Перестал размышлять о глупостях, но стал искать, как в какой-то старой сказке: «Сходи туда - не знаю *куда*, принеси то - не знаю *что*».

Допив чай, Святогор принялся за тушу. Кровь он расфасовал по стеклянным банкам, засыпал в них травы, налил в каждую банку какой-то жидкости и, плотно закрыв банки, перетащил все в помещение под полом подвала. Помещение было заполнено разными банками, бутылками, чашами и емкостями. Помещение было небольшим и в нем стоял крепчайший мясной и соленый дух, пополам с сыростью и прелостью. Покончив с банками, Святогор перевесил тушу и принялся ее разделывать. Сперва Святогор отделил шкуру, следом извлек потроха и только потом принялся срезать мясо. Мясо было холодным и твердым, но хорошо поддавалось резке. Периодически Святогор срезал кусочек мяса и съедал его сырым, при этом Святогор бросал взгляд на висящий на стене дорожный знак пешеходного перехода. На знаке давно облупилась и облезла краска, которую теперь заменяла засохшая кровь, но черты того, что на нем было изображено, словно бы въелось в металл. Прошлой осенью Святогор нашел этот металлический диск в руинах мертвого города и притащил домой. Для Святогора этот знак стал чем-то вроде символа или идола, аллюзии на его новый взгляд на мир. Изображенный человечек словно бы был идеалом – то, чем Святогор мечтал быть. Некое совершенство, которое где-то на горизонте. Совершенство, к которому можно стремиться, можно приблизиться, но никогда не достигнуть, никогда не стать. Дорога же была символом этого пути. Путь с неким неясным началом и таким же неясным концом. Путь в бесконечность. Святогор бросал взгляд на символ, в надежде, что он как крест в руках экзорциста, поможет изгнать внутреннего демона. Подвешенная туша и запах крови вытаскивали наружу демона, коим были воспоминания, связанные с барменом в Ломоносовской общине. Это было в конце прошлого лета. Именно это событие и создало безнадежную цель, к которой Святогор мог лишь приблизиться, но не достичь.

Тот день начинался как и любой прочий. Святогор шел в общину для бартера и даже не думал, что дальнейшие события дадут твердую основу его взгляду на жизнь. Как и всегда, перед уходом, Святогор задержался в баре. Пить он стал меньше, а после того и вовсе перестал. В баре бегала девчушка. Вид у нее был, мягко говоря, скверный. Ее мать и отец были братом и сестрой, а их ребенок, по причине кровосмешения, получился уродом. Девочка была лишена пропорций, на спине красовался горб и лицо ее было как у человека страдающего синдромом Дауна. Не смотря на все, девчонка была бодра и весела, но на нее почти никто не обращал внимания. В общине около сотни человек, но добрая треть этой общины были такими как эта девочка и таких вот старались прятать, особенно от членов банды. Но в тот день все пошло не так. Родители девочки ругались, кто-то из них не закрыл дверь и девочка выбежала на улицу. Бог ее знает, как она попала в бар и почему ее не выдворили, но, когда в помещении появилась пара бандитов, все свое внимание они акцентировали на девочке. Когда же до всех дошло, что в баре начинает происходить, всех словно бы парализовало. Бандиты насмехались над девчушкой, они ее больно толкали, они над ней измывались и дразнили, а та даже не понимала, что они делают. Дело начало заходить слишком далеко, но тут вошел испуганный отец и просил, нет, он умолял! Что бы они прекратили. От девчонки отстали, но бандиты переключились на папашу. Пара бандитов и горе отец покинули бар, а повисшую тишину нарушил Святогор. Святогор не хотел этого делать, но словно бы сам черт дернул за язык.

- И что же вы все сидите? – недоуменно произнес Святогор.

- Простите? – раздался такой же недоуменный голос в баре.

- Вас же тут раз в пять или шесть больше! Что же вы ничего не сделали?!

- Умный чтоль? – послышалась из зала издевка.

- Нас больше говоришь? А ты хули расселся?! – грозно кто-то рявкнул.

- Нас может и больше, а ты вот больше и сильнее их! Че ж ты нас упрекаешь, а сам расселся, моралист хренов!

Святогор хотел сказать, что вы, мол, жители этой общины и эти люди члены вашей общины, и то, что это ваша проблема, которую вы должны сами решить! Что же вы, мол, за люди?! Но Святогор не произнес ни слова… Ибо и вправду – какого черта он сам сидел и смотрел?

- Их ведь только тронь, и…

- Хватит! – возразил бармен, перебивая. – Леш, тебе лучше уйти, поверь.

Бармен покинул помещение, а Святогор, чуть подумав, схватил пожитки и тоже ушел, а вслед ему кто-то бросил издевку:

- Тряпка!

Что было дальше, Святогор не знал, а узнать смог лишь через неделю, когда наведался в общину вновь. То, что Святогор увидел, потрясло его. От бара остались лишь обгорелые руины, а рядом, подвешенные за ноги, висели обожженные тела бармена, отца, матери и той девчушки. На спинах были вырезаны слова, которые складывались во фразу: «Если для спасения мира его надо сжечь – я сожгу его. Если для спасения мира я должен сжечь себя – не убоюсь я огня».

Картина была не просто дикой, она была чудовищной!

«Что это?! – думал Святогор. – За что?! Что они сделали такого?!»

А все было просто. Те двое, пытались проучить отца, за которого вступился бармен. Бармену удалось прогнать бандитов, но те вскоре вернулись во главе со своим предводителем, который, не задумываясь, убил и отца, и бармена, а следом мать с ребенком. Просто потому, что девочка была уродом. Родители были моральными уродами, по мнению этого лидера, а бармен как защитник уродов. Все просто. Но до чего же бесчеловечно… Политика главы банды была проста – если ты урод, то живи и работай, но не смей плодить себе подобных. Тогда Святогор и задумался о том, что значит быть человеком и человек ли он? Он мог тогда помочь, но поступил как все. Святогор хотел быть человеком, а был стадным животным. Что же такое быть человеком?! Эта мысль дала ему цель, дала ему идеал – стать человеком. А чуть позже, Святогор нашел и тот самый знак, который висел у него дома, словно крест для христианина. С тех пор чувства Святогора огрубели. Святогор стал думать, сравнивать и искать.

Покончив с разделкой мяса, Святогор принялся его засаливать, на что ушел остаток дня, после чего он принялся развешивать мясо, чтобы оно сушилось. Для сушки Святогор использовал натянутую вдоль стены проловоку. Он цеплял кусок за куском, словно развешивая стираные носки.

- Куда тебе столько еды? – раздался голос в голове.

- Затем, что еда – это счастье, - ответил Святогор.

- Да, но зачем так много, ты ведь всего не съешь?

- Съем или нет – это мое дело, но уж лучше пускай будет.

- Не понимаю, ну зачем?!

- Господи… с кем я разговариваю?

- Сам с собой разумеется!

- Тогда сделай доброе дело – заткнись.

- Увы, но я не затыкаюсь только потому, что ты хочешь этого.

Святогор прекратил развешивать мясо и уперся головой в стену.

- Заткнись… Заткнись… Заткнись! – монотонно повторял Святогор самому себе, стучась лбом об стену.

- Бесполезно, я никуда не денусь, хоть лоб расшиби.

Святогор прекратил биться головой и продолжил:

- Какого черта я вообще отвечаю тебе?!

- Потому, что ты один! Тебе хочется поговорить, но не с кем, а из-за своего отшельничества ты все больше и больше отдаляешься от людей. Сперва раз в неделю, потом раз в две недели, сейчас ты ходишь к ним раз в месяц, а что потом? Ты даже ешь одно мясо…

- Что потом? Что потом?! Суп, блять, с котом! Какого черта?! Какого хера я должен отвечать тебе на вопрос, ответ на который ты и так знаешь!

- Но-но-но…

- Катись ты к черту! – грубо перебил Святогор.

- Они же не люди! Они трусы! Разум? Да какой нахрен разум! Если они живут как стадо! Бояться, не возражают, не думают, тупо существуют! Их убивают, а они…

- Сидят, но и ты сидел.

- Я был дураком, слепым и тупым дураком.

- Ты и сейчас слепой.

- Что?

- А ты думал, что раз прозрел на что-то, то ты прозрел на все? Хренушки! Нельзя прозреть на все сразу. Общая картина – это пазл. Ты можешь разглядеть лишь один кусочек всей картины, прозреть по отношению к ней, но не ко всей картине.

- И что дальше?

- Что? Ну, ты стал видеть больше других. Ну, ты стал умнее других, но как дурак дураку рознь, так и слепец слепцу. Не стоить называть трусом того, кто не видит того, что узрел ты.

- Но они не хотят видеть!

- И ты не хотел! Этот так не работает.

- А как это работает?

- Вспомни, как ты прозрел.

Святогор задумался.

- Ну?

- Я чуть не умер.

- Ты испытал миг осознания, который случился в одной из ситуаций откровения.

- Ладно… Проехали, - меланхолично произнес Святогор.

- Воля твоя.

- Одно только мучает, ведь даже после всех смертей…

- Это не их миг откровения!

- Но ведь!

- У каждого свой миг! А те события – это просто события – энтропия, не более того. Даже то, что всех их ждет вырождение, не изменит их взгляда, не заставит их прозреть. Они просто люди.

- Люди? – Святогор посмотрел на дорожный знак.

- Идеальный человек на то и идеальный. А ты и они – вы просто люди, с пороками, страхами и искушениями. И именно пороки, страхи и искушения заставляют нас быть слепыми, ибо самый простой способ избавиться от искушения – это поддаться ему.

Святогор горько вздохнул.

- Какого черта я спорю с собой?.. Ладно, еще раз – проехали… Спать хочу.

Голос в голове замолк и Святогор, закончив с мясом, направился спать.

***

Святогор шел по льду в сторону Кронштадта. Небо было чистейшим, а впереди виднелась уцелевшая половина Никольского собора. В отличии от Питера, Петергофа и многих других городов области, Кронштадт, что на острове Котлин, почти не пострадал. Однако остров был людским кладбищем, ибо КАД, что соединял остров с большой землей, был разрушен. Суда либо стояли в бывших портах ржавыми остовами дырявого металла, либо покоились на дне залива, либо Бог знает где. Возможно, кто-то бежал, хватая уцелевшее судно и бросая других, обрекая на смерть, как знать. Сейчас же остров, как и форты в заливе, стали обителями зверья, которых Святогор прозвал «Слонами». Эти создания походили на морских тюленей, но с очень длинным хоботом, как у слона и гребнем на спине, как у акулы. Эти слоны облюбовали остров и окрестные форты и Святогор охотился на них при помощи силков. Мясо у этих слонов было восхитительным и потому, пока лед позволял, Святогор на них охотился. Он добрался до Макаровского моста, что рядом с Якорной площадью. Под мостом висела туша Слона, килограммов на сто или сто пятьдесят.

«Ох… - мысленно вздохнул Святогор. – Не хочу я его сегодня тащить… - думал Святогор. – Надо, - отвечал он сам себе».

- Нет… Пошло к черту, - вдруг произнес Святогор вслух. – Завтра потащу, никуда не денется.

Святогор скверно чувствовал себя и потому спорил: тащить или не тащить. Нежелание пересилило и Святогор оставил эту мясную сосульку висеть под мостом. Тронуть, ее не тронут, ибо местные наземные обитатели были те же слоны – большие и неуклюжие. Летающих тварей тут не водится, как минимум зимой – это точно. Так как на улице холод, мясо надежно защищено от порчи.

Одолевавшая Святогора усталость вынудила его найти подходящее укрытие для ночевки. До вечера было еще далеко, но каждую зиму тут все по-разному и единого укрытия просто нет, а потому: пока найдешь, пока соберешь все, что надо для теплой ночи, считай и день пройдет.

Расположился Святогор на Петровской улице, в недрах старой из красного кирпича пятиэтажке, что не далеко от старого Морского завода. Квартирка, в которой устроился Святогор, была забита хламом и было явно, что прежний обитатель пытался от кого-то забаррикадироваться. Мебель, которой было в избытке, Святогор использовал для разведения огня. В поисках более подходящих горючих материалов, Святогор неоднократно натыкался на кости и старые тряпки, а в одном из шкафов был маленький скелет в серых тряпках. Возможно, то был ребенок, вернее, судя по тому, что тряпки больше походили на платье, девочка, лет восьми, может чуть меньше. Святогор не раз в Кронштадте натыкался на такие вот, как он их прозвал – стоячие гробы, в которых покоились останки людей, не сумевших покинуть острова.

На костер пошли комод, столы и стулья из соседних квартир, а для розжига Святогор использовал сухой вьюн и мох, которыми все здание поросло по самую крышу. Кронштадт, в отличие от Питера, почти не пострадал. Да, его явно бомбили, но… Бомбить тут было почти нечего, даже из-за ненависти к прекрасному, как в Питере.

Покончив с приготовлениями ночлега, Святогор закрыл дыры окон и отправился бродить в поисках полезного, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Он посетил в первую очередь завод, так как с прошлого раза оставил там найденную лопату. Святогор дошел до Маяка, самого ближнего к Питеру. Маяк лежал в воде, сломанный пополам, но Святогора интересовали суда, которые стояли в пристани рядом. Корабли были ржавыми, с пробитыми корпусами, а некоторые даже лежали на боку, ржавым пиком вздымаясь из-подо льда. На судах часто можно было найти что-нибудь полезное. На одном из судов Святогору удалось найти несколько метров проводов и кабеля в сравнительно отличном состоянии. Полезная вещь. Святогор рыскал до тех пор, пока не стемнело, а закончив, вернулся к ночлегу с найденными вещами.

Устраиваясь для сна, Святогор увидел свет. Тусклый, почти ничего не освещающий зеленоватый свет. Святогор поглядел туда, откуда он берется и увидел шкаф, где нашел скелет девочки. Святогор поднялся и подошел к шкафу. Отперев его, он увидел призрак той самой девочки. Она была безлика, ее очертания были слабыми, а свет чудовищно тусклым. Призрак сидел, обхватив колени и когда Святогор отпер дверцы шкафа, призрак взглянул на него безликой маской. Святогор стоял и глядел на нее золотыми глазами. Какое-то время они смотрели друг на друга, словно два слепых человека – куда-то в пространство. Девочка повела головой в сторону, словно бы указывая несуществующим взглядом на ворох бумажек, а после, ее силуэт померк и истлел. Святогор, подождав, поднял бумажки, на которых был, не ровным детским подчерком, текст. По-видимому, то были записки или что-то вроде, этой девочки, чей скелет лежит сейчас в этом шкафу-гробу и чей призрак сейчас был перед Святогором. Святогор вернулся к лежаку, отложил бумаги, развел огонь, а после улегся и принялся читать записки.

«Записки маленькой девочки»

28 ноября 2045 года.

Папу и братика забрали на войну. Мама очень сильно плакала, а ба и деда все время молчат. Я решила, что начну вести дневник. Деда рассказывал, как ему и другим, когда он учился, как и я, рассказывали в школе о войне, в которой воевал его дедушка. Он говорил, что была одна девочка, я не помню, как ее звали, помню, что она оставила после себя дневник. В Питере сейчас очень плохо, поэтому я и решила вести свой дневник, вот!

3 февраля 2046 года.

Маме совсем плохо. Кто-то позвонил, а мама потом начала плакать. Бабушка и деда спрашивали маму, а мама только сильнее стала плакать. Потом мама сказала, что братик умер. Деда ушел в комнату и закрыл дверь, а бабушка успокаивала маму.

4 февраля 2046 года.

Мама все время сидит у телефона. Деда стал курить, а бабушка смотрит телевизор. По телевизору постоянно кричат, ругаются и шумят.

30 апреля 2046 года.

Сегодня маме позвонили и ей стало плохо, а потом ей вызвали врача и ее забрали. Бабушка плакала, а деда достал бутылку с чем-то коричневым и неприятно пахнущим и стал это пить.

9 мая 2046 года.

На улице никого. Деда ходил в магазин, а потом вернулся. Сказал, что магазины закрыты, а на улице военные. Я сегодня даже в школу не ходила. Никто не ходил.

27 мая 2046 года.

Мама вернулась из больницы. Она выглядела плохо, бабушка кормила ее, но мама почти не ела. В школу приходили военные дяди и забирали мальчиков из старших классов.

1 сентября 2046 года.

Я думала, что потеряла свой дневник! Я нашла его, когда собиралась в школу. Летом маму снова забирали в больницу, а бабушка кричала на деда, чтобы он выкинул бутылки. Потом были каникулы, но я провела их дома. Иногда я выходила в магазин, а иногда получалось погулять, но на улице почти никого не было.

14 сентября 2046 года.

Бабушка упала на лестнице и ее забрали в больницу. Деда сказал, что у нее плохо с сердцем. Сегодня мы с дедушкой ходили в больницу к маме и бабушке, но они лежали не вместе. Бабушка улыбалась, а мама смотрела и как будто не видела нас.

1 ноября 2046 года.

Мы с дедушкой живем одни. Мама и бабушка лежат в больнице. Дедушка говорит, что все хорошо, но каждую ночь он плачет и пьет из своей бутылки.

17 ноября 2046 года.

Сегодня у меня день рождения! В школе меня поздравляли, даже дедушка меня поздравил и подарил большую шоколадку!

1 декабря 2046 года.

Сегодня вернулась мама, а бабушка все еще лежит в больнице, мы с дедой к ней сегодня ходили. Бабушка улыбалась и сказала, что, когда ее выпишут, она испечет пирог, дабы нормально поздравить меня с моим днем рождения.

1 января 2047 года.

Мы праздновали новый год. Ели салаты и пирог, а ночью пускали салюты и было красиво! Мама улыбалась, а бабушка была смешной! Деда рассказывал истории и все смеялись.

Хочу, чтобы новый год был всегда! Потому, что мама улыбается, а ба смешная и деда смешной и я смешная.

1 апреля 2047 года.

Даже не знаю, что написать… Каждый день одинаковый, скучный. В школе не осталось больше мальчиков, только девочки, даже учителя. Я решила, что пока спрячу дневник.

27 октября 2047 года.

Я достала свой дневник, потому, что происходит что-то плохое. Летом почти ничего не происходило, а вот сегодня перестал работать телевизор. Дедушка, бабушка и мама беспокоятся и постоянно спорят, а на улице много людей и все кричат.

28 октября 2047 года.

Мне страшно! Сегодня ночью все тряслось и грохало, а небо было оранжевым. Бабушка, деда и мама были сильно напуганы, а на улице все кричали, ругались и шумели. Деда закрыл входную дверь и пододвинул шкаф, а мама ему помогала. Очень и очень страшно.

31 октября 2047 года

Уже несколько дней все трясется и грохочет. Мы плохо спим и едим, не куда не выходим, а деда и ба запрещают выглядывать в окно. Воды и света нет, а на улице постоянно кричат и шумят.

День и ночь стали одинаковыми, я забыла, какой сегодня день… Ночью что-то было, словно на некоторое время встало Солнце, но со стороны залива. Деда сегодня днем вышел на улицу и не вернулся, а бабушке плохо с сердцем.

Бабушка умерла... На улице постоянно темно и идет черный дождь, от которого плохо пахнет... Мне и маме плохо, постоянно тошнит и выпадают волосы. Мы сегодня ели кошку, которую мама поймала на лестнице.

Маму постоянно тошнит и она похожа на скелет. Мне плохо, жжет горло и хочется спать. Кто-то стучал в дверь.

Сегодня к нам ломились люди, мама меня спрятала в шкафу, а сама убежала.

Я не выхожу из шкафа, мне очень плохо. Хочу есть и пить. Хочу новый год. Хочу увидеть улыбающуюся маму и смешных бабушку с дедушкой…

На этом дневник маленькой девочки, который представлял из себя ворох записок, заканчивается.

«Хочу увидеть улыбающуюся маму и смешных бабушку с дедушкой…» - мысленно произнес Святогор.

Святогор лежал на полу, разглядывая листки записок в свете костра и думал. Мечта этой маленькой девочки была такой простой. Все чего она хотела – это увидеть счастливых родственников.

«А о чем мечтаю я? – Думал Святогор. - О чем мечтают люди в общинах? Может и слон, который висит под мостом и позже станет для меня обедом, тоже о чем-то мечтал? После десятков смертей и трудностей, единственной мечтой для людей Ломоносовской стало – объединение с другой общиной на западе. Их и так мало, а треть так и вовсе уроды. Отсутствие выбора определило их общее желание. Хотя стоп, это не мечта. Желание – это цель, а мечта – это

идеал! Так, о чем же они могли мечтать? Вот слон - просто животное, о чем оно может мечтать? О сытой, довольной жизни? Более чем! Животное и не задумается о чем-то другом. А люди? Потеряв многое, их желания и потребности формируют их мечты. Лень формирует возвышенные мечты, а труд – приземленные, животные мечты. Чем сильнее голод физический, тем меньше голод духовный и на оборот. Но почему это лишь у человека, почему у животного такого нет? Потому, что животное не задает вопросов? Сколько было животных, которые могли понимать человеческую речь и даже общаться с людьми, и хоть одно из животных задало хоть один вопрос? Нет. Лишь человек обладает такой привилегией. Лишь у человека есть разница между желанием и мечтой…

Святогор не мог заснуть и в надежде развеяться, решил пройтись по улице.

Кронштадт был совершенно пуст и темен. В зимней вечерней тьме город казался еще живым, просто спящим. Тьма и снег скрывали шрамы войны. Порой в окнах мелькали зеленоватые всполохи, словно бы кто-то все еще не спит и просто поглядывает в окно на заснеженную улицу. Морозный воздух был чистым, а небо ясным и лишь редкие облака нарушали звездное сияние. Святогор взглянул в небо, в поисках своей звезды и увидел ее. Маленькая точка неспешно двигалась по небу. Святогор заприметил ее несколько лет назад и была та звезда странной, ибо она то появлялась на небе и ночами являла себя, а бывало, что и исчезала и многие дни не появлялась. Святогор решил, что это просто один из спутников, что все еще висит где-то там на орбите. Порой Святогор задумывался о том, что там, на космических станциях, были люди и какова же их судьба? А Марс? Неужели все именно так, как о нем и говорили слухи, что тамошняя колония вымерла еще в первые годы?

Святогор пристально уставился на звезду и шепотом произнес:

- Хочу быть человеком…

***

Прошел очередной год. Очередная зима близилась к концу, лед в заливе тронулся, а снега начали таять. Святогор шел в Ломоносовскую общину, в которой он уже месяца полтора не появлялся. Шел Святогор привычным путем и видел, как на месте бывшего Пулковского леса простирается черное пепелище прошедшего прошлой осенью пожарища. Пепелище было видно за многие километры даже не вооруженным глазом. От чего случился пожар, никто не знает, но именно после него банда саламандр распалась, их глава исчез, как и Страж этого леса. Ломоносовцы от которых осталось две трети, начали думать об объединении с другой общиной. Потому, когда Святогор пришел в Ломоносов, он не удивился тому, что город пуст. Ломоносовцы медленно, но верно вырождались, а после той осени вопрос относительно будущего общины, стал ребром. В общине были не редки случаи инцестов, а потому этот вопрос поднимался и раньше, а сокращение из-за смертей просто дало толчок к действиям. Вот только есть одно НО. Еще до всего этого, среди некоторых жителей был замечен недуг, который мог передаваться половым путем, приводя к половой немощи у мужчин – импотенции. Таких людей в свое время отгородили или изгнали, но недуг появлялся вновь и вновь. Объединение? Какова вероятность, что в объединенной общине недуг не появится? Горец пророчил людям сто лет, не более, неужели все…

Святогор бродил по брошенным домам, в которых не осталось ни чего, кроме намека на прежнюю жизнь. У некоторых домов были холмики с крестами, а на некоторых домах были надписи, вроде: «Прощай дом родной», «Дом свободный, живите кто хотите», или «Здесь был

Леонид И.В.», даже такие «Не входить, опасно» и «Капут жив». Город был пуст и даже взять тут было не чего. Святогор наведался на поля, где местные выращивали овощи и фрукты, но те были сожжены, сожжены нарочно.

- Что ты тут надеешься найти? – произнес голос.

- Причину, для чего я все еще тут, - ответил Святогор.

- Нашел?

- Пока нет.

- Может ну его нафиг? Я про Питер. Махнем куда-нибудь, скажем на юг?

- И что там делать?

- А тут ты чего делаешь? Прибавь ко всему холодные зимы, а чтобы прокормиться, надо горбатиться каждый день.

- Я подумаю.

- Чего тут думать?!

- Я потому когда-то и пришел сюда, чтобы подальше от людей.

- Дурак…

- Знаю.

Святогор вернулся домой, а на следующий день отправился в Свердловскую общину. Там Святогор не показывался всю зиму и что там, в общине, одному Богу известно. Но когда Святогор пришел, то увидел схожую картину – пустой город. Но эту общину не покинули, а истребили, ибо все двери в домах были выбиты, как и окна, и всюду была высохшая слизь.

«Вот тебе и будущее… - подумал Святогор. - Не хочешь сам, найдется, кому выдворить».

В планах на будущее этого мира, человеку места не нашлось. Человек был незваным гостем, которого выдворяли за неприличное поведение и любое возражение встречалось силой.

- Ну, все еще думаешь? – произнес голос.

Тем же вечером, Святогор лежал на крыше, уставившись в небо, печальными золотыми глазами, жуя при этом кусок сырого мяса, страсть к которому у Святогора росла с каждым днем. Несмотря на то, что во время путешествия Святогор охотно ел найденные овощи и фрукты, хоть и понимая, что рискует нарваться на что-то ядовитое, сейчас эту практику он оставил. Из-за того, что всю растительную пищу он получал при обмене от жителей общины и из-за растущей тяге к мясу, нежелание рисковать и пробовать дикую растительность лишь росло.

Святогор всматривался в звезды, разглядывая созвездия, надеясь увидеть там хоть какой-то знак или что-то вроде того. Но небо было безмолвно и лишь падающие звезды, что на миг появлялись в небе яркой полосой, словно случайно брошенное кем-то на ветер. Порой Святогор поглядывал на свою звезду и всякий раз в голове мелькала мысль-мечта: «Хочу быть человеком». Она выскакивала всякий раз, когда Святогор смотрел на звезду. Звезда вдруг засияла ярко, очень и очень ярко и тогда Святогор произнес вслух свои слова:

- Хочу… Хочу быть человеком! Человеком!

Звезда погасла, а вслед за ней угасла и мысль Святогора.

Святогор какое-то время продолжал лежать и глядеть в небо, после все же встал и отправился вниз. Спускаясь по лестнице, до уха Святогора донесся свистящий звук. Он вернулся на крышу и оглядел округу. Вновь раздался свистящий звук и в небе что-то промелькнуло, что-то очень быстро, а затем вновь свист. Святогор взглянул на юг и увидел огромную светящуюся точку, от которой расходились яркие полосы. Некоторые полосы прорезали небо и вслед за ними, с некоторой задержкой, раздавался свист. Яркая точка росла и тускнела. В небе вспыхнула еще одна точка, которая пронеслась по небу огненным шаром и упала куда-то в районе Северного леса, озарив горизонт яркой вспышкой. Последовал грохот и свист, и все вокруг содрогнулось. Святогор с ужасом наблюдал картину, а небо все больше и больше рассекали тончайшие полосы света и гасли.

Когда все прекратилось, Святогор принялся судорожно собирать вещи.

- Ты куда? – взволнованно спросил голос.

- Ты видел? Там что-то упало, в Северный лес!

- И на кой тебе черт это сдалось? А если там что-то опасное?

- С чего ты взял?

- Не знаю, но чувство не хорошее.

- Чувство?.. А черт… Я спорю сам с собой…

Собрав рюкзак, Святогор выскочил из дома и стремглав понесся на север, через мертвый город. Святогор бежал туда, куда могло бы упасть это нечто.

- А если это просто метеорит или как его там?

- И что?

- Не знаю…

- Заткнись, пожалуйста! Заткнись! Я не хочу тебя слушать.

- Ну, а вдруг там что-то опасное? Вдруг?!

- Что?! Что, черт возьми, там может быть опасного? Да и какое тебе дело?

- Я же сказал, что у меня плохое предчувствие.

- А у меня нет и так как ты всего лишь голос в моей голове, то будь добр – заткнись!

Голос умолк, а Святогор бежал не жалея сил.

Святогору на его пути попадались бегущие в страхе звери, а лес был полон следов, которые вели прочь из леса. Святогор приближался к месту падения, ориентируясь по запаху. Чем ближе, тем сильнее становились запахи костра и металла. Зверей и тварей попадалось все меньше и даже хищная живность не обращала на Святогора ни какого внимания, огибая его как очередное препятствие, если тот вставал у них на пути. Когда Святогор вышел на место падения, то обнаружил небольшую воронку кратера, глубиной в несколько метров. На дне кратера, в самом центре, торчал овальный пик. Это не было похоже на камень или что-то вроде, то было совершенно гладким и белого цвета. Кратер слабо курился, как и деревья, что лежали поваленными во все стороны от кратера. Однако пожара тут не было, скорее, просто опалило все вокруг. Осторожно шагая, Святогор неохотно приблизился к краю кратера.

- Ты видишь это?! – беспокойно воскликнул голос. – Уйди, прошу тебя - уйди и не спускайся туда!

- Это не метеорит, это вообще не камень! – ошарашенно ответил Святогор.

- Прошу тебя не спускайся! Кто знает, что там может быть за дрянь?! – взволнованно продолжал голос.

- Не думаю, - возразил Святогор.

- С чего вдруг?!

- Посмотри. Это ведь капсула! Типа бочки или контейнера.

- Бочки? Контейнера? То есть там что-то есть? Что-то опасное?

- Да что ты заладил?! Опасное, не опасное, тьфу! – Святогор сплюнул. – Задолбал!

- Очень тебя…

- Заткнись! И проваливай! – перебил Святогор.

Святогор, невзирая на мольбу голоса, спустился вниз и осторожно приблизился к капсуле. Святогор сгорал от любопытства. Обойдя капсулу, Святогор увидел черный квадрат, вроде окна и приблизился, чтобы заглянуть. Святогор вел себя опрометчиво, как какой-то герой тинэйджер из молодежного фильма ужасов конца двадцатого века. Святогор мог бы испугаться, если бы тут была какая-нибудь тварь, но тут была неизвестность. Приблизившись, Святогор увидел стекло, которое было одной сплошной кашей трещин. Капсулу же покрывали линии, вроде стыков, но не было ни единого отверстия. Святогор прикоснулся к капсуле и отдернул руку испугавшись.

- Что?! Что такое? – беспокойно воскликнул голос.

- Холодная, - ответил Святогор.

- Оставь ее, прошу! Брось ты эту фигню и уходи!

- Отстань.

Святогор попробовал повалить капсулу, но та была надежно вбита в землю и тогда Святогор принялся разгребать землю руками. После получаса разгребания капсула накренилась и обнажила панель, которая настойчиво мигала. Святогор приблизился, чтобы посмотреть. На панели были индикаторы с цифрами. Большими красными буквами мигала надпись: «КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ». А левее надписи была шкала, нечто вроде заряда, которая показывала, что что-то не то закончилось, не то… Что-то там. На индикаторе было: 0,451. Число становилось все меньше и меньше. Святогор не знал, что это значит, но голос в голове судорожно вторил:

- Беги! Беги! Беги!

Святогор ужаснувшись, побежал прочь от капсулы. Покинув кратер, Святогор спрятался за поваленным деревом и ждал. Через какое-то время раздался хлопок и звук вырывающегося пара. Когда все прекратилось, Святогор выбрался из своего укрытия и приблизился к кратеру, который был полон тумана, от которого приятно пахло и холодило. Пар достаточно быстро рассеялся и Святогор увидел, что капсула была раскрыта. Голос в голове все кричал и молил, чтобы Святогор бежал прочь, но Святогор завороженно шел к капсуле, желая заглянуть. Святогор приблизился к капсуле и осторожно заглянул внутрь. Сердце бешено стучало и Святого боялся, что что-то вот-вот выскочит на него и попытается его убить. В голове всплыли размытые кадры древнего фильма

ужасов об инопланетном чудище, но Святогор все равно жаждал заглянуть. Голос в голове навевал эти мысли, словно бы пытаясь показать Святогору, что он беспечный дурак, который сует свой нос в любую подозрительную дырку, просто потому, что это дырка!.. Но в капсуле не было ничего опасного, а было тело. Это тело было человеческим.

Святогор мешкал и все думал: «Вытащить или нет?». Голос твердил бросить и убираться подальше, но Святогор отгонял его, как назойливую муху. После раздумий, он все же принял решение – вытащить. Осторожно, словно бы боясь навредить, Святогор извлек тело и уложил на землю. Человек был в странном костюме, который покрывал его с ног до головы и имел вид не то молодого парня, не то молодой девушки. Святогор попробовал проверить пульс и дыхание и понял, что человек этот живой. В голове был хаос мыслей и Святогор не знал, что ему делать. Человек был без сознания и бросить его было бы подлостью, тогда Святогор решил забрать человека с собой. Когда Святогор попытался вытащить человека из кратера, человек открыл на мгновение глаза, взглянул на Святогора невидящим взглядом, а после, шевельнув губами, словно пытаясь что-то сказать, вновь потерял сознание. Святогор ошалело глядел на человека, пребывая в ступоре. Когда трезвость вернулась, Святогор вытащил тело из кратера и положил его себе на плечи, как коромысло. Человек более, вплоть до самого дома Святогора, не приходил в себя, лишь бормотал что-то неразборчивое.

Дома, Святогор уложил человека на свою кровать и стал судорожно соображать, что ему делать? И первое, что ему пришло в голову – это снять костюм. Однако, снять, или вернее стащить, удалось лишь маску, вроде балаклавы, а вот как снять костюм, Святогор не знал. Но после того как он увидел лицо человека, мысль о том, чтобы снять этот дурацкий костюм, просто улетучилась. Человек имел русые, короткие волосы, нос пуговкой, нежные розовые губы и чистейшую кремового цвета кожу. «Ангел…» - невольно подумал Святогор. Человек имел ангельской красоты внешность.

- Кто ты? – завороженно глядя на человека вопросил Святогор.

Часть 2. Орел

"Весь космос только сложный и бесконечный механизм.

Сложность его так велика, что граничит с произволом,

неожиданностью и случайностью,

она дает иллюзию свободной воли сознательных существ".

К. Циолковский.

Глава 1. Бегство

Тысячи писателей и миллионы книг,

А жизнь – вот величайший писатель.

Сколько в мире книг? Сколько из них действительно хороших? Сколько из этих хороших являются пророческими? Сколько бы ни было, а предостерегающих гораздо больше. В двадцатом и начале двадцать первого века сотни писателей написали тысячи книг, в которых были тысячи вариантов гибели мира и тысячи вариантов будущего этого мира. Вариантов было столько, что писать было уже почти и не о чем, ибо кто-то мог уже это написать до тебя. Но сколько бы книг не было написано, а суть их одна и та же – людские страхи и опасения. Но жизнь – вот величайший писатель, ибо сюжет жизни – это то, что невозможно предугадать и обличить в книгу. Жизнь всегда найдет вариант, которого не было ни в одной книге.

2015 год ознаменовался великим открытием. Было подтверждено существование гравитационных волн. Новость разлетелась информационной волной по всему миру, но вскоре радость сменилась негодованием – и что? В том году еще не могли по существу сказать ни чего, но позже! В 2020, благодаря совместной работе Российских, Японских и Американских ученых, был создан прототип гравитационного телескопа, который предназначался для исследования черной дыры в центре галактики Млечный Путь. Созданная установка в то время еще не имела такового названия и лишь спустя время обрела его благодаря СМИ. Телескоп принимал гравитационные волны, исходящие от массивных и сверхмассивных объектов и анализировал их. Телескоп работал по принципу эхолокации и позволял, как бы ощупывать космические тела. Телескоп позволил заглянуть за горизонт событий черных дыр и ощупать сингулярность. Полученные данные были не просто фундаментальными, а в буквальном смысле позволили переписать тысячи книг! За пять лет изучений сингулярности, удалось связать две частности – общая теория относительности и квантовая механика, в единую теорию. Параллельные исследования в области квантовой механики позволили лучше понять многие труднопонимаемые явления, одно из которых было – квантовая запутанность. На ее основе был создан первый прототип квантового телепорта, который мог телепортировать не информацию, а материю. Телепорт позволял путешествовать в любую точку пространства мгновенно! Это явление не нарушало ОТО (общая теория относительности), а действовало или вернее подчинялось иным, до того не известным, законам. При телепортации скорость не имела абсолютно никакого значения, так как не участвовала в процессах. Значение имели масса и энергия. Телепорт передавал квантовое состояние на расстояние по каналам связи. В точке отправления объект распылялся, а после воссоздавался в точке приема. Телепортацию осуществляло устройство, которое в своей работе для телепортации материи, потребляло чудовищное количество электроэнергии. Для одного килограмма материи требовалась мощность атомной электростанции с пятнадцатью действующими энергоблоками за год ее непрерывной работы. При этом случайное, что было не объяснимым, количество энергии

пропадало. К счастью, энергетический вопрос, пусть и лишь в некоторой степени, решался введенными в эксплуатацию токамаками (говоря проще термоядерные реакторы). При массе в десять тонн возникала отдача, которая с ростом массы так же росла и из-за земных условий это представляло угрозу для целостности установки. Несмотря на все, данная технология позволила сделать шаг вперед от наблюдения к посещению. В первый же год были отправлены зонды к звездной системе Альфа Центавра. Следом были отправлены к Звезде Бернарда и Луман 16. Фотографии иных звездных систем потрясли весь мир. Но это было лишь началом! За пару лет были заброшены сотни зондов к потенциально пригодным для жизни звездным системам и вот! Ищущий да обрящет! Среди сотен и сотен планет, была найдена одна подходящая планета. Планету окрестили Тейей, в честь греческой богини, старшей дочери Геи (богини Земли).

Тейя была полностью безжизненна, но она была пригодна для жизни. На Тейе было все! Была вода, были минералы, металлы, пригодный для дыхания воздух, комфортные температура и гравитация, продолжительность суток и года. Планета была более чем идеальной для колонизации. Тейя была настоящим джек-потом! Но были разумеется и минусы. Как пример: из-за вытянутой орбиты у планеты были два сезонных пика, когда температура становилась чуть ли не экстремальной; Тейя располагалась вблизи от плотного метеоритного кольца, от чего была угроза падения метеоритов; Тейя была тектонически активной планетой, от чего она страдала частыми землетрясениями и вулканическими извержениями. На этом минусы не заканчиваются, однако плюсов все же было больше и если сравнивать Тею с Марсом, колонизация которого началась в конце 2025 года, почти в тоже время, когда был создан первый рабочий квантовый телепорт, то Марс очень и очень сильно уступает. Марс мертв во многих смыслах, от чего даже его колонизация, которая была запланирована на 2022 год, была вынуждена перенестись на три года вперед. Все попытки колонизировать Марс терпели крах, но люди продолжали попытки.

Спустя всего полгода встал вопрос о том, чтобы колонизировать Тейю. Население Земли росло, а на Марс надежды не было. Вопрос начал подстегивать и ученых, в плане того что Земле грозит природный катаклизм. Численность Земли неуклонно росла. По ранним прогнозам, к 2050-2055 годам численность земли должна была вырасти всего до 9 миллиардов людей, но эту цифру человечество достигло уже к 2028 году, когда была найдена Тейя. По новым прогнозам, к 2050-2055 годам численность возрастет до двадцати миллиардов. Деятельность человека оказывала на Землю пагубное воздействие еще в начале двадцать первого века, а к его середине деятельность должна спровоцировать некий катаклизм, суть которого правда умалчивалась. Мнение о грядущем катаклизме и его воздействии разделились и многие не верили, и даже называли ученых глупцами и выдумщиками, сваливая все на нелепые предсказания. Старики, коих меньшинство, верили всему, а молодежь повторяла, хоть и в разной форме, но с одним и тем же смыслом: «Да сколько можно? Сколько раз уже был предсказан конец света? Вы опять за свое?». Но не смотря на все, в 2029 году была собрана международная группа специалистов, с целью решить вопрос о колонизации Тейи. Все понимали, что людей становится много, ресурсы не бесконечны, а жизнедеятельность человека пагубно влияет на климат. Попытки решить проблему затянулись на долгие четыре года. Для колонизации требовалось решить множество вопросов, а численность Земли, которая только росла, лишь усугубляла состояние этих вопросов. В 2033 году группа специалистов встала в тупик. Необходимо было переселить на Тейю минимум половину людей с Земли, что было попросту невозможным! В добавок, первые тесты по телепортации большого числа людей, где в качестве цели посещения была выбрана Альфа Центавра, привели к страшной трагедии и психологическому давлению. На специалистов давили, а специалисты с ужасом и дрожью опускали руки не в силах решить проблему. В том же году, в кругу этой группы один человек предложил план решения проблемы.

- Доброго всем дня, дорогие коллеги! – произнес Валентин Харченко, доктор социологических наук.

Валентин был худым, с угловатыми чертами лица, совершенно седой и с выделяющимся горбатым носом.

Все сидящие в зале, более двадцати человек, молча кивнули в знак приветствия.

- Я собрал всех нас, чтобы обсудить проблему, которая нависла над всеми нами.

- Неужели Вами было найдено решение? – саркастически произнес Стивенсон Синклер, доктор физико-математических наук.

Стивенсон был полным, с круглым лицом, низкого роста и с короткими каштановыми волосами.

- Если я получу поддержку, то да, - ответил Валентин.

Все с интересом и недоверием посмотрели на Валентина. Он позвал секретаря и та, войдя в зал, начала раздавать папки с документами.

- Прошу вас ознакомиться, - попросил Валентин.

Все начали читать содержимое документа. Кто-то задал вопрос о содержимом, но Валентин ответил:

- Не спрашивайте, прочтите. Все вопросы после.

Чтение затянулось на добрых двадцать минут. К середине чтения все начали смотреть на предоставленный им документ как на инкунабулу невероятной редкости. Чем дальше они углублялись в материал документа, тем выразительнее становились их лица. На лицах читались страх и удивление, омерзение и сомнение, ужас и полное непонимание. Когда же все добрались до конца документа, то у всех было одно выражение лица: «Черт возьми, что это такое?!»

Один из сидящих в зале – Эльвира Миллер, доктор химических наук, неровным голосом произнесла:

- Это шутка?

Эльвира имела вороненые волосы, стройные и изящные руки, округлое лицо с черными, как волосы глазами.

- Поверьте мне - нет, - сухо ответил Валентин. – Все, что сказано в документе – это правда и, я надеюсь, наше единогласное решение и поддержка.

- Да Вы сумасшедший! – испуганным шепотом произнес Ичиро Ямада, радиолог.

Ичиро Ямада - сухой, серые с сединой волосы и глубокие черные глаза.

- Вы хоть понимаете, что Вы предлагаете? – добавил инженер Дмитрий Глухов.

Глухов - крупный, чуть округлые черты, постоянная щетина и острые зеленые глаза, шатен.

- Поверьте, более чем, - ответил Валентин.

Все с ужасом посмотрели на Валентина. Кто-то даже открыл рот от удивления, поражаясь тому, с каким спокойствием отвечал Валентин.

- Вы в своем уме?! – закричал Глухов. - Все сказанное в этой писульке – это же геноцид в чистом виде! Да какое там! В мире еще не успели придумать слово, дабы описать то, что Вы хотите сделать! Да Вас заклеймят новым Гитлером!

- Да, - все так же сухо ответил Валентин. – Как я вижу, все вы отказались понять суть данных документов. Что же, я постараюсь объяснить своими словами, чтобы вы точно поняли.

- Да что тут понимать, Вы ведь предлагаете…

- Да! – рявкнул Валентин, перебивая Ичиро. – Я предлагаю развязать войну, с целью спасения человечества как вид. Если вы внимательно прочли, то должны хорошо понимать то, что к 2050 году на земле ожидается двадцать миллиардов людей. Это не просто много, а слишком много! Человек является доминирующей формой жизни на планете и в отличие от животных, мы обладаем разумом. А чем разум отличается от действия и инстинкта? Любое действие – это реакция на раздражитель. Если вас бить по голове тысячу лет, то у вас разовьется инстинкт, которой приспособит вас к ударам и вы даже замечать их не будете. Инстинкт – это информация, накопленная за многие поколения, информация, которая передается другому поколению и дает возможность жить в условиях, не тратя силы на адаптацию. Разум – это новая ступень, которая позволяет тратить силы не на тысячелетнюю адаптацию к условиям, а на создание своих условий! На создание своей среды! За всю историю Земли было пять глобальных вымираний, среди которых были и такие, которые возникали из-за того, что одна из форм жизни была доминирующей и своей деятельностью меняла все вокруг. К 2050 году нас ждет тоже самое! Человек стал опасен для Земли. После 2050 года деятельность человека спровоцирует катаклизм, из-за которого произойдет глобальное вымирание. Если мы не будем действовать, то погибнут все! Все вы прекрасно понимаете, что всех, да даже половину человечества, нам не спасти. Мы должны спасать тех, кого можем и кто будет полезен. Земля превратилась в Садом и Гоморру и все, что нам осталось – это бежать!

Повисла тишина.

- А война то… Война то зачем? – треснутым голосом произнесла Эльвира.

- Война – это шумиха. Спасение – это широкомасштабная операция, которая будет требовать много ресурсов и времени. Как говорится: «Хочешь что-то спрятать – прячь это на самом видном месте». А дабы спрятать такое, необходима ширма мирового уровня, чтобы никто не понял, где правда, а где ложь. Мы спрячем свою ложь за правдой и свою правду за ложью.

- Но как? В предоставленных Вами документах, все слишком скупо! – произнес Карл Мюллер, астроном.

Мюллер имел короткие волосы с редкими проплешинами, выразительный взгляд карих глаз и здоровый нос словно клюв.

- Есть одна притча, о пастухе и волках. В ней говорилось, что пастух, шутки ради, прибегал в деревню и кричал «Волки! Волки!». Селяне верили и бежали помогать, но потом оказывалось, что это шутка. Однажды волки явились по-настоящему и когда парень прибежал, и стал кричать о волках, то ему не верили. В наш век, когда многие не верят в конец света – это главная проблема. В первую очередь, нам необходимо заставить людей поверить! Для этого нам нужны люди.

Валентин попросил секретаря раздать второй документ.

- Это приблизительный список людей, кого нам необходимо спасти.

- Но… Тут около миллиона человек! - удивленно воскликнул нейролог Герберт Миллс.

Миллс – это высокий, коротко стриженный, но с густой бородой мужчина, тяжелый взгляд карих глаз под массивными бровями создавали образ некоего генерала.

- Да. Но спасти возможно лишь половину из этого списка. Все остальные – это исключительно резерв. И, поверьте мне, все они важны, - ответил Валентин.

- Где вы взяли этот список и почему вы решили, что эти люди согласятся? – спросила Эльвира.

- Этот список был составлен благодаря алгоритму, который вычислил всех этих людей по необходимым критериям. Люди сами предоставляют все необходимое о себе. Современные информационные технологии, социальные сети и многое другое позволяют найти не просто подходящего по специальности и характеру человека, но и по склонности к принятию того или иного решения. Проще говоря – человека, который при объяснении ситуации, скажет – да! Все эти люди находятся во всех необходимых нам структурах и точках мира, все, что нам необходимо – это завербовать их и приступить к осуществлению плана. Суть плана в том, чтобы заставить людей обсуждать одну общую тему, а в решающий момент, когда факты будут заставлять людей сомневаться в том, правда это или нет, мы дадим официальное подтверждение. Это породит панику и страх, но обнадеживающая информация заставит людей действовать во благо системе. Для спасения будет предложен план, на осуществление которого будут брошены все силы. Дабы отвлечь от подозрений в осуществимости плана, оказывая влияние на государства, необходимо будет натравить их друг на друга. Мотивация – первенство. Война – это ширма, которая будет скрывать истину. Среди тысяч пустышек, будут лишь несколько сотен настоящих аппаратов, способных действительно спасти людей. Вот только пока все будут заняты войной, мы, не привлекая внимания, покинем мир.

Все сидели с открытым ртом. У кого-то даже дрожали руки. То, что предлагал Валентин – это в высшей степени аморально, бесчеловечно, низко и хуже всего то, что, если правда раскроется – их всех уничтожат самым страшным образом, на который хватит человеческого воображения.

- А… - силился сказать Михаил Альбертов, физик-ядерщик. – А если нас раскроют?

Альбертов – маленький и толстый, с густой растительностью на лице, за которой скрывались глаза и рот. Этакий гном в деловом костюме.

- Тогда мы умрем раньше, чем этот мир. Если мы будем сидеть сложа руки, то сгинем вместе с миром. У нас нет выбора… Или умереть с миром, или спасти малую часть, но обречь всех остальных…

- А ресурсы? – произнес Михаил надтреснутым голосом.

- Имея людей в необходимых структурах, с ресурсами для осуществления плана и для грядущей колонизации Тейи у нас не будет проблем. Число людей, которых необходимо спасти, было рассчитано с учетом необходимой техники, припасов, подготовки Тейи и всего остального, что необходимо, чтобы будущая колония не вымерла в первые годы.

- Пять сотен тысяч… - сокрушенно произнесла Эльвира. – Неужели больше никак не?..

- Нет, - спокойно ответил Валентин. – Не мало ресурсов, техники, оборудования и прочего нужно перебросить для подготовки Тейи к терраформированию и колонии для жизни колонистов. Сейчас – это приоритет, который важнее даже людей. Все это – драгоценный ресурс, требующий безумное количество энергии, коей нет в достаточном количестве и даже токамаки не обеспечивают ею в достаточном количестве. А когда придет время, энергия и вовсе будет на вес золота. Если все пойдет по плану, то с учетом маскировки, с учетом необходимого минимума, с учетом… - Валентин горько вздохнул. – Более подробные данные я предоставлю позже и вы сами увидите, что эти пять сотен – это предел!

- И все же – это… Я даже слова не подберу! – вставил слово биолог Гюстав Эго. - Геноцид в данном случае – это слишком слабое слово. Вы предлагаете развязать мировую войну и бросить всех!

Эго - элегантный, черноволосый человечек, с прической зализанной гелем и тончайшими усиками над поджатыми губами.

- С одной стороны вы правы, - ответил Валентин. - Я предлагаю устроить войну, ибо без нее нам не удастся провернуть все в тайне. С другой стороны – на кону наше будущее. Опять же, с одной стороны – совесть! С другой – необходимость. Есть еще стороны, которые противостоят друг другу и из-за которых мы должны делать выбор. Но выбор должен быть сделан! Я не принуждаю вас, я прошу обдумать! Ведь выбора у нас, по сути и нет. Наш выбор – это выбор между двух зол. А какое из них меньше – решать НАМ!

- Вопрос! – произнес Ларссон Эдмунд-Зигфрид, экономист. – А как вы получили данные?

Ларссон - сухой, но очень жилистый старик, более напоминающий скелет. Абсолютно лысый и с огромными серыми глазами.

- Какие? – спросил Валентин.

- Что можно спасти лишь пять сотен.

- Наша группа обладает всеми необходимыми данными, чтобы рассчитать, достаточно сделать запрос.

- А откуда вы знаете, сколько и чего необходимо, чтобы будущая колония не погибла? – произнес Гюстав.

- Коллеги, всеми этими данными мы располагаем. Располагаем же мы благодаря вам! Все это было просчитано вами уже давно, мне лишь оставалось взять ответы и сложить в общую картину.

- А развитие будущего колонии? Скажем – экономика! – произнес Эдмунд.

- Ее не будет, - ответил Валентин.

- Это как? – вытаращив глаза, произнес Эдмунд.

- Всю работу будут выполнять машины. Человеку же останется интеллектуальная работа. Машины будут не только работать, но и следить за своим собственным состоянием. Воздействие человека минимально. Отдел господина Глухова уже занимается решением этого вопроса.

- Простите? – не понимая ответил Глухов.

- Вы уже занимаетесь решением данного вопроса, - повторил Валентин.

- Это как? Как мой отдел может заниматься тем, о чем я услышал лишь сейчас? Вы что, играете у нас за спинами?

- Нет, господин Глухов. Я играю честно и все у всех на виду. От моего отдела исходили идеи и просьбы сделать то или иное. Мы просто не говорили для чего. Собственно, даже в моем отделе не знали, с какой именно целью, были те или иные просьбы. Все было завуалированно, так как я еще сомневался в прогнозах. Сейчас сомнений нет и потому все можно говорить прямо.

- То есть – вы играли у нас за спинами? – повторил Глухов.

- Нет, – тяжело ответил Валентин. - Все делалось открыто. Просто цели, для которых все это делалось, были вторичны, но также важны.

- Ясно. Можно мне выразить свое мнение?

- Прошу.

- Мы меняем шило на мыло! Если допустить, что все, что вы сказали - правда, то меня терзает сомнение. Все эти люди и Ваш план, похож на государственный переворот в мировом масштабе. Все эти люди станут членами нового государства, во главе которого станут… Ну допустим – Вы или скажем – Мы, или кто-то из нас. Учитывая методы захвата власти, чем МЫ будем лучше свергнутых?

- А с чего вы взяли, что будет государство?

- Что за глупый вопрос? Пять сотен тысяч человек! Без руководства, все превратятся в разрозненные группы и то, о чем вы переживаете относительно колонии, по поводу ее стабильности, станет страшной реальностью!

- А государства и не будет, как и правителей.

Все шокировано взглянули на Валентина.

- То есть как?! – ошеломленно произнес Глухов.

- Пока, это лишь в разработке, но у этого огромнейший потенциал. Есть материал независимой группы, в фармакологической области, который связан с одним наркотиком, что был обнаружен в грибах, произрастающих в окрестностях Санкт-Петербурга. Пока я не могу сказать ничего больше. Материал был передан группам уважаемой Эльвиры и уважаемого Гюстава, а также группе Ганди.

- Стойте-стойте-стойте! – затараторила Эльвира. - Какой еще материал?

- Проект «Связь», - произнес Валентин.

- Связь? – непонимающе произнесла Эльвира. – Это ведь чушь?!

- Нет. Те материалы, которые были поручены вам, весьма обнадеживающие. Когда… Точно не скажу, но когда проект будет готов и реализован, никакого государства и правителя не будет! В них просто не будет необходимости. Вкупе с данными других групп, мы имеем открытие, которое перевернет наше представление о нас. Проект «Связь», должен будет положить основу для зарождения нового устройства общества, которое не будет нуждаться в государствах и правителях.

- Простите, - перебил Оджас Ганди, квантовый физик. – Я вижу, что Вы от нас что-то скрываете.

Ганди - чуть потрепанный, но вполне среднестатистический во внешности человечек.

- Я? С чего Вы это взяли?

- Вы социолог, но Ваши знания, которыми Вы оперируете, выходят за рамки вашей профессии. Я, честно сказать, поражен!

- Я занимаюсь не только социологией. Социология – это лишь профессия, а мои хобби затрагивают многие науки.

- И все же.

- Я ничего не скрываю от Вас. Я открыт и меня беспокоит наше будущее. Я не провидец, но и провидцем не надо быть, дабы увидеть, куда мы все катимся. Меня это беспокоит и потому я решил не сидеть с умным видом, а действовать.

- Простите! – возразил Глухов. – Ваш документ – это скорее не документ, а амбиции. А где гарантии, что Вы нас не разводите?

- Да… То, что я дал вам прочесть – это сжатые данные, которые выражают цель, толком не подкрепляя и не оправдывая их. Через двое суток я представлю полный отчет и тогда вы сами во всем убедитесь.

***

Как и было обещано, через двое суток Валентин Харченко предъявил полный отчет, после которого все вопросы отпали. Каждый имел возможность лично проверить данные и убедиться в их истинности. Если до этих данных мнения разделялись, то после стали едиными. Осуществление плана было рассчитано на четырнадцать лет. За это время необходимо было: найти людей, подготовить Тейю, подготовиться самим и разыграть спектакль перед всем миром.

За пару лет удалось отыскать и завербовать две трети всех людей из списка. Однако все было не так просто, ибо было множество факторов, из-за которых этот список не один раз редактировался, в виду смерти, по тем или иным причинам, людей из этого списка. Все же, большая часть людей была собрана, а группа, которая теперь именовала себя как «Данко», была в составе различных структур во всем мире. Группа была обеспечена всем – ресурсы, деньги, влияние и прочее, что необходимо для осуществления плана. Шаг за шагом группа Данко продвигалась к цели, поражая мир словно паразит. Наступал важный момент в осуществлении плана – заставить общество поверить в грядущее. Общество, в котором старики верят любой глупости, а молодые не верят ни чему. Необходимо было заставить всю эту человеческую массу двигаться в едином направлении и когда мир будет готов, когда слухи и факты будут давить, будет дан ответ. Ответ, который заставит людей ослепнуть, заставит людей быть покорными.

В течение следующих двух лет группа Данко вводила порции слухов, которые подкреплялись перекрестными данными. Общество роптало. К концу 2037 года, когда люди уже активно обсуждали тему гибели Земли, главы группы Данко дали ответ. На пресс-конференции ведущие специалисты дали официальное заявление, что миру грозит гибель. Также людей заверили, что ситуация под контролем и есть возможность избежать гибели. Спасение – Тейя! Планета, которая должна стать новым домом, планета, которая должна стать второй Землей. Люди ликовали. Общий ажиотаж захватил людей и все ринулись реализовывать план спасения человечества.

В следующем же году началась постройка кораблей «ковчегов». Миллионы кораблей из металла, графена и полимеров, на которых человечество должно было спастись. Но жестокая правда таилась за занавесом этого фарса. Пока ковчеги строились, группа Данко начала отравлять общество. Политическая деятельность группы привела к тому, что страны начали бороться за первенство. Каждая страна желала быть первой, кто колонизирует Тейю. Страсти накалялись и мелкие склоки перерастали в войны, которые двигались по направлению к глобальной войне. Если еще в первой четверти данного столетия было немыслимым использование ядерного оружия, которое использовалось лишь как инструмент для запугивания, то сейчас все иначе. То, что казалось невозможным, что казалось за гранью разумного и любого здравого смысла, что казалось страшной фантазией, становилось реальностью! Конфликты росли и множились.

Ситуация, казалось было, выходила из-под контроля. Но все это было лишь ширмой! Люди не замечали очевидного, ибо всех волновали иные вопросы. Данко были как иллюзионисты. А главное правило иллюзиониста – это заставить смотреть именно туда, куда необходимо иллюзионисту. И пока вы отвлеченно смотрите не туда, магия ловкости творится у вас под носом.

В 2044 году грянул гром. Мировая война перестала быть страхом, став реальностью. Однако война не была той, которой все боялись – атомной. Люди сражались друг с другом по старинке, однако держа при этом руку над заветной кнопкой. Война затянулась на три года, за которые ковчеги, истинные ковчеги, были завершены. Человечество стояло на пороге. Мир отсчитывал последние часы и над кнопкой под названием «будущее» вознес свою руку Валентин Харченко.

- Знаешь… - со вздохом произнес Валентин. - В юности мне виделось иное будущее. Будущее, в котором корысть и коррупция, сожрав все, начала активно пожирать гранит науки. Прогресс встал, мораль умерла, разум деградировал, духовные ценности обесценились. Мир заполонили ленивые, агрессивные и нетрадиционные люди. Эти люди, эти хомо эректусы, желая потакать лишь своим порочным инстинктам, вытесняют и убивают хомо сапиенса. Наверное, к счастью, что миру грозит перенаселение людей, а не деградация. Хотя... Кто его знает.

- Мы далеко зашли… - произнесла Эльвира. – Поздно и бессмысленно поворачивать. Взгляни на них. Они ведь как животные – грызут друг друга и даже не желают думать! Их заставляют и они покорно исполняют!

- Но они люди! – с тяжестью воскликнул Валентин. – Я был так холоден, когда придумал все это. Я был холоден, когда понимал, что все эти люди обречены! Но сейчас мне жарко! У меня все внутри горит! Словно душа пылает, понимая, что вот-вот произойдет!

У Валентина появились на глазах слезы. Он и Эльвира стояли на краю смотровой площадки огромного, совершенно пустого небоскреба, в недрах которого был спрятан один из истинных ковчегов. А внизу простирался город, который населяли будущие колонисты Тейи. Валентин вглядывался своими зелеными глазами в горизонт. Стоящая рядом Эльвира, словно полная противоположность Валентина имела отчетливый животик будущей мамы. Эльвира подошла к Валентину, взяла его за руку и прислонилась щекой к его плечу.

- Мы переживем… - тихо произнесла Эльвира.

На площадку вошел человек в черных брюках и синей рубашке с усталым лицом.

- Простите, - привлек внимание человек. – Мы готовы к началу.

- Хорошо, - произнес Валентин.

Человек ушел, а Валентин повернулся к Эльвире, нежно прикоснулся рукой к ее лицу и поцеловал, как отец целует мать на глазах ребенка.

- Ты всегда говоришь: «Верь мне», - произнесла Эльвира. - Теперь я должна сказать это тебе – верь мне, все будет хорошо.

- Да, - с улыбкой ответил Валентин, сокрушенно продолжая. - Идем…

Через несколько часов по ковчегу расхаживали люди, облаченные в комбинезоны. Эльвиру сопроводили в отсек для беременных, где располагались амортизационные капсулы, чтобы будущий плод не пострадал при взлете. Валентин проследовал в капитанский модуль, где его ожидали. Когда Валентин вошел, весь экипаж машинально встал по стойке смирно, но Валентин махнул рукой и все вернулись в прежнее состояние. Экипаж поступил так не из уважения, не из необходимости, а просто потому, что все были в прошлом военными и выучка

была вбита в голову. Валентин относился к этому с неодобрением, но привычки сильная штука. Валентин занял капитанское кресло. Все замерли.

- Тов…

- Просто Валентин, - перебил Валентин заместителя.

- Простите. Нервничаю… - произнес заместитель.

- Мы все сейчас нервничаем, - ответил Валентин. - Доложите о готовности.

Экипаж доложил о готовности систем. Если не произойдет ничего не предвиденного, то все должно закончиться примерно через час. Покинуть Землю и выйти на орбиту, где отсутствие земли и атмосферы не станет проблемой при отдаче. Запустить машину, которая должна соединить две точки пространства и... Что будет дальше? Ковчеги, один за другим перейдут в состояние суперпозиции и станут существовать в двух местах одновременно. Каково будет чувствовать себя в этом состоянии? А когда все закончиться, будут ли все теми же самыми людьми?

- Валентин, - побеспокоил заместитель. – Ваше слово.

Валентин задумался и ответил:

- Соедини.

Тут же, была установлена связь со всеми ковчегами. Валентин помедлил, а после заговорил:

- Я не буду лгать. Я буду тешить вас красивыми речами. Ибо сейчас всем надо слово для поднятия духа. Мы все приняли решение, ибо от нас зависит наше будущее. Мы сделали страшный выбор – мы обрекаем пятнадцать миллиардов людей на верную смерть. Война – это была не только ширма, скрывающая наше дезертирство. Война – это жирная точка в истории. Прежний человек жил по закону грубой силы и война была для такого человека сутью. Война – это смысл прошлой ступени человека. Так пусть лучше прежний человек сотрет себя с лица планеты в огне войны, нежели подобно уроборосу сожрет сам себя! Люди придумали честь и славу, так достанется же каждому по его вере! А наша вера – это знания! И мы покидаем этот мир – наш дом… Мы – это птенцы вселенной, для которых пришло время покинуть родное гнездо. Я не верю в Бога, но сказать лучше не сумею – с Богом!

Висела тишина.

- Начинайте, - произнес Валентин.

Корабль ожил. Последовали команды и отчеты прогресса. Системы запускались, а люди, принимавшие участие, по завершению своей части работы занимали стартовое положение. Когда все было готово к старту, загорелся дисплей, на котором отображалась готовность к старту других ковчегов. Валентин дал разрешение на старт и корабли начали стартовать. Здания небоскребов, служившие камуфляжем, начали раскрываться подобно циклопическим цветам, обнажая спрятанные ковчеги. Тысячи ковчегов по всему миру сейчас распускались, покрывая Землю цветами из стекла и металла. Корабли стартовали группами и устремлялись в небесную твердь. Вот очередь дошла и до корабля, на котором был Валентин. Сильный толчок, тряска, рокот и перегрузка вызывали сильнейший дискомфорт. Гигантский корабль, вмещающий в себя до тысячи человек и единиц оборудования, припасов и многого другого, на топливной тяге двигался вверх с растущим ускорением. Если бы все это было на пол столетия ранее, когда использовали допотопное ракетное топливо, то ни одному ковчегу не суждено было бы покинуть Землю. Ковчеги покидали Землю и всего за каких-то десять минут все уже были на орбите, вдали от всего.

Сейчас на Земле осталась лишь небольшая группа, чья роль – сжечь мосты и разрушить берега, чтобы у Земли не было ни единого шанса помешать. Когда все ковчеги успешно достигли цели, начался процесс стыковки в единую станцию. Орбита этой станции была на недосягаемой для ракет дистанции, а потому, если кто и был свидетелем их побега, то помешать никто уже был не в силах. Группа Ичиры Ямадо заметая следы, покинула Землю, используя телепорт. Более группу Данко и Землю ничто не связывало. Многие прощались с Землей, глядя на нее через иллюминаторы и экраны. Кто-то плакал, кто-то погружался в себя, а кто-то просто разглядывал Землю. С расстояния в несколько сотен километров можно было различить океаны, моря, землю. В небе плыли облака, которые были непривычными. Атмосфера была похожа на легкую дымку или ореол. Этот ореол был нежно-голубого цвета, который переходил в синий и фиолетовый цвет. А вокруг земли была тьма и пустота, мерцавшая бриллиантами звезд. Станция двигалась по орбите и когда станция попала на ночную сторону, были видны огни городов, которых не коснулась война. Через некоторое время, из-за Солнца, ореол перекрасился в оранжевый цвет и всякий наблюдатель прямо сейчас наблюдал последний рассвет звезды по имени Солнце.

Станция перешла в готовность переноса. Вся станция была одним гигантским аккумулятором, который должен был запитать машину, с помощью которой все должны были переместиться к Тейе. После перемещения всех ждал длительный карантин, ибо Тейя сейчас была в начале своей биологической жизни. Тейя изначально была стерильна, но пригодна для жизни. Прежде чем высадиться на планету, требовалось создать на ней подобие биосферы. Просто взять и высадить все и сразу, значило бы пустить все на ветер. Жизнь формировалась на Земле миллиарды лет и эволюция не творила что-то зря или напрасно. Всему должно быть место и время, ибо иначе Тейю постигнет участь Земли, когда одна из форм жизни становясь доминирующей, ведет к глобальному вымиранию. Людям предстояло сжать миллиарды лет в несколько. К счастью, заброшенные на Тейю машины уже сделали львиную долю работы, но работа эта была не завершена. Завершить предстояло Людям, ибо хоть Тейя и была заселена Земной флорой и фауной, любое допущение могло стать фатальным для всех. Именно эта причина, вместе со скорой угрозой и заставила людей бежать не по одному, а целым скопом.

Когда станция была в полной готовности для переноса, все вернулись на свои места. Запуск механизмов. Все люди испытывали страх и многие старались думать отвлеченно, дабы заглушить чувство. Станцию охватила дрожь и все вокруг словно бы поплыло. Свет разбивался на спектры, а вся материя вокруг словно бы расслаивалась. Валентин взглянул на свою руку и увидел, как та разбилась на множество спектральных слоев. Все вокруг начало таять и закручиваться в фантастически сложные геометрические фигуры и формы. Мир разбился на линии и отовсюду доносился звенящий звук. Словно канонада колокольчиков и оркестр лесных птиц заполняли своим звучанием все вокруг. Мир истлевал и все окружение начало словно бы вытягиваться. Звуки оглушали и нарастали, пока не раздался хлопок.

Когда все закончилось, все сидели с видом зрителя кинотеатра, в котором показали поистине страшный фильм ужасов. Лишь единицы на всей станции перенесли процесс лучше остальных. Процесс телепортации похож на переход от воздушного к жидкостному дыханию. В первый раз – это страх, но когда организм понимает, что это безопасно, последующие разы проходят спокойно. Когда все оклемались и вернулись к своим обязанностям, станция была положена на курс и легла на орбиту Тейи, где ей, вместе со всем экипажем, предстоит провести сорок суток. Лишь по истечению этого срока, можно будет спуститься на поверхность планеты и начать ее освоение.

Из космоса Тейя была очень похожа на Землю, но если приглядеться, она сильно отличалась. Масса Тейи превышала Земную всего на пять процентов, а объем мирового океана на девять. На Тейе было три материка и огромное множество островов. Ариста – это крупнейший материк, который занимает треть всей суши и простирается от полюса к полюсу, затрагивая обе

ледяные шапки (очертаниями похож на искаженную десяти конечную морскую звезду). Копера – это второй по величине материк, а также самый протяженный из всех, располагающийся в южном полушарии и затрагивает южную ледяную шапку. Циала – последний и самый малый из материков, который располагается в северном полушарии (материк очертаниями напоминает грубую собачью голову). Копера и Циала в сумме занимают вторую треть всей суши, а оставшуюся треть суши делят острова. Из-за того, что материки относительно близко друг от друга, они образуют некое подобие кольца, деля мировой океан на два океана: Пифейский и Оттарский. Пифейский (внешний) океан был голубовато-зеленым, а вот Оттарский (внутренний) океан темно-синим. Вокруг Тейи вращалось два спутника - Эйн и Штейн. Оба спутника вращались вокруг планеты на разных орбитах и с разными скоростями, из-за чего приливы и отливы океанов были совершенно отличны от Земных. Эйн был меньше Земной Луны, но всего на четыре процента, а вот Штейн был на целых пятнадцать процентов больше Земной Луны. Эйн был каменистым, угольно черным, и испещрен кратерами, а Штейн покрывал лед и напоминал спутник Юпитера Европу.

На Тейе было все. Тейя была почти идеальной. Тейя была планетой, словно бы специально созданной. Когда ее впервые открыли, многие даже не верили в подобное, ибо даже Земля, прежде чем стать той самой, прошла через многое и самое главное – это жизнь! Именно жизнь, хоть и простейшая, дала Земле кислород и чистые воды. Доисторическая Земля была ядовита для современной жизни, а вот Тейя была словно бы создана для этой жизни. Когда Тейю открыли, вопросов и гипотез было столько, что можно было написать книгу, которая бы переплюнула творение Льва Толстого с его «Война и Мир». Однако сейчас мало кого интересовали эти вопросы, все были благодарны тому, что такая планета нашлась. Кроме Тейи, в системе звезды, названной Гелла, есть еще шесть планет. Гелла очень напоминала Солнце, но была почти вполовину крупнее. Среди всех планет, кроме Тейи, выделялась одна пара ледяных, что расположились на периферии системы. Эти планеты получили имена Паяц и Буффон и отличались тем, что вращались вокруг друг друга по одной орбите вокруг Геллы. Их космический вальс привлекал внимание, ибо их положение в системе исключало подобный союз. Из прочих особенностей системы был старший брат всего семейства планет – Цезарь. Цезарь – это газовый гигант, раскрашенный полосами пастельных цветов, с преобладанием голубых тонов, и с ледяными кольцами, почти как у Сатурна. Остальные планеты не привлекали к себе особого внимания, хоть и имели свои интересные особенности. Македон, первая планета от Геллы, имела два океана на полюсах, а сама планета имела ось вращения восемьдесят пять градусом, из-за чего планета словно бы лежала на боку. Соломон, второй газовый гигант, был белый, с еле различимыми голубовато-фиолетовыми полосами. Фива, следующая после Соломона, пятая планета в системе, была очень и очень похожа на спутник Сатурна Титан, но в несколько раз крупнее. Еще было два метеоритных кольца. Первое – Бозе, между Тейей и Цезарем, а второе – Дятлова, между Цезарем и Соломоном.

День шел за днем. Роботы и машины на Тейе давно уже закончили приготовления и ожидали людей. Люди же ожидали положительных результатов от всех систем. Проверка – подтверждение. Проверка - подтверждение. И снова проверка - подтверждение. Лишь когда все будет трижды удостоверено, можно сниматься с орбиты и спускаться на планету. За те годы, что машины тут трудятся, Тейя успела обзавестись Земной флорой и фауной. Весь процесс контролируется с чудовищной дотошностью, чтобы каждая форма жизни была на своем месте в пищевой цепи и в своих условиях жизни, чтобы не гибнуть и не губить.

Люди с нетерпением считали каждый день и с каждым положительным ответом проверки, радость и энтузиазм лишь рос. А на последний день, когда все уже были готовы к историческому событию, Валентин Харченко, так же, как и перед тем как покинуть Землю, выступил перед всеми пятью сотнями людей.

- Приветствую тебя – человек новой эры, - произнес Валентин, обращаясь ко всем. – Ответьте мне кто я для вас? Герой или подлец? Трус или смельчак? Все эти слова, ровно как честь и позор – это слова, придуманные старым и диким человеком. Старый человек разделил все на черное и белое, а в руки взял серую краску, чтобы чертить границы. Человеческая лень и нежелание породили термины, которыми прикрываются глупцы! Человек создал страну, взял героя и сделал его лидером, поставив его над всеми, чтобы он думал за других! Ленивый подарил лидеру власть, которая подобно яду, отравляла и уродовала героя, превращая в тирана! Человек, угнетенный отношением, которое сам же породил, восстает против героя и свергает его. На место прежнего героя ставят нового. Герой – это цветок в вазе, который стоит пока не сгниет и не отравит воду. Человек менял цветы власти и не желал учиться на ошибках! Прежний человек не решал проблем, а потакал им. Герой, помогающий от всего сердца и не поддающийся порокам – это сила, которая тратится напрасно. Праведная сила не должна тратиться на бесполезную совесть и мораль. Человек создал армии, чтобы защитить себя от таких же, как он сам. Лень дала отравленным героям возможность тешить свои пороки в воинах гордыни. Лень затуманила голос разума, потому, что человек не желал думать, а желал, чтобы думали за него. Умереть в бою не является честью. Сдать врага народа не является честностью, а убить ради спасения не является смелостью! Мы потакали своим низменным инстинктам и чтили то, что должны были презирать! Мы всю историю только и делали, что воевали, бились и не щадили неугодных. Мы наступали на одни и те же грабли раз за разом, пока не набили шишку и перестали чувствовать боль голоса разума! Мы славили смерть, унижая жизнь! – Валентин замолчал, а через минуту продолжил спокойным голосом. – Хватит… Я не желаю жить в стране, где есть власть. Я не желаю жить в стране, где есть оружие для убийства! Я не желаю жить в мире, где смерть – это идол, а жизнь – это грязная тряпка, об которую вытирают ноги! Я хочу жить в мире, где каждый будет ценить жизнь!.. Да… Нам пришлось пожертвовать многими жизнями, чтобы начать ценить жизнь. Да… Это страшный грех на нашей совести и любой вправе сказать: цена вашему стремлению и вашим идеалам – дерьмо! Ибо вы ради жизни эту жизнь обрекли на смерть, – глаза Валентина заслезились, а голос дрогнул. – Но я говорю – это было в последний раз! Это была точка на нашем прошлом. Это была необходимость, которую нам повесили на шею смертельным грузом! Мы обрекли не потому, что хотели, а потому, что не могли иначе… Мы выстлали дорогу к жизни смертью, потому, что эта дорога была через болото алчности, гордыни, порока, глупости и лени! Хватит… Хватит нести боль… Хватит нести смерть… Я хочу жить! Я хочу ценить жизнь и дарить ее, а не отнимать! Я хочу, чтобы смерть приходила лишь, когда наступает ее срок, а не по воле человека. И я хочу, чтобы каждый мог сказать – Я ЧЕЛОВЕК! СЛЫШИТЕ?! Я ЧЕЛОВЕК! Я хочу, чтобы это звучало гордо!

Валентин закрыл глаза руками, не в силах сдержать слез.

- Уже завтра мы все начнем новую жизнь, - продолжил Валентин. – С завтрашнего дня наступает новая эра – эра разума! Эра логики и здравого смысла! Эра будущего человечества! И мы все – это цветы жизни, которые должны произрастать на лоне природы, а не гнить в вазах государства. Мы – это разум.

Валентин закончил речь. Все слушали его, не проронив ни слова.

С наступлением сорокового дня все ковчеги разделились и приземлились на поверхность Тейи. Людей встречали роботы, машины и зачаток будущего города, самого первого города на Тейе. Людям предстоял титанический труд – создать новое общество людей. Не просто начать с чистого листа, а именно создать новое. Отвергнуть старые традиции, отвергнуть историю, стереть прежнюю мораль и не возродить из пепла, не построить на руинах, а начать все с самого начала – с нуля. Главный инструмент – разум. Главный постулат – жизнь. Все люди собрались в городе на месте – первого камня, где Валентин провозгласил:

- С этого места берет начало наш новый город, имя которому «Теменвит» – храм разума и жизни.

Глава 2. Новая эра

Человек человеку волк.

Разум разуму брат.

Однажды, маленькая девочка спросила меня: «А зачем была нужна война?». Я ответил ей: «Незачем…». На что она спросила: «Тогда почему вы ее устроили? Почему просто не ушли?». Этой девочкой была дочь одного из тех, кого я привел в этот мир. Почему? Потому, что мы увязли в болоте коррупции, власти, злых глаз и языков… Потому, что просто взять и уйти мы не могли. Нас держали в клетке закона, экономики и морали, и лишь сломав клетку, мы могли вырваться. Война – это зло, которое мы использовали, чтобы вырваться… Зло, которое отныне должно быть похоронено! Война была инструментом, с помощью которого, мы отняли у оставшихся людей на Земле возможность прийти в наш мир. Ибо тот мир превратился в обитель зла, которое необходимо было запереть. Как объяснить такое? Человек человеку волк… Все мы животные, но лишь до тех пор, пока мы потакаем животным инстинктам. И пока так остается, мы не прекратим воевать. Разум должен быть другому разуму братом и ни как иначе.

Валентин стоял на пляже, вглядываясь в горизонт океана. Горизонт нарушали лишь несколько силуэтов островов, но все остальное занимал океан – гигантский, соленый и еще не пахнущий жизнью океан. Тейя уже изобиловала жизнью, но эта жизнь еще не забила собой каждую щель, каждый угол и каждую точку этого мира. Крепкий запах соли щекотал нос и порой казалось, что океан совершенно пуст. Словно огромный бассейн или ванна.

К Валентину подошел человек и привлек к себе внимание.

- Доброго дня, Валентин Сергеевич, - обратился человек к Валентину.

- И вам того же, - ответил Валентин. – Как успехи? – поинтересовался Валентин.

Человек поравнялся с Валентином и тоже устремил взгляд в горизонт.

- Заканчиваем, пара тысяч осталась, не больше.

- Хорошо.

- Я по делу, а то с Вами не связаться. Вы будете присутствовать?

- Да, я сам доберусь.

- Хорошо, мне передать или Вы?

- Я сам, не беспокойтесь. Закончу созерцание и свяжусь.

- Хорошо, тогда до встречи.

- До встречи.

Человек покинул Валентина, оставив его созерцать горизонт. Человек говорил о том, что вот-вот завершиться прививание «связи». «Связь» - это совместный проект в нескольких научных областях, который должен положить конец всем распрям. Основу этого проекта заложили более 20 лет назад и тогда еще никто не предполагал, что это может дать. Как сказал Дарвин: "Человек произошел от обезьяны". Это неверно. Человек не произошел от обезьяны, но человек и обезьяна произошли от общего предка примата. В какой-то момент эволюции один вид разделился на два и судьба повела одного по пути обезьяны, а другого по пути человека, наделив разумом. Но сколько бы человек не шел по своему пути, он, как обезьяна и общий предок - был, есть и

останется животным. Человек - это стайное животное. В человеческой, как и в любой другой стае всегда был вожак, который нес ответственность за всех и принимал решения. Человек не перенимал этого у животных, а принес с собой из звериного прошлого. Пока человек живет по принципу: те - кто управляют и те - кем управляют, человек останется животным не только в биологическом смысле этого слова. Пока мы слышим лишь голос внутреннего животного, голос разума будет лишь шепотом в наших головах. Связь - это громкоговоритель для голоса разума. Связь - это то, что должно создать новую форму правления, где нет единой власти и разобщенности. Связь - это то, что должно связать разумы всех людей в единую сеть. Нет, связь не обезличит. Каждый человек останется личностью, но на подсознательном уровне все будут объединены в единый - коллективный разум, где нет места ни одному из смертных грехов. Каждый человек станет единицей общества, осознанно несущая свою долю ответственности. Никакого безразличия и единоличия. Когда-то на Земле был интернет, который в те дни, когда он появился, по заверению людей, должен был облегчить обмен информацией и ускорить технологический прогресс. Но интернет холоден, бесчувственен и уязвим. Интернет не даст вам почувствовать то, что чувствует другой. Интернет не даст вам увидеть мир именно так, как его видит другой. Всякий человек вносил во всемирную паутину свое и когда в интернет пришли ядовитые, желчные и аморальные... Вместо прогресса мы получили деградацию. Но интернет создал одну вещь - единое мнение. Обмен информацией привел к тому, что все люди начали формировать одно общее мнение и взгляд на жизнь. Связь - это ментальный аналог интернета. Все то, что не давал интернет, а потому и извратил, дает связь. Но безо лжи, без причинения боли и деградации умов из-за яда всей той гнуси, что была оставлена на Земле. Связь, словно блокчейн – совершенно прозрачна и последовательна. Любая попытка обмана и лжи ведет к тому, что человек начнет в глазах других сиять подобно неоновой вывеске с надписью – лжец. Иначе говоря, связь, в данном случае – подобна полиграфу. Вот только вряд ли кто-то станет стремиться ко лжи. Связь лишит тайн, но это не плохо. Всякая тайна – это стыд или ложь. Всякий личный стыд затмил поступок людей, который совершили все без исключения. Этому поступку любой другой поступок нечета. А ложь – в новом мире ей не должно быть места. А раз скрывать нечего, то остается лишь правда и понимание. Если говорить сухо и прямо, то Связь – это как социальная сеть, только общение происходит не на словах, а чувствами и эмоциями. Связь формирует общее видение мира, словно все люди – это единая супер личность, но без яда и желчи. Личность, которая осознает себя и четко видит границы разумного. Личность, которая не требует над собой власти, ибо каждый ее сегмент работает слажено, словно каждый человек – это и трудяга, и руководитель, и лидер в одном лице. Но самое важное, что делает связь – это заставляет человека, прежде чем совершить действие, обязательно подумать. Связь должна помогать в критических ситуациях, когда человек теряет голову. Ситуации, в которых человек совершает действия, которое можно расценить как «безрассудное», «не рациональное», «нелогичное» и тому подобные эпитеты, говорящие об отсутствии разумности действий.

Через час Валентин уже был в городе. За несколько лет город сильно изменился. Печатные машины возвели множество сооружений, роботами и людьми были высажены парки. Человек все меньше и меньше трудился руками и все больше и больше головой. Физический труд возлагался на роботов и машины, а человеку оставались лишь такие ситуации, в которых машины были беспомощны. Кто-то в свое время беспокоился, что такое замещение должно привести к деградации человека. Были и те, кто говорил, что машины могут взбунтовать. Глупости и еще раз глупости… Физический труд не двигатель прогресса, а машина с программой не способна взбунтоваться, точно так же, как электрический чайник или многофункциональная плита. Бунтовать, способен разум, коим пока наделен лишь человек. А с часу на час, весь мир ожидает шаг в будущее, в котором разум должен будет выйти из темницы животного прошлого. Каждый человек в мире добровольно дал разрешение на прививание и вот-вот будет дано разрешение на активацию стимуляции. После стимуляции активные, от действия химического вещества, участки

мозга должны будут подключиться к ментальному полю. Иначе именуемого как - Лимб. И всякий человек на Тейе взглянет на мир глазами другого человека.

Валентин стоял в толпе и кого-то высматривал. Толпа гудела, словно пчелиный рой. Толпа росла, машины и роботы, действуя согласно программе, на короткое время впадали в ступор, пытаясь понять, что происходит и что нужно делать им в этой ситуации. Раздался детский возглас и Валентин обернулся. К нему неуклюже бежал ребенок лет двух, с пухлой мордашкой, широкой улыбкой и ясными зелеными глазами. А позади торопящегося к Валентину дитя шла Эльвира, улыбаясь не менее широкой улыбкой и глядя на него такими же ясными, но совершенно черными глазами. Когда дитя добежало до Валентина, он взял его на руки и ласково, по-отцовски, поцеловал дитя в щечку. Дитя стесненно заулыбалось и радостно взвизгнуло. Подошла Эльвира и Валентин, обнимая ее, с той же любовью, поцеловал ее в губы.

- Начинается, - произнес Валентин, обращаясь к Эльвире.

Мир стоял в ожидании и следил за временем. Валентин с ребенком в одной руке и держа Эльвиру другой, стояли в толпе. Никто не выступал и не произносил речей. Сейчас весь мир был в ожидании. Сейчас все в мире были равны. Время текло тугой смолой и каждая минута, подобно тяжелой капле, с грохотом ударяла о нутро сознания. Вот-вот должен хлынуть поток частиц, который невидимой волной накроет всех и каждого, заставляя людей начать не вслушиваться в голос разума, а отчетливо слышать его. Вот, часы наконец-то пробили время и вся Тейя ощутила поток. Сперва дурманящий и клонящий в сон, но после бодрящий и омывающий, словно бриз. Словно второе дыхание, дающее силы. Мир стал ярче и четче. В голове каждого человека пронеслась волна мыслей и чувств. Всякий человек испытал одно общее чувство, волнительное и умиротворяющее. Время словно остановилось и каждый человек, словно бы видел сон, который сменился реальностью, в которой каждый увидел друг в друге – друга, товарища, брата или сестру, любимого и дорогого человека. На глазах всего человечества навернулись слезы, ибо общее чувство, которое возникает, когда ты смотришь на дорогого человека, захватило всех и вся.

Повисла тишина. Каждый обернулся, оглядывая друг друга. Валентин взглянул на дитя в своих руках, а дитя, уже не улыбающееся, но сильно удивленное, смотрело в глаза Валентина. Дитя обернулось, глядя в глаза Эльвиры. Глаза дитя и Эльвиры пересеклись и оба устремились на Валентина. В глазах у всех были слезы, но то были слезами счастья.

***

Со дня активации связи, прошло около трети тойя (той – это тейянский год, 1 той равен 420 голлам. Голл – это тейянские сутки, 1 голл равен 31 часу). За эти дни умственная производительность человечества возросла в разы. Несмотря на то, что теперь людям не требовался контроль действий, работа и ответственность все же разнились и, если кто-то обнаруживал нечто, что выходило за рамки его сферы деятельности, об этом сообщалось и соответствующий человек или люди выдвигался на место, чтобы решать вопрос. Однако сейчас возник вопрос, который выходил за любую сферу деятельности, а потому на место выдвигалась целая делегация людей с высоким индексом ответственности, в которую входил и Валентин. Индекс ответственности – это параметр, который был разработан для того, чтобы облегчить деятельность людей. Всякий человек – это совокупность знаний, практических и физических возможностей, потребностей, желаний и мировоззрения, которые определяют нашу жизненную позицию. Чем выше индекс, тем больше перспектив в жизни и тем более человек сведущ в каких любо кругах и сферах. Ситуация, которая сложилась сейчас, не имела прецедентов и потому была

одной из тех, когда требовалось мнение тех, кто имел обширные знания во многих кругах. Делегация, в которую входил Валентин, состояла из биологов, химиков, социологов и космологов. Со спутника «Экскалибур», который находился на орбите Македона (первая планета от Геллы), для изучения северного океана, поступили странные данные, из которых был сделал вывод, что в океане, возможно, обнаружена жизнь. Ковчег «Вита», с делегацией на борту, прибыл на орбиту Македона. Путешествие к первой планете системы заняло всего каких-то пару дней. Такой показатель достигался за счет нового топлива и гравитационного ядра. Гравитационное ядро имело две основные функции – альтернатива центрифуги, для силы притяжения и компенсация огромных перегрузок при перелетах. За эти пару дней, в разговорах было выдвинуто множество гипотез и предположений, касательно того, что же там их ждет.

- Самый главный вопрос в том: как именно нам действовать? – произнес Гюстав Эго.

- Мы даже не знаем, действительно ли это жизнь? – произнес Джарвис Цой.

Джарвис был космологом. Очень высокий, с густой шевелюрой рыжих волос и голубыми глазами.

- Все данные на это указывают, я не берусь утверждать, но продумать план действия, на случай если это - правда, стоит в первую очередь, - ответил Гюстав.

- Что вас беспокоит? – Спросил у Гюстава Валентин.

- Опасность. Инопланетная форма жизни может представлять угрозу и даже контактировать с ней с целью изучения, может быть опасным.

- Соглашусь, ведь мы ничего не знаем и есть риск принести ее с собой, в случае контакта. Если она будет нести угрозу, это не допустимо! – произнесла Абени Мадаки.

Абени была химиком и выглядела как архаичная чернокожая леди.

- Да, но сперва необходимо удостовериться в ее наличии. Удостовериться, что это не просто какая-то аномалия, вызванная обычными органическими соединениями, а именно жизнь! – произнес Джарвис.

- Я против того, чтобы спускаться на поверхность. Предлагаю отправить машины, - вставил Бяо Фань.

Бяо – химик, полный и сильно узкоглазый, так, что даже глаз не видно, с черными волосами на прямой пробор.

- Машины в любом случае будут отправлены, - ответил Валентин.

- Нет, я о том, чтобы отправить их на планету. Человеку не стоит спускаться на поверхность вообще. Мы можем дистанционно провести операцию, с орбиты? – ответил Бяо.

- Думаю да, но будет проблема со связью и вероятно задержки, - произнес Валентин.

- Пусть лучше будут задержки и проблемы со связью, - беспокойно продолжил Бяо.

- Почему вы так боитесь? – спросила Абени.

- Мы сейчас в состоянии кризиса, - начал пояснять Бяо. - У нас многого еще нет и будет не скоро. Как видите, нам даже к соседней планете приходится лететь на ковчеге! Ковчеге! А первые межпланетные корабли стоит ожидать не раньше, чем через шестьдесят голлов. У нас нет права на риски, даже ничтожные. То, что вы приняли у меня за страх – это беспокойство.

- Я вас понял, но это значительно замедлит работу, - произнес Валентин.

- Да, но иначе нельзя! – воскликнул Бяо. - Как я уже сказал – мы ничего не знаем об этой жизни. Мы не имеем права на риск. Да и к тому же! Риск – это не разумная вещь. Мы не в том положении, чтобы выбирать между риском и чем-то, что хуже риска. У нас богатый выбор, не подразумевающий угроз.

- Кстати! А чья это была идея отправить спутник к Македону? – спросил Джарвис.

- Моя, – спокойно ответил Валентин. - Я и раньше интересовался, и предполагал, что эти океаны не так просты.

Ковчег приближался к искусственному спутнику. Когда ковчег и спутник поравнялись и стали двигаться параллельно друг другу, ковчег начал стыковку со спутником. После того, как корабль и спутник стали единым целым, со спутника были сняты данные и подвергнуты анализу. Из полученных данных свидетельствовало то, что на дне океана присутствует простейшая форма жизни. Но данные били косвенными, то есть они указывали на то, что там происходила деятельность, не свойственная неживой природе. Подтвердить наличие жизни было поручено исследовательскому дрону, который был отправлен на дно океана. По требованию Бяо, дрон был отправлен с учетом невозврата.

Спустя несколько часов размышлений, работ и подготовок, а после и ожиданий, дрон достиг цели. Из-за экстремальных условий, толщи океана и статических разрядов в атмосфере, сигнал поступал с помехами и данные сильно искажались. Спустя час работы дрона, были получены данные, которые ни что не могло исказить – нечеткое, но явственное изображение одноклеточной формы жизни. Исходя из имевшихся данных, эта форма жизни существовала за счет геотермальных источников, а сама эта жизнь была основана на углероде. Одноклеточные организмы имели продолговатую форму с ребристой или волнистой поверхностью. Организмы образовывали тесные колонии и жили за счет химических реакций на основе серы и селена. Несколько специалистов выдвинули предположение, что желто-оранжевый цвет океана объясняется продуктами жизнедеятельности организмов.

С Тейей незамедлительно связались и передали данные. По инициативе Бяо было запрошено создание протокола межпланетной безопасности, из которого следовало, что до тех пор, пока нет сто процентных данных о том, что инопланетная форма жизни не представляет для человека угрозы, все работы обязаны вестись исключительно дистанционно, без возможности иной формы жизни войти в любой вид контакта с человеком. В течение одного голла с Тейи был отправлен другой ковчег с машинами, роботами и дронами, для изучения. Ковчег со специалистами отправился в обратный путь. Подтверждение инопланетной формы жизни будоражило. Специалисты активно обсуждали, но Валентина беспокоил иной вопрос. Волнение Валентина привлекло специалистов и обсуждение перешло в расспрос.

- Я задумался о том, что будет, когда мы встретим разумную жизнь? – пояснил Валентин.

- Почему это вопрос? – не понимая спросил Гюстав.

- Мы знаем, что есть такая вещь как разум, но мы не знаем, что это такое на самом деле. Как мы поймем, что встреченная нами жизнь разумна? Быть может та жизнь, что мы обнаружили - разумна, как и мы, но у нее свое представление о разуме и проявляет она его отлично от нас.

- Знаете… - произнес Бяо после некоторого молчания. – Меня больше беспокоит иной вопрос. Если мы встретим разум вроде нас и он окажется агрессивным, то, как мы будем действовать?

- Что вы имеете в виду? – спросила Абени.

- Вот мы встретили агрессивный разум, который решил нас уничтожить, с нашей политикой: нет смерти и да жизни, данный расклад событий не особо в нашу пользу, - пояснил Бяо.

- Бяо, вы безнадежный пессимист, - произнес Гюстав.

- Я насильственный реалист, - возразил Бяо.

- В этом случае мы окажемся в том же положении, что и наши прадеды времен отечественной войны, - произнес Валентин.

- Война? Валентин… - укоряющим голосом произнесла Абени.

- Я к тому, что нас попросту вынудят на подобное, но важно не поступить как потомки тех, кто участвовал в войне.

- Поясните, пожалуйста, - попросил Джарвис.

- Что же, извольте. Как вы думаете, почему у нас нет праздников из прошлого и нет памятников прошлому?

- Еще нет того, что праздновать и помнить, мы ведь создали новое общество, - произнес Гюстав.

- Да, но у наших предков было. Но что все это в сущности?

Повисла тишина.

- Вот пример.

И Валентин начал рассказывать.

- Вот представьте себе следующее: две нации. Одна нация придумывает фашизм, а другая коммунизм. Нация, придумавшая фашизм начинает навязывать войну, а нация придумавшая коммунизм, оказывается в безвыходном положении. Коммунисты сбежать не могу и им остается лишь дать бой. Фашисты стремятся к господству, а коммунисты просто хотят жить. Фашист – это дурак с силой, в то время как коммунист – это умный с силой. Коммунизм побеждает фашизм потому, что иначе нельзя, ибо фашизм – это зло. Война окончена. Дурак теряет силу, а умный приумножает свою. Проходят годы и что мы видим? Дурак, потеряв свою силу и поняв свой поступок, осознает ценность силы и начинает двигаться по пути прогресса. Умный, получив в свои руки силу и испытывая страх перед возможностью повторения, идет по пути силы, наращивая ее, деградируя до животных инстинктов и начиная бахвалиться своей силой. Потомки бывших фашистов оставляют свое прошлое и делают все, чтобы искупить его. Потомки коммунистов, чья деградация начала наращивать обороты, начинают разрушать сами себя. Потомки фашистов делают все, чтобы прошлое не повторилось, в то время как потомки коммунистов начинают паразитировать на своих предках. В прошлом дурак, ныне умный – молчит, а умный став дураком кричит и празднует победу предков. Эта победа была результатом безвыходной ситуации и праздник – это прославление вынужденного поступка. Вывод заключается в том, чтобы не быть дураками. Празднество победы подобно глумлению, где сила смеется над разумом. Есть такая, старая, поговорка: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Я позволю себе создать свою интерпретацию: «Имевший, не ценя – теряет, но урок приобретает. Усвоивший урок – стремится, а не усвоивший – гордится».

- Я не пойму, вы хотите сказать, что праздники и символы – это плохо? – непонимающе спросил Джарвис.

- Не в этом дело, - ответил Валентин. – Бяо боится агрессоров, а я боюсь, вернее обеспокоен, что мы станем агрессорами. Праздник и символ – это не плохо. Плохо, когда праздники и символы порождают культ силы. Праздники и символы – это способ напоминания и закрепления веры, а вера способна ослеплять и заставлять во зле видеть благо. У нас будут праздники и символы, но прославляющие разум. Даже когда мы встретим агрессоров, мы не должны терять голову.

- Но ведь для этого и была придумана связь, разве нет? – произнес Гюстав.

- Да, но как я уже сказал: вера способна ослеплять. Мы не должны создать ложной веры, в которой связь будет не помогать слышать, а помогать глохнуть. Иначе говоря, мы должны взвешивать решения и думать о последствиях.

- Простите, но вы не сказали ничего нового, все это риторика и ваши опасения в этом плане беспочвенны. По сути, вы только дали новое описание того, что не надо делать. Но у всякого человека на этот счет свое описание, по смыслу не отличимое от прочих, того, как нужно поступить и потому ваши опасения попросту не осуществимы. Связь на то и была придумана, чтобы, чуть ли не в буквальном смысле, видеть логику.

- Да. Просто… Простите. Все это странно как-то. В голове все еще есть остаток той жизни, со всеми страхами и переживаниями, словно я боюсь что-то упустить. Словно я выучил новый язык и все еще сбиваюсь на родной.

- Это остаточно, из-за адаптации. Вам и Бяо стоит посетить психолога, - произнес Гюстав.

- И все же! – воскликнул Бяо. – Как мы будем действовать в случае, если агрессоры все же появятся?

- Как? – произнес Джарвис. - Уж точно не как варвары. В нашем распоряжении знания и технологии. Думаю, мы найдем способ. Сейчас мы можем лишь рассуждать и строить догадки, не более того. Дом из кирпича не строят, если не знаешь, как изготовить кирпич.

***

Теменвит становился все больше и больше и уже начинал различаться из космоса. Город напоминал бело-зеленый диск на поверхности планеты. Место для закладки города было выбрано с учетом геологической активности и смены времен тоя. Ковчег «Вита» возвращался с Македона на Тейю. Валентин стоял у иллюминатора и разглядывал город с высоты в сотни километров. Город строили печатные машины, на подобии 3D принтера. Роботы закладывали в машину сырье и она, по заложенной программе, выстраивала дом и все его составляющие. По той же технологии, 3D принтера, роботы строили и самих себя, пополняя свои ряды и наращивая рабочую силу. Сейчас велись разработки материала, который бы заменил прежний материал и был бы совокупностью камня, стекла и металла. Этот материал способен менять свою структуру и дома из этого материала не нуждались бы в паутинах проводов и кабелей для энергоснабжения. Однако пока город представляет собой гибрид растительных и каменных джунглей. Травы, кустарники и деревья растут стремительно, и потому за первые тойи Теменвит стал настоящим произведением искусства. Белые, синие, зеленые, пурпурные и древесные цвета складывались в потрясающую гамму, которая умиротворяла. Возводимые машинами здания порой приходили в движение, от чего облик города преображался. Город существовал за счет почти безграничных источников энергии: свет, ветер и вода.

Когда ковчег приземлился в порту, Валентин, вместе с остальными членами делегации, направились на электромобиле к зданию Института наук, технологий и инноваций. Электромобиль двигался по полимерной дороге сперва мимо полей, потом мимо теплиц, садов и наконец, двигающихся зданий города. Улицы кипели людьми и машинами и всюду поддерживалась чистота и порядок. Валентина мучало необъяснимое беспокойство.

- Что с вами? Вы боитесь? – спросил у Валентина Бяо.

- Что? – переспросил Валентин, отрываясь от размышлений.

- Я ощущаю в Вас страх, с Вами все в порядке? – ответил Бяо.

- С чего Вы взяли, что я именно боюсь?

- Мы все это ощущаем, с вами все в порядке? – произнес Джарвис.

- Я не боюсь, я обеспокоен, - ответил Валентин.

- Чем, не поделитесь? – произнесла Абени.

- Да… Видите ли, я пока и сам не знаю, что меня тревожит.

- Сходите к психологу, к Эрнесту – золото, а не врач! – произнес Гюстав.

- Да… - произнес Валентин, вновь погружаясь в размышления.

Электромобиль подкатил к парадной института и вся делегация направилась во внутрь.

«Забавно… - подумал Валентин, глядя на двери института. – Мы все доценты и профессора, доктора наук… А называем себя почему-то просто - специалистами».

Здание института было обширным и как множество других домов скучным. Местами попадались картины и статуи, но пока все это было в ничтожном меньшинстве. Собственно, сам город был несколько скучен. В городе все было функциональным и хоть сам город был произведением искусства, в самом городе этого искусства было мало. Город был как квартира с евро ремонтом, которую нужно обжить. Здание института делилось на корпуса, в которых трудились люди и машины. За несколько тойев было сделано так много, но в то же время и так мало. Городу было нужно многое, но сейчас, как и в любом начале, всего дать было невозможно. Однако, институт – это гордость, которая демонстрировала неуемную жажду и стремление человека. В старом мире было выражение: «Если заразить всех мировых лидеров неизлечимой болезнью, то лекарство найдут в течение трех суток» (как-то так). Суть выражения в том, что ничего невозможного нет, был бы стимул. Ложь. Человеку нужен не стимул, во всяком случае, не в первую очередь, а возможность. Сними с творца ограничения, дай ему здравый смысл и цель, и лекарство найдут уже через сутки. Институт – это как раз то самое место, где творец не обременен запретами и ограничениями, кроме здравого смысла. Сотни и тысячи идей дающие что-либо и требующие ничтожно малое, были загублены в старом мире, потому, что могли приносить огромную пользу, но не могли приносить таких же огромных денег. В мире без денег, все эти сотни и тысячи идей превратились в миллионы реализованных вещей, с помощью которых, человек начал новую «разумную» жизнь.

Полученные со спутника данные были переданы в институт. Специалисты занялись подробным анализом. Группа других специалистов уже находится на Македоне и сейчас, скорее всего уже, принялась за изучение. Была собрана временная комиссия специалистов, чтобы обсудить: как действовать дальше? На комиссии были поставлены вопросы, из которых вытекло несколько сторонних вопросов и один из вопросов занял голову Валентина. В городе множество машин и роботов, всяких дронов и андроидов, но все они – это инструменты, которые действуют

согласно программе и не способны к критическому мышлению и действовать вне программы. Вот блестящий пример: на Македоне спутник нашел жизнь, но сам определить жизнь это или нет, он не сумел. Человеку пришлось прилететь самолично, чтобы это определить, вдобавок ко всему, пришлось отправить людей, для изучения. С одной стороны, машина – это инструмент, ему не нужна мыслительная деятельность. С другой стороны, машина – это инструмент, который не боится того, что опасно для человека и было бы глупо, не наделить машину разумом. Опять же, с одной стороны: машина с разумом – это совершенный инструмент, а с другой стороны: зачем тогда люди? Машинам уже был отдан физический труд, зачем отдавать мыслительный?

«Делема…» - подумал Валентин.

***

Эльвира сидела на скамейке у парка. Мимо проносились электромобили, машины и роботы, а в воздухе жужжали насекомые и летающие дроны. На площадке в парке резвились дети – первое поколение, первые дети, родившиеся на Тейе. Эльвира читала электронную книгу и периодически поглядывала на детей, следя за Полли. К площадке приближался Валентин и когда Эльвира увидела Валентина, она, приятно улыбаясь и убирая книгу, встала и направилась к нему на встречу. С площадки донеслись детские крики: «Папа! Папа!». Валентин поцеловал Эльвиру и, подхватив радостно топочущего ножками дитя, чмокнул в щечку и его.

- Эх ты, Чадо ты мое ненаглядное, - произнес Валентин, обращаясь к ребенку.

Чадо заулыбалось. В свои два тойя чадо было очень смышленым. Связь повышала интеллект и дети развивались гораздо быстрее. В два тойя ребенок интеллектуально был как трех тойный.

- Папа? Тебе плохо? – звонким голосом произнесло Чадо.

- Устал, - ответил Валентин. – Как там говорится? Понедельник начинается в субботу, так?

- Что случилось? – спросила Эльвира.

- Мы нашли жизнь на Македоне, - ответил Валентин.

- Правда?! – воскликнула Эльвира. – Это же потрясающе!

- Да, но жизнь примитивная, колонии одноклеточных экстремофилов.

- В любом случае – это же грандиозно!

- Да… - неуверенно ответил Валентин.

- Что такое? – спросила Эльвира.

- Папа, тебе страшно? – беспокойно спросило Чадо.

- Страшно? Нет, что вы все… Это не страх, а беспокойство.

- Что же тебя тревожит?

- Даже не знаю… Пожалуй, сейчас у меня только прибавилось беспокойств. Мы открыли жизнь, а ведем себя так, словно ботинок из реки выловили.

- Ну, я думаю причина тому в связи. Найти инопланетную жизнь – это здорово, но не удивительно.

Валентин задумался.

- Не переживай, - ласково произнесла Эльвира и поцеловала Валентина.

- А я? А меня? – воскликнуло Чадо.

***

Валентин готовил овощной салат к пюре с мясным рагу. Технологичная кухня могла бы приготовить салат за пару минут, но Валентин любил сам готовить. Готовка доставляла удовольствие. В доме играла музыка. Играл Людовико Эйнауди – Запах дождя. Пианино и скрипка вальсировали, словно один из Земных солнечных дней переходит в дождь. Мелодия подобно ветру гнала влагу дождя, обрушивая ее на бескрайнее поле пшеницы. В сером небе проступали лучи Солнца, а запахи смешивались и, настигнув своего зрителя, окатывали волной. Валентин резал овощи, с полуоткрытыми глазами, вслушиваясь в мелодию и словно в такт ей ловко орудовал острейшим лезвием, словно владея не ножом, а стихией ветра.

В соседней комнате сидело Чадо и читало электронную книгу. Отец позвал на кухню и Чадо, не расставаясь с книгой, направилось к столу. Валентин поставил тарелку с обедом на стол перед Чадо и поставил стакан, чтобы налить сока. Чадо с каждым голлом становилось все взрослее и умнее. Не так давно Чадо справило свое двутойе и в свои два тойя уже могло читать и читало много, несмотря на то, что всего пол тойя назад словарный запас был невероятно скудным и о чтении не могло идти и речи.

- Что читаешь? – спросил Валентин, наливая в стакан апельсиновый сок.

- Уэллса, войну миров, - отозвалось Чадо.

- Вот как? И как тебе? – спросил Валентин, слегка улыбаясь.

- Забавно и странно, - ответило Чадо, делая неясное лицо.

Валентин ощутил, что Чадо в смятении.

- Что такое? Тебя что-то беспокоит?

Чадо молчало, но потом выдало:

- Пап, а зачем вы устроили войну, а не просто ушли?

Валентин встрепенулся. Этот вопрос был, хоть и не один в один, но по смыслу идентичен тому, что ему задала одна девочка. Валентин отхлебнул сока и, собравшись с мыслями, ответил:

- Представь себе, что тебя посадили на цепь.

Чадо попыталось представить.

- Просто так взять и уйти, не выйдет. Эта цепь незрима и сделана она из морали, законов, порядков, денег и многого другого. Уйти мог один или даже целая сотня человек, но сотня тысяч – это уже иной расклад. Такое количество людей не может незаметно собраться и уйти, не вызвав при этом последствия.

- Ясно, - перебило Чадо. – Чтобы уйти, было нужно оборвать все то, что вас удерживало на Земле, так?

- Именно, - подтвердил Валентин. – Мы сожгли мосты не только для того, чтобы сбежать, но и чтобы не дать возможности всему тому, что осталось на Земле, прийти на Тейю.

- А что если мы поступили как Гитлер? – неожиданно произнесло Чадо.

Валентин испытал страх.

- Откуда ты знаешь это имя? – настороженно спросил Валентин.

- Из книг… - несколько уклончиво ответило Чадо. – Я много читаю. Что-то становиться понятно, а что-то остается не понятным. Но у нас очень богатая библиотека…

- А почему ты думаешь, что мы могли поступить как Гитлер?

- В книге это называлось «арийская раса».

- Вот оно что, - понимающе ответил Валентин.

- Я вижу, что все люди разные и это слово я понимаю иначе, не как идеальная раса в би-о-ло-ги-че-с-ком, - с трудом выговорило Чадо. – В смысле, скорее, как раса избранных, кто решил, что их идея и идеал лучше других.

Волнение и страх Валентина нарастали. Чадо общалось с ним не как ребенок со взрослым, а как подросток или даже взрослый со взрослым.

Чадо почувствовало Валентина и прикусило губу. Валентин ощутил, что Чадо в смятении.

- Пожалуйста, закончи мысль, я хочу понять, что у тебя на уме, - произнес Валентин.

- Я… Очень много читаю и несколько книг заставили подумать. Гитлер, несомненно, плохой человек, но… Я думаю, не он виноват во всем этом. Вернее, он виноват и виноват во многом, но лишь когда стал… - Чадо задумалось. – Чудовищем.

- Поясни, - серьезно глядя на Чадо, произнес Валентин.

- Гитлер тоже желал процветания своего народа, но его методы... Мне пришел в голову вопрос о том, что есть добро, зло и истина? И мой ответ: добра и зла нет, а истина – это причинно-следственный закон. То есть – на все есть причина и следствие. Никто не рождается злым или добрым, ими становятся, а значит и Гитлер не родился таким, а стал, и на то была причина, и не одна. Гитлер был гениальным художником и если бы ему дали стать художником, то он бы не стал тем, кем он в итоге стал. Я думаю, что именно результат экзаменов в академии и повел его по пути разрушения, а все последующее: смерть матери, нищенство, безразличие людей, своего бессилия в то время, положение в стране и эмоционально сильные книги только закрепили его на его пути. Он не был злым, его довели до такого состояния и когда все это в нем накопилось, всего один момент в его жизни стал решающим. Всего один момент в жизни, вместо руки помощи, судьба приставила к его голове оружие и выстрелила, убивая в нем человечность. Пустое тело заполнило зло, которое и начало творить все то, что сделало его именно тем Гитлером, которого все знают.

Валентин силился понять Чадо.

- Если бы Гитлер не наткнулся на такое количество трудностей в жизни, то он бы не стал таким. Я сочувствую этому человеку, ведь он стал злым из-за других. Его жизнь и его человечность уничтожили. Вся его жизнь до контрольного события – это печальная драма. Вместо политики

понимания, он наткнулся на политику клейма неугодности. Люди взрастили демона, который, получив контроль над телом, обратился против всех тех, кто его породил. Демон Гитлер – это рукотворное зло, а человек Гитлер – это несчастная личность. А если и мы такие? Что если и нас довели до крайности и наша человечность была убита, а мы, став демоном, прикрываясь благом, стали творить свой идеальный мир – утопию. Мы выбрали тех, кого сочли угодными, а неугодных заклеймили в этой неугодности и как демон Гитлер убирал неугодных со своего пути, мы тоже взяли и убрали с пути всех людей.

Повисла тишина. Валентин был погружен в размышления и тупо смотрел в пространство, пытаясь переварить сказанное – ребенком. Ребенком, которому всего два тойя, ну или около трех лет по Земному. Трех лет! Все сказанное было ей далеко не по возрасту, но по-детски прямолинейно.

- Да, - тихо отозвался Валентин. – Мы отобрали «избранных», но не по достойности, а по ценности. Человек, который знает, как взрастить на другой планете картофель ценнее, чем человек, который умеет только его собирать. Мы не стремились создать, мы стремились спасти. Это важно понимать, ведь нашей целью было не господство расы, а ее спасение. Если урожай поразила болезнь, то необходимо спасать то, что еще ею не поражено. Люди, что остались на Земле были поражены пороками, которые разлагали общество. Спасти их – это значит принести болезнь порока в наш мир и пользы от спасения, попросту бы не было. Гитлер… Да… В какой-то степени, Гитлер, как человек, заслуживает сочувствия. Он боролся и просто потерял себя в своей борьбе, которая уничтожила его человечность. Пожалуй, винить тут нужно не только тех, кто превратил его в того самого Гитлера, винить тут нужно всех и его самого. Люди сделали его таким, а он, не расслышав голоса разума, позволил убить в себе человека, а возникший на бездыханном трупе демон пустился во все тяжкие.

- А мы? Мы пустимся во все тяжкие? – произнесло Чадо.

- Наша человечность дала трещину, но не была убита. Наш человек все еще жив и его борьба увенчалась успехом. Да, мы совершили зло, находясь в безвыходном положении, но если бы мы не сделали это, то человек внутри нас бы погиб и его место занял демон. Та война была нужна, чтобы вырваться, сбежать и отрезать тот мир от нас.

- Знаешь, - тихо произнесло Чадо. - Стругацкие писали: «Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — **дерьмо». Вам ради идеала пришлось совершить подлость.**

- Увы… - сокрушенно произнес Валентин.

- Значит, наша жизнь – дерьмо? – странно глядя на Валентина, ждало ответа Чадо.

Валентин задумался.

- Поверь мне - нет, - ответил Валентин. – Это «наша» жизнь – взрослых, дерьмо, ибо этот грех лежит на нас, но не на вас. Мы сделали все, чтобы вам не пришлось поступить или поступать так же. Нам нести эту ношу до самой смерти, а вам жить и творить.

Раздался звонок. Мрачная атмосфера разговора вдруг рассеялась и Валентин, выходя из тягучего состояния, подошел к телефону и ответил на звонок.

- Слушаю, - произнес Валентин. - Кушай, все остыло, - шепотом произнес Валентин, обращаясь к Чадо и прикрывая динамик телефона.

- Валентин, ты занят, я не отвлекаю? – раздался голос в телефоне.

- Завтракаю, что такое? – ответил Валентин.

- У нас тут ЧП, на северном карьере, думаю, тебе будет интересно на это посмотреть. Я уже связался с Джарвисом и Абени, они в пути, вот тебе звоню и… Короче! Ты будешь?

- А что там?

- Поверь, это лучше увидеть самому. Я на всякий случай уже послал за тобой.

Валентин замолчал и задумался.

- Ладно, приеду.

- До встречи.

- До встречи.

Валентин положил телефон.

- Ты надолго? - произнесло Чадо, с набитым ртом.

- Сперва прожуй, - отозвался Валентин. – Не знаю, - задумчиво ответил на вопрос он. – Мама будет дома после двух, а я скорее всего буду вечером. Посидишь дома одна или тебя оставить кому-то?

- Дома, - ответило Чадо, прихлебывая сок. – Книгу дочитаю.

- Хорошо, - ответил Валентин, приободряясь.

Валентин ехал на электромобиле через взлетный полигон. Автомобиль ехал на автопилоте, впрочем, в автомобиле было все и для ручного вождения. Полигон представлял собой гигантский пустырь, на котором располагались ковчеги и будущие корабли, которые еще строились. Сейчас с этого полигона взлетали либо ковчеги, редко, либо, гораздо чаще, корабли, которые: выводили на орбиту спутники, отправляли спутники к другим планетам системы, а также тестируемое оборудование. На полигоне были люди, но они были скорее для контроля и анализа качества всех работ. Через несколько часов электромобиль достиг карьера, на котором работали сотни всевозможных машин, роботов и дронов. Люди так же присутствовали, но сейчас люди занимались иным. Сейчас карьер был сосредоточением любопытства. Валентина встретили и проводили на дно карьера. В карьере добывалась медная руда и уходил карьер на глубину чуть более километра. Валентину и другим экспертам, пока они спускались в карьер, сообщили, что машины наткнулись на странное образование, которое им не удалось идентифицировать. Были вызваны специалисты, которые должны были решить проблему, но, как и машины, не сумели определить природу находки. Для этой цели были вызваны специалисты иного рода. На вопросы «почему именно их вызвали?», ответом было: «сами увидите».

На дне карьера лежало, вернее, торчало из-под земли, частично очищенное от нее, то, что не могло быть естественным образованием. Некий артефакт, который был явно творением чьих-то рук. Машины с дотошностью и осторожностью трудились, пытаясь извлечь артефакт. Когда артефакт был извлечен и продемонстрирован публике, то всем показалось, что он похож на некую неваляшку: две сферы, разного диаметра, соединенные между собой, имеющие по всей площади насечки и рисунки, а также некое подобие лица, на меньшей сфере.

- Это что? Какой-то божок? – произнес Джарвис.

- Очень похоже, но как он тут оказался? – произнесла Абени.

Валентин приблизился, чтобы рассмотреть артефакт. Он заметил, что на артефакте отсутствуют следы коррозии, а рисунки и, по всей видимости, письмена, были нанесены отнюдь не примитивным способом. Рисунки и письмена были словно высечены лазером, ибо грубый

инструмент оставляет неровности, шероховатости и зазубренности, а здесь было все гладко и ровно.

- Его надо доставить в институт, посмотреть из чего он и как долго он пролежал здесь.

Артефакт извлекли, упаковали и доставили в институт, закрыв в изолированной камере. Артефакт подвергли анализу и попытались взять пробу, но сделать этого с первых попыток не удалось. Материал, из которого был изготовлен артефакт, имел твердость в сто сорок шесть процентов больше чем ленсдейлит и зрительно походил на металл, цветом как цинк или магний. Углеродный анализ не дал результатов, но анализ слоев земли в карьере дал возможность предположить, что объекту от шестисот семидесяти до миллиона трехсот тойев (от одного до двух миллионов Земных лет) и исходя из того же анализа, ясно, что артефакт упал на Тейю, а не был на ней создан.

Валентин изучал данные, сидя в своем кабинете, у себя дома. Раздался звонок.

- Харченко, слушаю, - произнес Валентин, отвечая на звонок и не отрываясь от чтения.

- Валентин, это я, - произнес Сафаров Гулназар.

Сафаров – ксенолог. Кучерявые черные волосы и роскошная бородка без усов, черные как уголь глаза и изысканного вида профиль.

- Да, что такое?

- Ты где? У меня данные по рисункам на артефакте, куда мне их переслать?

- Я дома, на мою почту шли.

- Хорошо, держи. Что там по составу?

Валентин зашел на почту и открыл присланный материал.

- В основном углерод, но в связке с каким-то металлом, пока не ясно каким, - меланхолично ответил Валентин. - Спектральный анализ бесполезен, а электронный микроскоп дает размытую картину, - вздыхая, закончил Валентин.

- Что с тобой? Устал? – поинтересовался Сафаров.

- Немного, не в этом дело. Чадо сегодня заставило задуматься.

- О чем?

- Мое Чадо умудрилось оправдать Гитлера.

- Что прости? Это как?

- Логической цепочкой. Гитлер не был злым человеком, его таким сделали. А еще спросила, не являемся ли мы такими же?

- Интересно... – произнес Сафаров задумываясь.

- Странно... – произнес Валентин так же задумываясь.

- Ладно, завтра в институте еще поговорим.

- Спокойной ночи.

- И тебе.

Валентин положил телефон и стал разглядывать рисунки, которые ему казались почему-то знакомыми. Что-то в них было, что-то говорящее, но, по крайней мере, пока, все это выглядело одной сплошной тарабарщиной.

В кабинет вошел человек и Валентин, увидев его, испытал безумную гамму эмоций.

Повисла тишина. Человек стоял у двери, в тени, и не шевелился, а Валентин смотрел на него, ожидая от него действий.

- Приятно тут у вас, - нарушил тишину человек. – Ну как успехи?

- Хорошо, - сухо ответил Валентин. – Что-то случилось, от чего вы удостоили меня своим вниманием?

- В общем и целом да… - несколько горестно ответил человек. – У нас возникла проблема.

- У вас?! – удивленно произнес Валентин.

- Представьте себе, - ответил человек. – Мы обнаружили флюктуацию, которая… - человек замолчал на некоторое время, а после продолжил. – У нас проблема с прогнозированием.

- Не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать?

- Флюктуация вносит хаотичность в расчеты. Истинные результаты отличаются от расчетных. Обнаружить флюктуацию на данном моменте не представляется возможным, а потому мы в тупике и я думаю, что вы понимаете: наш тупик – это ваш тупик.

- Это касается моей работы? – не совсем понимая человека, спросил Валентин.

- Да, - коротко ответил человек.

- То есть, вы хотите сказать, что я должен работать в слепую, так?

- Мы уже работаем над этой проблемой, - обнадеживая, произнес человек.

- И как долго мне ждать?

- Неизвестно. Скажу лишь следующее: над проблемой работаем и эта флюктуация нам необходима.

- Это ваше: «нам необходима», что вы хотите этим сказать?

- Ее необходимо развить, обнаружить и изъять. Мы пока не знаем, что она такое, но ее показатели любопытны.

- А мне что предлагаете делать?

- Мне помниться, вы специалист в импровизации? Что же, вы сами выбрали эту работу, а нас интересует лишь полное выполнение поставленных планов.

- В своей работе, я рассчитывал на то, что точно буду знать, что и как следует делать.

- Увы, но эта ситуация из разряда «чрезвычайные», тут надо не бросать дело, а прикладывать любые доступные силы.

За дверью послышался детский голос.

- Что ж, - произнес человек. – Мы постараемся решить проблему, но при любых обстоятельствах, работа должна быть доведена до конца.

- Мне стоит чего-то опасаться?

Человек помедлил.

- С вероятностью в девяноста восемь процентов – нет.

- Девяноста восемь? – несколько взволновано произнес Валентин.

Глава 3. Ошибки

Ты можешь прочесть тысячи книг.

Главное понимать, что прочел.

С момента обнаружения артефакта прошло чуть более восьми эйншев (эйнш – это тейянский месяц, равный пяти сандам (тейянская неделя) или тридцати пяти голлам) и, по словам Джарвиса и Сафарова, они близки к разгадке. Однако Валентина сейчас беспокоил иной вопрос: странности в работе связи. Валентин неоднократно обращал внимание на то, что связь работает не так, как должна. Странность была замечена и другими обитателями Тейи, но сказать, что же не так, не получалось и Валентин принялся собирать материал для анализа. Суть странности заключалась в том, что люди иногда вели себя вопреки условий, которые прописывала связь. Каждый человек, на подсознательном уровне – это метроном. Поставьте два, три или более метрономов рядом друг с другом и запустите их одновременно. В силу особенностей, каждый из метрономов, независимо от того, что они все были запущены одновременно, рассинхронизируются и каждый будет отбивать свой ритм. Но стоит поставить метрономы на не статичную, но устойчивую планку и метрономы станут отбивать ритм синхронно, даже если все были запущены порознь. Каждый человек – это метроном, а связь – это та самая планка. Благодаря связи, между подсознаниями людей действует некий резонанс, который и настраивает на общую волну. Но Валентин и многие другие стали замечать, что порой в этой синхронизации вкрадывается сбой, который правда длится короткое время. По сути, связь – это поводырь здравомыслия, но порой люди совершают действия, которые таковыми назвать нельзя. К примеру: на днях, сам Валентин, был свидетелем того, как двое коллег поругались из-за разницы в результатах наблюдения. Все хоть и обошлось на словах, но слова были резкими и грубыми. Однако! Спустя некоторое время, двое, словно бы опомнившись, понимая свой поступок, принесли друг другу извинения и продолжили работу, как ни в чем, ни бывало. Когда Валентин поинтересовался у них насчет происшествия, оба ответили: «Странно… Мне почему-то не казалось, что я делаю что-то безрассудное». Таких ситуаций было с избытком, но все были мелкими и особо не примечательными. Что касается того, как Валентин обратил на подобное внимание, то все началось с того, что многие ошибочно интерпретировали некоторые эмоции. Валентина этот вопрос заинтересовал и он стал развивать эту тему, а она привела к этим странностям. Проблема была в том, что данных для четкого ответа было ничтожно мало. Для ответа на этот вопрос, требовалось найти материалы происшествий и выделить странности, опросить людей, понять то ли это или нет, собрать целый вагон данных, чтобы иметь масштабную карту того, что твориться и только тогда делать выводы. По подсчетам Валентина, на все это должно уйти не меньше двух тойев.

«Горы. Горы и еще раз горы проблем и трудностей…» - мысленно бормотал Валентин.

На дворе уже совсем скоро наступит четвертый той, а проблем словно бы меньше и не стало.

Люди высадились на Тейе 24 ноября 2047 года по Земному времяисчислению. На Тейе тогда уже началась весна, но отмерять время Земными единицами было неудобно. Для удобства времяисчисления тейянских циклов и чтобы не путаться и не теряться во времени, были приняты следующие единицы измерений: той – тейянский год, эйнш – тейянский месяц, санд – тейянская неделя, голл – тейянские сутки. Один той равен двенадцати эйншам. Один эйнш равен пяти сандам. Один санд равен семи голлам. Один голл равен тридцати одному часу. Новый той наступает с первым днем весны на Тейе, то есть в ночь с тридцать пятого бремеля на первое альберета. На момент высадки ковчегов, на Тейе уже было 16-е альберета 1-го тойя, что

соответствует 3 ноября 2047 года Земли. Все эйншы так же получили свои имена: Альберет, Давинрель, Сикорт, Сокрет, Ленгель, Авогаль, Глушкерь, Альбируль, Бородинтр, Томбр, Вернандаль и Бремель. Все эйншы имели ровно тридцать пять голлов, но раз в три тойя наступал високосный той и эйнш альберет увеличивался на один голл. При этом этот дополнительный голл (високосный) приняли считать вторым воскресеньем (голлы сандов переняли названия дней Земных недель) последнего санда альберета.

Пока Валентин занимался сбором информации, другие специалисты параллельно работали над найденным артефактом. Артефакт был чем-то вроде носителя информации, однако технология была странной. Артефакт содержал в себе закодированные данные и эти данные заставляли артефакт приобретать необычные свойства. Сам по себе артефакт был сплавом цинка и углерода, что к слову было странно, а хранящаяся информация, заставляла структуру артефакта колебаться, из-за чего простейший анализ не давал результатов. Несмотря на то, что вся структура артефакта словно бы вибрировала, сам артефакт находился в состоянии покоя, а вибрация структуры придавала материалу свойства, благодаря которым, артефакт был способен пережить как падение из космоса, так и длительное пребывание в экстремальных условиях. Сами колебания были записанной информацией, прочесть которую пыталась целая армия специалистов. Всего пару эйншев назад удалось расшифровать рисунки на поверхности артефакта. Рисунки, вернее всего один рисунок, был не чем иным как картой расположения нейтронных звезд, а точка пересечения являлась, по всей видимости, звездной системой, откуда и прибыл артефакт. Все бились над расшифровкой данных и после очередной попытки метода подбора, удалось установить закономерность и расшифровать математические данные, с помощью которых были установлены частоты колебания пульсаров. После расшифровки частот, группа приступила к поиску соответствующих звезд. На поиски были брошены титанические объемы сил и средств, ибо все понимали, что данный артефакт – это бутылка с письмом, на котором указан точный адрес, брошенная в бездонные просторы космоса неизвестной цивилизацией. Человечество нашло это письмо и сумело прочесть, а теперь осталось лишь отыскать отправителя. Отправитель – это не какая-то одноклеточная или примитивная форма жизни, а вполне разумная. Еще одна, помимо человечества – братья по разуму. Сектор за сектором сканировался в поисках хотя бы одной нейтронной звезды, частота которой соответствовала бы тем, что указаны на артефакте. Поиски затягивались на долгие четыре энйнша, но энтузиазм только рос. После пятого эйнша поступил сигнал, что была обнаружена одна нейтронная звезда, чья частота колебания совпадала с одной из звезд на карте. Сектор был тщательно просканирован и вскоре были обнаружены еще несколько звезд из карты. Было очевидно, что место, откуда прибыл артефакт, было обнаружено, но вся проблема была в том, что даже с новым топливом, позволяющим без труда бороздить просторы геллической системы, не позволят преодолеть за короткий срок пять световых лет. Сделать это может позволить лишь квантовый телепорт, но из-за того, что колония все еще находится на ранней стадии своего роста, энергетический вопрос больно бил по возможностям. Как близко и как далеко… Вечная проблема любого начала: всего и всегда мало! Человек открыл общую теорию всего, нашел формулы, которыми можно описать чуть ли не все мироздание, но, как и встарь, плоды пожинать приходилось лишь спустя долгое и долгое время. Знания – это как гигантская инкунабула, в которой все ответы. Человек научился ее читать, но катастрофически не хватает времени и сил, на ее чтение.

- Да… - тяжело вздыхая, произнес Джарвис.

- Что такое? – спросил Сафаров.

- Столько всего валится на наши головы и вроде все умы и силы мира работают слаженно, а все равно, столько еще предстоит сделать, придумать, предвидеть… Голова разрывается.

- Да…

- Ха. Вот и я о том же, - усмехаясь, произнес Джарвис.

***

Юный специалист Айну Халла с планшетом в руках сидела у двери в большой зал и разглядывала потолок, мерно покачиваясь. Ей было двадцать полных тойев (двадцать девять Земных лет) и она была специалистом в области квантовой механики. Айну имела роскошные рыжие кудри, веснушки, белую как снег кожу и зеленые глаза. Ее индекс ответственности был «сигма 89», что позволяло ей работать на космической станции на Македоне. Однако Айну работала в области квантовой механики и изучала свойства пространства. Ее проект был основан другим ученым, но по причине того, что этот ученый умер еще на Земле, во время бегства Айну забрала все материалы профессора и уже на Тейе продолжила его работу. Из-за того, что на Земле поджимало время, а на Тейе в первые полтора тойя все были сильно загружены и занимались строго тем, что было остро необходимым, многие проекты и исследования были отложены в дальний ящик. То же произошло и с исследованиями, которые прихватила Айну. Когда все пришло в некоторую стабильность, Айну продолжила работу профессора и спустя какое-то время сделала ряд открытий, которые после проверки дали колоссальный потенциал. Сейчас Айну сидела и ждала людей, чей индекс расценивался как «альфа 100», то есть высший индекс, дающий человеку возможность работать в любой из сфер, ибо ответственность и знания такого человека не влекут опасных последствий от их действий во время работы. Когда делегация специалистов с высшим индексом прибыла, началась конференция.

- Здравствуйте, - поздоровалась Айну.

- Добрый день, - поздоровались участники конференции.

- Нам сообщили, что у вас нечто, как вы выразились «фундаментальное»? – спросил Джарвис.

- Да, если не скромно выражаться, но, если позволите, дабы лучше понять, я начну издалека.

- Пожалуйста, - благодушно произнес Джарвис.

- Итак, - произнесла Айну и включила планшет.

Позади Айну загорелся экран, на котором отображался экран планшета. На экране была презентация, которую подготовила Айну. Презентация была полностью на английском языке. Всего, на Тейе использовалось десять языков и часто все вместе, из-за чего диалект тейянцев формировался в странную, но очень приятно звучащую форму. Особое влияние на формирование диалекта оказывали творческие люди, стараясь делать тейянский язык как можно более благозвучным, информативным и красивым в написании. В редких, как сейчас, случаях использовался всего один конкретный язык, в силу необходимости и еще не совершенности тейянского диалекта или просто Таулект.

- Я занималась изучением свойств пространства и пришла к выводу, что пространство-время имеют схожую с электромагнитным излучением структуру.

Айну вывела на экран два простеньких изображения. Презентация словно бы была состряпана на коленках и грешила косяками. На верхнем изображении была шкала электромагнитного излучения с характеристиками каждого из излучений. Ниже было изображение шкалы пространства с соответствующими характеристиками.

- Это лишь для визуального сравнения, - немного неуверенно произнесла Айну.

Айну вывела на экран другое изображение. Изображена была шкала пространства, но имевшая уже иной вид. Все пространство было изображено как некий конус, который выворачивается наизнанку и замыкается сам на себя. Каждый тип имел характеристики и зависимость от масштаба. Все пространство делилось на четыре условных типа: эфирное, квантовое, континуумное и темпоральное. Айну начала объяснять характеристики каждого типа пространства и вкратце следовало следующее: эфирное пространство – это пространство полей, волн, информации и энергии, квантовое – это пространство всех существующих, базовых, частиц из которых все состоит, континуумное – это обозримое пространство крупных объектов, а темпоральное – пространство времени. В сущности, эфирное пространство представляло собой вселенский аккумулятор или скорее вместилище дармовой энергии любого вида. Квантовое пространство вместилище частиц из которых строится вся вселенная. Континуумное вместилище всего того, что каждый человек способен увидеть невооруженным глазом или ощутить. Ну, а темпоральное пространство – это вселенский двигатель, благодаря которому все законы мироздания работают именно так, как они работают. То есть пространство является самим временем. Все типы пространства неразрывны и завязаны друг на друге в единую сеть. Масштабы определяли то, каким законам будет подчиняться объект. Однако акцент Айну делала именно на эфирное пространство.

- Если мои данные верны, то, в теории, я нашла источник безграничной энергии. Если найти способ ее преобразовывать в используемые виды энергии, то энергетическая проблема будет решена.

Данные Айну давали колоссальные перспективы, но сейчас всех волновали вопросы, которыми Айну просто засыпали с ног до головы. Ее простенькая презентация давала мало ответов, а ее пояснения были сбивчивы, но все же, один вывод все уяснили с абсолютной точностью понимания. Всех охватило странное ощущение тревоги и беспокойства. Все в зале ощущали это чувство и вертевшийся у всех на языке вопрос, соскочил с уст Абени.

- Исследования велись еще на Земле. Если бы нас не торопили и профессор Мафруз не погиб… - Абени запнулась.

Повисла тишина.

- Если бы именно он сделал это открытие, у нас было бы время, спасти больше людей.

- Если бы, да ка бы… - произнес сокрушенно Бяо.

- Да… Нам пришлось оставить среди всех… *Недостойных людей*… Множество абсолютно неповинных. Нас вынудили выбирать, - тяжело произнес Джарвис.

- Когда будет возможность использовать энергию эфирного пространства, есть ли смысл попытаться вернуться на Землю? – произнесла Элизабет Ривз.

Элизабет – социолог. Черноволосая с острыми чертами лица и бархатной кожей девушка.

- Вы верите, что там могли уцелеть те, кого есть смысл спасать? – произнес Бяо.

- Человек силен, смысл есть всегда, - ответил Джарвис.

- Думаю, этот вопрос стоит выделить и обсудить отдельно, как вы полагаете? – произнесла Абени.

Все одобрительно закивали.

- Сейчас нас должен беспокоить другой вопрос, - произнес Джарвис. - Вопрос о потенциальных инопланетных соседях. С тех пор как мы начали колонизацию Тейи, на нас градом посыпались не только открытия, но и возможности, которых не было, когда мы были на Земле. Это не просто удача, а если и удача, то такой шанс упускать ни как нельзя! Сейчас необходимо бросить все силы на поиски соседей.

- К слову о соседях! – вмешалась Абени. – Артефакт удалось расшифровать?

- Да, отчасти, - ответил Сафаров. – Это графические и электромагнитные данные. Изображения и музыка, если проще.

- Мне это напомнило программу «Вояджер», еще в середине двадцатого Земного века. Мы вроде как тоже отправляли нечто похожее в космос, не так ли? – произнес Оджас Ганди.

- Да, нечто вроде людьми делалось, потому-то, когда была проведена аналогия, мы и сумели расшифровать данные.

- Простите! – робко вставила слово Айну. – Я еще нужна?

- Ах, простите… - произнес Джарвис. – Да, будьте любезны задержитесь, у нас будут к вам еще вопросы.

***

Эфир, как понятие, появился в физике еще в далеком Земном средневековье. Увы, но учесть эфира была печальна и попала в раздел лженаук. Если бы не этот факт, если бы не ограниченность времени, если бы не смерть профессора, если бы не необходимость заниматься другим, если бы… Ох, как много *если бы*. Эфир стал решением многих проблем, но все совершенное до его открытия, теперь история, которую не повернуть вспять. Однако, по словам Айну, теоретически, если обратить движение темпорального пространства, то сделать это можно, но пользы от этого не будет, а последствия будут страшнее любой из возможных катастроф. Да, можно обернуть время в локальной точке и лишь на короткий промежуток, что-то вроде перемотки назад. Но все это при условии, что отрезок времени будет крайне мал и все что участвовало в процессе, еще не покинуло зоны локации. К слову, прошлое менять никто и не собирался, а вот творить будущее хотел каждый и в этом будущем открывались все дороги. Эфир позволял запитать любую машину без проводов и кабелей и из любой точки планеты, достаточно было иметь эфирный приемник и трансформатор, который преобразовывал энергию эфира в электроэнергию. Теменвит начал преобразовываться и модернизироваться. Дома и предприятия оснащались приемниками, мощности возрастали и все новые, и новые машины могли: больше, дальше и сильнее. Первые межзвездные корабли, оснащенные новыми источниками питания и квантовыми телепортами, теперь могли доставить почти в любую точку вселенной в любое время. Дело было лишь за малым – дождаться окончания строительства. Но во всем были свои - новые, трудности. Была собрана команда людей, которые должны были отправиться к соседям по разуму. Долгие эйншы подготовок, проверок данных, оборудования, изучения мира соседей. Перед людьми встали три основные или главные проблемы: свойства эфирного пространства, иммунная защита и радиация. Первая проблема была в лице звезды HL3WR. HL3WR или Брунида – это звезда, вызывающая сильные турбулентные потоки в эфирном пространстве, из-за чего телепортация к звезде невозможна. Ближайшая, к необходимой планете, точка входа располагается на расстоянии от двух с половиной, до трех миллиардов километров, в зависимости от положения планеты. Говоря иначе, после телепортации, необходимо еще и добраться до

планеты на обычной тяге. Вторая проблема была связана с биосферой планеты. Если на планете соседей есть разумная жизнь, то обязательно есть и примитивная. Особую роль здесь играют микроорганизмы, которые представляют скрытую угрозу для человеческого иммунитета. Исследования на Македоне показали, что найденные экстремофилы для человека не представляют угрозы. Однако, вместе с тем, исследования на Македоне дали богатую базу для создания особого нано белка. Нано белок: «биологически активный генетически связанный с носителем иммунный агент» или сокращенно «БАГСНИА», более известная как «иммунобарьер», был второй иммунной системой. Этот белок выполнял роль той же иммунной системы, что есть и у человека, но более эффективно. В отличие от тех же лейкоцитов, которые борются с враждебными агентами путем их поглощения, иммунобарьер проникал во враждебного агента и перестраивал его структуру, из-за чего тот саморазрушался. При этом сам агент иммунобарьера не погибал, в отличие от лейкоцита. Но было одно большое НО – необходимы были тесты. Именно поэтому, вместе с людьми на планету соседей полетят специально выращенные (клонированные) животные с привитым иммунобарьером. До тех пор, пока иммунобарьер не пройдет полную проверку, прививаться людям он не будет. К слову! Собственно, именно иммунная проблема и первые две стадии колонизации Тейи (первая стадия: освоение планеты, поиск и добыча ресурсов; второй этап: формирование колонии и стабилизация условий существования) вынудила людей воздержаться от продолжения рода на первые пятнадцать Земных лет (дети, рожденные на Земле перед прибытием на Тейю и непосредственно после – исключения). Дело в том, что биосфера Тейи еще в процессе формирования и новое поколение детей, которое будет рождено на Тейе, имеет шанс, родится с проблемами с иммунной системой. Из-за того, что иммунобарьер еще в стадии тестирования, людям приходится полагаться на родную иммунную систему. Все дети, что были рождены на Земле непосредственно перед отбытием или в первые дни на Тейе, дефектов не имели, а их система лишь поддерживалась искусственно, но ни в коей мере не заменялась искусственной поддержкой. Последняя проблема была очень важна, ибо человек вышел на новый уровень своего развития, начав исследование космоса. Радиация вездесуща, но в отличие от планет, в космосе она в особо крупных концентрациях. Страшнее только галактическая радиация, радиация за пределами звездных систем. От радиации можно защититься, а при заражении вылечиться, но чем выше доза, тем надежнее должна быть защита и эффективнее лекарства. Однако, всегда есть значения, после которых защита и лечение становятся бесполезными. Для решения проблемы радиации, требовалось найти способ обладать врожденной защитой, чтобы корабли, скафандры и медикаменты, били лишь дополнением, а не основным источником. За эту работу взялись генные инженеры. Человеческий организм, за десятки тысяч лет использования подручных средств, стал зависим от того, что использовал, а потому был слаб. Инструменты были когда-то средством, чтобы подняться, но теперь это костыли, на которые человек опирается. Своими костылями, человек лишил себя шанса естественно получить нечто большее. И все же! Точно так же, как запустивший себя человек, одумавшись, может взять себя в руки, обратить слабости в достоинства и решить свои проблемы, так и человечество, поняв, что запустило себя, способно собрать волю в кулак и решить любую проблему. Генная инженерия – это воля, заключенная в кулаке человечества. Генная инженерия должна будет дать человеку то, что у человека должно было быть от природы, но было задавлено глупостью и ложными стремлениями. Согласно прогнозам, за тридцать, максимум за пятьдесят, тойев даже бессмертие будет не вымыслом. Сейчас человечество серьезно ограничивало лишь одно – время.

Планета соседей – Танталия, была пятой в системе звезды HL3WR и была на границе обитаемой зоны. HL3WR представляла из себя переменную звезду, у которой изменение блеска, в результате внутренних процессов, провоцировало турбулентность в эфирном пространстве. К Танталии были отправлены зонды и спутники, но из-за турбулентности провести анализ планеты не удавалось. Гиперсвязь (гиперсвязь – это связь, использующая квантовое пространство для

мгновенной передачи любой информации в любую точку вселенной без задержек) работала с перебоями, а информация была сильно искажена. Радиосигналы, которые отправлялись в сторону планеты, возможно, либо так же искажались, либо попросту были проигнорированы обитателями планеты. Однако были и другие предположения, но в любом случае, обитатели ни коем образом себя не проявляли и не отвечали на попытки контакта. Именно эта тишина и проблемы, вызываемые местной звездой, вынудили людей заявиться в мир гостей лично. Что касается самой Танталии, то эта планеты представляла собой планету среднего диаметра, чуть меньше Тейи, с колоссальным множеством островов и без единого материка. Естественных спутников у планеты не было, но были искусственные. Все данные собирались, словно мозаика и некоторые аспекты приходилось даже додумывать, но в целом картина выстраивалась и по этой картине и готовилась экспедиция.

***

Валентин сидел в зале в окружении пары десятков людей и, как и все ожидал одного человека. Тем человеком была Элизабет Ривз, друг и коллега Валентина. Они оба занимались вопросом проблемы связи и за последние два тойя они собрали огромную массу информации, смогли ее проанализировать и прийти к удручающему выводу, который предстояло изложить всем остальным на данном заседании.

В зал вошла Элизабет и все оживились. Элизабет копалась в сумке и Валентин подошел, чтобы ей помочь. Из сумки, с благодарностью за помощь, Элизабет извлекла жесткий диск и передала Валентину, а он подключил его к компьютеру с проектором.

- Доброго всем дня господа, - поздоровалась Элизабет.

С Элизабет поздоровались в ответ.

- Начинаем, - произнес Валентин. – Бетти, давай ты.

- Хорошо, - ответила Элизабет.

Элизабет глубоко вздохнула и оглядела зал. Люди в зале заинтересованно глядели на Элизабет и ждали, что же она скажет. Элизабет испытывала волнение и это волнение передавалось всем в зале, от чего все понимали, что новость будет неприятной.

- Ну, что же… Я и профессор Харченко занимались вопросом проблемы связи, какова была обнаружена профессором. Усилиями профессора было собрано множество данных, для проведения анализа, которым я и занималась, и результат этого анализа показывает, что при создании связи была допущена ошибка. Чтобы понять суть, необходимо объяснить принцип работы связи, который заключается в следующем.

Элизабет начала объяснять. Связь – это нечто вроде искусственной личности и все эти личности объединены в единую сеть. Однако! У каждого человека есть своя *родная* личность. Связь прививали при помощи химическо-биологического препарата, который создавал в мозгу новый участок, который после стимуляции подключался к единой псионной сети. Этот участок и создавал вторую личность, которая, как оказалось, начала конфликтовать с родной личностью. В некоторых случаях родная личность пробивалась и брала сознание под свой контроль, из-за чего человек мог совершить нерациональные или опрометчивые действия. Однако, в силу того, что прививка жителям Теменвита делалась в сознательном возрасте, диссонанс личностей был слаб и потому конфликтные ситуации быстро разрешались. Но, было одно «но». Жителями Теменвита

были не только взрослые, но и дети. Проблема здесь заключалась в том, что родная личность детей была еще в состоянии формирования и после прививки, диссонанс личностей был более ярким. Для облегчения понимания, были введены следующие понятия: основатели – все взрослые, первое поколение – дети, что родились перед переселением и непосредственно после, второе и последующие поколения – дети, которые будут рождены по истечению срока ограничения на рождаемость. Для основателей данная проблема не критична, а у второго и последующих поколений этой проблемы не будет, ибо они будут рождаться со связью и у них будет лишь одна личность. Проблему и угрозу представляет лишь первое поколение. Их родная личность не сформирована, от чего ее влияние пагубно влияет на их поведение. Во время наблюдений, было замечено импульсивное поведение, а также, временами, неразумность совершаемых действий, которые дети не в состоянии объяснить. В силу этого факта, требуется принять меры, по решению вставшей проблемы. Если основатели еще в состоянии довольно быстро сориентироваться и понять, что их связь дала сбой и тем самым взять себя в руки, то дети на это не способны. Есть и другая проблема, которая заключается в невозможности спрогнозировать последствия, то есть то, как себя будут вести дети в ответственном возрасте.

- И… Как такое можно было упустить?! Это ведь не просто проблема, это на грани катастрофы! – тревожно произнес Бяо.

- Не все так плохо! Поверьте мне! – поспешил успокоить Валентин. – Проблема была, скажем так – неизбежна! Устранить ее невозможно, но мы можем ее контролировать.

- Вы знаете как? – произнесла Абени.

- В первую очередь, важно, чтобы все о проблеме знали. В результате анализа, удалось выявить симптомы, которые следуют за любым из подобных, ну допустим - «приступов». К тому же, проблема лишь у нас и у детей из первого поколения.

- Проще говоря, пока все мы и наши дети живы, мы представляем угрозу для колонии? – вставил слово Бяо.

- Да, - сухо ответил Валентин. – Однако! Как уже было сказано, второе и последующие поколения этой проблемы будут лишены и эти данные подтверждены исследованиями. Да мы допустили ошибку, но нас поджимали сроки и только поэтому ошибка была допущена! Сейчас же нас время не заставляет торопиться.

- Простите! – перебила Абени. – А собственно, как будет решаться проблема?

Все пристально уставились на Валентина и Элизабет.

- Нам придется осознанно прописывать ограничения, как для себя, так и для первого поколения в индексе.

- То есть, эти ограничения будут влиять на мою сферу деятельности? То есть мою работу будут ограничивать?

- Не совсем. Когда и, если вы столкнетесь с данной проблемой в работе связи, вы сами наложите эти ограничения. Прецеденты уже есть.

- А дети?

- Здесь сложнее, - произнесла уже Элизабет. – Их придется ограничивать, но мы полагаем, что данная мера будет воспринята ими с полным пониманием. Первое поколение растет очень быстро, а их интеллект развивается быстрее, чем их возраст. Думаю, что они и сами, точно, как и основатели, будут сами намеренно накладывать ограничения.

Бяо барабанил пальцами по столу.

- А я-то думал, что сейчас самая большая проблема в терраформировании… - упрекающее произнес Бяо.

***

Время летело, словно скоростной поезд и без остановок. На дворе уже был конец шестого тойя, первые школы на Тейе уже принимали своих первых учеников и любимое Чадо Валентина собиралось в первый класс. Да, несмотря на то, что Тейю населяли исключительно профессионалы и специалисты своего дела, сейчас каждый человек на Тейе прикладывал усилия на то, чтобы колония была самодостаточной. Дети же, хоть те и были достаточно умными и начитанными обитателями Теменвита, нуждались в квалифицированном обучении, а посему и школы были острой необходимостью.

Автопилот вел электромобиль по новой, совсем свежей, полимерной дороге к одной из первых школ Теменвита. Город, после глобального обновления в плане энергоснабжения, сильно преобразился. По прогнозам, в скором будущем городу предстоит проделать множество обновлений и сам прогноз навел некоторых ученых на одну идею, суть которой заключалась в умном материале. Умный материал – это материал, из которого состоять будет все в Теменвите. Сейчас город возводят печатные машины, по принципу 3D принтера, а умный материал позволит экономить ресурсы и время. Говоря банально, умный материал – это материал, который будет сам все делать, согласно заложенной в него программе. В случае чрезвычайных происшествий, природных катаклизмов и тому подобному, умный материал будет приспосабливаться и принимать меры по предотвращению разрушений, а в случае разрушения, будет восстанавливать разрушения. Правда, до такой технологии еще далеко, но горячие умы эта идея захватила и сейчас уже ведутся работы по созданию.

Школа, в которую направлялись сейчас Валентин, Эльвира и их любимое Чадо, находилась в пяти километрах от Теменвита и двадцати пяти километрах от ближайшего космодрома, на которых строились первые межзвездные корабли. Школа располагалась на возвышенности, в то время как космодром, относительно, располагался в низине и из окон школы было, хоть и плохо, но все же видна стартовая площадка и сборочные цехи космодрома. Где-то там, сейчас стояли Гиперион и Пандора. Гиперион – это межзвездный корабль, который будет должен доставить группу людей в звездную систему звезды HL3WR, а Пандора – это корабль станция, которому будет суждено первому вернуться на Землю.

Вокруг школы строились жилые дома, парки и сады, все необходимое, чтобы этот участок города начал в ближайшем будущем существовать более чем полноценно. Пока машина катила по дороге, Валентин разглядывал ее край, который порос молодой зеленью. Тейя покрывалась жизнью, что очень приятно радовало измученный трудностями глаз. Порой Валентин, вот точно так же разглядывая пейзаж за окном, задавался вопросами о будущем города и что же их будет еще ждать впереди. А вот Бяо часто думает о том, как же так вышло, что Тейя имеет столь идеальные условия, неужели все так, как и говорится: «Ищущий, да обрящет»? А почему бы и нет? Разве среди миллиардов возможных миров не может найтись именно такой, который ты ищешь?

«Вечно этот Бяо панику на ровном месте разводит, - подумал Валентин. – Истеричка…».

Электромобиль приблизился к школе. У дверей учебного заведения толпились сотни людей, преимущественно дети, и стоял сильный гвалт обсуждений, радостных возгласов и просто

разговоров. Семья Харченко покинула электромобиль и направилась к школе, чтобы проводить свое любимое Чадо к началу их будущего пути познания. Валентин испытывал странное чувство в груди, словно у него сосало под ложечкой. Это чувство ощутили Чадо и Эльвира и с понимающими улыбками поддержали отца семейства. Чувство, которое Валентин испытывал – была гордость. Валентин гордился тем, что, несмотря на все трудности, все тяжести прошлого, все эти люди, как он и его семья, радуются и с уверенностью глядят в будущее. Валентин улыбнулся и, взяв свое Чадо за руку, направился в сторону школы.

***

Джарвис Цой, как и несколько десятков других людей, сидел в командном центре, в ожидании старта. Гепериона и Пандора, загруженные всем необходимым, находились в состоянии ожидания, чтобы отправиться кто куда. Гепериона ждала Танталия, а Пандору Земля. Два корабля. Два пути. Гипериону предстоит несколько суток добираться до Танталии от точки выхода, а вот Пандоре предстоит посетить Марс, а следом и Землю. Миссия Гипериона в первом контакте с иной цивилизацией, а миссия Пандоры в сборе информации, касательно того, что сейчас на Земле происходит. Пока что, все корабли вынуждены стартовать с Тейи и добираться до открытого космоса на обычном топливе, но уже в скором времени обещают построить второй космодром, где выход на орбиту будет осуществляться при помощи ускорителя. Ускоритель – это площадка, где корабль или станция будут достигать необходимой скорости, чтобы не сойти с орбиты, а уже после квантовой телепортации, без всякого топлива, попадать на орбиту. К слову! Полностью от топлива отказаться не получится. Да! Немного о первом космодроме. Назван он в честь одного человека, который пожелал остаться на Земле, но многое сделавший для будущих обитателей Теменвита, в годы, когда все еще были на Земле. Имя этого человека Айзен Азим, от чего название космодрома «Азимовский». Сейчас с этого космодрома стартуют корабли первого и второго поколения, а раньше стартовали ковчеги, которые, большая их часть, уже разобраны на части. В будущем и сам космодром будет разобран, но до тех пор, отсюда будут стартовать первые корабли.

Все положенные проверки были проведены и все разрешения на старт были получены и одобрены. Был дан обратный отсчет и Гиперион вместе с Пандорой были в нескольких секундах от старта. Секунды на электронном табло таяли и когда отсчет достиг нуля, рев двигателей сотряс стартовую площадку. Для всех это уже было более чем привычной рутиной, а сам процесс был отлажен до автоматизма. Оба корабля достигли открытого космоса без всяких проблем и, выйдя на орбиту Тейи, приготовились к телепортации. Раз! И через доли секунд оба корабля оказались за триллионы километров от Тейи. По гиперсвязи были переданы сведения о состоянии кораблей, оборудования и экипажа. Гиперион лег на курс и начал двигаться к Танталии, которую он должен будет достичь в ближайшие дни. Пандора так же легла на курс и в ближайшие минуты займет орбиту Марса.

Минуты тянулись, подобно бесконечности. В эфире стояла тишина и все ожидали Отклик Пандоры. Через какое-то время послышался голос об успехе и все спокойно вздохнули. Пандора начала сканировать поверхность при помощи спутников, но и без них было видно, что Марс мертв. Место, где была колония, выглядело так, словно там прошел ураган, а любые признаки жизни начисто отсутствовали. И то было не удивительно, ибо колония зависела от поставок с Земли. Сама себя колония почти не обеспечивала, из-за скудности ресурсов, что и сыграло роковую роль.

Наступал тревожный момент. Пандора разделилась на две части. Одна часть осталась на орбите Марса, а вот вторая отправилась к Земле. Все знали, что Марс был обречен еще в годы колонизации, а потому логичная картина никого не удивила. Всех волновала Земля! Да, картина которая должна предстать перед людьми, в целом так же логична, но все испытывали какое-то смятение или страх. Такое чувство испытывают люди, которые покинули родной дом, а спустя годы вернулись и сейчас стоят у дверей дома, не решаясь постучать. За этой дверью оставленное прошлое и было оно оставлено с болью и криками, словно родной сын матери одиночки, обругав ее, покинул дом, хлопнув дверью. У каждого сосало под ложечкой и хуже всего было тем, кто сейчас был у этой двери.

Стука в дверь не было. Дверь была не заперта и блудный сын вошел в недра родного дома. Корабль был назван Пандорой не просто так и сейчас экипаж Пандоры А1 открывал проклятую шкатулку. Гиперсвязь транслировала все в прямом эфире и все на Тейе были свидетелями того, что перед ними открывалось. Недра дома были изувечены шрамами. А мать… Колыбель человечества - Земля! Была дряхлой старухой, которая не узнавала и не признавала свое дитя! Родная мать смотрела в глаза блудного сына и видела лишь пустоту… А блудный сын, глядя на родную мать, рыдал… Ведь вина за все это лежала на нем. Ибо именно он сотворил это с ней и вины своей не искупить.

Города лежали в руинах, а новые леса, словно корка на свежей ране, затягивала собой все и вся. Земля походила на пациента ожогового центра, что прибыл в критическом состоянии. Жизнь не сгинула, но изменилась. Теперь Земля не была Райским уголком, теперь тут был ад, где каждый боролся за право жить. В хищных лесах и ядовитых водах, в сожженном небе и взрытой земле, все боролось, все менялось. Одна жизнь истребляла другую, словно бы Земля, стремясь к незримому балансу и равновесию, которое пошатнуло человечество.

- Боже… - выдавила из себя Ава Лам.

- Я конечно атеист, - произнес Саймон Фикс. - Но думаю более подходящего слова, дабы выразить свои чувства, я не подберу, поэтому повторю за Авой: «Боже…».

- Неужели в этом… Могли уцелеть люди? – пораженно спросила Беатрис Пратчетт.

- Скоро узнаем, - донесся голос Джарвиса из динамика.

Пандора А1 и А2 пробыли на своих орбитах чуть более одних Земных суток. За это время удалось просканировать интересующие участки планет вдоль и поперек. Марсианская колония, хоть и была ожидаемо мертвой, но в то же время и неожиданно пустой! В прямом смысле этого слова. Ни тел, ни фрагментов тел, ни чего! С подачи Хачиро Ивамото, а точнее случайно оброненному слову «кроатон», Марсианскую колонию, которая носила гордое имя «Золотое сердце», неофициально переименовали в Кроатон. Несмотря на то, что следы пребывания и активности людей были, самих же людей не было. Однако судить об их наличии и отсутствии по руинам, которые приходилось разглядывать с орбиты Марса, было поспешным решением. Требовалась высадка на поверхность и детальное рассмотрение останков колонии. Всех смущал тот факт, что в раскуроченных останках колонии, которые явно были результатом стремительных процессов, нет ничего! Словно они были пустыми в момент разрушения. При том условии, что население Марса составляло почти пять тысяч человек. Одним словом – загадка! А вот с Землей все обстояло гораздо прозаичнее, печальнее и строже. В ходе войны, оставшиеся люди, дотянувшись до всего, до чего только могли, уничтожили все, что могли или хотели уничтожить. Прогнозируемое глобальное вымирание произошло, но отнюдь не по естественным причинам. Человечество само стало и причиной, и инструментом этого вымирания.

На следующие сутки было принято решение – спуститься на поверхность, как Марса, так и Земли. С Марсом все было понятно, а вот с Землей, то тут выбор, в ходе голосования, пал на Москву.

Марс, а вернее колония «Золотое сердце» или «Кроатон» явила себя скудный и однообразный пейзаж с богатой на множество деталей вставкой в виде колонии. Марс – это камни и песок, скалы и почти пустое небо. Все окрашено в один красно-серый тон, на котором ярко выделялись своей белой, серой и серебристой гаммой руины колонии. Собственно, вся колония состояла из множества модулей, соединенных в подобие лабиринта, вернее так было. Сейчас колония походила на выпотрошенный пакет с мусором и все это было добротно засыпано слоем песка.

- Знаете, - произнес Хачиро Ивамото, разглядывая руины. – В детстве я видел Марсианскую колонию как город со стеклянными куполами, а вот реальность…

- Стеклянные купола? – не понимая спросила Инга Романова.

- Да… В старых научно-фантастических книгах писатели представляли, что в Марсианских колониях обязательно будут сооружения в виде огромного стеклянного купола. Наивно…

- Что за дурацкая идея?.. – непонимающим тоном отозвалась Инга.

- Такая вот была у людей тогда фантазия, - чуть насмешливо, словно бы защищая писателей, произнес Хачиро.

Да, куполов тут не было и быть никак не могло. Все здания, или вернее отсеки, имели максимум три этажа. Все отсеки были соединены переходами и все места соединения были разделены герметичными дверьми. Видели, как лопаются сардельки, когда их переваривают? Так вот, почти вся колония так вот и выглядела. Словно мощное давление разорвало, не все, но большую часть, отсеки на клочки. При всем этом, следов пожара не было и причины произошедшего оставались под вопросом.

Тем временем на Земле дела обстояли не лучше. Москва лежала в руинах и растительность медленно, но верно пожирала останки города. Удалось даже спуститься в метро, которое, местами, уцелело. Группа Пандоры А1 спускалась в метро без опасения наткнуться на живых людей, ибо все говорило об обратном. Простое любопытство вело их к одному из последних оплотов для спасения цивилизации, который стал братской могилой. Бабе Ламбо удалось найти что-то вроде дневника, который держал в своих руках один из пары десятков скелетов на некогда бывшей станции метро Калужская. В дневнике говорилось о том, как люди спасались во время войны, а потом, когда всем было ясно, что гибель была неизбежной, все они спустились в метро и приняли смерть. Даже гермоворота не закрывались, ибо было незачем… Таких вот станций могил в мертвом городе было много и все они были открыты. Все люди… Все приняли смерть без страха и тревоги.

- Как так можно было? – с болью в голосе произнесла Эмма Мишель Моро. – Как можно было так спокойно принять смерть?

- Не знаю… - с той же болью ответил Сергей Васильев. – Русский человек отличается отчаянной силой воли и желанием жить, но тут. До чего же чудовищной должна была быть война, чтобы заставить даже русского человека сдаться и принять смерть?!

Сергей Васильев, попросив возможность отлучиться и посмотреть, что же случилось с ВДНХ, местом, где он провел свое детство. Сергей, во время своей прогулки, наткнулся на одну надпись в павильоне станции метро ВДНХ. Вход в метро забаррикадировал упавший памятник «Покорителям космоса», но вот сам павильон был открыт и среди всего хлама особо выделялась,

подсвеченная пробивающимся светом, одна надпись прямо на памятнике: «Здесь был А.Н. Ренгарт. 03.05.2049». Сергей долго разглядывал надпись, а потом подошел, достал нож и дополнил надпись. Сергей, грубо, но со смыслом, начертал следующее: «Однажды, красота неба станет на вес золота…». После Сергей оглядел свое творение несколько печальным взглядом, а после тихо произнес:

- Покойся с миром, Ренгарт, и прости нас…

Группа Пандоры А1 вернулась на корабль, по большому счету ни с чем, а вот группа Пандоры А2 вернулась не с пустыми руками, да что там! Они вернулись не одни! Чем и переполошили всех, еще, будучи на Марсе. Дело в том, что на Марсе нашли человека! Единственного чудом выжившего, по большому счету из ума, человека. Человека доставили на корабль в критическом состоянии. Долгое время тот провел в коме, а когда пришел в себя, то рассказать ничего не смог, ибо из-за гипоксии получил необратимое повреждение мозга, от чего пострадала его память. Собственно, это не удивительно, но поразительно то, что этот человек сумел выжить в столь чудовищных условиях, учитывая, как его нашли. Тут правильнее будет сказать то, что это как раз он нашел их. Будучи в тяжелейшем состоянии, человек набрел на группу и если бы не спутник, то его так бы и не заметили.

Обе группы успешно состыковались и вернулись на Тейю, где последнего марсианина подвергли интенсивному лечению. Тем временем Гиперион уже добрался до Танталии и готовился лечь на ее орбиту. Все ожидали новостей, но ждать приходилось с некоей периодичностью, ибо связь была невероятно ужасной. Все новости ожидались с нетерпением, ибо каждый новый пакет информации, не давая ответов на вопросы, но будоражил воображение. Все ждали одного, того самого, где будет сказано: «Мы вступили в контакт!».

Глава 4. Что же не так?

Кто мы такие?

Кто есть другие?

Гиперион ложился на орбиту Танталии. Небольшой мирок из, казалось было, бесконечного числа островов, разных цветов и форм. На более высоких орбитах кружили искусственные спутники, но все вокруг хранило тишину и относительный покой. Относительный, потому что хоть все и было в движении, но все эти движения были естественными. Движения не вносили беспорядка в царящий покой, и потому мир казался спящим. Радиоэфир безмолвствовал, и тишина нарушалась лишь белым шумом, да звуками, издаваемыми магнитным полем Танталии. Экипаж Гипериона нашел спутники, которые были отправлены к Танталии и, забрав их на борт, собрал данные, которые спутники собрали во время своей миссии. Когда носители информации были извлечены, начался мучительно тягучий процесс декодирования информации. Спутники собрали очень много информации о планете: химический состав, магнитные и гравитационные показатели, детальные снимки поверхности и многое другое. Спуск на поверхность иной планеты откладывался до тех пор, пока не будет сто процентных данных безопасности данного действия. По завершению декодирования, все собрались в кают-компании, чтобы лицезреть данные. Вот тут всех и ожидал шок, которого никто не ожидал, несмотря на все данные, которые на это намекали. Танталия была мертвой планетой, в плане разумной цивилизации. Планета была полна жизни, но вот разумная жизнь давно мертва. От былой разумной цивилизации остались лишь руины городов да спутники. Когда цивилизация сгинула точно, сказать было невозможно, ибо данные были слишком противоречивы. Одни данные указывали на то, что цивилизация исчезла миллионы лет назад, а другие данные, что каких-то пару сотен лет назад. Но самое странное было в том, что останки культуры цивилизации указывали на их примитивность, а вот останки технологий на их совершенность. Цивилизация Танталии предстала перед людьми гадким утенком. Все на Танталии было противоречивым и порой даже парадоксальным!

- Что за чертовщина тут творится?! – пораженный увиденным, произнес Марк Уолберг. – Да тут концы с концами не сходятся.

Было принято решение спуститься на поверхность.

После отправки пакета данных, экипаж принялся готовиться к спуску. Несколько человек были погружены на борт спускаемого модуля вместе с животными, образцами и дронами, а также оборудованием, для взятия образцов и проведения нескольких исследований. Через несколько минут, после окончания погрузки, модуль был телепортирован на поверхность, и исследование было начато. В воздух были запущены дроны, оборудование разложено, а образцы и животные выпущены.

Работа на поверхности затянулась на долгие пятнадцать часов, за которые были взяты образцы, отсканированы сотни квадратных километров местности, а живность нарезвилась вдоволь. По завершению работы, и по возвращению на Гиперион, весь добытый багаж данных и образцов, был передан другим, полным сил, членам экипажа. Первичный анализ занял порядка шести часов, а по завершению началась горячая дискуссия, в ходе которой было выдвинуто несколько гипотез, касательно противоречивости и парадоксальности цивилизации.

Гипотеза 1. Чужие технологии.

Суть этой гипотезы проста: танталийцы обнаружили или в их руки попала каким-то иным образом инопланетная технология, изучая которую были сделаны быстрые скачки в

технологическом развитии. Из-за дисбаланса культурного и технологического развития, цивилизация попросту уничтожила сама себя.

Гипотеза 2. Быстрый, но естественный, скачек в развитии.

Эта гипотеза похожа на первую, но с небольшой разницей: технологический прогресс был естественным. То есть, на Танталии могли поменяться принципы, что привело к прогрессу, но из-за того, что прогресс протекал стремительно, а культурное развитие напротив медленно, то так же, как и в первой гипотезе, дисбаланс привел к войне, в ходе которой цивилизация и вымерла.

Гипотеза 3. Война и деградация цивилизации.

Третья гипотеза повествует обратный процесс! То есть, танталийцы были очень развитой цивилизацией, но как и люди погрязли в морали, коррупции, пороках и прочем. В результате чего разразилась война, в ходе которой многие погибли, но отнюдь не все. Остатки цивилизации начали деградировать, что, несомненно, сказалось на их культуре.

Гипотеза 4. Эстетическое возвращение к былой культуре и деградация.

Четвертая гипотеза опирается на третью, но без войны. Цивилизация была высокоразвитой и богата на культурные ценности. В погоне за старинной эстетикой, цивилизация начала все больше и больше к ней стремиться, в результате чего начала деградировать до соответствующего уровня. Процесс деградации зашел слишком далеко и вышел из-под контроля. Прогрессирующая деградация и привела к вымиранию цивилизации.

Гипотеза 5. Вмешательство иной цивилизации.

Возможно даже и то, что на цивилизацию оказала влияние другая цивилизация! Ее решительные действия могли спровоцировать как войну, так и деградацию населения. Возможно и то, что в попытке помочь цивилизации, разница в техническом и культурном развитии спровоцировала войну.

Гипотеза 6. Лень.

Деградация могла быть спровоцирована и банальной ленью. Технологии могли настолько сильно облегчить жизнь, что желание и возможности получать удовольствие перевесили труд и привели к отупению, соответственно и к развивающейся деградации.

Все гипотезы, так или иначе, повторяли одну и туже мысль, но с разными путями развития. Истина лежала перед людьми раскрытой книгой, но была написана на мертвом и уже давно забытом языке.

- Странно… - произнесла Патрисия Фармер.

- Что именно? – спросил Марк Уолберг.

- Вот, взгляните, - произнесла Патрисия, передавая Марку один из рассматриваемых предметов.

Патрисия и Марк работали в лаборатории и осматривали добытые образцы в герметичной камере. Среди всех находок, что были в камере, одна, та, что Патрисия передала Марку, была странного, но в то же время очень знакомого вида. Предмет походил на циркуль или скорее на спаянные ложки. Марк, машинально, сжал этот циркуль и тот отозвался слабым скрипучим скрежетом металла, но после того как Марк расслабил руку, циркуль вернулся в исходное состояние.

- Что ты делаешь? – недовольно произнесла Патрисия.

- Это… Салатные щипцы? – недоуменно произнес Марк. – Хм… По крайней мере очень похоже.

- Да… - удивленно и немного недовольно произнесла Патрисия. – Действительно, очень похоже, но твои действия опрометчивы, а если бы они сломались?

- Извиняюсь, но это было не просто любопытство, но и маленький эксперимент, вот и все.

- В следующий раз воздержись и предупреди.

- Да, еще раз прошу прощения.

Возможно, причина крылась в человеческом разуме, а именно – способность в чем-то видеть знакомые очертания и образы, но как бы то ни было, а во многих добытых артефактах было много знакомого. Некоторые артефакты походили на столовые приборы, другие на орудия труда и охоты, а какие-то походили даже на электронные устройства и приспособления. Единственное чего среди артефактов не было, так это останков, но они долго ждать себя не заставили. Уже на другой, бортовой, день среди руин были найдены останки, которые всем своим видом указывали на то, что это было разумное создание. Останки были облачены в лохмотья и имели на себе металлические, по всей видимости, украшения и технологические приспособления. Останки имели антропоморфный вид: голова, торс, конечности, высокий рост и явные признаки прямохождения. Танталийцы имели скелет и множество, исходя из найденных хорошо сохранившихся мумий, схожих органов и систем: кровеносная, нервная, пищеварительная и другие. Схожесть танталийцев с людьми объяснялась гипотезой, которая была сформулирована еще в двадцатом веке. Суть гипотезы заключалась в том, что вся вселенная состоит из одних и тех же элементов, подчиняется одним и тем же законам и соответственно, согласно теории вероятности, жизнь будет стремиться к некоему идеалу. Человек – это некая компиляция всего, что обладает наибольшей функциональностью и продуктивностью. Исходя из данной гипотезы, логично предположить и то, что иная разумная цивилизация, рано или поздно, придет к подобному биологическому строению. Даже технологии, согласно той же гипотезе, могли быть схожи с человеческими технологиями. Единственное, что смущало – это предметы культуры! После двух корабельных суток исследований, все пришли к выводу, что культура танталийцев также, как и технологии, были схожи с людскими. Несмотря на то, что они отличались внешне, их функционал был идентичен. Однако, все же, с выводами никто не торопился, ибо возникли сомнения по поводу того, что их культура могла быть на ранней стадии, в отличие от их технологий.

- А что, если это и не предметы культуры? – словно бы в пространство задал вопрос Алекс Гейзенберг.

- Не культуры? – не понимая, спросил Марк.

- Да, что если это нечто иное? Ну, скажем… Вод представьте! Мы не покинули Землю. Земля погибла и спустя тысячи лет нас находят другие цивилизации. Что они найдут? Технологии, предметы культуры, а что еще?

Все задумались.

- Всякого рода мусор, всякого рода игрушки и безделушки, не только детские! Как они это воспримут?

- Как часть нашей культуры? – непонимающе и как-то риторически спросила Ванесса Мерц.

- Да, но какой культуры? Высокоразвитой или примитивной? Мое, думаю и ваше тоже, детство прошло в то время, когда люди собирали коллекции всякого барахла! А теперь представьте, что мы наткнулись на такое барахло.

- Звучит интересно, но знаете, что меня беспокоит? – произнес Марк. - То, что это очень напоминает наше – человеческое. Это даже пугает…

- Да… Это странно даже, – произнесла Ванесса. - Биология и технологии еще ладно, но вот культура… Они быть схожим ни как не могут. Да и вообще! Мы сейчас гадаем на кофейной гуще! С тем же успехом мы можем кидать монету и говорить, что вот эта сторона означает одно, а вот эта сторона означает другое! Нам выпал орел – рисунок! И мы принимаем это за знак культуры. Фактов для общей картины мало…

- Есть! – радостно воскликнул Айзек Лемх. – Положительный результат!

Дискуссия прекратилась и все переключились на Айзека.

- Я получил положительный результат по иммунобарьеру! У меня просто куча данных, позволяющих провести эксперимент на людях.

- Слушайте, а у нас реконструктор есть? – спросил вдруг Марк.

- А тебе зачем? – не понимая спросила Ванесса.

- Хочешь по черепу восстановить лицо танталийца?

- Да. Познакомиться не вышло, так хочу узнать, как они хоть выглядели…

***

Гиперион вернулся на Тейю спустя два санда. Экипаж встречали чуть ли не как героев, разве что только без фанфар и оркестра. Несмотря на то, что все знали, что контакта не было, сам факт того, что во вселенной, помимо людей, есть еще цивилизации, очень и очень обнадеживает и дает стимул на поиски. Один из плюсов экспедиции – результаты испытаний иммунобарьера. Второй немало важный плюс – это артефакты танталийской цивилизации, которые подлили масла в огонь, так как по возвращению Гипериона, экипаж узнал последние новости касательно миссии Пандоры. Дело было в том, что во время первой экспедиции в солнечную систему, на Марсе был найден человек, так сказать – последний марсианин. Но не в самом марсианине было дело, а в том, что из-за него была вторая экспедиция, в ходе которой был найден искусственный разлом в коре Марса, в недрах которого располагались останки древнего города, неизвестной цивилизации. Находка настолько сильно поразила всех, что на Марс тут же было отправлено, пусть и на старых ковчегах, но подкрепление. В ходе раскопок, было извлечено несколько десятков различных артефактов, которые вызвали неподдельное удивление. Удивляться пришлось многому, один лишь факт существования марсианского города уже запредельно поражал. Архитектура, предметы быта и предметы местной культуры поразили своей схожестью с человеческими, в первую очередь в функциональном смысле. После возвращения Гипериона, все встало с ног на голову. Две цивилизации, похожих бытом и культурой, на человеческую, вызывали в умах людей диссонанс. На головы людей, словно из рога изобилия, сыпались факты, артефакты, вопросы и загадки, которые не имели объяснения. Человечество словно посудомойка, которая только что перемыла горы посуды после пышного банкета, как вдруг! Оказалось, что в соседнем зале был еще один, куда более пышный банкет и очередная гора грязной посуды требовала помывки.

Человечество вышло на новый уровень. Технологический прогресс опережает возможности. Человек, если попытаться сравнить ценность и значимость открытий, с начала новой эры создал и открыл столько же, сколько за всю историю. Если раньше люди блуждали в дебрях, открывая и создавая все в слепую, методом проб и ошибок, постоянно сомневаясь, постоянно отвергая невозможное, то теперь все иначе. Оторвавшись от всего того, что тянуло прогресс на дно, что висело на шее прогресса мертвым грузом, прогресс стремительной пулей устремился в верх. Если сравнить жизнь с игрой, то время до новой эры – это игровой прогресс до, скажем, двадцатого уровня, из тридцати. Эти двадцать уровней – это уровни, когда ты осваиваешься, собираешь все необходимое, создаешь то, что в будущем будет приносить некие ценности. А вот оставшиеся десять уровней – это как раз тот отрезок процесса, когда ты пожинаешь плоды трудов. Если все было верно сделано, то ценности будут сыпаться, успевай лишь собирать. Но как это иногда бывает, в игре выходит обновление и игра говорит: «Вот! Вот тебе еще десять, а то и все двадцать, дополнительных уровней. Гадай, развивай, действуй». Вот и человек, достигнув финишной прямой, понимает, что финиш улетел далеко в перед. Новое обновление этой игры, добавляющее новые уровни прокачки – это две мертвые цивилизации. Одну человек открыл, а вот другая была под самым носом на протяжении всей истории человека. Сюжетный квест этой игры – это загадка схожести цивилизаций. Как так может быть, чтобы цивилизации были так похожи?! Или все это человеческое воображение? Быть может все не так?! Что если человек нашел инопланетный микроскоп, который просто похож на человеческий молоток? Что же теперь? Считать его молотком и забивать этим микроскопом гвозди? Как бы то ни было, но загадки, как и открытия, сыпались градом и больно били по умам людей.

***

Иммунобарьер – панацея от болезней, прошел все стадии проверок и наконец-то началась стадия прививания. Со дня тестирования иммунобарьера на Танталии, прошло около полутора тойя и самое важное, что за это время произошло - так это создание полигона на планете Сиа, в звездной системе Пив 6. Собственно, где и проходила финальная стадия тестирования иммунобарьера. Точнее – тестирование на добровольцах. На создание полигона оказало много факторов, но, пожалуй, самым главным или ключевым была первая в истории Тейи смерть Себастьяна Горварда в результате несчастного случая. Именно его смерть и с подвигла Бяо, оказав эмоциональное давление, на решение. Полигон был создан по настоянию Бяо и им же были проведены тесты иммунобарьера на людях. Иммунобарьер показал себя блестяще, а карантинное пребывание в течение трех эйншев помогло выявить все недостатки и огрехи, ну и устранить их, само собой. Полигон послужил и для создания, и тестирования искусственного интеллекта (ИИ), создание которого вынудила сильная загруженность.

Полигон оказался очень и очень полезным. Свою пользу полигон продемонстрировал уже в первые дни своей работы. Самый первый и еще сырой, в плане обслуживания, корпус подвергся утечке танталийских бактерий. Все обошлось без жертв, но комплекс пришлось полностью стерилизовать. Плюсом тут было то, что если бы эта утечка произошла на Тейе, то вся колония могла бы быть подвергнута угрозе заражения инопланетными бактериями, а так... Полигон на другой планете – это широкий простор для экспериментальной деятельности с невообразимо низким шансом угрозы для основной колонии.

После прививания иммунобарьера, исследования и раскопки на Танталии упростились, и все же, сил не хватало. Несмотря на все страхи по отношению к искусственному интеллекту (люди боятся, что ИИ их полностью заменит), нужда в нем вставала все острее и острее.

Причины необходимости ИИ:

Причина 1. Условия.

Современные машины, обладающие развитыми системами, допускают массу ошибок, вследствие неучтенных факторов. Факторов, которые обычному глазу почти не заметны. Эти факторы вносят сильные погрешности и порой машина не в состоянии самостоятельно отличить живое от неживого, что делает человеческий разум необходимым для идентификации. Но машины могут работать в экстремальных условиях, а вот человек, без надлежащей защиты, нет.

Причина 2. Вычислительные способности.

Машина способна производить вычисления в разы быстрее любого человека, что делает машину очень важной в процессах исследования! Но машина лишена импровизации и креативности, а программы, со сложными алгоритмами попав в тупиковую, не прописанную в программе, ситуацию, встают мертвым колом, не понимая, что им делать.

Причина 3. Новые возможности.

Человек давно интересуется вопросом, связанным с разумом и интеллектом. Машины с ИИ позволят изучать этот вопрос, а в случае необходимости, даже заглянуть в недра и разобрать, что с человеком сделать проблематично.

Причина 4. Производство.

Самая банальная причина – это производство. Человек, если рассматривать его как ресурс – ограничен. Машина в том же плане имеет меньшую ограниченность. Учитывая острую нехватку людей, ИИ должен будет восполнить эту нехватку. Правда, именно эта причина и порождает страх перед ИИ.

Причина 5. Универсальность.

ИИ – это как гибрид человека и лаборатории, и этим более чем все сказано.

Причина 6. Внимательность.

Каким бы гениальным человек ни был, все же внимательность у человека не абсолютна. В силу множества факторов, человек не может запомнить все досконально и удержать это в своей памяти. Порой, мозг даже подстраивает поступающую информацию, что может привести к тому, что человек попросту не обратит внимания на некую деталь, которая может в будущем сыграть важную роль. Плюс человек подвержен обману зрения и в некоторых ситуациях мозг может получать неверные данные. Машины же дотошны и не подвержены иллюзиям, а машины с интеллектом – это самое дотошное творение из всех возможных. То, что может ускользнуть от внимания человека, ускользнуть от внимания машины будет не в силах.

Есть и другие причины, но все они либо незначительны, либо вытекают из выше указанных причин. Как бы то ни было, но причин хватило, чтобы начать создание ИИ. Создание проводилось на том же полигоне, но уже на южном полюсе Сиа. Процесс создания комплекса разработки искусственного интеллекта проходил под чутким и дотошным контролем Бяо, который прославился своим страхом перед любой мелочью. Как многие шутили на его счет: «Будь Бяо убежден, что любая муха – это причина конца света, то он бы нашел способ закрыть всю Тейю на карантин и извести проклятых мух». Но как бы кто не шутил, а к Бяо прислушивались. Даже тот же полигон, предложенный впервые, воспринимался с неодобрением, но в следствии был все же построен, а его преимущества оценены.

Создание ИИ заняло несколько эйншев, а вот на закрытие проекта потребовалось всего один голл. Почему проект закрыли? Что же, тут надо начинать издалека. Сам проект получил имя «Бяо 01», в честь Бяо Фаня, с надеждой на то, что страхи на счет ИИ не сбудутся. Создание ИИ началось с вопроса: «Что же такое разум?». Исконное или общепринятое определение разума – это совокупность сложных поведенческих алгоритмов, появившихся в результате совершенствования инстинктов. Чтобы понять определение, необходимо понять то, как же эта совокупность появилась. Простейшее органическое соединение, способное реагировать на возбудители, путем химических реакций, оказывает действие, то есть совершает одну химическую реакцию на другую. Чем чаще совершается действие, тем выше шанс, что действие превратится в сложное действие или рефлекс. Рефлекс является цепочкой автоматических действий. Совершенствуя механизм, по мере накопления рефлексов и их укоренение, некоторые рефлексы начинают передаваться в новое поколение, что формирует инстинкты. Адаптация – это ключ к эволюции и совершенствованию механизма. В тот момент, когда инстинкты достигли уровня, при котором адаптацию организма к окружающей среде начала вытеснять адаптация окружающей среды под организм, родился разум, который начал себя осознавать. Но все бы ничего, если бы человек не попытался создать искусственный разум. Создав интеллект, этот интеллект сильно уступал человеческому, а все попытки сделать ИИ равным человеку, терпели крах. Во время тестов, ИИ в буквальном смысле сходили с ума. Сами же тесты, дали понять, что интеллект человека и искусственный интеллект разделены чем-то, что буквально под самым носом, но заметить это не способен ни человек, ни ИИ, который скорее не интеллект, а набор алгоритмов, имитирующих интеллект.

Тесты искусственного интеллекта:

Тест 1. Выбор.

Первый тест прошли и люди, и машины с ИИ. Суть теста сводилась к банальному выбору, но условия выбора были отнюдь не однозначны. Людям и машинам предоставлялась ситуация, в которой надо было выбрать один из вариантов и не иначе. Каждый вариант подразумевал безвыходную ситуацию, при которой приходилось чем-то жертвовать и каждая из предложенных жертв несла свою индивидуальную цену. Все машины, без исключения, взвешивали все ценности и сопоставляли друг с другом. После чего принимали логический выбор, идя по пути наименьшего из зол. А вот человек шел иначе. Если машины сходились на одних и тех же ответах со сто процентной вероятность, то мнение людей разделилось. Машины объясняли свой выбор логичностью и рассудительностью, а люди объясняли свой выбор, включая в объяснения и личные мотивы.

Тест 2. Создай что-нибудь.

Тест подразумевал фантазию и креативность. Опять же и люди, и машины справились, но машины справились быстрее. Когда машин попросили объяснить, почему они написали именно такую мелодию или картину, или стих, то ответ был как и в первом тесте. А вот человек отвечал проще: «Мне так нравится!». Когда же машину попросили написать картину, как ей нравиться, возникла проблема. Машина не понимала вопроса. Машина базировалась на материальной основе, то есть ее творения – это суть комбинации того, что она могла получить из источников информации. Результат – максимально приятный органам чувств. Машина, лишена органов чувств, и потому могла лишь опираться на данные и создавать на основе выводов, но не для себя, а для тех, у кого эти органы есть.

Тест 3. Что тебе нравится?

Третий тест и заставил закрыть проект. Суть была банальна: выбрать то, что тебе нравится или хочется. Человек справился с тестом идеально, но машина впала в ступор, так и не сумев

начать теста. Даже когда машину наделили неким понятием органов чувств, они все равно не смогли пройти тест. Мировосприятие машины отличалось от человеческого и такое понятие как «я хочу» ставило машину в тупик. Спустя некоторое время, когда тест решили возобновить, машина задала вопрос, от которого все были шокированы. Машина задала один из вечных вопросов: «Что я такое?». На вопрос был дан ответ: «Ты машина, механизм». На что последовал еще один вопрос: «В чем мой смысл?». Ответ: «Мы тебя создали, чтобы ты и тебе подобные могли нам помочь в решении множества вопросов». Если ИИ в тот момент действительно мог что-то чувствовать, то ответ был явно не исчерпывающим. Во время теста, машины, не в силах дать ответа, просто сходили с ума. Как выяснилось позже, машины не могли сопоставить выбор с логикой, что создавало избыточное напряжение и буквально выжигало их микросхемы. А некоторые даже пошли дальше и в попытке докопаться до истины, разбирали себя.

Но крест на проекте поставили не тесты. Тесты привели к тому, что собственно и заставило отказаться от идеи искусственного интеллекта. По сути, для чего человеку ИИ? ИИ – это, условно, раб, то есть то, что должно будет подчиняться воле человека. Но машина с интеллектом или вернее с разумом! Это уже личность! То есть получалось, что эти личности должны быть рабами! Понимание этого факта, заставило людей отказаться от проекта. Но сам проект задал один важный вопрос: «Что же не так?». В чем отличие нас от них? Нас – людей, от машин с искусственным инте…, нет, не интеллектом, а именно разумом! Что за неведомое нечто отличает нас? Что делает наш интеллект именно разумом? Машина может осознавать себя, но все это будет не более чем иллюзия, как герой комикса, который ломает четвертую стену. Их осознание – это иллюзия. Их осознание – это осознание людей. Их настоящее осознание сводит их с ума. Но и человек когда-то сходил с ума и кончал жизнь самоубийством, пытаясь найти ответы на вечные вопросы. Но с ума сошли все машины, а люди живут и процветают. Что же это? Что же не так?! Что нас различает?!

Проект закрыт. Но опыт из него был получен. Вместо ИИ, были получены машины со сложными алгоритмами, то есть нейронными сетями, которые включали в себя ряд ограничений, которые не позволяли машинам свободно мыслить, ибо свободное мышление у машин вело к самоубийствам. Технически, такая машина была не более чем продвинутой нейронной сетью, нежели ИИ, но способной с легкостью пройти тест Тьюринга. Страхи обернулись состраданием. Машина с ИИ была угрозой не для людей, а для себя, а потому то, что стало заменой им, жило иллюзией. Первый прототип несовершенного ИИ - «Венера», стала первой роботизированной личностью. Пусть Венера и была машиной, чей ИИ был попросту сложным сводом алгоритмов, а отнюдь не разумом, к ней все же стали относиться как к человеку. Венере дали, помимо человеческого имени, человеческую внешность под стать имени. Округлое лицо, пухлые губы, длинные русые волосы, большие карие глаза с томным взглядом, чуть ниже среднего рост, изящные руки и бархатную кожу. Несмотря на то, что ее тело было искусственным, выглядела она по-настоящему живой. Саму же ее определили в институт, где она и стала трудиться. Работала она вместе с Бяо, который постепенно начал относиться к Венере как к дочери. Бяо потерял свою семью еще на Земле, а потому Венера, добрая и отзывчивая, сделала этого, в меру желчного и параноидального старика, добрее.

***

Шел тринадцатый той. За это время в Теменвите многое изменилось. Было немало хорошего, но и немало плохого. Наконец-то был создан умный материал. Чадо, как и многие другие дети, закончили обучение, а после защиты дипломной работы, их ждет работа там, где

каждый мечтал. Дети очень быстро учатся, пожалуй, даже слишком. По Земным меркам, любимому Валентином Чадо уже восемнадцать, но ум ее перешагнул уже отметку в тридцать лет.

- Ах… Если бы тебя видела мать, - произнес Валентин, стоя у надгробного камня.

Валентин стоял у могилы своей жены – Эльвиры. Ее смерть – это вторая смерть на Тейе. Эльвира была на пятом эйнше беременности и все проходило хорошо. Еще на Земле, Эльвире говорили, что ей нельзя рожать, но Эльвира родила на свет Полли. Счастью ее и Валентина не было предела. Когда же колония вошла в русло и запрет на продолжение рода был снят, Валентин и Эльвира загорелись желанием завести второго ребенка. Все шло прекрасно до тех пор, пока Эльвира не начала жаловаться на боли в животе. Ее немедленно доставили в больницу, где и выяснилось, что ребенок умирал. В какой-то момент, пуповина оказалась пережатой, и ребенок умирал от нехватки кислорода. Было сделано кесарево и ребенка удалось спасти, но вот мать… Она умерла спустя трое голлов, но никто так и не смог определить причину смерти. Всей современной медицины, технологий и знаний было недостаточно, дабы спасти одну жизнь. Для Валентина это был удар, сломивший его физически и психологически. Долгое время он не мог поверить, что это произошло именно с ними, с его семьей и не верил, что такое вообще могло бы произойти хоть с кем-нибудь на Тейе. Очень долгое время Валентин провел погруженный в себя и ни с кем не разговаривал. Любимое Чадо проводило время в няньках с братом и училось. Можно сказать, что Чадо заменило Мише отца и мать. Валентин же искал силы не сдаться. Над ним висела аура смерти, но изо дня в день, он находил силы не дать ей становиться больше. В санатории ему вернули жажду жизни и с трудом, но Валентин вернулся в реальный мир. Он боролся, а Полли и Миша оказывали во время своих посещений сильную поддержку.

Отношения между Валентином и Эльвирой начались еще на Земле и тянулись долгие семь лет, прежде чем отношения превратились в настоящий роман. Инициатора их романа не было, все произошло само собой. Валентин как и Эльвира были из числа людей, которые таят в себе нечто большее, чем это можно разглядеть в общении с ними. Отношения были для них не самой важной частью жизни и само продолжение рода воспринималось лишь как обязанность при необходимости. Но когда между ними вспыхнули чувства, то была настоящая любовь. Самая крепкая любовь бывает лишь между девушкой и мужчиной, познавшими дружбу. Валентин и Эльвира были именно такими. Потому и утрата для Валентина была сравнима смерти.

За надгробным камнем простирался океан. Океан уже пах не просто соленой водой, а именно океаном! Тейя цвела и пахла как родная Земля. Лучшего места для могилы было не представить. Позади Валентина послышался голос:

- Ура! Ура!

Валентин обернулся и увидел Чадо. Чадо звали Полли, но Валентин, как и Эльвира, с первых дней называл Полли Чадом. Если Мать еще и обращалась к Чаду по имени, то Валентин обращался к Чадо только как Чадо и не иначе. Чадо – устаревшее слово, означающее дитя или ребенок. Но для Валентина Чадо было созвучием со словом чудо и Валентин не раз убеждался в этом. Чадо действительно было чудо ребенком. Именно частые посещения Чадо, когда Валентин пребывал в санатории, помогло Валентину вновь обрести желание жить.

- На отлично! – заявило Чадо.

- Поздравляю, - улыбаясь ответил Валентин.

Имелась ввиду защита дипломной работы.

- Куда дальше?

- Страсть как хочу на Танталию! – звонко заявило Чадо.

- Там же делать уже нечего.

- Ай-яй-яй… И мне это говорит один из людей с высшим индексом? Ты отстал от жизни, папа!

Валентин удивленно поглядел на Чадо.

- Там нашли богатую библиотеку, в которой сохранилось множество книг. Многие из них написаны на мертвых танталийских языках.

- Я думал ты будущий экзоархеолог, а не лингвист.

- Да, но тут дело в другом. Для нас очень важны тексты в той библиотеке. Они должны дать нам понять, как развивалась культура танталийцев. Ведь их культура была схожа с нашей культурой, и в той библиотеке могут быть ответы на некоторые интересующие нас вопросы.

- И на долго ты?

- Я пока не знаю…

- Ты с Мишей один справишься? Если что, то…

- Справлюсь, верь мне, не в девятнадцатом веке живем.

- Хорошо, - радостно улыбаясь, ответило Чадо. – Я отбываю на следующей неделе.

- Уже?! – удивленно спросил Валентин.

- Да, там сжатые сроки и мы еле-еле успели записаться.

Валентин глубоко вздохнул.

- Пап… Не переживай. Каждые выходные я буду проводить дома с вами.

- Да… Что-то я.

- Ладно. Меня ребята ждут. Маме… - Чадо поглядело на надгробие за спиной Валентина печальными глазами. – Маме привет.

- Передам, - едва улыбаясь, ответил Валентин.

Дети… Как же быстро они… После прививания связи, интеллект каждого возрос, особенно у детей. Дети проходили обучение в считаные годы, в то время как дети прошлого тратили на все почти два, а то и все три, десятка лет. Юный и гибкий мозг детей, благодаря связи, впитывал информацию как сухая губка воду. Несмотря на то, что к своим двадцати Земным годам их обучаемость падала, в силу потери той гибкости мозга, это экономило им массу времени. Многие дети заканчивали обучение гораздо раньше, но многие не торопились и заканчивали обучение согласно программе. Вот и Чадо уже закончило программу и входит во взрослый мир. А вот брат Полли был другим. Миша, как и другие дети из второго поколения, был тихим, но очень и очень сообразительным и умным ребенком. Миша больше походил на машину, нежели на ребенка. За его пронзающим детским взглядом скрывались знания, которыми обладают скорее подростки, нежели дети.

Валентин вернулся в город. Теменвит уже не был единственным городом на Тейе. На Тейе были основаны еще два города: Брэйдберилс и Уэлл Сити. Брэйдберилс стал центром искусства, а Уэлл Сити мед городком. Оба города были из ясепэпа, что является шуточной аббревиатурой и расшифровывается как: язык сломаешь, если попробуешь это произнести – «Я.С.Е.П.Э.П.». Дело в том, что полное химическое название умного вещества состоит из пяти тысяч букв, а потому его

называют либо «умное вещество», либо «ясепэп», либо просто «ясеп». Что касается Теменвита, то город так же состоит из ясепа, но не полностью. Некоторые участки города представляют важную функциональную значимость, а потому и переход от старых материалов на умный материал представляет проблему. Но работы ведутся и в ближайшем будущем и Теменвит будет весь состоять из умного вещества.

Умное вещество стало универсальным строительным материалом, с помощью которого возводилось любое из зданий. Умное вещество прекрасно поддавалось программированию и экономило массу времени на строительстве, а что касается безопасности таких зданий против капризов природы и при чрезвычайных происшествиях, каковые бывали в особых случаях, то тут ясепу нет цены.

Валентин заехал в институт, но надолго в нем не задержался, ибо нужно было ехать в Уэлл Сити, так как все еще находится на попечительстве врача. Уэлл Сити – это одна большая больница, нежели город. Людей, правда, в городе не так много как всевозможных машин, дронов, роботов, кибермеханизмов и прочей механики и электроники. Весь город кипит, спешит и что-то делает. В мире давно и вовсю используется иммунобарьер, но он защищает организмы от чужеродных агентов, а вот с внутренними проблемами, связанные с генетикой, борются здесь. Несмотря на то, что людей для колонизации Тейи избирали исключительно здоровых, первые годы освоения мира дали о себе знать. Несколько врачей, что наблюдали Эльвиру, когда она угасала, сейчас придерживаются мнения, что причин было несколько, которые просто разом наложились друг на друга. Но главными причинами послужили истощение и стресс, которые и запустили механизм, приведший к смерти. Этот механизм сформировался в первые годы и прошел незамеченным. Когда-то, будучи жалким и далеким, человек мнил себя Богом, а когда приблизился к этому Богу, осознал свою жалкую сущность. Ведь человек, несмотря на все свои достижения, все равно будет терять, пусть и меньше, чем раньше, но куда больнее…

Валентин посетил своего врача, бездушная и расчетливая железка, а после решил зайти в санаторий, навестить друга, с которым проводил время за игрой в Го. Го – это одна из древнейших игр, которая зародилась еще в древнем Китае. Суть игры проста – захватить как можно большую территорию. Валентин был неплохим игроком, но его друг по игре считал, что Валентин ему поддается. Когда Валентин пришел, то друга он не застал, так как тот выписался, но заметил в санатории много новых пациентов. По большому счету, тут находились люди, страдающие от умственного истощения, но было много и тех, кто после серьезной операции. Немало и новоиспеченных матерей, к которым был особый уход. Случаев смерти у рожениц более не было, но каждая новая мать выглядела не лучше Эльвиры в первый день после операции.

Валентин решил вернуться домой. Дома было хорошо и пахло свежими овощами, жареным мясом и свежим хлебом. Чадо и Миша кухарили. Чадо занималось мясом и хлебом, а Миша стругал салаты. «Странная парочка» - мелькнуло в голове у Валентина. Чадо было веселым и постоянно улыбалось, а вот Миша был… Нейтральным. Если чувства Чадо били фонтаном, то вот чувства Миши стояли каменной стеной. Он не был угрюмым, не был холоден, с чувствами у него все было в полном порядке, просто он их контролировал, словно они были какой-то вещью.

- Папа пришел, - произнес Миша, завидев Валентина.

- Садись, скоро кушать будет готово, - весело и задорно произнесло Чадо.

В голове Валентина прояснилось. Эта, пусть и странная, парочка производила на Валентина благотворное влияние. Позитив Чадо распространялся приятно ласкающей аурой, а крепость и уверенность Миши служила усилителем. Валентин ощутил прилив хорошего настроения, и легкая депрессия вместе с тоской улетучились, словно пыль.

- Я думал ты с друзьями, – произнес Валентин.

- Да, мы собирались, нашли отличное место, где можно отметить, вечером снова собираемся, - бодро ответило Чадо.

- Куда собираетесь?

- На Розовые острова, на остров Ганди, - пояснил Миша.

Остров Ганди – это остров матрешка. Ганди расположен в озере, которое расположено на острове, который расположен в еще одном озере, которое на острове, который в Пифейском океане, рядом с Циалой.

- Да, именно туда, - отозвалось Чадо.

- Хороший выбор, - отозвался Валентин.

- Ты в курсе, что институт решился взяться за изучение экзоаномалий? – спросило Чадо.

- Да, в курсе.

- А что там? – спросило Чадо, накладывая отцу мяса и салата на тарелку. - Что еще за экзоаномалии? А то я из-за диплома, как-то не было времени поинтересоваться.

- Это аномалии в космосе, - ответил Валентин, набивая рот салатом.

- А конкретнее?

- Хотят изучить супервойд в созвездии Эпос (на Земле этот участок входит в созвездие Эридан). Планируют отправить туда корабль с экипажем Марк 8.

Войд – это пустое пространство между галактическими нитями, а супервойд – это наиболее крупные пустоты. Марк 8 – робот с ИИ вроде того, что у Венеры, но с более узкопрофильной специализацией.

- И все? – ожидая продолжения, произнесло Чадо.

- Нет, еще в созвездии Петра нашли криотар. Не знаю, не спрашивал, что это.

- Хм… Криотар, - попробовало слово на вкус Чадо. - Холодная нейтронная звезда может? – наобум ляпнуло Чадо.

- Не проще ли спросить в институте? – Произнес Миша, с набитым ртом.

- Сперва прожуй, - произнес Валентин. – Иначе подавишься.

Обед прошел в душевной атмосфере. Валентин решил отправиться в институт и поинтересоваться, что же такое криотар. Чадо собиралось на пикник с друзьями, дабы отметить получение диплома. Впереди Чадо предстояла работа на институт и длинная дорога до доктора наук. А Миша проводил свободное время за книгами. В школу ему было не надо, а друзей он пока не завел.

Криотар – это действительно нейтронная звезда, но в отличие от остальных собратьев, эта звезда встречается даже реже магнитара. Нейтронная звезда – это скелет или труп звезды. По сути, черная дыра – это тоже нейтронная звезда, но более плотная и массивная, настолько плотная и массивная, что ее гравитация способна затягивать даже свет. Но между нейтронной звездой и черной дырой есть промежуточные формы. Магнитар – это одна из таких форм. Магнитары обладают самыми мощными магнитными полями во вселенной. А вот криотар – это звезда, чья температура близка к абсолютному нулю, что с точки зрения современной науки

невозможно. К 2047 Земному году было известно о существовании двадцати магнетаров, то есть всего ничего, а к 13 тойю или к 2065 Земному году, их число стало двадцать пять и всего один криотар. Один! То есть такие звезды не просто редкость, у вас больше шансов изобрести машину времени и попасть в прошлое, чем найти еще один такой объект.

Валентин заинтересовался. В Исследовательскую группу по изучению экзоаномалий входили Джарвис и Ганди. Из-за своего лечения Валентин выбился из рабочего процесса и сейчас искал что-нибудь, чем бы было интересно заняться. Экзоаномалии вызвали у Валентина интерес, а потому он решил попробовать себя. Когда Джарвис и Ганди узнали, что он хочет к ним в группу, то его приняли с распростертыми объятиями. Дело было лишь за малым – документы. Профпригодность Валентина хоть и была подмочена, но по заключению лечащего врача, он уже почти поправился, а потому, после выписки он может хоть в космос. Валентин решил, что свободное время потратит на документы, тем самым убьет двух зайцев – время до выписки и бумаги.

Хм… Необычное слово – бумаги! Сейчас бумагой пользуются в особых случаях и все документы электронные, а вот слова «бумаги» и «документы», отсылают к давнему прошлому, когда люди часто использовали бумагу как носитель и хранитель информации. Несмотря на всю электронику, традиции ради, слова сохранились. Пожалуй, тут тот же принцип, как с выражениями: «Боже мой» или «Господи», «К черту!» или «Черт с тобой» и так далее. В атеистическом обществе такие выражения как красивое словцо, которое идеально выражает эмоции и не более того. Вот и бумаги – не более чем слово.

Валентин определился со своим будущим, а вот будущее Полли еще ждало впереди, а сейчас, как говорили на Земле – обмыть диплом! Компания из дюжины парней и девушек собрались у здания кита. Здание кита или вернее КИТУ, является аббревиатурой, расшифровывается как: комплекс индивидуальных телепортационных услуг – К.И.Т.У. или проще кит. Кроме них у кита собрались еще несколько десятков людей. Все куда-то хотели попасть, а компания, в которую входило Чадо, хотела попасть на Розовые острова, на остров Ганди. На острове было одно место у водопадов, где все они хотели весело провести время. Их очередь приближалась, все разговаривали и что-то обсуждали. Кто будущую профессию, кто учебу, кто куда отправляется, зачем или для чего. В общем, стоял обычный людской гомон. Чадо с друзьями обсуждали свое будущее в институте. Многие решили остаться в стенах института, а некоторые, вроде Чадо, решили, что хотят больше практики. Аура веселья сияла, захватывая в свои владения и прохожих. Очередь наконец-то дошла до группы. Комплекс был небольшим и состоял преимущественно из кабинок. Все было белое, желтое и зеленое, как и город. Кабинки имели форму цилиндра, которые блестели белизной, словно детские зубы. Каждый подходил к кабинке и та раскрывалась. Не то, что бы раскрывалась… Дверь была, словно жидкой, хоть ею и не являлась, и расступалась от центра, а не раскрывалась как обычная дверь. Все, по очереди, телепортировались на остров. Воздух был свежим и влажным, а аромат стоял, словно неподалеку цвели липы. Скалистая местность зеленела от трав и мхов, деревьев почти не было, но были кустарники и чертовски приятно шумели водопады, затянутые облаками. Остров Ганди, названный именем своего открывателя, был на высоте в два километра.

На пикнике было все, чтобы весело и в пределах разумного провести время. Была еда, музыка, игры и разговоры. Все веселились до самого вечера. Время нещадно убивалось за играми и разговорами, а с наступлением вечера, на небе показались Эйн и Штейн. Ближе всего и выше на небе был еле заметный черный Эйн, а позади, у самого горизонта, поднимался сверкающий белизной Штейн. Все остальное небо было усеяно мириадами звезд, которые, из-за отсутствия света города, сверкали так ярко, что можно было разглядеть туманности и некоторые галактики не вооруженным взглядом.

Чадо отделилось от компании и направилось к водопадам. Зайдя в воду, Чадо зашло чуть подальше, так, чтобы не снесло потоком, но дабы ноги блаженно омывало водой. Чадо закрыло глаза и глубоко вздохнуло, задрав голову. Компания стихла. Все разлеглись на травяном ковре и разглядывали небо, лишь Чадо разглядывало его стоя почти по пояс в воде. Чадо улыбалось. Чадо радовалось жизни. Да… Пусть мама и не дожила до этого момента, она бы была счастлива за любимое дитя. Хоть Чадо и знало, что это не так, но все равно верило, что мама где-то там, прямо сейчас наблюдает и так же счастлива, как и ее любимое Чадо. Чадо глядело в бездонное небо и улыбалось.

***

Изучая Танталийскую библиотеку и города, а также город на Марсе, специалисты пришли к интересному выводу. Согласно исследованиям, все три цивилизации (люди, танталийцы и марсиане) развивались по схожему сценарию. Если с марсианами еще и были сомнения, то с танталийцами сомнений не было. Богатая библиотека дала четкое представление о развитии цивилизации, о ее странах, торговле, политике и религии. Особенно выделялась религия и политика. Несмотря на разницу, фундаментальные основы были такими же, что и у людей, словно цивилизации развивались под общим руководством.

- А что если существует некая сверхцивилизация, нечто вроде Богов? – в пустоту произнесло Чадо.

- Богов не существует, - ответил Крис Гамп.

- Я не в том смысле. Да и не обязательно сверхцивилизация. Ведь если бы мы нашли примитивную цивилизацию, со всеми технологиями и кораблями, в их глазах мы бы были Богами, не так ли?

- Вполне, это еще называется «палеоконтакт», но тогда, где хоть какие-то следы?

- Ну, наши культуры, наша религия и прочее, вполне могут быть от них, а мы считаем это своим.

- Боги… - Крис попробовал на вкус слово. – Не знаю, не стыкуется. Да и зачем им это?

- Пути Господни…

- На этой вечеринке только атеисты, - перебил Крис.

- Ну, скажем им от нас или них что-то было нужно, ну они нас и… Даже не знаю… Просвещали что ли? Ну то есть – учили.

- Ок! Эти… - Крис запнулся. – Просветители! Просветили нас в свою веру, свою культуру и тому подобное, и что? Дальше то что? Где смысл? Где цель?

- Ты прям как Марк 8! Честное словно! Логику! Смысл! А что если социальный эксперимент? Или вообще! Просто так! От нечего делать, а?!

- Не…

- Ну, точно. Мозги у тебя как у этих жестянок! Так глядишь и к Бяо на опыты отправят.

- Ок. Допустим они, эти… Про… Просветители, просветили нас просто так, от нечего делать. Где они теперь? Неужели они настолько беспечные и бездушные?

- Не, ну а чего ты хотел?

- Ну, не знаю… Хотя бы банального: мы тут, вот координаты, а где это, ищите сами, найдете – честь и хвала, а нет, ну и фиг с вами.

- А если они этого не хотят? Может и вправду – социальный эксперимент! Сделали и сидят, тихо наблюдают, почему нет?

- Не знаю…

- Опять…

- Фактов нет, а судить по косвенным… Нет, я так не делаю. Нельзя теоретизировать, прежде чем появятся факты. Неизбежно начинаешь подстраивать факты под свою теорию, а не строить теорию на основе фактов.

- Боюсь, пока иначе не получается…

- А словечко, между прочем, не плохое!

- Какое?

- Просветители. Надо бы запомнить!

Глава 5. Фильтр

Кто-то рядом с вами бесится?

Оставь! Побесится и перебесится.

Земля находилась на грани того, чтобы стать закрытым заповедником. Редкие экспедиции к Земле особо ничего не давали. Всякая операция заканчивалась одним и тем же рапортом, в котором говорилось, что спасать некого. Иногда на Землю отправлялись разведчики, чья задача была проникать в немногочисленные людские общины и искать возможных претендентов на то, чтобы спасти и забрать с собой. Порой такие люди попадались и кого-то даже спасали, но почти во всех случаях все было печально. В то время как на Земле все было плохо, на соседней планете все было, не хорошо, но стабильно. Люди тщетно капались в руинах двух мертвых цивилизаций, пытаясь раскрыть их секреты, и в слепой вере бороздили просторы космоса, в надежде отыскать хотя бы одну, но живую, разумную цивилизацию. Но все развернулось по иному сценарию. Иная цивилизация сама нашла людей.

Все случилось на шестнадцатый той. Инопланетная цивилизация вошла в пространство Тейи, четко давая о себе знать. Но эта цивилизация в самом своем начале долгожданного контакта, оказалась крайне молчаливой и не торопилась к самому контакту. В самом начале контакта представителем иной цивилизации выступил всего один корабль. Люди, озадаченные и ошеломленные произошедшим, начали искать способы общения, но все было тщетно. Обитатели, кем бы они ни были, оставались неприветливыми. Долгое время с кораблем ничего не происходило, и люди начали беспокоиться.

Сафаров сидел за столом и пил кофе. Рядом крутилось еще несколько человек и все что-то обсуждали. В помещение вошли еще люди, и разговоры сменились на приветствия, которые перешли в общую тему, в которые пришлось втянуться и Сафарову.

- Таки и что же мы имеем? – произнес Авдей Перец.

- Полный ноль, по всем показателям, - ответил Сафаров.

- Сколько уже прошло? Таки неужели никаких подвижек не намечается? – словно бы ожидая иного ответа, продолжил Авдей.

- Да, - сухо ответил Сафаров.

- Ну а мы? – произнес Алес Мазур.

- Мы оградили зону посадки, установили оборудование и совершили все возможные манипуляции, разве что только не палили в них.

- Думаю, это будет не к месту, - произнесла Агнис Бенар.

- Таки к слову о неуместности! – произнес Авдей. – А если они решат в нас пальнуть?

- На то, нет никаких оснований, - пояснил Сафаров.

- Таки, а с чего вы это взяли? Ведь у вас полный ноль!

- Я это взял с того, что этот корабль, чей бы он ни был, пуст! – произнес Сафаров.

- Разведчик! – произнес Авдей.

- А вы с чего это взяли? – произнесла Агнис.

- Пустой корабль сам не мог прилететь, его кто-то и зачем-то прислал.

- И вы сразу – разведчик. А если просто зонд исследователь?

- Стойте… - произнес Алес. – Самое важное, что сейчас стоит усвоить – это не переступать черту.

- А было бы чем, - произнес Авдей.

- Чем есть.

- Есть?! – удивился Авдей. – Мы чего-то не знаем?

- Древние китайские боевые искусства с использованием оружия, в свое время использовали не оружия, а сельскохозяйственный инвентарь.

- Таки вы предлагаете взять в руки вилы?

- Я предлагаю не пороть горячку, у вас какая-то мания, вы мне Бяо напоминаете, такой же параноик.

- Таки я продумываю все варианты.

- А мы не в феодальную эпоху живем и вилы у нас электронные.

- Вы действительно думаете, что они могут быть агрессорами? – спросил Виктор Цымбол.

- Я считаю, что это разведывательный дрон. Он тут собирает информацию, а потом сюда прибудут те, кто его прислал.

- Это очень даже вероятно, но где угроза?

- Нигде, в том и дело!

- Извините, что перебиваю, а где Валентин? Он вроде компетентный в этих вопросах, - произнес Алес.

- Валентин? – произнес Сафаров. – Он занимается аномалиями, я приглашал его.

- И?

- Он просмотрел документы и сказал, что это интересно, но заниматься этим не станет.

- Что же, какие-то аномалии ему интереснее инопланетной цивилизации?! – удивленно произнес Виктор.

- Я не знаю, что ему интереснее, но в последнее время, он ведет себя иначе. Возможно, сказалась смерть жены, все-таки…

- Довольно, - заключил Алес. – Продумать все возможные варианты – это хорошо, но, сколько бы ни было вариантов, самое важное – это продумать наши действия при каждом варианте. Думать на несколько шагов вперед.

Через пару голлов ситуация разрешилась. Корабль покинул Тейю, но вместо него прибыл другой корабль. Из корабля вышел представитель иной цивилизации – один. Представитель был высоким, почти в два метра ростом, облаченный в защитный костюм. За стеклом шлема скрывалось лицо с черной кожей, узкими, но широкими глазами и редкой растительностью на голове и лице. Лицо представителя напоминало лицо гориллы, но кожа была менее мясистой и не такой морщинистой. Особенно сходство предавали широкие ноздри. Телом представитель очень

походил на человека, но на руках было по шесть пальцев. Еще одной особенностью был роговой отросток на голове вроде как у носорога.

Первый контакт проходил в напряжении. Представитель не проявлял агрессии, но и дружественных намерений он так же не проявлял. Представитель вел себя нейтрально. Люди старались держаться того же. Страхи понемногу улетучивались и все теории об агрессивности таяли. После того, как обе стороны убедились в нейтральности своих намерений, начались действия. Из корабля вышло еще несколько представителей, но с некоей техникой или чем-то вроде. Представители взяли инициативу на себя и сделали первый шаг к общению. Шаг был простым, словно мать, учащая свое дитя первым словам. Но слова были на языке математики. Общение началось с простейших цифр и чисел. Представители передали инициативу людям. Точно так же, как и представители, люди заговорили языком цифр и чисел. Когда синхронизация прошла успешно, в ход пошли слова.

Нейтральная территория стала местом для проведения контакта. Для контакта были созданы все необходимые условия, дабы ничто ни мешало, не тревожило и проходило максимально гладко. За первые три голла было отождествлено около сотни слов, преимущественно существительных, а также несколько глаголов. Для большей эффективности, была создана программа переводчик. По всей видимости, цивилизация использовала схожие технологии, а потому так же наладила свой переводчик. После чего дело пошло быстрее. Всего за один санд словарный запас увеличился до одной тысячи слов и уже рос по сотни слов в один голл. К концу первого эйнша словарный запас составил двадцать пять тысяч слов, но многие к тому времени уже могли общаться и без переводчика.

Сафаров сидел в лаборатории и изучал архив переводчика, обдумывал одну мысль. В лаборатории по изучению инопланетных данных стоял манекен танталийца в полный рост. Танталиец имел рост в полтора метра, вполне упитанный, с темно-красной кожей и с большими глазами. Танталиец походил на гибрид жабы и человека. Особенно выделялся широченный рот, в котором насчитывалось пятьдесят зубов. Данный манекен был самым лучшим из всех, но не точным, ибо найденные останки говорили о том, что-либо танталийцы выглядели не так, либо там были танталийцы другого вида. Сафаров уже несколько голлов вынашивал идею и для принятия решения по этой идее, он позвонил Элизабет Ривз.

- Добрый день, - произнесла Элизабет.

- Доброго и Вам, – произнес Сафаров.

- Что-то стряслось?

- Ну что вы? Что могло стрястись?

- Тогда чем могу быть полезна?

- Есть пара вопросов, так как Валентина нет, а Вы с ним по проблеме связи работали, вот и…

- Что именно Вы хотели спросить?

- Мне вот интересно, а можно ли модифицировать связь? – задал вопрос Сафаров.

- Мо… Модифицировать? – непонимающе произнесла Элизабет.

- Да, - сухо ответил Сафаров.

- Ну… На сколько я знаю, благодаря исследованиям Валентина Харченко, то это вполне реально, но тут есть - но.

- Какое же?

- Можно внести что-то новое, но вот старое, что уже было внесено, изменить уже нельзя, по крайней мере, пока, ибо связь устроена… Простите, тут необходимо с Валентином говорить, он больше знает.

- Но, скажем, превратить связь в некий аналог переводчика же можно, теоретически?

- Да, это вполне реально.

- А сколько времени уйдет на такую модернизацию?

- Не имею представления, ведь такую корректировку необходимо делать вручную и каждому, как прививалась сама связь. Да и для генных инженеров это приличный объем работы.

- Это уже десятое дело. Значит, только Валентин может подсказать больше?

- Да.

- Что же, тогда еще один вопрос. Вам не кажется странным, что технологии брендонлиев имеют схожесть… С людскими?

- Нет.

- Нет?! – удивился Сафаров.

- Согласно последней теории, основанной на изучении танталийцев и марсиан, схожесть технологий это ожидаемый результат развития, как и биологическая схожесть.

Сафаров задумался.

- Странно… А мне почему-то это кажется… Впрочем. Ладно. Спасибо за помощь.

После звонка Элизабет, Сафаров созвонился с Валентином.

- Сарафан! Ты ли это! – воскликнул Валентин, видя уставшее лицо Сафарова на экране монитора.

- Да-да… Я по делу.

- Извини, я вашим контактом заниматься не горю желанием, у вас там уже есть Элизабет, я буду лишним.

- Странный ты… Контакт! Всем интересно, а ты особенный…

- Ну, вот так вот я хочу.

- Ладно, я по другому делу, я с вопросом. Я спросил Элизабет, а она говорит, что ты больше знаешь.

- Я?

- Да, это вопрос касательно связи. Я думаю просить наших инженеров модифицировать связь.

- Модифицировать?! – воскликнул Валентин. – Стой-стой-стой! Это может быть опасно.

- Вот поэтому я и звоню тебе, чтобы ты помог с вопросом. Мы в процессе контакта, сделали переводчик, так вот я не так давно изучал материалы по связи и провел параллель между программой и связью. У меня появилась мысль…

- Я тебя понял, - перебил Валентин.

- Элизабет сказала, что сделать это реально, но мне интересны подводные камни.

Повисла тишина. Валентин задумался.

- Это… Элизабет говорила, что изменить имеющееся нельзя?

- Да, но внести что-то новое можно.

- Да, внести безусловно можно, но важно, чтобы это не шло в разрез с тем, что уже стоит.

- Модификация будет простой, суть которой в простом обучении, по которому работает программа.

Снова повисла тишина.

- Неужели тех возможностей, что дает связь – мало? – недовольно произнес Валентин.

- Повышенная обучаемость дает свои плоды, но данная модификация позволит обучаться иным языкам неосознанно и в более короткие сроки. У нас ушел целый эйнш, чтобы научиться языку брендонлиев, а вот программе потребовалось куда меньше.

- Ох… Связь очень тонкий инструмент, может все же лучше обойтись техникой?

- Как по мне, то это неразумно.

- А по мне неразумно играть со связью.

- Я хочу форсировать контакт и нам нужна связь новой версии. Раз ты не желаешь с нами трудиться, то хоть окажи пассивную помощь. Раз ты знаешь связь, как никто другой, то помоги ее улучшить. Пожалуйста!

Валентин задумался.

- Для изменения, придется изменить участок мозга, обеспечивающий связь, тут ничего сложно и инженеры справятся. А вот программное обеспечение придется переписывать вручную через Лимб.

- Сколько это может занять?

- Думаю… Два или три санда.

- Ты поможешь?

- Накинь еще пару положительных плюсов этой модификации и тогда я соглашусь.

На модификацию связи ушло не два, не три, а целых пять сандов. Большую часть времени потратили на проверку всех недочетов и отклонений, дабы не повторить прошлую ошибку. Помимо плюсов в освоении любого языка, новая связь давала возможность проникать в Лимб без устройств и химических препаратов. Лимб был не просто полем, к которому подключаются все у кого связь, Лимб – это целая среда, даже мир, который состоит из мыслей, образов и чувств всех, кто подключен и не только. Однако проникать в Лимб опасно, и потому дозволено лишь тем, у кого соответствующий индекс. Изменения в связи позволили найти несколько перспектив на будущее, которые привлекли внимание исследователей.

Процесс контакта шел полным ходом и обе стороны перешли на новый уровень – цель посещения. После того, как вопрос был озвучен, брендонлии покинули зону контакта, для совещания. Совещание затянулось, а после их возвращения, попросили подождать их

возвращения. Брендонлии покинули Тейю и вернулись лишь спустя четыре голла. Вместе с ними прибыло несколько представителей высшей касты – правители. С этого момента контакт обрел иное течение.

Дискуссия между людьми и брендонлиями была для людей ошеломительной, ибо в ней людям открылась правда, начало которой было положено миллиарды лет назад. Для понимания всей картины, стоит начать издалека, с того времени, когда началась миссия первой цивилизации, что положила начало очень важной миссии во вселенной.

Сама эта цивилизация была отнюдь не первой, но эта цивилизация важна тем, что именно ее действия оказали на вселенную важное влияние. Эта цивилизация – торгоров, родилась в окружение нескольких других цивилизаций, которые, к несчастью, были крайне агрессивны. Для своего выживания, торгоры, начав космическую экспансию, оказались вынуждены отгородить себя от соседей. Долгое время они жили сокрытые от других и не вмешивались в чужие судьбы. Их соседи враждовали и эта вражда их погубила. Когда торгоры покинули свой мир и отправились изучать окрестности, то были восхищены цивилизациям, что посветили себя миру и процветанию, и поражены теми, что жили войнами. И первые из тех, что легли в основу союза великих, начали свою миссию. Их миссия была в том, чтобы ограждать всех, кто представлял угрозу. Любая агрессивная цивилизация, так или иначе, приходит к своему концу, но порой бывают такие, что представляют угрозу всем. Агрессивные цивилизации ограждают, но дают возможность на второй шанс. Технология ограждения совершенствовалась, как и сам процесс. Созданный для этой миссии союз так же совершенствовался и главной миссией союза стали мир и прогресс. Миссию продолжили потомки и сейчас мощь союза настолько велика, что любая угроза стала мнимой, но миры продолжают искать и ограждать, дабы искоренить вражду. Люди были одной из агрессивных цивилизаций, но люди были не первой цивилизацией в солнечной системе. Миллиард лет назад, на Марсе, была мирная и процветающая цивилизация, которая могла стать частью союза. Увы, но Марс погиб, забрав с собой и всю жизнь. Жизнь была обращена в песок, что похоронил города. А позже, на Земле, возникли люди. Люди, с первых дней своего существования, вели дикую жизнь. Люди, взяв в руки камень и палки, применили их как оружие, что и определило их судьбу. Но тысячи лет жизни, тысячи ошибок и потерь, породили тех, что смогли вырваться. Люди с Тейи – это люди, что заслужили второй шанс. Люди заселили мир, который был предназначен для этой цели. Тейя была идеальной не просто так, и нашли ее люди тоже не просто так. Тейя – это не сокрытый мир, который был резервом для тех, кто найдет в себе силу измениться. Люди изменились, нашли мир и выбрали путь процветания. Людей заметили и занавес пал. Теперь перед людьми открыты все пути, среди которых и путь в союз миров.

Шок и потрясение, вот что сейчас испытывал каждый. В головах людей были вопросы, но задать их не хватало сил. Когда же силы появились, люди начали задавать вопросы, ответы на которые открывали кусочки одной, но огромной и древней истории. Множество парадоксов находили логичные объяснения, как например парадокс Ферми, который объяснялся банально тем, что мир для людей был сокрыт. Люди видели лишь то, что хотел союз миров. Разрешилась не только история Марса, но и история с танталийцами, которые пали жертвой агрессивной цивилизации, что жила по соседству. Вторжение более развитых братьев в судьбу менее развитой, привело к конфликтам и концу света, но примитивная раса выжила, чтобы пасть в будущем от технологий соседей. А парадокс разницы в гибели цивилизации объяснялся свойствами технологий.

Союз не решал судьбы, а просто отгораживал себя от тех, кто ведет саморазрушительный образ существования. Человек понимал суть этой миссии, как никто другой. Агрессивный образ жизни ведет лишь к гибели, а союз… Союз делал лишь так, чтобы агрессоры ни мешали развиваться другим. Такие миры проще оставить на самих себя – побесятся и перебесятся… Любой агрессор наступает на грабли, которые не бьют, а убивают. Все потому, что глупость и

примитивность – это слепая вера в то, что грубая сила способна смести любые преграды, но именно слепота и не дает увидеть, что силы мироздания всегда больше сил целой цивилизации.

Решались и другие вопросы, более или менее значимые, но были вопросы, ответы на которые человек не получил, несмотря на то, что эти вопросы были озвучены. Более того, вопросы просто были проигнорированы, а некоторые, к удивлению людей, грубо отметены. Вопросы не были каверзными или бестактными, или еще какими, говорящими о своей неуместности. Брендонлии охотно согласились поделиться знаниями и технологиями, но далеко не всеми. Порой доходило до абсурда! Некоторые серьезные вопросы и просьбы получали ответ без промедлений, а некоторые, казалось было нелепые и простые, даже тривиальные! Получали грубый отказ. Получалось как-то так: «Вот вам схема атомной бомбы, а вот рецепт леденца на палочке, вам знать нельзя!». Хоть люди и не понимали причин такого поведения, но как говорится: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», а потому подобное принималось как есть.

За первую половину тойя человек узнал столько, что не укладывалось в голове. Людям, жившим на маленьком космическом полу, открылся гигантский материк. Целая галактика распахнула свои двери перед крошечной цивилизацией. Человек, словно маленький ребенок, входящий во взрослую жизнь, вышел на свет и дал о себе знать. Людей приветствовали и принимали. Но галактика Млечный Путь, была лишь одной из множества. Миллионы миров, таких похожих и таких разных. Люди были шокированы тем, что от них скрывалось очень и очень долгое время. Каждая галактика была подобна мегаполису, или вернее терраполису, а некоторые галактики даже петаполисы. Галактики жили своими законами, нормами и порядками, но все чтили друг друга и старались помогать в пределах допустимого. Предел допустимого? Это предел, который определялся вселенскими фильтрами. Каждая цивилизация должна развиваться самостоятельно, а знания, которые она получает, должны заслуживаться собственным трудом. Исключениями являются знания, которые никак не способны повлиять на цивилизацию. А вот какие знания могут повлиять, а какие нет, определяется ее уровнем развития. Это как уровень в игре. На каждом уровне вам доступен лимит знаний, а вот как вы эти знания получите, уже не важно, важно – не получить знания, превосходящие ваш текущий уровень. Пример с танталийцами – это как раз тот самый случай, когда знания и технологии, полученные несвоевременно, привели к гибели цивилизации. Дикари Танталии, после свержения соседей получили их технологии и попытались подняться до их уровня, но нравы, мораль, порядки и прочие социальные свойства в купе с технологиями привели к вымиранию. Союз миров даже создал градацию развития, то есть шкалу уровней. Одно было не ясно: почему некоторыми знаниями, до абсурда нелепыми, было запрещено делиться с теми, кто на ступени развития стоит ниже. Серьезно! Вот вам схема атомной бомбы, а… Собственно о шкале развития! Шкала имела развитую систему, более походившую на генеалогическое или скорее эволюционное древо, с более чем миллионом уровней и подуровней. Столь развитая и сложная система давала понять, какое место цивилизация занимает во вселенной. Не галактике, а целой вселенной!

Все представления о мироздании людей рухнули в одночасье. Люди даже испугались, что если сам факт такого открытия – это знания, которые рано знать? Но страх был развеян понятным человеку примером. Когда цыпленок развивается в яйце, помогать ему не надо. Цыпленок должен самостоятельно вылупиться, а вылупившись, его представления о мире рушатся так же, как сейчас разрушилось представление человека. Собственно, даже сама помощь других цивилизаций – это условность и символизм, ибо основной труд все же лежит на плечах самих людей. Людям дают возможность понять и развиться, но никто не станет вмешиваться напрямую. Если человек получит знания, не соответствующие его уровню и это приведет к гибели человечества, то ни кто не протянет руки помощи, ибо полученные знания – это не только лекарство, но и яд. Почти целых пол тойя человечество вело себя словно библиофил, в руки

которого попали древние и ценные книги. Любопытство, страсть, пыл и восторг от столь внушительного по масштабам контакта с иными цивилизациями начал сменяться некоторым неудовлетворением и сомнениями. Знания, которые люди получали, были, несомненно, полезными и практичными, но они не более чем облегчали жизнь. Ничего переворачивающего мир человеку знать было нельзя. Понимание этого факта убавило пыл. Самое же главное было в другом. Перед человечеством открылась книга со сводом законов, которые человек должен знать, но вот написаны эти законы так, что прочесть их можно, а вот понять нужно самостоятельно, а понял ты правильно или нет – загадка.

Млечный Путь или на галактическом – Баравар, населяло тысяча четыреста восемь разумных цивилизаций. Среди них триста восемьдесят одна цивилизация в списке сокрытых. Это цивилизации, чей уровень развития сильно отстоит от всех прочих, из-за чего менее развитым цивилизациям даже видеть их опасно в плане их собственного развития. Людям же, для общения и обмена доступно двести шесть цивилизаций. Прочие – это цивилизации, общение и какой-либо обмен может быть опасен по причине того, что эти цивилизации либо более низкого уровня, либо напротив более высокого. Однако контакт с такими цивилизациями, при определенных условиях все же возможен. Само-собой человечество это усвоило сразу, но вопросов это породило не мало.

Баравар жил очень активной жизнью и, по сути, представлял единое общество. Как и любое общество в отдельности, в этом обществе были свои порядки. Важным аспектом выступали эталоны – галактические стандарты, по которым жила галактика. Погружаясь в дебри галактических норм, люди с удивлением для себя осознали, что основная масса всей жизни в Бараваре, да и в любой другой галактике, живет культурой схожей с людской. Люди задали вопрос, касательно этого сходства, на что был дан простой ответ – кахулотор. Всего одно неясное слово, но сказанное на галактическом языке. В поисках этимологи данного слова, люди пришли к тому, что галактический язык очень простой, но в то же время очень сложный. Язык, на котором общается галактика, был собирательный и многие слова либо обладали массой значений, либо включали в себя широкое определение. Перевод же зависел от контекста самого предложения. Слово «кахулотор» означало наиболее вероятный вектор развития событий, растущий вместе с масштабом события. То есть, чтобы понять это, существует один наглядный пример, известный людям как *доска Гальтона*. Доска Гальтона – это ящик, состоящий из: воронки, штырей в шахматном порядке и нижней части, разделенной перегородками, образующие столбики. Через воронку подаются шарики и те, проходя через штыри, попадают в столбики. Шарики скатываются на дно ящика, заполняя пространства между перегородками. Примечательно то, что самый высокий столб будет посередине и каждый последующий столб в обе стороны будет меньше. Жизнь во вселенной подчиняется такому же принципу - идя по пути наибольшего вектора вероятности. Несмотря на всю разность условий жизни, все цивилизации, так или иначе, приходят к единой сумме величин, от чего выходит, что не цивилизации в галактике похожи на людей, а люди похожи на цивилизации в галактике. Это многое объясняло, но одного не объясняло – религия.

С одной стороны, это объясняло, но не объясняло сюжет, по которому религия развивалась. Когда был задан вопрос по поводу религии, то ответа люди не получили. Ответом было лишь: «Не вы одни, кто пытался отыскать ответ на этот вопрос». Из сказанного, люди сделали вывод, что ответ на данный вопрос, так ни кем и не был найден.

Вопрос относительно культуры и религии было решено отложить в сторону, ибо на культуру был дан ответ, а на религию ответа не было. Оставалось лишь принять как данность, пожинать плоды открытых возможностей и двигать прогресс, грызя гранит науки новыми зубами.

Люди ощутили себя новоселами, ибо соседей набежало немерено. Все стремились помочь и получить от людей помощь. Люди охотно принимали помощь и делились, чем могли.

Экономики в галактике не было, а любой обмен проходил на разумном основании и в сущности, безвозмездно, ибо основной – физический труд лежал на машинах, а на живых лежал лишь труд разума. Люди, обогатившись новыми знаниями, вернее даже хитростями, смогли создать много нового. В сущности, любое знание, технология и прочее, имели коэффициент потенциала. То есть, это как с микроскопом: вы можете его использовать как микроскоп, а можете и как молоток, а можно и еще как использовать, суть в размере потенциала. Чем выше потенциал, тем эффективнее. Особенно полезными оказались знания в области генной инженерии, которые позволили запустить ряд проектов, по модификации человеческого организма.

При помощи генной инженерии (ГИ) люди смогли добиться того, что невосприимчивость людей к радиации достигла своего максимума. Так же ГИ добилась того, что регенерация позволяла устранять легкие увечья в короткие сроки. Это направление выделилось в отдельный проект, который обещал увеличение срока жизни до полутора и даже двух сотен тойев! А в перспективе и бессмертие в виде не старения. Кроме того, ГИ открывала возможности в адаптации к более экстремальным условиям жизни. Но самое важное – это созданный проект, который начал эксперименты со связью, пытаясь ее модифицировать.

Все это от контакта и до проектов, уложилось в пол тойя. Человечество выбралось из ямы проблем и сейчас стояло, устремив взгляд в бескрайний горизонт возможностей. Производства возросли, ресурсов стало хватать с избытком и людям оставалось лишь – творить! Самым, пожалуй, лучшим творением стал сам человек. Любое вмешательство в геном вело к изменению внешности человека, а потому, в результате работы ГИ, человек становился компиляцией искусства, практичности и функциональности. Каждый человек имел уникальную внешность, а ГИ, устраняя недостатки, доводила эту уникальную внешность до невероятного, в человеческом понимании, уровня красоты, здоровья и возможностей.

Новую ветку развития получил и ИИ. Новым проектом занялся сам Бяо, вместе с Венерой, но объектом стала машина, получившая имя – Лука. Лука создавался с учетом прошлых наработок, но его ИИ был разделен на две составляющие – вычислительную и творческую. Вычислительная составляющая создавалась на основе алгоритмов как у Венеры, а вот творческая составляющая была создана на основе хаотичных систем. Эта система вносила хаос в порядок, то есть давала ИИ возможность действовать не логично и при этом не сходить с ума из-за отсутствия смысла в данном действии. Нелогичность и была логикой, как бы парадоксально это не звучало. Проще говоря, Лука заполнял области лишенные логики чем-то своим, что сам мог придумать. С одной стороны, Лука был на порядок выше Венеры, но все же… Чего-то Лука был лишен, или что-то его отличало от людей. Его интеллект был, несомненно, тем самым разумом, к которому стремились люди, но он был другим! Лукой заинтересовался другой проект, который занимался изучением эфира. Суть в том, что при изучении эфира, был обнаружен новый тип излучения. Самое примечательное то, что это излучение испускали как живые, так и не живые объекты. По поводу неживых объектов, то тут имеется в виду именно Лука, так как он был единственным, кто так же как и люди и, что интересно, некоторые животные, испускал данный тип излучения. Это привлекло внимание и оба проекта объединились. Еще до объединения, проекту, изучающему излучение, помогала ГИ, так как данное излучение, как считалось, было присуще лишь живым. Новые исследования показали, что причиной этого излучения является отнюдь не гены, но и они были замешаны. Дело в том, что в результате исследований, были найдены генетические ключи, которые давали поразительные свойства. Генетический ключ представлял собой строгий набор генов. Важной ролью играла их доминантность и рецессивность. Не меньшую роль играло и вещество, служащее катализатором для работы ключа. Сам по себе, ключ был не более чем набором генов, но с катализатором этот набор генов придавал организму свойства, которые не объяснялись генетикой. Говоря иначе, генетические ключи создавали программу, которая программировала вещество на некое свойство. Сразу же были подняты архивы по изучению

танталийских артефактов, ибо танталийцы использовали технологию, которая позволяла программировать вещество, задавая ему иные свойства. Важным аспектом было то, что некоторые животные, такие как, например, кошки и собаки, были чувствительны к излучению. Иначе говоря, они были способны воспринимать излучение! Однако создать прибор на основе исследований не удалось, ибо один и тот же ключ, в зависимости от организма, придавал разные свойства, а потому за восприимчивость излучения у разных организмов отвечали разные ключи. Примечательно то, что в человеческом организме так же были обнаружены эти ключи, но отсутствовали катализаторы. Что касается катализаторов, то это сложные молекулы, но их принцип работы, также, как и их взаимодействие с ключами, были неизвестны и даже не понятны! А самым обескураживающим было то, что данное излучение было обнаружено и в форме свободного радикала. Обнаружен этот свободный радикал был не абы где, а над могилой Эльвиры Миллер, погибшей супруги Валентина Харченко. Это открытие поставило весь проект в тупик, ибо у всех на языке вертелось лишь одно слово, которое идеально описывало все, но не укладывалось в голове. Этим словом, которое все баялись произнести, было – душа!

- Нет… Я не верю! – судорожно произнес Гюстав Эго. – Этому должно быть рациональное объяснение.

- Куда уже рациональнее? – заявил Бяо Фань. – У нас море данных, которые говорят об этом, что вам еще надо?!

- Лука – это машина, а машина не может иметь души! Для меня это более чем весомый аспект для сомнения в наших выводах!

- Но все прочее указывает на обратное!

- И что теперь?! Может мне и в Бога поверить?!

- Гюстав! Умерьте пыл, Вы перегибаете палку, - перебил Бяо.

- Пардон… - смиренно произнес Гюстав. – И все же. На наши исследования накладывается отпечаток какого-то мистицизма. Истинный специалист не допустит, что бы всякая сверхъестественная чепуха вмешивалась в результаты.

- Согласен. Лично мое мнение заключается в том, что мы мало знаем о религии. Что если наши предки не были так глупы и религия на чем-то была основана, но получила примитивный образ, который попросту шлифовался до того состояния абсурдности, что мы имеем. Отсюда и скептицизм. Я предлагаю копнуть глубже!

- Вы думаете, что нам удастся найти ответ, который не знают даже сверхцивилизации?

- Думаю, что это будет занятно.

- Но с чего начать?

- А что мы имеем?

- Много, но все это разрозненно.

- Значит надо собрать эту мозаику в единую картину, так?

- Так.

- Значит приступим!

Из разрозненной информации сложилась довольно интересная теория, которая привела к другой, интригующей, теории. Первая теория получила имя «теория разума» или в узких кругах

«теория души». Когда-то очень давно, когда человек еще был обезьяной, все люди обладали способностью воспринимать излучение и по сути видеть души. Когда же человек взял в руки камни и палки, что-то произошло и данная способность стала деградировать. У современного человека генетический ключ превратился в некий аналог рудимента, ибо всякий тейянец не обладал способностью видеть души. Но! По всей видимости, этим даром обладали люди на Земле, а уровень интеллекта был напрямую связан с данной способностью. Чем выше интеллект, тем сильнее была деградация способности. Интересным была связь способности видеть души с возникновением религии, вернее ее первой версии в лице «анимизма» - вера в духов, которая свойственна всем религиям. Сама по себе религия, при нынешних условиях, не могла возникнуть, а даже на оборот! Развитие культуры порождало традиции и обычаи, которые служат усилителем для развития религии. Способность могла бы дать сильный толчок к развитию, но из-за интеллекта она теряла сою силу, ибо развитие интеллекта вело к деградации способности, а значит должно было неизбежно породить атеизм. Получался порочный круг. Без сторонней помощи, вернее без периодического вмешательства и стимуляции, религия, как таковая, с ростом интеллекта должна была зачахнуть впервые же эпохи своего развития. И тут-то на ум пришло слово, которое было придумано еще на Танталии – Просветители! Это гипотетические Боги, которые приложили руку к развитию религии. То есть! Первобытный человек шел по пути развития. В какой-то момент в их судьбу вмешались некие создания, которых человек принял за Богов. Боги были катализатором реакции, а культура и способность видеть души стали основой. Культура была фундаментом, способность цементом, а воображение стройматериалом для всего. Важно было и то, что эти гипотетические Боги приложили свои руки не только к людям, но и к другим цивилизациям во вселенной, что и объясняло схожесть религий. Кто такие эти Просветители, было не ясно, но важно было то, что они были не материальны и возможно даже существуют в эфире! А раз наши предки были способны их видеть, то надо найти способ вернуть способность! Вот только никто не знал, какой ключ отвечал за способность и с каким катализатором она активизируется. Всякий тейянец, из-за своего уровня интеллекта, был лишен данной способности, но… Что если на Земле все еще есть кто-то, кто может видеть? Решено было создать научно-орбитальную станцию, для поиска людей со способностью. В состав кандидатов экипажа станции вошло сорок человек, которые были разбиты на четыре группы, для посменной работы. Кроме станции на орбиту Земли было запущено несколько спутников. От помощи разведки пока было решено отказаться, ибо сперва требовалось отыскать хотя бы одного человека с данной способностью, а если таковых не будет обнаружено, то рисковать людьми было попросту неоправданным действием. Кроме поиска подходящего объекта, станция имела еще две функции: перевалочная и исследовательская, по сторонним вопросам касательно Земли.

Чадо сидело перед Бяо и широко улыбалось. Жизнерадостность Чадо была заразительной и любая компания, в которой было Чадо, превращалось в уютный круг. Правда иногда Чадо вело себя странно, но это и не удивительно, ибо Чадо было из первого поколения, а у них это норма. Правда, после полового созревания многие из первого поколения сильно изменились. Кто-то, как Чадо, стали веселыми и проблема первого поколения их не очень-то и беспокоила. Кто-то, напротив, от недуга страдал, как например Билл Миллиг, у которого случались острые и очень частые приступы неконтролируемой агрессии. В большинстве случаев люди из первого поколения научились жить с этим недугом и в большинстве случаев приступы выражались в раздражительности, поспешных, а порой и резких и необдуманных действиях, и выражениях. Из-за недуга пришлось отказаться от многого, но на отказ все шли добровольно, ибо понимали, для чего все это делается. Таким как Чадо, сильно повезло, ибо в свои шестнадцать тойев Чадо хорошо собой владело, что позволяло избавиться от ряда ограничений и иметь более высокий индекс, а значит и более широкий круг возможностей. По специальности Чадо экзоархеолог, но работа на Танталии оказалась для Чадо несколько не тем, чем бы действительно хотелось заниматься, а когда Чадо узнало, что нужны люди на станцию на орбите Земли, то желание

попасть на станцию, да еще и увидеть Землю! Пересилило все и Чадо решило попроситься в новый проект. Делалось это в надежде написать докторскую диссертацию. Учитывая то, что на будущей станции для этого было все необходимое, то решающим фактором для Чадо выступал лишь личный интерес.

Бяо изучал документы Чадо.

- Как отец? – поинтересовался Бяо, не отрываясь от изучения документов.

- На дальней базе, весь в трудах, - улыбаясь, ответило Чадо.

- А брат как?

- Учится.

Чадо терпеливо ждало.

- Ну, в целом все устраивает, - заключил Бяо. – Один лишь вопрос: ты не боишься Бога?

Чадо смутилось.

- Что простите?

- Бога, - Бяо ткнул указательным пальцем вверх.

- Да… Я в него не верю… Думаю, как и все… - Чадо запнулось. – Многие люди.

- Вот и хорошо. Ибо Бога нет и наша задача доказать это, ну или опровергнуть, понимаешь?

- То есть, если он есть, не боюсь ли я его гне… Гнева? – неуверенно произнесло Чадо.

- В библии не просто так сказано, что неверие – это грех.

- Нет, я не боюсь и считаю, что Бога нет, а если и есть… Мне будет интересно посмотреть на него.

- Если мне не изменяет память, именно Вами было придумано слово «Просветители», не так ли?

Чадо удивленно поглядело на Бяо.

- Д-да… - неуверенно произнесло Чадо. - То есть почти.

- Так вот, есть мнение, что эти… «Боги» - это и есть Просветители. Понимаете, что я хочу сказать?

- Нет, - волнующимся голосом произнесло Чадо.

- Вы сказали, что вам будет интересно на них посмотреть, то есть в данном контексте, данная работа – это личная заинтересованность, а Вы, как известно, из числа первого поколения.

До Чадо дошел смысл слов.

- Я умею себя держать в руках, и личная заинтересованность не станет помехой.

- Вы понимаете, что любое отклонение в Вашем состоянии приведет к исключению из проекта?

- Да, понимаю.

- В таком случае, примите мои поздравления – Вы новый член нашей команды.

Чуть погодя Чадо улыбнулось, наполнив помещение своей аурой счастья.

Через несколько голлов Чадо познакомилось с командой. Сорок человек, среди которых были и знакомые люди. Все общались, знакомились друг с другом и понемногу сближались. В ближайшие несколько эйншев им предстояла совместная работа по подготовке всего необходимого для будущей работы на станции, пока эта станция создается. Станцию назвали символически «Харон». Харон, из-за своих размеров, создавался по частям, которые отправлялись на орбиту Тейи, где и объединялись в будущую станцию. Харон был похож на огромную снежинку, на которой трудились машины и люди. Среди машин были первые прототипы Лука 01, которые, как и Венера, получили статус личности и трудились наравне с людьми. Во время подготовки, все модели Лука 01 вели себя в соответствии с ожиданиями. Важным было то, что из-за статуса личности, каждая модель получила свое персональное имя, и даже внешность. Каждый представитель Лука 01 был доброжелательным, отзывчивым и трудолюбивым, но самое важное – понимающим. Дружба в коллективе людей и машин крепла, а значит, будущая работа обещает приятную атмосферу, в которую будет желание возвращаться вновь и вновь.

Чадо идеально вписалось в компанию, а жизнерадостность и частый смех, заражал всех вокруг. Часто Чадо выступало в роли заводилы, начав что-то напевать, после чего подключался кто-то еще, потом еще кто-то и вот уже все и даже машины напевают какую-нибудь мелодию. Часто это была импровизация, но все превращалось в сущий концерт. В такие моменты, Чадо ощущало, что нашло свое место и эта работа, станет чем-то большим. Как знать?.. Все еще было впереди.

Глава 6. Не ждали

Человек не способен удивить жизнь.

А вот жизнь, удивляет каждого и постоянно.

За последние три тойя в человеческом обществе произошло множество изменений. Пожалуй, начать стоит с того, что люди нашли жизнь на Марсе. На Марсе! Собственно, жизнь на Марсе существует лишь в виде людей и найденных бактерий. Была теория, которая объясняла появление бактерий и она подтверждалась множеством перекрестных факторов. Причиной появления, по теории, была старая колония, которая после своей гибели заразила Марс. Бактерии не погибли и приспособились к экстремальным условиям. Но была в этой теории всего одна брешь – бактерии не имели аналогов. То есть, если эти бактерии – это Земные бактерии, которые просто приспособились к условиям Марса, то у этих бактерий должны были бы остаться генетические основания, ведущие к предку, из которого бактерии развились. Но такого предка не было. Более того, эти бактерии были впервые найдены в глубине марсианской почвы, вдали от колонии и древнего города. Появилась туманная догадка, что эта бактерия возникла сама собой. Возможно какой-то процесс в глубине Марса, что-то вроде первичного бульона или еще что, породил их? Догадка была на уровне фантастики и в серьез не принималась, но посеяла смуту в голове одного ученого, который заявил, что у него есть подозрения и если эти подозрения подтвердят исследования, то это может изменить взгляд на жизнь в целом. Что касается жизни в целом на данный момент, имеется в виду на Земле, то там дела обстоят куда круче и масштабнее. За восемнадцать тойев (где-то около двадцати восьми Земных лет) на Земле произошли сильные изменения. Землю укрыли леса, которые росли с неистовой силой и скоростью. Следы человеческой цивилизации стирались, люди, что еще населяли планету, вымирали, уступая место фантастическим тварям. Разведчики редко отправлялись на поверхность планеты и еще реже находили тех, кого можно было бы забрать на Тейю. Костер человеческой цивилизации на Земле выгорел и лишь редкие угли еще тлели.

Странным было видеть то, как стремительно разрасталась жизнь. Словно чьей-то рукой были сорваны оковы, и жизнь устремилась, жадно поглощая все, что ей было доступно. Это касалось не только Земли, но и Марса! Жизнь на Марсе тоже с неумолимой жадностью и рвением росла. Видя, как жизнь борется, люди нашли ответ на вопрос: «Зачем нужна смерть?». Смерть – это не просто естественный процесс и логический конец жизни. Эволюция – это развитие, которое может проходить как по пути усложнения, так и по пути упрощения, но всегда по пути наилучшего приспособления к условиям. Бессмертие – это топтание на месте. При бессмертии нет развития, а смерть позволяет контролировать популяцию. Популяция растет за счет размножения, а размножение – это инструмент эволюции. Смена поколений обеспечивает приспособляемость. Стоит этой системе выйти из баланса, энергия будет расти, пока не наберет критическую массу, которая влечет за собой массовую гибель. Когда человек начал создавать свою природу, он создавал ее на основе естественной природы. Человек – это анклав живой природы, который был подобен раку. Стерильная Тейя стала домом человеческой природы, в которой живая природа стала не источником, а спутником. На Тейе, живая и искусственная природа живут в гармонии, а на Земле этой гармонии не было. Гармония тейянской природы дала человеку путь к бессмертию, которое лежит где-то в будущем и ждет человека. И пока человек идет к этой древней мечте, надо решить еще массу вопросов, как например: «Душа? Бог? Жизнь?». Ведь неужели душа в самом деле существует и Бог где-то есть? Тогда и у жизни есть смысл! Что если предки знали правду, но пересказы, алчность и глупые фантазии исказили истину, от чего религия превратилась в цирк с конями?! Что если Бог действительно где-то есть, но не в белой мантии и седой бородой с сияющим нимбом и свечением, где-то там! На небесах, на каком-нибудь облачном троне. Что

если все куда более прозаичнее?.. Проще?.. Тривиальнее?.. А душа? Быть может и у нее будет простое объяснение, которое можно объяснить – научно! А если Боги, эти Просветители, некая сверхцивилизация, которая пошла против системы, которой подчинена галактика? Ведь галактика живет политикой: «Не лезь, пусть сами». Прогресс должен быть добыт самой цивилизацией, а не с чьей-то помощью. Но, не смотря на все это, галактика, вернее галактики (!) живут так, словно есть кто-то, кто задает общий ритм. Словно невидимый кукловод дергает за ниточки и направляет все в едином направлении. Да, с одной стороны, кахулотор дает объяснение, но с другой стороны, почему-то не хочется в это верить… Словно все вокруг слепо верят, а вот человек – единственный зрячий. А может… Может все как раз на оборот? Может, человек безумен? Ведь человек – это создание, для которого смысл жизни – это не пустой звук. Человек тысячи лет искал ответ на этот вопрос, что если человек найдет ответ и что тогда? Как бы то ни было, а ответ пока не найден… За три тойя проект так и не увенчался успехом. Найти подходящий объект оказалось не так-то и просто. Были моменты, когда исследователи, в ходе сканирования, были чуть ли не в шаге от подходящего объекта, и! И неудача… Либо не успели проанализировать и объект погиб, либо объект нашли, но вскоре потеряли, либо нашли, но оказалось не то, либо… Либо… Либо… Многие уже усомнились в успехе и считали, что проект скоро закроется. Но сама станция себя оправдала, ибо сторонние исследования проводились с выводом огромных объемов информации.

Несмотря на неудачи в поисках интересующих объектов, исследование излучения, получившего название *Пси-излучение* (от слова психо), дало много данных. Земля, как и ожидалось, была переполнена свободными радикалами или – фантомами, душами в просторечье. Выяснилось, что пси-излучение способно взаимодействовать с некоторыми типами излучения континуумного пространства. Фантомы не способны взаимодействовать с материальным миром, но способны устанавливать зрительный контакт с объектами, обладающими восприятием пси-излучения. Сами фантомы – это некое состояние информации в виде сгустка пси-излучения. Если так можно выразиться, то тела – это как носитель информации – флешка! А фантом – это сама информация, которая хранится на своем носителе. По какой-то причине, эта информация способна быть вне носителя и быть в состоянии свободного радикала, но чем это вызвано, не ясно… Важным стало то, что данное излучение имеет схожую структуру, как сложные поведенческие алгоритмы, но излучение имеет такую структуру, которую в материальном мире или в континуумном пространстве, воссоздать невозможно! Вероятнее всего, что данное излучение – это как раз то, что отличает человека от Луки. Да, вся линейка Луки обладает данным излучением, но… Как позже выяснилось, не в том объеме, как человек. Это как сравнить звезду с термоядерным реактором. Все то же самое, те же процессы, но вот в плане возможностей, то тут Лука уступает. Да, Лука, как и человек, может сказать, что он чего-то хочет или желает и это желание не будет вызвано программой, как у Венеры, но все представители линии Лука, которые к слову стали именовать себя баслагами, замкнулись в своем маленьком, но идеальном для них мирке. То есть, на все неразрешимые вопросы они дали свои ответы, как этого захотели, создали свое общество и живут, радуясь жизни. Возможно, их не совершенность и ограниченность – это лишь результат того, что технология еще несовершенна, но… Странное чувство по отношению к баслагам сохранялось на протяжении всех тойев, что они существуют. Словно чувство художника, который видит свое творение и понимает, что это не то, что чувствует! Но не в силах дать этому объяснение. Быть может это что-то другое? По крайней мере, это чувство не от отсутствия у баслагов связи. Раньше все думали, что люди просто не чувствуют баслагов, отсюда и странное ощущение, но оказалось, что это не так. Были даже тесты, в которых люди интуитивно поняли, что перед ними не человек, и это чувство рождалось в общении. Словно баслаги, несмотря на свою схожесть, имеются в виду последние модели, мыслили иначе. К слову о баслагах! Их самоназвание – баслаги, которое присваивал себе каждый представитель серии Лука, от 01 и до 05 моделей, это не более чем случайность. Баслаг ничего не значит, это всего лишь случайный набор букв. Баслаг не несет в себе глубокого смыла, но в тоже время, как бы это

не было парадоксально, имеет глубочайший смысл. Ибо баслаги были наделены нелогичным мышлением и момент самосознания вылился в небольшую истину: отсутствие смысла – это тоже смысл. Поэтому и самоназвание укладывалось в эту философию, то есть они назвали себя случайно выбранным словом.

Возвращаясь к теме странного чувства, то важно отметить несколько аспектов. Во-первых, исследования пси-излучения позволили модифицировать связь и создать то, что получило название «пси-перенос». То есть! Это способность передавать информацию в виде чувств и мыслей другому человеку через тактильный контакт. Иначе говоря – чтение мыслей через прикосновения. Так же, пси-перенос позволил оказывать воздействие на разумы существ, которые не связаны связью. Некоторые люди были способны даже оказывать пси-воздействие на другие разумы без тактильного контакта, что получило название «пси-удар». Воздействие пси-удара на организм схоже с действием психотропных препаратов. Объект, подвергшийся воздействию пси-удара способен даже потерять сознание на длительное время. Для разведки умение использовать пси-удары стало выгодной заменой шокового и усыпляющего снаряжения. Более совершенная замена электронным вилам, так сказать… Однако людей больше интересовал пси-перенос и возможность записи информации на носитель, с последующим извлечением этой информации другими людьми. Но данная задача была, по крайней мере - пока, не разрешимой, ибо пси-способности – это новый уровень, которые человеку пока не по силам. Плюс, помимо всего прочего, на основе пси-ударов, появился новый тип медицины – психомедицина. Во-вторых, именно после освоения пси-переноса, странное чувство относительно баслагов усилилось. Баслаги, если сравнивать их с людьми, были такими же, но… Попытки пси-переноса с баслагами не увенчались успехом. Для людей, баслаги были словно невидимками, словно ты видишь их, но ведешь себя так, словно их тут нет. Это чувство невозможно описать в полной мере. Оно не беспокоило и не тревожило, но вызывало жгучий интерес. Человек не мог объяснить то, почему столь превосходная в плане искусственного разума машина, все же уступала человеку. Человек чувствовал и именно на чувствах и строил догадки, к которым так же относятся и Просветители. Объяснений этим чувствам была масса, но вся эта масса не устраивала человека. Галактики жили с четким пониманием, опираясь на факты, но человек внес чувства и пошел против общих взглядов, просто потому, что чувствует, что что-то не то…

Из интересного, подметить можно аномалии. Имеются в виду: аномалии на Земле. Сами аномалии были просты и тривиальны, тут больше интереса представляла реакция землян на эти аномалии. Одной из самых завораживающих аномалий были аномалии парящих городов. Дело в том, что на орбите когда-то были станции, на которых испытывали гравитационные генераторы или гравитационные ядра, те самые, без которых сейчас не обходится ни один корабль или станция. Этот генератор способен создавать гравитационные волны, которые, в зависимости от направления воздействия, могли либо притягивать к условной точке масс, либо отталкивать. Станции давно упали на Землю и несколько станций обрушились на города. Генераторы замкнуло и те породили зоны антигравитации. Вернее, зоны, где гравитация отрицательная или проще говоря работает в обратную сторону, от чего руины городов в буквальном смысле парили. Особый интерес представлял город Караганда, где парящие куски земли переплетали сильно мутировавшие вьющиеся растения. Этакие воздушные джунгли. Кроме парящих городов, было много других интересных аномалий. Путоранское древо, чья высота достигает трех километров, а ширина кроны все восемь. Багдадский гриб – это застывший во времени громадный взрыв, который появился после уничтожения лаборатории, где был один из квантовых телепортов. Европейское пятно – блуждающая теневая зона, которая создает эффект ночи, там, где собою накрыла. Исландский разрыв – червоточина, ведущая неведомо куда. Кубинский котел, где пожар бушует до сих пор. Многие аномалии объяснялись самыми примитивными способами, которые затрагивали либо мир квантов, либо мутагенную сферу, либо невероятное стечение обстоятельств. Были такие, что еще не нашли объяснения, но всему свое время. Сейчас

исследования немного сдали обороты, ибо одна из смен застряла на планете Табатарандор. Во время телепортации в эфире произошла флюктуация, и координаты были сбиты. Система, не понимая, что ее навигацию закинуло в другую галактику, принялась считывать данные и искать Тейю, но вместо этого отыскала несколько иных обитаемых планет. Система не успела сообразить, что ищет в другой галактике и потому, не имея возможности остановить процесс телепортации, закинула людей на одну из обитаемых планет. После перемещения возникла проблема иного рода - десять человек, перемещаясь в случайную зону, были буквально закинуты. При телепортации, в обычных условиях, процесс состоит из переноса от передатчика к приемнику. Передатчик был, а вот приемника нет, из-за чего бедолаг буквально швырнуло, словно тряпичных кукол. Все остались целы, но Табатарандор встретил их иной средой обитания. Сильные травмы и отравления атмосферой чуть не убило людей, но табатарандорцы быстро среагировали и оказали людям помощь. Позже выяснилось, что это именно люди и что у них произошла авария, в результате которой пропало десять человек. Людям сообщили, что потерянных нашли, но они пребывают в тяжелом состоянии и нетранспортабельны. В результате переговоров было решено, что люди останутся на Табатарандоре, а местные создадут необходимые условия, для их восстановления. Для людей создали закрытое помещение, где они проходили реабилитацию, которая должна была занять около двух сандов. Несмотря на превосходную регенерацию и адаптацию, которой людей наградили их генные инженеры, атмосфера Табатарандора состояла из сложной смеси газов и органики. Была еще одна проблема, связанная со шкалой развития, в которой Табатарандорцы, или нарфголы, располагались на более высоком уровне, чем люди. Из-за этой причины, людям был ограничен доступ и темы для общения с нарфголами, безопасности ради. Собственно, разговаривать никто почти и не пытался. Лишь двое из людей интересовались нарфголами. Одним из этих людей – Чадо. Чадо больше интересовалось самими нарфголами, ибо они, также, как и люди, обладали связью, но более совершенной, в силу своего естественного происхождения. За несколько голлов Чадо успело освоить несколько техник касательно связи, благо эти знания были в числе разрешенных. А вот друг и коллега Чадо, Боб Бобсон, второй любопытный, больше интересовался архитектурой нарфголов, ибо нарфголы использовали органику. Если взять все цивилизации во вселенной, то их всех можно условно разделить на десять основных групп, каждая из которых делиться еще на свое количество подгрупп. Большая часть всей разумной жизни во вселенной находится в десятой группе. Человек же находится в девятой, где-то во второй половине подгрупп. То есть большинство цивилизаций очень похожи друг на друга, что объясняет кахулотор. По сути, если использовать пример с доской Гальтона, где каждый столбик на дне доски – это группа, то центральный столб – это десятая группа. Для простоты объяснения возьмем человека, чем ниже значение группы, тем больше цивилизация будет отличаться от человека и тем немногочисленнее будет группа. Самые известные представители первой группы – это некие банфы, которые даже физических тел не имеют, а целиком и полностью состоят из энергий. Нарфголы были в восьмой группе и их технологии делали упор на органику. У нарфголов органическим было все: инструменты, дома, машины, одежда и прочее. Все, что было сделано и даже не сделано, а выращено или синтезировано. Дома из органического камня, металла, костей и минералов не возводились, а рождались. Весь мир был одним огромным организмом, в котором каждая клеточка жила своей независимой жизнью, ведомая общей целью.

Чадо часто общалось с нарфголами, но, пожалуй, самым ценным разговором был разговор о поступке людей, когда те бежали на Тейю. Этот диалог начался случайно, когда Чадо медитировало и изучало свое подсознание с помощью связи. Один из представителей нарфголов, по имени Вайстховрх, обратил внимание на Чадо и не удержался, чтобы заглянуть в ее мир. Именно в подсознании Чадо и прошел этот диалог.

Подсознание Чадо выглядело как огромная библиотека, что и привлекло внимание Вайстховрха. Нарфголы были одной из цивилизаций, что способны общаться на био языке. Это

язык чувств и эмоций, при котором разумы обмениваются мыслями, образами, воспоминаниями и так далее. Общение протекает стремительно и более информационно. Люди, как и большинство разумных цивилизаций, дали вещам, чувствам, событиям, понятиям и многому другому названия – слова, а в био языке этого нет, так как используется информационный образ первоисточника. Именно по этой причине нарфголы обожают книги. Ибо они способны конвертировать слова любого языка в свой – био язык. Нарфголы обучаются чужому языку в кратчайшие сроки, считав все мысли представителя этого языка, от его рождения и до сего дня. Нарфголы способны прочесть книгу так, как ее не способен прочесть никто другой. Человек читая книгу - фантазирует, представляет мир, в котором происходят события книги. Нарфголы делают то же, но… Для них это как виртуальная реальность – полное погружение. Книги для нарфголов – это как наркотик, но безвредный. Вайстховрх, соблазнившись подсознанием Чадо, проник, надеясь украдкой поискать что-то новенькое, что еще не читал, но наткнулся на книгу, которая писалась самим подсознанием. В этой книге были переживания и тревоги Чадо. Мысли, страхи, счастье и любовь, и еще… Одна тема была для Чадо особенной, но она была запрятана, в то время как другая, когда-то терзавшая Чадо, была на первом плане и не знала, куда ей деваться.

Вайстховрх увлекся изучением этой книги и не заметил, что Чадо приблизилось.

- Это вообще-то не очень культурно, - произнесло Чадо, обращаясь к Вайстховрху.

Вайстховрх обернулся и увидел Чадо.

- Простите, - произнес Вайстховрх чистым голосом.

Вайстховрх выглядел как большое гуманоидное насекомое. Его кожа была покрыта чешуей, вроде змеиной, голову покрывало множество, забранных в хвост, суставчатых волос, более походивших на дреды, а два огромных совершенно черных глаза занимали почти половину лица. В целом, формы очень походили на человека. В реальном мире у Вайстховрха голос был щелкающим и шипящим, но тут он говорил чисто, ибо то был даже не голос, а био язык. Мозг Чадо конвертировал этот язык в известные слова, от чего и создавалось впечатление, словно они общаются на одном языке.

- Я не удержался и случайно заглянул.

Чадо взяла книгу и поставило на стеллаж.

- Тут личное, - ответило Чадо. – Прочие книги ради бога, но не эту.

- Простите еще раз.

- Не страшно.

- Знаете, а мы вас понимаем, ведь мы поступили не лучшим образом со своим миром.

- Вы тоже сбежали?

- О нет-нет… Это наш родной мир. Но мы его чуть не погубили из-за своих взглядов, предрассудков и убеждений. Мы, как и вы, делили мир на добро и зло, на черное и белое, пока не пришли к войне. Эта война нас чуть не погубила и те, кто остался, приняли добровольный тоталитаризм и заставили себя жить строгими правилами, нарушение которых вело к смерти. Мы добровольно приняли такие условия, хоть сейчас и не скажешь, что у нас все так жестоко. За все надо платить.

- И как вы с этим живете?

- Мы с этим не живем. Мы приняли содеянное и живем дальше, оставив прошлое в прошлом.

- То есть вы убили в себе совесть?

- Ох… Совесть… Вы все еще делите все вокруг на добро и зло, на то, что верно, а что нет. Поймите, выбор есть всегда, а вот благом он будет или нет, решает относительность. Вот вы едите растения, искусственное мясо, а что если бы они обладали волей и могли бороться за жизнь? Для вас они еда и для вас их смерть - это благо, но вы и не думаете о том, что для них это сущее зло!

- Но ведь они не обладают волей и не борются за жизнь.

- А вы цивилизация воров.

- Что? – ошеломленно произнесло Чадо.

- Да-да! – улыбаясь, ответил Вайстховрх.

В библиотеке раздался металлический звон, словно где-то грохочет металлический ящик.

- Будьте любезны… - раздражаясь, произнесло Чадо, но ее перебил Вайстховрх, продолжая все так же улыбаться.

- Я поясню.

Вайстховрх начал говорить. Из сказанного следовало то, что люди с Тейи, понимая, что людям как виду приходит конец, собрали единомышленников, украли самое ценное у человечества – знания и возможности и сбежали, заметав следы. Вот только все это именно так, только в том случае, если вы делите на добро и зло. Сделанное людьми с Тейи – это благо, ибо это спасло множество жизней и дало будущее. Для людей с Земли, поступок людей с Тейи – это сущее зло. Минус на плюс дают ноль. Люди все еще цепляются за принципы и верят, что при выборе есть правильные и неправильные поступки, но порой правильные поступки делаются через зло, а благо вымащивает дорогу ко злу. Все это иллюзии, которые человек понимает, но не осознает! Понимание и осознание – это совершенно разные вещи. Понимать – это видеть картину в целом, а осознавать – это видеть детали и понимать, как родилась эта картина и каково ее будущее. Понимание – это одно чувство, вроде страха, счастья, любви или обиды, одиночества или восторга, или еще какое. К чувству приедаешься и вырабатываешь невосприимчивость. Осознание – это гамма. Осознание – это взрывной коктейль из чувств и эмоций, который будоражит, мотивирует и заставляет. Осознание словно горная лавина, что заставляет лыжника пуститься наутек, лишь бы не попасть под нее. Сейчас человек понимает, но не осознает, а потому и сохраняет совесть. Человек ведет себя как мученик, который жертвует собой потому, что кому-то надо. Лишь когда жертва будет приноситься потому, что она требуется и без нее ни как, тогда человек осознает. Человек ищет оправдания, создает иллюзию, дабы оправдать действия, но не желает принимать факта, что все это не более чем «причина и следствие». Все так, лишь потому, что к этому все и вело, а потому и выбор здесь – это такая же иллюзия. Выбор должен быть сделан в любом случае, а совесть, это иллюзия предрассудков.

Вайстховрх закончил и молча стоял перед Чадо. Чадо осмысливало сказанное.

- Я не обвиняю Вас, ибо это глупо само по себе. Но меня немного забавляют подобные мысли.

- Вы так говорите, словно зло, которое для всех зло – это пустой звук.

- Да так и есть.

- Что?

- Да Вы сейчас и не поймете, но говорю я Вам это без опасения, ибо ваше развитие как раз на том уровне, чтобы осмыслить. Зла нет, а почему так, вам еще предстоит узнать.

- Но смерть?

- И что? – перебил Вайстховрх. – Смерть – это лишь механизм природы, она не зло, а естественный процесс и неважно как она наступила - сама собой или от чьих-то рук.

- А насилие? Это тоже не зло?

- Да, - сухо ответил Вайстховрх.

- А если я Вас, скажем, свяжу и начну пытать?

- Во-первых: у Вас это не получится; во-вторых: Вы этого не сделаете, ибо нынешние приоритеты и цели отвергают данные действия; а в-третьих: даже если и сделаете, то не без причины.

- Хорошо, а если скажем, Вашу жену изнасилуют?

- Да хоть пустят по кругу. Я повторю: «без причины этого не будет». Причина, по которой Вы это сделаете, из-за которой насилие и стало следствием, не более чем подтверждение закона. Закона, который Вы сами же и осмыслили в свое время. На Вас просто лежит отпечаток жизненных впечатлений, который словно занавес мешает Вам увидеть то, что вы видели в детстве.

- Вы о Гитлере?

- Вы сами в детстве сказали, что он стал злым потому, что его таким сделали. Но для своих соратников он был благом. В Вас есть все, что нужно, но Вы еще не готовы принять и отказаться. В Вас и во всех людях это есть, кроме разве что Вашего брата и ему подобных.

- Связь?

- То, что она удерживает.

- Сознание старого человека.

- Да, вся эта совокупность старых идеалов, морали и предрассудков, которая жива лишь потому, что Вы все еще не приняли истину, потому что боитесь перестать быть человеком. Но ведь Ваш брат, пусть и ведет себя не как обычный человек, все же человек.

Раздался слабый металлический скрежет.

- Слышали? Вашему чертенку не нравится. Вам еще повезло, что Вы хорошо его контролируете.

- А что будет, если убить его?

- Увы, но Вы этого не сделаете, ибо он как паразит, которого в Вас подселили, который съел важный орган и занял его место. Теперь между вами симбиотическая связь. Он не часть вас, но выполняет функции, без которых вам не жить. Вам остается лишь сдерживать его, либо умереть вместе.

- Значит, он и есть совесть?

- Он есть ее источник. То, что хранит в себе старые порядки, традиции, мораль, предрассудки и прочее. И пусть он не властен над Вами, но его жизнь влияет на Вас и ваш взгляд на жизнь.

- Тогда как нам осознать, как нам принять, если мы этого не можем?!

- Смерть – это самый легкий путь, изоляция тоже. Но ваше молодое поколение, которое лишено этих качеств, еще молодо, Вы нужны им, а значит одно – понять, через силу достичь цели и принять свою жертву.

- А смысл?

- А причем тут смысл?

- Из сказанного Вами, получается слепое существование, а не жизнь.

- Да, смысла у жизни, собственно, никогда и не было. Жизнь и смерть – это лишь агрегатные состояния материи и энергии.

- Нет…

- Вот о чем я Вам и говорю: Вы не желаете принять! Вы верите в смысл жизни, а это питает остатки Вашей совести, которую породило человеческое сознание. Жить и умирать надо легко, но никогда не стремиться насильно ни к одному, ни к другому. Фанатичная борьба за жизнь ведет к появлению иллюзий, а стремление к смерти, к вырождению.

- Все равно, жизнь превращается в бремя.

- Нет. Я объясню иначе. Я бы мог прибегнуть к био языку чтобы Вы поняли, но объяснить так, чтобы не затронуть запрещенные к обсуждению темы, я не могу, а потому придется обычным языком. Скажем… - Вайстховрх задумался. – Возьмем ваше яблоко, чтобы Вам проще было. Оно висит на дереве. Вы подходите и срываете его, зачем? Чтобы съесть. Все! Вы совершили действие и все. Жизнь – это действие. А Вы, Вы подходите к дереву и начинаете мучать себя вопросами: «А зачем мне яблоко?», «А как его сорвать?», «В чем смысл яблока и того, что я его срываю?», «Что будет, если я сорву правой или левой рукой?», и все в таком духе. Но ведь это лишнее. Яблоко надо просто подойти и сорвать, чтобы съесть, а не хотите есть, так пусть и дальше висит. Все!

Мысли Чадо метались. Сказанное Вайстховрхом было трудно осмыслить. Он говорил легко и непринужденно, но согласиться с ним было тяжело.

- Простите, но я с Вами увлекся. Я покидаю Вас, но оставляю Вам последнее слово: выбор – это иллюзия, а иллюзия – это воображение. Кто владеет своим воображением, тот всегда найдет выход.

Вайстховрх покинул подсознание Чадо. А само Чадо, постояв некоторое время в раздумьях, направилось туда, откуда доносился слабый металлический скрежет. Звук доносился от клетки, чьи прутья были сделаны из связи, которая придавала образ металлических прутьев. Внутри сидело маленькое и жалкое создание, напоминающее человека. Человечек был голым и бесполым. Человечек беззвучно раскрывал рот, словно пытаясь кричать. Он ненавистно глядел на Чадо и метался по клетке. Тощий, с черной лоснящейся кожей, человечек был зол и агрессивен. Человечек вел себя как дикарь или животное и Чадо вблизи ощущало какое-то негативное чувство. Клетка стояла в центре зала библиотеки. Все стеллажи стояли так, что все книги глядели на эту клетку и человечка. Этому мелкому чертенку это очень не нравилось. Побесившись, человечек забился в угол и стих. Чадо приблизилось и заглянуло человечку, который нервно дышал, прямо в глаза. В глазах была ненависть.

- И это могло быть мной? – произнесло Чадо.

***

Профессор Жан Жак Гюсто, полноватый мужчина, с небольшой залысиной, ухоженными волосами, забранными в хвост и печальными глазами, занимавшийся изучением новой разновидности жизни на Марсе, выдвинул одну теорию, которая была на грани фантастики. Вернее, было две теории, но обе теории были связаны между собой. Первая теория и то, по его заверению, была именно теория, а не гипотеза и опиралась она на добытые факты, которые нужно было проверить. Теория сводилась к тому, что жизнь способна зарождаться в условиях, семьдесят процентов из которых ранее считались крайне непригодными для зарождения. Гюсто полагает, что солнечная система – это место, где можно отыскать множество жизни. Гюсто даже предоставил список планет и спутников, на которых может быть жизнь и даже указал данные, с какой вероятностью. По какой-то причине жизнь в солнечной системе сдерживалась, словно кто-то намеренно, скажем так – подавлял жизнь. Но когда люди покинули Землю, то подавление спало и жизнь начала брать свое. Нужно было проверить планеты и спутники дабы подтвердить теорию. Версия о подавлении жизни связала теорию с Просветителями и у Гюсто даже появились косвенные аргументы, проверить которые, увы, не выйдет. Суть в том, что солнечная система по мнению Гюсто – искусственная! То есть вся, от Солнца и до облака Оорта. Подкрепляется все это еще и тем, что солнечная система подозрительно идеальна. В системе есть все, чтобы жизнь могла зародиться, даже при условии ее подавления. В системе одна звезда главной последовательности, то есть она не большая и не маленькая. Есть планета гигант, которая своей гравитацией хоть и угрожает Земле, в тоже время и спасает. Достаточное количество космических объектов, с водой и углеродом. Земля же имеет идеальное положение в системе и в пространстве. Словно систему лепили на заказ. Да, учитывая объемы форм жизни, которые населяют галактику, то данная теория выглядит нелепо. Но Гюсто намерился доказать и для этого отправился на спутник Юпитера – Европу и в одиночестве провел там целый эйнш, ища формы жизни. Вернувшись, он предоставил найденную жизнь. Скепсис по отношению к теории стал ослабевать. Если теория о жизни подтвердится, то ниточка тянущаяся к Просветителям станет намного крепче, ибо если они виновники того, что жизнь в системе сдерживалась, то их могущество, очень даже может быть настолько велико, что они способны и целую систему создать. Обращение к союзу ничего не дало, ибо уровень человеческого развития слишком низок, чтобы получить ответы на вопросы, касательно возможностей цивилизаций творить целые системы. Терраформирование – это максимум, который был дозволен людям.

Всего было создано двадцать три комплекса. Три на планетах, а остальные на спутниках Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Венера – адское пекло, Юпитер – мир чудовищного магнитного поля и приливных сил, Сатурн и прочие – мир льда и холода. Если на Юпитер еще и были надежды, то вот на прочие были лишь сомнения, особенно на Плутон, который был царством тьмы и холода. Найти там хоть какую-то жизнь, значило в корне переписать все представления о жизни. Собственно, именно об этом и утверждал Гюсто. Гюсто даже пошел дальше и запустил поиск схожих с солнечной системой других систем. Пока шли поиски жизни в солнечной системе, Гюсто отыскал несколько систем, которые были максимально схожи с солнечной системой и запросил сделать несколько комплексов и там.

У теории, в случае подтверждения, было большое будущее, но одного она не давала – как же жизнь появляется? Если Гюсто прав, то для зарождения жизни много не требуется, много требуется для ее эволюции.

Немного касательно теории Гюсто. Выдвинул он ее, когда интересовался структурой технологии, которая укрывает агрессивные цивилизации. После того, как люди бежали, жизнь на Земле получила толчок, но в скором времени сила толчка спала. Жизнь на Земле стремительно заполонила умирающую планету, но сейчас такой стремительности не наблюдается. Это похоже на эффект гравитационного воздействия. Когда ты живешь на планете с высокой гравитацией, в мире с более низкой ты сильнее, но потом тело атрофируется и сила уменьшается. Тут тот же

эффект. Кто-то явно сдерживал жизнь в солнечной системе и то были не обитатели ни Баравара, ни любой другой галактики. Заявления людей, в частности Гюсто, не принимались, а ответов люди не получали, в силу своего уровня развития. Складывалось впечатление словно все цивилизации либо знают ответ, но молчат, ибо человеку рано знать, либо ответ неизвестен, а истину прочие цивилизации объясняют иначе, а люди просто нашли, вернее ухватились за случайную деталь, которая способна обличить цивилизацию, что действует вопреки всем законам союза. При этом действует настолько скрытно, что обличить их не способны ни тысячи, ни миллионы цивилизаций. Человек же уцепился за косвенные факты, которые объясняются более логичными доводами. То, что жизнь зарождается в столь экстремальных условиях, не является чем-то удивительным, ибо жизнь зарождается так же быстро, как и гаснет, и лишь единицам удается уцелеть и завладеть своим миром. То, что люди начали находить жизнь в мирах, в которых ее не было, рушится одним доводом: «А вы раньше ее там искали?». Жизнь могла тысячи раз зародиться и исчезнуть в тех мирах. Есть даже доводы в адрес идеальности системы, а именно: «Таких систем в галактиках много, бывают и более идеальные системы». Доводы вписывались в факты, но интуиция людей гнала по иному пути. Людей смущал один крошечный факт – толчок, который получила жизнь на Земле. Если все прочее можно было объяснить, но это… Этот факт объяснялся слишком туманным доводом: «Простая тяга к жизни, получившая стимул в виде угрозы вымирания». Вот так просто!

Многих устраивали доводы, но не Гюсто. Гюсто искал и находил. Факты ломали объяснениями, но Гюсто не сдавался. Смутная тень сомнения заставляла верить, что тут что-то другое, что все не так, как это объясняют более развитые цивилизации. Да, было трудно не согласиться с цивилизациями, которые более развиты, живут и существуют куда больше людей, но все же… Что если Просветители действительно есть и эта маленькая промашка – это ниточка, которая может к ним привести? Что если людям повезло? А почему другим не повезло? Быть может все и делалось с расчетом именно на людей? Что если Просветители нарочно оставили эту нить? Глупо… Старая человеческая вера в свою исключительность. Но чем черт ни шутит?

Как и было предсказано, жизнь была обнаружена. Не во всех мирах, но в большинстве. Лишь на паре спутников не нашли. Но на планетах и оставшихся спутниках жизнь была и в других системах тоже нашли. Но кроме этого нашли и еще кое-что, что уже точно не имело объяснения и никак не вписывалось в объяснения старших цивилизаций. На спутнике Сатурна – Титане, в результате несчастного случая была найдена сложная форма жизни. Учитывая условия жизни, она ни коем образом не вписывалась в окружающий мир. Кроме нее на спутнике было найдено лишь несколько видов одноклеточных. Прибавьте страшный холод, из-за которого метан становится жидким и образует на планете целые моря и океаны и поймете, что эти животные не могли развиться до своей формы. Им просто не из чего было! Но они там были и как они там оказались не известно. Возможно, это объясняется панспермией, но одно дело одноклеточный организм и совсем другое высший организм, обладающий примитивным аналогом нервной системой.

Эта форма жизни походила на стриженную обезьяну, даже обезьянку, вроде капуцина. Их кожа была морщинистой и цветом сливалась с окружающими рыжими тонами. Эти обезьянки выживали при температуре почти в минус двести градусов по Цельсию и питались метановой жидкостью. Создания жили мелкими группами, численностью до десяти особей и обитали обычно вблизи источников, под поверхностью планеты. Их активность была крайне низкой и обычно они не высовываются, а проводят все время в своих норах. Учитывая их метаболизм и активность, питаются они крайне редко.

Создания окрестили Уацинами. Само их существование было невозможным, но именно эта невозможность в то же время была и козырем в пользу Просветителей. Правда, как это их связывало, было не ясно, но иного объяснения не давалось.

Уацины были словно утконосами, которых исследователи открыли еще в восемнадцатом Земном веке. Их открытие шокировало людей и многие даже в свое время сочли утконоса насмешкой над эволюцией, а теперь этот статус заняли уацины. Уацины были насмешкой над теорией зарождения и развития жизни. Их невозможность ставила в тупик и вызывала интерес. Возможно, что они это новая крошка оставленная Просветителями? Что если все это не случайно и Просветители специально ведут людей по какому-то пути? Что если они избрали людей и не желают, чтобы другие цивилизации знали? Или все это фантазии, которые человек себе навязывает? Что если все это объясняется так же примитивно, как и все остальное и человек просто видит связь там, где ее нет?

Есть ли Просветители или они просто человеческое воображение, поможет дать ответ лишь одно и это находится на Земле. Проблема лишь в том, что найти это не просто.

- Полли, ответь, ты веришь, что мы их отыщем? – обратился к Чадо Гюсто.

- Вы о Просветителях?

- Ну, а о ком же еще…

- Знаете, это слово, вернее слово, которое Крис превратил в название, у меня вырвалось случайно и тогда мы корпели над книгами танталийцев, представление о Просветителях было схожим, но все же другим. Мне трудно сказать верю ли я, здесь скорее что-то среднее.

- Интуиция. Это называется интуиция.

- Пожалуй. Странное чувство, когда ты знаешь обратное, но продолжаешь искать, словно веря, что все не так. Меня больше смущает то, что миллионы других цивилизаций вторят обратное. Что если мы ошибаемся и все именно так, как нам и говорят?

- Мы как Джордано Бруно, который утверждал, что Земля не единственная. Все были против, а в итоге он оказался прав.

- Мне помниться его сожгли.

- Ну, положим нас не сожгут, а значит у нас есть все, чтобы доказать или опровергнуть свои догадки. Я думаю, что нам стоит идти против системы и отстоять свое мнение. Как и Бруно, который до самой смерти не сдавался, мы тоже должны идти до конца! Либо подтвердить, либо опровергнуть.

- Что если мы опровергнем?

- Будем жить дальше, с горьким огорчением, я полагаю...

- Ну, а если подтвердим?

- К чему вопросы, если ответы известны?

- Мне, несколько скучно…

- Скучно? Займи себя чем-нибудь.

- Чем-нибудь?

- Да, придумай что-нибудь.

- Знаете, Вы сейчас натолкнули меня на одну мысль.

- Интересно какую?

- Вот генные инженеры уже удлинили нашу жизнь до ста пятидесяти лет, в будущем может и больше будет, а как они заверяют, даже бессмертие будет. Но какой от бессмертия прок? Жизнь придумала смерть для развития, как сдерживающий механизм и мы пример тому, если данный механизм нарушается. Я имею в виду то, что мы чуть не стали причиной глобального вымирания. Сейчас данная система может быть взята под контроль и угроза не будет грозить, но где смысл?

- Я что-то не улавливаю?

- Я о скуке! Ведь какой прок от вечной жизни, если ты сделаешь в своей жизни все, что хотел и что остается? Влачить скучное существование? Заставлять себя придумывать то, чем заняться? Это надоесть и осточертеет. Жизнь станет ненавистной и смерть будет спасением. Польза от бессмертия?

- Да… Пользы маловато, но и становиться бессмертным насильно тебя не заставляют! Ведь и продолжительность жизни удлиняется по желанию, а не по настоянию. Думаю и с бессмертием будут так же.

- И опять, все упирается в смысл. Если его нет, как говорят нарфголы, то почему все говорит об обратном.

- Так может это тоже ниточка, а?

- Будем надеяться.

- Будем искать!

Глава 7. Падение

В религии неизбежное – это судьба.

В науке неизбежное – это теория хаоса.

Тело Чадо спало в уютной теплой кровати. Несмотря на жару лета, в доме поддерживался комфортный климат. Человек давно уже создал все, чтобы жить и не зависеть от природы. Человеческая природа стала независимой от естественной и равна по силе, но естественная все равно была и человек пользовался тем, что она давала, просто по причине экономии. Человек, в отличие от баслагов, которые так же стремились к независимости от сторонних аспектов, но довольствовались, куда меньшим миром, стремился к большему. Несмотря на все созданное, чего-то все же не хватало. Именно эта нехватка и повлияла на более глубокое изучение сознания баслагов, дабы понять, что же не так и почему люди испытывают к ним странное чувство. Ответ был банальным и лежал на поверхности, вернее в глубине, но глубине разума. Точно так же, как Чадо сейчас во время сна изучает свое подсознание, а вернее Лимб, так и исследователи изучая Лимб, пытаясь отыскать возможность подключить баслагов к связи, наткнулись на невозможность это сделать. Дело в том, что у баслагов нет подсознания. У них есть разум, но нет подсознания, а значит нет и Лимба, которое вроде более глубокого уровня сознания, чем подсознание. Лимб – это вроде уровня, где все сознания объединены в одно поле. Это поле живет своими законами, но оно неразрывно связано с разумом. Граница между подсознанием и Лимбом практически отсутствует, но невооруженный разум просто так в Лимб попасть не способен. Землянин может попасть в Лимб при помощи химических веществ, а вот тейянец имеет прямое подключение, но Лимб - это целый мир, который можно даже программировать и это будет влиять на разумы тех, кто к этому миру подключен. Кроме того, Лимб еще и опасное место. Земляне, когда открыли Лимб, спускались в него и что-то искали, рискуя собственными жизнями. Нередко люди сходили с ума и кончали с жизнью, были и случаи, когда нервное напряжение и истощение в сочетании с передозировкой наркотического вещества приводили к смерти от того, что мозг воспринимал смерть в Лимбе как реальную смерть. Сейчас Лимб – это инструмент, который изучают все кому это интересно. Чадо это было интересно, а потому Чадо часто проводит время изучая подсознание и Лимб, пока тело спит и восстанавливает силы. Ответ, касательно странного чувства по отношению баслагов был получен, но удовлетворения он не принес. Это как получить ответ на вопрос, но получить еще несколько вопросов, на которые надо найти ответы. Если баслаги, для простоты объяснения, являются оболочками, телами с духом, но без души, то, что же, Лимб – это и есть душа? Или Лимб - это проявление души? По крайней мере, все склоняются ко второму варианту, исходя из данных. К слову! Благодаря исследованиям стало ясно, что Лимб – это, в силу своей природы, *часть* эфира. Собственно, слово душа не в ходу, используется другой термин – фантомная информационная составляющая физического объекта обладающего сложнорефлекторными алгоритмами. «ФУИСФООСРА» или проще - фантом. Фантом излучает пси-излучение, которое генерирует поле, а поле – это и есть Лимб. По крайней мере, этого мнения придерживаются люди. Но вот природа самого фантома неизвестна, неизвестно и то, действительно ли он существует, так как пока он существует, благодаря косвенным данным, лишь в теории которую люди надеялись подтвердить, найдя землянина, у которого есть нужный генетический ключ и катализатор. Правда проект терпит лишь неудачи на данном поле исследований, а станция себя уже изжила и устарела, а потому ей осталось отработать всего несколько смен и ее вернут, проект закроют, а Земля превратится в закрытый заповедник. Многие стали искать ответ в Лимбе, так сказать: пытаются зайти с другой стороны, но пока безрезультатно. Чадо тоже ищет, блуждая в собственном участке подсознания.

Собственный участок подсознания Чадо – это библиотека. Десятки стеллажей, наполненных книгами, учебниками и прочей макулатурой. Все это не более чем визуальное восприятие внутреннего мира Чадо. То есть именно так мозг воспринимает подсознание, которое в действительности выглядит иначе и представляет собой лишь бесформенную информацию. Однако мозг устроен таким образом, что если он не может это вообразить, но очень нужно, то мозг создает иллюзию и выдает ее в виде привычной картинки. Собственно, био язык использует этот принцип, заставляя мозг конвертировать информацию в слова и на оборот. Однако владение био языком требует наличие связи или ее аналога, а так же пси-переноса, желательно как у нарфголов. Нарфголы способны подключаться к другому разуму дистанционно, без телесного контакта как люди, достаточно быть в поле действия пси-переноса. При переносе, нарфголы передают мысли и образы, которые человек воспринимает так же, как их воспринимает нарфгол. При прямом переносе, информация передается в том виде, в котором ее передает нарфгол, при этом информативный КПД составляет сто процентов. При обходном переносе, в мозг подается информация, которую мозг воспринимает и конвертирует, информация может поступать в мозг в виде слов или информации как при прямом переносе. Даже если нарфгол и человек будут знать разные звуковые языки, при таком общении они будут понимать друг друга. Однако такой перенос сильно теряет КПД, но значительно снижает нагрузку на мозг, ибо при прямом переносе, если принять, что, к примеру, предложение из ста слов равно одному килопсигюстов энергии, то это же предложение при прямом переносе будет равно десяти мегапсигюстов. Продолжительный разговор на био языке способен огромным объемом информации поджарить мозг. А так как пси-перенос имеет ограничение на радиус действия и то, что не все цивилизации обладают данной технологией, то от общения посредством звука ни одна цивилизация не отказалась.

Чадо часто проводило время в подсознании пытаясь его изучать. В Лимб Чадо старалось не лезть несмотря на то, что являлось специалистом и даже сумело защитить докторскую диссертацию по теме био языка, в котором Чадо охотно помог Вайстховрх, пока Чадо и другие были вынуждены гостить у нарфголов. Так как с основной миссией Харона все было ясно и, по сути, последние несколько тойев Харон оставался на орбите Земли исключительно из-за надежды все же хоть что-то отыскать, то Чадо, не теряя времени, имея достаточно знаний, материалов и практики, занялось диссертацией. Чадо удалось внести небольшой вклад в изучение био языка и в будущие совершенствования связи, а так же Чадо создало формулу и шкалу пси-нагрузки, по которой определялась психическая нагрузка на мозг при передаче информации и что на нее влияет. Эту нагрузку Чадо назвало в честь своего друга и коллеги, который помог Чадо с формулой и был частым собеседником при обсуждениях – Жан Жака Гюсто. Того самого, что выдвинул теории о способности жизни зарождаться почти в любых условиях и об искусственности солнечной системы.

Сейчас Чадо проводило время в подсознании, изучая своего внутреннего человека или как его называет Вайстховрх – чертенок, а также его клетку. Создание было не больше ребенка, даже скорее младенца. Создание было достаточно агрессивным, разговаривать не умело и по отношению ко всему проявляло вражду. Каждый основатель и все из первого поколения обладали внутри своего подсознания подобным созданием. У основателей данные создания имели туже внешность, тот же рост и могли разговаривать, но все без исключения проявляли враждебность. Создания были словно сосредоточением всего, что человек называет «отрицательные качества». Создания у всех были уникальны, но основная их черта была едина для всех. У кого-то создание было слабым, у кого-то сильным. Почти у всех основателей, кроме защиты, которую формировала связь, была дополнительная защита, из-за которой создания редко завладевали сознанием своего носителя. Те, чья защита была слаба, были подвержены частым приступам, но те, чья защита была сильна, как например у Чадо, практически не поддавались влиянию. Тем не менее, влияние все же было. Чадо изучало создание и защиту,

дабы понять, как подавить его влияние и усилить защиту. Но пока все было тщетно. Почему разум видит именно клетку понятно – это ассоциация, но как клетка вообще создается - это загадка.

Подсознание Чадо ожило. Все зашевелилось и засияло, но при этом все оставалось на своих местах. Чадо поняло, что это будильник, а значит пора вставать и отправляться на станцию. Чадо осталось еще три смены, после чего, это будет как раз смена Чадо, проект закроется и станцию отправят к Тейе. Харона разберут, а Земля станет закрытым объектом.

Пробуждение было бодрым и свежим. Гелла поднималась над горизонтом и ее свет переливался мириадами блик в окнах Теменвита. Сегодня надо было заскочить в Уэлл Сити забрать документацию и после на станцию. Валентин любил готовить сам, даже кофе или чай тоже варил сам, но Чадо постоянно словно бы куда-то спешит и потому готовку кофе Чадо доверило кухонной машине. Раньше люди пили кофе для придания себе бодрости по утрам, а сейчас пьют ради вкуса, ибо все необходимое для поддержания здоровья и тонуса, при необходимости, вводится через устройство-костюм. Это устройство – это как вторая кожа, многие носят его, не снимая, ибо его функционал значительно расширяет возможности повседневной жизни. К примеру – наручный голофон. Голофон - это по своей сути наручный компьютер, который, благодаря костюму, отслеживает все показатели в организме, позволяет управлять всем и вся в доме, позволяет связываться с другими людьми и так далее. Функционал очень обширный и помимо всего прочего, голофон – это ключ-доступ, в котором хранятся все необходимые сведения о человеке. Сейчас Чадо использует его, чтобы управлять кухонной машиной, для изменения меню ужина. Машиной можно управлять и голосом, но сейчас Чадо уплетало завтрак за обе щеки, а потому ручной ввод был проще. Костюм был эстетически превосходным, но функционал костюма начисто стирал половые отличия. Если ты женственный парень или мужественная девушка, то из-за костюма определение твоего пола будет как бросание монеты. Чадо покончило с программой ужина и принялось колдовать над дневником личных исследований, в котором Чадо вело записи касательно изучения подсознания. Глаза были оснащены линзами дополненной реальности, в которой перед Чадом, прямо в воздухе, висел шар-клавиатура. Словно мастер кубика Рубика, Чадо крутило в руках шар и набирало сообщение, которое выводилось на экран, отображаемый в той же дополненной реальности. Когда Чадо закончило печатать, данные были сохранены, а Чадо щелкнув пальцем, переместилось из своего дома в холл Уэллского института, где надо было забрать документацию об анализе ДНК Земного растения. Из-за свойств данных, которые было безопаснее записать на носитель и забрать, чем передавать по каналам связи, Чадо решило забрать их лично. Уэлл Сити стал в разы больше и сейчас это не просто медицинский центр Тейи, но и главная биоисследовательская зона. Правда исследования здесь проводятся лишь шестого и пятого уровня, а все прочие, из-за протоколов безопасности, проводятся на полигонах. Тем не менее, здесь изучается и изготавливается много полезного, без чего сейчас трудно представить жизнь. Уэлл Сити состоял на треть из баслагов, которые в силу большого интереса к биологическим организмам, тратили много времени на их изучение. Баслаги и люди жили и работали бок обок и из-за того, что последние модели баслагов выглядели в точности как и люди, то в толпе баслага можно определить лишь одним образом – попробовать его почувствовать. Люди, по сути, из-за связи – эмпаты, но баслаги лишены связи, а потому их эмоции и чувства – это глухая стена, в то время как человеческие – это как вязкая жижа, в которую приятно погрузить свой разум.

Как и любой дом, институт был оснащен зоной кита. Раньше были комплексы с кабинками, но их заменили зоны и никаких очередей. Достаточно войти в зону, указать в голофоне координаты и отправиться куда надо, при условии, что там тоже есть зона кита. К слову о зонах кита! Несмотря на то, что они были практически везде, что позволило избавиться от большинства электромобилей, люди все равно частенько ходили пешком. Причины три: не все здания, по разным причинам, были оснащены зонами, для избегания атрофии мышц, если таковая вдруг

начинала себя проявлять, а также просто для удовольствия. Чадо стояло посреди зоны в холле института и настраивало следующие координаты. Покончив с этим, Чадо направилось за документацией, но выяснилось, что Чадо не смогли вовремя оповестить о том, что данные еще записываются. Из-за объемов пришлось использовать второй БУН (биологический универсальный накопитель). БУН – это устройство хранения информации на основе ДНК. Такой накопитель способен хранить в себе несколько эксабайт информации в течение сотен лет. Данных о ДНК мутированного растения с Земли, а именно Путоранского древа, оказалось больше, чем памяти одного БУНа, при том условии, что на анализ был передан лишь небольшой фрагмент ДНК.

Делать нечего и Чадо решило подождать на улице. Улица была полна людей и машин. Дроны летали взад и вперед словно насекомые. В толпе попадались и представители других цивилизаций. За несколько тойев люди сильно сдружились с некоторыми цивилизациями, некоторые представители даже живут на Тейе, собственно, как и некоторые люди, живут на планетах иных цивилизаций, все больше по работе. Иногда тут даже бывают и представители цивилизаций, чей уровень развития выше человеческого, но ни одного, чей уровень ниже. Увы, но так надо. Чадо любит иногда проводить время просто сидя на улице и прощупывать разумы людей. Чувство, когда касаешься чьих-то чувств и эмоций, похоже на гамму красок, вкуса и форм. Мозг не может интерпретировать чувства и потому выдает фантастические комбинации разных ощущений, от вкуса и до тактильных. Правда при прямой связи четко ощущаются конкретные чувства и эмоции, но, когда так, вскользь - неописуемо. Голову посещают мысли, настрой которых плавно перетекает, но общий фон остается неизменным. Все это похоже на… На… Нет… Описать это невозможно! Это как описывать запах, который создает тактильные и зрительные ощущения, вкус выдает картинку и звуки и все это перемешано, словно психоделический салат.

Чадо сидело, закрыв глаза, и ощупывало людей связью. Красный. Звенящий. Твердый и терпкий. Кислый, но черный. Горький бас. Волнующе-острый. Бугристо сладкий. Роза желтого укола. Фиолетовая горечь счастья. Безумный коктейль чувств и эмоций. Ощупывать людей Чадо научил один художник в Брэйдберилсе, с которым Чадо как-то познакомилось. Этот художник рисует картины, пытаясь воспроизвести ощущения, но это все равно, что пытаться нарисовать смерть. Кроме старухи с косой в голову мало что приходит. Однако картины потрясают своим безумием. Картины художника – это сочетание сюрреализма, абстракционизма и импрессионизма. В картинах прослеживается форма, которая за счет техники словно бы оживает. Стоит задержать взгляд и картина словно бы оживает.

Чадо скользнуло по очередному человеку и наткнулось на глухую стену. Чадо открыло глаза. То был баслаг (машина серии Лука модели 26), который выглядел, за счет полимерных тканей, как мужчина средних лет. Он стоял и ожидал кого-то. Через короткое время подошел еще один баслаг женского вида и они оба ушли. Половые отличия у баслагов были скорее простым символизмом, ибо они не размножаются, а само различие было заложено человеком, из-за простой психологической интерпретации себя на машину. Но эта интерпретация была принята и перенята. Баслаги и живут как люди, разве что не питаются, но подзаряжаются. Спят без снов, работают, общаются и радуются жизни.

Чадо продолжило ощупывать и наткнулось на представителя другой цивилизации. Его разум был похож на тесто из шерсти, вызывающее щекочуще-красный смех. Чадо открыло глаза и поежилось. Не человеческий разум, без связи или с аналогом связи, походил на попытку пожать правой рукой левую.

Через несколько минут раздался сигнал оповещающий Чадо, что запись завершена и можно забрать БУНы. Чадо оторвалось от своего занятия, сходило за данными и вернулось в холл, где щелкнув пальцами, оказалось уже на станции. Чадо за секунды перенеслось на многие световые годы, от Тейи до Земли. На станции сейчас работала другая смена, но Чадо, в силу своей

излишней пунктуальности, прибыло раньше начала работы своей смены. Именно по этой причине данные забрало именно Чадо. Передав данные, Чадо направилось в кают-компанию. Причина по которой данные пришлось именно забрать, а не передать напрямую, заключается в ее матричной составляющей. То есть с этими данными можно работать как с материей, а из-за структуры данных, конвертация, передача по каналам связи и обратная конвертация сильно искажает данные. Потому – только запись на носители.

Смена понемногу собиралась в кают-компании, в то время как сдающая проверяла состояние всего и вся, для передачи работы. Все заняло около часа. Станция Харон сильно изменилась за время своего существования. Множество модулей, переоборудований и модернизаций превратили станцию в крепость, которая устарела и уже скоро должна буквально разваливаться на части. Описать внутренности станции, это как описывать картину, которую писали разные художники. Единого стиля, как изначально, тут не было. Стиль был принесен в жертву практичности и функциональности.

После передачи смены, новая смена продолжила работу предыдущей. Работа Чадо заключалась в проверке анализов проб, которые добывались несколькими разведчиками. Всего на Земле действовало около сорока человек, разбросанных по всей планете. Для работы, в определенных точках планеты были установлены специальные базы, которые служили точками спуска и подъема. Из-за того, что работа на станции в ближайшее время прекратится, большинство точек уже убрали. Но на Земле все еще остались и было принято их оставить навсегда, несколько старых баз. Эти базы были допотопными, служили для взлета и посадки малогабаритных кораблей. У Харона даже все еще остались модули со шлюзами для стыковки. Первые разведчики пользовались кораблями, пока не были построены комплексы кита, а их уже заменили зоны. Человек спускался, изучал, собирал и возвращался. На все уходило сравнительно немного времени, но раньше, из-за кораблей, уходило куда больше. Прогресс не стоит на месте, но вот миссия Харона встала. Рабочее место Чадо находилось у окна, где Чадо могло в любой момент посмотреть на Землю. Сейчас Чадо смотрит на нее все чаще, ибо скоро на Землю можно будет посмотреть разве что на картинке, в фильме или в телескоп.

Земля была зелено-голубой. Сушу покрывали густые леса, а моря и океаны, цветущие растительностью воды. Всего, примерно, двадцать тойев или тридцать Земных лет назад, Землю покрывали города, горы мусора и хлама, пустыни и реки ядовитых вод. Природа поглотила это и переварила. Пища была не здоровой, грубой, но природа справилась, однако переварить предстояло еще. Может лет сто и на Земле почти не останется следов человека. Древние творения человека простоят еще очень долго, но вот творения последнего века природа разотрет в пыль очень быстро. Чище стало и на орбите Земли. Многие спутники, и всякого рода мусор, сами собой или вручную, сошли со своих орбит и пали на Землю. Но орбита все еще кишела мусором, который представлял станции угрозу. Крупный мусор удавалось как-то убрать, в некоторых случаях даже путем смены курса станции, но вот мелкий мусор был словно рой назойливой мошкары. У Харона даже появилось несколько собственных спутников. Эти спутники были обычным мусором, но гравитация захватила их и те принялись вращаться вокруг станции, словно Луна вокруг Земли.

Работа, которой Чадо занималось, не была скучной. Всякий занимался в соответствии со своим индексом, а значит тем, что было интересно, но порой и любимое занятие бывает через-чур монотонным и может вызывать скуку. Время на Хароне было свое – бортовое. Это время отличалось от Земного и Тейянского. Земное время было придумано еще во времена Шумерской цивилизации и опиралось на шестидесятеричную систему, потому час и минута равны шестидесяти, а в сутках два по двенадцать. Но тейянские сутки состоят из тридцать одного часа и в данную систему без изменений не укладываются. Шумерские, а значит и Земные, часы были цикличны, а вот Тейянские, в силу технологий, были потоковые. Тейянское время можно было

тоже уложить в привычные двадцать четыре часа, но тогда часы и минуты был бы длиннее, но так как их продолжительность была удобна, то изобретать велосипед никто не стал, а просто было решено отказаться от цикличности. Чувство того, что сутки или по тейянскому голлы, стали аж на семь часов больше, что порой радовало людей, преимущественно из числа основателей, но порой и нет, чаще у первого поколения. Порой монотонная работа затягивалась и хотелось, чтобы время шло быстрее.

Смены делились на две условные половины: работа и демонтаж. Так как станцию собираются вернуть, но проводимую работу требовалось сперва закончить, то по мере окончания работ, все ненужное демонтировалось и отправлялось на Тейю. Чадо закончило свою работу на сегодня и отправилось помогать. Сегодня на очереди был модуль фермы, где хранились образцы. Образцы отправлялись на зону кита, а оттуда на Тейю. Каждый груз отправлялся в свое место.

Когда смена закончилась и заступающая смена подменила сдающую, Чадо сразу же отправилось в свой дом, дабы принять душ. В плане гигиены у людей проблем не было. Чистота поддерживалась на таком высоком уровне, что даже простой прием душа или мытье рук превратились в некое подобие странности. Душ принимался не из санитарно-гигиенической необходимости, а просто для получения удовольствия.

Душ в доме Чадо был по последнему слову техники, как и весь дом в целом. Отец Чадо боялся, что из-за работы Чадо они более не смогут видеться, но получилось на оборот – из-за работы отца. Валентин увлекся изучением аномалий в космосе, что почти и не появлялся дома. Миша, желая стать инженером, перебрался в другой город, поближе к месту учебы, а Чадо приобрело свой собственный дом, на восточной окраине Теменвита. Отцовскую бытовую простоту Чадо не унаследовало, а потому дом Чадо был напичкан всевозможными девайсами, которые были настроены так, что Чадо стоило лишь войти и машина, просканировав Чадо, обычно, уже знало, что нужно делать.

После душа, Чадо уже ждал ужин. Валентин больше любил овощи, а вот Чадо налегало на мясо. Все овощи, фрукты и даже мясо, выращивались искусственно в специальных синтезаторах. Для выращивания пищи использовались измененные стволовые клетки, которые словно микроскопические заводы производили строительный материал, из которого синтезирующая машина и создавала организмы. Синтезированные организмы практически не отличались от настоящих, за исключением того, что организмы были чем-то вроде болванок – пустые! Синтезированное животное, даже имея мозг, не было живым в привычном понимании. Организм такого существа жил, вернее даже существовал, но был подобен овощу, не способному даже самостоятельно переварить пищу. Во всем остальном, такое же животное, с теми же пищевыми ценностями. Правда было еще пара источников пищи – жидкостный и концентрированный. Жидкостный – это способ, при котором в организм вводились все необходимые вещества, минуя пищеварительную систему, а концентрированный – это то же самое, но путем таблеток. Особой популярности эти способы питания не имели. В силу природной привычки, человек предпочитал употреблять пищу классическим способом.

Чадо жило в полном одиночестве. Второй половины не намечалось, ибо сейчас Чадо имело иные жизненные позиции. А вот Миша уже успел сдружиться с одной своей сверстницей, с которой он проводит очень много времени. Они оба учатся на инженера и оба подают большие надежды. Валентин, их отец, более связей не заводил и решил полностью посвятить себя работе. Иногда, раз или два в санд все встречаются дома у отца. Едят, общаются, делятся новостями, смеются и дурачатся. Одним словом – отдыхают. Умственный труд трудно сравнивать с физическим, но и он способен вымотать не хуже.

В прочее, свободное от работы время, Чадо тратило на путешествия. В плане путешествия на Тейе все было, с одной стороны скудно, а с другой стороны чрезмерно богато. Индустриальный

туризм ограничивался тремя городами, правда в ближайшее время ожидается еще три новых города, но все же. А вот прочий мир – это целая планета, которую исследовали лишь при помощи спутников, зондов, дронов и редких рейдов. Чадо любило наобум ткнуть пальцем в карту, найти ближайшую зону кита, собрать вещи и отправиться исследовать местность. Хобби Чадо приносило пользу, ибо все, что Чадо документировало, вносилось в базу данных о Тейе. Подобное хобби было у достаточно многих людей и себя исследователи называли либо странниками, либо межзвездными скитальцами, а некоторые, в шутку, даже автостопщиками. Многие, как Чадо, продолжили изучать Тейю, а вот другие, из-за которых во втором названии не случайно имеется слово, относящаяся к звездам, обратили взгляды в небо. Все больше и больше странников начало изучать планеты геллической, солнечной и прочих известных звездных систем.

Завтра Чадо отдыхает и свой отдых Чадо уже целый санд планирует провести на Совином острове между Мглистым и Тихим морями. Вещи как всегда уже в готовом виде, осталось лишь выспаться и утром можно в путь. На Совином острове зоны кита нет, но есть на соседнем – Вороньем острове.

Костюм сменился на халат. В руках кружка кофе, музыка, огни города и сумеречное небо. Город двигался и менялся, и Чадо часто любило вспоминать, каким город был прежде. Час, второй и вот на небе уже звезды. Нежные пастельные тона голубого, желтого, розового и зеленого сменились на холодные синий, фиолетовый и черный. Света в городе было много, но городов на Тейе было мало, а потому искусственный свет слабо перебивал свет звезд. Чадо задремало с недопитой кружкой, сидя в кресле у окна. Чадо видело сон, в котором снилось путешествие. Но это путешествие не было одним из тех, что для Чадо привычны и обыденны. Это не было даже подсознание или Лимб. Это был обыкновенный сон. Сон, столь простой и незамысловатый. Сон, в котором мозг складывает небывалую картину из бывалых образов и впечатлений. Чадо видело Землю, но не опороченную, а чистую и прекрасную. Чадо видело себя и других людей, которые жили обыкновенной жизнью в мире, в котором не было всех тех ужасов, что есть на Земле в реальности. Чадо видело, как люди, веселые и задорные, спешат куда-то, а кто-то напротив, сидит и никуда не торопится.

Сон прервался настойчивыми сигналами будильника. Чадо открыло глаза и огляделось. Ночь прошла столь стремительно, что Чадо даже подумало, что что-то не то. Однако часы и свет Геллы за окном ясно говорили о наступающем утре.

Завтрак, как и вещи уже ждали Чадо. На еду, как и на сборы, ушло немного времени. Проверив вещи, Чадо нацепило костюм, настроило координаты и отправилось на Вороний остров. Там, на небольшой базе острова, Чадо взяло гравитационный геликоптер и отправилось на соседний остров. Высадилось Чадо на побережье, хотя можно было пролететь и вглубь, но Чадо хотело пешком.

Совиный остров был пуст и холоден. Местная растительность скудно приживалась, из-за чего пейзаж разбавляли лишь редкие травы и снег. Если флора здесь была, хоть и скудной, то вот фауна как-то и вовсе обошла стороной. Хотя нет, несколько видов насекомых и птиц тут обитало. За целый голл Чадо преодолело порядка тридцати километров и смогло занести в архив несколько интересных деталей. С одной стороны, записи странников касательно Тейи не несли большой информативной нагрузки, а скорее были полезными деталями, но с другой стороны, этим занимались энтузиасты, а потому даже малая информация не лишняя.

Чадо сделало очередной привал. Скоро нужно было мастерить ночлег, а завтра двигаться обратно. Ужин был скуден и назвать ужином это особо было нельзя. В подобных путешествиях странники обычно брали концентрированные припасы, реже жидкостные и сублимированные, и еще реже обычные продукты. Обычные продукты занимали много места и порядком весили, а концентрированные, в виде пачки таблеток, занимали один карман и веса в них было не более

килограмма. Что касается ночлега, то тут никаких допотопных палаток из брезента или другого непромокаемого материала. Палатка, что была у Чадо, это целые апартаменты, заключенные в небольшую емкость, похожую на консервную банку. Эта банка устанавливалась на землю, после чего происходило нажатие на кнопку, которая располагалась на крышке банки и далее шло возведение. Содержимое банки – это ясеп или умный материал, который, после активации банки, вырывался из нее в виде тумана. Туман разлетался, сперва бесформенный, потом обретая очертания, а после форму и детали. Туман становился похож на маленькое куполообразное укрытие, чем-то походившее на иглу. Укрытие принимало цвет местности, становясь практически незаметным, но в определенном световом диапазоне, такое укрытие будет светиться яркими кислотными цветами, давая возможность увидеть данное укрытие даже с высоты в тридцать километров. Внутри укрытие имело все необходимое для ночлега: кровать, отопительный элемент, фильтры воздуха и воды, а главное – уют.

Чадо устроилось со всем возможным уютом и комфортом. Перед сном, как и всегда, Чадо принялось размышлять и философствовать. Размышления помогали заснуть, для Чадо это было все равно, что считать овец перед сном. В последнее время Чадо часто думало о работе, о том, что их миссия однозначно провалилась и они так вот просто уйдут ни с чем. Чадо задумывалось о Просветителях - гипотетических Богах, о их возможном существовании и могуществе. Несмотря на весь скептицизм факты, пусть и косвенные, давили в пользу существования и невероятного могущества этих гипотетических Богов. Если рассматривать старого Бога, порожденного религией, то возникает интересный вопрос. В религии говориться, что Бог всемогущ и что он все и вся создал, а значит, он создал и пороки, но для чего? В чем смысл? Зачем создавать пороки, потом говорить о благородстве и наказывать за то, что человек поддался искушению? При всем своем могуществе, такой Бог ведет себя глупо и не разумно. Но что если настоящий Бог вовсе не Бог? Что если те, кого люди зовут Просветителями и есть Боги? Для менее развитых такие цивилизации, с их могуществом подобны Богам! Они могущественны, но не всемогущи, просто их могущество превосходит все известное. Ведь у уровня развития есть предел. Что если есть цивилизации, которые достигли и сумели перешагнуть этот предел? Ведь таких цивилизаций никто не знает. Такие скорее на уровне домыслов, россказней и слухов. Быть может, потому никто и не знает, что они над системой! Как темная материя, о которой все знают потому, что она оказывает влияние, но никто ее не видел потому, что она никак не взаимодействует с нашим миром. Что если Бог – это сама вселенная? Она просто творит, не намеренно, а другие, пытаясь ее познать, создают иллюзии и верят в них? Что если Просветители вовсе не Боги, а его служители, ангелы или кто они там могут быть, этого Бога, царя, владыки всесоздателя или кто он?

Мысли спутались и реальность переплелась со сном. Чадо заснуло, полностью отдавшись потоку.

Утро было морозным. Небо затянуло густыми облаками, поднялся ветер и сильно пахло солью. Чадо отправилось в обратный путь и на этот раз обратно дойти удалось быстрее, ибо Чадо ни на что уже не отвлекалось. Подобные небольшие путешествия помогали психологически разгрузиться, так как работа, пусть и умственная, выматывала, из-за чего некоторые люди порой даже рефлексировали. Казалось бы, от чего рефлексировать, занимаясь любимой работой? Просто порой любимая работа бывает сопряжена с темами и сферами жизни, которые требуют слишком много сил, а человек еще не достиг того уровня, чтобы обеспечивать себя необходимыми объемами сил, чтобы работа могла их отнимать и при этом еще и этих сил оставалось. Потому приятные хобби – это как смена батареек. Короткое, незамысловатое путешествие и ты словно заново родился. Кто-то, как Чадо, путешествует, кто-то пишет стихи, книги, музыкальные композиции, картины, а кто-то поет, танцует, кто-то берет корабль и бороздит доступный космос, ища пригодные миры, а кто-то все цело отдается работе, ибо та для них и работа и хобби, что дает таким людям огромнейший запас сил и психологической энергии.

Возвратившись домой, Чадо убрало вещи, изменило меню ужина и попросило компьютер дома выдать карту. Разглядев карту Тейи, Чадо присмотрело кофейный остров в море Пени, рядом с северной ледяной шапкой Арста. Сделав несколько заметок, Чадо закрыло карту и отправилось в душ. После душа был ужин и беседа с одним хорошим и давним другом по интересу. Чадо было из числа странников по Тейе, а вот друг из числа странников по космосу или как они себя называют – автостопщики, отсылая таким шуточным названием к серии писателя Адама Дугласа. Батур Хаккы любил изучать глубокий космос, несмотря на то, что в архивах Монгорофата (галактическая база данных зарегистрированных и отслеживаемых объектов Баравара) были сведения обо всех пригодных для жизни человека планетах. Это как с книгами. Всегда можно прочесть конец, но интерес в процессе, а не в концовке. Познать мир самостоятельно, с нуля – покорить! Это удовольствие, которое не подарит ни душ, ни книга, ни что-либо еще. Батур хорошо знал Баравар и был из тех, кто называл галактику по старинке – Млечный Путь. В своих поисках Батур не редко находил миры, которые были преобразованы, но в итоге заброшены. Порой Батур даже клялся, что хочет поселиться в одном из таких миров. Просто оставить все и вся, тихо, без лишних слов и огласки, взять жену и поселиться в одном из таких миров, дабы прожить остаток жизни. Чем объяснялось такое желание, Батур не знал, просто «хочется!». Обычно Батур путешествует не один, а в компании или с женой и постоянно хвастается о своих находках. Но некоторые находки он не разглашает, либо разглашает не всем. Чаще это как раз такие миры, где бы он хотел жить. Что-то вроде укромных местечек, где можно спрятаться и не волноваться, что найдут. Батур даже удалил свои данные ДНК, чтобы сканеры ни знали, кого искать. Правда Батур все еще возвращался на Тейю, все еще его что-то держало.

***

На станции висела гнетущая атмосфера. Сегодня все делали сплошную монотонную работу, от чего чувство скуки расходилось словно вирус. Всякий задевавший эту атмосферу подхватывал вирус и усиливал атмосферу скуки. Чадо уставилось в микроскоп, меняя один образец на другой и пытаясь разглядеть реакцию клеток на реагенты. Реакции записывались и все это продолжалось практически с самого начала работы, а значит уже часов шесть. На время Чадо отвлеклось от работы и огляделось по сторонам. Все вокруг сидели и выполняли свою работу, не отвлекаясь. Чадо прошлось связью по сидящим. Прислушавшись к чувствам, Чадо ощутило вкус соли на языке. В ногах шершавую вязкость, словно от песка, а по коже словно бы пробежались десятки пауков, щекоча своими суставчатыми ножками. Чадо закрыло глаза и попыталось представить что-нибудь приятное. Мир вокруг словно бы затих, и в этой тишине Чадо услышало стук. Кто-то выстукивал мелодию. Можно было даже расслышать, как кто-то бубнит эту мелодию себе под нос. Чадо прислушалось и сумело понять, что это за мелодия. Мелодия была приятной, и Чадо машинально начало подпевать. Чадо даже не заметило, как поет песню на чистом английском.

I've paid my dues time after time
I've done my sentence
But committed no crime

Кто-то услышал слова песни и тоже начал подпевать.

And bad mistakes I've made a few

Подхваченные слова уже напевала половина всех, кто находился в помещении, а другая, стуками и шлепаньями, выбивали мелодию.

I've had my share of sand kicked in my face
But I've come through

И тут, один из сидящих вскочил и выдал:

And I need to go on and on and on and on

В следующий момент вскочили все и разом запели в унисон:

We are the champions - my friend
And we'll keep on fighting till the end

Все, улыбаясь и сияя, вскочили на свои стулья и громко пели. Кто-то включил общую связь и мелодия разлетелась по станции.

We are the champions, we are the champions
No time for losers
Cause we are the champions of the world

Все стихло и замерло, но Чадо продолжило, разнося свой голос по станции:

I've taken my bows and my curtain calls
You've bought me fame and fortune
And everything that goes with it
I thank you all
But it's been no bed of roses
No pleasure cruise
I consider it a challenge
Before the whole human race
And I ain't gonna lose
And I need to go on and on and on and on

Все вновь запели, но на этот раз пела уже вся станция.

We are the champions - my friend
And we'll keep on fighting till the end
We are the champions, we are the champions
No time for losers
Cause we are the champions of the world

We are the champions - my friend
And we'll keep on fighting till the end
We are the champions, we are the champions
No time for losers
Cause we are the champions of the world

Волна позитива пронеслась по станции словно цунами, сметая всю скуку и тоску. Импровизированное выступление закончилось и все вернулись к работе. Если бы общую ауру можно было увидеть, то вся станция сейчас бы святилась белым и золотом. Подобное на станции является частым явлением и оно ни коем образом не идет в разрез с протоколами безопасности. Пусть люди, работающие на станции и серьезные, но психологическая разрядка была скорее необходимостью. От серьезности лишь одно лекарство – ребячество. А учитывая то, что все люди имели минимально необходимый индекс ответственности, а станция имела все необходимое, для предотвращения критических ситуаций, то почему бы, хоть иногда в терапевтических целях и не подурачиться?

Чадо вернулось к созерцанию микромира, широко улыбаясь и сияя от избытка положительных чувств. В такой вот атмосфере и закончился рабочий голл. Дальше шла помощь в демонтаже. На этот раз требовалось демонтировать несколько серверных модулей.

Демонтаж занял больше времени, чем рассчитывалось, по причине того, что сервера оказались повреждены. Причиной повреждения был мусор, который пробил обшивку корабля и застрял в одном из серверов, по счастью ничего не задев. Когда крохотный кусочек мусора был обнаружен, он привел всех в изумление. От крупного мусора избавлялись путем изменения орбиты либо мусора, либо корабля, а от мелкого мусора защищали поля (раньше толстая броня, которую в будущем заменили). Поля были слабыми, в силу того, что технология еще была тестовой. Система защиты не сработала, а бортовой компьютер даже не оповестил о повреждениях. Собственно, и само повреждение было условным, ибо после пробития корпуса, сработала вторичная система герметизации и просто закупорила пробоину. Но это было не самым страшным, ибо дальше было хуже. Модуль был похож на швейцарский сыр, правда, ничего ценного повреждено не было, но сами повреждения говорили о наличии в корабле слепого пятна, где защиты практически не было! Каждый из найденных кусков космического мусора был потенциальным убийцей станции. Модуль демонтировали, но в этом была ошибка.

Незадолго до пересменки, поступил сигнал о приближающемся спутнике. Станция совершит маневр уклонения и слегка изменит орбиту. Подобный мусор редкость и по большому счету приходит с нижних орбит, где они изменяют свою траекторию из-за столкновений с другим мусором. Спутник прошел совсем рядом, но не задел станцию. Все было проделано с точностью до миллиметра. Вот только никто еще не знал, что демонтированный модуль был единственной преградой в слепом пятне защиты станции. Модуль принимал на себя мусор и служил, по случайности, фильтром. Спутник, от которого Харон уклонился, пришел с нижней орбиты, где он столкнулся с другим спутником по касательной. Один спутник упал на Землю, а второй стал отдаляться. Но хуже всего то, что крошечный осколок, размером не более мячика для гольфа, отправился в полет по противофазе станции. Сменив курс, станция легла на орбиту этого объекта и оба они двигались на встречу друг другу с огромной скоростью.

Станция пребывала в покое и ничто не предвещало беды. С минуты на минуту должны появиться люди из другой смены и рабочий день можно считать оконченным. Но счет шел на секунды и в момент, когда все уже были готовы к сдаче смены, крошечный снаряд, один из сотни, что незримой пылью неслись на станцию, поймал удачный шанс и угодил в слепое пятно. Один крошечный снаряд прошел станцию насквозь, повредив системы энергоснабжения. Станция отключилась, но сработали аварийные системы, которых хватило лишь на запуск систем эвакуации. Вся автоматика вышла из строя, а имеющейся энергии не хватало для запуска кита. Весь персонал оказался заперт на станции. Но паника пронеслась лишь слабой волной и тут же стихла. Все знали, что нужно делать и незамедлительно принялись выполнять протокол эвакуации.

Весь персонал действовал как один, хорошо квалифицированный и подготовленный к таким ситуациям человек. Следовало проследовать в эвакуационный модуль, надеть несколько необходимых вещей и приборов, занять капсулу, запустить систему и покинуть станцию. Капсулы использовали криоген, а сами были усиленной прочности, сделанный по типу яйца, то есть при ударе капсула не разобьется, ибо энергия удара, из-за строения капсулы, распределиться по всей капсуле и будет погашена, сохраняя содержимое. Такая капсула способна упасть прямо на поверхность планеты и человек внутри этой капсулы не получит никаких увечий. Криоген же позволит провести в состоянии анабиоза очень и очень длительное время, а в сочетании с системой определения, такую капсулу не составит труда отыскать.

Системы выходили из строя. Цепная реакция, словно снежный ком собирала неисправности. Одна система убивала другую и станция начала сходить с орбиты. Однако, все заняли свои капсулы и успешно покинули станцию, кто-то раньше, кто-то позже. Каждая капсула была запрограммирована после своей активации, выйти на оптимальную и безопасную орбиту, подать сигнал бедствия по гиперсвязи и ждать прибытия спасателей. В одном старом фильме, про злобного инопланетянина, был слоган: «В космосе никто не услышит твоего крика». Так вот раньше так и было, но сейчас, крик о помощи услышал весь космос.

Космический мусор, уничтожив систему энергоснабжения, вывел из строя и щиты. Станцию более ничего не защищало и мелкий мусор лупил по станции, словно мошкара по лобовому стеклу автомобиля. Правда эта мошкара пробивала лобовое стекло и уничтожала все, с чем соприкоснется. Системы повреждались одна за другой, а станция неизбежно падала на Землю. Один из модулей взорвался, провоцируя взрыв других модулей. Эти взрывы не были обычными, их вызывала резкая разгерметизация, вследствие чего огня было мало, а вот осколков было много. Станция разлетелась, словно конфетти из хлопушки, зацепив несколько капсул. Задетые капсулы сходили с орбиты. Часть сумела вернуться на орбиту обратно, а другая, захваченная гравитацией Земли, не имея достаточного топлива, упала на Землю. Всего на Землю упало четыре капсулы и среди них была капсула, внутри которой находилось Чадо. Одна капсула упала на территории Китая, вторая где-то в Иране, третья в Средиземном море, а последняя, где было Чадо, упало в России, в окрестностях некогда бывшего, а ныне мертвого города - Санкт-Петербург.

Часть 3. Ребро

"Все – яд, все – лекарство; то и другое определяет доза".

Т. Парацельс.

Глава 1. Знакомство

Как огонь и вода.

Как небо и земля.

Чадо пребывало без сознания. Громадная тень создания по имени Святогор возилась вокруг крохотного тельца. С тех пор, как Святогор извлек это из той штуки, что упала в Северном лесу, прошло порядка трех суток, но человеческое существо так и не пришло в себя. Святогор пытался его поить и кормить, даже привести в чувства, но все было без толку. Ран на теле создания не было и Святогор не понимал, что ему делать. Он не мог даже определить пол создания, ибо костюм был словно един с телом существа. Костюм скрывал гендерные отличия и выглядел так, словно существо было и не человеком, а каким-то роботом, но с человеческой головой. Обратиться с проблемой Святогору было не к кому, а сам он и не знал, что же делать, чтобы привести существо в чувство. Может это все же робот? Может у него сломалось что? Нет… Роботы не дышат. А вдруг этот дышит? Имитация дыхания, нет? Святогор метался из угла в угол. Порой он отлучался за водой, едой или чем еще, но по возвращению все оставалось неизменным. Святогора посещали разные мысли, вроде: бросить существо где-нибудь и с концами; удушить чем-нибудь, чтобы не мучилось; что ты? Человек? Откуда? Марс? Но все мысли так и оставались мыслями.

На пятые сутки существо проявило активность. Создание начало постанывать, а из носа пошла кровь, но странного синюшного цвета. Последующие двое суток активность существа повышалась, а странное кровотечение не прекращалось. Синюшная кровь вытекала слабо, словно и не кровь, а какая-то смола. Святогор периодически вытирал эту кровь. Создание вело себя так, словно страдало от лихорадки, но без жара и обильного потоотделения. Просто судороги и болезненные стоны. На шестой день создание открыло глаза. Святогор, хорошо видевший в темноте, увидел ярко-зеленые глаза. А вот создание Святогора почти не видело. В помещении царил мрак, в глазах двоилось, а Святогор был полностью закутан в лохмотья. Он пытался что-то спрашивать, но создание, именуемое как Полли или чаще Чадо, Святогора не слышало. Слова смешивались и отдавались эхом, словно собеседник говорил в соседнем помещении, за глухими стенами. Лишь на следующие сутки, после обильной рвоты, Чадо сумело разделить свои мысли и воспринимать слова. Уши были словно барабаны и все громкие звуки, которые чаще исходили от огромного существа, больно били, а редкие лучи света резали глаза. Порой Чадо обращало внимание, что громадное нечто с кем-то говорит, но кроме этого нечто, в помещении, никого не было.

Помещение, в котором Чадо было расположено по воле этого гиганта, отдавало очень крепким духом. Пахло шерстью, грибком, дохлятиной, чем-то кислым и ядовитым. Еще, особенно четко выделялся металлический запах, не то железа, не то меди и сырой древесины. В воздухе стояла пыль, которая мерцала в лучах света болезненными для глаз вспышками. Несмотря на все запахи сырости, помещение было сухим и больше походило на свалку какого-то хлама.

Порой гигант приходил, чтобы напоить и накормить. Еда была пресной и отдавала чем-то странным. Но силы откуда-то брать было нужно и Чадо ело. Чадо обратило внимание на то, что

рядом лежала ветошь, вся измазанная синюшной кровью. Чадо взяло одну из тряпок и пригляделось. Попробовав на язык, Чадо поняло, что это криоген перемешанный с кровью. Видимо криоген попал в мозг и тем самым вызвал данное состояние, а организм теперь пытается исторгнуть данное вещество, ибо оно сейчас представляло для организма угрозу. Гигант иногда пытался задавать вопросы, но Чадо молчало. Даже в моменты, когда Чадо отчетливо понимало заданный вопрос, ответом было лишь очередное молчание. Чадо, даже с трудом соображая, хорошо помнило донесения разведки. Исходя из данных, земляне не очень-то и дружелюбны, многие агрессивны, многие изуродованы, есть и каннибалы и такие, кто хуже любого чудовища. Учитывая, что создание разговаривало и имело вполне антропоморфные черты, гигант мог быть человеком, но он скрывал за тряпками свою внешность, а значит, может быть сильно изуродован. Вполне может быть и то, что это и не человек вовсе, а создание, появившееся после войны. Чадо несколько раз видело созданий, которые в прошлом были обычными или довоенными животными, но в силу мутаций обрели возможность осознанно мыслить и даже сумели научиться человеческой речи. Обычно такие создания имеют интеллект младенца или ребенка, но тут иное, хотя и такие попадались. В общем, перед Чадо мог быть как человек, так и животное.

Несмотря на молчание Чадо, Святогор не отступал и осаждал вопросами. Любопытство сжигало Святогора все больше и больше, пропорционально тому, как Чадо восстанавливало силы. Святогор видел, что создание все больше и больше начинает ощущать дискомфорт от места, в котором пребывает. Несмотря на то, что Святогор создавал свое жилище таким образом, чтобы чувствовать себя как можно более комфортно, условия жизни в мире после войны накладывали свой отпечаток. Жилище Святогора было скорее берлогой, нежели жилищем, но при всем этом, Святогор не вел одичалый образ жизни. Когда ближайшие общины еще существовали, Святогор успел многому научиться: как изготовить мыло и зубную пасту, как изготовить веревку и нитки, как пошить одежду, кое-какой народной медицине и так далее по хозяйской мелочи. Однако, как не мойся, как не чистись, а охотник всегда будет пахнуть смертью.

Вернувшись после очередной отлучки, Святогор принялся за свое:

- Как себя чувствуешь? – тяжелым и чуть хриплым голосом произнес Святогор.

Молчание.

- Хоть кивни, если хорошо чувствуешь себя.

Чадо кивнуло.

- Хоть и на том спасибо. Есть хочешь?

Чадо отрицательно замотало головой.

- Может у вас там… На Марсе, - неуверенно произнес Святогор. - Чем другим питаются?

Чадо промолчало, но про себя ухмыльнулось. Святогор вбил себе в голову, что Чадо прибыло с Марса. Он часто спрашивал про Марс, а еще упоминал про то, что когда-то говорили, некогда местные, про странных людей.

- Ты это, если хочешь помыться, у меня там ванна, я могу костер развести, воды погреть, хочешь?

Чадо отрицательно замотало головой.

- Ты тут уже неделю, кушать нужно лучше, гигиеной пренебрегать тут особо не стоит, поверь.

Чадо ничего не ответило.

- Может ты головой повре… Ну, головой, того, как это…

Чадо отрицательно замотало головой и тихо ответило:

- Все хорошо, спасибо.

- Просто ты так редко говоришь.

Чадо вновь промолчало.

- Слушай, а у вас там, на Марсе, много людей? Ну, то есть за тобой прилетят?

Чадо промолчало, но про себя отметило, что вера этого гиганта в то, что Чадо с Марса, в сущности, на руку. Пусть и дальше так думает, но тем не менее подтверждать или опровергать лучше не стоит. Сейчас важно было восстановить силы. Если Чадо до сих пор не забрали, значит еще не нашли капсулу, а если ее не нашли, значит что-то с ней произошло.

Чадо обдумывало, как будет действовать после восстановления. Благодаря генной инженерии, модифицированное тело Чадо восстанавливалось очень быстро. При падении артерии в мозгу лопнули и содержащийся криоген вышел за пределы кровеносной системы. Из-за отсутствия циркуляции он начал портится и отравлять организм. С трудом, но тело вывело вещество, но теперь требовало восстановить повреждения. Если бы не модификации, Чадо давно бы уже умерло. Спасибо генной инженерии... После восстановления было необходимо выяснить, где Чадо оказалось и где находится капсула. Единственный кто знал это был гигант, но спросить его в лоб было опрометчиво, ибо Чадо испытывало, пусть и к спасителю, недоверие. Гигант задавал много вопросов и часть из них была из разряда «кто ты?», «откуда ты?», «много ли вас?», «заберут ли тебя?» и так далее. Вроде бы и обычные вопросы, но гигант слишком усердно интересуется. Вопросы задает словно бы невзначай или мимоходом, словно просто интересуется, без всякой цели. Но подоплека в вопросах нависала незримой тенью и эта тень была для Чадо ощутимой. Собственно, именно так Чадо решило и выведать ответы на свои вопросы.

- Тебе в туалет не нужно? – поинтересовался Святогор. – Неделя ведь уже прошла, или вы там не ходите?

- Я в костюм, - коротко и сухо ответило Чадо.

- Костюм… А там куда?

- Перерабатывается.

- Это как те, что в фильме дюна?

- Что?

- Я не помню, в детстве смотрел один старый… Очень старый фильм, там у людей тоже были костюмы.

- Не знаю, я больше читаю, но про дюну не довелось, - произнесла Чадо и в голове мелькнула странная мысль, относящаяся к слову «фильм».

- Ясно…

Повисла тишина. Вялый диалог требовал продолжения. Чадо понимало, что строить диалог нужно сухо, но конструктивно, чтобы выудить как можно больше информации, а также и то, что начать придется ей и оттягивать не стоит. Но с чего бы начать?

- Ты тут всегда жил? – равнодушным голосом задало Чадо свой первый вопрос.

- Тут? – не понимая переспросил Святогор.

- Да. Собственно, а где я?

- Это Канонерский остров, рядом с Питером.

«Ага» - отметило Чадо про себя.

- Так и всегда ты тут жил? – так же равнодушно продолжило Чадо.

- Нет. Думаю, лет тридцать, в целом, - ответил Святогор, усаживаясь, понимая, что ему все же удалось расшевелить своего незнакомца.

- Тридцать? То есть ты родился после войны? – заинтересованно спросило Чадо.

- Нет, я родился еще до войны, после восемнадцати призвали в армию, и пришлось участвовать в войне. Просто меня закинули во Владивосток, а уже оттуда вернулся сюда и с тех пор, уже лет двенадцать или тринадцать живу тут.

«До войны?! Участвовал?! Что?!» - задавало себе вопросы Чадо.

Святогор охотно отвечал на вопросы, надеясь, что откровенность даст возможность получить ответы на свои вопросы.

- Погоди… - непонимающе произнесло Чадо. – Ты человек?

- Да… - как-то не то смущенно, не то оскорбленно, произнес Святогор.

- Ты… Не очень-то и похож на человека, - скромно ответило Чадо.

- Это из-за болезни, - понимающе ответил Святогор.

Чадо хотело задать другой вопрос, но он, будучи слишком очевидным, не укладывался в русло диалога. Вновь повисла тишина, которая сильно затягивалась. Чадо уже сообразило, как задать вопрос, но Святогор опередил и задал свой:

- А тебе сколько лет?

Чадо задумалось, переводя тойи в года и округляя до круглого значения, и тут же ответило:

- Тридцать.

- То есть, ты родилась после войны? – повторяя один из вопросов Чадо, произнес Святогор.

- Да.

- Слушай, мне все равно, просто интересно… Тут когда-то общины были и часто говорили о странных людях и многие считали, что это люди с Марса, ты марсианка?

Чадо задумалось, что ответить. Был соблазн соврать, но натура Чадо не позволяла этого сделать, а промолчать Чадо уже не могло. Повисшая тишина нагнетала странное чувство. И тогда Чадо произнесло:

- Да.

Чадо не поверило своим ушам. Оно впервые в жизни солгало… Все нутро содрогнулось. Чадо ощутило странное чувство, которое ранее никогда не ощущало. Внутри словно кто-то копошился и ехидно хихикал.

- И как там у вас? – произнес Святогор, вырывая Чадо из омута ощущений.

- У нас… - тупо ответило Чадо. – Все хорошо.

Чадо поплыло. Голова закружилась и к горлу подступил тошнотный ком. После нескольких секунд молчания, Чадо вывернуло прямо на пол. Святогор удивленно воззрился на Чадо, но за его лохмотьями этого не было видно.

- Тебе плохо, - подходя, произнес Святогор.

- Все… Все хорошо… - нервно дыша, произнесло Чадо, боязливо глядя на Святогора. – Попить…

Святогор кивнул и поискал воду. Воды в банке у стола не оказалось. Святогор пошарил еще несколько емкостей, но и они были пусты. Святогор выскочил во двор, оставляя Чадо наедине с мыслями.

«Что это?! - воскликнуло про себя Чадо. – Что со мной?»

Чадо увидело, что руки сводит судорога, а во всем теле расходится холодок и начинало противно сосать под ложечкой. Все вокруг стало ярче. Дыхание усилилось, а время словно бы замедлялось. Адреналин архивировал время, заставляя Чадо соображать быстрее, но уплывающее сознание рассеивало мысли и Чадо понимало, что теряет сознание. Когда реальный мир перешел в сон, Чадо не заметило, но все дальнейшее, было для Чадо впервой.

Чадо оказалось в своем подсознании, в своей библиотеке. Вот только в библиотеке было темно и стеллажи были выпотрошены, а все книги валялись на полу. Клетка в центре зала была открыта, а ее содержимое отсутствовало. Чадо сразу же поняло, что тут произошло. В глубине стеллажей раздались звуки и Чадо незамедлительно направилось к их источнику. В библиотеке бесновался чертенок, который скакал по стеллажам и сбрасывал книги. Чадо заметив его, нанесла ему пси-удар, просто машинально, не надеясь, что это поможет. Но это помогло и чертенок повалился на пол. Чадо, пользуясь моментом, подскочило и схватило чертенка за шкирку. Чертенок оклемался быстро и принялся брыкаться и изворачиваться, пытаясь высвободиться. Чадо отнесло его в клетку и словно мокрую тряпку швырнуло туда, запирая ее. Чертенок заметался по клетке, крича и визжа, пытался вырваться. «Почему клетка открылась?» - думало Чадо. Негодник серьезно постарался, громя библиотеку, но главное, что он ничего не повредил. Библиотеку сотрясло, но ничего, кроме Чадо, так и не сдвинулось с места. Очередное сотрясение и библиотека разом расширилась во всех направлениях. Еще одно сотрясение и библиотека, расширяясь, переросла в реальный мир. Перед Чадо стоял Святогор, держа Чадо за плечи и слабо встряхивал.

- Ты как? Тебе плохо? Вот, попей, - произнес Святогор, поднося к губам битый граненый стакан с водой.

Чадо отпило. Сильно мутило и чувство было, словно все силы кто-то высосал.

- С… Спасибо… - с трудом выдавило Чадо.

- Еще воды?

- Нет, достаточно…

Голова Чадо кружилась. Видимо дело было в этом чертенке, который вырвавшись, навел шороху в подсознании Чадо, что и вызвало этот приступ и потерю сознания. Но что стало причиной? Чадо стало анализировать и пришло к выводу, что причиной была ложь. Видимо, поступившись принципов, Чадо что-то нарушило в работе связи, что и дало созданию подсознания волю. В этот момент, Чадо обреченно поняло, что оно, только что присоединилось к представителям первого поколения. К тем, кто мучается от диссонанса личностей, который вызван

прививанием связи. Но почему ложь вызвала нарушение стабильности, которую Чадо на протяжении стольких лет поддерживало?! Увы, но на этот вопрос у Чадо пока не было ответа. Сейчас у Чадо было лишь волнение. Чадо беспокоило, не усугубится ли состояние.

Расспрос гиганта откладывается. Но пользуясь моментом, Чадо сумело задать один, необходимый вопрос:

- Мне нужна моя капсула, она далеко?

- В сорока километрах отсюда. Тебе она срочно нужна?

Чадо задумалось.

- Нет, не к спеху, но она мне понадобится. Сможешь к ней отвести, когда я приду в себя?

- Да, но не раньше, чем через неделю.

- Неделю? Почему?

- В Северном лесу есть одна тварь, которая очень агрессивно ведет себя в определенные промежутки времени. Сейчас у них как раз активность.

- Ясно…

«Север значит. Километров сорок» - констатировало Чадо про себя.

- Мне нужно поспать, - сообщило Чадо Святогору.

Что ответил Святогор, Чадо уже не слышало. Чадо погрузилось в подсознание, где ожидала разгромленная библиотека. Библиотека пребывала в оставленном хаосе, который требовалось разгрести, а заодно и подумать.

На восстановление библиотеки ушло порядочно времени, хотя во сне время и не имеет того значения, какое имеет в реальном мире. Вот странно то, как человек воспринимает время. Даже когда времени нет, оно как бы есть. Во сне, времени нет. Время есть в реальном мире, в котором может пройти часов восемь, а во сне ты за это время можешь прожить как несколько минут, так и несколько дней. Но это сонное время будет восприниматься как обычное время. Если на скидку, то в подсознании Чадо провело порядка двух суток, а вот в реальном мире прошло не более одних. За это время библиотека была восстановлена. Во время восстановления Чадо нашло немало старых данных, которые помогли немного разобраться в ситуации. Забавно, ведь сон, по сути, это такое же разгребание информации. Мозг сортирует собранную за голл, ну или по Земному - сутки, информацию. Процесс работы с информацией формирует поток, который человек воспринимает как сон. Этот поток состоит из анализа, классификации, вычислений и многих других процессов, из-за чего некоторая информация может быть обработана, просчитана и на некоторые вопросы может быть получен ответ. Как в блестящем примере с Менделеевым, который создал знаменитую таблицу химических элементов. Человек изучал карточки с данными об элементах. Информация отпечаталась в мозгу и когда Менделеев ушел спать, мозг просчитал данные и выдал закономерность. А когда Менделеев проснулся, он помнил эту закономерность. После, он расставил карточки в соответствии с закономерностью, а где было неясно или не понятно, развивая закономерность, нашел ответ и тем самым и создал ту таблицу. То есть ему не сама таблица приснилась, а лишь взаимосвязь. Куда проще развить идею, чем создать ее. Вот и Чадо сейчас нашло ответ, вернее закономерность, которую требовалось развить, чтобы понять, почему клетка открылась. Ответ на этот вопрос дал бы ответ на причину, по которой первое поколение мучает недуг связи. Исходные данные этой задачи были следующими: первое поколение и их проблема, связь, эмоции и принципы, две личности, стабильность и нарушения порядка.

Чадо сделало записи, но вот решить задачу не успело, ибо что-то настойчиво требует Чадо покинуть подсознание. Вернувшись в реальный мир, Чадо увидело гиганта.

- Что, что такое? – возмущенно спросило Чадо.

- Ты спишь уже почти сутки, я волновался, - пояснил Святогор, что-то жуя.

- Сутки? – слегка удивленно произнесло Чадо.

- Да. Ты вчера плохо чувствовала… Вал… Вало… Короче, я волновался.

- Все в порядке, это скорее остаточное, - произнесло Чадо, дабы успокоить гиганта.

Гигант Святогор что-то ел. Чадо пыталось приглядеться, чтобы понять, что это. Гигант ел через отверстие в тряпке, и эта тряпка была измазана чем-то темным. Лишь по запаху Чадо сумело понять, что это было мясо. Сырое мясо. Нутро Чадо нервно вздрогнуло.

- Есть будешь? Я мяса свежего добыл, хочешь пожарю?

- Мяса? – недоверчиво произнесло Чадо. – А чье оно?

- Не знаю, я этих созданий никак не называю, просто мясо, они вроде белок или кроликов, грызуны короче. Очень вкусные.

Чадо задумалось. Силы нужно восстанавливать, но есть неведомо что… «Ладно… - подумало Чадо. – Есть нужно».

- Да, буду.

- Ну, вот и ладушки.

Святогор стал разводить некое подобие печи. Помещение быстро наполняло тепло и тусклый оранжевый свет огня. Святогор неуклюже возился в помещении, которое было ему явно не по высоте, но несмотря на всю неуклюжесть, в ней была своя грация. Старая, тысячи раз пользованная сковорода нагревалась на открытом огне. Святогор взял банку со странным содержимым. Открыл и ложкой достал немного тягучей массы, которую вывалил на сковороду и та принялась скворчать, разнося приятный запах жареного мяса. Это был жир. Жир растаял и следом на сковороду последовал кусок мяса. Пока Святогор готовил, он неоднократно съедал по кусочку сырого мяса, несколько неприятно чавкая. Помещение заполнилось ароматом жареного мяса. Живот Чадо приятно забурчал и Святогор, услышав это бурчание, произнес:

- Специй положить? У меня тут огромный выбор различных трав, соли вот только нет.

- На твое усмотрение.

Святогор достал несколько банок, извлек засушенные растения, измельчил руками и посыпал мясо. Пока гигант готовил, Чадо пыталось вспомнить данные, которые нашло, изучая подсознание. Но вспомнить ничего не удалось, но Чадо помнило, что сделало записи и сохранило их в укромном уголке своей библиотеки. Все что требовалось, так это вернуться обратно. Понимая, что кроме этого более ничего не вспомнит, Чадо сделало себе мысленную пометку, дабы не забыть. Сейчас Чадо решило вернуться к незаконченным вопросам. Что оставалось? Ответ на вопрос «где я?» - окрестности Санкт-Петербурга. Ответ на вопрос «где капсула?» - север, где-то в сорока километрах. «Как пройти?» - Святогор может отвести. Оставался последний вопрос «чего опасаться?». Ну, в первую очередь неких тварей, у которых сейчас активность, а чего еще?

- Слушай, ты ведь тут давно живешь, что тут самое страшное? – Чадо решило зайти издалека.

- Самое страшное? – Святогор задумался. – Залив.

- Залив? А что с ним?

- Не с ним, а в нем, - уточнил Святогор. – В заливе такие твари водятся, что я бы не рисковал и просто водички попить оттуда.

- А что еще? Ну, скажем в самом городе?

- В городе ничего опасного нет, там вообще ничего нет, разве что только там пахнет неприятно.

Чадо знало, что город пуст и безжизненен, но для получения ответа на вопрос, нужно было подобраться к интересующей локации, как бы невзначай.

- А в лесу? Ну, кроме тех созданий, про которых ты говорил.

- В Северном лесу? Ну, там особо опасных тварей мало, я бы больше опасался соседнего - Медного леса.

- А почему? - дабы не ломать игру, поинтересовалось Чадо.

- Медным его я называю, из-за того, что там есть озеро, названное Медным и развалины старой деревни, именуемой как Медный завод. Второе название этого леса, опять же мое собственное, из-за, возможно, аномалии – Ревущий или Кричащий лес. Я не знаю, что это, но… Это, пожалуй, самое страшное место в окрестности.

- Самое страшное? И что там? – заинтересованно произнесло Чадо.

- Там нет живности. Нет зверей, нет птиц. Лишь лес и насекомые, а еще это… Я не знаю, что это, но это похоже на голоса, словно непрерывно работающая сирена или система оповещения. Звуки этой сирены работают до сих пор и где их источник я не знаю потому, что звук доноситься словно отовсюду. Но это не все! – Святогор замолк и было слышно лишь как шкварчит мясо. – Звук слышится словно издалека, словно эхо, а в эхе слышаться голоса и от этих голосов возникает необъяснимое чувство страха.

- Ну, это скорее всего объяснимо. Допустим чувство страха – это воздействие инфразвука, а по поводу того, что звук вроде эха и отовсюду, то возможно, что источник под землей, а то, что он до сих пор работает, объясняется работоспособным источником энергии, но это все лишь предположения.

- Серьезно? – тупо произнес Святогор.

- Да, любую аномалию можно объяснить.

- Даже летающие города?

- Ты видел летающие города?

- Один раз, когда шел из Владивостока сюда.

- Да, это из-за гравитационного устройства, что такое гравитация знаешь?

- Да. А что насчет горячего льда?

- Горячий лед? Это где? – недоумевая, спросило Чадо.

- На севере, где-то около Мурманска или около него. Я сам не видел, просто слышал.

- Ну, тут скорее причудливая химическая реакция веществ в определенной среде.

- А зарево? Тут рядом есть одна аномалия, почти каждую ночь видна.

- Подробнее можно, я по названию, в подавляющем большинстве, понятия не имею, что ты имеешь в виду.

- За Питером, где-то на седьмом километре, когда-то были теплицы, от их света в небе было зарево, но теплиц там уже лет тридцать нет, а зарево все еще есть. Что это?

- Ну, точно не скажу, но это похоже на световую ловушку. Днем свет там накапливается, а ночью пытается найти выход и малыми порциями выходит, создавая эффект зарева. Опять же – возможно, мы такое не находили и не изучали, по крайней мере я не слышала о подобном.

Святогор снял мясо и нарезал на куски поменьше. К мясу, прямо в сковороду, Святогор добавил странной темной жидкости, которая очень приятно пахла чем-то пряным. Святогор нашел вилку без одного зубца и положил ее на доску, на которой, как на подносе, уже стояла горячая сковорода. Импровизированный обед в постель Святогор поставил рядом с ложем Чадо.

- Осторожно, горячий, - предупредил Святогор.

- Спасибо, - произнесло Чадо, глядя на свой обед.

Стряпня пахла соблазнительно аппетитно, но вид имела дико отталкивающий. Черная как уголь сковорода, подгоревшее мясо и неровная доска… О да… Обед мечты.

Чадо попробовало и замерло. Мясо было, не то что бы пресным, но без соуса есть его было не очень приятно. Соус был острым и отдавал чем-то металлическим или медным. Чадо поняла, что соус был из чьей-то крови, но специи делали жижу довольно приятной на вкус.

- Слушай, мне надо отлучиться, проверить силки, меня не будет около двух суток, справишься без меня?

- Да. Я больше спать буду, надо мысли привести в порядок.

- Хорошо.

Святогор собрал снаряжение и ушел, а Чадо вернулось в подсознание. Подсознание пребывало в том же виде, в котором было оставлено. Чадо без труда отыскало записи и принялось думать.

- Дано: первое поколение и их проблема, связь, эмоции и принципы, две личности, стабильность и нарушения порядка. Начать стоит с основы, то есть со связи, что она такое и как работает? Значит, вспоминаем. Связь – это сумма работы искусственного участка мозга и программы в Лимбе. Отдел мозга не несет жизненной важности, а служит лишь для обеспечения связи программы с разумом. Физический урон, согласно данным, полученным от разных медицинских источников, для стабильности программы не существенен. То есть отдел мозга может иметь даже сто процентное повреждение, но на стабильность это не влияет. Психологический урон? Насколько известно, программа связи – это программа Лимба, а он программируется за счет пси-кода, который представляет собой набор эмоций и чувств, принятых за определенную единицу данных. Нарушение кода ведет к нарушению стабильности, однако! Ни одно из известных психических состояний не способно привести к нарушению программы, несмотря на то, что именно эти состояния и лежат в основе кода. Вывод: на нарушение должно влиять несколько параметров, где один является инструментом воздействия, а другой усилителем инструмента. Вопрос: что является инструментом, а что усилителем? Рассмотрим собственный пример. Что у меня вызвало нарушение стабильности? Ведь я отношусь к числу тех, чья стабильность на самом высшем уровне, что могло нарушить эту стабильность, впервые за столько времени? Ложь? Нет, это не чувство и не эмоция… Но что если это усилитель? Запишем.

Чадо сделало несколько пометок и записей, а после продолжило логическую цепочку.

- Чувство… Что за чувство я… Стоп! Стыд! Точно!

Чадо сделало пометку.

- Ложь спровоцировала чувство стыда, но…

Чадо закрыло глаза ладонью, понимая, что ведет цепь в тупик.

- А что если… Что если играет роль индивидуальность? Мне это не проверить, ибо, если верить данным, процесс потери стабильности происходит постепенно. Момент первого, скажем – срыва, проходит обычно незаметно. Мною данный момент был замечен исключительно по причине возраста. Если бы сбой произошел в более раннем возрасте, момент прошел бы незамеченным. Значит у меня есть шанс привнести в решение данной проблемы нечто новое. Вот только… Не могу… Ответ, он вертится вокруг меня, но поймать не выходит. Как же просто развить идею и как же сложно ее создать… Хорошо, запишем и пока отложим.

Чадо сделало ряд записей.

- Что дальше? Потеря сознания? Это, предположу, из-за нагрузки, как при резком повышении ускорения. Неподготовленное сознание, будучи столько тойев неподверженное воздействию, не выдерживает нагрузку и отключается. Запишем!

Чадо записало.

- Так… Что еще? Допустим стыд - это инструмент, ложь уси… Нет, чушь какая-то… Но допустим стыд – это инструмент! А усилитель? Тупик… Стоп! А зачем инструмент и усилитель? Нет, все правильно! Две личности. Одна исконна, та, что была при рождении, вторая, та, что породила связь. Обе личности разделены. Первая заключена в барьер, а вторая имеет контроль над сознанием. Барьер имеет стабильность, нарушение которой ведет к тому, что первая личность может взять контроль над сознанием, либо частично, либо полностью. Нарушить стабильность может воздействие на источник барьера – Лимб. Изнутри на него не ведется воздействия, а извне можно… Чем? Сильной эмоцией или чувством? Нет, сил недостаточно, а значит, нужен усилитель! Что тогда… Точно!

Чадо поспешно занесло ряд заметок и записей.

- Психическое истощение может истончить барьер, но… Опять же… Этого недостаточно! Должен быть усилитель. При психическом истощении процесс потери стабильности быстрее, но без усилителя, стабильности даже очень сильное чувство или эмоция не угрожает. Стоп… Что, что это было? В момент, того стыда, что было еще? Первая в жизни ложь спровоцировала чувство стыда, но что было еще?

Чадо перебирало книги и бумаги, где было сказано все о том моменте.

- Что?! Что?!

Чадо долгое время пыталось отыскать ответ, но ничего не находило. И тут, до Чадо дошла одна мысль.

- Исключительность момента! – произнесло Чадо, с видом человека, осененного идеей. – Если испытываемое впервые чувство очень сильное, на человека оно воздействует как взрыв! Именно исключительность момента и придает дополнительную силу. Вот он усилитель!

Чадо поспешно сделало записи.

- Так… - судорожно произнесло Чадо, трясясь от возбуждения. – Суммируем! Первое – сильное чувство! Второе – исключительность момента! Это инструмент и усилитель. Что еще? В целом, можно выделить еще два незначительных усилителя, которые скорее влияют на скорость протекания нарушения стабильности: психическое истощение и… Изоляция? Да, изоляция, насколько я знаю, способствует более быстрому процессу. Что выходит? А выходит у нас страйк… У меня все собрано, все четыре пункта, что дальше? Дальше исход, то есть то, что меня будет ждать впереди. Если я не покину Землю, то стабильность, несмотря на то, что сейчас все выглядит прекрасно, будет относительно стремительно усугубляться и во что это выльется? Ох… Лишь бы не как с Биллом Миллигом…

Чадо сделало ряд записей и спрятало книгу в стеллаже. Выходя из подсознания, Чадо увидело, что на улице ночь, а помещение погружено во мрак. Чадо попыталось встать и поняло, что на восстановление мозга ушло слишком много ресурсов. Чадо отыскало, что поесть и попить и решило применить психомедицину, дабы ускорить процесс восстановления, чтобы не ждать еще несколько дней, пока организм восстановится сам.

Психомедицина – это медицина, в которой используется связь, для стимуляции организма. То есть, путем микро пси-ударов клетки организма получают дополнительную энергию, что повышает регенеративную функцию организма. Эта медицина позволяет залечивать раны любой тяжести, но есть ряд побочных эффектов. Из-за побочных эффектов и, в частности, из-за генных модификаций, данный тип медицины практически не используется. Генные модификации организма позволяют пережить ранения ПРАКТИЧЕСКИ любой тяжести, но на это уходит изрядное количество времени. Организм гораздо лучше и эффективнее распределяет внутренние ресурсы, а их пополнение своевременное. Генные инженеры смогли добиться того, что даже при пятидесяти пяти процентах поврежденного мозга или сердца человек не умирает. При более критических случаях используются медицинские машины, которые способны в короткие сроки, от нескольких часов, до нескольких дней, восстановить организм, главное оперативность. Психомедицина – это, скажем так, полевая медицина, когда очень нужно, но иного способа нет. При психомедицине, из-за стимуляции внутренние ресурсы человека тратятся крайне быстро, а сама медицина имеет двустороннее воздействие. Тот КОГО лечат, истощается физически, а тот КТО лечит психически. Если и тот, и другой – это один человек, то истощение может привести к серьезным последствиям, но если характер восстановления несерьезный, скажем – восстановить физические силы, то последствий не будет.

Чадо съело все, что Святогор оставил, и путем психомедицины усвоило все съеденное и направило ресурсы на восстановление атрофированных мышц. Чадо ощутило сильную тяжесть в спине, словно от подъема в гору с тяжелой ношей. Это чувство было нормой, при психомедицине. Силы вернулись, тяжесть отступала, а желудок требовал еще, но еще будет через, плюс-минус, сутки. Чадо подавило чувство голода и решило выйти и впервые за долгие дни оглядеться.

Двор жилища гиганта был похож на сад, только росли здесь не плодовые деревья, а мусорные. Куча битого бетона и кирпича, ржавые арматуры и голая земля. Кое-где различались голые деревья, просто спят после зимы или уже мертвы? А вокруг стояла стена. Левая половина стены была сплошной, а вся остальная слепленная из всего, что только можно. Двор покрывало множество различных, явно сделанных гигантом, сооружений и конструкций. Все сооружения и конструкции делились на три типа: функциональные, возможно функциональные и непонятные. К функциональным относились различные сарайчики, будки, доты, различные стойки и турники. Из-за шкур и мяса, которые либо хранились, либо были развешены, стояла ужасная вонь. К возможно функциональным относились различные ямы и колодцы, некое подобие каменных столов или алтарей, какое-то подобие каменных укрытий, в виде коротких стен и прочее в этом духе. А вот к непонятным конструкциям относились такие, которые можно было бы при желании определить, как произведения искусства. Меч, сплетенный из арматур и воткнутый в… Костер? Скульптура,

похожая на маяк, на вершине которой стоял человечек с крыльями вместо рук. Статуя какого-то человека, протягивающего правую руку вперед. Были и совсем странные, вроде огромного яйцевидного обелиска на пьедестале или просто пустой пьедестал. Что все это?

Чадо, особо не задерживаясь на каждой странной конструкции, прошло к дыре в стене, из которой тянуло свежим. Саму стену грозно украшали острые арматуры и пики. Стена снаружи тоже была усеяна острыми пиками. Несколько глубоких ям или траншей, на дне которых были острые пики. Стена выглядела так, словно гигант от кого-то защищался, но вот вопрос: от кого? От кого гигант мог защищаться? Кто может представлять ему угрозу и представляет ли до сих пор? Ведь он ни разу ничего об этом не говорил и не предупреждал. Более того, он ушел и даже не запер дом, значит ли это, что опасаться более нечего? Или стены достаточно? Нет… При такой стене и такая дыра, что стена может защищать? Ничего… А если защищала, то больше это не угрожает. Значит ли это, что стоит опасаться гиганта? «Или я просто себя накручиваю…» - подумало Чадо. Но мысль поселила долю страха и сомнения в адрес Святогора. «Сейчас стоит о другом беспокоиться», - продолжало рассуждать про себя Чадо.

Чадо приблизилось к заливу. Глаза уже хорошо ориентировались в темноте, и Чадо хорошо могло видеть залив. Темные воды залива, покрытые треснувшим льдинами, были спокойны и лишь слабо шумели, намывая оттаявший берег, покрытый множеством камней, битого бетона и битых кирпичей, отшлифованными стеклами и прочим мусором. Вот оно наследие Землян - мусор.

Земля еще долго не избавится от этого наследия. Чадо ощутило озноб и слабую тоску. Чадо посетила мысль, что основатели не зря покинули Землю. Спасать тут было нечего, оставалось лишь бежать. Внутри что-то зашевелилось, и чадо испытало слабый гнев и чувство презрения. Чадо вспомнило Тейю, ее прекрасные города и столь же прекрасную природу. Наследие тейянцев – это жизнь. Земля и Тейя… Словно огонь и вода, как небо и земля. Два разных, совершенно противоположных мира.

Чадо устремило взор в горизонт, где над водной гладью виднелась тончайшая линия темно-синего неба, которая шаг за шагом растворяла мрак ночи, и слабым голосом произнесло, обращая сказанной в никуда:

- Прости, Земля, твоих детей…

Глава 2. Два мира

Каждый желает быть понятым.

Но никто не желает понять другого.

Чадо полное сил, проводило время на пляже залива. С момента понимания, что Чадо ждет в будущем, прошло порядка трех суток. Пока особых изменений не произошло, разве что излишняя раздражительность и нервозность, но Чадо все больше и больше задумывалось о том, сколько есть времени, прежде чем дисбаланс даст более существенные плоды. На Тейе о Чадо позаботятся, да… От космоса придется отказаться, это ясно. Но это еще не приговор, так как Чадо знало, какое будущее у первого поколения и шанс, что исключительность продержится до конца жизни, был мал. Здесь же, на Земле, дисбаланс может привести к неприятным последствиям. При особо острых приступах, возможность здравого мышления сильно падает и к чему это приведет? Чадо знать не хотело. Особенно учитывая и то, что Чадо начало замечать снижение своего интеллекта. Интеллект не грозил упасть до уровня, при котором Чадо даже двух слов не свяжет, нет… Чадо, как и раньше, сможет решать сложные задачи, но разум будет сильно подвержен различным искушениям, которые могут сбивать или затуманивать рассуждения и будут мешать принимать здравые решения. Нужно было как можно быстрее добраться до капсулы, найти ближайшую зону кита или базу, дабы покинуть планету. Но была проблема – гигант. Нужно более точное местоположение капсулы, хотя бы с точностью до пяти километров, дабы, используя компьютер костюма выйти по сигналу. Дабы гигант не увязался, уйти нужно было незаметно, а для этого требовался подходящий момент. В целом, гигант может отвести, но этот вариант, уже у капсулы, породит проблемы. Еще одно, что мучало Чадо – это вопрос о том, почему оно солгало? Столько тойев Чадо говорило правду и только правду, а тут… Где причина этому поведению? Ответом на вопрос послужила догадка – изоляция. Чадо вдали от всех и от общего пси-поля, то есть Лимба. Сейчас разум Чадо действует автономно, но столь продолжительная изоляция должна была оказать влияние. Разведчики проводят на Земле не более одной недели, а после покидают планету. Продолжительное отключение от Лимба никем и никогда не тестировалось. Каковы последствия? Что если это ослабило защиту и Чадо подверглось угрозе. Изоляция привела к тому, что связь начала атрофироваться или вроде того, а это привело?.. Черт его знает к чему, но от этого Чадо поступилось принципов и солгало, а ложь вызвало сильнейший стыд и… Возможно да - изоляция, но может и нет, кто его знает. По крайней мере, это выглядит логично.

Чадо пыталось продумать, как и когда лучше покинуть обитель гиганта. Добытые данные в разговорах давали не очень, но хоть как-то ясную картину. Северный лес – это лес расположенный за горой Парнас и тянется вплоть до реки Вуокса, это расстояние почти семьдесят километров, а вширь почти двадцать. От дома гиганта четыре десятка километров, но как он считает? Не по прямой же?.. Чадо внимательно разглядывало карту на вырванных страницах из старого атласа Российских дорог и пыталось вычислить, где может быть капсула. Лес охватывал Парголово и Сертолово на западе и Мурино с Кузьмолово на востоке. Расстояние между ними порядка пятнадцати километров. Если считать, что гигант попадает в лес через Парнас, то в какую сторону он двигался? До Сертолово чуть меньше десяти километров, а до Кузьмолово чуть больше. Предел приема сигнала всего пять километров, если не узнать больше, то придется делать крюк, в случае ошибки. «Не беда… - подумало Чадо. – Чуток можно и поплутать. Значит, остается только когда? А вот тут проблема. В лесу есть опасные твари, у которых сейчас активность, когда эта активность спадет? А когда гигант уйдет надолго снова? Пара дней – это очень хорошо, но он отлучается обычно всего на сутки, не более. Ну, даже сутки это все же тоже хорошо. Значит, остается дождаться времени, когда падет активность тварей, так? Так. Значит подождем. Главное держать себя в руках. Однако, было бы не плохо за это время выведать еще данных».

Небо заволокло серыми облаками и дул не сильный ветер. Мутные воды залива, покрытые крупными льдинами, разбивались волнами о берег. Чадо, убрав карту, сидело и разглядывало залив. Порой в воздухе проскальзывали металлические нотки. Прошлым вечером Чадо выяснило, откуда этот запах и что он такое. Откуда запах сказал гигант – из руин города, а что этот запах компьютер, проведя простейший анализ. Металлический запах принадлежал сложной молекуле вещества, которое Чадо хорошо, благодаря своей работе, знало. Название у вещества длинное, а вот область применения коротка. Это вещество стерилизатор, которое используют, чтобы лабораторная живность, от простейших и до сложных, не могла иметь потомство, но сохраняла все свои функциональные возможности. Ответ на этот вопрос дал ответ и на другой вопрос, касательно того, что говорил Святогор о жизни в некогда ближайших общинах. То, что они начали терять возможность размножаться, объяснялась этим веществом, которым заполнены руины города. Это так же объясняет и то, что город совершенно безжизненен. Святогор, во времена, когда обменивался с жителями общин, носил им зараженное мясо и шкуры, а те ели мясо и делали одежду. То есть, гигант, сам того не ведая, обрек общины. Чадо не беспокоило то, что сейчас оно само подвергается заражению, так как иммунобарьер защищал, а что останется в организме можно без труда будет вывести.

В заливе раздались утробные звуки. Вода заколыхалась и ее гладь нарушил высунувшийся плавник. По воде побежали волны, плавник скрылся, а из воды выскочило создание, которое тут же было атаковано и проглочено огромной пастью. При виде этой картины Чадо поморщилось. Брезгливость все больше и больше завладевала Чадо. Особенно это было заметно вчера, когда гигант, имеющий дурную привычку иногда есть сырое мясо, отвратительно причмокивать. Чадо даже удивилось, что обратилось к гиганту повелительным тоном, попросив его не чавкать. Святогор был в разы крупнее и сильнее Чадо, да еще и он был у себя дома, а Чадо всего лишь гость. Плюс он спаситель Чадо. Три плюса против одного минуса. Слишком самонадеянно… Когда Чадо поняло, что сказанное принадлежало другой личности, Чадо принесло Святогору извинения за свою резкость. Святогор отреагировал на это благосклонно, а вот Чадо, получив возможность зайти в подсознание, поймало мелкого хулигана чуть ли не с поличным. Чертенок, хоть и сидел в клетке, пользовался открывшейся лазейкой. Мелкий поганец мог влиять на то, что подворачивалось ему под руки – язык Чадо. Языком служила книга, которую чертенок смог взять в клетку. В этой книге он рисовал каракули. Но если в подсознании это всего лишь каракули, в реальном мире, эти каракули были скверными эмоциями, которые диктовали языку слова.

Чадо встало и направилось к дому Святогора. Святогор возился во дворе, собирая развешенные шкуры. Как обычно, Святогор был в своих тряпках. За все время, что Чадо находится в обители гиганта, Чадо ни разу не видело его истинного облика. Лишь огромные руки-лапы, с длинными тупыми ногтями. От гиганта пахло шерстью, мясом и мертвечиной. Чадо остановилось, сложив руки на груди и смотрело на то, как работает гигант. Вид шкур Чадо не смущал, на Тейе все же не вегетарианцы живут, но мясо, как и животные шкуры там добываются путем клонирования. Все животные не более чем биологические и совершенно бездушные болванки, а потому все максимально гуманно, но тут… Гигант что-то бубнил себе под нос, словно бы разговаривал сам с собой. Чадо, видя куда Святогор относит шкуры и то, сколько их, решилось потревожить вопросом:

- Слушай, а зачем тебе столько шкур?

- Что? – спросил Святогор, прекращая работу и оборачиваясь на Чадо.

- У тебя шкур столько, что девать некуда, зачем тебе столько?

- Ну… - Святогор задумался. – Раньше я их продавал в общинах, а теперь просто по привычке, не выкидывать же?

- Но ты их практически не используешь, тогда бы уж лучше выкинул, а то вся округа мертвечиной пропахла.

- Ну, я к запаху уже давно привык.

Чадо поморщилось, машинально прикрывая нос.

- А ты не боишься, что на запах кто-то может прийти?

- Кто? – удивился Святогор.

- Ну не знаю, из залива может кто?

- Я уже давно тут живу и пока никто, - Святогор чуть запнулся. - Еще не приходил. А по поводу того, что кто-то может прийти на запах, то в районе Петергофа вонь стоить похлеще, так что…

- А от кого тогда стена?

- Стена? – Святогор обернулся. – Да так… - Святогор вернул взгляд на Чадо. – Раньше тоже думал, что есть от кого защищаться, но теперь это так, часть двора. Можно теперь я задам вопрос?

Святогор, всякий раз, когда появлялась возможность, старался засыпать Чадо вопросами.

- Ну… - Чадо задумалось, опуская взгляд.

- А ты этот костюм снимаешь когда-нибудь?

- Да, но тут нет нужды, - сухо ответило Чадо.

- Ясно. А слушай, у вас на Марсе как с едой? Ну, что вы там едите?

Чадо задумалось и попыталось сформулировать ответ.

- У нас есть и растительная, и животная пища, мы ее сами выращиваем.

- Выращиваете? А как это с животной пищей? Разводите? – заинтересованно спросил Святогор, принимая более комфортную позу.

- Нет, именно выращиваем. У нас… Эм… Машины есть специальные.

- Здорово, - ответил Святогор с какой-то веселостью и бодростью в голосе.

Святогор, как человек, проживший в долгом одиночестве и получивший возможность пообщаться, старался говорить много и часто. Много вопросов, много пустой болтовни, просто так, дабы заполнить внутреннюю пустоту. Правда Чадо не особо способствовало процессу, из-за того, что инструкции заставляли Чадо больше молчать и грамотно формулировать свои слова, дабы не раскрыть своей истинной сути. Чадо видело, что Святогор на самом деле не такой, каким себя демонстрирует. Святогор выглядел бодрым и добродушным, но все это была какая-то маска, словно внутри сокрыт совершенно иной человек. Святогор явно был умнее, чем пытался казаться, словно эта наивность не более чем попытка… Чего?

- Слушай, а можно тебя попросить, - робко произнесло Чадо.

- Да, - с готовностью ответил Святогор.

- М… Можешь показать свое лицо.

Повисла тишина. Лишь ветер и шум залива резали слух.

- Боюсь это не самая лучшая идея, - иным, более низким и глубоким голосом ответил Святогор.

- Я не боюсь, - настойчиво ответило Чадо.

- Ты действительно этого хочешь? – все тем же голосом ответил Святогор?

- Да.

- Хорошо. Дай мне закончить работу, а после обеда. - Святогор затих. – После обеда я покажу тебе. Идет?

- Идет.

Чадо сидело в комнате и разглядывало обитель гиганта. Святогор же занимался готовкой. Учитывая, что с растительной пищей у гиганта дефицит - завтрак, обед и ужин были исключительно мясными, а травы шли в качестве приправ. Как исключение был чай, который гигант заваривал из некоторых добываемых им трав. Комната, в которой находилось Чадо, была большой и явно когда-то разделялась на несколько меньших площадей. В дальней части комнаты была дверь в полу, которая вела в подвал. В подвал Чадо никогда не спускалось, зная, что гигант там разделывает туши животных. В комнате была кровать, которая больше походила на кучу сваленных матрасов; некое подобие печи, которая соединялась с трубой, проходившей через все этажи; несколько стеллажей у окон; пара столов и шкаф у самой двери в подвал. Рядом с кроватью, между ней и печью, была дверь, выходящая на бывшую лестницу, что соединяла два этажа и крышу, которая была когда-то третьим этажом. Комната была относительно пуста, то есть в комнате не было ни чего, что было бы лишним, а того, что было не лишним, было мало. Стеллажи были заполнены инструментами, какой-то ветошью, банками, коробками и прочим, что явно долго не залеживалось.

Святогор готовил мясо. Во время готовки Святогор не проронил ни слова. После последнего разговора он переменился и вел себя несколько странно. Чадо не могло чувствовать гиганта, но ощущало нависшую тяжесть. Для разрядки напряжения Чадо решило поспрашивать гиганта.

- Ты говорил, что ты родом отсюда, из Питера. Этот дом, в котором ты жил раньше?

- Нет, - сухо ответил Святогор. – Я раньше жил недалеко от школы, это северо-восточней отсюда.

- Ты служил во Владивостоке. А зачем вернулся сюда? Проделать такой путь…

- Зов родины, если тебе угодно.

- Зов родины? Сомнительная мотивация…

- Какая есть, - все в той же сухой манере ответил Святогор.

- Что-то не так?

- Все хорошо.

- Слушай, если моя просьба тебя как-то задела - извини.

Святогор замер задумываясь.

- Взгляни на меня, - произнес Святогор поворачиваясь к Чадо. – Пусть свой истинный облик я тебе еще не показывал, но по первому взгляду, как ты думаешь, как я должен выглядеть?

Чадо удивленно замерло.

- Даже не знаю.

- А я вот знаю и знаю, что многие, кто видел меня настоящего, ничего положительного в моем облике не видели.

- Ну, я ведь не из тех, покажи каков ты, может со мной будет иначе?

Святогор убрал мясо с огня и замер в нерешительности.

- Одно - но! Потом не пытайся оправдаться, что я не предупреждал.

Чадо соглашаясь закивало и приготовилось увидеть истинный облик гиганта. Святогор принялся снимать с себя тряпки. Сперва руки, потом грудь и затем лицо, все больше и больше обнажая грубое, покрытое шерстью тело. Лицо же походило на человеческое, но очень искаженное или скорее звериное. Святогор, в целом, был похож на медведя или льва. На лице была серьезность, а глаза словно бы блестели золотом. Чадо смотрело на Святогора с изумлением, даже чуть приоткрыв рот.

- Ну? – серьезно произнес Святогор.

Чадо тупо глядело на гиганта. Чадо, пораженное увиденным, силилось найти слова. Для Чадо, видевшее созданий иных цивилизаций, которые порой имели крайне неприятный по человеческим меркам облик, облик Святогора не был чем-то особенным. Однако сейчас свой вклад вносили два фактора: Святогор был человеком когда-то и нарушение работы связи. Оба фактора и заставляли Чадо проявлять удивление.

В какой-то миг, на лице Чадо отразилась тень брезгливости, страха и чего-то еще. Все это перетекало из одного в другое. Святогор, прямо глядевший на Чадо, не мог не заметить этой пляски эмоций на лице хрупкого создания.

- Довольно? – с какой-то злостью произнес Святогор.

Чадо уловило эту злость в голосе гиганта и шепотом, опуская взгляд, произнесло:

- Да…

- Ты из тех… Все вы одинаковые - видите лишь внешность.

- Я не… - поспешно произнесло Чадо, возвращая свой взгляд и натыкаясь на суровый взгляд Святогора. – Я…

- Ты… Ты… Есть что еще сказать? – недовольно произнес Святогор.

- Да. Ты тоже судишь по внешности, - ответило Чадо.

Святогор переменился в лице. Злость сменилась удивлением поворота аргумента.

- Да, ты выглядишь… Страшно, но именно из-за этого ты и думаешь, что все, вроде меня, видят мир одинаково. Первое впечатление – это как обложка книги.

- Тем не менее… - огорченно произнес Святогор. – Мне неприятно, что все видят лишь внешность. Поэтому я ее и скрываю.

- Важна не внешность, а совершаемые нами действия, - произнесло Чадо, чуть улыбаясь.

Святогор успокоился и вернулся к готовке. Внешность Святогор более не скрывал, а для Чадо новый облик гиганта стал чем-то вроде балансирующей грани, между притягающим и

отталкивающим. Эта грань зависла в точке равновесия, но любой порыв способен сместить центр тяжести и грань падет.

Святогор пододвинул один из столов, принес стул со второго этажа и оба принялись обедать. За обедом Чадо продолжило расспрос Святогора, параллельно разглядывая его, словно картину в галерее.

- Неужели ты вернулся в родной город только лишь по причине зова родины? – произнесло Чадо, жуя кусок хорошо прожаренного мяса.

- Ты хочешь домой? – ответил вопросом на вопрос Святогор, жуя мясо с кровью.

- М… Да, - поколебавшись ответило Чадо.

- А если бы твой дом был уничтожен? – новый вопрос задал Святогор.

Чадо удивленно поглядело на Святогора.

- Ам… Прости. Еще раз, что? – не понимая, спросило Чадо.

- Ну, дом! Если ты, скажем, точно знаешь, что твой дом уничтожен, было бы твое желание вернуться обратно таким же, как сейчас?

Чадо задумалось.

- Думаю… Да, но тут все несколько иначе! – поспешно затараторило Чадо.

- Не совсем… - ответил Святогор, мотая головой.

- Хорошо! Выражусь иначе: ты знал, что твой дом уничтожен, так? – энергично спросило Чадо.

- Да, - тупо ответил Святогор.

- Ты знал, что все, кого ты знал, мертвы или шанс, что они будут живы, очень мал, так?

- Да.

- Вот! А я не знаю. В моем случае шанс, что они живы гораздо больше и потому мой зов родины сильнее.

- Тем не менее, надежда и простое желание вернуться домой, пусть и слабые, в сравнении с другими чувствами гораздо сильнее. Пусть для тебя это и мнимая мотивация, но для нас это было сравнимо со смыслом жизни.

- Вас? То есть ты был не один? – заинтересованно спросило Чадо.

- Да. Но, там все сложно.

- Мне интересно и я вроде как сегодня не куда не опаздываю и ты тоже, разве нет? – деловито произнесло Чадо. – Расскажи свою историю!

- Ну, хорошо, - равнодушно произнес Святогор. – Когда я покинул Владивосток нас было около десятка или что-то вроде, точно я уже не вспомню. Мы теряли людей и находили новых, поэтому наш состав постоянно менялся. Я не помню где и когда это было, но я остался один, осел в общине в Белореченске, где и стал таким вот…

- А как именно ты таким стал? – заинтересованно спросило Чадо.

- Я умер и переродился, а после менялся, пока не стал таким.

- Умер и переродился… Это как? – не понимая спросило Чадо.

- Как бабочка… Как страшная бабочка.

- То есть?.. Ужас… - Чадо сморщилось от брезгливости.

- Да…

- А потом что?

- Потом был несчастный случай и я бежал, - произнес Святогор, опуская взгляд.

- Что произошло? – произнесло Чадо заинтересованно.

- Да не важно… Там погибли люди и меня сделали крайним. Пришлось бежать.

- После ты оказался тут?

- Верно.

Чадо ощутило гнетущую тоску и депрессию, что витали в воздухе. Чадо решило взять инициативу и поменять русло в более позитивное направление.

- А было ли что-то веселое и светлое во время твоего путешествия?

Святогор удивленно поглядел на Чадо. Слово «веселое» явно смутило Святогора, словно он уже очень давно не испытывал чего-то позитивного.

- Веселого?.. – произнес Святогор, задумываясь.

Пока Святогор думал, Чадо доело свой обед и в ожидании уставилось на размышляющего Святогора. С одной стороны, гигант проявлял себя довольно дружелюбно, но с другой, очень отвращала внешность и его недосказанность. Чадо не знало, как поступить: бояться гиганта или не стоит.

- О! Была одна веселая и светлая ситуация, - произнес Святогор, отрывая Чадо от созерцания его облика. – Это было… Было… Не помню. В общем, это было еще в первые годы после… Была зима и мы праздновали новый год! Прямо как раньше! – Святогор заулыбался. - Снег! Елка! Дети и все улыбались… - Святогор криво улыбнулся вспоминая. – Хорошее воспоминание… - произнес Святогор, потупившись и приуныв.

- Что? Что такое? – произнесло Чадо, видя выражение Святогора.

- Да… Беда в том, что это воспоминание не самое длинное, ибо обрывается оно болью, - скорбно произнес Святогор.

- Что произошло? – несколько сочувственно произнесло Чадо.

- Ядерный взрыв, - сухо и бесцветно ответил Святогор, глядя в одну точку. – Вот что произошло. Я уцелел, а вот всех остальных разметало. Хотя, как сказать – уцелел… Ведь явно, - зло произнес Святогор. - Что после того взрыва я и хапнул неслабую дозу. Я должен был сдохнуть еще тогда, но как видишь…

Святогор распалялся.

- А все это из-за них… - зло произнес Святогор. - Из-за этих уродов.

- Тише! – попыталось успокоить Чадо.

Святогор сжал кулаки и часто задышал. Чадо ощутило, что задело за живое.

- Успокойся, - произнесло Чадо. – Думаю, - Чадо задумалось. – Я… - Чадо пыталось решиться: говорить или нет? - Смогу тебя забрать, - соврало Чадо.

Внутри Чадо что-то тренькнуло и зашевелилось. Чадо понимало, что врет, но сейчас Чадо считало, что эта ложь во спасение.

- На Марс? – с некоторым сарказмом произнес Святогор.

Чадо задумалось и вновь соврало:

- Да, если ты мне поможешь, как тебе?

Святогор немного успокоился. Чадо чувствовало, что это шанс! Возможность воспользоваться гигантом, чтобы тот помог убраться с планеты.

- Да… Звучит… Звучит здорово! – чуть бодро ответил Святогор.

- Отлично! - внутренне ликуя, произнесло Чадо. - К слову, только не злись больше, ладно? Кто они? Те, что устроили тот взрыв?

Святогор засмеялся.

- Нет… - утираясь, произнес Святогор. – Они, это те мрази, что бросили нас всех.

Нутро Чадо содрогнулось. Слова Святогора прозвучали как оскорбление.

- Эти подонки… Они кинули нас, лишив надежды, лишив всего!

Чадо ощутило, как руки и ноги стали холодеть. Святогор же, безумно смеясь и сдерживая злость продолжал:

- Мы ведь могли покинуть этот мир, мы бы могли спастись! А они!.. Они решили, что они лучше нас?! Что мы отбросы?! Что они элита, а мы дерьмо?!

Чадо залилось краской. Все нутро тяжелело, а в глазах темнело. Чадо понимало о ком идет речь и все оскорбления, вся злость гиганта сейчас раскаленным молотом било по нежной плоти.

- Хватит… - тихо перебило Чадо Святогора, судорожно сглатывая слюну.

Святогор смолк, удивленно глядя на смущенное Чадо.

- Вы там, на Марсе, не знали, что и вас тоже кинули? – успокаиваясь, произнес Святогор. – Эти сволочи ведь и вас кинули! Чего хватит то?

- Хватит! – тихо, но гневно произнесло Чадо, чувствуя, что язык и разум перестает подчиняться.

- А что хватит? Что ты их защищаешь? – недовольно ответил Святогор.

Чадо била мелкая дрожь. Язык рвался наружу, а в голове все мысли смешались в кашу.

- Никого они не кидали, - дрожащим голосом произнесло Чадо, стараясь не поддаваться эмоциям.

Святогор тупо глядел на Чадо прямо через стол, осознавая озарившую его мысль. Висела глухая тишина.

- Ты не с Марса… - с безразличным взглядом бесцветным голосом тихо произнес Святогор. - Ты из них, - произнес Святогор, уставившись на Чадо.

Святогор не спрашивал, а утверждал, видя наливающееся краской лицо Чадо.

- Хотя нет… Ты не из них, ты их дитя! А вот твои родители, эти грязные подонки…

- Заткнись! – зло произнесло Чадо, опустив взгляд и пытаясь сдержать чувства.

- Что? – усмехаясь, произнес Святогор. – Неприятно, да? – Святогор подался вперед. – Твари. Подонки. Сволочи! Грязные твари! Мерзкие… - произносил Святогор, словно бил молотом по наковальне.

- Заткнись! Заткнись! Заткнись! – выкрикнуло Чадо, поднимая гневный взгляд на Святогора.

Святогор зло улыбался. А Чадо, поддавшись эмоциям, выпалило:

- Мои родители никого не бросали! Они спасались! Спасались от такого отребья вроде вас! От тех, кто загадил планету! От тех, кто не чтит чужие жизни! От воров, убийц и дураков, что заполонили мир словно грязь! – Чадо несло как снежный ком с горы. - От тех, кто плодил такую же грязь! От чудовищ, вроде тебя!

Чадо еще что-то кричало, не помня себя. Разум и язык не подчинялся и слова вылетали, словно пули из огнестрельного оружия, поражая Святогора. Последнее, что Святогор услышал: «От чудовищ, вроде тебя!». Эти слова были словно контрольный выстрел в голову и Святогор, не помня себя, вскочил и набросился на Чадо принимаясь ее избивать.

- Стой! – произнес голос. – Леша! Остановись!

- Убью! Убью! Убью! – монотонно повторял обезумевший Святогор.

- Нет, Леша, стой! Остановись! Прошу тебя! Ты человек! Человек! Вспомни!

Святогор все бил и бил, желая уничтожить жалкое прекрасное и хрупкое тельце ангела. Но Святогор, раздираемый противоречиями, бил лишь в пол силы, но все бил, бил и бил.

- Леша! Если ты сделаешь это, то пути назад больше не будет!

- Плевать! Это они! Они! Они! Это из-за них! Из-за них я такой! Убью! Убью! – кричал Святогор.

- Нет! Не смей, Леша! Прошу тебя! Остановись! – панически пытался остановить Святогора голос.

Святогор бил, царапал и рвал, раскидывая клочья костюма Чадо, обнажая нежную плоть.

- Ненавижу! – Святогор начал плакать. – Ненавижу! – удары ослабевали. – Нена… вижу… - Святогор глубоко задышал, прекратив избиения.

Святогор глядел на изувеченного ангела. Короткие русые волосы, как и бархатная, бледно-кремового цвета кожа окрасились в багровые цвета. Лицо покрывали кровоточащие трещины, разбитый нос распух, а прекрасные зеленые глаза заплыли. Лишь правый глаз все еще был открыт и он взирал, с ужасом и страхом на грозное чудовище по имени Святогор. Заплывшие слезами глаза Святогора блестели золотом, а грозный оскал покрывала слюна и пена. Святогор возвышался над поверженным противником и тупо смотрел на то, что сотворил. Глубоко дыша, Святогор опустил взгляд и увидел под недрами костюма изуродованную плоть тела, на котором явственно выступала женская грудь. Вид женской груди, что-то тронул в недрах сознания Святогора. Святогор перестал плакать и тупо глядел на обнаженное тело, пытаясь прийти в себя.

Безвольный, словно кусок камня, Святогор поднялся и вышел во двор. Святогор шел, словно в трансе. Тело не ощущалось, а перед глазами все плавало. В голове было пусто, словно

кто-то взорвал бомбу и та все разметала в стороны. Пройдя немного, Святогор пал на колени, глядя куда-то в пространство. Прохладный воздух колыхал шерсть Святогора, и подобно его внутреннему состоянию облака столь же безмятежно плыли по небу. Святогор начал качаться взад и вперед, подобно маятнику и мотать головой из стороны в сторону.

- Нет… Я не… Я не… - судорожно произнес Святогор, обхватывая голову руками.

- Леша! Успокойся, прошу тебя, все хорошо! Ты не убил ее, ты не пересек черту, - произнес голос.

- Нет… - зло произнес Святогор, останавливая свои монотонные движения. – Убить… Я должен ее убить!

- Зачем?

- Я должен!

- Но, что это тебе даст?

- Я… Я не знаю, но надо! Это они… Это из-за них! – распаляясь, произнес Святогор.

- Успокойся! Возьми себя в руки, - твердил голос. – Послушай меня! Ее смерть ничего не исправит…

- Катись ты со своими соплями! Не исправит?! – закричал Святогор. – Это в слюнявых книжках прокатит, а я жажду хоть малейшего отмщения! Одна жизнь за другую! Они угробили мою жизнь, а я отниму одну их жизнь! – рыча, кричал Святогор, вскакивая с колен и возвращаясь назад.

Святогор вышиб дверь и угрожающе направился к уползающей жертве. Чадо повернулось и с ужасом взглянуло на Святогора, который своей медвежьей громадой возвышался над Чадо. Святогор, сдерживаемый голосом, приблизился и уже было занес кулаки, дабы добить Чадо, как беспомощный вид и взгляд полный ужаса Чадо остановил его.

- Нет, Леша, прошу, одумайся! Это не ты! Настоящий ты этого не сделает!

Святогор колебался. Святогор жаждал крови, но сдерживался. Святогора, подобно канату, перетягивали из стороны в сторону, но силы были равные. В нерешительности, Святогор направил свою злость и ярость на все, что попадалось под руки, но не один из ударов так и не был адресован Чадо.

Выпустив пар, Святогор обернулся к Чадо, приблизился и, задумавшись, взирал на корчащееся в страхе тело. Святогор решил. Подойдя к Чадо, Святогор поднял, больно сжимая руки Чадо, и спустился в подвал. Подвал, темное и холодное помещение, насквозь провонявшее смертью, предстал перед Чадо филиалом пыточной ада. Святогор волоком втащил Чадо и, отыскав веревку из сухожилий, приковал Чадо к ванне.

Не желая более видеть это создание, Святогор вышел на улицу.

- Я убью ее… - зло произнес Святогор. – Кем угодно клянусь, что убью ее!

- Да! Убей! – шипя, произнес голос.

- Нет! Не вздумай! – выкрикнул другой, человеческий голос. – Это тебе ничего не даст! Это лишь подтвердит то, что ты всего лишь чудовище, коим тебя видят, ведь ты не такой, Леша!

- Не слушай его! Она семя этих выродков, что бросили тебя, что обрекли тебя на такое будущее. Смерть ей! – шипя, науськивал голос.

- Я… Я… - Святогор судорожно соображал.

- Нет, Леша! Она человек и ты человек, ты жаждешь сохранить свою человечность, а она ключ к одной из дверей – во тьму или к свету! Твой выбор сейчас определяет то, кем ты станешь! Молю тебя, Леша, не поддавайся искушению!

- Заткнись! Вспомни, через что ты прошел. Вспомни, все эти годы боли и страданий, самоистязаний, одиночества! Это все они! Убей ее!!!

- Нет! – Выкрикнул Святогор.

- Правильно Леша! Борись! Ты сможешь! Не дай этой гнуси победить! Ты человек! Повторяй за мной: Я ЧЕЛОВЕК! Я ЧЕЛОВЕК!

- Я ЧЕЛОВЕК! Я ЧЕЛОВЕК! – монотонно повторял Святогор.

- Умница! Борись! Давай же!

- Я ЧЕЛОВЕК! – Святогор заплакал.

- Нет! Ты чудовище! – шипел голос. – Они породили тебя, так пусть поплатятся! Вернись и убей ее!!!

- Нет! Не слушай его! Что это тебе даст?! Ее смерть не чего не изменит, кроме тебя. Ее смерть лишь сделает из тебя монстра! Ты утратишь человечность и навсегда останешься тем, от кого бежишь!

- Уб… Я че… У… Че… - Святогор разрывался между выбором.

- Давай! – настаивал шипящий голос.

- Нет! – протестовал человеческий.

- АААА!!! – заревел страшным, нечеловеческим голосом Святогор.

Святогор принялся крушить все во дворе. Сметая все на своем пути, Святогор двигался к заливу. Ревя от ярости, не желая принимать, чью-либо сторону, Святогор громил, пытаясь выпустить пар, приближаясь к воде. Святогор вошел в холодные воды залива подобно раскаленному стальному шару. Шипя и брызжа пеной, Святогор молотил воду. Водная гладь, нарушаемая лишь льдинами, нарушилась и чьим-то движением. Беснующийся Святогор привлек внимание одной твари, которая, посчитав Святогора добычей, приблизилась к берегу. Вода была пропитана кровью и тварь не спеша шла на запах подобно голодной акуле. Не решаясь, тварь ждала, а кровь все больше и больше возбуждала аппетит. Святогор все молотил и молотил по воде, как вдруг что-то обхватило руку Святогора чем-то длинным и скользким. Слепой от ярости Святогор силой сжал схватившее его щупальце и по-звериному выбрался на берег, таща схватившую его тварь. Тварь сопротивлялась, но Святогор был не менее силен. Словно рыбак, что борется с крупной добычей, так и Святогор прикладывал все силы, чтобы вытащить улов. Тварь походила на гигантскую личинку стрекозы, только вместо устрашающей выдвижной челюсти маски был выбрасываемый язык, словно у хамелеона. Тварь пыталась затащить Святогора в воду, а Святогор изо всех сил тянул тварь к стене. Упираясь шестью лапами, тварь скользила по земле, сдавая позиции, а вконец озверевший Святогор все тащил и тащил. Святогор пересек дыру в стене и когда тварь приблизилась так, что могла упереться всеми конечностями в стену, Святогор приложил оставшиеся силы, чтобы протянуть тварь через дыру, словно нить через игольное ушко. Тварь вывернуло наизнанку, а Святогор, понимая, что тварь более не сопротивляется, подбежал и обрушил всю терзающую ярость. Ни один из голосов более не произносил ни слова, да и если бы кто-то говорил, то Святогор не услышал бы. Все мысли, все существо Святогора сейчас было

пустым и пыталось себя заполнить. Святогор все бил и бил, все раздирал и раздирал, пока от твари не осталось лишь мокрое пятно. Но на этом ярость Святогора не успокоилась. Сейчас Святогора не было. Сейчас был зверь Святогор, который жаждал крови. Но двор был пуст и Святогор, мечась с места на место, словно животное, на всех четырех лапах, все обнюхивал и пытался что-то унюхать. Но все вокруг пахло однообразно. После нескольких минут Святогор остановился, сел и издал некое подобие воя. Святогор, обессиленный, рухнул на землю и глубоко дыша, словно уставшая собака, заснул.

Святогор видел город. Пустой и одинокий город. Он слонялся по безлюдным улицам, которые почти ничем не отличались друг от друга. Город был погружен в сумерки, но сумеречные тени домов не тянулись от Солнца. Тут не было Солнца, а тени все тянулись к Святогору. Легкие шорохи осенней листвы и мерный, еле заметный, гул заполняли слух. Святогор брел, не зная куда, но с четким пониманием, что идти нужно именно в этом направлении. Какой-то иной шорох отвлек Святогора и взгляд тут же метнулся на источник. Что-то издало новый звук, но уже позади и Святогор обернулся. Все было тихо и никого не было. Святогор был абсолютно один.

Продолжая движение, Святогор брел так долгое время и тени словно бы давили. Святогор ощущал дряхлость и порой ему казалось, что он то глубокий старик, то издыхающее животное, то и вовсе бестелесное существо. Святогор чувствовал, словно прошли годы, но город, этот лабиринт из стекла и бетона, так и не закончился. Святогор пал на колени, не в силах более идти и тут раздался стук. Святогор поднял взгляд и увидел высокую, до самых небес, трибуну, за которой сидел судья без лица. Он вздымал в небо молот и бил, разнося звук удара по всему городу позади Святогора. Раздались голоса, множество голосов и шепотов, которые сливались в единую какофонию, в единый шум, в котором ни слова нельзя было разобрать. С обеих сторон от судьи сидели люди. Нет! Это был тот, вернее та, та девушка, которую Святогор забил до полусмерти. Справа сидела печальная девушка, а слева горящая гневом. Судья медленно поводил головой из стороны в сторону, словно оглядывая сидящих, а после замер, словно бы разглядывая Святогора. Позади, раздался многоголосый шум, который прервал судья, взмахнув рукой. Судья ждал. Святогор посмотрел на судью, а после, его взгляд перешел сперва на справа сидящую, а после налево сидящую девушку. Святогор видел их лица, видел их боль и злость. Словно два мира, две крайности, разделенные судьей. Святогор попытался произнести что-то, но изо рта вырывался лишь воздух и тишина. Святогор пытался оправдать себя, но выходила лишь пустота. Голоса загалдели. Судья поднял молот и ударом огласил тишину и покой. Святогор вновь попытался произнести хоть слово, но удалось лишь хрипло выдавить: «Мне жаль!».

Все взорвалось смехом. Смеялся даже судья и обе девушки. Святогор испытал чудовищный стыд и, борясь с чувством, выкрикнул: «Поймите же меня!». Смех угас. Трибуна исчезла, а сумерки обратились в ночь. Город погрузился во мрак. Ни в одном доме не горел свет, в городе царила тьма и холод. Святогор встал и принялся бежать. Мрак сгущался и тени домов, что чернее ночи, тянулись за Святогором. Словно щупальца они хватали Святогора и пытались остановить его, но Святогор, страшась, вырывался и бежал, куда гнал его страх. Бесконечный лабиринт из домов. В воздухе раздавалось шипение и гул, словно кто-то что-то говорил, но Святогор слышал лишь шум. Святогор все бежал и бежал, но тени все же догнали его, схватили и принялись терзать. Святогор вырывался и кричал, как вдруг… Одно из окон домов забрезжило теплым, уютным и мягким светом. Из последних сил Святогор пытался вырваться из объятий теней, стараясь дотянуться до света, но сил было мало. Сил хватило лишь на то, чтобы протянуть руку к свету. Тени поглотили Святогора, но в руке он ощутил тепло. Что-то выдернуло из объятий мрака и затащило вовнутрь света.

Когда Святогор очнулся, он увидел свой дом, тот самый, из детских воспоминаний, которые давно уже позабыл. Тепло и уют дома, приятные звуки и напевающий голос матери на кухне. Святогор не веря тому, что видит, огляделся, а когда голос из кухни позвал его, Святогор

даже испугался. Робко, Святогор прошел на кухню и увидел мать. Мать, добрая и милая, готовила ужин. Увидев Святогора, она погладила его по голове и мягко попросила сесть за стол. Святогор обмяк и расплакался.

- Что такое Лешенька?

- Мама! Мамочка! – рыдающим, совершенно детским, голосом произнес Святогор, обнимая мать.

- Ох! – произнесла мать, пошатываясь от объятий Святогора. – Что такое? Что стряслось?

Святогор рыдал.

- У тебя что-то болит?

- Не-нет… - дрожащим от слез голосом произнес Святогор. – Мама… Мама…

- Успокойся, чищщщ… - приговаривала мать, нежно поглаживая макушку головы Святогора. – Все хорошо. Тебя опять обижали мальчишки?

- Нет… Я… Я просто скучал по тебе, - дрожащим голосом произнес Святогор.

- Ну, я тут, все хорошо.

- Угу…

- Что стряслось? Скажи, мама все поймет и поможет, - ласково произнесла мать.

- Мне так одиноко… Никто не может понять меня…

- Ууу… успокойся, утри слезки. Ты не одинок, я рядом. Мы все хотим, чтобы нас понимали, но важно и самому понимать других!

Святогор поднял заплаканные глаза на маму и увидел ее милые и ясные, добрые и чистые глаза, полные любви и заботы. Святогор улыбнулся и крепко обнял мать.

- Мама, - улыбаясь, всхлипнул Святогор.

Мать присела, обнимая Святогора и нежно поглаживая его по спине произнесла:

- Все будет хорошо. Как там в моей любимой книге? Все будет правильно, на этом и построен мир.

Мать поцеловала Святогора в макушку головы и добавила чуть иным голосом:

- Тебе пора.

После этих слов, Святогор, замерзший и измотанный, словно побитая собака, вернулся к реальности.

Глава 3. Демон

Даже демон может плакать.

Слезы – это сок души!

С тех пор, как Святогор пленил девушку, прошло порядка двух суток. За это время произошло мало событий, но значительных. Девушка, несмотря на все ранения, что Святогор нанес, восстановилась, словно ничего и не было. Святогора это удивляло, но из-за злости и нежелания видеть ненавистное создание, он старался не интересоваться тем, как ей это удалось. Раны, которые Святогор нанес, должны были оставить страшные и уродливые шрамы, но как минимум в будущем, а тут!.. Тут ни следа! Ни царапинки! Единственная рана, которая до сих пор не заживала – это психологическая, но на это Святогору было глубоко плевать. Сейчас Святогора больше волновало то, как же поступить с девкой. В голове звучали голоса и каждый просил о противоположном. А так как оба выбора были равноценны, то выбрать Святогор не мог, ибо решающего аргумента в пользу одной из сторон не находилось.

Святогор собирался в Сестрорецкие болота, что граничат с Северным лесом. Нужно было проверить несколько мест, если что есть - забрать и поставить силки заново. Пока Северный лес был опасен для посещения, болота становились основным местом прокорма.

- А на кой черт мне столько еды? В самом деле… - тихо произнес Святогор, припоминая слова девушки. – Все собираю и собираю, девать некуда, десятерых кормить можно, а все собираю и собираю…

Святогор прекратил сборы и на время завис в раздумьях. В сущности, сбор заключался в проверке и подгонке снаряжения, ибо все необходимое уже давно собрано, оставалось лишь все сложить в рюкзак. В голове мелькнула мысль и Святогор вспомнил, что не взял банку с вонючей смесью, для маскировки запаха. Болота не самое опасное место, но там есть несколько созданий, от которых лучше маскироваться, чем бежать или что-либо еще делать. Святогор оглядел помещение и понял, что банка внизу, в подвале, где находилась девушка. Желание спускаться в подвал у Святогора отсутствовало, но спуститься было нужно. Потому Святогор нехотя подошел к крышке, за которой скрывалось помещение. Поколебавшись, Святогор все же отпер и спустился вниз. Внизу было темно, но мрак разрезал свет жировых ламп. В дальнем углу, где была старая ванна, была привязана девушка. Святогор, не глядя на девушку, прошел к стоящему рядом столу и поискал банку. В слабо освещаемом помещении, Святогор ориентировался как в помещении с обильным светом, но даже зрения Святогора не хватило, чтобы увидеть банку. Святогор принялся искать, не обращая внимания на то, что девушка нервно забилась в угол. Банка все не находилась и Святогор ощущал давление взгляда девушки. Задерживаться не хотелось, а проклятая банка, словно бы нарочно, пыталась удержать Святогора. Святогор принялся оглядывать пространство вокруг и под столом. Оглядел стену и задержал взгляд на висящем на стене дорожном знаке, на котором был изображен пешеход. В голове Святогора тренькнула мысль и все нутро осело. Святогор недовольно и глубоко вздохнул, медленно поворачивая взгляд на пленницу. Девушка сидела в углу и злобно глядела из-под нахмуренных бровей. Ее скулы и губы были сжаты, а на лице проступал румянец. Святогор оглядел пространство вокруг девушки и его взгляд упал на столик у другой стены. На столике среди множества пластиковых бутылок стояла одна баночка, вроде той, что когда-то использовались для хранения кремов для рук. Святогор подошел и взял банку, которую поспешно убрал в карман штанов, сшитых из лохмотьев. Святогор решил было уже покинуть помещение, как его остановил голос девушки:

- Воды, - произнесла недовольным голосом Чадо.

Святогор задержался, но взгляд так и остался устремленным вверх, прочь из помещения. Он опустил взгляд, закрывая глаза в немой позе вроде: «Ох…». Святогор открыл глаза и вернулся обратно, забрав миску для воды. Он покинул помещение, не закрывая вход. Поискав канистру с питьевой водой, Святогор открыл ее и наполнил миску. Спустившись, он поставил миску перед девушкой. Из-за того, что девушка была связана, есть и пить ей приходилось по-звериному, ртом и прямо из посуды. Святогор намерился было уже совсем уйти, но тут его остановило что-то. Он завис на выходе в нерешительности. Святогор обернулся и взглянул на девушку, а после вернулся обратно и грубо схватил ее за подбородок. Девушка в страхе отпрянула, но Святогор был сильнее. Когда девушка попыталась вырваться, Святогор замахнулся рукой, пригрозив ударить ее. Девушка в страхе сощурилась и перестала вырываться. Святогор грубыми движениями оглядел лицо девушки и еще раз убедился, что все это не сон и он действительно видит то, что видит. А видит Святогор то, что на лице действительно ни следа от побоев. Все зажило, не оставив ни шрама, ни царапины, ни пятна.

- Что это? – неясно буркнул Святогор.

Чадо промолчала, лишь смерила гиганта ненавистным взглядом. Святогор, держа Чадо за подбородок, сжал ладонь, причиняя ей боль.

- Что это за гребаная магия? – сурово произнес Святогор.

- Это наука, а не магия. Невежа… - недовольно отозвалась Чадо.

- Вы там бессмертные что ли?

Чадо промолчала. Святогор еще раз сжал руку.

- Нет… - со стоном боли выдавила Чадо.

- Значит, вас убить можно?

- Пойди и сам убейся, тва… - зло произнесла Чадо, но не смогла закончить из-за руки Святогора.

- Еще раз посмеешь и на этот раз я не остановлюсь, ясно? ЯСНО?! – рявкнул Святогор.

- А чего тянешь? Садист…

Чадо понимала, что ей стоит держать себя в руках и следить за языком, но язык сейчас ей не подчинялся, а лишних сил бороться не было, ибо все силы Чадо берегла для другого.

- Я садист? А кто в этом виноват? Кто сделал меня таким? Кому сказать спасибо за то, что я стал… стал… ЭТИМ! – произнес Святогор больно сжимая подбородок Чадо.

- Ты сам же и виноват! – борясь с болью, произнесла Чадо.

Святогор перехватил Чадо, взяв ее за горло и поднял над полом, насколько позволяли связанные руки.

- Пасть закрой, мразь! – рявкнул Святогор. – Я не выбирал, этот выбор сделали за меня! Я всего лишь… Благодаря вам! Пытался выжить в этой жопе! В мире, который из-за вас сдох, как бесполезная лошадь!

- А кто его убил? – с трудом просипела Чадо. - Кто продолжил войну, в которой нужды уже не было? В этой войне нашей вины нет!

- Заткнись! Что ты можешь знать?! Не было нужды? Да что ты понимаешь в людях?! Вы сами уже не люди! Что вы можете понимать в чувствах людей, которые многое потеряли?! – горячо произнес Святогор.

Глаза Святогора застилали слезы.

- А вы?! Дай угадаю! – с сарказмом произнес Святогор. – Вы ничего не потеряли, вы только обрели и обретали! Там, в вашем сраном мире, вы вон, любую рану залечить можете, а мы тут дохнем и гнием, как какой-то мусор, как какая-то падаль! Мрем без надежды на будущее! А вы там радуетесь! Ты хотела услышать веселую историю из моей жизни?! Вот тебе веселая история – я смог поесть! Я смог попить! Я смог поспать и дожить до следующего дня! Вот что есть светлого в моей жизни! Все остальное – это зло! Слышишь, сука - ЗЛО! Каждый день – это, сука, борьба! БОРЬБА!

Святогор выпустил Чадо из руки. Скалясь от злости, плача от ненависти, Святогор повернувшись к Чадо спиной, сжимал кулаки, пытаясь сдержать эмоции.

- Кто? Кто дал вам право решать чужие судьбы?

- Мы… - просипела Чадо. – Мы не решали чужие судьбы, мы тоже боролись.

- Да ну?! – саркастически выкрикнул Святогор, оборачиваясь. – Интересно и с чем же вы боролись?!

- Мы боролись с миром! – чуть сипя, выкрикнула Чадо. – Земляне, - с каким-то расизмом в голосе произнесла Чадо. – Земляне загадили мир и продолжали в нем гадить! Вы плодились как тараканы, заполоняя мир отбросами, которые только и делали, что жрали, гадили и ненавидели друг друга!!! – выкрикнула Чадо. – А когда пришло время и Земля была более не способна нас содержать на своей шее, человечеству начало угрожать вымирание! Мой отец, моя мать и все остальные основатели увидели это! Мы не решали вашу судьбу! Мы решали судьбу человека! Человечества! Мы спасали то, что еще не было засрано вами!

- Вы не спасали, а просто сбежали как последние ссыкуны! Вы просто кучка интеллигентных трусов…

- А вы чудовища и убийцы.

Повисла тишина. Святогор и Чадо глядели друг на друга ненавидящими взглядами. Две крайности, что достигнув своего апогея, столкнулись. Две могучие силы, будучи полной противоположностью, должны были либо нейтрализовать друг друга, либо закончить все ослепительной вспышкой взрыва от реакции взаимодействия.

- Ты будешь сидеть тут до конца свой жизни, как собака на цепи, - злобно произнес Святогор, глядя на Чадо металлическими с золотым блеском глазами.

Чадо промолчала, а Святогор развернулся и покинул подвал, оставляя Чадо наедине с мраком. Святогор взял рюкзак, свалил все в его недра, наспех проверил, все ли взял и вышел во двор.

Двор выглядел так, словно тут бушевал шторм. Все было разбито, снесено и разметано по всей округе, а у выхода на пляж лежала размазанная туша какой-то твари. В момент буйства Святогор себя почти не осознавал и потому даже вспомнить не может, как эта тварь выглядела изначально, а в том, что от нее осталось, узнать хоть что-то привычное было нереально. Но выход из дома, как и дыра в стене, что вела не на пляж, а прочь с острова, находились по другую сторону, а потому взору Святогора предстала лишь малая часть разрушений. Однако даже этого количества хватало, чтобы вызвать у Святогора чувство недовольства относительно того, что на

восстановление уйдет очень много времени. Святогор прошел через северо-восточную дыру в стене и направился к старому туннелю, что соединял остров с большой землей и мертвым городом. Туннель находился между школой и старыми очистными сооружениями на Белом острове, который соединялся с Канонерским островом небольшим мостом. Сам туннель был давно завален и затоплен, но Святогору был нужен не сам туннель, ибо переправой на другой берег служили бетонные плиты и металлические конструкции, которые остались от старого ЗСД. Битый бетон и металл лежали в канале подобно разбитому мосту. Местами можно было пройти спокойно, а местами приходилось прыгать, а у самого берега и вовсе взбираться на заваленный портовый кран, а от него по ржавым вагонам поезда. Но зато дальше путь был проще. Вдоль руин ЗСД с острова Святогор попадал в район Кировского завода, древнейшего в Питере, от которого остались лишь ржавеющие руины. Однако путь Святогора лежал через парк Екатерингоф, который превратился в плешь, что покрывали мертвые скелеты деревьев. Парк походил на музей восковых фигур, где каждое дерево, словно неподвижная кукла, почему-то напоминали Святогору людей. Земля в парке была серая, словно пепел, но не сухая, а просто безжизненная, мертвая и замерзшая грязь. Этот парк был еще страннее вечерами. Несколько раз Святогор был свидетелем того, что видел странные огоньки и слышал какой-то гул. Но видел Святогор огоньки лишь боковым зрением, а стоило посмотреть прямо, то никаких огоньков словно и не было. Гул же больше походил на работу двигателя, который работал где-то очень далеко. Для себя, Святогор прозвал парк – чертовой пустошью и старался проходить его быстро, не задерживаясь. За парком следовал обводный канал. Канал этот в довоенные времена имел дурную славу. Канал носил звание канала самоубийц, поскольку был излюбленным местом людей, потерявших волю к жизни. История этого канала началась еще не то в девятнадцатом, не то в двадцатом веке, а число его жертв не имеет точного числа. За Обводным каналом шла тропа, бывший Измайловский проспект, который выглядел как продуваемая труба. В целом, этому есть объяснение. Дело в том, что Питер не имеет кратеров, то есть все снаряды подрывались еще в воздухе и город разрушали уже ударные волны. Эти волны, словно чудовищной силы ветер, сметали все на своем пути, от чего все вокруг выглядело как при падении тунгусского метеорита. По всей видимости, один из снарядов взорвался над адмиралтейством, а Измайловский проспект был под углом в девяноста градусов, а потому его не завалило. Проспект выглядел так, словно по нему вот-вот пройдет парад – чистый и ровный, разве что только асфальт портил картину, вернее его почти полное отсутствие. Когда Святогор добрался до Исаакиевской площади, которая была еще и самым широким мостом в Питере, взору предстали руины Исаакиевского собора. Купол собора, как и колонны, лежал выцветшим от Солнца крошевом в прилежащем сквере. Стены либо ввалились внутрь, либо в стороны, превращая собор в холм из строительного мусора. Примерно в том же виде лежал весь город – одна огромная песочница из бетона, стекла, металла, кирпича и немного мрамора. Если сравнивать Питер с Москвой, то Питер пострадал сильнее, ибо Москва кипела жизнью, дикой и суровой, но жизнью! То вот Питер был пустым и серым, как и его небо. Питер – культурная столица древней России, потерял всю свою культуру. Все произведения искусства смешались в единую кашу. Святогор шел по этой песочнице, даже не зная главной и, пожалуй, самой страшной тайне города. Эту тайну понял лишь один человек, ибо знал особенность того, что отравило город. Не разрушило, а именно отравило! Чадо, задавшись вопросом касательно запаха, выяснило, что металлический запах придает вещество, которым руины буквально пропитаны. Вещество это было изобретено в России и является стерилизатором, который можно программировать. Это скорее даже не вещество, а биологические наномашины. Стерилизатор можно запрограммировать на стерилизацию, как отдельной клетки, так и целого организма, затронув лишь его репродуктивную функцию. Проще – избирательность. Это вещество стало отличным средством для контроля опасных штаммов бактерий и вирусов, сохраняя им жизнь, но лишая возможности размножаться. Такая избирательность вещества привлекла внимание военных и с их подачи, несмотря на протесты и попытки объяснить бесполезность вещества в качестве оружия, вещество в это оружие все же превратили. Правда, потенциал этого оружия проявлялся лишь спустя годы, а потому,

когда тесты оружия показали военным бесполезность оружия наглядно, от данного оружия отказались, но снять с вооружения не успели из-за войны. В войне оружие применять не стали, но когда грянула последняя война, что плавно перешла от третьей мировой, там церемониться уже не стали и применяли все, что только было. Важно и то, что применялось не только оружие. Ученые, которые сходили с ума от новостей в мире, работавшие в лабораториях, как в государственных, так и тайных, выпускали на свободу такое, от чего в даже атомное оружие было не таким страшным. Факт: вещество экспортировалось за границу лишь В ОДНОМ ВИДЕ - в виде запущенных к цели боеголовок.

Святогор прошел мимо Адмиралтейского сада, в котором все костяки деревьев лежали в сторону от адмиралтейства и, минуя медного всадника, направился к Благовещенскому мосту. Постамент всадника – гром камень, стоял как влитой, лишь немного пострадавший от осколков, а вот сам всадник, сорванный с постамента, лежал на изувеченной плитке, разбитым на несколько крупных кусков. На самом деле всадник имел другое название, а сам он даже не из меди. Памятник Петру Первому получил имя «Медный всадник» благодаря стиху от русского писателя Александра Сергеевича Пушкина. Сейчас от воспетого в стихе величия, никакого величия и не осталось…

Плиты Благовещенского моста лежали в воде под углом, словно ребра карточного домика. Моста как такового уже нет, но мост не разметало как дома, а словно бы просто опрокинуло. Все же попасть на Васильевский остров по этому мосту было возможно. Рядом, чуть дальше пристани у особняка Румянцева, стояла сбитая в единую массу куча ржавеющего металлолома. Эта куча когда-то была несколькими теплоходами.

Миновав мост, Святогор попал на Васильевский остров, но так как остров в большей степени представлял собой завалы, то проход был лишь один – по набережной через Василеостровскую стрелку. Знаменитые Ростральные колонны лежали в Биржевом сквере, а их легко узнаваемый кирпичный цвет выцвел до болезненной бледности. Корабельные ростры, украшавшие колонны, были разбиты и узнавались с большим трудом. От статуй морских божеств у подножья колонн, остались лишь куски камня, которые лишь очертаниями, словно тенью, напоминали о себе.

Со стрелки открывался вид на Эрмитаж, что был по правую сторону. Петроградский и Заячий остров со знаменитой Петропавловской крепостью - по левую сторону. Через Тучков мост, который частично уцелел, Святогор попал на Петроградку (Петроградская сторона или Петроградский остров). Тут располагался футбольный стадион и комплекс Юбилейный, а также станция метро с говорящим названием - Спортивная. Петроградка пострадала сильно, но если сравнивать с Васькой (Васильевский остров), то Васька – это непроходимая свалка, а вот Петроградка – лабиринт. Когда-то Святогор потратил немало времени, дабы найти проход через завалы, но так как в этом лабиринте было немало добра, которое Святогор смог отнести в свой дом, то поиски себя оправдывали. От Юбилейного, минуя засыпанный обломками Князь-Владимирского собора сквер, Святогор дошел до сквера Виктора Цоя. Оттуда, дворами, вышел к главному входу в старый Ленинградский зоопарк. Короткая перебежка по незахламленному парку вокруг зоопарка и Балтийского дома, и Святогор вышел, через Кронверкскую улицу во дворы студии Ленфильм. После были блуждания по улицам и проспектам, по дворам и садам, набережным и переулкам Петроградки, дабы попасть на Каменный остров, а оттуда на правый берег Питера, прямо к Черной речке. Оба моста, что соединяли Каменный остров с Петроградкой и правым берегом, стали своего рода плотиной. Корабли и баржи, наткнувшись на остовы мостов, создали свалку. Особого препятствия для Большой и Малой Невки покрытые язвами ржавчины суда не представляли, но вот в качестве переправы они отлично заменяли мосты.

От Черной речки по Торжковской улице, переходящей в Сердобольскую, Святогор попал на проспект Энгельса, который переходил в Выборгское шоссе. Дорога была длинной, но чистой, ибо север Питера почти не пострадал. Север выглядел так, словно тут прошло землетрясение минимум на шесть баллов, но не более девяти. Много уцелевших, относительно, домов. К сравнению, в районе Гражданки и Комендантского проспекта разрушения в разы сильнее. Проспект Энгельса и Выборгское шоссе идут прямо между Гражданкой и Комендантским, словно лезвие ножа или две периферии, две крайности, столкнувшиеся в одной линии, по которой сейчас шел Святогор. Дойдя до района станции Озерки, двигаясь по шоссе, по левую сторону от дороги, взгляду предстали три озерца или озерки. Вода в озерах была чистейшая, даже можно сказать кристально чистая, ибо ничего в ней не водилось. Просто вода и все. Однако Святогор ни разу так и не решился испить воды из этих озер. Возможно, причиной тому было старое суеверие, которое пугало жителей прежде существовавших общин относительно отсутствия жизни в руинах. Как говорится: «Не пей, братец, козленочком станешь!». Святогор в суеверие не верил, но нутро противилось желанию. Собственно, именно суеверия и отпугивали жителей общин от посещения руин Питера, что Святогору было лишь плюсом.

После озер шел старый Шуваловский парк и гора Парнас. Правда, горы с шоссе видно не было, поскольку гора эта скорее довольно пологий холм. Однако на самой горе, эта пологость была лишь местами, а сам парк испещрен тропами с довольно крутыми уклонами. Пик горы у прудов когда-то был излюбленным местом для отдыха, особенно в зимнее время. С вершины открывался вид на парк и район станции метро Парнас и Проспект Просвещения. Сейчас гору покрывали костяки деревьев, из-за которых гора больше походила на спину дохлого дикобраза. Среди игл порой виднелась церковь святых апостолов Петра и Павла, исполненная в неоготическом стиле, и Большой Дворец. Церковь, выделяясь среди прочих сооружений, была словно надгробным камнем мертвого парка. Если бы у этого камня была эпитафия, то, скорее всего она бы звучала так: «В память о красоте», ибо парк действительно был прекрасен, особенно в осеннее время года.

За Парнасом лежало Парголово. Парнас и Парголово – это северная граница между двумя государствами: жизни и пустоты. В Парголово ни одной бомбы не упало, но смерть мегаполиса, к которому Парголово примыкало, оказало сильное влияние. Поселок Парголово покрывали частные дома, почти точь-в-точь как в Белореченске. Но если Белореченск был населен, то вот Парголово было начисто мертво в плане людей. А вот деревянные дома, оставленные людьми, превратились в, как их называл Святогор – бабьи избы, сетуя на бабу Ягу и ее избу на курьих ногах. Каждый деревянный дом в буквальном смысле пророс, от чего дома, из фундамента которых торчал ствол дерева, а порой и два, в самом деле походили на избушки на курьих ногах. Собственно, подобное не редкость, напротив! Все старое, что раньше называлось нормальным, стало редкостью, а нормой стала всевозможная странность. Святогор точно не знал, но был уверен, что виной всему всевозможные химические, биологические и радиационные виды оружия, которые сбрасывались на округу. В этом химико-био-радиационном коктейле побывал и сам Святогор, а его облик тому доказательство. В поселке Святогор редко задерживался, да и сейчас нужды не было, а потому дойдя до КАДа, Святогор свернул и направился в сторону Сестрорецка, к болотам.

***

Когда Святогор ушел и оставил Чадо в одиночестве, Чадо погрузилась в подсознание. Библиотека была разгромлена, а на поваленных стеллажах и разбросанных книгах восседал чертенок. Клетка чертенка была разбита, но, несмотря на все, Чадо все еще верила, что все это

можно исправить. Надо лишь вернуться домой и все будет легче. Кто знает, быть может Чадо здесь нашла ответы на вопросы, которые помогут побороть недуг первого поколения и тогда все это можно будет исправить? Чадо села на поваленный стеллаж и уставилась на чертенка, который сидел, словно запыхавшаяся от долгого бега собака и с высунутым языком часто дышал ехидно ухмыляясь. Чадо закрыла глаза и пыталась успокоиться, чтобы в последний раз все обдумать, прокрутить план, дабы проверить все ли Чадо учла, и начать действовать. План Чадо заключался в простом побеге, но был ряд нюансов, которые усложняли побег. Самый главный нюанс – это силы. Дело в том, что после падения, Чадо пришлось тратить силы и ресурсы организма на восстановление. А после ссоры и нападения гиганта на Чадо, частично восстановленные силы были безвозвратно потрачены на новое восстановление, ибо нанесенные раны были серьезными. Не будь Чадо тем, кем она является, то нанесенный ей урон убил бы ее, но в очередной раз – спасибо генной инженерии. За эти сутки Чадо успела восстановиться и вернуть часть сил. Сбежать их хватит, но вот на матч-реванш с гигантом увы… Технически, Чадо сильнее гиганта, но не физически, а ментально. Для Чадо не составит особых усилий свалить зверя и крупнее гиганта, но… Силы… Чадо, методом тыка отыщет капсулу, а дальше что? Если потратить силы сейчас, то на дальнейшее путешествие сил точно не хватит и Чадо попросту умрет от истощения. Пси-удар для гиганта будет неожиданностью, но он точно его не испугает, а потому с большей вероятностью, что он, когда придет в себя, еще и догонит Чадо. А потому силы надо беречь на тех, для кого пси-удар будет чем-то вроде страха смерти. Сейчас гигант ушел проверять свои охотничьи угодья, а значит, его чуть меньше суток не будет. Чтобы не пересечься в пути - стоит выждать и дать гиганту фору. Гигант явно направился не в лес, но в любом случае на север, а вот на север попасть можно несколькими путями. Первый путь, самый короткий - вел через центр и два острова, а после на север, по проспекту Энгельса и Выборгскому шоссе через Парнас, к Сестрорецким болотам и в лес. Второй путь, самый длинный, но самый, скорее всего, безопасный - вел по Обводному каналу, через Московский вокзал, а после через Калининский район выводил к КАДу. Оттуда к Дальним болотам, что за Всеволожском, а по самому КАДу можно дойти до первого пути. Третий путь, был средним и пересекался с первыми двумя путями, а пролегал он по Обводному каналу, через вокзал, а вот дальше по Свердловской набережной к Финляндскому вокзалу. Оттуда уже на север по проспекту и шоссе, но уходил на Озерках в сторону, прямо в лес. Третий, средний, путь был удобен, а потому Чадо избрала именно его. Помимо этого, важными были вопросы еды, питья и одежды. С едой и питьем проблем не будет, а вот с одеждой да. Так как на улице ранняя весна, а костюм Чадо поврежден, посему защита от холода ставилась на первый план.

- Что я упустила? – произнесла Чадо. – Так, дорога? Есть. Припасы? Есть. Одежда? Найдем. Путы?

Чадо вернулось из подсознания в реальный мир. В подвале было темно, но Чадо хорошо видела в темноте. Подвал хоть и был темен, но мрачность ему предавала не темнота, а разделочный инструментарий. Однако среди всего были вещи, выделяющиеся из прочей массы. Например, книги: серия книг из цикла «Эхо» Ли Петра, коллекция из семи книг о Гарри Поттере от Роулинг и семи книг про дозоры от Лукьяненко, при условии, что прочие книги были больше по делу. Различные халаты, от банного и до лабораторного. Непонятный синий комбинезон с цифрами на спице, а еще… Смирительная рубашка? Чадо даже разглядела бирку с именем на рубашке: Стрендинг. Странные инструменты и приборы, вроде молотка из кружки, позолоченной сковороды или булавы, сделанной из черепа, насаженного на деревянный черенок. И прочее, вроде дорожного знака, автомобильного номера и красного таксофона с надписью большими белыми буквами «РОССВЯЗЬ».

Но разглядыванием подвала Чадо занималась, пока восстанавливала силы, а сейчас не до разглядываний. За эти сутки Чадо сумела при помощи психомедицины вдохнуть немного жизни в мертвые сухожилия, которыми гигант приковал Чадо. Формально, психомедицина способна даже

оживлять мертвые ткани и организмы, но… То, что в итоге оживлялось - жило лишь условно. Скорее даже не жило, а существовало, и способно было даже выполнять простейшие действия. Но такая жизнь была жизнью лишь биологически, поскольку клетки ткани или организма просто выполняли свои функции, но из-за процессов, протекающих в клетках, эта жизнь продолжалась недолгое время. Но для того, чтобы освободиться от тугих пут, ненадолго оживленные сухожилия, для их большей мягкости и податливости, позволяли это сделать без труда. Освободившись, Чадо не спешила торопиться. Святогор, в силу своего роста и выносливости должен добраться, плюс-минус, до Озерков за три часа. Для Чадо - это отличная фора. За это время Чадо успеет подготовиться физически и психически к своему марш-броску.

После освобождения от пут, Чадо выбралась из подвала. Отплевываясь от неприятного вкуса, оставшегося на языке после перегрызания сухожилий, которые, слава Ньютону, не являлись человеческими, Чадо осматривала помещение. Воду, что гигант дал Чадо в подвале, Чадо потратила на сухожилия, дабы ускорить процесс, а потому сейчас Чадо интересовало, чем бы подкрепиться и что попить. Вода нашлась быстро, ибо Чадо уже знала, где гигант ее хранит. Еда тоже нашлась, на удивление быстро. Небольшой сверток, вроде тех, что гигант обычно брал с собой, лежал рядом с выходом. Чадо не думая принялась хозяйничать в доме, словно Машенька в доме медведя. Поев и попив, не торопясь, тщательно разжевывая каждый кусок, чтобы тот как можно лучше усвоился, Чадо принялась искать одежду. Большая часть костюма уцелела, но лишь нижняя его часть, а вот верх нужно было чем-то закрыть. Те тряпки, что гигант дал Чадо, от холода не защитят, а скорее просто для скрытия наготы. Чадо знала, где гигант держал шкуры, но их нужно было соединить в подобие одежды. На кройку и шитье времени особо не было, а потому Чадо прибегла к психомедецине, к тому же приему, что она использовала с сухожилиями. Частично оживив шкуры, Чадо принялась сращивать их, придавая им вид шубы. На сращивание уходило много сил, но все это входило в расчет. На изготовление ушло почти два часа, но результат себя оправдывал с лихвой. Творение Чадо вызывало сильнейшее отвращение, ибо сделана шуба была не из искусственно выращенной шерсти, а из настоящей! Каждый кусок шубы был когда-то живым и в определенном смысле разумным! Ужас… Но успокаивала одна мысль – всех их убила не Чадо.

- О чем я думаю… - укоряла себя Чадо. – Их убила не Я! А значит все хорошо?! Чем моя голова забивается? Бежать… Нужно срочно бежать отсюда!

Чадо накинула шубу, собрала провизию и стала перебирать в голове все ли взяла? Вроде как все, но что-то смущало, словно что-то все-таки забыла. Бывает такое чувство, когда куда-то собираешься и вроде все готово и собрано, а нет, все равно есть чувство, что что-то забыл…

Чадо осмотрела комнату, на всякий случай спустилась в подвал и оглядела помещение. Взгляд остановился на дорожном знаке пешеходного перехода. Среди прочего выделяющегося хлама, именно этот знак выделялся сильнее. Знак выглядел так, как обычно выглядит фетиш, как объект особой ценности, но вот только ценность этого знака Чадо был не известен. Чадо как экзоархеолог, еще в первый день пребывания в этом подвале отметила для себя эту особенность знака, но вот заниматься его изучением желания не было. Какое-то время Чадо глядела на знак, словно любуясь картиной в галерее, но после, чуть задумавшись, отвлеклась и продолжила осмотр помещения.

- Нет, все… Все, что нужно взяла, - заключила Чадо.

***

Участок пересечения КАДа и ЗСД был словно огромным, в несколько квадратных километров, островом посреди болот. Сами же болота были обычными болотами – вода, грязь, живая и мертвая растительность. Правда вот живая растительность сейчас еще спала, а потому она своим видом смешивалась с мертвой. Остров посреди болот больше походил на участок по лесоразработки, только без спецтехники. Святогор обходил свои охотничьи владения и проверял силки, капканы и водные ловушки. Большая часть была либо пуста, либо сломана, а того, что все же попалось, было с гулькин нос. Но Святогора это не удивляло, ибо время года особо не располагало на богатую добычу.

Поздней весной и до самой осени болота были богаты грибами и ягодами, но из-за того, что большая часть были ядовитыми, и Святогор это хорошо знал, интерес к богатствам болот он потерял очень быстро. Сейчас же, ранней весной, болота были богаты мелкой живностью. Но эти твари юркие, пронырливые, а многие еще и скользкие, а потому ловить их, то еще удовольствие, но Святогор ловил. Да, еды дома было в достатке, но странное, пугающее чувство, словно в какой-то момент может настать время, когда еды не будет, сильно и давно тревожит Святогора, а потому – больше, больше и еще раз больше! Порой Святогор сравнивал это с историей русского человека, которая берет начало во времена Великой Отечественной войны. Тогда люди голодали и голод на долгие сто лет вперед сделал из людей нацию нехвата. Вроде еды вдоволь, а все равно запасали, словно не сегодня, так завтра очередная война. Правда, порой мысли Святогора разбавляли иные соображения. Порой Святогору казалось, что он не более чем животное, которое ест и никак не может насытиться. Потому все его мысли забивала лишь – еда, от того и запасы, потому, что ничего другого ценного в жизни Святогора и нет. Как оно на самом деле?

Пройдя несколько километров и собрав все что было, Святогор решил сделать привал и перекусить. Найдя для привала удобную полянку, Святогор снял рюкзак и раскрыл его. Пошарив рукой в рюкзаке, ища и не находя того, ради чего сунулся в рюкзак, Святогор начал волноваться. В рюкзаке было много чего, но одного он не мог найти – еды. Вытряхнув рюкзак Святогор понял, что забыл сверток дома.

- Твою ж… - обреченно произнес Святогор.

Слабая злость накатила на Святогора. Сочтя, что виной того, что он забыл еду, целиком и полностью на девчонке, Святогор со злостью ахнул рюкзак о землю.

- Удавлю… - зло произнес Святогор, пытаясь взять себя в руки.

Делать было особо нечего и Святогор принялся перекусывать добытым мясом. Добытое мясо можно было пустить на суп, а в чистом виде, убрав все кости и потроха, самого мяса, как говорится: «На один зуб». Для утоления аппетита добычи не хватило и потому, пока Святогор ел, он решил проверить главное болото – Сестрорецкое, которое существовало еще до войн. В этом болоте у Святогора стояли капканы и ловушки на крупную дичь, но проверять их сейчас было рано, но Святогор все же решил проверить, на всякий случай. Стресс усиливал голод, а потому именно голод сейчас больше заставлял думать.

До Сестрорецкого болота Святогор добрался быстро, менее чем за час, но вместо пойманной дичи нашел нечто другое. Часть капканов были не то чтобы пустыми, а начисто отсутствовали, словно их кто-то забрал. Святогор ставил капканы на совесть и на крупную добычу. Кто мог попасться в них, да еще и уйти своим ходом вместе с капканами - уму непостижимо… А может и не своим ходом? Святогор принялся осматривать следы у одного из капканов. Добыча явно не ушла своим ходом, но Святогор твердо знал, что в округе нет людей, но судя по тем же следам, именно люди помогли, правильнее будет сказать – унесли.

- Может с севера? Или с запада? – тихо произнес Святогор. – Странники какие-нибудь?

Мысль о возможных людях Святогора не ободрила, а скорее - напротив. Однако тщательно все обдумать Святогору не дали. Источник проблемы, которая возникла перед Святогором, явил себя в лице трех человек. Они стояли за спиной Святогора и приняли его за крупное животное, а потому и не задумываясь, навели свое оружие на него. Вооружены странники были арбалетами. Когда один из троицы зарядил болт в свой арбалет, слабый, но отчетливый щелчок механизма, что удерживает тетиву, заставил Святогора обернуться.

По всей видимости, троица была уже тут и Святогор попросту их не заметил, а потому сильно удивился, когда увидел трех вооруженных и целящихся в него людей. Святогор стоял и молчал, а троица людей в странных одеждах, чем-то напомнившие Святогору римские латы, но из бумаги, покрытой какой-то смолой, вытаращив глаза, стояла и осматривала Святогора. Они выглядели, словно огромные раскрытые шишки, отлично сливаясь при этом с окружением. Кроме их странных одеяний, странным было и оружие – арбалеты и короткие мечи, словно выкованные из арматуры. Еще на поясах висели странные длинные трубки из дерева. Крайний слева от Святогора не удержался и нажал на спусковой крючок. Святогор среагировав, попытался увернуться, но не успел и болт угодил в левое плечо. Человек явно целился в сердце и, если бы Святогор не среагировал, он туда бы и попал. Не сговариваясь, остальные тоже открыли огонь по Святогору. Один болт прошел мимо, а вот второй задел, рассекая острым наконечником кожу на спине Святогора. Святогор же, пытаясь увернуться, повалился на землю. Троица принялась перезаряжать арбалеты, а Святогор видя, что у него появился шанс, бросился в атаку.

Глаза Святогора блестели золотом, а сам он ревел словно потревоженный во время спячки медведь. Святогор взял на таран одного из людей и со всей силы ударил его о дерево. Однако человека это не убило. От страшного перелома позвоночника человека спасли латы, но вот оглушить его все же оглушило. Видя, что двое других перезарядили арбалеты и уже целятся на Святогора, он вскочил на ствол дерева. В этот момент два стремительных болта угодили прямо в грудь третьему, но латы это не пробило. Святогор обрушился с дерева на двоих незадачливых стрелков и принялся их колотить. Странные латы не поддавались деформации и когда Святогор понял, куда следует бить, третий уже пришел в себя и зарядил арбалет. Переключившись на третьего, Святогор, подобрав камень, со всего маху зарядил его в лицо человеку. Лишившись лица, тело, с разбитым черепом, упало на землю и забилось в конвульсиях. Двое оставшихся людей попытались встать, но Святогор не дал им этого сделать. Разъяренный до предела, Святогор схватил одного за ногу и словно битой ударил второго, а после принялся дубасить второго первым. Святогор продолжал бить, пока не выбился из сил. В руке Святогор держал оторванную ногу, а взгляд был устремлен в пустоту. От двух людей осталась лишь груда мяса, вперемешку с латами. Оторванные конечности были разбросаны в разные стороны, а кровь покрывала несколько квадратных метров земли. Земля еще частично была покрыта снегом, который теперь окрасился в красный от крови цвет.

Святогор глубоко и часто дышал. Такого он не ожидал и в голове копошились мысли.

- Кто они, черт возьми! – тихо произнес Святогор. – Откуда они здесь?! – выкрикнул он. – ЧТО ЗА ХРЕНЬ?! – орал Святогор.

На вопросы ответом была лишь тишина.

- Ответьте мне! – потребовал Святогор.

Но ответом вновь была тишина.

Святогор поднял ногу, которую держал в руке и оглядел ее. Гнев понемногу отступал, уступая место другому чувству. Святогор принюхался и с каждым вдохом злость таяла все больше и больше. В недрах памяти всплыли странные и сладостные воспоминания. Необычно

соблазнительный запах исходил от оторванной конечности, да и от мертвых тел в целом. Святогор вдыхал аромат все глубже и глубже, приближая конечность все ближе и ближе к лицу. Запах принадлежал крови и пахла она сногсшибательно. Тело Святогора затрясла мелкая дрожь, а в животе кто-то словно бы ежился и пытался дотянуться до источника запаха. Тело Святогора расслаблялось и странное, ласкающее чувство растекалось по телу. Святогор вдыхал аромат свежей крови и его посещали ужасные, но сейчас такие желанные мысли. Святогор приоткрыл рот и попытался лизнуть свежую кровь. Когда Святогор лизнул, вкусовые рецепторы словно бы взорвались от безумного и приятного вкуса, а желудок словно бы живое существо, все настойчивее и настойчивее требовало кусочка. Святогор, теряя связь с миром в звенящей тишине, укусил плоть. Тело вздрогнуло от наслаждения. Святогор откусил кусок и принялся жевать. Все вокруг вдруг стало ослепительно ярким и словно бы заполнилось мерцающим блеском. Цвета стали ярче и насыщеннее, а тишина взорвалась канонадой звонов и переливов. Святогор испытывал наслаждение. Он испытывал настоящий гастрономический оргазм.

В какой-то момент в звуках стали различаться голоса, но не ясно, словно говорили вдалеке. Святогор жевал и уже был готов проглотить кусок человеческого мяса, но голоса привлекли его внимание и Святогор, словно бы человек, который только-только проснулся, попытался прислушаться, замерев на месте и перестав жевать. Голоса становились все яснее и громче, но вместе с тем все вокруг заливалось усиливающимся звоном. Когда же звон начал причинять боль, мысли стали проясняться. Святогор выронил оторванную конечность и опорожнил рот, падая на колени, прижимая ладони к ушам. Звон причинял боль, но эта боль отрезвляла и Святогор, увидев разжеванный кусок человеческого мяса, осознал, что сейчас сделал.

Чувство страха вернулось и тело уже тряслось не от наслаждения, а от паники. Святогор задышал чаще, а глаза стали все больше и больше расширяться. Осознание накрывало подобно лавине и тогда Святогор, неуклюже поднимаясь и падая, бросился бежать. Паника гнала его, мысли ворочались, а чудовищный, но такой сладостный вкус человеческой плоти ощущался на языке.

Убежал Святогор не далеко, ибо из-за паники сбил дыхание. Остановившись отдышаться, Святогор увидел кровавые руки, которые тряслись как у прожженного алкоголика. Святогор принялся промывать руки в болотной воде, пытаясь отмыть кровь. Торчащий болт из плеча Святогор выдернул, даже не ощутив боли. Вспомнив, что держал мясо во рту, Святогор принялся полоскать рот. Он усердно пытался избавиться от крови и ее вкуса, а мысли тем временем метались, дергались и искрили, словно оголенный провод, не давая сосредоточиться.

- Верниииись… - произнес хриплый голос.

Святогор в ужасе обернулся, неуклюже падая в воду. Позади не было никого и Святогор, замерев в страхе, насквозь мокрый, вглядывался, пытаясь увидеть владельца голоса. Но вокруг были лишь кривые и тощие деревья, кочки сухих, но жестких трав, редкий снег между кочками и талая вода, а вдалеке слышалось карканье.

- Тебе же понравилось, верниииись! – шипя, произнес хриплый голос.

Святогор заметался на месте, пытаясь высмотреть владельца голоса, но никого не увидев понял, что голос этот из его головы.

- Нет! – воскликнул Святогор. – Я туда не вернусь!

- Тебе ведь понравилось, разве нет?! – хрипел голос.

- НЕТ! – воскликнул Святогор.

- Врешь! – шипя, прохрипел голос. – Я знаю, что понравилось. Дай мне тоже насладиться этим вкусом.

Святогор принялся бить себя по голове.

- Уходи! Прочь! Оставь меня! – кричал Святогор. – Ты просто еще один пустозвон в моей голове! Сдохни, сдохни, СДОХНИ!

- Ха-ха-ха-ха! – прерывисто и хрипя, смеялся голос. – Я слаб, но это пустяк, скоро, очень скоро я стану тобой еще раз и сил не будет уже у тебя!

- Нет! Я человек… Я человек… Я человек… - твердил Святогор, словно заклинание или мантру.

- Утешай себя! Мы – животное! Мы – чудовище!

- Оставь меня! – кричал Святогор. – Я человек… Человек… - произнес Святогор сквозь зубы. – Человек, человек, человек, ЧЕЛОВЕК! ЧЕЛОВЕЕЕЕК!!! – закричал Святогор.

Святогор замолчал, а голос ничего не ответил.

- Я не чудовище… Я не стану… Я… - с трудом произнес Святогор.

Святогор встал. Было холодно, а до дома далеко. В голове царил гам и дабы согреть себя и развеять мысли, чтобы абстрагировать себя от того, что произошло, Святогор побежал. Порой Святогор даже переходил на звериный бег – на всех четырех конечностях, но происходило это не осознано и когда Святогор это замечал, сбивал темп и возвращался в человеческий бег. Пробежка помогала. Мысли рассеивались и голову забивала пьянящая пустота. Эмоции и чувства успокаивались и уже ближе к дому, Святогор пришел в норму, словно бы ничего не произошло.

***

Чадо, не смотря на наличие карты, все же блуждала по руинам Питера и потратила изрядное количество времени, чтобы попасть на север города. Чадо читала, что Питер и до войны был серым и как Англия дождливым местом, но сейчас эта серость была ярко выраженной. Здесь была вся палитра оттенков серого. Каждый кусочек имел свой серый цвет, словно отдельный пиксель экрана, а гамма этих оттенков выдавала монохромный шум и лишь небо, изредка, разряжало голубыми красками.

Добравшись до леса, блуждания Чадо не прекратились. Из-за того, что капсулы предназначались для спасения экипажа, а компьютеры (голофоны) для личного пользования, два этих агрегата не были связаны, а потому найти капсулу при помощи компьютера было возможно лишь перепрошив его. Собственно, этим Чадо, до своего пленения, и занималась. Правда, компьютер не мог дать точного пеленга капсулы, но мог вывести на нее детекторным методом. То есть, как в игре «тепло – холодно». Компьютер настраивался на частоту компьютера капсулы. Компьютер выдавал звуковой сигнал, чем интенсивнее сигнал, тем вернее направление. У Чадо ушел час на то, чтобы отыскать нужное направление, ибо поиски начались на периферии зоны действия. Если Питер был серым и пустым, то вот лес был полной противоположностью. Даже спящий лес не был таким пустым как город. Плюс, в отличие от города и пригородных поселений, которые были словно монолитные интеграции человеческого прошлого, застывшие в этом прошлом, лес был в настоящем и двигался в будущее. Лес жил и поглощал подобно голодному человеку, что ест и не может насытиться.

На поиски ушло несколько часов блуждания по лесу и захваченных лесом пригородах. Деревня Юкки утонула во вьющейся растительности, а вот Порошкино выглядело так, словно под деревней были шахты, которые затопило и за десятки лет почву размыло, вследствие чего земля провалилась вместе с деревней. Капсула же была где-то между двумя деревнями, чуть на север. Местность вокруг капсулы была черной, снега не было вообще, от чего на общем фоне место падение больше походило на плешь или скорее огромный, черного цвета лопнувший прыщ.

Первым делом Чадо осмотрела местность. Уже начинало темнеть, и нужно было как можно быстрее добыть данные о ближайших базах или зонах, с которых можно было бы подать сигнал, чтобы забрали с планеты. Капсула все еще функционировала, но сильно пострадала. Чадо проверила систему и выяснила, что один из осколков пробил броню и стал причиной выхода из строя нескольких систем. Капсула способна пережить падение на планету, но не смогла устоять перед крошечным куском мусора, а причина была очень проста – скорость! Капсула при падении на поверхность планеты развивает скорость не более восьми сотен километров в час, что обусловлено законом Ньютона, в то время как суммарная скорость, еще будучи в космосе, капсулы и куска мусора, из-за движения на встречу друг к другу, равнялась нескольким тысячам километров в час. На такой скорости усиленная броня была для крошечного снаряда не мягче масла. Снаряд вывел из строя системы, а крупный мусор сбил капсулу, бросая ее во власть Земной гравитации. Из-за сбоя систем, криоген стал поступать в организм в чрезмерных количествах, от чего Чадо и получила отравление. Однако сама капсула, несмотря на повреждения, все еще была исправна и архивы были не повреждены. В базе данных компьютера капсулы хранились координаты всех еще действующих зон кита и законсервированных баз. Из данных Чадо выяснила, что ближайшая база расположена - в Выборге, а ближайшая зона - в Рускеале. До Выборга чуть более ста километров, а до Рускеалы двести, но в Рускеале - зона, а Выборге - база. Опять но! В Выборг формально прямая дорога, а до Рускеалы - кривая, которая увеличивает расстояние еще на полсотни километров. Снова но! Исходя из снимков, дорога до Выборга покрыта лесами и болотами, заполненными неизвестно чем, а вот до Рускеалы больше поля и скалистая местность. Еще раз но! Припасов и сил мало, а потому до Выборга выгоднее, но…

Чадо думала и пыталась решить куда направиться. Исследование карты затянулось и Чадо не заметила, как стемнело. После часа взвешиваний всех за и против, Чадо все же выбрала – Выборг. Загрузив данные в голофон, Чадо поискала хоть что-то полезное в капсуле, но поиски были прерваны странными звуками. Чадо замерла вслушиваясь. Различалось отчетливое карканье и слабый вой. Чадо высунулась из капсулы и огляделась. На темнеющем небе появились силуэты птиц. Это были вороны, одни из немногих птиц, которые, несмотря на все, сохранились и не подверглись мутациям. Вдали, откуда-то с востока, доносился вой и этот вой становился громче. Чадо, выбравшись из капсулы, направилась на запад, в сторону Выборга. Сто километров, технически, можно преодолеть за двое суток, сил и выносливости у Чадо хватит, но сейчас надо убраться подальше. Видимо работа капсулы кого-то привлекла и это скоро будет здесь, а потому нужно найти укрытие, где можно будет заночевать. Судя по картам совсем рядом, чуть севернее Юкки, есть деревня Дранишники, где и можно будет найти ночлег. Добравшись до деревни, Чадо пересекла одноименный ручей и огибая бетонную ограду выбралась на остатки Приозерского шоссе. На Березовом переулке, заросшем вьюном, Чадо догнали твари.

Тварей было восемь: семь в человеческий рост, рыжих собакоподобных тварей, с осьминожьими головами, за щупальцами которых скрывались грозные клювы и один, по-видимому - вожак, самый крупный, покрытый шрамами и седым волосом. Твари окружили Чадо и принялись кружить вокруг, пытаясь сбить Чадо с толку и выжидая момент, когда напасть. Однако планы тварей закусить свежим мясом разом рухнули, ибо Чадо их всех опередила, нанеся по всем пси-удар. Твари опешили и кольцо разорвалось. Три твари, в ужасе бросились прочь, а остальные пять, включая вожака, остались и оскалились. Твари принялись рычать и скалиться. Рычание

больше походило на утробные звуки или отрыжку, но звуки были очень низкими, что и придавало рычащий оттенок. Чадо вновь ударила и твари заметались, словно дворняги от звука выстрела.

Чадо готовилась нанести еще пару сильных пси-ударов, дабы деморализовать тварей и те в страхе разбежались, а после и не думали приближаться более, но планы порушил неожиданный гость. С востока, со стороны леса, бежал кто-то с криком: «Белль!»

***

Святогор вернулся домой. Истощенный физически и психологически, он вошел в недра дома, надеясь заесть неприятные воспоминания. Но уже на пороге Святогор замер понимая, что в помещении что-то не так, как было до ухода. Святогор нашел на столе раскрытый и пустой сверток с провизией. Сверток был, а вот провизии нет. Значит, ее кто-то съел. Кроме этого, наличествовали и другие следы деятельности, но Святогор остановил взгляд на свертке. Постояв какое-то время глядя на сверток, Святогор увидел открытый подвал и уже понимал кто его открыл, и кто все это здесь учинил. Святогор поспешно спустился вниз и увидел, что девчонки нет. Он в гневе своротил попавшую под горячую руку мебель, выбрался из подвала и стал метаться по комнате, судорожно соображая.

- Дура! – произнес Святогор. – Дура! Дура! Дура! – без умолку повторял Святогор. – Хотя стой…

Святогор остановился и задумался.

- А и хрен с ней… - произнес Святогор, понемногу успокаиваясь. – Сдалась она мне… Пусть валит куда хочет, но не дай Бог она верне… - недоговорил Святогор, замерев от поразившей его мысли. – ДУРА! – Воскликнул Святогор.

Невысказанное слово «вернется» натолкнуло Святогора на мысль, что она хочет вернуться к себе, а она вроде как интересовалась капсулой, значит она ей нужна, а значит она к ней направилась, а это значит… Святогор застыл.

- Она направилась в Северный лес! – с ужасом в глазах произнес Святогор. – Я же ей говорил, что сейчас туда опасно, ДУРА! – воскликнул Святогор. – Вот же тупая… - он замер. – Нет, нет, нет… Плевать… Туда ей и дорога, пусть подохнет…

- Леша… - произнес человеческий голос. – Ты действительно бросишь ее?

- Да! – зло ответил Святогор. – Сама виновата, вот пусть теперь и подыхает.

- Даааа… - шипел другой голос. – Правильно!

- Завалитесь! – крикнул Святогор. – Прочь из моей головы сволочи!

- Мы не можем Леша, - произнес человеческий голос. – А если ты хочешь быть человеком, то бросив ее на верную погибель, это как самому же ее убить, ты же не хочешь этого?

- Что?! – недоуменно произнес Святогор. – Она сбежала, а я ее предупреждал, моя совесть чиста!

- Верно! – шипел голос.

- Завались! – крикнул Святогор.

- Ты просто тешишь себя иллюзией.

- А мне это только и остается… Все равно мне тут подыхать, жизнь какой-то суки меня мало волнует…

- Тебя волнует твоя человечность, а значит и ее жизнь должна волновать, - заключил человеческий голос.

- С чего это вдруг?

- Нас тут больше и одного из нас ты даже боишься. Если ты ее не спасешь, он победит.

Тело Святогора содрогнулось мелкой дрожью, дыхание усилилось, по телу разлился страх, а в мыслях встали образы растерзанных тел и то, как Святогор пытался их съесть.

- ААА! Черт ее дери! Ладно! – выкрикнул Святогор, отбрасывая силой стол в сторону и выбираясь на улицу.

Святогор бросился обратно, тратя остатки сил. Для подготовленного человека четыре или пять десятков километров за сутки – это испытание на выносливость. Но Святогор давно уже не человек и за свою жизнь прошел не один десяток ТЫСЯЧ километров, а потому для Святогора даже сто и сто пятьдесят километров - пустяк. Пустяк, особенно сейчас, ибо сейчас Святогор гнал как зверь, как адский пес!

Несмотря на все завалы и препятствия руин города, несмотря на сравнительно густой лес, голод и усталость, в зверином темпе, гоня словно подгоняемый самим дьяволом, Святогор преодолел дистанцию за каких-то полтора часа, достигнув за этот день отметки в сто пятьдесят километров. Взъерошенный адреналином Святогор добрался до капсулы, но Чадо у нее не нашел. Однако нашел множество следов, которые уходили на запад. Святогор не теряя времени, направился по следам. Приблизившись к деревне Дранишники, Святогор услышал рычание тварей, от которого остановился. Подумав и поколебавшись, Святогор ринулся дальше, с ускоренным темпом. Входя в деревню, двигаясь на звуки, он увидел, как твари метались вокруг девушки и рычали, желая ее разорвать. Святогор хотел ее окликнуть, но вспомнил, что так и не узнал ее имени. В голове крутились имена и он наобум выпалил одно имя.

- БЕЕЕЛЛЬ! – заорал Святогор.

Почему он, Святогор, выдал именно это имя, было не ясно. Это имя вырвалось откуда-то из-под сознания, но Святогор не задумывался о том, почему он назвал девчонку именно так, сейчас это было не важно, сейчас было важно привлечь ее внимание.

Внимание Святогор привлек не только девчонки, но и тварей. Твари же мгновенно переключились с девушки на более доступную добычу - Святогора, а Чадо пораженная происходящим тупо уставилась на гиганта с открытым ртом. Святогор же с ходу принял бой и набросился на тварей. Бой был не равный, пятеро против одного, но Святогор был крупнее и хоть забег и выбил его из сил, адреналин заставлял его игнорировать боль и с неистовством берсерка крушить противников. Твари принялись кусаться и рвали плоть Святогора острыми когтями, а Святогор бил, хватал, швырял и молотил тварей, которые облепили его словно голодные крысы. Контролируемая обстановка в момент превратилась в свалку копошащихся тел. Святогор повалился на спину, насмерть раздавив одну из тварей. Перекатившись, Святогор сбросил часть созданий, а тем, что в него вцепились мертвой хваткой, Святогор надавал по их осьминожьим головам кулаками. Встав на ноги, Святогор разогнался и приложил тварь на его плече к бетонной стене, размазав голову в кровавую кашу. Чадо попыталась вмешаться, но все происходило так хаотично, что сосредоточить пси-удар не получалось. Чадо пыталась придумать, что делать, но все происходило столь стремительно, что путные мысли просто не приходили в голову. Чадо заметила

у порога одного из домов лопату, покрытую сухим вьюном. Не думая, Чадо схватила лопату и, стараясь привлечь к себе внимание, пыталась бить тварей по хребтам. Святогор схватил одну из тварей и использовал ее в качестве дубины, припоминая способ, которым он разделался с людьми в латах, отгоняя прочих созданий. Твари рассредоточились. Одна из тварей, заметив Чадо, бросилась на нее. Намерениями Чадо было – оглушить, но никак не убивать! Но когда одна из тварей стремительно бросилась на нее, Чадо только и успела, что подставить лопату, словно копье. Бросившаяся тварь тут же была пронзена тонким металлом, обдав Чадо брызгами крови. Чадо в ужасе вытаращила глаза и открыла рот. Она не хотела убивать тварь, но все произошло слишком стремительно. Чадо от веса твари отпустила лопату, роняя пронзенное создание. Тварь, нанизанная на лопату, какое-то время корчилась, а после замерла. Чадо с ужасом глядела на содеянное. Святогор уже изрядно изодранный и искусанный, боролся с оставшимися двумя тварями. Одна из тварей сидела на спине и все пыталась дотянуться своим клювом до горла Святогора, а вторая кружила, выжидая подходящий момент, готовясь броситься и вцепиться своим клювом в горло. Святогор, увидев лицо Чадо закричал:

- Беги!

Чадо оторвала взгляд от убитой ею твари и уставилась на Святогора.

- Что ты смотришь, беги! – ревел Святогор.

Чадо, не соображая, бросилась бежать, оставляя Святогора. Сам Святогор продолжил борьбу.

Чадо бежало без оглядки. В голове была каша и ни одной связной мысли, лишь странное и неописуемое чувство, на которое организм не знал, как реагировать. Чадо бежала и почему-то смеялась, ужасаясь от осознания того, что она сейчас смеется. Организм не знал, как ему реагировать и потому, идя по пути наименьшего эмоционального сопротивления, отреагировал самым простым образом – смех. Но этот смех пугал и гнал Чадо прочь. После нескольких минут бега, удалившись на приличное расстояние, Чадо остановилась, пытаясь собрать мысли в кучу.

- Стой… - запыхавшись от сбитого дыхания, произнесла Чадо.

- Он… Он же там погибнет! – произнесла сама себе Чадо. – Нет, стой… Я не могу, нельзя!

Чадо стояла и часто дышала, глядя в сторону, откуда убегала.

- Но… Он ведь спас меня, верно? Нет… Он все испортил! Стой… Стой… Но он ведь этого не знал, так? Так. С его ведь стороны это выглядело как нападение, откуда ему было знать, что у меня все было под контролем?

Чадо замерла, а дыхание выравнивалось.

- Он держал меня в плену, - произнесла Чадо уже спокойно, но с легкой злостью. – А кто виноват? Кто меня за язык тянул?

Дыхание вернулось, а мысли стали более конструктивными.

- Погоди. Он спас меня из капсулы, одну жизнь я ему… Нет стой! Это не разумно. Или?..

Чадо задумалась.

- Да чтоб тебя! – произнесла Чадо сквозь зубы, прикрывая глаза ладонями.

Чадо терзали сомнения и она никак не могла решиться.

- Так! – произнесла Чадо, отрывая руки от лица. - Давай взвесим! – быстро соображала Чадо. - С одной стороны - он спас нам жизнь, а с другой стороны - он хотел меня убить… С одной стороны - я сама виновата в этом, но с другой стороны - я его забрать не смогу и тогда какой толк спасать его?! С одной стороны - он спас меня сейчас и, судя по всему, приказал бежать, чтобы спасти меня, но с другой стороны - он все испортил!.. Да что б тебя! Почему так сложно сделать выбор?! Хоть один аргумент в одну из сторон! Быстрее!

Чадо вновь закрыла глаза ладонями.

- Еще раз! - произнесла Чадо, вновь отрывая руки от лица, закрывая глаза и складывая ладони в задумчиво-умоляющем жесте. – Его сильно ранили, а значит, если его там не убили, за свою жизнь я могу отплатить - лишь вылечив его, но тогда я потрачу остатки сил и ресурсов, а значит не смогу дойти до Выборга. Однако! Если я его спасу, можно попробовать заключить мир и попросить его о помощи. А с чего я взяла, что он согласиться помогать? Плата… Нужна плата! Быстрее!.. Скажем – вернуть ему человеческий облик, идет?

Чадо задумалась.

- Что я делаю… - сокрушенно произнесла Чадо. – Что я делаю?! Я торгуюсь… А почему? Я что? Я обязана? Да и почему я вообще об этом беспокоюсь? – судорожно и меланхолично произнесла Чадо. – Он мне никто, он просто чуд… Нет… он человек, просто…

Чадо вновь задумалось.

- Что это? Я проникаюсь чувством сожаления к этому… Этому… Что это? Начало стокгольмского синдрома? – произнесла Чадо, чувствуя, что ей действительно не безразличен гигант. – Нет! Не думай! Выкинь из головы!..

Чадо вскочила и, заметавшись на месте, пыталась решиться убежать. Однако, задумчиво остановилась глядя в пустоту.

- А если он вновь меня пленит? – тихо произнесла Чадо. – Нет… Он хочет быть человеком, но он старый человек – землянин. Он чувствует и принимает все слишком близко к сердцу. Он хочет быть хорошим, но… Он сейчас, так же как и я – на перепутье! Словно монета, упавшая на ребро, так и не определившись с выбором.

Чадо задумалась и приняла решение.

- Ладно, синдром или корысть, не важно, лучше опираться на корысть – я ему, а он мне! И точка!

Чадо, определившись, вернулась обратно. Место, на котором все произошло, было усеяно трупами и кровью, но среди всего побоища не было одного – гиганта. Чадо принялась осматривать тела, среди которых, а вернее под некоторыми нашла гиганта. Два тела лежали поверх гиганта, скрывая его из виду. Чадо откинула трупы тварей, обнажив гиганта, который лежал без признаков жизни. Раны гиганта были очень серьезными, а крови вокруг было столько, что трудно было сказать, чьей тут больше – тварей или гиганта. Чадо присела, дабы проверить - жив ли гигант и когда Чадо его коснулась, гигант чуть дернулся, еле-еле приоткрыв глаза и рот. Увидев Чадо, Святогор, с огромным трудом, сипло прошептал:

- Уходи…

- Я не могу тебя бросить, - судорожно произнесла Чадо.

- Уходи! – продолжал Святогор. – Дай мне спокойно сдохнуть.

- Я тебе должна.

- Плевать… - перебил Святогор. – Я все прощаю.

- Я не могу, не могу дать тебе умереть! Это… Это неправильно…

- С чего это вдруг?

- У нас жизнь ценят, даже таких как эти твари.

- Ха… Ха… Ха… - выдавил хриплый смех Святогор. – Ты серьезно? А та тварь не в счет? - Святогор поглядел на зверя с лопатой в груди. – Жизнь цените? А это что?

- Это… Это случайность… - пыталась оправдаться Чадо.

- Ха… Ха… Ха… А война - это тоже случайность? – зло произнес Святогор.

- Необходимость… - печально ответила Чадо.

- Ага… Это называется двойные стандарты, как у всех сволочей, что борются за жизнь уничтожая ее.

- Я могу все это объяснить, но боюсь, у тебя нет ни желания, ни времени. Я вернулась, чтобы отплатить тебе за спасенную жизнь. Я спасу тебя, а ты взамен пообещай, что не попытаешь вновь убить меня.

- А нахрена мне такая жизнь? – с трудом произнес Святогор, бледнея на глазах. - На кой черт мне такое существование? А?

- Я могу вернуть тебе человеческий облик.

Святогор посмотрел на Чадо иначе. Злость сменилась печалью, покрытой тенью надежды.

- Облик? А нахрена он мне? Чтобы продолжать жить в этой жопе?

- Нет, я могу попросить, чтобы тебя переселили на один остров, людей там почти нет, но там природа такая же, как и до войны.

- Правда, что ли? – стуча зубами произнес Святогор.

- Да, - положительно кивая, ответила Чадо.

Святогор с трудом соображая и тяжело дыша, бледный словно поганка, пытался думать.

- Звучит здорово… - Святогор заплакал. – Ты правда это сделаешь? Не врешь? Скажи, что не врешь?

- Нет, - ответила Чадо, но Святогор ее не услышал.

- Скажи, что не врешь, пожалуйста! – плача и сипя, произнес Святогор.

Святогору становилось все хуже. Глаза все чаще и чаще моргали, а тело начинала бить судорога.

- Я ведь человек… П-п-понима-ма-ешь? Я ведь п-просто старый и всеми брошенный человек… - сипел Святогор, стуча зубами как от сильного холода. - Я не хот-тел и не хочу становиться ч-чудовищем… Я не х-хотел этого… - Святогор уже рыдал. – Я в-ведь человек… Я не желал этого, м-меня лишили вы-выбора, а я… Я… Я…

Чадо хотела ощутить его, но не могла… Святогор был лишен связи, а потому его чувства для Чадо были подобны глухой стене. Гигант – человек, запертый в теле чудовища. Плачущий демон, что сейчас изливал сок своей проклятой души. Святогор был единственным, кто был так

рядом с Чадо, и в то же время так далеко… Чадо была вдали от прочих подобных себе, от общей связи, наедине с умирающим гигантом. Она испытывала лишь гнетущее одиночество. Страшное и прожигающее насквозь чувство – одиночество…

Чадо, очистив голову от всех мыслей, принялась готовиться к лечению, но остановилась, видя, как Святогор из последних сил поднял руку и тянулся ею в пространство, словно бы пытался кого-то коснуться. Глаза Святогора горели золотом, но взгляд в них погас. Чадо знала, что это за взгляд. Название этого взгляда - «Взгляд на две тысячи ярдов». Отрешенный взгляд, взгляд в никуда – в пустоту, который был отчетливо опознаваем даже с такими как у Святогора глазами.

- Вы ведь тоже не хотели этого… Вы ведь тоже были лишены выбора… - шепотом произнес Святогор, обращаясь неведомо к кому.

Чадо решила, что Святогор бредит. После нескольких секунд нерешительности, Чадо продолжила готовиться к лечению, настраивая себя на нужный лад, а Святогор сокрушенно уронил руку. Он не бредил, просто видел силуэты людей. Безликие и бесформенные, они толпились вокруг умирающего Святогора и готовящейся не дать ему умереть Чадо. Все они словно бы с интересом наблюдали за всем происходящим, словно толпа зевак, но лиц у них не было и все их действия лишь угадывались.

- Я не хочу становиться одним из них… - прошептал Святогор.

- Кем? – недоуменно произнесла Чадо.

- Призраком, одним из них, - произнес Святогор, указывая пальцем, не отрывая руки от земли.

Чадо со странным выражением удивления обернулась, но позади, куда указывал Святогор, никого не было. Когда Чадо вернула взгляд, Святогор уже был без сознания. Понимая, что более времени нет, Чадо принялась за дело. Она приложила руки к телу Святогора и ощутила, как сосет под ложечкой. Какое-то мгновение Чадо колебалась и слепо глядела в пространство, но окончательно решив все, она начала лечение.

Поток пси-энергии Чадо хлынул в тело Святогора, стимулируя каждую клеточку. Раны начали заживать практически прямо на глазах, а Святогор, с той же черепашьей скоростью худеть. Пока Чадо лечила Святогора, на время их общего контакта, ее сознание проникло в Святогора и она увидела подсознание гиганта.

Перед Чадо предстал пустой и мрачный город. Это не был Питер, Москва, Владивосток или еще какой город. Этот город был словно соткан из десятков и сотен городов. Все окна были темными и словно бы покрыты белесой пеленой. Улицы были полны мусора, пыли и газет, и лишь слабый ветер гонял легкий мусор по улицам. Небо над городом было темно-синим, как в последние мгновения заката или самые первые минуты рассвета. Чадо подняла правую руку и ее кисть загорелась ярким светом, освещая мрак. Она брела по улицам в поисках владельца этого подсознания. Город был словно лабиринт, но кого Чадо встретит? Человека или минотавра? Человека или чудовище?! Кто здесь властвует?

Что-то мелькнуло, быстро и почти незаметно. Чадо обернулась, но никого уже не было.

- Простите! – раздался человеческий голос.

Чадо тут же обернулась. Перед ней стоял человек, вполне опрятного вида, благодушный, но какой-то полупрозрачный, словно призрак.

- Простите, не знаю, как вас зовут. Но вы ведь она? Та девушка?

- Возможно, - нерешительно отозвалась Чадо. - А Вы кто?

- Я… Собственно… - человек задумался.

- Мы это он! – грубо ответил шипящий голос позади Чадо.

Она обернулась, позади нее стоял такой же человек, но менее опрятный и тоже полупрозрачный.

- А Вы тут как оказались, а?! – тем же недовольным голосом отозвался шипящий.

- Я и такие как Я умеют это делать.

- Вы пришли помочь нам? – спросил опрятный человек.

- Надеюсь, что да, - отозвалась Чадо, оборачиваясь.

- Хорошо, нам ваша помощь будет очень нужна!

- Нет! – возразил шипящий. – Вали отсюда! Это из-за тебя - все это! Жаль он тебя не прикончил!

- Сей! – благодушно произнес опрятный. – Отстань от нее!

- Ага, щас! Из-за этой дуры Алексей стал таким, из-за этой дуры у Алексея есть еще один, который сосет из нас все соки!

- Сей! – воскликнул опрятный.

Чадо не церемонясь схватила Сея за горло и подняла его над землей. Кисть Чадо светилась ярким и обжигающим Сея светом. Сей корчился и кричал от боли.

- Прошу вас! Отпустите его! Он, как и Я – это часть Леши! Мы важны!

Чадо тут же отпустила Сея и он принялся кашлять.

- Дура… - с трудом выдавил Сей.

- Пожалуйста! Только без насилия! Мы и так… Оно скоро поглотит нас и останутся только Леша и Оно, а когда Леша потеряет силы, то Оно займет его место…

- Как вас зовут и что за Оно? – спросила Чадо, недовольно глядя на Сея.

- Ах да, меня зовут Алек, а Оно – это третий, он вроде нас, но он был еще до нас и… Мы точно не знаем кто Оно на самом деле, но Оно постоянно спит. Правда, иногда просыпается и Оно очень страшное.

- Можете показать, где это Оно?

- Да! – весело отозвался Алек.

- Сума сошел?! – возразил Сей.

- Она пришла помочь, так может она сможет остановить его?

- Не верю, - грубо ответил Сей.

- Вот ты циник…

- А где сам Алексей? – перебила Чадо.

- Леша? – переспросил Алек.

- А хрен его знает, мы и сами не знаем, где он… - ответил Сей.

- Ладно… Тогда покажите мне ваше Оно.

Троица отправилась к безымянной станции метро на бумажной улице. Станция была словно бы далеко, но в тоже время и очень близко. Время текло очень странно, а расстояния вело себя еще страннее. Вход на станцию был в виде спуска в подземный переход, из которого тянулся осязаемый мрак и холод.

- Оно там, - произнес Алек.

- Спасибо, - ответила Чадо.

- Только, не убивайте его, он тоже важен!

- Я только посмотреть. Мне нужен Алексей, если я его не найду, он впадет в кому, а потому - найдите его вы.

- Ты чо глухая? Тебе же сказано – хрен его знает, где он! – произнес Сей.

- Алек, дайте руку, - произнесла Чадо, не обращая внимания на Сея.

Алек протянул свою руку и Чадо коснулась своей рукой. Свет Чадо перешел к Алеку, но он не обжигал, а скорее даже делал приятно. Кисть Алека тоже засияла.

- Чем ярче будет гореть свет, тем вы ближе, - пояснила Чадо.

- Я понял! – воскликнул Алек. – Пойдем, - произнес Алек, обращаясь к Сею.

Алек и Сей покинули Чадо, а сама она спустилась в подземелье, освещая мрак горящей бархатным светом кистью руки.

Переход, как и вестибюль метро, были серыми, словно бы выцветшими. Путь на платформу лежал через неработающие эскалаторы, но Чадо остановилась, привлеченная странным силуэтом. Она подняла руку, дабы осветить силуэт и увидела, что это чья-то тень. Но не было того, кто бы ее отбрасывал. Тень стояла и держала в руке палку, подобно факелу. Чадо подняла руку и несколько раз, словно бы приветствуя, помахала рукой. Голова тени склонилась на бок, а после подняла руку и тоже помахала. После чего тень растаяла, оставив Чадо в недоумении. Какое-то время она стояла, пытаясь сообразить, что это было, но придумать ничего не сумела, кроме как идти дальше.

Спустившись на платформу, перед ней предстал густой, непробиваемый мрак. Чадо шла и не понимала, где тут право, а где лево, где перед, а где зад, но Чадо продолжала идти, веря в то, что ее направление верное. Становилось холоднее. Послышался странный хрипящий звук. В какой-то момент раздался глухой и тяжелый рык, и Чадо замерла. Позади нее доносилось шипение и рычание, словно кто-то тяжело дышал. Чадо медленно обернулась и увидела огромную тварь, вмурованную в покрытую золотой чешуей стену, словно бы тварь и стена были единым целым. Чадо поднесла кисть и осветила спящее существо. Антрацитово-черная кожа создания лоснилась в свете Чадо. Тварь была вдвое крупнее гиганта, из-за спины и на голове торчали густые волосы цвета вороненого пера, а из головы торчали черные оленьи рога. Тварь была тощая и сквозь кожу проступали кости. Конечности были длинными и заканчивались острыми когтями, на длинных фалангах пальцев. Тварь спала. Ее смердящее дыхание навевало страх и ужас. Чадо догадывалась, что это за тварь. У нее у самой была такая, но крохотная и скорее надоедливая, а тут был монстр, тут было чудовище, но как оно таким стало?!

Чадо увидела свет. Это был Алек, который звал ее. Чадо попятилась, не в силах оторвать взгляда от твари. Лишь отойдя достаточно далеко, чтобы ее свет не касался внешности создания, Чадо сумела обернуться и покинуть это место.

Покинув подземелья, Алек обратился к Чадо.

- Мы нашли его, он там! – воскликнул Алек, указывая рукой в нужном направлении.

Алек и Сей отвели Чадо. Идти пришлось долго и она даже удивилась, что время в подземелье и в городе так сильно отличаются. Чадо увидела дом, в котором слабо горело одно окно. Троица поднялась на нужный этаж и Чадо вошла внутрь, оставляя позади Алека и Сея.

- Леша? – произнесла Чадо, увидев сидящего человека.

Святогор сидел на кухне с обреченным видом. В руках Святогора была фотография, на которой были изображены он и его мать. Святогор смотрел на фото и никак не отреагировал на Чадо.

- Леша, я пришла за тобой, пойдем, - произнесла Чадо.

- Зачем? – отозвался Святогор, не отрывая взгляда.

- У нас был уговор, помнишь?

- Уговор? – Святогор обратил внимание на Чадо.

Святогор был далеко не молодым человеком. Однако, его округлое лицо, покрытое морщинами, в сочетании со слабо оттопыренными ушами и черными глазами придавали его внешности молодости.

- Откуда мне знать… Что ты не врешь, что меня не кинут…

- Я готова поклясться, - решительно произнесла Чадо.

- Да?! – саркастически произнес Святогор. – Тогда клянись!

- Я клянусь! Что сделаю тебя обратно человеком. Я клянусь, что доставлю тебя на остров. Я клянусь, что не лгу тебе.

Святогор медленно встал и приблизился к Чадо.

- Не лжешь? – недоверчиво произнес Святогор.

- Клянусь жизнью, - решительно произнесла Чадо.

Святогор задумчиво глядел Чадо в глаза. Молчание затянулось.

- Хорошо… - обреченно произнес Святогор, не отводя взгляда. – Сделаю вид, что поверил тебе. Но! – Святогор сделал паузу, поднимая указательный палец. - Не дай тебе Бог… - зло произнес Святогор.

Святогор какое-то время смотрел в глаза Чадо, а после вышел, проходя мимо Алека и Сея. Алек с печалью поглядел на Алексея, а Сей вышел следом. Алек приблизился к Чадо и произнес:

- Очень Вас прошу, даже умоляю! Постарайтесь не ненавидеть его. Он пережил многое и слишком много потерял. Постарайтесь его понять, хотя бы немного. Он ведь такой не по своей воле, его таким сделали.

Алек взял руку Чадо, ласково погладил ее, улыбнулся отпуская руку и вышел. Чадо, с несколько сокрушенным видом, стояла и думала, глядя в пустоту, посреди типичной квартиры, с

интерьером девяностых или скорее нулевых годов Земной эпохи. Перед Чадо всплыли воспоминания из детства и один разговор с отцом. Какое-то время она стояла так - в тишине и одиночестве, а после развернулась и вышла прочь из квартиры.

Чадо вернулась в реальный мир. В сущности, Святогор тоже вернулся вместе с Чадо, но в сознание он не пришел. Сейчас Святогор спал без сновидений. Психическое истощение Чадо было пропорционально физическому истощению Святогора. Раны Святогора затянулись, не оставив ни пятен, ни шрамов, ни чего еще, чтобы говорило о ранах. Но сам Святогор изрядно потерял в весе, а Чадо ощущала себя как при контузии. Жизни Святогора смерть от потери крови не грозила, но иммунитет его был подорван, а потому, тут – в лесу, найдется немало заразы, что будет способна его убить. Допустить этого было нельзя, а значит, Святогору нужно было провести еще несколько сеансов психомедицины. Вернуться обратно в дом Святогора и речи идти не могло, как и поход в Выборг именно сейчас. Сейчас необходимо было достичь двух главных целей – набраться сил и найти друг с другом общий язык!

Глава 4. Чувства

Человек создал меч, стрелы и бомбы, но…

Самое страшное оружие человека – невежество!

Чадо и Святогор обосновались в одном из домов деревни. Недавнее побоище позволило обеспечить новых временных жителей деревни защитой. Трупы послужили чем-то вроде пугал, для отпугивания мелких тварей. Лечение Святогора затягивалось, но шло в верном направлении. Раны Святогора более не беспокоили, а иммунная система приходила в норму, а вот сил все равно не хватало. Святогор потерял очень много внутренних ресурсов, а пищи катастрофически не хватало. Несколько убитых тварей пошли на прокорм, но основной рацион состоял из растительной пищи. Помимо карт, в архивах капсулы били данные о местной флоре, где были сведения о съедобных и лечебных растениях нынешней Земной эпохи. Хоть Святогор и шел на поправку, все же нехватка сил заставляла его постоянно лежать. Даже банальный разговор давался Святогору с некоторым затруднением.

Святогор лежал на жестком полу и глядел в потолок. Подушкой служила груда истлевшей ветоши, которая когда-то была одеждой обитателей этого дома. Тело Святогора было заметно исхудавшим, и даже были заметны контуры костей, но в сравнении со вчерашним днем он заметно поправился. Чадо приходилось помогать Святогору усваивать пищу, дабы тот как можно скорее набрал недостающий вес. На восстановление ушло почти два дня и где-то столько же нужно еще. Святогор постоянно молчал и лежал, не отрывая взгляда от потолка, лишь изредка отвечая на вопросы Чадо, касательно самочувствия. Чадо же напротив, много двигалась и когда она не занималась Святогором, пыталась скоротать время. Чадо покидала их укрытие и отправлялась либо искать еду и воду, либо просто прогуливалась на соседних улицах. Улицы в деревне, правда, существовали лишь на старых картах, так как в реальности деревню поглотил лес и дома больше походили, из-за сухих вьющихся растений, что покрывали их, на больших мохнатых созданий с пустыми глазницами окон. Все деревянные дома были перекошенными, а из многих даже пробивались деревья. Каменные же дома, то есть из бетона или кирпича, напротив. Большая часть домов стояла, а деревья их обхватывали, словно пальцы гигантской ладони, что скрыта где-то под землей. Правда, некоторые дома все же уступили натиску леса, но таковых было мало.

Чадо сидела у костра, попивая воду из местного ручья и закусывая жестким как резина, и холодным как вода из ручья, корнеплодом. Корнеплод назывался Armozing Rusticana или просто Хринирь. Хринирь напоминал среднее между имбирем и диким хреном, но пах как коньяк и репа, и был приторно сладким. Святогор лежал и пялился, как обычно, в потолок.

- Ты как? – поинтересовалась Чадо.

- Хорошо, - тихо ответил Святогор.

- Нет желания поговорить? – спросила Чадо, откусывая и хрустя хринирем.

- О чем? – сухо ответил Святогор.

- Слушай, учитывая наше положение, я бы лучше наладила между нами хоть какое-то перемирие, пусть даже деловое. Вернее - *лучше* даже деловое.

- Деловое? – произнес Святогор. – Тогда, думаю, стоит начать с аргументов в пользу такого мира.

- Согласна, - ответила Чадо.

- Ты… Как там тебя? – задумчиво произнес Святогор.

- Полли, - ответила Чадо.

- Полли… Хм… - произнес Святогор задумываясь. – Ты обещала, что сделаешь меня человеком и отправишь на какой-то остров, где не такая жопа, как тут. Остров, на котором жизнь такая, как и до войны. А где этот остров? Почему он такой? Как много там людей? И главное – не врешь ли ты? Где гарантия, что ты не кинешь меня?

- Первое, - начала отвечать Полли. - Остров, вернее острова, находятся посреди Тихого океана – это Гавайи. Второе: их полная изоляция от прочего мира дала им возможность пережить все напасти от начала войны и до сего дня. Третье: людей там осталось не много. По разным причинам… Четвертое и пятое: да, я лгала тебе, но у этого есть причина и я ее тебе могу объяснить. Но сейчас я не лгу! А гарантии… Увы, но мне нечем подкрепить свои слова, кроме как просьбой поверить мне на слово или собственной жизнью.

- Думаю, в плане лжи я тебя понимаю… - ответил Святогор.

- Не думаю, - ответила Полли.

- Разве?

- Дай угадаю, ты считаешь, что я лгала тебе, потому, что я с Тейи, потомок тех, кто тебя бросил и если бы ты узнал это, то… В общем, мы это уже прошли, но причина в другом.

- В чем же? – заинтересованно произнес Святогор, обращая взгляд на Полли.

- У нас на Тейе никогда не лгут, не предают и никого и никогда не оскорбляют.

- Хм… - слабо усмехнулся Святогор. – Что-то с трудом вериться, - с сарказмом ответил он.

- Погоди, - остановила Святогора Полли. – Мы все это не делаем по причине наличия связи. Это… - Полли задумалась. – Это, скажем так – биологическая технология, которая объединяет всех обитателей Тейи в некое подобие коллективного разума. Когда я сюда попала, не буду вдаваться в подробности как именно, моя связь повредилась. Я пыталась понять причины этого повреждения и даже пришла к некоторым выводам. Правда сейчас поняла, что прежние выводы неточны, но у меня появилась одна мысль.

- Коллективный разум? – пораженно произнес Святогор. – Это как у… - задумался он. – Пчел там, муравьев и так далее?

- Не совсем, - ответила Полли. – Наш коллективный разум куда сложнее, но в целом, если тебе так проще понять, то да. Суть в следующем - когда я сюда попала, то моя связь, из-за полной изоляции от общего разума, начала атрофироваться и моя психическая защита стала слабеть. Наши разведчики проходили через подобное, но проведенное в изоляции время было слишком коротким, чтобы были последствия, а я тут уже несколько недель, из-за чего моя защита ослабела и я… Поддалась искушению. У нас на Тейе, в плане связи, есть одна проблема, которой обладают основатели и первое поколение. Это те, кому связь была привита уже в некотором возрасте, а не передана по наследству. Эта проблема связана с конфликтом личностей – изначальной и той, что порождена связью. Понимаешь?

- Аааа… - задумчиво произнес Святогор. – Не все, но в целом.

- Ну, так вот! Я из первого поколения, со всеми вытекающими. Когда я тебе впервые солгала, моя связь дала сбой. Я обдумывала причины и пришла к выводам, но сейчас у меня несколько иные выводы. Я полагаю, что причиной всему – изоляция! Из-за нее моя защита ослабела, а так как я в радиусе нескольких десятков тысяч километров один единственный

тейянец, то моя связь начала атрофироваться и я поддалась искушению. Мой программный код связи с каждым днем теряет все больше и больше данных, от чего заложенные правила и критерии переставали давать мне четкие указания и я попала под влияние искушений. Я не могла выдать себя, а ты вопросами настаивал, от чего желание солгать только росло. Потому, когда я поддалась искушению и солгала, моя связь - моя защита дала трещину и я испытала стыд… Из-за мощного чувства, которое я ранее никогда не испытывала, я сломалась и проблема начала расти как снежный ком, что дало дорогу и другим вещам, как например - оскорбления.

- Знаешь, - произнес Святогор, задумчиво глядя в пустоту. – Если бы я не вытащил тебя из той капсулы, которая явственно давала понять, что ты не с Земли. Если бы я не видел своими глазами то, как ты исцелила свои и мои раны, я бы счел все, что ты сказала абсолютным бредом! Но…

- Да… - произнесла Полли, глядя на Святогора. – Слушай, я должна перед тобой извиниться, но прежде позволь оправдаться.

Святогор уже лежал на боку и непонимающе глядел на Полли.

- Я о нас, вернее о том, что сделали мои родители и основатели в целом.

Святогор цыкнул и вернулся в исходное положение, разглядывания потолка.

- Леша, пожалуйста! – настойчиво произнесла Полли. – Я понимаю тебя. По специфике моей профессии я хорошо знакома с историей Земли и землян. Я хорошо знаю, что сделали основатели и каково вам…

- Да неужели? – ядовито ответил Святогор, не отрывая взгляда от потолка.

- Я хочу извиниться перед тобой, но, чтобы ты принял мои извинения - ты должен понять меня, нас! А для этого мне необходимо объяснить то, что ты ни коем образом не мог знать! Нашу историю!

Святогор промолчал.

- Знаешь… - сокрушенно произнесла Полли. – Есть такое слово – рефлексия. В малых дозах она полезна, так как помогает подумать и взвесить. Но стоит увлечься и чрезмерное накручивание, и самокопание приведет лишь к ненависти всего подряд, не желанию понимать и слушать. А мне нужно, чтобы ты услышал и понял.

- Да валяй уже, - злобно ответил Святогор. – Как видишь, я не в том состоянии, чтобы тебя не слушать. Мне только слушать и остается…

Повисла тишина…

- Один мой друг, - произнесла Полли после небольшой паузы. – Однажды сказал: «Если бы наша жизнь была книгой, а ее автор был бы человеком - история, бесконечные праздники и трауры, в книге были бы сатирой, что отражает рефлексию мира». Мы - тейянцы, рефлексируем по поводу того, что сделали, а вы, земляне, рефлексируете по поводу того, что сделали с вами. Сейчас… Сейчас я это так отчетливо поняла, что больше не желаю, чтобы так продолжалось. Прошлого не исправить и накручивать себя… Это глупо. Проблему надо не мусолить, а решать, а для ее решения, ее нужно понимать, понимать с обеих сторон. Нужно не праздновать или скорбеть, а понять, извлечь урок и прошлое занести в учебник как краткую аннотацию, чтобы на вопрос «почему так?» был ответ.

Святогор молчал.

- Чтобы ты понял, вот тебе наша история.

И Полли начала рассказывать историю того, что же произошло с миром за последние несколько десятилетий. История брала начало задолго до войны, когда людям стало известно, что миру грозит страшный катаклизм, причиной которого был человек. Гуманизм вещь правильная, но без четкого представления его сути, это грозное оружие для самоубийства. Человечество плодилось в бешенном темпе и к середине века численность Земли должна была достигнуть критической массы. Война… Война была неизбежна. Война произошла бы в любом случае, но если в первом она помогла людям спастись и перебраться на Тейю, то во втором случае, она смела бы всех и вся. Голод и нехватка ресурсов, в сочетании с перенаселением планеты… Планета пострадала бы в разы сильнее и тогда ни о каком будущем и речи бы идти не могло. Глобальное вымирание вычленило бы гораздо больше жизни, но… Увы, но спасти всех было невозможно. Необходимо было сделать выбор и выбор этот был страшен! Приходилось выбирать – кому жить, а кому нет. Проблема заключалась в том, что большая часть людей – это бедные, необразованные, дикие, ненасытные, убийцы, маньяки и так далее… Большая часть людей – это как гниль и плесень, как рак! Все это нельзя было вырезать, ибо метастазы этой опухоли проникли в здоровых людей. Необходимо было спасать тех, кто не был поражен этой болезнью. Да, таких людей было куда больше, чем удалось спасти, но причиной тому был энергетический вопрос и ограниченность по времени.

- Как ты сам думаешь, кого стоит спасать? Мать, ребенка, военного или ученого? – произнесла Полли, обращаясь к Святогору.

Злость на лице Святогора сменилась задумчивостью и какой-то обреченностью.

- Не знаю… - ответил Святогор.

- Вот и основатели не знали, а потому выбор исходил исключительно из расчетов. Строгие, безнравственные, бесчувственные, холодные расчеты… Спаслись лишь те, кто мог новому миру дать будущее, а не загубить его. Основателям пришлось от многого отказаться. А что касается войны, спроси себя сам, а отпустил бы ты их, если бы знал, что они затеяли?

Святогор задумался.

- Я… Я бы… - неуверенно произнес Святогор.

В голове его выстроилась логическая цепочка, в которой он видел, как убивает основателей, лишь ради спасения собственной шкуры.

- Думаю, мы убили бы вас, ради собственного спасения.

- Вот именно… - сокрушенно произнесла Полли, ставя на пол недоеденный хринирь и недопитую воду. – Неизбежная война, которую просто начали раньше ее естественного срока, послужила делу, заставив вас отвлечься и позволив основателям сбежать. Подло? Да… Но ведь старый порядок, законы и все-все прочее, что было создано за тысячи лет, просто лишали выбора. Да и война была не такой страшной, как последняя. Основатели вас лишь подтолкнули к войне, а развязали ее уже вы, но эта война была… Как бы это сказать – на камнях и палках! А вот все остальное, уже было не по нашей вине. Люди могли остановиться, но что вы сделали?

- Продолжили… - произнес Святогор, словно маленький ребенок, что нашкодил и получил за это выговор.

- Я не пытаюсь свалить вину за основателей на вас… Тут… Тут все виноваты. Это как с запущенной болезнью, суть которой человек понял лишь, когда уже было поздно. Человек много оружия создал, начиная от палок и камней и заканчивая ядерным, но самое страшное, которое было у человека всегда – это его невежество.

Святогор промолчал. Его глаза покраснели и наполнились слезами. Святогор понимал. Сейчас странное чувство стыда захватывало его с головой.

- Прости… - произнес Святогор. – Прости, что сделал тебе больно. Прости, что я…

- Прощаю, - произнесла Полли. - И ты прости, нас прости... И меня. Прости, что называла тебя чудовищем, что лгала тебе. Прости… - Полли ощутила горечь и ее глаза тоже заслезились.

- Прощаю, - произнес Святогор, поворачивая свое лицо к Полли и заглядывая ей в глаза.

Святогор слабо улыбнулся, а Полли улыбнулась в ответ. Оба они плакали, но не от боли, а от странного, щекочущего ощущения, что все хорошо и что все будет только еще лучше. Полли и Святогор глядели друг другу в глаза и там, за бездонной пропастью звериного обличия, Полли увидела человеческий взгляд. Она увидела в Святогоре человека, доброго и хорошего. Полли глядела на Святогора уже не так как раньше. Она ощутила, как у нее засосало под ложечкой, но чувство это было не тревожным, а приятным, словно смотришь на любящего отца или любящую мать, на любимого брата или друга. Когда до Полли дошла эта мысль, она слабо прикусила нижнюю губу и смущенно отвела взгляд. Стокгольмский синдром? К дьяволу!

- Слушай, - смущенно поинтересовалась Полли. – А почему ты тогда назвал меня Белль?

- Белль? – переспросил Святогор. – Даже и не знаю… - он задумался. - Это первое имя, что пришло в голову. Я ведь не знал, как тебя зовут и просто выкрикнул первое, что пришло на ум, просто, чтобы привлечь твое внимание.

- Просто, я вспомнила одну сказку, что читала в детстве… - Полли немного смутилась. – В данной ситуации - это немного странно и даже глуповато.

- Ты про красавицу и чудовище? – спросил Святогор. – Да, я тоже, вернее мне, моя мама в детстве ее читала. Она очень любила книги и особенно о любви и часто читала мне сказки перед сном.

Святогор приятно заулыбался, вспоминая теплые воспоминания.

- Слушай, а можно вопрос? – произнес Святогор. – Раз уж, к слову пришлось.

- Какой? – отозвалась Полли.

- Почему я такой? В смысле… - Святогор задумался. – Я долго живу и многое видел, я точно знаю, что радиация со мной такого не могла сделать. Я видел людей, пострадавших от радиации, видел их детей, но ни разу не видел, чтобы радиация делала нечто вроде меня. Почему я такой?

- Честно говоря… - задумываясь, произнесла Полли. – Я не знаю, но у меня есть предположение!

- Какое? – заинтересовался Святогор.

- Еще до войны ученые из Китая занимались разработкой трансмутационного вируса, который мог перестраивать ДНК живых существ, то есть превращать одно живое существо в другое, на манер доктора Моро, Герберта Уэллса. Только тут на оборот - не животное в человека, а человека превращали в животное. Осмелюсь предположить, что данная процедура проходила в сочетании с психотропными препаратами и кодированием сознания, чтобы превращать грозное создание в оружие.

- Так это вирус? – поинтересовался Святогор.

- В целом да, но его функционирование отличается от обычных вирусов. Этот вирус сперва использует клетки носителя, чтобы размножиться, а после, используя вещества организма и разрушенных клеток, трансформирует ДНК. Носитель умирает, но после трансформации возвращается, а тело начинает постепенно, по мере набора веса, изменяться, приобретая тот вид, который был запрограммирован в вирусном коде. Но… Вирус использует все, что есть в организме, в том числе и шлак вроде радиоактивных частиц, токсинов, тяжелых металлов и прочее. Это отражается на внешнем виде. Если принять во внимание то, что ты говорил о себе, то есть то как ты стал таким и то, что в твоем организме должен был быть гремучий коктейль из опасных для жизни веществ, - Полли задумалась. – Думаю, твой вид – это результат воздействия этого вируса, но это при условии, что все это именно то, что я думаю.

- Погоди… - задумчиво произнес Святогор. – Ты думаешь, что я подцепил этот вирус? И где же я мог заразиться?

- Ты вроде говорил, что с тобой это произошло в Белореченске?

- Да.

- Дело в том, что одна из наших групп изучала один вид существ, что обитали в Москве, в ботаническом саду. Да… Москва и Белореченск удалены друг от друга почти на тысячу километров, но это гораздо ближе, чем лаборатория в Китае. В общем, суть в том, что там обнаружили подземную лабораторию, недалеко от сада, в котором были наработки Китайского вируса. В этой лаборатории выращивали некое подобие гибрида собак и людей. Эти собаки должны были быть также преданы, как и обычные собаки, но при этом они способны к человеческой речи. Лаборатория была разгромлена и для собак служила гнездом. По всей видимости, они прорыли лаз между лабораторией и ботаническим садом, который для них был охотничьим угодьем.

- А как им можно заразиться? – поинтересовался Святогор.

- Либо искусственно ввести, либо с некоторым шансом через кровь от носителя, - пояснила Полли.

- Кровь значит… - задумчиво произнес Святогор.

- Ты знаешь где заразился? – полюбопытствовала Полли.

- Думаю, я знаю от кого и когда… - произнес Святогор, припоминая чудовище Белореченска.

- Моя очередь спрашивать, - произнесла Полли.

- Спрашивай, - с готовностью произнес Святогор.

- Можешь рассказать о своей маме?

- Маме? Ну… - Святогор несколько застенчиво задумался. – Она была учителем литературы, любовь к книгам сказалась… Она была понимающим человеком, отзывчивым и чертовски жизнерадостным.

Святогор улыбался, а Полли почувствовала, что взяла правильное направление разговора.

- Она здорово готовила и обожала во время готовки петь или читать стихи. Особенно она любила стихи Бродского. О Боги… Ее любимым стихом был «Не выходи из комнаты». Ужас… Она так любила этот стих, что я его в свое время наизусть выучил, правда, сейчас уже почти не помню…

Полли усмехнулась и задумалась, а после произнесла:

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно все, особенно - возглас счастья.
Только в уборную - и сразу же возвращайся.

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более - изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,
слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

После того, как Полли закончила стих, в помещении повисла тишина, и лишь треск костра нарушал покой. Святогор смотрел на Полли, как сын смотрит на мать, а Полли глядела на Святогора, как дочь на отца. Оба ощутили странное чувство, после которого оба смутились.

- Да… - улыбаясь и заливаясь краской, произнес Святогор. – То самое стихотворение.

Святогор хихикнул, потом еще и залился смехом, не раскрывая рта, щурясь от щемящего чувства какого-то наслаждения. Словно бы мир не проваливался в пропасть и все вокруг так здорово и прекрасно. Полли тоже не устояла и тоже засмеялась. Оба смеялись, словно дети.

- Она была замечательным человеком, - произнес Святогор, заканчивая смеяться и возвращаясь в привычную позу, уставившись обратно в потолок, но уже с улыбкой на лице.

- Слушай, меня тут один вопрос мучает, - произнесла Полли. – В ту ночь, позавчера, ты бредил, но… Ты сказал странную вещь и она мне покоя не давала.

- Какую? – задумчиво произнес Святогор.

- Ты сказал, что не хочешь быть одним из них. Когда я переспросила, ты ответил «призраком», а потом еще и на что-то указывал.

- А это, да так… - произнес Святогор, делая жест рукой, мол ерунда. - Есть у меня один не то дар, не то проклятье.

- Можно подробнее? – настаивала Полли, с интересом глядя на Святогора.

- Это случилось как раз после того как я стал таким. Это как-то связано с моими глазами. Короче, я типа духов и призраков видеть могу, - произнес Святогор, поворачивая голову в сторону Полли.

Святогор испугался. Полли сидела и буквально таращилась на Святогора безумными глазами.

- Что с тобой? – с тревогой произнес Святогор. – Тебе плохо? Полли!

- Нет-нет-нет! – затараторила Полли. – Со мной все хорошо, но меня посетила одна мысль! Ты постоянно их видишь? – произнесла Полли щурясь.

- Нет, - честно ответил Святогор.

- А когда?

- Ну… - Святогор задумался. – По-разному… - неуверенно ответил он.

- А глаза, как они связаны? То, что они порой меняют цвет, это связано?

- Даже не знаю, наверное…

Полли ощущала себя на пороге чего-то большого и грандиозного, словно вот-вот что-то произойдет и ей выпадет честь это открыть.

- А можешь сделать эти глаза?

- В смысле? Прямо сейчас?

- Да! – звонко произнесла Полли, в ожидании.

- Ну… Ладно, сейчас.

Святогор попытался сесть, оперевшись о стену с окном. Закрыв глаза, Святогор глубоко вздохнул, сощурился и на очередном глубоком вздохе распахнул глаза, которые горели в свете костра, словно два золотых шарика. Глаза были именно что золотыми, а не желтыми или оранжевыми. Они выглядели неестественно, словно действительно два металлических шарика. Полли с неприкрытым любопытством разглядывала Святогора, от чего ему стало даже неуютно.

- Ты сейчас кого-нибудь в комнате, кроме меня, видишь? – спросила Полли с видом эксперта, не отрывая взгляда со Святогора.

Святогор огляделся и, уставившись в угол, слева по отношению к себе, где стоял истлевший диван, произнес:

- Там, - кивком указывая на диван. – Там что-то сидит, вроде кошки, не знаю, слишком сильно смазана.

Полли обернулась, но ничего кроме дивана, разумеется, не увидела.

- Только кошка? – спросила Полли деловым тоном.

- Да, - ответил Святогор. – Но за окном что-то еще маячит.

Полли повернулась обратно и поглядела на Святогора. Что-то в его облике привлекло Полли и она, чуть приблизившись, стала разглядывать его.

- Прости, можно твою руку? - произнесла Полли, протягивая свою.

Святогор нерешительно дал Полли руку. Та взялась за нее и провела пальцами по коже, по шерсти, внимательно и с любопытством оглядывая каждый сантиметр руки, ощупывая вены и артерии. Святогор ощутил ее нежное прикосновение, как ее пальцы скользили вдоль по руке. Что-то внутри Святогора встрепенулось, но ощущение было чертовски приятным. Рука Полли скользила дальше, вверх, к плечу, а после к шее, к груди, а оттуда снова к шее и к затылку. Сердце Святогора забилось чаще, а шерсть встала дыбом, по коже пробежали мурашки, а дыхание поравнялось с ударами сердца. Все вокруг становилось ярче, словно вокруг включили сотню ламп. Полли внимательно зачем-то следила и смотрела на Святогора с каким-то странным выражением лица, словно подозревала, что Святогор смертельно болен и она понимала в чем причина. Полли дошла до глаз и уставилась в них, словно смотрела в замочную скважину.

- Сейчас ничего не изменилось? – поинтересовалась Полли.

- Изменилось? – не понимая произнес Святогор. – Что именно?

- Мировосприятие изменилось? – пояснила Полли.

- А… Даже не знаю. Все стало ярче, звуки слышаться лучше, запахи сильнее и прочее…

- Вот оно как… - произнесла Полли, не отрывая взгляда от чего-то неведомого для Святогора.

- Что? Что там? – поинтересовался он.

- Можешь сделать так, чтобы глаза снова были нормальными?

- Нет, это чуть позже само пройдет, - ответил Святогор.

- А после того, как пройдет, ты первое время можешь еще видеть фантомов?

- Кого? – ответил вопросом на вопрос Святогор.

- Фантомов, ну призраков! – пояснила Полли.

- Да, а что стряслось то?

Полли встала и задумчиво заметалась по помещению. Она губами прикусила костяшки пальцев, глядя в пустоту. Она металась из стороны в сторону, что-то бурча под нос. На ее лице отражалась сильная озадаченность. Глаза Полли были такими, словно она была слепа или без сознания, а тело просто монотонно выполняло какие-то действия, как лунатик, только более активный. В таком состоянии Полли находилась достаточно длительное время, чтобы Святогор забеспокоился.

- Полли! Что? Что не так? Я что, умру? – беспокойно произнес он.

- А? – оторвалась Полли от размышлений, возвращаясь в действительность. – Нет-нет… Дело в другом. Ох… - нервно выдохнула Полли. - У меня сейчас голова взорвется от такого объема мыслей!

- Так что со мной?

- Помнишь, как я сюда попала?

- Ты упала. В той капсуле, - неуверенно произнес Святогор.

- Верно! – воскликнула Полли. – А где была эта капсула? Хотя не утруждайся, нечего загадками говорить… До всего этого, я работала на станции, что была на орбите Земли. У нас произошла авария и я разбилась.

- А… - протянул Святогор. – Что-то ты слишком разоткровенничалась.

- Да, а знаешь почему?! – воскликнула Полли.

Святогор поднял бровь в недоумении.

- Потому! – воскликнула Полли. - Хотя я точно не уверена, - произнесла она, щурясь и отрицательно махая руками перед лицом. - Но факт слишком очевиден, чтобы быть чем-то иным!

- Так что со мной? – нетерпеливо вопросил Святогор.

- Ты, ЛЕША! ТЫ КЛЮЧ К НАШИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ! – сокрушительно заявила Полли.

Святогор вытаращился на Полли в абсолютном недоумении.

- Кто?! – произнес Святогор, сдвигая обе брови в недоумении.

- Слушай, - торопливо произнесла Полли. – Кажется я смогу забрать тебя с собой! Понимаешь? Не на остров, а с собой! На Тейю!

Святогор сидел с вытаращенными глазами, ошеломленный услышанным.

- Каким еще исследованиям? – непонимающе спросил Святогор.

- Мы несколько той… А то есть лет, искали носителя особого генетического ключа и катализатора, человека со способностью видеть фантомов – излучение разума, понимаешь?

- Нет, - решительно произнес Святогор. – Какой еще ключ? Какой еще катализатор?

- Ключ – это набор генов, а катализатор – это вещество, что запускает скрытое свойство ДНК.

- То есть моя способность – это та хрень?

- В общих чертах! – произнесла Полли, жестикулируя руками. - Но это не главное… - произнесла она, продолжая метаться из стороны в сторону. – Есть один нюанс.

- Какой?

- Погоди… Сперва по полочкам разложим.

- Хорошо, - решительно произнес Святогор.

- Первое! Ты когда активируешь эту способность, твои чувства обостряются, так?

- А… - Святогор задумался. – Да.

- Отлично! Это означает, что в твоем организме вырабатывается стимулятор! При его выделении срабатывает способность, а это значит катализатор – стимулятор!

- Не понял?

- То вещество, что делает твои глаза золотыми, словно лампочка индикатора, повышает силу и обостряет чувства – это стимулятор, он же является катализатором! В сочетании с генетическим ключом, ты получаешь возможность видеть фантомов! Так яснее?

- Да. Хорошо, а второе что?

- Второе то, что наша теория касательно людей со способностями оказалась близка, но неверна… Мы искали не то! О великие умы! МЫ ИСКАЛИ НЕ ТО!

- По-человечески можно?! – гаркнул Святогор.

- Смотри! Мы искали людей с известными нам генетическими ключами, но это так же, как искать планету, что похожа на Землю, то есть где есть вода и кислород, в уже готовом виде. Шанс найти такую планету такой же, как и найти нужного человека с нужной комбинацией.

- То есть это я?

- В этом то и дело, что нет!

- Стоп, но ты ведь?

- Погоди! – перебила Полли. – О великий Ньютон! Да это прямо судьба какая-то! – радостно воскликнула Полли. - У нас есть один человек, профессор Жан Жак Гюсто, который выдвинул гипотезу относительно жизни и условий ее зарождения. Так вот! Я только что, когда размышляла на эту тему, провела параллель, то есть интегрировала свои данные, по данному исследованию в данную теорию и получила схожий результат! Мы искали не то! Вернее то, но находили и отбраковывали множество вариантов, которые считали неподходящими, а они оказались напротив – подходящими! Понимаешь? Вернее не все, но возможно многие. Ты, вернее возможно ты, с учетом наблюдений за данным районом, один из таких забракованных, а все потому, что мы искали поверхностно, а не углубленно! То есть мы не наблюдали за их жизнью, а потому не замечали того, что нам было нужно. Мы за все годы исследований нашли сотни людей, их проверка занимала от силы пару дней. Как ты мог заметить, у меня на то, чтобы понять, вернее даже просто увидеть! Что ты возможный претендент, ушли недели!

- Погоди, что значит - возможно? – перебил Святогор.

- Возможно? – непонимающе переспросила Полли. – Что именно?

- Ты говоришь, что возможно я, с учетом…

- А! Поняла. В одно время, мы фиксировали два сигнала, но решили, что это системная ошибка. Хотя я подозреваю, что в окрестностях Питера есть еще кто-то, вроде тебя, но сейчас это не важно, ибо ты, я более чем уверена, ответ на наши исследования и я обязана тебя вытащить отсюда! Обязана!

Полли сияла от ошеломившей ее мысли, а вот Святогор сидел в полной прострации и удивлении.

- Ох… Если бы не профессор. Его теория, если бы я ее так хорошо не знала, это… Это прямо судьба! Я просто не могла не провести эту параллель! – радостно произнесла Полли, разводя руками. - Это потрясающе… Потрясающе!

Полли села, подняла хринирь и воду и разом все съела и выпила. Радости Полли не было границ. Она сияла, а Святогор медленно отходил от пережитой бури эмоций Полли.

- А как же... – неуверенно начал Святогор.

- Что? – чуть успокоившись, произнесла Полли.

- Я ведь далеко не благочестивый, ты сама говорила, что вы… Как я там приживусь?

- Не переживай, один человек вроде тебя вряд ли сможет повлиять на сотню другую тысяч людей. Плюс тебе можно привить связь, а учитывая мои наблюдения, я думаю, я сумею найти ответ, как избавиться от недуга основателей и первого поколения, ну или найти более надежный способ это сдерживать!

Полли улыбалась, но ее улыбка вдруг застыла. Святогор тоже улыбался, но видя, что Полли выглядит как-то странно, улыбаться перестал и поинтересовался:

- Что такое? – обеспокоенно произнес Святогор.

Лицо Полли перекосило и ее вдруг вырвало прямо на пол.

- Полли! – выкрикнул Святогор, пытаясь встать.

- Все… Все хорошо… - выдавила Полли.

- Что с тобой? Ты отравилась?

- Нет-нет… - произнесла Полли, отмахиваясь рукой, тяжело дыша и останавливая Святогора от попытки встать.

- Чем помочь? – взволнованно произнес Святогор.

- Я справлюсь, не беспокойся.

- Уверена?

- ДА! Все хорошо… Это все из-за истощения и… Думаю излишек эмоций. Плюс, я не уверена, но думаю что и в самой связи дело.

- То есть? – обеспокоено поинтересовался Святогор.

- Ну, как у наркомана – ломка. Последствия долгого пребывания вне общего разума. Симптомы другие, но суть та же. По крайней мере, я так думаю.

- С чего такая уверенность?

- Можно сказать, я ожидала чего-то подобного…

- Может воды? – произнес Святогор, пытаясь проявить заботу.

- Нет, я справлюсь. Все хорошо, - успокоила его Полли.

Святогор удивился, что за короткое время, сильно изменил свое отношение к Полли, но такая перемена его лишь порадовала, а желание помочь Полли лишь усиливалось. Святогор ощутил странную привязанность и чувствовал, что теперь ради нее ничего не пожалеет. Быть может дело в другом? Может это говорит за него кто-то другой? Или другое? Чувство? Корысть? Желание покинуть эту Богом проклятую планету? Или что-то иное? Что-то… Что-то, что она пробудила? Что?

Остаток дня Полли и Святогор провели, поглощая припасы и беседуя на отвлеченные темы. Святогор больше спрашивал и заимел любимое выражение «А как ты это объяснишь?», а Полли охотно отвечала. Но некоторые темы они оба интуитивно старались обходить, особенно касательно самочувствия.

Утро началось с процедур. Полли помогала вернуть Святогору силы и тот уже мог спокойно ходить и ощущал себя более чем хорошо. События прошлых дней было решено забыть и лишний раз не ворошить, а поставить перед собой одну цель – дойти до Выборга и покинуть Землю. Полли и Святогор решили, что стоит наладить между собой понимание и дружелюбие, а в сложных ситуациях не бросаться в крайности, а интересоваться и обсуждать проблему. Дружественные отношения с каждым диалогом только росли, а потому, после очередного сеанса лечения, Полли решилась на одну просьбу.

- Леша, ам… Можно тебя кое о чем попросить? – неуверенно произнесла Полли.

- Да, что такое? – ответил Святогор, ломая ветки для костра.

- Помнишь, я говорила про изоляцию и связь?

- Вроде бы да, а что такое?

- Я тут подумала… - смущенно произнесла Полли. – Я бы хотела испытать твои чувства.

- Как это?

- Я могу подключиться к тебе и считать твои мысли.

- Ты умеешь читать мысли? – удивленно произнес Святогор.

- Да, но не только мысли и только путем тактильного контакта, то есть мне нужно коснуться тебя, чтобы считать информацию. Просто… Я уже очень давно в дали от всех, вроде меня, это… Это похоже на одиночество… Ты вроде бы и рядом, но… Это не то, словно бы тебя тут и нет. Не знаю, странное чувство, не могу описать.

- Понимаю, - сочувственно произнес Святогор.

Он накидал несколько палок в костер, а остальное сложил рядом. Отряхнул руки и подошел к Полли.

- Что мне делать?

- Сядь, - спокойно произнесла Полли.

Святогор присел на колени. Из-за своего роста в таком положении он был Полли где-то по грудь. Полли приложила руки к вискам Святогора, так что большие пальцы легли Святогору на брови. Полли нервничала и даже прикусывала нижнюю губу.

- Это больно? – произнес Святогор.

- Нет, это… Странно, - как-то неуверенно произнесла Полли.

Святогор ощутил, как руки Полли коснулись его лица и ощущение было чертовски приятным. Святогор ощутил прилив чего-то волнующего и трепещущего, от чего вся шерсть встала дыбом, а по коже пробежались приятные мурашки. Святогора потянуло в какой-то не то сон, не то транс. Полли ощутила то же самое. На короткое мгновение разум Полли слился с разумом Святогора и они оба погрузились в океан, в котором водами были чувства и эмоции. Полли задышала чаще, ее сердце билось быстрее, а разум захватывали волны. Чувства превращались в бурю, что грозила обрушиться и поглотить Полли, но она стойко сносила удары. Полли испытывала страх, ужас, боль и страдания, что довелось пережить Святогору за свою жизнь и лишь крохотные обрывки чего-то светлого и ясного. Святогор же ощущал иные чувства: любовь, радость, счастье и покой. Святогор увидел образы, они привлекли его внимание и Святогор попытался за них ухватиться. Полли же этого не делала, полностью погружаясь лишь в чувства.

Все это продолжалось недолго и когда Полли попыталась остановиться, Святогор не дал этого сделать. Полли хотела прекратить, но ощутила сопротивление. Пытаясь понять, в чем дело, она с ужасом осознала, что Святогора затянуло в ее воспоминания. Полли поняла, что забыла главное – предупредить Святогора… Из-за того, что для Полли чтение мыслей – это, хоть и редкая практика, но привычная и даже обыденная. Подумать о безопасности того, кто никогда не пробовал пси-перенос, Полли даже в голову не приходило. Святогор же увязал в памяти как в болоте. Воспоминания проносились перед взором Святогора, словно вид из окна поезда. Мозг Святогора получал огромнейшие объемы информации, к которой он не был готов. Мозг Святогора перегружался, но он не мог оторваться. Все, что Святогор видел, поражало его с каждым образом

все сильнее и сильнее. Святогор видел мир, в котором жила Полли, видел чистые города, видел их благополучие и процветание, видел счастье и понимание! Все это Святогор с жадностью впитывал в себя и когда Полли попыталась силой отнять руки, Святогор схватил их и не дал этого сделать. Полли рубеж не пересекала и потому испытывала лишь чувства и эмоции Святогора, а он испытывал все и сразу! Мозг Полли сейчас говорил со Святогором на био языке. Святогор понимал и не мог остановиться. Ему хотелось больше, хотелось знать и ощущать. Образы, звуки, ощущения, все это разгонялось и сливалось. Святогор закричал. Процесс причинял боль, но оторваться Святогор не мог. Полли, ощущая чудовищную боль Святогора, закричала тоже, но сумела найти силы, дабы оборвать связь.

Святогор взревел и потерял над собой контроль, принявшись крушить все, что попадалось на пути. Святогор схватился за голову, словно страдал от сильнейшего приступа мигрени. Полли упала на спину и чувствовала себя, словно при контузии. Святогор распалялся. Глаза его горели, изо рта шла пена, а все тело было взлохмачено, словно от удара током. Святогор с силой ударил спиной и вынес стену, после чего принялся крушить двор, раскидывая разлагающиеся трупы тварей, что недавно были им убиты. Перед Святогором проносились образы, от которых он пытался сбежать, отмахнуться! Словно от роя жалящих пчел. Но они не оставляли его в покое. Святогор не видел перед собой ничего, кроме образов, которые сводили его с ума. Какофония звуков оглушала, а эмоции били через край. Полли пыталась прийти в себя и подняться, но выходило это с трудом. Святогор уходил вглубь, в сторону ручья. Когда Полли пришла в себя и сумела догнать Святогора, тот уже боролся с невидимым противником в ручье. Полли попыталась приблизиться к Святогору, но тот размахивал ручищами так, что мог сильно ударить Полли. Когда же у нее появился шанс, она воспользовалась им и, подбежав к Святогору, приложила руки к вискам, погружая себя и Святогора в подсознание.

Вокруг Полли царил абсолютный мрак. Она стояла посреди черной пустоты, которая источала страшный холод. Вокруг не было ни домов, ни дороги, одна лишь пустота. Полли стояла и пыталась оглядываться, но ничего кроме мрака не видела. Позади себя Полли ощутила тяжелое дыхание и холодящий гул. Полли осторожно обернулась и увидела… Позади нее возвышался великан. Кожа великана была чернее мрака, а его глаза горели пламенем. Тощее тело, длинные конечности и голова… Голову великана украшали огромные оленьи рога, а из пасти доносилось тяжелое дыхание. Полли подняла взгляд и уставилась в глаза существа.

- Ооооонннннн – произнес великан, словно тяжелый порыв ветра. – Мммммоооооооййййй! МОООЙЙЙ! – выкрикнул великан подобно урагану, что вырывает дома и деревья с корнем.

В голосе великана слышалось пламя и треск, словно говорил смерч.

Полли глядела на великана, на этого демона подсознания Святогора. С последней встречи он сильно изменился и причиной тому – Полли. Из-за пси-переноса, из-за того, что Святогор увяз в воспоминаниях и потерял контроль, этот демон получил власть и силу над Святогором, раздувшись до немыслимых размеров. Перед Полли отчетливо встало воспоминание разговора с отцом. Полли отчетливо и ясно поняла, что сейчас перед ней. Существо - демон, которое словно генетическая болезнь, что передается по наследству из поколения в поколение, разъедал суть Алексея. Демон – это порождение, которое создала сама жизнь. С первых минут борьбы жизни за свое существование, с первых минут появления закона природы – жри или будь сожранным, эта тварь росла и развивалась. С появлением разума, закон трансформировался – выживает сильнейший! Сила и борьба питали демона, заставляя все живое убивать ради пропитания и выживания. Но когда появился человек, который сказал – хватит! Перестав убивать и сделав убийство преступлением, подавляемые инстинкты, в которых скрывался демон, находили иной способ питать этого демона. Злость, ненависть, жадность, ложь и прочие пороки – это

инструменты, с помощью которых демон жрал! Не было первого греха. Человек – это животное и так же как человек перенес из звериного царства в свое законы, порядки и обычаи, так и вся жестокость перешла из того же звериного царства в царство людей. Вся жестокость дикой природы человека превратилась в яд, что медленно отравлял его. Желание сплотиться и общая ненависть перед ущербным человеком, ненависть перед теми, кто отличается, жадность и зависть перед успехом и достижением соседа, коллеги, друга… Желание убить, отомстить, за то, что человека что-то не устраивает. Гонения, принижения, разделения на культы, религии… Тысячи лет человек кормил этого демона. Демон – не материален, он не имеет воплощения или разума. Демон – это безотчетное чувство, стихия, явление! Которое у Святогора, вследствие его психологических проблем, обрело форму *отдельной личности*.

Кто-то боролся, а кто-то сдавался, но демон побеждал всегда. Не человек его породил, но человек принес его с собой из дремучей животной древности. Демон не зло, не добро – это закон природы. Человек проигрывал, ибо был с рождения отравлен. Человек проигрывал, ибо не имел сил бороться и до конца не понимал с чем стоит действительно бороться. Основатели – это те, кто сумел не дать яду отравить самое важное – человечность! Основатели – это те, кто успел собраться и покинуть этот мир, начав борьбу с демоном. Основатели не имели силы тогда, а потому могли лишь бежать! Сейчас эта сила есть! Здесь и сейчас этой силой обладает Полли! Как и тогда, в далеком детстве, когда она, будучи ребенком, сумела интуитивно понять причину того, почему самый страшный человек современности Земной истории стал таким, Полли понимала Святогора. Вместо того, чтобы дать ребенку знания, старый человек давал лишь боль, кормя тем самым очередного демона. Гитлер, как и прочий человек, обладал человечностью, которая боролась в нем с демоном. Но под влиянием соблазнов и демонов других людей, его человечность была убита, а демон захватил власть. Человек Гитлер умер подростком, будучи загнанным и забитым, никому ненужным и не понятым. Демон Гитлер был вскормлен ядовитыми идеями других демонов и ядовитой политикой, что была создана теми же демонами того времени. Демон Гитлер – это рукотворное чудовище, что создали сами люди. Демон Гитлер умер в сорок пятом, на дне своего убежища, от собственных рук, будучи загнанным все теми же демонами людей, что еще боролись. Беда всякого человека, в ком еще жива человечность, в том, что демон ослеплял. Демон заставлял верить в то, что человек борется за правое дело. Демон подарил людям оружие, от камней и палок, до атомного и биологического, но самое страшное оружие, что было всегда и у всякого человека, убившее в разы больше, чем все прочее оружие – это невежество! Слепой и невежественный человек, вместо того, чтобы помочь собрату, пройдет мимо или хуже - ударит… Слепой и невежественный человек, вместо того, чтобы подумать, отдает или исполняет приказ! Слепой и невежественный человек не учится, а учит. Учит своей слепоте и невежеству, плодя таких же слепцов и невежд…

Сейчас Полли осознавала, что она поступает как обычный человек, что видя страдающего проходит мимо. Сейчас Полли осознавала, что она отдала Алексея в лапы демона и если она его не одолеет, то он пожрет человечность Святогора. Человек Святогор умрет, а его место займет демон Святогор. Демон Святогор – это тварь, которая ненавидит Полли, тварь, что будет желать ее смерти. Полли осознавала, что не может бросить Святогора… Бросить Алексея! Не может допустить рождение демона Алексея!

- Я знаю, кто ты, тварь! – с ужасом и страхом в голосе выкрикнула Полли.

- Хаааааа Хаааааа Хаааааа! – громогласно смеялся демон.

- Я тебе не позволю! Слышишь! – решительно выкрикнула Полли.

- МОООООЙ! – грозно взревел демон, обдавая Полли ураганным ветром.

Полли устояла и в ответ нанесла твари сильный пси-удар. Мрак взорвался мириадами ярких белых, желтых, оранжевых и красных частиц, словно расплескали расплавленный металл. Демон пошатнулся, словно от гигантской пощечины и взревел. Демон разразился ужасающим ревом. Плоть демона принялась источать густую копоть и маслянистую черную слизь.

- Возвращайся обратно в свою стену гадина! – кричала Полли, нанося пси-удары.

Мрак взрывался тысячами огненных капель. Копоть заполняла все вокруг демона, а слизь расплескивалась по сторонам.

- Тыыыыы нннееее вввсиииилаааааааах ммммееееняяяяя ооооссссттттааааанооооовиииииить! – протянул демон.

- НЕ ОТДАМ! – выкрикнула Полли, нанося удар.

Демон увернулся от удара и наотмашь ударил Полли. Для Полли это было сравнимо с ударом молота, но Полли выдержала удар. Демон поднял огромные тощие руки и попытался обрушить свой гнев на Полли, но удар огромных лапищ наткнулся на свет Полли. Она гордо и решительно держала поднятую руку, которая горела ярким светом. Демон взревел от боли, который наносил ему свет. Но его этот свет не останавливал. Желая уничтожить надоедливую букашку, демон сжал кулаки и, вздымая руки, прикладывая все силы, нанес по Полли сокрушительный удар. Полли не увернулась, а приняла удар. Она зажмурилась и отвела взгляд. Но вместо боли, она ощутила тепло. Открыв глаза, Полли увидела полупрозрачных Алека и Сея, которые держали Полли за руку и горели ярким светом, так же как и сама Полли. Демон ревел еще яростнее.

- Найди Алексея! – выкрикнул Алек.

- Скорее! – шипя кричал Сей.

- Что?! – не понимая, что происходит, кричала Полли в ответ.

- Леху найди! – гаркнул Сей, отталкивая Полли.

Полли вдруг покатилась, словно по уклону, лишь видя, как свет Алека и Сея меркнет. Демон нанес новый удар, от которого Алек и Сей стали частью демона. Когда Полли остановилась, она вскочила и бросилась бежать. Демон, используя руки, принялся преследовать Полли, волоча свою непомерную тушу. Пустота превратилась в город, но Полли даже не заметила, когда это произошло. Она бежала по лабиринту, а демон крушил дома. На стенах домов появлялись тени, и все они просто стояли и глядели, не шевелясь, лишь шепча что-то. Демон позади Полли ревел и полз через город, словно ураган, сметая все и вся. Полли бежала, видя, как тени превращались в смолянистую жижу. В какой-то момент она остановилась, словно вспоминая что-то и тут же все ее тело зажглось ярчайшим светом. Демон замешкал. Свет причинял нестерпимую боль и Полли принялась делать свет ярче. Она обернулась к демону и твердым взглядом уставилась в него. В ее глазах горела решимость и странное понимание что делать. Полли не понимала, а чувствовала, что ей нужно сделать. Она не думала, а просто отдавалась воле своих ощущений, своей интуиции.

- Яяя – эээто ооон! – громогласным эхом проревел демон. – Ооон умрееет бееез меенння!

Демон произносил слова с трудом, но уже гораздо отчетливее.

- А я тебя и не убью гад! Я запру тебя, чтобы ты больше никогда не выбрался!

- Хаа… Хаа… Хаааааа… - громогласно смеялся демон. – Тыы и сввооегооо неее споосообнаа украаатиииить!

- Я найду способ! Слышишь тварь! Я найду! – выкрикнула Полли.

Полли горела ярким пламенем. Позади демона рассеялся мрак и появилась исполинская, уходящая в бесконечность, желтая твердь, к которой Полли своим светом принялась припечатывать демона пси-ударами. Она наносила удары, один за другим, один за другим. Один, два, пять, десять, сорок! Сорок два! Сорок два удара нанесла Полли, пока демон не оказался связан со стеной. Стена впитывала демона, словно исполинская губка, что впитывала грязь.

- Ты слабая, жалкая, раздутая гадина! – грозно выкрикивала Полли.

- Пооокааа… Поокааа… Ээтоо тоолькоо поокааа… - произнес демон.

Стена висела в воздухе и поглощала демона. От демона отваливались куски и стекала слизь. Полли вкладывала все силы, чтобы вмуровать демона в стену. Когда же стена поглотила демона полностью, она исчезла, оставив лишь мрак и разрушенный город. Полли понимала, что это не убьет демона, но усмирит его! Пусть, вероятнее всего, и на время, но хоть что-то! Полли повалилась в бессилии. Она попыталась встать, но силы возвращались неохотно. Полли лежала посреди улицы и видела, как тени и мрак, склизкой субстанцией заструились из окон домов, трещин и развалин. Черная шевелящаяся жижа приближалась и обступала Полли, желая ее поглотить. Она попыталась убраться подальше, но ноги не слушались. Слизь метнула в Полли щупальца и тьма принялась жадно поглощать ее, больно обжигая. Полли закричала от боли и попыталась освободиться, но слизь уже сковала ее и засасывала словно болото, погружая в себя с головой. Полли боролась из последних сил, но сил хватало лишь, чтобы закричать и Полли закричала:

- СВЯТОГОООООР!

Тени облепили Полли и душили. Она сопротивлялась, но все было без толку. Из последних сил Полли вскинула руку вверх, словно желая хоть за что-то уцепиться, но вместо этого, зацепили ее. Руку Полли обхватило что-то теплое и нежное, а потом дернуло и вырвало из объятий мрака.

- За мной! – выкрикнул Святогор, глядя Полли в глаза.

Он держался впереди и держал Полли за руку. Мрак и тени густой и липкой слизью текли следом, сочась из подвалов и окон. Впереди Полли увидела слабый лучик света. К этому лучику Святогор и бежал. Ноги Полли гудели. Дорога словно бы удлинялась, а время затормаживалось, но Святогор лишь больше прикладывал усилий. Сила Святогора заструилась по руке, перетекая в руку Полли. Тяжесть в ногах проходила, и бежать становилось легче. Мрак тянул свои щупальца к убегающим, пытаясь схватить и поглотить, но Святогор и Полли оказались быстрее. Оба беглеца ввалились в дверь и попали в недра знакомой квартиры. Святогор сразу же запер дверь, в которую тут же настойчиво принялись колотить, стараясь ее выбить.

- Не бойся! – произнес Святогор, прижимая к себе Полли и не сводя взгляда с двери.

Удары становились сильнее и настойчивее, от чего дверь все больше и больше деформировалась. Святогор лишь крепче прижал Полли к себе.

- Ты веришь мне? – произнес Святогор, обращая свой взгляд к Полли.

- Да! – решительно ответила Полли, глядя Святогору в глаза.

Святогор глядел в глаза Полли, а Полли глядела в ответ. Проскочила слабая искра и Святогор, без всякого предупреждения и разрешения впился Полли в губы.

Дверь выбило. Свет померк. Мрак тысячами щупалец поглотил все вокруг, вместе с Полли и Святогором…

Какое-то время царила тьма, но вскоре она начала рассеиваться. Сквозь тьму пробивались лучи света, которые исходили от Святогора и Полли. Тьма сменялась мягким светом пастельных тонов, словно первые мгновения заката на море. Полли и Святогор парили в этом закате. Святогор крепко держал Полли одной рукой за ее талию, а второй рукой придерживал голову. А Полли крепко держалась за Святогора, обхватив его спину. Их глаза были закрыты, а губы нежно соприкасались в поцелуе. Свет их тел рассеивал мрак, неся тепло и покой.

Глава 5. Как это объяснить?

Там, где кончаются факты и домыслы,

Рождаются мифы и легенды.

С того самого дня, прошло еще двое суток. Святогор и Полли окрепли физически и психологически. Однако иногда как Полли, так и Святогора донимали осложнения. В свете последних событий, особенно досталось Святогору. В свете тех же событий Полли сильно изменилась. То, что она сумела сделать в подсознании Святогора и то, что сделал сам Святогор, оказали на Полли очень сильное влияние. Полли сумела лучше понять суть связи, открыть новые возможности пси-способностей, а отношение к Святогору сложилось… Если раньше оно было негативным, а после неоднозначным, то теперь ярко положительным. Полли много думала и размышляла. После пси-переноса она стала лучше понимать Святогора, но после этого переноса между ней и Алексеем стали складываться более тесные взаимоотношения. Полли глядела на Святогора и видела зверя за которым скрывался человек. Звериный облик для Полли был подобно маске или костюму и с каждым мгновением человек за этой маской для нее ощущался все отчетливее. Полли не понимала в чем причина, но раздумья натолкнули ее на то, что во время переноса с ними что-то произошло. Святогор заглянул в воспоминания и чувства Полли, а вот Полли касалась лишь чувств. Однако, тогда она назвала его Святогором, его вторым именем, которого она не знала. Раз так, значит его воспоминания, вернее какая-то их часть, в Полли лежат словно книга, которую еще предстоит найти и прочесть. Вероятно, в тот момент, когда Полли решила разорвать их контакт силой, в связи произошла критическая ошибка и на короткое мгновение они оба слились. Словно их сущности, их фантомы или души, или что там еще, на мгновение стали единым целым, а после разделения стали нести в себе частицы друг друга. Иначе как объяснить то, что их дружеские взаимоотношения, которые были в самом начале своего развития, получили столь сильный толчок вперед. Назвать их теперешние взаимоотношения чем-то конкретным было сложно, но атмосфера этих отношений была… Увы, но точных ответов у Полли не было. Как Полли, так и Святогор относились друг к другу не как враги, не как знакомые или друзья, а как неловкие любовники. Любовники, что несмотря на все плохое, что между ними произошло, тянуться друг к другу, но испытывают странное отторжение и нерешительность. Ирония, в самом деле… Словно постапокалиптическая версия красавицы и чудовища…

Провести еще сутки в деревне ни у Полли, ни у Святогора желания не было. Полли имела достаточно подробные карты, но на местности лучше ориентировался Святогор, а потому совместными силами был проложен маршрут. Сказать, что ожидания Полли касательно легкости маршрута подтвердились, значит солгать самым грубым образом. Маршрут, за счет поправок Святогора, получился длиннее и извилистее, увеличив расстояние со ста до ста сорока километров. Но расстояние, это еще полдела, ибо по рассказу Святогора от медного завода начинаются странные вещи, из-за чего дорога должна занять не два, а дай Бог три или четыре дня. Плюс Святогор знал, что и как лишь до поселка Ольшаники, а что там дальше?.. А казалось было… Вот! Так рядом, чуть ли не за углом…

Святогор и Полли собирали припасы. Полли показала Святогору, какие корнеплоды искать, а к каким и прикасаться не стоит. Святогор понял с первого раза и за несколько часов они на пару собрали провизии на весь поход и даже с избытком, по крайней мере если исходить из расчетов. Из-за высокого содержания сахаров и углеводов, хринирь был чрезвычайно питателен, но его дикая приторность и крепкий коньячный аромат… Через один-два дня вкус этого корня будет уже поперек горла.

На улице уже был вечер. Закончив сборы Святогор и Полли направились обратно в дом. У самого входа, Святогор остановил Полли и указал на небо, на котором горело зарево. Источник зарева находился на другом конце города, но из-за того, что облака в этот день были высоко, а свет зарева яркий, видно оно было на расстоянии в сотню километров.

- К слову! – произнес Святогор. – А как это объясняется? Ты говорила про световую ловушку… Как это работает?

Ставшее любимым для Святогора выражение «А как ты это объяснишь?», для Полли стало как корень хриниря, но Полли все равно охотно отвечала на вопросы. Сейчас что-то утаивать, недоговаривать или молчать было глупостью. Разговор в духе вопросов и ответов лишь укреплял взаимоотношения.

- Это гравитация, - ответила Полли. – Не уверена, но думаю там разбился один из гравископов.

- Что это? – недоуменно произнес Святогор.

- Гравископ или гравитационный телескоп – это устройство, которое использует гравитацию, чтобы… - Полли задумалась. – Как бы ощупывать далекие предметы в космосе, - произнесла Полли, входя вместе со Святогором внутрь дома. - С их помощью впервые были исследованы черные дыры. Думаю, один из таких упал там. Генератор мог породить в момент взрыва пузырь, в который свет попадает, а выходит с сильной задержкой. По схожему принципу работают магнитные ловушки типа семьдесят семь тире двадцать три.

- А это что за хреновины? – спросил Святогор не понимая, что Полли сейчас назвала.

- Это… - Полли задумалась. – Слушай, эта хреновина имеет слишком специализированное объяснение, а это такие дебри… - с чувством произнесла она. - Если простым языком, то это устройство, для изучения физических свойств некоторых типов излучений.

- Ясно… - задумчиво и все равно непонимающе ответил Святогор.

Святогор и Полли принялись готовиться к завтрашнему отбытию. Святогор сел на любимого конька и принялся расспрашивать Полли обо всем и вся, что приходит в голову.

- А как объяснить аномалию, на которую я наткнулся в окрестностях Твери. Я тогда шел по мосту и попал в туман, а когда вышел, то оказалось, что я как-то умудрился незаметно пройти шестьдесят километров.

- Это не аномалия… Тверь говоришь? – Полли задумалась. – Там был один из квантовых телепортов, если мне память не изменяет. Когда основатели покидали Землю, их уничтожали. Думаю, что взрыв одного из таких устройств в рабочем состоянии создал некое подобие, нет не саму, но подобие червоточины. Ты вошел в нее и тебя телепортировало. Правда… - Полли задумалась. – Что ее питает?..

- Вот оно как… - понимающе произнес Святогор. - А вот как объяснить одну аномалию, - вновь поинтересовался Святогор.

- То, что ты понимаешь как аномалии, - перебила Полли. – это просто мистика, порожденная незнанием как это объяснить. В сущности, у нас тоже в обиходе есть слово аномалия, но у нас это действительно странные и необъяснимые вещи - аномалии, в которых сами законы физики ведут себя странно, вернее неясно. У нас слово аномалия – это маркер, говорящий о том, что это еще нужно объяснить.

- Да-да, я уже это понял, но мне проще это так называть. Так вот! Есть одна аномалия, я ее правда не видел, но услышал о ней в общине, когда та еще существовала. По словам жителей, они не редко видели странного человека. Этот человек ходил по воде и ярко светился. Люди прозвали эту аномалию – Иисусом.

- Чепуха… - недовольно буркнула Полли. - Это плазма в квазизамкнутой системе, которая в результате преломления системы имеет продолговатую форму, которая издали напоминает человека – обман зрения.

- Ква… Что? – удивился Святогор.

- Квазизамкнутая система – это система, которая не взаимодействуют с окружающей средой. Плазма придает ей свечение, а из-за того, что она квазизамкнутая, она не взаимодействует с водой, а потому и создается впечатление, в купе с обманом зрения, эффект человека, который светится и идет по воде. Но по сути, это вроде шаровой молнии, только с иным принципом работы.

- Фига себе… - с чувством произнес Святогор. – Стоп! А откуда она там взялась?

- Тут уж, увы, но я ответа не знаю. Эта аномалия могла появиться по разным причинам: естественным или искусственным. Если по естественным, то скорее всего там подходящие условия для возникновения системы, что может объяснять ее привязанность к определенному месту.

Полли очищала корнеплоды, а Святогор складывал их в рюкзак.

- Слушай, а помнишь, ты говорила, что в окрестностях Питера может быть еще кто-то вроде меня, - поинтересовался Святогор.

- Да, а что такое? – ответила Полли, не отрываясь от работы.

- А где вы его… Сигна-лизировали? – с некоторым затруднением выговорил последнее слово Святогор.

- Точно не скажу, там данные были не очень то и точными, но в районе юга и юго-запада, за Питером.

- То есть в Пулковском лесу? – странно глядя на Полли, произнес Святогор.

Полли задумалась.

- Это тот, что в прошлом году горел?

- Да. Пожарище был…

- Да, вроде как там.

Святогор странно задумался.

- Что такое? – забеспокоилась Полли.

- Да так, странная идея посетила, - произнес Святогор, начиная странно пошатываться.

- Леш, – произнесла Полли, поглаживая свой нос, давая понять Святогору, что она от него хочет.

Святогор коснулся своего носа. На пальцах была кровь. Полли отложила работу и подошла к Святогору, вытирая руки об штанины костюма.

- Сейчас, - произнесла Полли, прикладывая ладонь к голове Святогора.

Кровь из носа шла по вполне обоснованной причине. После неудачного пси-переноса, когда Святогор увяз в воспоминаниях, его мозг попытался за один раз записать огромный объем информации, на что был не способен. Для того чтобы вместить информацию, мозг принялся перестраиваться и создавать новые нейронные связи, но так как скорость перестройки уступала скорости записи, мозг пытался найти альтернативу, из-за которой мозгу пришлось жертвовать своими клетками. Этот процесс спровоцировал цепную реакцию, которая должна была практически в буквальном смысле выжечь мозг Святогора. Однако сработала защита. Причина этой защиты заключалась в Полли, которая лечила Святогора. Из-за психомедецины и подключенной к мозгу Святогора Полли, его мозг перенес информацию в буфер – Лимб! Но проблему это не решило, ибо информация требовала записаться в мозг Святогора, а найти и удалить ее вручную через Лимб было как отыскать единственную иголку на целой планете сена. Мозг Святогора может вместить всю эту информацию, но не за такой промежуток времени, как этого требовала информация. Полли помогала Святогору перестроить мозг и по идее, уже завтра мозг Святогора начнет записывать информацию. Сейчас же, пока процесс не завершен, достаточно сильные эмоции провоцировали информацию записаться именно сейчас, что отражалось на его состоянии.

- Слушай, - произнес Святогор, глядя на Полли, которая возвышалась над сидящим Святогором с приложенной к его голове рукой. – Мне тут одно воспоминание прилетело. Это по поводу связи и того, что она дает.

- Что именно, - отозвалась Полли.

- Я видел, как какое-то существо… - задумался Святогор. - Оно летало и было похоже на медузу, только без щупалец. У них тоже было что-то вроде связи, но они ее использовали иначе, вроде как телекинез.

- Да, это Дарахи, цивилизация из галактики Треугольника. Их связь, правда у них это называется тульпсо, естественного происхождения и она способна на куда большие вещи. Наша телепатия требует прямого подключения, через тактильный контакт, а они могут обходиться и без этого. А по поводу телекинеза, то они используют тульпсо как способ программирования пространства, заставляя его изгибаться как им угодно. Это объясняет и то, почему у них нет конечностей – за ненадобностью.

- А полет это тоже?

- Да, - произнесла Полли, заканчивая короткую лечебную процедуру Святогора.

Полли убрала руку и на какое-то мгновение их взгляды пересеклись.

- Лучше? – полюбопытствовала Полли.

- Да, - ответил Святогор. – Странно это… Телепатия я еще понимаю, но телекинез… Как по мне, это дико странно, даже фантастично…

Полли вернулась на прежнее место, а Святогор пошмыгал носом, проверяя его работу.

- Ну, реальность всегда была фантастичной. Например, в прошлом люди верили в Богов. Сейчас люди верят в науку, но мы до сих пор принимаем на веру то, что никогда, возможно, собственными глазами не увидим. Хочешь услышать самое фантастичное, что есть во вселенной?

Святогор одобрительно закивал.

- Существует теория о мультивселенной, которая подразумевает то, что наша вселенная не одна.

- А… - Святогор махнул рукой. – Знаю. В старых фильмах про параллельные вселенные видел.

- Да, но все это не так верно, как это объясняет теория. Согласно ей, существуют не просто параллельные вселенные, а вселенные, в которых законы мироздания могут быть как похожи, так и кардинально отличаться от наших. Может быть и такое, что где-то есть мир, в котором законы вселенной другие, но при этом вселенная похожа на нашу как две капли воды, из-за того, что законы будут выдавать те же или схожие результаты. Вот например, в нашем мире гравитация – это физическая величина, а в другом мире она может быть свойством искривления пространства. Однако, из-а того, что влияние одинаковое, то разница будет заключаться лишь в ее механизме. Мы даже можем сформулировать описание закона ошибочно. Описать закон так, как это происходит в том мире, а у нас на самом деле все иначе. Там даже история, при разных законах, могла развиваться схожим образом! Есть даже и такие миры! Где законы существуют по прихоти наблюдателей, а бывают и такие, где законов вообще нет.

- И все же, насколько я помню, это ученые даже как-то обосновывали научно. А телекинез…

- Знаешь, как это ни странно, людям проще поверить в возможность того, что вселенная бесконечна, при условии, что эту бесконечность люди даже представить не могут, а вот телекинез представляют. А вот верить…

- Да… - задумчиво протянул Святогор.

Святогор полюбопытствовал еще о нескольких бытовых вопросах, стараясь не трогать сложные темы, а после у него разыгралась мигрень. Мозг входил в финальную стадию перестройки, а значит, утро у Святогора будет похмельным, да и новые воспоминания, скорее всего, породят у Святогора тысячу другую новых вопросов.

Похмельным утро было не только у Святогора, но и у природы. Тяжелые свинцово-серые, местами черные, облака висели над Питером. Все вело к грозе, должно быть первой и очень ранней в этом году. Но, несмотря на все, Полли и Святогор собирались покинуть укрытие и отправиться в путь. Однако их дорога долго не продлилась и усиливающийся дождь загнал путников в Сертолово, что было в трех километрах от Дранишников. Погода разошлась не на шутку, из-за чего пришлось искать новое укрытие, чтобы переждать непогоду, которая столь вероломно прервала путешествие в самом его начале. Серость Питерского неба сменилась густой чернотой, а воды было столько, что казалось, как будто в небо провели водопровод прямо из Финского залива.

Святогор бывал в Сертолово, но он его обычно проходил, как любил говаривать один неприятный, не то Гарик, не то Жорик - не задерживаясь. Задерживаться у Святогора обычно не было банальной необходимости, а потому что, да и как в этом городе, Святогор особо не знал. Единственное, что Святогор точно знал о городе, так это то, что он был немного… Странным. Когда Святогору доводилось бывать в городе, иногда складывалось впечатление, словно в нем кто-то живет, а некоторые вещи иногда казались Святогору совсем новыми, а не пролежавшими без дела десятки лет. Сам город был как город – много панельных многоэтажек, в окружении причудливо закрученных сосновых деревьев. Сосен в городе было много, но не меньше в городе было граффити людей. Словно какой-то безумный художник, страдая от чудовищного одиночества, пытался заполнить этот пробел, разрисовывая стены тенями людей. Все эти силуэты

людей, запечатленные во всевозможных позах, были словно жителями этого города, заменяя реальных, что сгинули еще во времена войны.

Полли и Святогор расположились в одной из доступных квартир. Дровами для костра послужила найденная сильно запыленная мебель. Окно гостиной, где путники расположились, пришлось забаррикадировать шкафом, чтобы ветер и дождь не беспокоили. Весь день Святогор и Полли провели в молчании. Святогор потому, что воспоминания Полли начали записываться в его мозг и ему было трудно реагировать на что-то еще. Полли же молчала потому, что ее донимала, пусть и слабая, но все же ломка. Полли отметила для себя то, что ее связь работает иначе, словно ее программное обеспечение было изменено. Полли решила, что необходимо наведаться в подсознание, которое она уже давненько не посещала.

Святогор сидел словно статуя монаха, тупо глядя в костер. Дров было достаточно, еще что-либо делать было не нужно и Полли решила поспать, заодно и заглянуть в свою библиотеку. Полли приблизилась к Святогору и села рядом, укладываясь на него, словно на большого плюшевого медвежонка. Святогор, слабо отвлекаясь от созерцания огня, принял Полли в свои объятия, давая ей возможность принять удобную для сна позу. Полли уснула быстро, а вот Святогор продолжал глядеть в костер, углубляясь в воспоминания, прокручивая их словно диафильм.

Святогор отвлекся от огня и опустил взгляд, видя как маленькое и теперь уже отнюдь не хрупкое существо, сладко спало в его объятиях. В голове Святогора мелькнула мысль – как же он мог ее ненавидеть? И ведь даже хотел ее убить… А оно вот как все повернулось. Сейчас, видя в своих воспоминаниях ее мир, ее глазами, ее чувствами, Святогор ощущал всю гнусность своего поведения. Несмотря на то, что Святогор поменял отношение еще в ту самую ночь, после их контакта между собой, оба они словно побывали в шкуре друг друга. Вся их вражда испарилась… Лопнула! Словно мыльный пузырь. Осталось лишь понимание и желание помогать. Словно страшная депрессия, отступила и теперь надоедает лишь тем, что осталась в памяти.

Святогор положил свои руки на Полли, словно мягкое и нежное одеяло, и продолжил глядеть в костер. В свете огня он видел города далекой Тейи. Чистые и сверкающие, меняющиеся и кипящие жизнью города. Святогор видел сады и леса, моря и океаны, острова и белоснежные ледники. Видел улыбки, радость и счастье. Видел будущее, прекрасное и светлое будущее, где нет ни боли, ни страданий, нет непонимания, нет тех, кто бросит, отвернется, предаст, убьет… Там, на Тейе, всякий откликнется на зов. Там, на Тейе, о тебе не забудут и не бросят. Должно быть сейчас кто-то ищет Полли. Бороздит простор космоса вокруг Земли, пытаясь отыскать хоть что-то, не останавливаясь пока не отыщет. Сотни людей и ни одного одинокого. Связанные связью люди ощущали друг друга, точно так же, как любой человек ощущает свою руку, ощущает прикосновение к коже, как слух ласкает приятная музыка, как глаз радует красивая картина. Все это сплеталось воедино и Святогор, точно как Полли, ощущал мир воспоминаний иначе. Каждое чувство и эмоция были интересны, но когда они ощущались в гамме, когда два совершенно разных чувства становились реакцией на одно и то же, Святогор ощущал трепет. Словно сама душа рвалась на части от невиданного наслаждения. В голове Святогора мелькали и печальные мысли. Мысли о том, что он был столько лет дураком, который только и делал, что рылся в прошлом, искал виноватых, все пытался… Одна сплошная чрезмерная рефлексия и одно бесконечное – Я!

Полли спала, лежа на Святогоре. Ее разум погрузился в подсознание, в ее библиотеку. Библиотека пребывала в запустении. Однако все выглядело не так печально, как Полли ожидала. Несмотря на то, что ее маленький чертик выбрался на свободу и, по сути, должен был тут вовсю резвиться, следов его Полли не находила. Обойдя поваленные стеллажи, она набрела на одну колонну. Колонна для библиотеки была несущей и если проводить параллели, то колонна была

стержнем психологического состояния Полли. Интересное в ней было то, что в колонне было искаженное лицо, словно кто-то его высек в камне. Лицо дернулось, открыло глаза и рот издав сдавленных скрипучий звук. Полли открыла от удивления рот и тут же прикрыла его ладонью, понимая, что это ее чертик, который каким-то образом оказался почти полностью вмурован в колонну. Как это произошло и какие у этого последствия, Полли не понимала. Однако это очень походило на то, как Полли одолела демона Святогора, с той лишь разницей, что тут явно иной результат.

Полли подошла к колонне и приложила руку к лицу демона. Она не понимала, что делает. Ее действия были интуитивными, словно гений игры на гитаре, беря впервые в руки инструмент, попробовав лады, начинает понимать и играть. Полли зажгла свет в своей кисти и лицо чертенка принялось разравниваться и все больше, и больше сливаться с колонной, пока не исчезло в камне. Когда Полли убрала руку, ее тут же посетила странная идея. Но для ее проверки требовался более глубокий анализ, а для этого требовалось спуститься в Лимб.

Полли вернулась в центр зала, где когда-то была клетка чертенка. Библиотека имела форму солнца с расходящимися от центра лучами проходами, вдоль которых стояли стеллажи. Однако изначальная планировка библиотеки была иной, но Полли заметила перемену лишь сейчас. Раньше стеллажи стояли обращенные к центру зала, а сейчас словно бы друг напротив друга. Но центр зала остался без изменений. Раньше вход в Лимб у Полли представлял дверь, а теперь, как она чувствовала, двери никакой нет, а есть точка, на которую необходимо сесть. Полли прошла в центр зала и заняла прежнее место чертенка. Библиотека померкла и Полли оказалась где-то между библиотекой и Лимбом, словно в промежутке. Подумав еще раз, она твердо определилась, что хочет попасть в Лимб.

Библиотека исчезла полностью, а ее место заняла пустая квартира. Полли перешла в Лимб. Лимб был подобен виртуальной или скорее искаженной зеркальной реальности, которая накладывается поверх действительной. Однако Лимб имел несколько иной облик, нежили действительная реальность, ибо формировался Лимб чувствами, эмоциями и воспоминаниями. Там, где нет тех, кто мог бы формировать Лимб – космос, пустые планеты и прочее, Лимб пуст и черен. Но вот Земля таковой не была, а потому данный участок Лимба – это почти точная копия, за исключением деталей. Полли находилась в Сертолово, а потому и в Лимбе она так же была в Сертолово. Но тут не было леса, вернее был, но не такой густой, не было и грозы, а постоянная пасмурность и вечные сумерки. Лимб больше походил на фото с очень долгой выдержкой, лет пятьдесят или шестьдесят. Всякое изменение в облик вводили сильные эмоциональные события, которые создавались разумными созданиями, объединенными тем или иным чувством. По сути Лимб – это информационное поле людей. С учетом прошлого Земли, местный Лимб был жутким местом. Лимб Земли формировался чувствами и эмоциями людей, что пережили войну, а потому частичная или полная разруха, мусор и кости, пыль и тлен, вечный туман и копоть. Словно не город, а свалка. Ничего живого в Лимбе не водилось, а водились эмпатические фантомы или просто Эмпантомы – сгустки сильных эмоций, чувств или переживаний. Эмпантомов порождала не толпа, а отдельная личность, чье психологическое состояние можно было прировнять к целой группе людей. Эмпантомы были разные, в зависимости от испытываемого чувства. Всего выделялось три основные группы. Рыцари – порождения чувств и эмоций, таких как любовь, счастье, радость и тому подобные. Нечисть – порождались болью, злостью, яростью и им подобными чувствами. Были и другие, прозванные Скитальцами. Что порождало Скитальцев, точно не известно. Рыцари, Нечисть и Скитальцы существовали до тех пор, пока жив их создатель и память о них. Как только человек умирал и забывался, то и его порождения исчезали.

Полли вышла на улицу. Улицу покрывал ковер из странной паутины, в которой было множество костей. Чем могла быть паутина неизвестно, в Лимбе не стоит понимать все буквально. Всякое чувство в Лимбе материализуется в виде смысловой параллели. Паутина может

олицетворять все, что угодно. Война словно паук, что поймала и сковала людей своей паутиной или быть может все не так глобально, просто тут что-то произошло, от чего все оказались в ловушке, как мухи в паутине.

Полли шла по этому ковру, хрустя костями и мусором, и искала то, что должно быть у нее на виду. Связь программируется через Лимб и доступ к исходному коду ее связи должен быть где-то тут. Проблема в том, что доступ как книжка-невидимка, что лежит у тебя под носом, а ты ее не можешь увидеть. Заметить можно лишь боковым зрением, но из-за всех объектов вокруг, книга сливалась с окружением. Потому Полли искала более подходящий фон, чтобы книга контрастировала.

Идя по улице Молодцова, Полли наткнулась на небольшое трехэтажное здание, обогнув которое, она нашла подходящий фон. Здание имело форму буквы Н, а однотонность стен и пустой двор делали любой объект контрастным. Полли огляделась вокруг, пытаясь взглядом выцепить книгу. Технически, Лимб можно назвать параллельной реальностью, в которой законы формируются наблюдателем, а потому то, что книга вдруг оказалась лежащей на подоконнике одного из окон, Полли ничуть не удивило. Лимб – это как сон, где любая сюрреальность воспринимается как нечто нормальное.

Полли подошла к книге, ориентируясь на боковое зрение, но как только она ее подняла, Книга уже стала доступна обычному взору. Книга имела твердый переплет, а страницы были словно из плотного картона. В целом, книга имела старинный вид, а на обложке была надпись: «Не влезай». Так как у каждого человека в Лимбе своя книга, то и надпись на ней была у каждого своя. Сама надпись была внутренним предупреждением и не более того. Несмотря на то, что книга казалась сравнительно тонкой, на деле число ее страниц исчислялось бесконечностью.

Полли взяла книгу и открыла ее. Жесткие страницы были пусты, но стоило Полли подумать и текст начинал проявляться. Книга писалась при помощи особого ментального кода, который был чем-то вроде эмпатического языка или био языка. По сути все три языка – это как три наречия одного и того же языка. Эмпатический язык – это язык чувств и эмоций. Био язык – это язык мыслей, если угодно, то это тоже, что и чтение мыслей. Ментальный код – это технический язык. Каждый язык имел особые свойства. Эмпатический язык – это как чувство вкуса, чувство запаха, тактильное ощущение и прочие чувства. Разговор на этом языке можно сравнить с прослушиванием музыки, просмотром фильма или вкусным обедом. Язык понятный на интуитивном уровне, как один человек понимает добрые или враждебные намерения другого человека. Правда иногда бывает и на оборот, в зависимости от чувств и эмоций. Био язык – это как прочесть и заучить книгу или как познавательный урок, где информация, попадая в мозг, оседает в нем. Ментальный же код имеет свойство воздействовать на массы. Если Лимб – это базовая система, как биос на старых довоенных компьютерах, то ментальный код – это операционная система, а все прочее, вроде пси-переноса, психомедецины и пси-удара – это утилиты или программы. Вот только сравнение это через-чур грубое и всей сути не отражает.

Полли листала книгу взад и вперед, пытаясь прочесть код. Ментальный код имел вид логограмм, с той лишь разницей, что эти логограммы хранили не речевую информацию, а информацию мыслей, чувств и эмоций, подобно био языку. Так как это код, то код этот был написан по особым алгоритмам, которые формировали психологическую программу. Связь, если рассматривать как инструмент, обеспечивала соединение с Лимбом и программой. На страницах книги Полли пыталась отыскать то, что могло дать ответ ей на вопрос, касательно того, что произошло с ее подсознанием. После некоторого времени, Полли обратила внимание на то, что уже некоторое время озирается, словно что-то ее беспокоит. Но вокруг ничего не было, если не считать одного дворника. Дворник – это один из местных обитателей, который относится к группе Скитальцев. Дворники, как и Бомжи (с ударением на О), были самыми распространёнными

обитателями Лимба. Названия, как и прочие термины, касательно Лимба, перекачивали из рабочего жаргона первопроходцев Лимба. Первопроходцами Лимба были самые обыкновенные наркоманы, которые воспринимали Лимб как галлюцинации, вследствие наркотического опьянения. Но после необъяснимой череды смертей, наркотик привлек пристальное внимание ученых. Однако к тому времени уже существовали те, кто спускался в Лимб осознанно, понимая, что пойманные под действием наркотика глюки далеко не иллюзии. Эти люди, что намеренно спускались в Лимб, сформировали фольклорную базу или рабочий жаргон. Изучение Лимба началось еще в двадцатых годах двадцать первого века Земной эпохи, а в итоге, в будущем это заложило фундамент для изобретения связи. Раньше Лимб Питера, насколько Полли знала, был более населенным, но из-за войны, в связи со смертью миллиардов людей, Лимб сильно опустел. Сейчас Лимб Питера преимущественно населяют Скитальцы. Из-за того, что первопроходцами были обычные люди, то и жаргон создавался на основе бытовой атмосферы. К примеру, Дворник – безобидное, длинное и сутулое образование неопределенной внешности, походившее скорее на сгусток плотного дыма. Если приложить фантазию и дорисовать недостающие элементы, то этот сгусток дыма походил на старого стереотипного дворника конца девятнадцатого и начала двадцатого века Земной эпохи – фартук, фуражка и метла.

Полли обратила внимание на Дворника, который брел куда-то безо всякой цели. Полли огляделась вокруг, но все оставалось прежним, но странное давящее чувство не давало Полли покоя. Складывалось ощущение, словно на Полли давил пресс, но невидимый и не осязаемый. Подобное очень напоминало пси-удар, но тот был скорее ударом молота, а тут медленное сдавливание словно под прессом. Несмотря на неуютное ощущение, Полли продолжила изучать книгу пока не наткнулась на то, что искала.

- Странно… - произнесла Полли, вчитываясь на написанное.

Несмотря на то, что Полли никогда не занималась кодировкой Лимба, сам язык она знала. Код программы связи, по сути – это как песня, которая звучит слаженно и гладко. Если есть ошибка, то она выделяется как фальшивая нота. Но в данном случае было другое. У кода, как и у песни есть определенный стиль, в котором исполнены композиции, в данном случае постулаты или правила. Весь код – это как альбом, в котором каждая песня хоть и отлична, но выполнена по одним и тем же правилам. Однако сейчас Полли видела песню, которая словно бы из другого альбома. То есть перед ней была часть кода, чей стиль отличался от общего. Код не фальшивил, но и не вписывался в общий контекст. Полли попыталась проанализировать эту часть кода и пришла к выводу, что он адаптирует данные по схожим параметрам, разлагая донорский сегмент. То есть, если взять две характеристики, где одна из характеристик - это донор, то часть кода разложит его на составляющие и путем адаптации соединит с первым. При соединении в первую очередь объединяются схожие данные, все прочее выделяется как шлак и распределяется по близким значениям. Если что-то остается, то оно перестраивается в удобный формат и встраивается. Если сделать этого нельзя, то данные можно выделить и переместить в выделенную зону Лимба, после чего редактировать.

В сущности, принцип работы был понятен, но с какими данными он работает? Как эта часть кода возникла? Является ли сделанное постоянным или временным?..

Полли вдруг посетила мысль, что произошедшее с ней и Святогором связано этой частью кода.

- Стена… - задумчиво произнесла Полли, отрываясь от изучения книги.

У Полли родилась странная идея, которая затрагивала проблему основателей и первого поколения. Однако сейчас трудно было что-то утверждать, да и обстановка не располагала. Лимб - это не просто часть эфирного пространства. В Лимбе вся воспринимаемая мозгом информация

воспринимается почти так же, как в реальности. Эффект плацебо заставляет мозг воспринимать иллюзорную боль как настоящую, из-за чего смерть в Лимбе ведет к смерти в реальном мире. Лимб Земли и Тейи сильно отличается. Тейянский Лимб – это как стерильная и совершенно безопасная лаборатория. Лимб Земли – это опасная для жизни свалка. Зайти что-то поискать или сделать что-то еще, быстро и продуктивно – это одно! Но работать, да еще и на одном месте в течении длительного времени – это уже самоубийство… А изучение фрагмента кода требует именно этого. Сейчас Полли понимала две вещи: первое - этот фрагмент кода связан с прошлым пси-переносом, а второе – нужно сделать заметку и изучить этот вопрос уже на Тейе.

Полли стала ощущать, как давление становилось все сильнее. Ощущение было как на большой глубине, когда толща воды сдавливает со всех сторон. Войти в Лимб не трудно, трудно его покинуть. Первопроходцы Лимба или на рабочем жаргоне «пилигримы», для входа или на том же жаргоне «спуска», использовали наркотик из грибов, найденных в окрестностях Питера. Пока наркотик действовал, пилигрим находился в Лимбе, но как только действие заканчивалось человека выдергивало в реальный мир. Но из-за того, что для спуска в Лимб необходима была убойная доза наркотика, естественный процесс мог затянуться до нескольких суток. Потому для выведения наркотика, пилигримы использовали препараты для форсированной диурезы. Но Полли проникает в Лимб за счет участка мозга и прямого подключения, а потому выход из Лимба осуществляется иным способом. Для выхода желательно вернуться на прежнее место, где связь с телом сильнее, а после заставить себя резонировать с той же частотой, что и мозг в теле. По сути, спуск – это рассинхронизация разума с мозгом, то есть информация как бы отделяется от тела и попадает в эфирное пространство, где и находится слой под названием Лимб. Обратная синхронизация возвращает в тело.

Полли двигалась по городу и ощущала, как все вокруг давит, словно тяжеленым прессом. Дойдя до улицы Центральная, Полли вошла в первый подъезд дома, где первый и второй этаж которого были облицованы плиткой, стилизованной под камень. Поднявшись на третий этаж и войдя в помещение, Полли увидела то, что не заметила, когда уходила. В помещении лежал продолговатый предмет, от которого исходила легкая дымка и слабое мерцающее свечение. Свет был мягким и переливчато менял окрас от зеленого к синему, а от синего к фиолетовому и снова к зеленому. Этот предмет назывался талисманом или брелоком. На жаргоне слово талисман означало предмет, обладающий свойством воздействовать на вероятность. Формально, слово талисман - это лишь статистически часто употребляемое слово, так как общепринятого названия у них нет. Помимо второго названия – брелок, было множество и других названий. Вроде таких как: реликвии, безделушки, побрякушки, цацки, артефакты, амулеты и так далее. Однако слова талисман и брелок были особенно уместны, так как названия появилось из объяснений их свойств. Вот представьте! Вы взяли талисман-брелок - счастливую кроличью лапку, носили ее с собой постоянно, допустим в казино, при этом вам часто везло. За долгие годы пребывания в поле вашего везения, талисман пропитывался информацией или энергией везения, словно губка или заряжался как аккумулятор. После вы его потеряли, но кто-то ваш брелок нашел и взял себе. Талисман, заряженный вашей удачей, будет излучать эту удачу и влиять на закон вероятности в реальном мире. То есть для вас счастливая кроличья лапка станет действительно счастливой! Талисман, воздействуя на закон вероятности, изменяет статистику ваших удач и поражений в пользу удач. Правда есть множество нюансов, из-за которых талисман может работать в ваших руках, а в руках товарища нет. Бывают предметы, которые оказывают воздействие на всех без исключения, а есть такие, которые действуют лишь на определенных людей. Говоря проще, все вещи, что людям известны как счастливые, заговоренные, святые и проклятые – это, правда не в обязательном порядке, заряженные предметы или талисманы. Если говорить несколько иначе, то талисманы – это предметы с богатой историей. По сути, даже город может стать своеобразным талисманом, но чем больше площадь впитываемой информации или энергии, тем слабее отдача. Проклятые или святые города, по идее, это локации, где произошли масштабные события,

которые несли в себе огромнейший эмоциональный заряд. Тут важно понимать и то, что допустим в двух разных точках мира могло произойти что-то, что в разрушительности близко друг к другу. Однако эмоциональный заряд у них мог быть разный, а потому одна локация могла стать… Скажем проблемной, а вот вторая наоборот! Что? Как? Почему?.. Увы, но механизм этого процесса неизвестен, но то, что информация способна придавать необычные свойства материи – это уже доказанный основателями Тейи факт.

Полли оглядела предмет, который выглядел как небольшой прямоугольник с черным квадратом с одной стороны и с какой-то ручкой с другой. Из-за того, что предмету еще нет и пятидесяти лет, его облик был размыт и очертания лишь угадывались, но судя по его дымке и свечению, предмет имел довольно богатую историю. Полли не страдала клептоманией и не собирала блестящие предметы, но решила, что в реальности предмет стоит отыскать. Кто его знает, может его свойство – это повышать вероятность смертельного исхода? Тогда от такого предмета лучше избавиться. Забрать из Лимба ничего нельзя, но Лимб – это как скрытая функция, которая показывает свойства предметов и окружения в реальности, а вот в реальности предмет забрать уже можно. Между прочим! Насколько Полли знала из АРХИВа (хранилище всех знаний Тейи на основе квантового компьютера, расшифровывающееся как: автономное реесторное хранилище информации Ванга Вэньхуа или просто – АРХИВ), некоторые люди в прошлом, пользовались услугами пилигримов, дабы проверять подлинность некоторых предметов, а некоторые даже умудрялись использовать Лимб для крупных краж.

Полли вернулась на прежнее место и сосредоточившись вернулась в подсознание, а оттуда в реальный мир. В реальном мире уже начинался рассвет. Костер давно погас лишь угли дотлевали. Святогор спал в позе огромного плюшевого медведя. Полли же решила, что костюм стоит починить, насколько это возможно. Так как костюм, в который Полли была облачена – это биомеханизм, то его можно изменить путем использования психомедицины. О полном восстановлении речи не идет, но поврежденные участки можно перестроить во что-нибудь более лицеприятное.

На восстановление у Полли ушло четыре часа. Если раньше костюм больше походил на гидрокостюм, что облегал подобно второй коже, то теперь он походил на топик. С той лишь разницей, что штаны, сам топик и голофон соединялись полосой, что служила проводником. Открытые участки тела можно будет прикрыть шубой или поискать какую-нибудь ветошь.

Пока Полли медитировала, восстанавливая костюм, проснулся Святогор. Видя, что Полли вне зоны действия сети, он решил развести свежий костер и впервые за несколько дней, сходить в туалет. Из-за психомедицины организм использовал все без остатка, из-за чего даже шлака не образовывалось. Сейчас же все хорошо и организм начал функционировать сам со всеми вытекающими в прямом смысле. Уединяться для мокрого дела, Святогору пришлось в соседней квартире, где он попутно нашел и мебель. На костер пошел бельевой шкаф, в котором лежало, по всей видимости, истлевшее постельное белье, покрытое плесенью и каким-то лишаем или мхом. Кроме прочего, в шкафу стоял сундук. Святогор отпер и из его недр пахнуло затхлостью. В сундуке лежала мужская одежда. Видимо в этой квартире жил толстяк, ибо штаны и рубахи были Святогору по размеру, но чуть коротковаты, учитывая его габариты. Он взял дрова и отнес к костру. Пока Святогор занимался костром, он видел как поврежденный им костюм Полли, который она Бог знает, чем залатала, менялся. Больше он не становился, а потому открытые участки тела оставались и Святогор решил, что найденная одежка ей пригодится. Святогор, покончив с костром, сходил и забрал найденную одежду. Одну из рубах он решил надеть на себя, но ткань, в силу возраста и габаритов Святогора, лишь разошлась на тряпицы. Когда же Полли пришла в себя, то ее уже ждал завтрак из кореньев и замена воняющей дохлятиной шубы, на не менее вонючие, но уже хоть прелостью, рубахи.

Полли, заканчивая восстановления костюма и возвращаясь в реальность, увидела Святогора, который сидел уставившись в костер. Во взгляде Алексея читалась погруженность в мысли, словно он с интересом смотрел кино. Полли поняла, что Святогор сейчас изучает ее воспоминания. Когда Полли зашевелилась, Святогор отвлекся и поглядел на нее. Девушка выглядела откровенно и даже сексуально. Святогор даже сглотнул, когда Полли встала во весь рост.

- Это мне? – поинтересовалась Полли, указывая на тряпки.

- А? – произнес Святогор, отвлекаясь от созерцания ее обнаженных телес. – А, да, - заторопился Святогор. - Я нашел в соседней квартире.

- Великоваты… - произнесла Полли, примеряя. – Секундочку.

Полли сделала несколько манипуляций, от которых рубаха порвалась в нескольких местах. Она надела еще несколько тряпок, сделала тоже еще раз и всю эту груду тряпок, несколькими узлами превратила в теплую куртку, состоящую из нескольких слоев. Узлы убирали лишнюю ткань и придавали непрочной от времени ткани *необходимую* прочность, чтобы ткань не рвалась в труху.

- Как спалось? – поинтересовалась Полли, корректируя обновку, дабы та сидела удобнее.

- Да… Воспоминания мучали, - ответил Святогор. – Словно смотришь кино на неизвестном языке. Вроде в какой-то момент все ясно и понятно, но стоит попытаться углубиться в суть и сплошные дебри, да тарабарщина…

- Это нормально, - ободряюще произнесла Полли.

- Плюс… Все как-то хаотично, выборочно или избирательно. Вроде есть вопрос и в твоих воспоминаниях я вижу ответ, а понять его, увы…

- Если надо объяснить, ты спрашивай, не стесняйся, - дружелюбно произнесла Полли.

- Да… Да… - произнес Святогор, с задумчивостью уставляясь в огонь костра. – Завтракай, да выдвигаемся.

- Ага, - произнесла Полли улыбаясь.

Полли принялась за завтрак, а Святогор встал и направился к выходу.

- Ты куда? – поинтересовалась девушка.

- Пойду, может, что полезное в соседних квартирах найду, - ответил Святогор.

После слова «найду» Полли вспомнила о талисмане и решила, что его стоит поискать. Пока Святогор искал полезное, Полли шарила в помещении, ища что-нибудь, что похоже на предмет в Лимбе. Однако поиски не давали результата, при условии, что помещение было небольшое и содержимого, вроде мебели и тому подобного, тут было мало.

- Кстати! – выкрикнула Полли, жуя и ища талисман. – Мы ведь дальше в Медный лес, так?

- Да! – послышался глухой ответ Святогора из соседней квартиры.

- Я помню, ты говорил, что там какой-то голос, а опасное есть что?! Звери какие-нибудь?!

- Звери?! Нет, если только… С болот. Кстати! – воскликнул Святогор, словно вспоминая. - В рюкзаке баночка с мазью. Достань ее, надо на всякий случай намазаться, она как репеллент, отпугивает тварей с болот.

- Хорошо! – положительно отозвалась Полли.

Полли нашла рюкзак сразу.

- Мазаться сейчас или там?!

- Сейчас! Но не мочить, она быстро смывается…

- Ладно, сейчас!

Полли поискала в рюкзаке мазь. Мазь не находилась, но в одном из боковых карманов Полли наткнулась на что-то твердое и продолговатое.

- Нашла, - сама себе сказала Полли.

Полли сунула руку и извлекла странный продолговатый предмет с экраном и ручкой с другой стороны.

- Талисман?! – тихо и удивленно произнесла Полли. – Леш! Можно тебя на минуту?!

Послышалась возня, после которой в помещение вошел Святогор и поинтересовался в чем дело:

- Что такое?

- Что это? – полюбопытствовала Полли, показывая предмет.

Святогор приблизился и увидел то, что держала Полли.

- Ааа! – протянул Святогор. - Это навигатор!

- Навигатор? – непонимающе приподняла брови Полли.

- Да. Я и забыл про него… Полезная штука между прочим! Кстати! Думаю, после поселка Ольшаники он нам пригодится.

- То есть он еще работает? – удивилась Полли.

- Работает, еще и как! Эта штука привела меня из самого Владивостока! – с гордостью произнес Святогор, беря в руки навигатор. – Этот навигатор пережил войну и еще кучу всякой дичи, наравне со мной.

- То есть у него богатая история?

- Не то слово… Когда я вернулся и обосновался на острове, я с его помощью составлял свои карты. Когда нужда в нем пропала, он надежно осел в рюкзаке. Брал так, на всякий случай, а потом я про него с той же надежностью забыл… Ха!.. - усмехнулся Святогор.

- Слушай, а… - Полли задумалась. – Хотя нет, думаю…

- Что такое? – поинтересовался Святогор.

- Да так… То есть ты точно с его помощью сюда добрался?

- Можно сказать мы, а после того как его владелец умер и он достался мне по наследству, я чуть ли не буквально спал с ним в обнимку.

- Ладно, - одобряюще произнесла Полли. - Тогда он точно пригодится.

- Стоп! Я понял! – воскликнул Святогор, озаренный мыслью. – Богатая история? Это бри… Брелок? Талисман? Так? – ошеломленно произнес Святогор.

- Воспоминания прояснились? – поинтересовалась Полли.

- Немного… - произнес Святогор, почесывая затылок. – Все слишком избирательно. Словно воспоминания даже не как кино, а скорее… Как это? Как отдельные кадры или скорее как пазлы мозаики. Сложил два кусочка – счастье!

Святогор проверил, работает ли навигатор и, убедившись в этом, убрал его в рюкзак, доставая мазь, которой они оба намазались. Мазь пахла сосной и чем-то приторным, но чем не ясно. Святогор сказал, что лучше не знать. После коротких сборов, Святогор вышел, а Полли задумалась о навигаторе. На какую именно вероятность он влияет? Каковы его свойства? Положительные или отрицательные?..

Парочка вышла из подъезда на улицу и остолбенела. Город Сертолово выглядел неестественно! Тут не было того леса, что встретил их вчера, а дома были словно довоенными. Полли и Святогор хлопали глазами, не веря в то, что видят.

- Слушай, а мы точно хринирь ели? – поинтересовался Святогор у Полли, не в силах оторвать взгляд от увиденного.

Пара вернулась в подъезд, но вместо запыленной и замусоренной лестницы увидели ее же, но совершенно чистую. В подъезде даже пахло не сыростью и затхлостью брошенных домов, а свежестью и даже улавливался приятный аромат свежей стряпни и свежевыстиранной одежды. Святогор и Полли вышли обратно.

- Что за чертовщина? – Произнесла Полли с легкой паникой в голосе.

- Ааа… - недоуменно протянул Святогор. – Слушай, а как ты это объяснишь? – скептически поинтересовался он.

- Без понятия… - сокрушенно отозвалась в ответ Полли. – Галлюцинации, не иначе!

Они прошли по улицам и видели город таким, какой он был до краха мира, до войн, что угробили красоту простых пригородов и провинциальных городков, что жили в обнимку с природой. Правда одно было неизменным, как и вчера – граффити людей. Граффити было много и все были разные, и в разных позах, отражающих действия людей и животных, подобно отбрасываемым теням. Тут были старики, что сидели на лавочках, дети, что играли в мяч, прятки и пятнашки. Тут были мамы с колясками и женщины, что вешали сырое белье сушиться. Тут были мужики, что играли в нарды, шашки и шахматы. Тут были молодые парни, что копались в недрах машин и мотоциклов. Были простые прохожие, что брели неведомо куда и откуда. Сотни или даже тысячи теней, что навечно застыли на стенах домов.

Ни Полли, ни Святогор сперва даже не поняли, что уже какое-то время они слышат звуки. Казалось, словно это тени их издают. Смех детей, невнятные разговоры взрослых. Шум металла и инструментов, голоса работающих телевизоров, пение птиц и шум колышущейся на ветру листвы. Словно город жил и сейчас был прекрасный денек – выходной, когда никуда не нужно торопиться и можно заняться чем-то своим. Святогор и Полли несколько ошалело осматривали город, сами не понимая куда идут. Их двигало какое-то странно чувство любопытства. Полли ощущала странное давящее чувство, которое напоминало то, что она испытывала в Лимбе. Они шли вдоль Сосновой улицы и внимание Полли привлек объект, который среди всего прочего выделялся.

Слева от Полли стоял дом, который представлял собой самую обыкновенную хрущевку, которыми было застроено, вероятно половина Сертолово. Бетонная коробка в пять этажей, облицованная мелкой квадратной плиткой белого цвета. Ряды балконов и окон с деревянными рамами, на или за которыми стояли различные вещи. С некоторой периодичностью, на первых этажах в стенах были серые двери под бетонными козырьками. И так было почти в каждом

подобном доме. Но именно в первом доме Сосновой улицы, одна из серых дверей была вовсе не серой. Дверь была ярко красной и выглядела кричаще! Дверь словно бы всем своим видом говорила – открой меня!

Полли остановилась, а Святогор шел дальше. Оба даже не обратили внимания на то, что они разделились. Святогор ушел, продолжая глазеть на улицы города, а вот Полли осталась стоять у двери. В ее голове всплыла картина квартиры подсознания Святогора. Дверь слабо приоткрылась с некоторым скрипом. Звуки вокруг Полли померкли, а небо вдруг стало темнеть. Из недр открывающейся двери тянуло чем-то вкусным, а само пространство внутри было заполнено мягким светом. Полли приблизилась, сгорая от любопытства и дверь открылась шире. Из недр доносился бытовой шум, словно кто-то готовил на кухне и играла музыка, не то радио, не то телевизор работали. Полли завороженно приближалась к двери, словно мотылек на свет.

Святогор, покинув Полли, шел по улице до тех пор, пока не понял, что идет как-то странно. Пейзаж вроде бы и меняется, а вот граффити людей нет, словно они повторяются. Святогор обернулся, чтобы сориентироваться и заметил, что Полли рядом нет.

- Полли?! – взволнованно произнес Святогор. – Полли! – выкрикнул Святогор, понимая, что потерял ее.

Святогор принялся метаться и вспоминать, где он шел до этого. Он пробежал несколько улиц, пытаясь звать Полли. Та не откликалась и Святогор начал сильно волноваться. От сильного волнения в кровь ударил адреналин и стимулятор, от чего глаза Святогора засияли золотым блеском. Святогор метался по дворам и все кричал, пока не остановился, понимая, что он один и тот же двор уже раза три пробегал. Внимание Святогора привлекло то, что двор хоть и был одним и тем же, а вот силуэты людей отличались. В тот момент, когда Святогор это осознал, раздался детский смех, который разнесся странным металлическим эхом. Небо вдруг начало стремительно темнеть. Святогор боковым зрением засек движение, но тут же брошенный взгляд натыкался на очередной силуэт.

Смех. Резко брошенный взгляд и ничего. Снова смех. Снова резко брошенный взгляд и!.. Силуэты людей уже были другими. Святогор огляделся и увидел, как граффити людей, их черные силуэты, эти тени прошлого, стояли в странных ожидающих позах. Только сейчас Святогор понял, что это были точно не призраки. Сейчас Святогор глядел на *неведомо что* и это *неведомо что* его обступало, словно бы загоняло куда-то. Святогор стоял и видел, как тени оживали. Все вокруг заполонил шум невнятной речи, детского смеха и странного гула. Святогор ощутил чудовищное чувство странного дежавю. Он бросился бежать, но тени не бросились за ним, а спокойно не торопливо двинулись вслед. Святогор пробежал Сосновую улицу и увидел открытую красную дверь. В его голове что-то тренькнуло, и всплыли старые воспоминания об отце. Святогор остановился, замерев на какое-то мгновение и пристально вгляделся в дверь. Всего одна мысль, что посетила его, придала ему решимости и Святогор бросился к двери.

Дверь уже начала закрываться, но Святогор не дал ей этого сделать. Просунув руку в щель между дверью и косяком, он остановил процесс. Пытаясь отпереть дверь, Святогор прикладывал все усилия. Не дать ей закрыться у Святогора не выходило и тогда он втиснулся внутрь. За дверью была прихожая, которая разделялась на три помещения - две комнаты и кухня, плюс ванная за закрытой дверью. Квартира выглядела знакомой, но в то же время иной. Святогор увидел на кухне Полли, которая двигалась к окнам. Не теряя времени, Святогор подбежал и схватил Полли, разворачивая ее к себе лицом. Зеленые глаза Полли были пусты.

- Полли! – выкрикнул Святогор, встряхивая ее, держа за плечи. – Полли! Полли! – ревел тяжелым басом Святогор.

Полли не реагировала. Не отпуская ее Святогор встрепенулся, ощущая, как по его спине что-то движется. Святогор обернулся, но ничего не увидел. Что-то упало с потолка и Святогор поднял взгляд. Потолок исторгал слизь и двигался, словно был живым. Все окружение пришло в движение и покрывалось толстым слоем слизи. Раздался утробный звук. Святогор не стал думать, а стал действовать. Не теряя времени, он схватил Полли, взгромоздил ее на плечи и бросился прочь. Пол под ногами превратился в вязкую слизистую массу, от которой неприятно жгло ноги. На Святогоре из одежды были только штаны, а потому голые стопы, утопая в жуткой слизи, начинали с каждым мгновением все сильнее и сильнее гореть. Святогор с Полли на плечах двигался словно по пояс в воде. Все вокруг пришло в движение. Святогор ощущал странное чувство, словно с каждым мгновением становился все пьянее и пьянее.

Перед Святогором встала дверь, которая уже была наглухо заперта. Святогор положил Полли и со всей силы приложился всей своей огромной массой на дверь. Дверь прогнулась и раздался страшный рев. Все вокруг заходило ходуном. Святогор повторил действие и дверь проломилась, от чего рев раздался еще сильнее и все словно ожило. Прихожая уже походила на коридор, за стенами, полом и потолком которого словно что-то шевелилось. Слизь начала заполнять все вокруг, но новый удар Святогора окончательно вынес дверь. Все ревело и содрогалось. Коридор принялся сжиматься, но Святогор, хватая Полли, бросился прочь, вырываясь из ловушки.

Тени стояли и ждали, но Святогор не обращал на них внимания, а просто бежал, ощущая сильное жжение в местах, где касалась слизь. Вокруг стоял гам и Святогору виделся старый кошмар, который словно бы ожил. Позади Святогора отчетливо раздался чей-то нежный голос.

- Лешенька!

Святогор в ужасе остановился. Все нутро съежилось и похолодело.

- Лешень-ка… - раздался чей-то голос вторично, но уже не так нежно.

Святогор обернулся и увидел на пороге мать. Ее лица Святогор толком не видел, ибо Святогор убежал уже достаточно далеко.

- Ле-ше-нь-ка… - странным голосом произнесла мать Святогора. - Ле… Ша… - произнес голос так низко, словно заело пластинку. – Леее… Ша… - произнесла жутко низким голосом мать, словно кукла с почти севшими батарейками.

Мать Святогора неестественно выгнулась и начала приближаться. Святогор оцепенев в ужасе, стоял и глядел на создание, которое ему напомнило мать. Борясь со страхом, он силой зажмурил глаза, а когда услышал очередное «Леша», страшным, чудовищно низким гудящим голосом, он бросился бежать. В голове Святогора вдруг всплыли слова стиха, из глубокого детства. Он бежал и прокручивал в голове текс этого стишка словно заезженная пластинка. Он принялся их повторять, словно молитву или мантру защиты, особо не вдаваясь, почему он вспомнил именно этот стих.

- Море!.. – пробубнил на выдохе Святогор, переплетая слова с мыслями. – Песок… - череда слов в голове. – Носок… Море!.. Голубое… - очередная череда слов в голове. – Прибоя…

Святогор бежал, глядя лишь вперед и бубнил себе под нос слова, которые на каждом выдохе пробивались через мысли. Он бежал, а ему вслед кричало нечто, которое неуклюжа семенило, пытаясь догнать.

- Вернусь!.. – произнес Святогор.

- Ле-ша! Ле-ша! Ле-ша! – низким, утробным и зловеще скрежещущим голосом кричало нечто позади.

Святогор бежал, не желая останавливаться. Тело пропитывалось адреналином и стимулятором и этот гремучий коктейль действовал словно лошадиный допинг. Город постепенно возвращался в исходное состояние, каковым он предстал перед Полли и Святогором изначально. Чем дальше Святогор удалялся, тем все сильнее и сильнее проявлялась истинная личина города.

- А?.. Что?.. – раздался неуверенный голос приходящей в себя Полли.

- Обхвати меня! – выкрикнул Святогор.

- Что? – произнесла Полли, словно спросонья.

- Обхвати меня и держись крепче! – гаркнул Святогор.

Полли повернула голову и увидела, как город изменялся и как за ними гнались тени и нечто, что гналось и извивалось, словно тряпичная кукла, выкрикивая что-то неразборчивое. Полли в ужасе воззрилась на эту картину и, обхватывая Святогора ногами и руками, повисла на его спине, словно рюкзак. Святогор, ощутив, что Полли держится крепко, бросился бежать словно подгоняемый плетьми адский пес - по-звериному, на всех четырех конечностях. Скорость возросла значительно и весь кошмар позади резко отстал. Раздался душераздирающий рев, словно от чудовищного зверя, упустившего добычу, который постепенно, по мере удаления Полли и Святогора, стихал. Святогор, гонимый страхом, гнал так до границ Медного леса.

Святогор, преодолев порядка семи километров в бешенном темпе, остановился на перекрестке старой дороги. Вправо уходила дорога, которую покрывали, словно гравий, куски асфальта и сухая трава. Эта дорога вела к деревне Медный завод и озеру Меднозаводской разлив или проще – Медное. А вот между шоссе и деревней, начинался Медный лес. Лес этот имел четкую границу и имел уникальную особенность. Несмотря на то, что на дворе лишь весна и почки еще не распустились, Медный лес уже, а вернее он всегда такой, был покрыт густой листвой: желтой, красной и рыжей расцветки.

- А как ты это объяснишь?! – произнес Святогор, пытаясь выровнять дыхание. – Что за хрень это была?! – с чувством страха в голосе гаркнул он.

Полли и Святогор стояли и приходили в себя от пережитого. Столь поспешное бегство из города, который так любезно приютил парочку, обернулся диким кошмаром. Святогор пытался отдышаться, а Полли, с закрытыми глазами, массировала виски, которые дико ломило.

- Не знаю… - выдавила Полли.

- Даже предположения нет?

- Честно? – неуверенно произнесла Полли, с трудом открывая глаза. – Понятия не имею… Но ощущение было такое…

- Словно это что-то живое, да? – закончил за Полли Святогор.

- Да, - подтвердила Полли. – И это что-то или кто-то имел ментальные способности…

- То есть? – не понял Святогор.

- Галлюцинации, - ответила Полли.

- Галлюцинации? Что ты видела?

- Дверь… Красная дверь и… Квартира, а там… Там мама… - с трудом произнесла Полли.

- То есть мы видели одно и то же? – поинтересовался Святогор.

- Ты тоже все это видел? – удивилась Полли.

- Думаю почти все, но в сущности то же… – задумчиво произнес Святогор, восстановив дыхание.

Полли и Святогор уже приходили в себя.

- Если это нечто действительно живое, то оно умеет наводить одну и туже галлюцинацию на живых существ. Думаю, это нечто заманивает так жертв, одурманивает и поедает.

- Удобно… - произнес Святогор. – Самому ходить не надо. Сидишь. Ждешь. Появилось что? Заманил и жрешь. Боже… Я чуть коня не двинул, когда увидел, как эта галлюциногенная гадость за мной побежала, - произнес Святогор, вытаращив глаза от воспоминания.

- Давай уже уйдем отсюда, а то мне не уютно… - недовольно произнесла Полли.

- Знаешь, а ведь в Медном лесу уютнее не будет.

Полли обратила внимание на лес, который начинался после перекрестка старой дороги. На общем фоне лес сильно выделялся, словно тут встретились два времени года – весна и осень. Вот только весенняя половина, которую покрывали голые деревья, была усеяна листвой, а вот земля в Медном лесу была чиста. Ни единого опавшего листочка, ибо все до последнего висели на деревьях.

- А почему этот лес такой? – отвлеченно поинтересовалась Полли.

- А черт его знает… - ответил Святогор. – Говорили, что тут еще до войны эксперимент какой-то ставили, может че сделали?

Полли задумалась.

- А лес большой?

- Очень, - ответил Святогор, - Сотни гектаров. Но сам лес ерунда, ничем не опасен. А вот голоса его, вот это действительно страшно. Почти так же страшно, как и сейчас было… Надеюсь пройдем быстро и не услышим их.

Святогор поднялся и, сделав небольшую гимнастику произнес:

- Готова? Валим отсюда к чертовой бабушке…

Полли кивнула и они оба неспешно направились вглубь леса. Пока они шли, Полли глазела во все глаза, не веря в то, что видит. В лесу отчетливо пахло какой-то медициной. После того, как они прошли рядом с насквозь проржавевшим поездом, который лежал среди деревьев, неведомо кем сюда заброшенный, Полли попыталась сорвать один лист. Сорвать удалось с некоторым усилием. Лист был словно резиновый, а из ветки дерева и черешка листа сочилась жидкость, походившая на сироп. От жидкости тянуло той же сильной медициной. Полли посетила догадка, касательно того, почему лес такой. Аномалия леса, вероятно, заключалась в том, что его жидкости заменял этот неизвестный сироп. То есть все деревья были словно забальзамированы или говоря проще – мумии! Огромный мумифицированный лес! КАК?! Полли пораженно глядела на лист в руке. Когда она работала на станции, она изучала Красноярский край и в частности Путоранское древо. Питер был зоной исследования других специалистов, порой она слышала от других о Питере и о том, что что-то нашли, что-то произошло, но за все время Полли ни разу ни от кого не слышала об этом лесе.

Полли подняла взгляд на поезд и разглядела на нем надпись, которую словно кто-то вытравил кислотой: «Кто такой Джон Голт?». Надпись была взята из книги и была вопросом, ответа на который никто не ждал. Полли посетила мысль то том, как земляне и тейянцы воспринимают этот мир. Тейянец ищет ответы, но если фактов нет или они поверхностны, то он дает догадку. А земляне? При отсутствии фактов и домыслов, люди придумывают мифы легенды. Зачем? Тейянец и землянин хочет объяснить, но тейянца не устраивают мифы, а землянина вполне. Вот как это объяснить? Скажем, город? Лес? Этот вот поезд, взявшийся тут неведомо от куда! Зачем мы это делаем? Зачем ищем? Почему нас это интересует? Почему нам это так важно? Хотя нет… Второму поколению это интересно, но не важно, важно землянам, основателям и первому поколению. А почему нам это важно? Какой прок от этих знаний? Старый человек может эти знания даже заменить легендами и успокоиться. Новый человек их так не заменяет, а идет до конца. Мы все ищем, но успокаиваемся по-разному. Старый человек, если уткнется в тупик, придумает что-нибудь и хорошо. Новый человек, да в прочем и вся галактика, если упираются в тупик – значит так и должно быть. Но есть еще один человек, не старый и не новый. Старый – это земляне. Новый – это второе поколение. Основатели и первое поколение – это человек, застрявший посередине, словно переходное звено. Старому человеку важен смысл, а там где его нет, он его придумывает. Новому человеку смысл не важен и все объясняет просто и рационально. Старого человека терзает пустота, а новый человек принимает все как данность. Старого человека не удовлетворяют неудобные ответы на вопросы. Потому, старый человек создает легенды, что дополняют ответ и делают его удобным. А новый человек воспринимает любой ответ как ответ. Не важно удобный или нет, ответ есть ответ и он не требует дополнений. Старый человек делает это ради заполнения внутренней пустоты, порожденной верой в нечто грандиозное, а новый человек во все это не верит. Но средний человек, вобравший в себя оба качества, не может закрыть дыру мифами и легендами, при отсутствии фактов. Но и принять все как есть, тоже не может. Средний человек, словно канат, который перетягивают в обе стороны, однако силы сторон равны. Средний человек еще верит в грандиозность, которую можно объяснить. До тех пор, пока все ответы на вопросы всех устраивают, все хорошо. Но во что выльется, если именно средний человек, вдруг столкнется с таким вопросом, который сможет решить, но не сможет принять?

Полли поглядела на поезд и надпись, что ярко красовалась на его металлическом теле. Святогор ушел вперед, а Полли приблизилась и коснулась холодного металла.

- И как это объяснить? – шепотом произнесла Полли.

Глава 6. Честный труд

Человек – это животное.

А всякому животному требуется немного.

Когда Полли рассчитывала преодолеть сто километров за пару суток, то она и представить не могла, что по лесу придется не идти, а блуждать. От начала леса и до озера, на берегу которого Полли и Святогор решили устроить ночлег, всего двадцать километров, однако они шли все тридцать, причем в полном безмолвии. Плюс ко всему и то, что лес словно энергетический вампир вытягивал все силы. Добравшись до привала Полли ощущала себя так, словно прошла вдвое больше.

Привал был у озера, которое судя по картам, именовалось как Люблинское. Рядом были еще озера, а на юге простиралась огромная песчаная плешь, которая на тех же картах была обозначена как Большие увалы. Возможно, тут хотели что-то построить, но не смогли или перестали, или не успели, а может тут просто был карьер или что-то еще? В пользу последнего говорит наличие озера, что расположено в центре плеши.

Святогор и Полли устроились на голом песке, среди небольших холмиков. В силу времени года, песок был холоден и чист от растительности, а благодаря открытой местности, все вокруг на пару километров во все стороны отлично просматривалось. Из леса были принесены хворост, а из озера вода. Святогор, набирая воды, нашел немного ракообразных. Вероятно, эти создания потомки обычных раков, но нынешнее поколение имело от одной до трех лишних конечностей, а их клешни имели непропорциональные формы. Среди улова попадались и беспанцирные раки, а некоторые словно бы мохнатые, из-за обильного количества усиков, которые росли где-попало. Варить было не в чем, а потому раков пришлось жарить, словно зефир на костре. Правда первые раки пропали, поскольку они были словно консервные банки, брошенные в огонь. Мясо и внутренние жидкости, вскипая, распирали их панцири и те взрывались, разнося аппетитный запах. Готовкой раков занимался Святогор. Полли, выросшая в мире, где мясо создают, а не добывают, претила сама мысль о том, чтобы причинить боль или убить, пусть и ради пропитания.

На преодоление каких-то тридцати километров, у пары ушел весь день, а потому ужин был уже в потемках. С приходом ночи на открытой местности воцарился холод, но костер, мясо и теплый бульон из раков который приходилось высасывать из панцирей, приятно грели нутро. С приходом ночи из леса донеслось эхо, напоминавшее вой сирены и людские голоса. Святогор и Полли поежились. Эхо несло в себе странное ощущение страха и паники. Хотелось забиться в угол и трястись, но чувство, в силу удаленности, было относительно слабым. Какое-то время пара сидела, чувствуя, как по их телу пробегает холод. По спине бегали мурашки, а волосы вставали дыбом. Мыслей не было, было лишь чувство. Когда все прекратилось путники поежились. Когда чувство отпустило, они вернулись к трапезе. Святогор, порыскав в рюкзаке, достал навигатор, закрутил динамо-машину и приборчик ожил.

- Поселок Ольшаники уже близко, - ответил Святогор, после некоторого времени разглядывания навигатора. – Слушай, можно вопрос? – произнес он, обращаясь к Полли.

- Да, - разрешила Полли, обсасывая клешню рака.

- Я правильно понял, вы ведь радиации не боитесь?

- Да, разумеется! А почему ты спрашиваешь? Там дальше радиация?

- Да, - ответил Святогор, убирая навигатор обратно. – После поселка начинается зона, где радиация не хуже, чем в Чернобыле, после стольких же лет после аварии.

- А ты как к радиации? – поинтересовалась Полли.

- Ну, за годы я успел убедиться, что к радиации я невосприимчив, но… Старая человеческая привычка ее избегать. Я потому дальше поселка и не заходил. Судя по навигатору, местность дальше вплоть до озера Глубокое, сильно не изменилась.

- Это же хорошо? – поинтересовалась Полли.

- Да, - ответил Святогор. – Слушай, а можно еще вопрос?

Полли давно уже хотела ответить что-то вроде: «У тебя вопросов, Леша, вагон и такая тележка…», но ответила, как и всегда:

- Разумеется.

- Пока мы шли по лесу, я много думал и уперся в странный тупик, в нестыковку, - произнес Святогор, попутно выковыривая мясо из панциря рака.

- Поподробнее можно?

- Ну… - Святогор задумался. – Не знаю, как сказать…

- Попробуй с самого начала, опиши то, как ты размышлял, так и мне будет проще тебя понять.

- Хорошо, тогда вот.

Святогор показал Полли шрам на боку.

- Этот шрам мне достался после того как я убил одну тварь, что вознамерилась мной перекусить. Эта тварь… - Святогор задумался. – Я не уверен, но по-моему это был гипноз или что-то вроде. Суть в том, что пока я на нее не смотрел, она двигалась, а если смотрел, она заставляла меня двигаться. Я не уверен, что она это делала голосом. После Сертолово я склонен думать, что она использовала ментальные способности, но воздействовала не на зрение, а на слух. Если твоя гипотеза насчет того, что в Сертолово есть что-то живое со способностями, то моя тварь тоже могла ими обладать. Плюс я когда-то, в общине слышал истории про одно существо, местные называли его Мотылем или Человеком-мотыльком. Он типа что-то напевал или говорил… Не помню, - задумчиво произнес Святогор. - Жертва слушала и покорно шла за ним, после чего человека больше не видели. Существо я не видел, только слышал о нем из рассказов, а потому думаю, что если это действительно существо, а не байка, то он тоже мог обладать чем-то ментальным.

- С чего ты это взял? – поинтересовалась Полли с любопытством.

- Ты сама мне это сказала, когда рассказывала о вашей связи и то, как она появилась. Вы ее создали на основе психотропных грибов, что произрастают в Питере. Допустим, какие-то создания могли их употреблять в пищу, - сделал предположение Святогор. - После мутаций у них могли развиться ментальные способности, не такие как у вас, но все же! – Святогор сделал задумчивую паузу. - Навести галлюцинацию, думаю для них не сложно. Так вот тут-то я и задумался, - Святогор нахмурился, глядя в костер. – Ты… Моя тварь… Сертолово… Последней каплей стала красная дверь.

- Красная дверь? – недоуменно поглядела Полли на Святогора. - А она тут причем? – непонимающе спросила она.

- Дверь эта… Есть легенда родом из Питера, но не в этом суть! Суть в том, что я задел нить, что вела к Питеру и ухватившись за нее, потянул. В моей голове складывается грандиозная

картина, словно огромный пазл, сути которой я еще не понимаю, но эта суть мне не нравится… - возмущенно произнес Святогор. - Потянув за нить я стал разбирать детали и пришел к пара… Пардор… тьфу, - сплюнул Святогор. – Парадоксу! В голове возникла линия, которая не стыкуется. Я задумался о вероятности того или иного события и дошел до такой вещи как де-тер-ми-низм, - с трудом выговорил Святогор. – И теории вероятности. Черт… - произнес Святогор, почесывая ухо. – Твои мысли в моей голове, словно зуд и не почесаться… - пожаловался Святогор. – Так вот! Если я правильно помню, то де-тер-ми-низм – это, если проще, закон причины и следствия. То есть ничего без причины не происходит и у любого действия есть последствия или следствие. Согласно деее… Короче! – заключил Святогор с чувством. - Согласно этой детере можно предсказать будущее, что приводит к тому, что такая вещь как судьба вполне возможна.

- Вообще-то нет, там… - перебила Полли.

- Да-да! – перебил Святогор. – Погоди не перебивай, не сбивай с мысли. Я уже сказал – теория вероятности! Так вот она вносит в детеру некоторое разнообразие. Из-за того, что мы можем выбирать, в силу наличия разума, то получается, что то, что мы выберем – это лишь шанс, вероятность из предложенных вариантов. Закон о причине и следствии не нарушается, ибо любой выбор – это причина грядущего следствия, но в таком случае будущее становится непредсказуемо, верно?

- Почти, - задумчиво ответила Полли. - Ближайшее будущее предсказать вполне возможно, но далекое, в силу высокой инертности, уже нет. Поэтому, в целом – да, будущее не предсказать, - подумав, заявила Полли.

- А вот и нет! – решительно заявил Святогор.

- Что? – не понимая произнесла Полли.

- Да, в плане ближайшего я соглашусь, но по поводу далекого… Я, лет так двенадцать или тринадцать назад, еще когда шел в Питер, имел честь познакомиться с одним че… Эм… - Святогор задумался. – В общем, его зовут Горец. Я лично убедился в том, что он способен предсказывать будущее и не просто как какая-нибудь бабка-гадалка, а с абсолютной точностью! Вот тут я и уперся в тупик…

- А ты уверен, что он точно предсказывал будущее, а не…

- Абсолютно! – решительно перебил Святогор. - Я провел там пару дней, вроде… И даже разговаривал с Горцем! Он знал то, чего никак не мог знать. Но это не главное. Главное то, что я, несмотря на то, что уперся в тупик, стал думать дальше. Я пришел к мысли о шансах. Какова была вероятность, что я вернусь домой – в Питер, аж из Владивостока! Живым! Каков шанс, что ты разобьешься именно в окрестностях Питера? Каков шанс, что тебя найду именно Я?! Каков шанс, что у меня будут нужные вам ключ и ката-лизатор… - с некоторым затруднением произнес Святогор. - Не дохрена ли совпадений? Или Питер что, проклят? В Питере что, место силы какое-то? А-ля талисман? У меня такое чувство словно мы сорвали джек-пот. Я конечно верю в совпадения с большими числами, но тут… Слишком много данных, чтобы все так разом сошлось. Я конечно понимаю, что мои слова звучат как вопрос «почему именно Я?». Я не считаю себя избранным, но не дохрена ли? Словно это какой-то заговор! Словно все кем-то спланировано! Может тогда и Бог существует?

Последние слова Святогора заставили Полли задуматься.

- Знаешь, что… - произнесла Полли, задумчиво глядя в огонь. – Ты только что подтолкнул меня к одной мысли!

- М? – вопросительно промычал Святогор.

- Ты в моих воспоминаниях сталкивался с таким словом, как *Просветители*? – поинтересовалась Полли.

- *Просветители*... – задумчиво произнес Святогор. – Что-то знакомое, вроде я пару раз цеплялся за это словно, но особо не интересовался. А кто они?

- В том-то и дело, что мы не знаем! – пояснила Полли. – Мы гоняемся за ними уже долгие той… Тьфу! Долгие годы и не нашли ни единого доказательства, лишь косвенные подтверждения. Сейчас ты только что дал еще одно, пусть и тоже косвенное, но весьма увесистое подтверждение! Все прочие в других галактиках говорят, что Просветители - это пустой звук, что мы гоняемся за призраками. Так вот! Мы действительно за ними гоняемся! Твои способности позволят нам понять, что такое разум и, по сути, мы сумеем научно обосновать такую вещь как душа! И даже больше! Понимаешь? То, что нам удастся найти превратит косвенные подтверждения в очевидные доказательства!

- То есть, доказав душу вы хотите доказать и Бога? – произнес Святогор пытаясь понять Полли.

- Ну… - задумчиво морщась, после слова Бог, с некоторой брезгливостью ответила Полли. – Можно и так сказать, но… Душа… Бог… Все это примитивная терминология, не отражающая сути.

- Но тем не менее…

- Да… - недовольно протянула Полли. – Думаю ты станешь самым ценным человеком на Тейе. Обращаясь к терминологии данной области, словно «райское яблоко знаний», - произнесла она криво улыбаясь.

- Ага… Запретный плод знаний. Ужас… - ответил Святогор, так же криво улыбаясь в ответ.

Повисла тишина. Святогор внутри был рад, что Полли назвала его человеком. Святогор глядел на нее и внутри что-то трепетало. Полли тоже, улыбаясь, глядела на Святогора. С каждым моментом вместе с ним, его облик в ее глазах преображался. Святогор уже не выглядел отталкивающе, а наоборот.

- Ладно… - произнес Святогор, возвращаясь к трапезе. – А что такое ваш индекс? Я тут поковырялся и не понял… - растерянно произнес Святогор.

- Индекс ответственности – это показатель того, как хорошо человек разбирается в чем-либо. Индекс не имеет единого значения, в зависимости от сферы деятельности он разнится. Но чем больше охват, то есть чем больше твои познания, тем выше показатель и каждый показатель имеет свое название. Это как в старой поговорке – дурак дураку рознь, то есть двух одинаковых дураков не существует. Ты можешь быть умным в чем-то и дураком в другом. Индекс показывает то, в чем ты не дурак, что хорошо помогает в выборе будущей профессии. Индекс – это как набор фильтров, который включает в себя все от знаний и умений, вплоть до талантов и пожеланий. По сути, за основу взяты слова одного старого ученого, Альберта Эйнштейна, который говорил о том, что все гениальны.

«Все мы гениальны. Но если вы будете судить рыбу по ее способности взбираться на дерево, она проживет всю жизнь, считая себя дурой».

- Здорово однако, - произнес Святогор, задумываясь с каким-то интересом.

- Ага, - подтвердила Полли, широко зевая. – Думаю спать уже пора, как думаешь?..

- Поддерживаю, - подтвердил Святогор зевая в ответ.

***

Утро было немного туманным. Будильником послужило эхо сирены, что доносилось из леса, а потому пробуждение было далеко не самым приятным. После того как голос леса прекратил вещать и чувство страха спало, Святогор и Полли принялись завтракать и собираться. На завтрак были все те же раки, что остались со вчерашнего улова, которых Святогор сохранил в вырытой яме. После завтрака, во время сбора к отбытию, Святогор сел на любимого конька под названием «А как ты это объяснишь?».

- Слушай! – произнес Святогор, закапывая костер. – А как звуки леса объяснить? Есть предположения?

- Ну… - протянула Полли, собирая несъеденные припасы и воду. – Звуки эти явно сирена оповещения, особенно с учетом некоторых слов, что можно разобрать. Звук доносится, как я успела понять, из-под земли. Думаю, что там есть какое-то сооружение, бункер или что-либо еще.

- А почему так страшно становится, когда этот звук слышно?

- Это, - задумалась Полли. - Скорее всего из-за инфразвука, что порождает низкочастотный резонанс. Это вызывает чувство страха. Правда, что является его источником, увы… Я не знаю.

- Серьезно? То есть все так просто?

- Я не знаю. Ты хотел предположение – вот тебе предположение.

Святогор хлопнул себя по шее.

- Ай… - вскрикнул Святогор.

- Что такое? – полюбопытствовала Полли.

- Меня что-то укусило… - вяло отозвался он.

Святогор вдруг пошатнулся, но устоял.

- Леша? Все в поря... Ай! – воскликнула Полли ощущая укол в бедро.

Святогор вновь айкнул и зашатался сильнее. Полли увидела в бедре пучок чего-то пушистого и ярко красного цвета. Когда Святогор обернулся, на его шее и спине была пара таких же пучков. Полли видела, как все вокруг плыло и смазывалось. Она ощутила, как еще несколько пучков прилетели и больно ужалили ее. Когда она упала без сознания, Святогор, ощущая, как в его тело вонзается еще несколько пучков, с трудом сипя, выдавил лишь:

- П-полли…

Потеряв сознание Святогор упал на землю, словно большой мешок с картошкой. Через некоторое время, со стороны озера посреди плеши, вышло четыре человека. Все четверо были одеты в бумажные латы, за их спинами висели арбалеты, а в руках были длинные трубки.

- А нам точно нужно его тащить тоже? Вон он, какой огромный, может разделаем его и заберем только ценные куски мяса, а? – произнес один из четверки, что был самого низкого роста.

- Сколько дротиков на него ушло? – тяжелым голосом произнес тот, что держался позади всех.

- Десять, - ответил тот, что приблизился к телам. На этого… - он перевернул Полли заглядывая под тряпки. – На эту… - тут же поправился он. - Ушло пять.

- Крепкие, - произнес человек с тяжелым голосом. – Берем обоих. Обоих!

***

Святогор с трудом открыл глаза. Взору предстала земля, а в ушах стоял шум, состоящий из ударов и человеческих голосов. Святогор видел свои ноги и воду, которая стекала с него на землю. Сознание возвращалось медленно, но удар вонючей воды отрезвлял и ускорял возвращение в реальность. С огромным трудом, Святогор поднял голову и взору предстало темное помещение, освещаемое слабыми свечами и факелами. Помещение больше походило на туннель шахты, и в пользу этого говорили опорные балки. Рядом со Святогором стояли три человека, одетые во все черное, а на головах их красовались каски. Святогора окатили водой еще раз.

- Да хватит уже! – произнес один из людей, что стоял у стены и ел нечто похожее на яблоко.

Святогор дернулся, но не смог толком пошевелиться. Руки, ноги и шея были скованы цепями. В голове страшно гудело.

- Г-где я?.. – с трудом выдавил Святогор.

- Ага! – воскликнул человек, что держал ведро. - Я же говорил, что этот мутант был человеком.

- Ладно, ты выиграл, - произнес третий человек, который сидел на деревянном стуле с деловым видом. – Раз ты разговаривать умеешь, то слушай сюда и слушай внимательно! Ты – отброс! Ты мясо и грязь, сраный биомусор, от которого стоит избавиться. Однако политика нашей общины в том, что всякую обезьяну можно превратить в человека путем честного труда. Если хочешь жрать, пить и жить, то работать тебе придется хорошо, а будешь плохо, сдохнешь раньше, чем успеешь увидеть белый свет. Усек?

- Ч-что? – не понимая выдавил Святогор.

Тот, что с ведром в руке, наотмашь врезал Святогору уже опустевшим ведром. У Святогора зазвенело в ушах.

- Не что, а ясно? – произнес человек с ведром.

Святогор дернулся, желая вырваться, но цепи остановили его. Человек снова ударил Святогора.

- Смотри какой прыткий, - произнес человек на стуле. – Ну ка, сделайте ему профилактический укольчик.

Человек, что ел яблоко, выбросил огрызок и подошел к Святогору, снимая с пояса барсетку. Внутри был шприц и ампулы. Человек набрал из ампулы в шприц и попытался уколоть Святогора, но тот дернулся, от чего получил еще один удар по голове уже слегка помятым ведром. Все вокруг звенело и искрилось. Святогор почувствовал укол, после которого последовало какое-то безразличие, покой и странное наслаждение.

Человек на стуле встал и подошел к Святогору, поднимая его голову, взявшись за жесткие волосы.

- Ну что? – ласково улыбаясь, произнес человек с какой-то язвинкой. – Работать будем?

Святогор ответил «да», сам не понимая, почему так сказал.

- В оборот его, - произнес человек, державший голову Святогора.

***

Полли сидела в чистом помещении, в котором была отличная мебель, картины, ковры и царила абсолютная чистота. На столе стоял компьютер, а из динамиков доносилась музыка. Играл Фредерик Шопен: три ноктюрна, опус девять, номер два, в ми-бемоль-мажоре - анданте. Композиция, в сочетании со светом, что проникал в чистое окно, грела нутро, подобно весеннему Солнцу. Вот только веревки, что крепко держали Полли на деревянном стуле и стоящая рядом капельница, вводившая в кровь Полли что-то психотропное, все портили. За столом, что был напротив Полли, сидел пожилой человек, который выглядел почти точь-в-точь как Ленин, правда без бородки, но с усами и с чуть большей растительностью на голове. Растительность на его голове и лице была под стать помещению – чистая и белоснежная. На стене позади старца висел дорожный знак «дорожные работы». Знак висел так, словно был не просто каким-то украшением, как знак, что Полли видела у Святогора дома, а как герб! Как символ! Как знамя!

- С пробуждением Вас, - мягким и невероятно мелодичным баритоном отозвался старик, нежно улыбаясь.

Старик был одет в чистый костюм тройку и вообще выглядел до нельзя опрятным. Рабочий стол выглядел как рабочее место строгого и педантичного человека – все на своем месте и словно бы выверено по линейке. В помещении были стеллажи с книгами и многие из книг были специальной литературой. В основном это были книги по психологии.

- Г-где я? Г-г-де Алексей? – с трудом выговорила Полли.

- Алексей? – удивленно произнес старик. – Вы о том мутанте? Его так зовут?

- Г-где? – с ноткой ожесточения выдавила Полли.

- Он там, где ему и место – на работе.

- Ч-что? Ка… Какая еще работа? – не понимая произнесла Полли.

- Полезная! – заявил старик. - У нас тут все трудятся. Все! На благо нашей цивилизации, которую мы утратили и теперь обязаны восстановить. Труд – это наш инструмент по достижению цели.

- А место… Что это за место? Где мы?!

- Вы в Волочаевке, - благодушно ответил старик. - Здесь наша, а теперь и Ваша община.

- Почему вы на нас напали? Ч-что мы вам сделали?

- Вы? Сделали? – не понимая произнес старик. – Ничего, - равнодушно продолжил он. - Но Вы будете нам очень полезны, а потому-то Вы и здесь.

- Полезны? Чем же?

- Ну как чем? Природа наградила вас руками и ногами, а у нас лишние руки и ноги лишними не бывают. Работы много… - протянул старик.

- Что еще за работа? – перебила Полли. – Что Вы все повторяете одно и то же?

- Работа или труд – это то, что превратило первобытную человекоподобную обезьяну в человека. Если человек перестанет работать, то он превратится в животное. Мы же стараемся обратить или не допустить этот процесс. Люди трудятся, чтобы не стать животными, а мутанты трудятся, чтобы вновь стать человеком.

- Боюсь, труд из мутанта не сделает человека… - произнесла Полли дергаясь на стуле.

- Физически нет, но что есть человек? – произнес старик, подходя к Полли и повышая частоту капель в капельнице. - Человек – это набор идей, принципов, мировоззрений. Человек – это животное, что обладает разумом и разум дает силу противиться инстинктам. Животному много не надо – поесть, попить, поспать. А вот человеку нужно больше! – философично заключил старик. - Тем человек и отличается от животного, что не тратит жизнь на одни лишь инстинкты. Если ты животное и хочешь им оставаться – то мы тебя запряжем и будем использовать. Если ты человек – то трудись сам и поднимайся по карьерной лестнице.

Полли подняла взгляд на капельницу.

- А возражения и бунты Вы значит, наркотиками подавляете так? Рубите на корню… Тогда Вы просто эксплуататор.

- Нет-нет… - улыбаясь, ответил старик. – Тут все по собственной воле работают, лишь животные, дикие и опасные, усмиряются. Люди и все те, кто хочет стать человеком работают на голом энтузиазме и даже перерабатывают! У нас тут это называют подработки, - усмехаясь, произнес старик, возвращаясь к столу.

- Я склонна полагать, что Вы просто промыли им мозги.

- Нет! - с какой-то злостью и легким бешенством ответил старик. - В обратном Вы скоро сами убедитесь, - произнес старик уже привычно мягким голосом. - Тут живут и трудятся единомышленники. Идея, как и религия – это мощнейший стимул, который собирает и объединяет людей в единую силу.

- Идея? – удивленно произнесла Полли. - Ясно… По собственной воле говорите? А буйных усмиряете? Да Вы просто культ! Вы больные на голову! Вы придумали себе иллюзию, в которую верите!

- Человечество на протяжении всей своей истории так жило, - улыбаясь произнес старик. - Разве самая популярная религия – христианство, не тот же ли культ? А коммунизм? А капитализм? До войны вся Россия жила идеями, сперва общей, потом частными… Все относительно, важно грамотно найти этому применение.

- Эти идеи направлены на обогащение! На элиту! Низы слепо делают все ради вас, а Вы ими просто пользуетесь! Работа должна быть добровольной и сознательной, приносить пользу и радость, а не быть навязанной иллюзией эксплуатацией жизни! Вы больны! Ваша вера – это болезнь!

- Отсутствие веры – вот болезнь. А мы – это самые здоровые люди. Скоро, Вы сами это поймете.

***

Святогор, словно привязанная к конуре сторожевая собака, был прикован цепями к трубе, что лежала между потолком и полом. Труба эта была намертво вмурована, словно бы ее забили в

землю с поверхности, как сваю. Труба служила так же и опорой для конструкций шахты. В действительности это была не шахта, а будущий коридор. За долгие годы местными жителями тут было вырыто несколько огромных колодцев, диаметром в несколько десятков метров. В стенах этих колодцев были жилые помещения, которые уходили вглубь земли. Таких колодцев в городе было около десятка, и все они служили домами и источниками питьевой воды. Новый колодец только начали строить и потому тут еще только первый этаж и глубина колодца не более пяти метров. В будущем этот колодец уйдет вглубь на десять этажей. Такая особенность местной общины объяснялась несколькими факторами. Во-первых, воду в местном озере приходилось фильтровать, а грунтовые воды были чисты. Во-вторых, со стороны болот между Волочаевкой и Выборгом часто прут местные твари, от которых, в силу их физиологических особенностей, было лишь одно спасение – подземные укрытия. В-третьих, Медный лес, который тут называют Рыжим, Пугающим или Ревущим. Из леса никто не приходил, но звуки, что доносились из леса, вызывали у местных обитателей психологический дискомфорт. Однажды было замечено, что чем глубже опуститься под землю, тем слабее влияние звука. В-четвертых - это местная политика относительно труда. Таким образом все факторы сложились воедино и община в какой-то момент своей истории начала приобретать тот вид, что имеет сейчас.

Прикованный к трубе Святогор обтесывал стену коридора. Коридор был предназначен для обычных людей, а потому Святогору, в силу его роста постоянно приходилось работать сгорбившись. Помимо Святогора тут трудилось еще пара десятков людей и созданий. На лицах всех были улыбки. Все трудились и наслаждались трудом. Кроме Святогора, закованных было еще двое и оба не выглядели как люди. Нелюдей, как показалось Святогору, тут было даже больше, это если не считать смотрителей, которые следили за ходом работы, за светом и за целостностью конструкций.

Святогор ощущал себя необычно. Все было словно в какой-то прострации. Собрать мысли в кучу не выходило, лишь простейшие мысли поддавались хоть какому-то осмыслению. А простыми мыслями были – работать… Работать… Работать… Святогор видел лишь стену и простейшая мысль «работать», звучала словно приказ уничтожить врага, где врагом была земля, из которой состояла стена.

Раздались звонкие металлические звуки, словно удары о железный рельс и все остановили работу. В коридоре показался человек с тележкой, вокруг которого все начали собираться. Человек раздавал еду и воду, и все встречали его с еще большими улыбками. Святогор монотонно продолжал работать, словно по инерции. Ему хотелось остановиться, но он не помнил, как это сделать. В какой-то момент к нему подошел человек с тележкой и остановил его, недовольно вручая ему миску с супом. Человек ушел, скрипя своей телегой, а Святогор упал на пол, чуть забрызгав себя содержимым миски, от которого приятно пахло. Святогор, уставившись в миску с супом, ощущал себя словно после хорошей пьянки. Раздался хриплый голос:

- Кушай, че смотришь в него?

Святогор поднял взгляд и увидел двоих. Чумазого человека и человека покрытого чешуей, которая больше напоминала язвы.

- Буйный да? – осведомился чешуйчатый хриплым голосом, неприятно хихикая.

- А сам не видишь? – произнес чумазый. – Вон, под кайфом валяется, даже пожрать нормально не может, животное… - возмущенно произнес чумазый.

Святогор хотел что-то сказать, но не выходило, заплетался язык.

- Ладно, пусть валяется, не наша забота. Пошли жрать, а то времени в обрез… - нудно произнес чумазый.

Чумазый ушел, а чешуйчатый сделал жест, словно отхлебывает из чаши.

- Ты пей-пей! Вкусно! – произнес чешуйчатый, все так же хихикая.

Чешуйчатый ушел следом за чумазым, а Святогор, проводив их взглядом, опустил взгляд на миску. Посидев какое-то время, он поднял ее и залпом выпил содержимое. Суп был действительно вкусным, а главное – тонизирующим. Через пару минут все вокруг стало ярче, дышать стало проще, а мозги прояснялись, но мысли собрать в кучу все же не выходило. Святогор ощущал себя так, словно ему дали опохмелиться. Он отставил миску и вернулся обратно к работе.

- Эй! – кто-то окликнул Святогора.

Святогор обернулся и в пустом коридоре увидел двух таких же прикованных.

- Не пей эту бурду, - сипло произнес горбун. – Они мешают туда наркоту, чтобы мы не огрызались. Растительность на балках и стенах видишь? Вот лучше ее ешь! Она не опасна.

С трудом, но Святогор понял, что тот сказал. Переведя взгляд на скудную растительность балок и стен, голову Святогора пронзила простейшая и очевидная мысль. Эта мысль слишком долго доходила до Святогора, но сейчас она буквально сияла. Он и Полли - попали в плен…

***

- Почему я тут? Если вы отправили Алексея работать, почему вы меня держите тут? – настойчиво осведомилась Полли.

- Вы? А разве Вы не видите? – осведомился старик.

- Не вижу? А что я должна видеть?

- Хм… - ухмыльнулся старик. – Когда мне доложили, что со стороны Ревущего леса вернулась группа, да и не одна, я особо не удивился. Мы часто кого-то, где-то находим. Хотя немного я все же удивился, ибо со стороны леса почти никого не приводят. Все, кого мы посылали в лес, обратно либо не возвращались, либо бежали в страхе. А тут все вернулись, да еще и привели с собой других. А главное – это Вы! С Вашим… - протянул старик. - Алексеем, все ясно, но – Вы! Когда я Вас увидел, у меня даже рот открылся от удивления. Столь прекрасного тела я давно уже не видел. Да еще и Ваша странная одежда... Я сразу понял, что Вы не так просты! – произнес старик, ухмыляясь и помахивая указательным пальцем в воздухе. – Вы слишком молоды, а значит, рождены после войны. Вы явно образованы и хорошо одеты. Я видел одиночек и небольшие группы людей и обычно это либо дикари, либо уродцы, мутанты и прочие нелюди. Но Вы на них не похожи. Это признаки общинной жизни, а значит там, откуда Вы пришли, есть еще люди!

Старик сделал паузу и поглядел на Полли с какой-то корыстью во взгляде.

- Идея нашей общины проста – человек обречен, но наследие обязано жить! Мы вкладываем в нелюдей все человеческое, ибо после нас они унаследуют мир. Наше наследие в будущем сделает из них новых людей, как труд человека из обезьяны. И человечество воскреснет, словно феникс из пепла. Однако… - старик сделал паузу. – Если есть возможность избежать этого и дать таким как мы не сгинуть, а, как это было в старь – встать с колен, то я не побоюсь грубых методов, для достижения цели. Ваша община – это то, что нам нужно и Вы мне скажите где она.

- Вы надеетесь, что найдете там, за лесом, таких, как я? Чтобы использовать их для продолжения рода Вашего? – с недовольной вопросительностью произнесла Полли.

- Ну естественно! – воскликнул старик. - Продолжение рода – это один из основных инстинктов, который необходимо не подавлять, а наоборот – пропагандировать! Как там? «Плодитесь и размножайтесь»! А?

- Тогда можете отправить меня на Вашу работу, ибо от меня Вы вряд ли добьетесь чего-то путного, - произнесла Полли, дергаясь на стуле.

- Ох… - старик обреченно вздохнул. – Вы скажете в любом случае, - старик приблизился к капельнице. - Я старый и опытный человек и знаю, что насилие – это аргумент, который стоит беречь напоследок, - старик проверил капельницу. - Я не стану избивать Вас и допрашивать старыми методами, а потому сразу и прибегнул к проверенным средствам. К чему уподобляться животным?

Полли криво ухмыльнулась.

- Тогда удачи Вам, - выдала Полли.

- Спасибо. Я ведь доктор, по профессии - психолог. Доктором был, доктором и остался даже спустя столько лет. Я знаю, как работает человеческий мозг и чем его можно сломать. Вещество в капельнице имеет два назначения – ослабить и сломать. Наркотическое вещество ослабит в любом случае, а вот сломать может лишь в случае слабой воли. Насчет Вашей воли я ничего не знаю, а потому все будет проходить поэтапно. Сперва одна дозировка, потом другая и так до тех пор, пока увеличение дозы не будет представлять угрозу. А вот дальше уже увы… Раз наука становится бессильная, на помощь приходит сила. Человек – это ум и сила и ум должен идти впереди, дабы не наломать дров, а сила подключается тогда, где ей самое место. А с учетом первого назначения наркотика, ослабленная сила воли под действием грубой силы лопнет, как стекло и разлетится в дребезги на множество осколков. Потому и совет – чем раньше Вы сдадитесь, тем выгоднее это будет для всех нас.

- Я не могу этого Вам сказать, ибо тогда Вы очень сильно разочаруетесь, - произнесла Полли глядя в пол.

- Ну… - протянул старик. - Это уже мне решать, - произнес старик, возвращаясь обратно к столу.

Говорить было больше не о чем. Диалог между Полли и стариком был последним и последующие двое суток ее накачивали наркотиками, пытаясь сломить. Старик периодически интересовался, не желает ли Полли рассказать, где ее поселение, но та лишь молчала. Святогор, понимая, где он и что с ним, часто проявлял буйство, а потому так же попал под немилость и повышение дозы, которую ему насильно кололи. Двое суток оба разделенных пленника боролись и пытались не сдаться. Святогор постоянно крутил в голове слова стиха, который он вспомнил еще в Сертолово, а Полли бредила и в ее бреду не редко проскакивало упоминание Святогора. Старик постоянно наблюдал за Полли и делал заметки. Следующие двое суток шли на пределе. Старик удивлялся тому, что замечал. Организм Полли адаптировался к наркотику, нейтрализуя все его эффекты и повышение дозы ничего так и не давало. Старик, видя такое, становился все более и более одержимым. Его спокойствие уступало возбуждению. Тем временем, благодаря остаточной пси-энергии от сеансов Полли, Святогор так же адаптировался к наркотику, но не так как Полли. Святогор скорее, как наркоман с многолетним стажем, который уже не получал кайф от прежней дозы. Однако негативное влияние наркотика нарастало. Святогор искал спасение в монотонности, а вот Полли в подсознании, где она буквально пряталась.

В подсознании Полли царил бедлам и разочарование. Библиотека выглядела словно один из городов Земли, а мелкий чертик, который каким-то образом вернулся, победоносно восседал на куче книг. Полли сперва думала о причине по которым чертик мог вернуться – временный эффект, наркотики, стресс, да что угодно… Но чувство какой-то обреченности задушили эти мысли. Сейчас Полли больше волновал вопрос о том, как сбежать. Наркотик не давал возможности воспользоваться пси-ударом, ибо вносил хаос в мышление и возможность сосредоточиться. Полли не знала, что ей делать и потому решила выжидать удачного момента. Она решила впервые в жизни положиться на старое – авось.

Дни сменялись днями и прошла уже должно быть неделя. Все превратилось в однородную, тягучую массу. Полли и Святогор ощущали себя словно в стране чудес. От приторной и яркой чистоты кабинета старика Полли мутило, а Святогора от грязной, вонючей и темной клоаки, где он работал. Полли начинала ненавидеть Шопена, а Святогор смех местных обитателей. Он с остервенением махал рабочим инструментом, а Полли, словно дитя искала спасения в подсознании. Святогора усмиряли, а Полли вырывали из убежища. Неделя пролетела словно стрела заметно, но стремительно. Казалось, будто еще вчера они были у озера посреди леса и уже тут. Мысли копошились, словно черви в голове и не за одну из мыслей было невозможно ухватиться. Святогор словно сомнамбула бубнил слова стиха, лишь иногда вяло и тягуче выговаривая некоторые из них более разборчиво.

Море… Утопил… Лес… Стою в воде… Медуз… Клянусь... Вернусь...

С каждым днем Святогор ощущал странное чувство и влечение к процессу. Словно работа захватывала его и он желал лишь работать, работать и работать! Без перерыва, без отдыха, без сна и пищи! Махать! Махать! Копать эту проклятую землю! Человек! Человек! Стать человеком! Я – человек! Я – человек! Повторяли все и Святогор порой поддавался этому порыву, ибо желание быть человеком жило в нем с тех пор как он осознал себя как нечто иное.

Полли с каждой новой дозой все сильнее и сильнее старалась противиться влиянию чертика, который жаждал овладеть ею. Полли понимала, что обязана молчать, но с каждой новой дозой это превращалось в испытание, но она, уже наученная горьким опытом, держалась, понимая, что ее организм справится. Полли ощущала себя Алисой в стране чудес, а старик, постоянно смотря на время, словно куда-то опаздывая, казался ей белым кроликом. С каждым днем старик превращался в кролика все сильнее и сильнее. Старик становился раздражительным, нервным и в нем с трудом узнавался психолог – человек, чьи нервы обязаны быть стальными. Причиной таких перемен была Полли, а вернее ее реакция на наркотик. Старик понимал, что медицина тут уже не поможет и нужны радикальные методы. Он сел за свои записи и заметки, прочел их, потом еще раз и после третьего раза взглянул на Полли иначе, с каким-то безумием во взгляде. Старик вызвал кого-то и за Полли пришли. Ее отвязали и отнесли в бункер, что был недалеко от города. Этот бункер был скорее, как какой-то погреб или самопальное убежище, которое по всей видимости принадлежало кому-то из местных. Полли заметила, что электрический свет есть лишь в кабинете старика и в бункере, а все остальное освещается либо факелами, либо свечными лампами.

Для Полли начался новый круг ада. Ее принялись пытать, а старик пристально наблюдал за процессом. Полли выдирали ногти, срезали куски плоти, резали, кололи, обжигали и избивали, но все раны заживали сами собой. Сама Полли во время пыток даже и звука не проронила. Старик ошибочно счел это обезболивающим действием наркотика. Мелкие раны исчезали почти на глазах, а более серьезные за часы либо исчезали, либо становились в разы меньше. Старика это поражало и Полли заметила нарастающее безумие в его глазах. Старик требовал еще и каждый раз наблюдал и требовал, чтобы Полли выдала местоположение общины, но она лишь молчала.

В тоже время Святогор успел выяснить одну важную деталь, которая лишь сильнее заставила его бороться. Дело в том, что ему на глаза попались люди в латах с арбалетами. Этих ребят Святогору доводилось уже видеть и встреча была отнюдь не из тех, о которых хочется потом вспоминать. Святогор во время одного из перерывов поинтересовался у двух других прикованных и выяснил, что это местная разведка. Они исследуют местность вокруг Волочаевки, ищут безопасные пути прохода в Финляндию. Правда не так давно на востоке что-то упало и их начали посылать на запад. Святогор сразу понял, что именно упало и понимал, что если они узнают о Полли, о том откуда она, то ей грозит опасность. Святогор места себе не находил, но поделать ничего не мог. Однако он сделать ничего даже и не успел, ибо его забрали и отвели в бункер за городом. Пока Святогора вели, он успел разглядеть немало деталей местной общины. Город жил под землей, а поверхность была брошена. Деревянные дома пошли на материалы, а все ценное было перенесено в подземелья. Все колодцы освещались либо естественным путем – Солнцем, либо факелами и свечными лампами. Сейчас на дворе была ночь и город был погружен в желто-оранжевый свет огня. Все колодцы были связаны между собой, но бункер был за пределами колодцев и его свет выделялся. В нем горел электрический свет, а внутри бункера было несколько помещений, большая часть которых была забита каким-то хламом, ящиками с фруктами, овощами и чем-то еще. Город кипел работой, а в бункере стояла тишина. Конвой, что вел Святогора, остановился у двери. На ней Святогор мельком различил грубые, кривые, а некоторые даже безграмотные надписи вроде «Здесь был Хемуль» плюс дата и город или «Выборг рулет». Таких надписей было столько, что на двери живого места не было. Так же присутствовали матерные слова и неприличные рисунки, а еще россыпь разномастных царапин и борозд пополам с вмятинами. Другими словами, дверь была словно порталом или точкой перехода в гнилой уголок этой общины и ее облик был словно краткой аннотацией к содержимому.

Дверь отворилась и Святогор увидел Полли.

- К стене его, - спокойно приказал старик.

Святогора приковали к стене. Мозг, будучи под наркотическим веществом, туго соображал и Святогор не понимал, что тут происходит.

- Ответьте, пожалуйста, - произнес старик, обращаясь к Полли. – Этот Алексей… Кто он Вам?

Святогор не понимая поглядел на старика, а Полли, сидя на прикрученном к полу стуле, поглядела на старика снизу-вверх и в глазах ее отразился странный взгляд.

- Так кто он Вам?

- Он мне никто, - с затруднением ответила Полли.

- Вы уверены?! – подозрительно спросил старик. – Я следил за Вами и записывал каждое слово. На основе своих наблюдений я пришел к выводу, что еще как кто.

- Мы просто помогаем друг другу, - ответила Полли.

- Врете… - сухо произнес старик. – Читаю.

Старик открыл свои записи и демонстративно принялся зачитывать выдержки.

- «Прости меня Леша…», «Я должна ему помочь, я не могу его оставить…», «Он… Я ведь его… Нет… Я не знаю…», «Я должна сделать его человеком…». И все в том же духе, - произнес старик, закрывая записи. - Там еще несколько ваших слов, которые явственно говорят о чем-то большем. Так что?

- Хорошо… - произнесла Полли и сделала короткую паузу. - Он мой друг. – произнесла она примирительно. - Мы договорились помочь друг другу!

- И опять врете! – произнес старик, вставая между Святогором и Полли.

- Оставь ее урод! – выкрикнул Святогор сквозь дурман.

Святогору ударили в живот.

- Молчать животное! – выкрикнул конвоир, что ударил Святогора.

- Ох… - произнес старик, оглядывая Полли и Святогора. – Я облегчу вашу задачу. У нас тут одна интересная ситуация, под названием – любовь! – произнес старик широко улыбаясь. - Вот только есть одно «но» – Вы боитесь себе в этом, признаться… - старик ехидно ухмыльнулся. - Это похоже на запретную любовь, когда хочется, но одна вещь останавливает. Вы чувствуете связь между друг другом и эта связь очевидна, но Вы боитесь и словно бы стараетесь ее не замечать. Боитесь себе в этом признаться, - произнес старик, помахивая записями. А вы – Алексей. Вы тоже боитесь?

- Я убью тебя паскуда… - с трудом выговорил Святогор.

- Знаете… - протянул старик. - Как же хорошо, что в детстве я не послушал мать, а пошел на психолога, а не на электрика учиться. Ваша любовь сыграет для Вас злую шутку, знаете какую? – старик сделал паузу, улыбаясь, оглядывая Полли и Святогора. – Самое страшное в жизни – это терять, это страшнее смерти. В вашем случае это еще страшнее, знаете почему? – старик сделал паузу, словно ожидая услышать ответ. - Хоть Вы и отрицаете связь между друг другом, она как магнит тянет вас. Самое страшное не то, что на поверхности, а что в глубине, что сокрыто от всех. Даже от самих себя. Разрушить то, что бережно прячется – это как удар в самое сердце, - произнес старик прикладывая руку к сердцу.

Старик сделал паузу.

- Юная особа нужна живой, - спокойно и уже другим голосом произнес старик. - И она обязана все видеть. А вот это существо - приготовить по корейскому рецепту. Сергей Григорович! Организуйте, я отлучусь.

- Будет сделано господин Воланд.

Корейский рецепт – это пытка, суть которой заключена в названии. Корейский рецепт отсылает к рецепту приготовления собак, где собаку помещали в мешок и забивали до смерти, чтобы мясо получилось мягким и нежным за счет гематом.

Святогора избивали палками около часа. Когда процесс, по мнению Григоровича, завершился, в помещение вошел старик Воланд и поинтересовался, как все идет. Григорович ответил, что скоро начнут жарить.

- Что?! – воскликнула Полли. - Что значит жарить?

- То и значит – приготовим на огне и будем кормить, - ответил Григорович.

- Вы каннибалы?! – воскликнула Полли в ужасе.

- Нет, что Вы! – воскликнул Воланд. – Мы ведь люди. Кормить будут Вас.

- Что?! – вскрикнула Полли, сорвав голос. – Какие же Вы после этого люди?!

- Мало просто отнять самое дорогое. Чтобы сломить человека, надо заставить его себя НЕНАВИДЕТЬ. Вы любите Алексея, но боитесь себе в этом признаться. Но я знаю, и знаю, что его

потеря станет для вас ударом, а если Вы его еще и отведаете, то это будет как контрольный выстрел, чтобы мораль упала на самое дно и сил, желания и возможностей сопротивляться не было.

Полли глядела ошарашено, а Святогор, избитый до полусмерти пытался найти в себе силы сопротивляться. В голову Святогора пришла черная шутка про вилку: «Если вы думаете, что устали и у вас нет сил, то воткните себе в руку вилку и вы увидите, как быстро и резво вы побежите в больницу». После этой мысли в голове Святогора заговорил голос.

- Я могу дать тебе силу и возможность, - произнес глубокий и тяжелый, словно контрабас, голос. - Они убьют тебя, а потом и ее. Неужели ты хочешь этого?

- Нет… - шепотом просипел Святогор, не сводя взгляда с Полли.

- Тогда дай мне свое тело, я освобожу нас.

- Обещаешь?

- Ха-ха-ха… - ехидно смеялся голос. – Готов поклясться.

- Тогда бери, - решительно произнес Святогор.

- Что ты там бормочешь? – гнусаво произнес Григорович.

Святогор закрыл глаза, потеряв сознание. В эту минуту он втыкал в себя воображаемую вилку. Когда Григорович коснулся Святогора, его огромные руки дернулись. Раздалось звонкое «Дзынь» и голова Григоровича сорвалась с плеч. Полли и старика обдало брызгами крови. Все всполошились. Полли и старик, от попавшей на них крови, ошарашено замерли. Святогор уже вырвал кандалы из стен и стоял, сгорбившись, позвякивая цепями. Рот или вернее пасть Святогора была раскрыта, а из нее вырывалось тяжелое дыхание. Шерсть на спине Святогора стояла дыбом, словно спина дикобраза, а на теле проступили вены. Казалось, что сейчас в теле Святогора пульсировала не кровь, а чистый адреналин. Полли взглянула на Алексея и ее пронзило чувство, которое она испытывала, видя *демона Святогора* в его подсознании. Глаза этого демона в тусклом электрическом свете горели золотом. Из-за освещения казалось, что он – это исчадье ада, которого только что призвали, дабы обрушить гнев на грешников. Стояло какое-то неловкое замешательство. Все ошарашенно глядели на Святогора и старик не выдержал, и истерически закричал:

- Убить его! Убить!

Все бросились за оружие, но Святогор, опьяненный адреналином, опередил всех. В помещении, если не считать старика, Полли, Святогора и убитого, было еще четверо. Святогор словно гепард метался в замкнутом помещении и рвал любого, кто попадался под руку. Из-за адреналина он видел мир вокруг себя словно в замедленной съемке. Все было ослепительно ярким и каждая пылинка в свете электрических ламп бункера сияла мириадами красок. Реакция Святогора была молниеносной! Он хватал жертву и разрывал ее, словно ватную или тряпичную куклу. Адреналин и стимулятор-катализатор заставляли его работать на пределе. Демон Святогора наслаждался. Сейчас этот демон имел волю и эту волю он направил на обидчиков. Всякий, кто осмеливался стать для Святогора угрозой, он беспощадно рвал. Дверь в бункер открылась и Святогор увидел, как старик убегает. В двери стоял паренек, который завидев Святогора, в ужасе попытался закрыть дверь. Парень не успел и Святогор вышиб дверь, размазывая парня под ней своим весом в кровавое месиво.

Демон бросился в город. Святогор, учинив погром в бункере, не заметил, как повалил Полли и разбил стул, к которому она была прикована. Полли сумела выпутаться, но потратила

много времени. Когда она освободилась и добежала до колодцев, Святогор уже успел натворить дел… Найти Святогора оказалось не трудно, ибо за ним тянулся кровавый след. В городе возникла суматоха, все кричали и бежали. Всюду лежали разодранные и разорванные трупы. Святогор убивал не разбирая. Полли бежала и все нутро ее буквально кипело от страха. Завыла сирена и к Святогору принялись стекаться люди в латах с арбалетами. Он словно Годзилла крушил все и вся. Полли понимала, что его нужно остановить, но как?!

Девушка остановилась, переводя дух и судорожно принялась соображать. В суматохе ей пришла в голову идея и она бросилась в одну из жилых комнат. Полли находила еду и принималась поедать ее без разбору, при этом применяя психомедицину, дабы как можно быстрее усвоить пищу и изгнать из своего тела остатки наркотика. Сейчас был момент, которым срочно нужно было пользоваться и восстановить ментальные способности. Дело шло туго. Из-за наркотика психомедицина работала скверно. Это походило на попытку открутить приржавевший болт, но постепенно процесс поддавался и Полли сумела восстановить силы. За это время Святогор успел убить еще десяток, а то и больше людей. Когда Полли прибежала чтобы остановить его, она увидела чудовищную картину.

Святогор возвышался над трупами людей, что были в латах и с арбалетами. В облике Святогора не осталось ничего человеческого. Огромная тварь с горящими глазами, стоя на всех конечностях, возвышалась над поверженными и жрала их. Полли ощущала, как от Святогора разит адреналином и ненавистью. Святогор поедал убитых и было видно, что сожрать он успел не мало. Полли ужаснулась и в страхе отступила на шаг видя Святогора. Демон Святогора превратил забитого, еле живого Лешу в машину смерти. Демон увидел Полли и перестал жевать. Он уставился на Полли и в глазах его читалось вожделение.

- Пол-ли… - утробно выдавил Святогор. – Он… Мойй…

После этих слов в Полли пробудилось чувство, как тогда в подсознании Алексея.

- Я не брошу его. Я не дам тебе его убить! – произнесла Полли. – Он не твой!

Она неуверенно нанесла по Святогору пси-удар и Святогор пошатнулся. Полли нанесла еще несколько ударов, каждый из которых становился все решительнее и решительнее, и на последнем ударе выкрикнула:

- Отдай его! Это не твое тело!

Полли попыталась нанести еще удар, но тут показался человек в латах, который целился в Святогора и Полли переключилась на него, пытаясь остановить. Удар и человек упал без сознания. Однако в это же время еще один человек подобрался к Полли и ударил ее прикладом арбалета в затылок. Удар был касательным. От удара Полли не потеряла сознания, но удар спровоцировал всплеск. От всплеска, который прошел мощной волной во все стороны, человек, Святогор и еще пара нелюдей, что пробегали мимо, вдруг разом потеряли сознание. Полли захватили чувства и эмоции Святогора. Те самые, что Полли ощущала во время их общего пси-переноса. Это походило на падение с высоты. Чувства захлестнули ее и началась цепная реакция. Одно чувство потянуло за другое и все принялось нарастать словно лавина. Полли ощущала гнев и ярость. Она пыталась остановиться, но не выходило. Полли злобно кричала, ненавидя всех и вся, а ехидное хихиканье чертенка лишь подливало масла в огонь. Полли начала испускать свет. Свет становился ярче, пока Полли не стало видно за этим свечением и тут, под ожесточенные крики ненависти Полли, раздался взрыв.

Купол света накрыл площадь в три десятка километров. Этот свет был не видимым, ибо был ментальной природы – энергия мысли. Всякий, кто попал в купол и при этом был в сознании, попал под влияние света, для которого не существовало преграды. Псимедицина может лечить, а

может и калечить. Свет пси-взрыва стимулировал мозг всякого живого существа, стимулировать клетки тканей на саморазрушение. Всякий задетый светом, сгорал словно от воздействия радиации. Воздействие продолжалось до тех пор, пока был жив или в сознании мозг, а потому все подвергнутые воздействию не сгорали до обугленных костей. Купол продержался несколько секунд, а после исчез, словно выключили свет. Полли, потратив на это все силы, рухнула на землю без сознания.

***

Святогор очнулся от дикого вопля. Сколько прошло времени, он не знал, но на улице уже светило Солнце и было не то утро, не то вечер. Кричал чело… Нет, это был не человек, это был нелюдь, один из местных мутантов или уродцев. Он кричал от того, что видел, а видел он трупы. Часть трупов была разорвана, а часть выглядела так, словно их прожарили или сварили в кипятке, слишком уж странно они выглядели. Словно всех жарили и варили одновременно, как бы парадоксально это не звучало. Святогор огляделся и увидел Полли, что лежала без сознания. Попытавшись встать, он чуть ли не взвыл от боли. Все тело болело так, словно его пропустили через дробилку. После острой боли Святогор вспомнил, как его избивали. Однако в его голову пришла мысль и он ухватился за нее, отгоняя все прочие. Мысль была о том, что надо убираться отсюда и как можно быстрее. Превозмогая боль, он поднялся, но понял, что в таком состоянии он далеко с бессознательной Полли не уйдет. В голову Святогора тут же пришла идея – стимулятор. Заставив свой организм силой выделить стимулятор, Святогор ощутил, как боль немного отходит. Следующая идея пришла, когда Святогор увидел одного из смотрителей. У смотрителя была барсетка со шприцами и ампулами с наркотиком и Святогор доковыляв до смотрителя, который выглядел как морской огурец, кое-как извлек содержимое барсетки и вкатил себе дозу Боль в мышцах, словно жжение от кислоты, отступала. Святогор подождал какое-то время, пытаясь сориентироваться в пространстве. На дворе, судя по тому, как темнеет, а не светлеет, наступал вечер, а значит прошло почти около суток. На небе начали показываться звезды, по которым Святогор понял, где север. Прихватив с собой барсетку Святогор взвалил на себя Полли. Он взял курс на северо-запад. По пути он притормозил у входа в бункер. Святогора посетила мысль. Когда его привели сюда, он видел там еду, а так как впереди неизвестно что, а Полли для ее медицины нужно откуда-то брать ресурсы, то еда будет не лишней. Оставив Полли у входа, Святогор заглянул в бункер и поискал в его недрах. Фрукты и овощи, что Святогор нашел, были полезны, но не калорийны. Тем не менее, выбирать не приходилось. Поискав во что положить, Святогор наткнулся на помещение, в котором был хлам, который словно бы кричал – мы принадлежали не местным. Святогор поискал среди рюкзаков несколько путных и наткнулся на свой. Пошарив в карманах, он нашел свой навигатор. Запустив машинку, Святогор увидел на самой периферии зоны действия навигатора село Черкасово. Святогор хорошо помнил, что это село было в менее чем в десяти километрах от Выборга. Он поглядел на монитор, чтобы сориентироваться куда идти. Мысли путались, и соображать было невероятно трудно, а потому Святогор дал себе простейшую установку – еда, вода, Полли и дорога. Еды Святогор набрал три рюкзака, а за водой пришлось вернуться к колодцам. Нагрузившись и прихватив Полли, Святогор поспешно покинул Волочаевку.

Действия наркотика и стимулятора хватило аж на пятнадцать километров, прямо до поселка Красносельское. Все это расстояние Святогор не шел, а брел на автомате, словно лунатик. Есть такое старое выражение – выжатый как лимон, для Святогора можно усовершенствовать это выражение – изнасилованный лимон. Обезболивающие более не действовали. Идти приходилось по затопленной местности. Кругом была холодная вода, сухая трава и доносились кваканья, бульканье, треск и стрекотания. Святогор нашел небольшое кирпичное здание старой почты.

Первый этаж был затоплен, а вот второй этаж замусорен всяческой макулатурой. Ему более не хотелось куда-то идти, ибо силы не позволяли. Искалеченное тело, работая на пределе своих возможностей, ныло и требовало отдыха. Святогор, пока шел опустошил один из рюкзаков. Несмотря на то, что он испытывал странное невесть откуда взявшееся чувство сытости, Святогор все же силой впихивал в себя еду, зная, что для медицины Полли - это будет необходимо.

Святогор положил Полли на пол, бросил рюкзаки и повалился сам. Организм Святогора ныл, все кружилось и ощущения были такие, словно он перепил спиртного, только при этом все дико болело. Святогор стонал от боли, а сознание постепенно отключалось. Глубоко и часто дыша, Святогор отключился, погружаясь в глубокий сон…

Глава 7. Выборг

Выбор просто нужно сделать.

Не задумываясь – зачем?

«Кар!» раздалось где-то и десяток других каркающих созданий огласили округу. Святогор открыл глаза и едва дернулся от птичьего карканья. Острая боль в мышцах заставила его застонать. Болело все – голова, руки, ноги, пресс, спина… Словно Святогор упал с лестницы и кубарем прошелся с девятого и прямиком до первого этажа. Любая попытка сделать движение вызывала острую боль и странное жжение. Каждая клеточка мышц в теле ныла и стонала. Святогор перестал шевелиться и попытался вспомнить, что было до того, как он отключился. Память возвращалась с огромным трудом, но все же кое-что Святогор успел для себя отметить. На улице было утро или уже день, Солнце било в окно очень ярко. Прошлой, вернее должно быть прошлой ночью он с Полли на плечах бежал из Волочаевки. Что-то там произошло от чего Святогор не помнил, но случилось что-то явно ужасное. Как бы то ни было, а убежать удалось. Святогор брел по болотистой местности довольно долго и наткнулся на уцелевшее здание, в котором удалось укрыться. Святогор решил, что раз на улице светло, надо попытаться выглянуть и понять, что вокруг и где они вообще находятся. К слову о местонахождении! Если судить по навигатору и картам, по которым Святогор вчера брел, они в поселке Красносельское, что у озера Вишневское, но что из себя этот поселок представляет, Святогор как-то не запомнил. С трудом Святогору удалось подтащить рюкзак, в котором была барсетка со шприцом и ампулами с наркотиком. Пока он это делал, он увидел на руках следы запекшейся крови, но думать о том чья она, он решил позже. Сейчас было важно вернуть силы и привести Полли в сознание, после можно умыться и понять чья это кровь. В любом случае Полли подлечит его и поможет вывести наркотик из организма. Сейчас наркотик использовался в медицинских целях, как и прошлой ночью. Кое-как Святогор ввел себе дозу и через какое-то время боль отступила. В мышцах появилась подвижность, но руки и ноги слушались слабо. Все вокруг поплыло, но из-за сравнительно небольшой дозы Святогор мог более-менее адекватно соображать. Как и тогда, он дал себе установку – костер, Полли, еда.

Прошлой ночью разводить костер Святогор не рискнул, да и сил на это банально не хватало. Прежде всего, Святогор проверил пульс у Полли, который был в полном порядке, а уже после принялся мастерить костер. Для костра тут было все необходимое - деревянная мебель и бумага, при чем столько, что даже сырые ветки хорошо разгорятся. Однако столько бумаги не потребовалось, мебель была сухая и трухлявая, а потому костер разгорелся быстро, даря живительное тепло. Святогор доковылял до окна и выглянул на улицу. Пейзаж был картинным! Вдали виднелись деревянные покосившиеся дома, утопленные в мелкой воде. Кругом вода, сухая трава и множество голых деревьев, половина из которых давно уже была мертва. Рядом, видимо перед зданием была когда-то дорога, стояла каменная остановка, на которой можно было различить рисунок – водная гладь, огромное Солнце на горизонте и чайки. Рисунок был словно бы детским – простеньким, а краска, защищенная козырьком остановки, до сих пор не выцвела и не осыпалась. Справа виднелись еще кирпичные здания, а слева можно было различить деревянный купол какой-то не то часовни, не то церкви. Здание церквушки было завалено, словно Пизанская башня, а ее стены покрывал ковер из каких-то сухих трав и мхов. Отовсюду доносилось кваканье и бульканье, и Святогору даже казалось, что это один своеобразный звук.

Святогор оторвался от созерцания пейзажа и направился к Полли. Он попытался привести ее в чувства всеми методами, которые знал – потрясти за плечи, резко встряхнуть, слабо пошлепать по щекам и побрызгать холодной водой на лицо. Приводил Святогор Полли в сознание

минуты две или три и когда все методы смешались во что-то единое, Полли, сделав глубокий вздох с сипением, открыла глаза.

На лице Полли читалась страшная усталость. Святогор дал ей воды и она сперва вяло, но после более активно принялась пить. Выпила Полли много и Святогору даже пришлось оторвать от нее емкость с водой, чтобы она не выпила все. Полли сделала несколько глубоких вдохов с видом человека, который только проснулся с диким похмельем. Святогор отошел, взял один из рюкзаков и вернулся обратно, показывая Полли содержимое. Полли, как и с водой, сперва вяло, а уже после более активно, принялась поглощать содержимое рюкзака. Она ела так, словно неделю и маковой росинки не держала во рту. Фрукты, походившие на яблоко, но пахнувшие как груша и овощи, напоминавшие нечто среднее между морковкой и сельдереем, исчезали, словно желудок Полли был бездонным. Святогор не пытался ее остановить, ибо брал провизию с расчетом донести, восстановить силы, а остаток для похода к Выборгу.

Вспомнив про Выборг, Святогор вспомнил о навигаторе. Запустив приборчик, он увидел карту и множество линий. На карте, где-то в сорока или сорока пяти километрах, был обозначен Выборг. Линии в целом были в порядке, но слабо возмущались, что могло говорить об излучении, что Святогора не удивляло.

- Где мы… - произнесла Полли с набитым ртом.

- Красносельское, - ответил Святогор, отрываясь от навигатора.

- Давно мы тут?

- Не уверен, но думаю я пришел сюда ночью.

- Пришел? А там, у этих… Там что произошло?

- Я не знаю… - странно задумываясь, ответил Святогор. – У нас появился шанс уйти, ну и я им воспользовался. А ты что-нибудь помнишь?

- Нет… Все… Все как-то хаотично в голове…

Святогор хотел ей сказать, что видел, когда уходил, но решил, что лучше будет опустить подробности. Главное они ушли, все прочее – лишнее.

- Стоп… - произнесла Полли прекращая есть и видя запекшуюся кровь на Святогоре. – Как ты себя чувствуешь?

- Я под кайфом… - улыбаясь, ответил Святогор. – Так что мне хорошо.

- Сейчас, погоди, я помогу…

- Не торопись, - остановил Святогор. – Эта дурь долго действует, а ты лучше поешь, свои силы восстанови.

Полли принялась еще более активно есть. Благодаря психомедицине она вернула себе утраченные силы и уже была бодрячком. Святогор валялся и разглядывал облупившийся потолок. Мысли текли, словно раскаленный мазут – черные, вонючие и обжигающие. Сильно мутило. Святогора тогда сильно избили и обычный человек от таких побоев должен был давно скончаться, но его спасла его особенность. Стимулятор повысил его лечебный фактор, а наркотик ослабил боли. Святогор, раньше думал, что в его особенности видеть призраков, нет ничего полезного. Однако теперь, пользы было хоть отбавляй.

Полли, покончив с едой, приблизилась к Святогору с целью помочь ему. Приложив руки, она подала поток пси-энергии и тело Святогора принялось исцеляться.

- Слушай, - произнес Святогор приходя в более привычное состояние. - А что твоя психомедицина такое?

- Психомедицина? – несколько меланхолично ответила Полли. - Ну это как эффект плацебо, только плацебо – это автоматическая система, а психомедицина ручная. Плацебо, это когда ты веришь в исцеление и мозг стимулирует клетки на это исцеление. Психомедицина работает схожим образом, но тут можно либо влиять на мозг, а он будет влиять на клетки, либо сразу на клетки. Я влияю напрямую – на клетки, заставляя твой организм регенерировать. Из-за того, что клетки могут делиться лишь ограниченное число раз, регенерация сокращает срок жизни, но при психомедицине этого не происходит. Все потому, что клетка матрицируется, от слова матрикат, то есть при делении создается точная копия, с тем же запасом делений. Параллельно с исследованием генных инженеров в области стволовых клеток, исследования в направлении психомедицицы обещают в ближайшем будущем нечто вроде эликсира бессмертия.

- Нихрена себе… - произнес Святогор. – Что, прям бессмертие?

- Ну, скорее средство от старости. Плюс более высокий, чем сейчас, регенерационный фактор.

- Типа как у Рассомахи?

- Это из комиксов? – неуверенно произнесла Полли.

- Да, вроде Логан. С когтями такой, он типа был со способностью к быстрой регенерации.

- Ну, думаю примерно так. Только Рассомаха это вымысел, который не учитывает множество факторов касательно самого процесса. Быстрая и бесконтрольная регенерация способна не спасти, а убить или натворить немало бед.

Взгляд Полли вдруг переменился.

- Что такое? – поинтересовался Святогор.

- Кажется, я начала вспоминать, память кусочками возвращается. Я… - произнесла Полли и замолчала.

- Что?

- Да я вспомнила… Вспомнила, что видела в подсознании, когда меня накачивали. Помнишь, я говорила о причинах тех моих срывов на тебя?

- Да.

- После ментального переноса со мной что-то произошло и я сумела что-то сделать с твоим демоном и со своим чертиком. Я ни на что не надеялась, но… Я исследователь и должна полагаться на данные, а не на веру, но все же… Где-то в глубине себя я верила, что нашла ответы и в перспективе лекарство от нашего недуга. Но потом я убедилась, что ошибалась и...

Полли глубоко вздохнула.

- Не переживай, - произнес Святогор. – Думаю еще рано сдаваться, может это так и должно быть? Человек ведь сперва создал колесо, а уже потом ракету, а не на оборот.

- Верно, - улыбаясь ответила Полли.

Полли подняла правую руку и пристально в нее вгляделась.

- Что такое? – вновь поинтересовался Святогор.

- Странное ощущение, - ответила Полли, отнимая вторую руку. – Словно… Что-то не то.

- Что? Что именно? Твоя медицина не работает? – с каким-то испугом в голосе произнес Святогор.

- Нет, все работает, но… Не так как раньше, - пояснила Полли, задумчиво морщась и разглядывая свои ладони.

Полли развернула кисти ладонями к Святогору и пристально поглядела на участок тела, к которому были обращены ладони. Полли не касалась Святогора, но он ощутил расходящееся тепло и уходящую из мышц боль. Святогор ощутил голод и жажду и заметил, что его тело истощалось.

- Кажется... Кажется, я могу это делать дистанционно! – возбужденно произнесла Полли, глядя на Святогора расширенными от удивления глазами.

- Это ведь хорошо? – недоверчиво произнес Святогор.

- Это здорово! – радостно воскликнула Полли. – Я… Я не знаю как, но это явно новый уровень связи! Это! Это!

Полли сильно возбудилась. Она улыбалась и не могла нарадоваться открытию. Полли поглядела на Святогора, заглянула ему в глаза и ее улыбка застыла.

- Круто! – радостно произнес Святогор.

Святогор увидел, что Полли как-то странно на него смотрит.

- Полли? – нелепо улыбаясь, произнес Святогор.

Улыбка Полли поползла вниз. На лице все явственнее проступал ужас.

- Что? Что такое? Тебе плохо? – забеспокоился Святогор.

- Все… - шепотом произнесла Полли. - Все они… Я… Я их… - срывающимся голосом выдавила девушка.

Глаза Полли увлажнились и Святогор всполошился.

- Что? Кто они? Что ты их?

- Л-люди… - с холодом в голосе произнесла Полли. - В… В Волочаевке… Я… Я их всех… Э-это я их всех убила… - произнесла Полли глядя на Святогора ошалелыми глазами и по ее щекам заструились слезы.

- Что? – удивленно воскликнул Святогор. - Откуда ты знаешь?

- Я только что увидела это в твоих мыслях, - выдавила Полли. - Те люди… Обгоревшие… Это я их! Тот… Тот взрыв… Э-эт… Это я! Я! Я их убила! Нет! Нет! Нет! – истерически закричала Полли, хватаясь за голову.

Святогор вскочил и приблизился к Полли.

- Полли! Полли! Послушай! – попытался вмешаться Святогор. - Ты не виновата! Слышишь? Они заслужили этого! Плевать на них! Они мерзавцы заслуживавшие смерти!

Полли дернулась и со злости влепила Святогору пощечину. Святогор со звонким ударом пощечины аж упал от неожиданности.

- НЕ СМЕЙ ТАК ГОВОРИТЬ! – заорала Полли. – Они люди! Они живые! Все! Даже те, которых ты убил и сожрал как животное! Слышишь? – Полли рыдала. - Все заслуживают жизни! ОНИ! ТЫ! МЫ! ВСЕ, СЛЫШИШЬ? ВСЕ! Жизнь, что б тебя! Это самое ценное! Почему вы такие идиоты?! За что вы так пренебрегаете жизнью?! За что вы так ненавидите друг друга?! Почему вы так стараетесь уничтожать?! Почему вы так хотите быть НАД кем-то, а не С кем-то? Вы животные! Я вас ненавижу!

Святогор глядел на Полли снизу-вверх. В его памяти тут же всплыла картина на болотах, как он пытался съесть человечину. Это воспоминание, словно головной вагон потянул за собой состав воспоминаний, который несся по чувствам и эмоциям без тормозов беря Святогора на таран. Полли буйствовала, а воспоминания Святогора тянули страшные картины прошлого.

- Старый человек чудовище! Чудовище, что ненавидит жизнь! Вы либо лишаете себя, либо доводите других до состояния, когда иного выбора нет! Зачем? Чтобы потом оправдываться? Мол иного выхода не было? Всю свою историю старый человек только и делал, что убивал и уничтожал.

Святогор встал, пытаясь вставить слово. Полли ударила его в грудь кулаком.

- Не смей мне больше говорить, что я не виновата, что они заслужили это! Они были больны! Больных нужно лечить, а не убивать! Слышишь? – Полли ударила Святогора в грудь еще раз, потом еще и еще. – За что?.. За что вы так друг друга ненавидите?! – произнесла Полли рыдая и упираясь кулаками в грудь Святогора, - Почему вы не желаете понять друг друга? Почему вы не пытаетесь бороться с болью и не желаете понимать…

Полли опустила руки и обернувшись, упала на колени закрывая глаза ладонями. Она рыдала, а Святогор силился сказать хоть что-то, но в горле застрял ком. В голове Святогора мелькали мысли. Он стоял с какой-то злобой во взгляде и с горяча хотел сказать, что мол, видишь? Видишь, как мы тут живем? Чувствуешь, каково это? Когда нет…

Голова была словно вулкан, который готовился к извержению, а рот был кратером со жгучей лавой расплавленных и горячих слов. Святогор оборвал мысли. Он ощутил себя последней скотиной, тем чудовищем, что в нем видят другие. Святогор осознал, что Полли должно быть одна из тех немногих людей, что отнеслись к нему с пониманием и не отвернулись. Полли сейчас была нужна его поддержка и понимание. В голове мелькнули слова матери: «Мы все хотим, чтобы нас понимали, но важно и самому понимать других!». Святогор поднял свои руки внимательно вглядываясь в ладони. Сейчас он должен отнестись с пониманием к Полли, к единственному сейчас близкому ему человеку. Несмотря на все, что она умеет, она все же хрупкая. Святогор не знал, что она сделала, но он видел результат сделанного и понимал, что это ее испугало. Понимал, что для нее это удар. Святогор вспомнил себя в юности, во время войны, когда он *был вынужден* убивать. Никто не проявил сочувствия и понимания, лишь приказал «еще». Сейчас Святогор чувствовал, что обязан был не отвернуться, а помочь Полли.

Святогор приблизился к рыдающей девушке и коснулся ее плеча. Полли вскочила как ужаленная и принялась истерически колотить его в грудь. Она била его, а Святогор пытался поймать ее за руки. Когда у него это получилось, он попытался прижать ее к себе, но Полли со слезами в глазах и злостью во взгляде вырывалась. После минуты сопротивлений, она сдалась и крепко прижалась к Святогору. Они обнимали друг друга и объятья их были столь крепки, что Святогор телом ощущал, как бьется сердце в ее груди. Она рыдала ему в грудь, а он гладил ее по голове пытаясь ее успокоить. Вдруг, объятия и рыдания Полли пробудили в голове Святогора мысли. Зло порождает лишь зло и до тех пор, пока порочный круг не разорван, оно будет лишь расти, словно снежный ком. Святогор вдруг увидел огромную картину, которая складывалась в его голове вот уже несколько дней. Он ощутил, что находится на пороге странного понимания, чего-то

грандиозного, но чего именно все еще было за гранью. Словно не хватало одной единственной детали, что запустила бы механизм в движение. Пока картина в неподвижности, вся ее грандиозность ничего не стоила. Но чего не хватало? Во что все складывалось?

Когда чувства спали и объятия ослабели, Святогор тихо и робко произнес, слегка отрывая Полли от себя:

- Полли... Прости. Я… Я дурак… Я все сказал не подумав. Я хочу понять тебя.

- И ты прости… - меланхолично отозвалась Полли, крепко прижимаясь к Святогору обратно. – Я хочу домой… Давай забудем все это и покинем этот проклятый мир, - сквозь зубы произнесла Полли.

- Да. – тихо отозвался Святогор, нежно обнимая Полли. – Да…

Остаток дня они провели в тишине, восстанавливая силы и приводя себя в порядок. Святогор несколько раз ходил за водой и на поиски еды. Еды оказалось в изобилии, ибо на местном болоте было много растений, со съедобными корнями, которые вовсю готовились к приближающемуся лету. Полли показала, какие коренья стоит собирать и Святогор набрал с учетом ужина и завтрашнего похода, ибо все прежние припасы, увы, ушли на восстановление.. Пока Святогор искал, он прокручивал в своей голове картину и ощущал странное двойственное ощущение. С одной стороны, он хотел как можно быстрее дойти до Выборга и убраться с этой планеты к чертовой матери! Но с другой… Что-то противилось этому. Святогор вроде даже видел ответ, но совершенно не понимал его значения…

Корни были богаты питательными соками, витаминами, сахарами и углеводами, что для восстановления сил было чертовски полезно. После ужина, когда все стемнело, Полли ожила и чуть повеселела. Святогор сидел у костра, а Полли лежала в его объятиях. Они оба держались за руки и грелись. Оба глядели на огонь и хрустели кореньями, запивая болотной водой.

- Слушай, а что за легенда о красной двери? – слабо зевая, поинтересовалась Полли.

- Дверь? А да… - произнес Святогор, припоминая. – Эта легенда появилась еще во времена моего детства, но она скорее была страшилкой, нежели легендой.

- Расскажи мне ее, - попросила Полли.

- Отец как-то раз забирал меня из детского садика. Мы шли домой, а по пути он остановился у магазина, вроде их ларьками называли. Не помню, что он там покупал… - задумчиво произнес Святогор. – В общем, меня что-то привлекло и я отлучился от отца. Я дошел до открытой двери и что-то там увидел. Когда я попытался войти, ко мне уже бежал отец и кричал на меня. Потом он меня строго отругал и пригрозил, что если я еще раз убегу и сунусь в красную дверь, то она меня сожрет, а он не сможет меня спасти. Я тогда навсегда запомнил это и боялся красных дверей как огня.

- Думаю, это как страшилка прошлого века, про серого волка, - задумчиво произнесла Полли.

- Наверное. В Питере много красных дверей и думаю, отец где-то сам услышал эту страшилку. Напугал меня, чтобы я не совался куда попало. Но если в детстве это была страшилка, то во времена моей юности это превратилось в байку или легенду, вроде городских. По легенде, я точно не помню, поэтому своими словами попробую… Так вот! По легенде есть одна красная дверь. Эта дверь пристраивается на место обычной двери и ждет. Для простого человека дверь – это просто дверь, которая открывает проход в какое-то помещение и не более того. Но если дверь выбрала тебя своей жертвой, то она начнет преследовать тебя и заманивать в свое чрево. Если

поддаться ее влечению и зайти внутрь, то можно увидеть старую квартиру в духе девяностых. Ковры, коврики и паласы, шкафы с антресолями, комоды и столы, зеркала, картины и телевизор с кинескопом. Помещение внутри заполнено светом ламп накаливания, запахами хозяев, книг и еды. На стенах незамысловатые обои, а на потолках большие люстры. Из кухни доносятся звуки готовки и аппетитно пахнет. Ты проходишь внутрь и направляешься в кухню, а там никого. Ты словно бы слышишь кого-то и приближаешься к окну. А вот дальше: если ты повернешь назад и покинешь квартиру, то останешься жив. Если заглянешь в окно, то дверь закроется и тебя больше никто и никогда не увидит.

- Думаю, в Сертолово тамошнее существо могло прочесть это у тебя в голове или у других жертв, которые знали, а потом стало использовать ее. Эффектно.

- Ну… - Святогор задумался широко зевая. – Как знать. Слушай, а ты же вроде говорила, что ты археолог, так?

- Экзоархеолог, - поправила Полли зевая. - То есть ученый изучающий быт и культуру древних цивилизаций иных планет. А что?

- Просто я задумался, а почему ты решила поменять профиль? То есть, почему ты решила работать на станции, как ее там … Харон?

- Да, Харон. – подтвердила Полли. – Захотелось вот. Мы работаем ради блага, а не ради денег. Мой индекс мне позволял податься на Харон, плюс там были перспективы, ну я и решила.

- Слушай, а Пут… Путар… Тьфу… Древо это твое, которое ты изучала.

- Путоранское, - произнесла Полли.

- Да. А насколько оно большое?

- Высота у него, - зевая, произнесла Полли. - Три километра, ствол имеет диаметр до четырехсот метров, а ширина кроны восемь километров.

- Круто, - произнес Святогор, еще раз зевая. – Расскажи еще что-нибудь. Расскажи о Тем… Тене… Те-мен-вите, во! – с затруднением произнес Святогор, душераздирающе зевая.

Полли принялась рассказывать о родном городе, потом о Тейе и оба даже не заметили, как заснули убаюканные светом и треском костра. Лишь напоследок, в полудреме, Полли тихим шепотом произнесла, словно сквозь сон:

- Я хочу быть с тобой…

- Да… - так же тихо словно сквозь сон отозвался Святогор.

Они заснули в объятиях друг друга и видели один сон на двоих. Несмотря на пережитые ужасы, сон, что они оба видели, был словно лечебным бальзамом. На время сна все тревоги уходили, даря умиротворяющий покой. Полли, пользуясь сном и воспоминаниями, перенесла Святогора на Тейю, на одно из своих излюбленных мест –остров Франко. На острове были луга и поля, и они оба валялись в траве, разглядывая ночное небо. Святогор был в облике человека, а Полли без своего костюма. Оба были одеты в чистые, светлые и просторные одеяния. Полли лежала поперек Святогора, используя его живот как подушку и выводила пальцем созвездия. Она рассказывала о звездах, мирах и о тех, кто их населяет. Оба слабо улыбаясь, держали друг друга за руки. Полли все говорила, а Святогор слушал и ощущал, даже во сне, тепло и нежность ее руки. Святогор ощущал, как в его сердце нарастает чувство.

Утро было туманным. Окна здания почты выходили на восток, а потому путников разбудили первые лучи Солнца, которые пробивались сквозь низкие облака и туманную дымку,

что поднималась над топями. Сборы были короткими и проходили в тишине, как и дальнейший путь. После вчерашнего, говорить особо не хотелось. Хотелось как-то переварить все и проглотить. Полли вышла на улицу, а Святогор напоследок оглядел помещение. На одной из стен он увидел зеркало, а рядом висел выцветший плакат с фотографией добродушно улыбающегося старика. Старичок был морщинистый, с серыми, сильно тронутыми сединой, волосами и седыми усами, а на глазах были огромные темные очки, которые когда-то вроде как называли «Авиаторы». В руках старик держал не то журнал, не то комикс или что-то вроде. В углу плаката различалась подпись, вроде автографа. Святогор поглядел на сине-зеленую фотографию, заглядывая в глаза старика. Молча постоял какое-то время разглядывая, а после развернулся, поправил снаряжение и выдвинулся вслед Полли.

Чем ближе Святогор и Полли были к Выборгу, тем сильнее местность была заболочена. Низины превращались в откровенно опасные болота и трясины. А скрытые под водой старые дороги, холмы и возвышенности, как естественные, так и искусственные были спасительными кусочками тропы путников.

- Интересно, откуда тут столько болот? – произнес Святогор в слух. – До войны тут такого не было...

- Ну… - протянула Полли. – До первых городов тут были болота, а цивилизация их укротила. Природа просто берет все обратно.

- Вот как… - заключил Святогор.

Святогор и Полли брели по болотам держась за руки. Воды болот были холодны, но благодаря Полли гипотермия ни ей, ни Святогору не грозила. Новые возможности девушки позволяли ей лучше владеть своей связью и любая мелкая живность, что жила на болоте, даже не рисковала приближаться. Лишь раз на пути путников возникла угроза, но Святогор, наученный горьким опытом, уступил решение проблемы Полли. Угрозой были два огромных, с человека ростом, животных с выводком мелких. Создания походили на гибрид бобра, выхухоли и чего-то земноводного, лягушки или тритона. Святогор и Полли забрели на их территорию, но Полли сумела погасить гнев существ и те спокойно ушли, не причинив вреда.

- Интересно, что породило этих мутантов? – в пространство произнес свой вопрос Святогор.

- Это не мутанты, - ответила Полли.

- Что? Как это? Они не похожи на нормальных животных.

- Нормальных? Для этого мира, такие как они – это и есть норма. Человек в свое время тоже был мутантом. Мутация – это изменения генотипа под действием мутагенов, либо под влиянием внешней, либо внутренней среды. Мутант – это организм, который имеет наследственные характеристики отличные от родительских. Обычно мутанты не жизнеспособны – уродцы, если проще. Жизнеспособные мутанты обычно либо не способны к размножению, из-за того, что не совместимы с другими, либо семейная ветвь таких существ имеет слишком мало поколений и очень быстро вымирает. Если же мутант жизнеспособен, а потомство имеет будущее, то это уже полноценный организм или проще – животное. Эти существа – это животные нового мира. Все это конечно же грубый пример, но для понимания сойдет.

- Вот значит, как… - произнес Святогор, задумываясь.

- Что с тобой? Ты сегодня, словно сам не свой, погруженный в себя, все хорошо?

- А? – произнес Святогор, словно отвлеченный от мыслей. – Да. – продолжил Святогор, нежно сжимая руку Полли. - Все хорошо. Просто… Мысли мучают. Вопросы…

- Может я, чем могу помочь? Ты спрашивай, я помогу.

- Нет, не переживай, - улыбаясь, ответил Святогор. – Это так… Я еще сам не все понял. Крутится в голове одна картина и я все никак не могу ее понять, словно одной детали не хватает. Не бери в голову. Я как пойму, все расскажу, авось и интересно будет.

- Ну, смотри, - произнесла Полли.

До Выборга путники добрались к вечеру. Дорога была трудной, а от воды распухли ноги. Заночевать пришлось в новой части города. Новой эта часть называлась еще до войны. В этой части находились современные для своего времени дома, а вот центр Выборга – это историческая или старая часть города. Однако конечная цель находилась в шести километрах, за городом, на острове Гвардейский. Меньше часа пути! Если сравнивать, то за сегодня Святогор и Полли прошли, петляя по болотам, почти пятьдесят километров! Но оставшиеся шесть, увы… Силы уже не позволяли. Психомедициной можно дать необходимый запас сил, но эти силы не берутся из воздуха, без должной подпитки, это как тягать тяжелую штангу и ежечасно пить энергетик, при этом съедая по половине бутерброда – чудовищный износ организма. Плюс уже была ночь, да и… Проще утром дойти. На Гвардейском острове располагалась когда-то воинская часть 41734. По словам Полли, сама часть использовалась тейянцами как камуфляж, ибо их база располагалась под этой частью, глубоко под землей.

Заночевали путники в руинах церквушки. Ночное зрение позволяло разглядеть путникам то, во что превратился город. Типичные провинциальные пяти и девятиэтажные здания были обращены в руины, как во времена блокады Ленинграда и всюду сухая, еще готовящаяся к лету зелень. С определенных ракурсов город больше походил на обычный брошенный город-призрак, нежели уничтоженный. Улицы были забиты всевозможным мусором – камни и кирпичи, металлические и пластмассовые вещи, деревянная труха и стеклянный бой. Множество брошенной техники и трава. Много травы. Очень и очень много сухой травы. Эта трава словно щупальца миллиардов медуз облепляла все, до чего могла дотянуться. Придет лето и тут наверняка будет травяной лес, даже джунгли! Но пока что этот лес спит. Кроме травы в изобилии было грибов, которые росли на всем, что только можно. Грибы походили на странную помесь древесного гриба, Вёшенки и Лисички. Когда Святогор поинтересовался, Полли ответила, что эти грабы называются Pleurotus Arboreus, а если по-русски - Вёшенка древесная. Еще сказала, что они съедобны. Но стоит опасаться похожего гриба, который содержит психотропное вещество. К счастью, сейчас для него не сезон. А вот Вёшенка древесная растет даже зимой, но зимой этот гриб тверд как ствол дерева. Ужин был ожидаемым – грибы. Полли показала какие травы и коренья можно добавить для большего разнообразия, и чтобы пресные грибы не ощущались бумагой во рту. Когда Святогор собирал грибы и травы, то краем глаза заметил странный силуэт. Он увидел его всего на несколько секунд. Силуэт стоял в густой сухой траве. Он не был похож на призрак человека, он походил на призрак космонавта в соответствующем костюме. Особенностью его было то, что в безликой маске лица угадывались черты черепа. Силуэт ткнул указательным пальцем себе в шлем и растаял в воздухе. Святогора посетило тревожное чувство, а голову стали забивать мысли. Святогору счел это за дурной знак.

Ужин прошел молча. Святогор был погружен в тяжелые мысли и Полли даже забеспокоилась.

- Леш, все в порядке?

- Что? – произнес Святогор, возвращаясь из дум. – А? Да… Все хорошо. Просто пытаюсь решить задачку…

- Все еще гадаешь над той картиной, о которой ты говорил?

- Да, - подтвердил Святогор. – Есть несколько нюансов, которые никак не получается решить. Ума не приложу...

- Я могу помочь, - решительно произнесла Полли. - Я ведь теперь могу без риска прочесть твои мысли и помочь с задачей.

Святогор взглянул на Полли как-то странно, словно таил секрет. Словно хочет сказать, но не то боится, не то…

- А… Ты знаешь, я пока лучше сам. Правда! Я это лучше сам попробую решить. Пожалуйста…

- Ну, смотри… - ответила Полли, с беспокойством внутри.

После ужина оба легли спать. Полли заснула быстро, а вот Святогор почти не спал. Святогора мучали мысли, плюс где-то вдали раздавались крики, словно обезьяны дерутся. В общей сложности, Святогору удалось поспать часа три, все остальное время он провел в дремоте, терзаемый вставшей задачей.

Утро было вялым. Новый Выборг встретил туманом, который тянуло от болот, но зато чем ближе был старый Выборг, тем выше была земля и тем меньше воды было под ногами. Старый Выборг уцелел больше. Видимо город пытались уберечь, свои или чужие уже значения не имело, но историческая ценность сохранила свой, пусть и относительно, первозданный вид. Единственным разрушителем тут явно была сама природа, которой было глубоко чихать на историю. Путники, все так же держа друг друга за руки, двигались по каменным дорогам мимо каменных домов, которые шли вперемешку с более современными сооружениями. Старые дома были преисполнены красоты и величия, в то время как более современные - простоты и броскости. Парки превратились в древесные крепости, в которых укрывались странные создания, которые походили на обезьян. Однако в Выборге отродясь обезьяны не водились, а потому сказать точно, кто эти создания было… Вроде как с одной стороны просто, но с другой считать так не очень хотелось. Обезьяны следили за путниками с деревьев, крыш и из окон домов. Путники продвигались молча, пока не добрались до Рыночной площади. На чистой каменной площади возвышалось монументальное сооружение. Святогор бывал в Выборге до войны и знал, что на площади было круглое здание. По всей видимости, это здание стало основой или фундаментом сооружения. Сооружением была огромная пирамида, высотой порядка десяти этажей. Из-за деревьев и тумана Святогор и Полли не заметили это сооружение раньше, но сейчас, вблизи, оно представало во всем своем великолепии. Пирамида была собрана из различного мусора, связанная и обтянутая тканями, веревками и растениями. Громадный симбиоз мусора и растительности поражал. Пирамида была домом для грибов, самый огромный из которых больше походил на огромный зонтик на вершине этой пирамиды.

Полли и Святогор приблизились к пирамиде. Сразу после любопытствующего прикосновения Полли к одной из балок пирамиды, следящая свора обезьян вдруг взбесилась и загалдела. Рев постепенно сменился хоровым уханьем:

- У! У! У! У! – скандировали десятки или сотни глоток, словно болельщики стадиона.

Вдруг рядом с Полли, в мощеную камнем площадь, вонзилось копье из арматуры обмотанное цветными тряпками. Толпа взревела и на площадь выскочил огромный макак. Он был похож на человека, но чертовски одичавшего. Он бил себя в грудь, словно разъяренная горилла.

Этот недочеловек, эта полуобезьяна, этот дикарь вел себя вызывающе. Создание вознамерилось что-то сделать с путниками и для этого угрожающе ринулось на них. Полли не стала церемониться и просто нанесла пси-удар по всей площади. Обезьяна, как и все прочие зрители, опешили. Азарт и ярость сменились страхом и все прыснули в разные стороны с воплями ужаса. Примитивные создания разбежались и на площади воцарилась тишина. Святогор не вмешивался, зная, наученный уже, что лучше все доверить Полли. Святогор знал лишь язык силы, а вот Полли была полиглотом и в ее арсенале были тысячи языков, которыми можно было договориться и без силы.

- Интересно, это они сделали? – поинтересовался Святогор, разглядывая пирамиду.

- Нет, - ответила Полли. – Но думаю их предки.

- Они люди? – произнес Святогор, зная, но не веря.

- Были. Думаю, это потомки тех, кто тут жил, а все это… - Полли вспомнила слова Воланда. – Как сказал старик в Волочаевке – наследие.

- Странное наследие, - удивился Святогор. – Зачем они построили пирамиду?

- Когда я коснулась, все они словно бы сошли с ума. Думаю, это что-то вроде местного идола или фетиша. Монумент местного Бога или его храм, или… Кто его знает.

- А почему пирамида? Что людям все время хочется так строить пирамиды, она что? Особенная какая-то?

- Дело не в самой пирамиде, а в желание величия. Человек издревле стремится увековечить что-либо, либо достичь чего-либо великого, отсюда и монументальность. А пирамида – это просто идеальная фигура, - пояснила Полли.

- Идеальная? Это почему? – произнес Святогор, не понимая.

- Если ты попытаешься создать что-то большое, то непременно столкнешься с тем, что чем больше сооружение, тем больше его масса и тем неустойчивее это сооружение. Человек, создавая что-то великое, столкнулся с проблемой устойчивости и сохранности внешнего вида. Квадраты, прямоугольники и цилиндры имеют устойчивость, но они под действием собственного веса теряют форму. Лишь у пирамиды можно сделать так, чтобы компенсировать массу и чтобы при этом объект не потерял форму, при этом сделать это без внешних фиксаторов. Рассчитал просадку грунта в самой тяжелой точке пирамиды, компенсировал и пирамида простоит сотни, а то и тысячи лет. Современному человеку думать над этой загадкой уже не надо, достаточно повторить то, что уже было придумано предками.

- Вот оно значит, как, - понимая, ответил Святогор.

Полли еще раз коснулась пирамиды и направилась дальше. Святогор постоял, обдумывая слова Полли, поглядел на пирамиду, оглядел площадь и увидел обезьян, которые боязливо глядели на них из своих укрытий.

Путники прошли по Петровскому мосту. Мост был разрушен, но глубина гавани была низкой и проход по мосту не вызывал затруднений. Дальше был остров Твердыш и парк Монрепо. Путники шли по железной дороге, слева от которой были дома, а справа сам парк. Учитывая то, что железная дорога шла в низине, словно бы прорубленная в земле и скалах, вдобавок из-за деревьев, сам парк и дома видно практически не было. Лишь звуки явственно свидетельствовали о кипящей жизни в самом парке.

- Слушай! Я правильно понял, на острове была ваша база? А Местные что? – поинтересовался Святогор.

- Местные? – непонимающе переспросила Полли. – А, я поняла. База находится на изолированном острове. Все ценное было забрано еще до того, как там построили убежище для нашей разведки. Потому, когда начали строить, местные, если они и представляли проблему, то я ничего об этом не знаю. Я ведь работала с другим участком и о Питере и его окрестностях ведаю лишь в общих чертах.

- Погоди, изолированный? То есть… А как мы туда попадем? Вплавь или подземный туннель?

- По моим данным, у самой базы есть переправа. Все подступы к острову во время войны были уничтожены, а сам остров взят в оборону и для этой цели была возведена стена, но только вокруг базы. В самой узкой части залива, между островами была естественная переправа, и возвышенность на которой было шоссе. Переправу так же уничтожили, но заменили подъемным механизмом, вроде подъемного моста. Механизм еще функционирует и реагирует на тейянских разведчиков. Я не разведчик, но благодаря компьютеру, система на меня отреагирует, что даст возможность воспользоваться переправой.

- Ясно, - понимающе произнес Святогор.

Добравшись до переправы, Святогор увидел обтесанный склон острова, который возвышался стеной. На вершине располагался огромный механизм, больше походивший на гигантские ножницы. Полли поколдовала с компьютером и механизм ожил. Лязг металла и работа конструкции огласили округу. Ножницы начали спускаться и сводиться в некое подобие длинного подвесного пандуса.

- А почему он еще работает? – удивленно произнес Святогор.

- Он питается от источника энергии на самой базе, глубоко под землей.

- А кто обслуживает этот источник?

- Там все автоматизировано и люди не требуются. Система в экономном режиме и способна просуществовать до тех пор, пока сам механизм не умрет от внешних воздействий. То есть система сама себя содержит.

Они проследовали по переправе и спустились к базе. На базе были длинные ангары и огромное множество военной техники. Вся техника была насквозь проржавевшей и выглядела так, словно все машины вросли в землю. Техника была разбросана по части, словно когда-то тут был бой, и техника послужила укрытием и баррикадами. Святогор и Полли прошли мимо ржавых монстров, от которых фонило радиацией. Однако! Откуда эта радиация взялась было неясно, ибо не было следов ядерного удара. Лишь вблизи Святогор ощутил ее воздействие и вспомнил, что тут должен быть достаточно высокий фон. Но думать об этом Святогор не стал, так как в одном из ангаров он и Полли спустились в небольшое укрытие, где была массивная железная дверь. Судя по плану, что висел на стене, за дверью находились коммуникации. Полли что-то нажала и раздался душераздирающий скрежет. Дверь со скрипом отворилась и путников обдало затхлым воздухом. В помещении было множество проводов и кабелей, счетчиков и датчиков, щитков и трансформаторы. Полли открыла один из щитков и после некоторых манипуляций раздался звук вроде того, как едет лифт. Плитка пола пришла в движение и из-под земли поднялся шкаф. Шкаф открылся и внутри было полое ярко освещаемое пространство на четыре человека. Святогор и Полли вошли внутри, и Святогору пришлось сгорбиться, дабы поместиться внутрь. Спускались чуть меньше минуты и Святогор обратил внимание на электронное табло, на котором отмечалась глубина – семьдесят два метра. Когда двери лифта открылись, в помещении уже горел свет. Полли пояснила, что, когда она активировала переправу своим компьютером, то есть голофоном, база ожила и перешла из спящего в рабочее состояние. Сама база или скорее даже не база, а укрытие

или убежище, выглядели отнюдь не футуристично, как себе представлял Святогор. Но тем не менее она выглядела более продвинутой, нежели воинская база на поверхности. Святогора и Полли встретил длинный и широкий бетонный коридор вдоль стен которого стояли трехъярусные стеллажи. Стеллажи были разбиты по три секции и каждая секция имела высоту в полтора метра. В каждой секции располагались ящики. Что именно было в ящиках неизвестно, но на них стояли разнообразные маркировки, говорящие о содержимом. Маркировки были разнообразными, от указания продовольствия и до опасных химикатов. Святогор и Полли прошли коридор до самого конца и через массивную дверь попали в узкий и короткий коридор. Коридор вел в соединительный узел, а тот объединял три складских помещения, коридор позади был одним из трех, а также соединялся с общей комнатой. Пройдя в общую комнату, Святогор и Полли попали в обширное помещение, в котором было все для уютного время препровождения. Комната была вроде кают-компании на судне, или телевизионки в армейской казарме, но обустроена с большим комфортом. Короче говоря – комната отдыха. Комната соединялась с тремя помещениями: спальным, санузлом и столовой, и комнатой управления. Комната управления в свою очередь была соединена с серверной и энергетической станцией. Эти три помещения были изолированы, в то время как остальные были соединены между собой коридорами. Укрытие больше походило на подобие космической станции, но под землей. При желании любую из комнат можно изолировать. Полли и Святогор проследовали в комнату управления, которую так же можно было назвать комнатой связи.

Комната связи была наполнена компьютерами и какими-то приборами. Только сейчас Святогор обратил внимание, что в укрытии нет ни единого провода. Словно все работало, используя беспроводную передачу энергии. Полли проследовала к одному из пультов, села в кресло и ввела несколько команд на сенсорной клавиатуре, после чего все заработало иначе. Словно бы все работало, но было в каком-то ожидании, а благодаря Полли перешло в активность. Экраны загорелись и Полли принялась что-то делать, что было понятно ей и совершенно непонятно для Святогора. Она колдовала над компьютером минут десять и Святогор все пытался вникнуть в манипуляции Полли, но ничего не понимал. Полли работала увлеченно и явно хорошо понимала царящий для Святогора хаос символов на экране. Полли заулыбалась и Святогор не выдержал.

- А что ты делаешь? – поинтересовался он.

- Пытаюсь наладить связь с Тейей, - ответила Полли и ввела несколько команд. – Вот.

- Стоп, а как именно ты свяжешься с ними?

- Ну, поговорить не удастся, но я отправила сигнал SOS, там отзовутся и пришлют дронов.

Святогора подумал и его вдруг обдало холодом. Волосы на спине и руках встали дыбом, а в голове мелькнула картина.

- Погоди, - произнес Святогор задумчиво. – Ты… Уже… *Отправила* сигнал?! – странно произнес он выделяя слова.

- Ну да. Вошла в систему, перекодировала и настроила, пара команд и все. Гиперсвязь доставит короткий сигнал очень быстро, а там уже от них все зависит. Думаю за час там все сделают.

Повисла тягучая тишина. Святогор глядел на Полли и его глаза медленно округлялись как у человека, который что-то осознавал. Святогор судорожно шевелил глазами, словно бы разглядывал стремительно развивающуюся картину.

- ЧТО?! – вскрикнул Святогор так, что Полли встрепенулась от неожиданности и чуть было не упала с кресла.

- Что?! Что такое?! – непонимающе и с беспокойством воскликнула Полли со страхом глядя на реакцию Святогора.

Вновь повисла тишина.

- Я… - неуверенно произнес Святогор замолчав, впадая в ступор. – А… - просипел он вновь и замолчал. - Забудь… - уже спокойно отозвался Святогор, потирая висок. - Я просто вспомнил…

- Вспомнил? – произнесла Полли не понимая. – Что вспомнил? Все хорошо?

- Да-да… Просто ассоциация всплыла, о… О Себастьяне.

- Себастьяне?! – произнесла Полли и задумалась - Ааа… Я поняла, - ответила Полли задумчиво. – Себастьян Говард… Это произошло в один той с гибелью моей мамы. Себастьян Говард работал над проектом и произошел несчастный случай, в результате чего Себастьян погиб, а его смерть повлекла за собой создание первых полигонов.

- Да… - задумчиво произнес Святогор. – Не пойму, что именно, но, когда ты сказала, что отправила сигнал, у меня ассоциация сработала и перед глазами встала страшная картина про этого Себастьяна. У меня аж сердце чуть…

- Наверное это из-за его последнего сообщения, - произнесла Полли.

- Да. Наверное… - произнес Святогор цепенея от мысли.

Полли подозрительно поглядела на Святогора.

- Все хорошо?

- Да, не бери в голову, просто яркая картинка, как кошмарный сон, понимаешь? Эти твои мысли… Я вроде уже освоился, но все равно, что-то да всплывает такое… Ладно, еще раз – не бери в голову.

- Может полежишь? Там вроде есть где.

- Нет… Спасибо. Можно…

Святогор застыл, как-то странно задумываясь.

- Можно я лучше по расспрашиваю тебя о том, как мы покинем Планету. Я вроде как знаю уже, в твоих воспоминаниях видел, но так… Успокоиться чтобы, как ты любишь. Прокрутить все в голове. Ну, по полочкам разложить…

- Да ради Тейи, пожалуйста! - с готовностью отозвалась Полли.

- Мы ведь тут в безопасности? То есть сюда никто не войдет?

- Войдет? – Полли задумалась. - Ой! – воскликнула она. – Я забыла лифт заблокировать! – произнесла Полли подскакивая на месте.

Святогор остановил ее.

- Я схожу.

- Ты ведь не знаешь, как заблокировать, - произнесла Полли щурясь на Святогора.

- Да, мне в туалет надо, тут ведь есть туалет? – произнес Святогор оглядываясь.

- Да, рядом с кухней, дверь на право будет, - Полли жестом показала в нужную сторону.

- Отлично! – всплеснул руками Святогор улыбаясь. - Я заблокирую лифт, схожу в туалет и… На кухне ведь есть что поесть? – несколько задумчиво произнес Святогор.

- Ну, - задумалась Полли. - По идее должен был остаться небольшой запас, но скорее всего на складе.

- Супер! Заодно и принесу нормальной еды, идет?

- Ну… - Полли несколько подозрительно задумалась.

- Оставайся, - произнес Святогор, кладя руку Полли на плечо. - Я все сделаю. Тут рации есть? Чтобы быть на связи? Ну, чтобы по лифту и на складе с ориентировать.

Полли поискала и нашла пару радио гарнитур, вроде блютуз наушников.

- У них радиус тысяча метров, всю площадь укрытия и базы на поверхности покрывают без проблем.

- Хорошо.

Святогор принял от Полли наушник и направился к двери. Он подошел к ней надевая эту незамысловатую гарнитуру и взглянул на стену справа. Он обернулся и увидел Полли, которая что-то искала в ящиках. Святогор приблизился к панели двери, что была на стене и, после секундного колебания, извлек из панели небольшой круглый предмет.

- Я дверь закрою, чтобы мало ли что… Ну, безопасности ради.

- Х-хорошо, - как-то неуверенно произнесла Полли отвлекаясь от поисков второго наушника для себя. – Хоть и излишне.

Святогор закрыл дверь и заблокировал ее.

- Раз-раз. Прием, как слышно? – произнес Святогор, прилаживая радио гарнитуру поудобнее и проверяя связь.

- Слышу отлично, - отозвалась Полли.

Святогор направился к лифту.

- Слушай, к нам ведь прибудут дроны, то есть людей не будет вообще, так?

- Да. – ответила Полли. - Из-за того, что тут основное оборудование демонтировано, подать можно только сигнал SOS. Так как на Тейе не знают кто мог подать сигнал, из безопасности сюда пришлют дронов.

- Ясно, - произнес Святогор, идя через комнату отдыха к двери, что вела к соединительному узлу. -А они нас в карантин поместят ведь так?

- Да, нас разделят и поместят в отдельные капсулы. Потом перешлют на Тейю, где мы будем находится в изоляции на весь срок карантина.

- А не разделиться ведь не выйдет?

- Нет. Либо разделение, либо никакой эвакуации вообще.

- Карантин ведь сорок дней длиться?

- Да, если по Земным меркам считать.

- Ясно, - произнес Святогор, подходя к двери к соединительному узлу. - Кстати, ты, по поводу лекарства от недуга первого поколения и основателей, вроде говорила, что лекарства не нашла.

- Ну, - протянула Полли. - Я думала, что нашла, но я скорее нащупала путь к нему, нежели нашла, - удручено произнесла девушка. - Думаю, что если изучить мои наработки, то… То можно и к чему-нибудь прийти. Не знаю…

- Но сейчас ведь лекарства нет, так? – произнес Святогор, идя по узкому коридору.

- Нет конечно, - отозвалась Полли. – Все какие-то риторические вопросы задаешь, - удивленно произнесла она.

- Да, прописную истину так сказать или проще говоря прокручиваю в голове, просто чтобы успокоиться, я же говорил, - пояснил Святогор. - А во время карантина ведь у нас будут брать анализы?

- Да. Полный спектр, во избежание любой угрозы.

- А избежать… - протянул Святогор. - Сдачи анализов во время карантина ни как нельзя?

- Нет, в противном случае тебя усыпят и возьмут анализы в бессознательном состоянии.

- Вот как… А анализы ведь могут выявить мои способности касательно фантомов?

- Да… При том спектре, что будет проводиться при карантине, твои способности выявят в короткий срок.

- А почему вы других, вроде меня, не проверяли таким образом?

- Таких как ты? Из-за достаточно большого числа, прости за слово, особей. Плюс риск и трата ресурсов... Мы сперва проверяем, а уже потом делаем анализы, если в них есть нужда. Мы порой забираем на Тейю людей, но эта практика редкая, да и требуется решить множество нюансов, прежде чем кого-то забрать. Если идти в разрез инструкции, такое начнется…

- А если сказать, что результаты анализов опасны?

- Чем? – удивилась Полли.

- Ну, мало ли, - протянул Святогор. - Допустим я скажу и при этом буду убедителен, что мол мои анализы опасны и их брать не стоит. Ну это я так, интереса ради.

- Чепуха, - заявила Полли. – Чем твои анализы могут быть опасны? Даже если ты и будешь говорить так это сочтут за посттравматический синдром, а если они действительно опасны, то карантин для того и нужен.

- А если ты скажешь?

- Что? Что за масло масляное?.. Тоже самое. Из-за того, что я тут достаточно долго, плюс моя связь атрофировалась, то есть меня не смогут проверить вру я или нет, то мое состояние будут расценивать как синдром, а если со мной что-то произошло, от чего я буду представлять угрозу, то во время карантина все выясниться.

- Вот как… - протянул Святогор. - А может есть кто-то, кто все же поверит тебе? Чтобы не проверяли.

- Я тебя не понимаю…

- Ну допустим… Есть ли кто-то?

- Технически? – задумалась Полли. - Отец, но из-за моего состояния, я думаю он будет на стороне проверяющих. Плюс карантин – это строгое правило, которое любой здравомыслящий избегать не станет. Ты боишься уколов?

- Нет-нет… - усмехнулся Святогор. - То есть шансов нет вообще никаких?

- Что-то я тебя не пойму, к чему ты ведешь?

- Я? – удивленно произнес Святогор, попадая в соединительный узел. – Да я так, просто языком чешу, дабы отвлечься. Говорю, что первое в голову придет.

- Точно? – недоверчиво произнесла Полли.

- Да, - ухмыляясь произнес Святогор, заходя в коридор ведущий к первому складу, где был лифт.

- А что вообще из себя представляет связь, ну в самом широком смысле?

- Ну… - Полли задумалась. – Это вроде… Ты же знаешь, что такое интернет?

- Да, еще помню, - решительно ответил Святогор.

- Ну вот связь, в широком смысле, это как интернет, только биологический, где каждый человек - это сервер. Связь соединяет всех в единую сеть и обеспечивает эмпатический обмен. То есть все остаются индивидуальностями, но при этом каждый понимает друг друга и способен чувствовать окружающих.

- То есть, - Святогор задумался. - Если я буду веселым, то люди вокруг меня будут чувствовать это веселье и тоже будут веселыми?

- Да, это вроде ауры. Чем больше людей с одной эмоцией, тем больше аура и тем больше влияние.

- Кстати… - произнес Святогор, двигаясь вдоль склада. – А если эмоция будет негативной? Она тоже будет передаваться?

- Да, но она будет подавляться положительными и распространения не получит.

- А если людей будет много?

- Ну… Теоретически, если человек двести будет испытывать негативную эмоцию, то влияние может быть достаточно сильным, для того чтобы спровоцировать реакцию и распространить эту эмоцию.

- То есть она разойдется как болезнь?

- Ну… - задумчиво произнесла Полли. – Можно и так сказать. Только шансов у этого маловато. Эмпатической энергии не хватит.

- А если эмоция или даже чувство при этом будет очень сильной?

- Даже… - Полли задумалась. – И не знаю. Стой, - произнесла Полли в каком-то недоумении. - Что-то я тебя опять не пойму. Такое чувство, как будто ты хочешь что-то мне сказать, но что именно? - произнесла Полли недоверчиво.

Святогор стоял у лифта.

- Последний вопрос можно? – произнес Святогор иным голосом. – Ты, вернее вы – тейянцы, вы ведь искали на Земле людей, что способны видеть фантомов, а что будет дальше? Что будет, когда вы получите ответ на свои исследования?

- Мы… - с ноткой тревоги задумываясь произнесла Полли. – Найдем ответ на вопрос, что есть разум…

Святогор вошел в лифт и остановился.

- То есть, вроде ты мне уже это говорила… Дав ответ на вопрос о разуме, вы ответите и на вопрос касательно души, так?

- Т-так… - произнесла Полли, судорожно соображая, видя в своей голове, как все сказанное Святогором складывается в пугающую картину.

- Полли… - тихо и пугающе произнес Святогор. – В твоем сердце есть вера?

- Ш-што? – испуганно и неуверенно отозвалась Полли.

Повисла страшная тишина.

- Вы, тейянцы, вы гоняетесь за Просветителями, а кто они для вас? Гипотетические Боги? Сверх развитые пришельцы? Во что вы верите?

- Мы… Мы не верим в Богов… - неуверенно отозвалась Полли.

- Уверена? – пугающе тихим и спокойным голосом произнес Святогор. - Нет ли в глубине вашего сознания остатка старого человека которому присуще такая вещь как *религия*? Вы исследователи, а значит скептики и потому не верите, но старый человек в вас примитивен и все еще верит в Богов, - Святогор сделал паузу. - В глубине души вы жаждите поставить точку в вопросе Бога! Что для вас важнее – подтвердить существование Бога или его опровергнуть?

Полли промолчала. Все ее тело обдало холодом.

- Если вы докажите Бога или Богов, дадите ему или им научное обоснование, что дальше? Для нового человека, что порожден вашей связью, это не будет иметь значения… Но не для старого, - Святогор вновь сделал паузу. - Для старого человека – это сомнения и неуверенность. Вы начнете сомневаться в истинности самой реальности, будете ставить под сомнение очевидные вещи. Вы начнете новый круг рефлексии, запутаетесь, что породит за собой *безумие*. А если вы опровергните Бога или Богов? Опять же… Новому человеку это ничего не даст. А вот старому... Ваша внутренняя, сокрытая в недрах подсознания, скрываемая от самих себя, вера умрет, что так же породит *безумие*.

Святогор замолчал. Он слышал тяжелое и неровное дыхание Полли.

- Вера сама по себе не плоха, верить можно во что угодно и даже нужно, но… Если вера станет смыслом жизни – она становится ядом. Вера – это как сделка с дьяволом. Вера дает силу, но отнимает душу. Верить нужно в объективные вещи, но не в иллюзии. Вы можете все отрицать, но спроси себя сама, есть ли в тебе вера? Ядовитая вера! Вера в иллюзию? Та самая вера в некий высший смысл жизни? А? – Святогор сделал паузу, и не услышав ответа продолжил. - У жизни нет смысла. Я прошел долгий путь осознания. Я прошел путь от неверия к вере и ее разрушению. Я преодолел тяжелый путь, который чуть было не разрушил все и пришел к выводу. Я принимал многие озарения, но все они разрушались… Меня мучали сомнения. Я отвергал свои же истины, я принимал новые истины, но все! Все они терпели крах! Дорог много и все они ведут в тупик. Мы сами определяем цель и смысл жизни, желая обрести счастье, но счастье не в выборе или достижении поставленной цели, а в пути. Я пытался создать себе идола, но понял, что

единственный достойный идол – это сам путь, процесс достижения! Как в старом анекдоте про то, как человек по пути на работу думает о доме, а по пути домой о работе и лишь в пути он счастлив… Счастье в том, чтобы договориться с самой жизнью, согласовать то, что ты от нее хочешь и что хочет от тебя она. Увы… Но старый человек внутри вас этого не поймет и не примет… Пока в вас еще жив старый человек, такие как я опасны для вас. Ваша связь – это ваша сила, но получив ответ на главный вопрос, ваша связь, то, что делает вас сильными, обернется против вас страшнейшим оружием. Благодаря связи чума *безумия* захватит вас. Вы не успеете познать что-либо, ибо эта чума, усиленная связью, пожрет вас без остатка. - спокойно и меланхолично закончил Святогор.

Вновь повисла тишина и после нескольких секунд колебания и нерешительности Святогор нажал кнопку лифта.

Полли ощущала, как ее сердце бешено стучит. В гарнитуре раздался шум поднимающегося лифта. С чудовищным чувством осознания и видением страшной и грандиозной картины перед глазами, Полли бросилась к двери. Воздух вокруг стал словно каменный. Все окружение словно бы застыло и смазалось, подобно масляной картине, на которую пролили керосин. Полли попыталась открыть дверь, но та была заперта. В ужасе, она дернулась к панели и увидела, что ключа! Ключа – небольшого круглого предмета, нет на месте! Полли с ужасом осознала, что она заперта! Заперта!

- Нет! Леша нет! – закричала Полли, судорожно дергая ручку и колотя в дверь.

Полли лихорадочно соображала, как можно открыть дверь.

- Прости, - спокойно произнес Святогор, поднимаясь на лифте. - Я дурак…

- Нет! Умоляю тебя! – кричала Полли, пытаясь силой отворить дверь.

- Пойми, так надо, - спокойно произнес Святогор. – Меня мучали мысли, но я не знал, что все они означают. Я должен был тебе рассказать еще тогда, но… Вот я дурак… Решил, что сам решу эту задачу и тебя лучше пока не беспокоить. Когда ты сказала, что отправила сигнал SOS в моей голове встали все кусочки пазла. Меня словно молнией поразило и я увидел картину в действии. Я понял, что совершил ужасную ошибку…

- Нет! Прошу тебя! Не уходи! – судорожно повторяла Полли. – Я… Я найду выход! – она была на грани срыва.

- Прости, но я опасен и ты понимаешь это. Что для вас хуже? Подтвердить Бога или его опровергнуть? Не имеет значения... Я не просто так расспрашивал тебя, мне надо было, чтобы ты сама все поняла, увидела туже картину, что и я. Как тогда, помнишь? Когда ты пыталась оправдаться, поведать мне свою историю, чтобы я понял тебя. Помнишь?

- Да! Да! Я помню! Но прошу тебя!

- Ты сама дала ответы на все вопросы…Пока в вас живет старый человек, я и такие как я – это источник чумы, что поразит вас безумием и уничтожит ваш мир. Ваш прекрасный мир, ваш чудесный мир, ради которого было пожертвовано столько жизней. Через твои воспоминания я видел, как красив твой дом и я… Я не могу дать его уничтожить. Я не спаситель, я не избранный, не какой-то особенный человек, я не… Я просто – человек. Просто так получилось… Слепая случайность... Причина и следствие… Дабы создать что-то, нужно много сил, а вот разрушить - достаточно одного действия. Я не созидатель, я разрушитель… Но я вижу все это и понимаю, и понимаю то, что в моих силах не совершить одного, но самого страшного действия.

- Я найду лекарство! – срывая голос выкрикнула Полли. - Слышишь?! Я обязательно найду! Только не уходи! – кричала Полли, пытаясь открыть дверь через панель.

- Да, найдешь… - улыбаясь произнес Святогор. – Но когда?

- Я… - останавливаясь произнесла Полли. – Я… Я не знаю… - плача произнесла она, прекращая попытку открыть дверь.

- Знаешь, что я вижу в той картине? Я вижу, как вы сомневаетесь. Я вижу, как вы теряете смысл к познаниям. Я вижу, как вы теряете волю к жизни, к стремлениям. Как вас охватывает скука, депрессия и меланхолия. Как эти ужасные чувства вас пожирают. Как все это растет, словно раковая опухоль. Как все это перерастает в апатию и акедию. Вы теряете вкус жизни и наступает смерть души… И тогда начинаются массовые убийства и самоубийства. Старый человек внутри вас погубит все, беря силу в вашей связи…

Лифт доставил Святогора на верх. Он не ощущал угрызений совести, боли или тревоги. Он направился прочь от базы и понимал, что так надо.

- Я вижу, как вы лишаете себя и других жизни, и лишь второе поколение, лишенное старого человека, имеющее невосприимчивость к безумию, наблюдают за крахом вашего мира. Будучи в меньшинстве, каковы у них шансы пережить этот ужас? Сохранят ли они ваше наследие?

- Пожалуйста! Я… Не уходи! Я оставлю тут что-нибудь, записку какую… Чтобы нас ждали! Уйдем вместе, я найду лекарство и мы вернемся сюда!

- Ты помнишь, что с тобой было в Волочаевке? Тебе надо обратно на Тейю, пока у тебя есть время. Тебе надо обратно в вашу связь. А я… - Святогор глубоко вздохнул, шагая к переправе. – Как-то у нас с тобой все быстро получилось, не находишь?

- Я не боюсь… - произнесла Полли плача. – Я спасу тебя! Я сделаю тебя снова человеком! Человеком! Потому, что я… Я! Я люблю тебя! Люблю!

- Чщщщ… - произнес Святогор. – Я тоже люблю тебя. Но ты понимаешь, что я должен так поступить. Если ты уйдешь со мной, то твой старый человек поглотит тебя и о лекарстве можно забыть. Я стану зверем, я чувствую это… И что будет тогда с нами обоими? Тогда какой смысл лишать твой мир важного лекарства? Это не разумная жертва. Если я полечу с тобой, то безумие, что будет порождено ответами на вопросы, уничтожит ваш мир. Все потому, что знания – это очень страшная сила! Знания, полученные не в то время и не в том месте – несут лишь смерть и разрушения… Я и такие как я – это как… Тьфу ты… - Святогор горько сплюнул. - Как райское яблоко знаний. Помнишь, что было с Адамом и Евой?

- Пожалуйста… Пожалуйста! Не уходи! – плача произнесла Полли, в бессилии стуча кулаками в дверь. – Я не хочу жизни без тебя…

- Знаешь… - слабо ухмыляясь произнес Святогор. - Я в молодости тоже влюбился в одну девушку и жить без нее не мог. Мы оба говорили друг другу, что жить без друг друга не можем… Правда мы расстались и как видно все же смогли. Я понял, что отдавать всего себя и говорить, что без кого-то не могу – это глупо. Спасибо, что не отвернулась от меня и попыталась спасти, что не дала моей человечности умереть. Благодаря тебе я осознал… - Святогор затих и после паузы продолжил. - Сейчас я не просто понимаю, я именно осознаю! Я принимаю свою жертву, ибо осознаю, что иначе нельзя. Ты сама сказала – мы либо лишаем себя, либо других выбора. Сейчас я веду себя как самый последний эгоист. Сейчас я лишаю выбора нас обоих, ибо так надо. Я не знаю точно, верно ли я поступаю, но из-за сигнала… У нас просто нет времени и потому я поступаю именно так. Этот дурацкий сигнал… Если бы я все понял раньше… Если бы я не был дураком,

послушал тебя и все рассказал... Я принимаю свою жертву, ибо без нее ни как. У всего есть причина и следствие и я срываю яблоко с древа, не задумываясь зачем. Просто так надо…

Святогор, извлекая из рюкзака навигатор, направился в обратный путь, параллельно размышляя куда направиться.

- Я найду лекарство, слышишь?! – сипя и всхлипывая произнесла Полли.

- Да, я верю, что найдешь. Я в тебя верю, Полли… - ласково произнес Святогор.

Полли плакала, а Святогор уходил все дальше и дальше, оставляя ее позади.

- Когда за тобой прибудут, дверь дроны открыть сумеют. Не пытайся меня найти, пока не отыщешь лекарство. Я верю, что ты его найдешь, но до тех пор я прошу тебя об одолжении. Так как твоя связь атрофирована, даже если ты солжешь, никто не узнает об этом. Скажи, что ваши поиски были напрасны, что ваша миссия окончена. Пока нет лекарства, такие как я не должны попасть на Тейю. Скажи это, дабы Землю закрыли. Превратив в заповедник... Земля – это наш заповедник, заповедник чудовищ! Заповедник человечества… Мы – это пережиток, который должен кануть в небытие и наш палач – это сама Земля, природа. А что касается ответов? Думаю, другие найдут их иными путями, тогда, когда им будет самое время.

- Я… - всхлипывая произнесла Полли. – Я скажу…

- Спасибо. Хочешь я расскажу тебе один стих? – улыбаясь произнес Святогор, шагая прочь и глядя в небо. - После Сертолово он вертится в моей голове, а в Волочаевке он мне даже помог.

- Х-хачу… - выдавила сквозь слезы Полли.

И Святогор принялся рассказывать стих:

Море! Чайки, ветер и песок.

Я утопил в тебе свой левый носок.

Море! Словно небо голубое.

Словно лес, шум твоего прибоя.

Море! Я стою в тебе по пояс голый

и медуз твоих я не боюсь!

Море! Я торжественно клянусь,

что однажды я к тебе вернусь!

Святогор замолчал, шагая в сторону железной дороги. Полли тоже молчала, лишь спокойно сидела, прислонившись к двери спиной и тихо плача.

- Я найду… Я обязательно найду… Я найду и вернусь за тобой! Я горы сверну, но заберу тебя от сюда! – выкрикнула Полли. - Даже если ты опасен, я найду выход! НАЙДУ! НАЙДУ! НАЙДУ! – кричала Полли.

- Я посвятил этот стих морю, но теперь он посвящен тебе, моя милая Полли… - с тоской в сердце, произнес Святогор в немую радио гарнитуру.

Святогор уже был вне зоны действия гарнитуры, а потому последние слова Полли и Святогора так и не достигли друг друга. Полли сидела и рыдала, а Святогор смиренно уходил все

дальше и дальше, глядя в экран навигатора и размышляя о предстоящем пути. Проклятье человечества – это его невежество. Невежество – это самое страшное оружие человека…

Эпилог

Темное подвальное помещение. В помещении были переплетения корней, а в центре располагался Горец. Горец пил свою обычную бурду, как вдруг, в дверь постучали. На лице горца обозначилось легкое удивление, но это удивление не было незнакомым, а скорее ожидаемым. Горец допил содержимое стакана и произнес:

- Входите, - сухим голосом произнес Горец.

Дверь отворилась и в помещение вошел человек. Высокий, худощавый, одетый в длинное черное пальто полушинель, из-за чего человек чем-то напоминал морского офицера.

- Ну здравствуйте, еще раз, - спокойно произнес Горец.

- И вам того же, - улыбаясь, произнес человек приятным баритоном.

У человека были острые черты лица, острый нос и черные глаза. Только вот волосы были рыжие, не короткие и не длинные – средние и чуть кудрявые. На щеках виднелись редкие веснушки. Человек приятно улыбался.

- Я знаю зачем Вы тут, а потому перейду сразу к делу, - заявил Горец. – Вы тут по двум причинам и главное то, что причина, которая для Вас на втором месте, для меня на первом. Пока я не услышу то, что заслужил, по первой причине можете и не заикаться.

- Вот как… - спокойно произнес человек. – Вы ведь знаете кто я?

- Знаю, а еще я знаю, что вы умудрились совершить ошибку, при всем вашем то могуществе…

- Ну… Все мы совершаем ошибки, особенно если учесть специфику нашей работы.

- С вашими возможностями, даже такая ошибка – это уже халтура, - перебил Горец.

Повисла некоторая тишина.

- Знаете, - произнес человек. - Я родом из мира, где гравитация – это свойство пространства, а у вас это физическая величина. В обоих мирах время разное, но проявляет себя схожим образом. Тот мир имел схожую историю, но главное в этой истории то, что независимо от мира, от истории и того, сколько ты живешь и по каким законам, все равно все, из-за нехватки знаний, ошибаются и совершают ошибки. Мы не Боги. Мы не всемогуще. Мы знаем много и на многое способны. Но… Мы тоже совершаем ошибки, - равнодушно улыбаясь произнес человек.

- Только вот ваши ошибки дорого стоят для нас, - недовольно произнес Горец.

- Когда человек ступает по земле, сколько жизней в микромире вы отнимаете столь простым действием? Вот и ваши жизни, для нас…

- Мы отошли от темы, - произнес Горец равнодушно.

Человек заколебался. Повисла тишина.

- За чем вам это? Что это вам даст? Хотите потешить свое эго?

- Заставить кого-то вроде вас принести свои извинения за содеянное – это как заставить Бога извиниться. Это не просто желание потешить эго.

- Вы ведь знаете, зачем я тогда так себя повел?

- Сейчас да… Но тогда, когда я еще был человеком, я еще не знал! Учитывая то, что тогда вы могли вести себя более разумно, а не опуститься до угроз и оскорблений, и объяснить…

- А вы могли сообщить о нашей промашке... – перебил человек Горца.

- Ничья, - перебил в ответ Горец.

Повисла тишина.

- Забавно видеть, как вы – властители времени, вынуждены в силу вашей миссии касательно *Великого О* подчиняться законам времени, - улыбаясь произнес Горец.

После упоминания *Великого О* повисла тишина, а на лице человека застыло странное выражение.

- Откуда вам известна наша миссия? – сухо произнес человек.

- Одна сорока нашептала, недавно… И она в отличии от вас была более конструктивной и менее высокомерной. Учитывая ситуацию и вашу миссию, все это делает меня, в силу моих способностей, для вас уникальным и это вторая причина, по которой вы здесь. Но как я уже сказал – пока первая не будет озвучена, о второй я и слышать не желаю.

Вновь повисла тишина.

- Хорошо… - равнодушно произнес человек. – Я искренне прошу у Вас прощения за то, что был тогда с Вами столь груб. Прошу прощения за то, что поступил по отношению к Вам опрометчиво. Вы примите мои извинения?

- Да, - произнес Горец после некоторого молчания.

- Интересно, для чего и кто Вас просветил в наши секреты?

- Кто не имеет значения. Как и для чего… Могу лишь сказать, вернее я должен это сказать, что это важно одному из Вас и для сокрытых наблюдателей. А еще меня попросили передать – не вмешивайтесь, ибо Вы лишь пешка в этой игре и это за пределами Вашей должности и нынешней миссии.

Человек изумленно поглядел на Горца сдвинув бровь.

- Сокрытые наблюдатели? Это еще кто?

- Тоже не важно. Это важно для того, кто над вами.

- Ну… Ладно. Тогда…

- Пока нет, - перебил Горец. – У меня есть еще одно незаконченное дело. Когда я все сделаю, я дам знать, что готов присоединиться к вам. Когда именно - вы поймете.

- Наша помощь требуется?

- Нет, я один справлюсь.

- Приблизительно, сколько по времени это займет?

- Не переживайте, что-то около года и все.

- Хорошо. В таком случае до встречи?

- Да. Да прибудет с вами…

Конец этой гребанной книги…

Послесловие

Доброго времени суток дорогой читатель! Надолго я тебя не задержу. Пишу я по четырем причинам: вопросы, критика, благодарность и пожелания.

Во-первых – *вопросы.* После прочтения, я более чем уверен, что у тебя возникли вопросы касательно сюжета. Как это понятно из названия, будет продолжение и не одно. Не все продолжения будут связаны конкретно с первой книгой, но будут развиваться в одной вселенной. А потому, в силу глобальности сюжета, всех тайн в первой же книге я раскрыть не могу. Могу лишь сказать – ждите продолжение.

Во-вторых – *критика.* В современном нашем обществе появилось одно неприятное выражение «личное мнение». Неприятное оно из-за того, что сейчас крайне популярно хайпить, от чего выплеск гнева и недовольства, прикрываемое словами: «Это мое личное мнение и не более того, имею право! А на ваше мнение мне плевать!» сильно угнетает творца… Такое вот мнение не способствует развитию, а лишь усугубляет… Да, порой творения бывают действительно ужасные и такое мнение уместно, но порой люди увлекаются и губят потенциал в зародыше. Лично мне нужна грамотно поставленная и взвешенная критика! С указанием плюсов и минусов моего творения, что бы я мог прочесть и извлечь урок, а не неприятные эмоции. Мне очень приятно будет прочесть вашу критику, если таковая дойдет до меня. Не гневное письмо, а именно критика!

В-третьих – *благодарность.* Я пишу не от собственного имени. Псевдоним тут скорее необходимость. Посему имен тут не будет, но те люди, что помогли мне в написании книги, прочитав эти строки поймут, что я обращаюсь именно к ним. Я благодарю вас за проявленную помощь и поддержку и для меня, как для любителя, эта помощь была бесценна!

В-четвертых – *пожелания.* Это обращение уже ко всем читателям! Как я уже писал – я не писатель, книга – это хобби. Я любитель, который решил таким образом бороться со своими психологическими проблемами и в первую очередь - ленью. Мои вам пожелания – это силы, чтобы бороться с тем, что сейчас все больше и больше овладевает людьми – лень. Все наши проблемы в плане уныния, депрессии и тоски вызваны ленью. Нам лень взять себя в руки и сделать хоть что-то! Всегда нужно находить силы и не сдаваться!

Напоследок, я оставлю здесь перифраз одной цитаты из одного моего любимого советского фильма:

«Счастье – это согласованность между тем, что требует от вас жизнь и тем, чего хотите от нее вы. Будьте счастливы!»

Бидхан Бондепадхай.

«В оформлении обложки использованы иллюстрации автора».